Миграция и эмиграция

в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.

Сохранение национальной идентичности
и историко-культурного наследия России

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

ПРЕЗИДИУМ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
И
ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ
РОССИИ
ПРОГРАММА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Миграция и эмиграция

в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.

Сохранение национальной идентичности
и историко-культурного наследия России

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 325(4)
ББК 63.3(4)
М57

Исследование выполнено в рамках проектов
«Программа фундаментальных исследований Президиума РАН» на 2009–2011 гг.,
«Российская эмиграция в странах
Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке.
Сохранение историко-культурного и духовного наследия:
традиции и новации».

М57 Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия / Институт славяноведения РАН. — СПб.: Алетейя, 2011. — 488 с.

ISBN 978-5-91419-473-1

Книга посвящена исследованию процессов миграции и эмиграции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв., особенностям адаптации и сохранения национальной идентичности эмигрантов и беженцев. Проанализированы как глобальные (войны, политические кризисы и др.), так и локальные причины миграций в период глубоких социальных и политических трансформаций.

Особое внимание уделено перемещению российских граждан в соседние страны восточноевропейского региона после Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны в России, в результате чего большие группы как военного, так и гражданского населения, в том числе и представителей русской интеллектуальной элиты, оказались за пределами своей родины.

На солидной документальной базе в книге представлено обширное полотно жизни и деятельности российского зарубежья в странах региона, прежде всего по сохранению историко-культурного и духовного наследия России.

УДК 325(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-91419-473-1

Нас научили в нашей горькой доле
Россию ждать и верить до конца,

Что все пройдет, что мощь России вечна,
Что в мире нет прекраснее страны,
Что русский дух нам дорог бесконечно,
Что мы для Родины растем и рождены...

Марина Франк
1934 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй половине XIX – первой половине XX вв. на территории стран Центральной и Юго-Восточной Европы шли процессы массовой миграции и эмиграции как целых групп населения, так и отдельных граждан, связанные с глубокими социально-политическими трансформациями как в России, так и в соседних с ней странах: последствиями войн, территориальными переделами, изменениями границ между государствами.

Следствием массовых миграций являлось появление инонациональных сообществ на территории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, имевших ранее моноэтническую структуру, и формирование здесь национальных меньшинств и этнических диаспор. В результате, наряду с позитивными явлениями, обусловленными миграцией (притоком новой рабочей силы, расширением экономических сфер деятельности, развитием образования, культуры) возникает множество проблем как для самих мигрантов, так и для стран-реципиентов.

Крупнейший этап миграционных процессов напрямую был связан с развалом российской империи. Только за период 1917–1923 гг. за пределами России оказались более двух миллионов россиян. На первых порах эмигранты и беженцы из России оседали в пограничных с Россией государствах. Впоследствии многие из российских эмигрантов мигрировали в страны Западной Европы.

Представляется вполне логичным выделить в предлагаемой читателю книге два раздела, первый из которых посвящен особенностям миграционных процессов на территории восточноевропей-

ского региона, а второй — российской эмиграции послереволюционного периода.

В связи с процессами массовой эмиграции российских граждан в 20-е гг. XX века в центре внимания российских участников труда находилось изучение особенностей адаптации российских граждан к конкретно-историческим условиям развития различных стран региона, анализ далеко не простых проблем «вживания» в новые социально-экономические и политические условия их существования, различных сторон их жизнедеятельности и личного выбора (образование, культура, церковь, сфера деятельности, положение в обществе, отношения с властями и местным населением). Во взаимосвязи с этими процессами изучались проблемы сохранения национальной идентичности, историко-культурного и духовного наследия своей Родины.

Оказавшись на чужбине, разнородная по своему социальному, профессиональному уровню российская эмиграция пыталась сохранить свою национальную культуру, язык, православную веру, образование на родном языке, национальные и духовные ценности. Десятки, сотни, тысячи представителей русской культуры, искусства, науки, инженерно-технических профессий, православной церкви составили значительный интеллектуальный потенциал в странах их расселения и внесли неоценимый вклад в сохранение национального достояния России за рубежом.

До настоящего времени отдельные сюжеты рассматриваемой темы не раз становились предметом исследований отечественных и зарубежных историков. Однако комплексное исследование в рамках восточноевропейского региона отсутствовали. Наблюдалась явная неравномерность изучения проблемы по отдельным странам Центральной и Юго-Восточной Европы.

Первой попыткой нового комплексного подхода к изучению проблемы явилась публикация сборника статей «В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX века)». М.: Изд-во «Индрик», 2009. Предлагаемая читателю настоящая работа продолжает развивать проблемы, поднятые в предыдущем труде.

При подготовке коллективной работы авторами данного труда использовался широкий круг источников: ранее опубликованные новые архивные материалы, мемуары, корреспонденция, русско-

язычная и национальная пресса, издаваемая в рассматриваемый период в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Основное внимание было сосредоточено на работе по выявлению документов из фондов по эмиграции Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ), работе с материалами коллекции трофейных документов, находящейся в настоящее время в Российском Государственном Военном Архиве (РГВА), а также с документами из фондов Российского Государственного Архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Кроме того, участники проекта продолжали работу в зарубежных архивах, в частности, Центральных государственных архивах Румынии, Венгрии, Словении, Франции, а также вели обработку полученного ранее материала из архивов Сербии и Болгарии.

Анализ документов позволил выделить основные направления и сферы деятельности эмигрантов, в которых особенно проявилось русское влияние, сохранились отечественные традиции и наибольший творческий потенциал, рассмотреть проблемы, связанные с ключевой ролью православной церкви, показать вклад российских ученых в развитие науки и образования, раскрыть значительное влияние на динамику изменений в общественной, этноконфессиональной, социокультурной жизни общества большинства стран их пребывания.

Совместная работа авторского коллектива, сформированного из специалистов стран восточноевропейского региона (Албания, Югославия, Болгария, Румыния, Венгрия, Чехословакия, Польша), позволила создать комплексный труд, который может стать основой для дальнейшего изучения Русского Зарубежья и проблем миграции и эмиграции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

В современных геополитических условиях изучение проблем, связанных с миграцией населения, особенностями формирования и положения различных диаспор, адаптации мигрантов к конкретно-историческим условиям развития стран и регионов, вопросы их интегрирования и вживания в новую среду, сохранения национальной идентичности и наследия родины остается весьма актуальным.

ЧАСТЬ I

МИГРАЦИЯ И ЭМИГРАЦИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

Адаптация и сохранение национальной идентичности

Б. Й. Желицки

Центральная Европа: проблема общности исторических судеб и региональной идентичности её народов (*в свете исторического опыта венгров и других народов восточноевропейского региона*)

В понятие «Центральная Европа», — под которым подразумевается один из географических или исторических регионов Европы, — вкладывается различный смысл. С середины 40-х годов прошлого века этот термир вообще встречался разве что в трудах историкой-исследователей, занимавшихся изучением Центральной (Серединной) Европы. Сложившаяся ситуация обясняется, прежде всего, наступившими в Европе после войны геополитическими переменами, а также тем обстоятельством, что понятие «Центральная Европа», если и не отождестлялось, то во всяком случае ассоциировалось с небезызвестной германской концепцией «Mitteleurora» («Миттель-Европа») и гитлеровской попыткой расширения имперского жизненного пространства (Lebensraum) для Германии. На самом деле такие понятия, как «Центральная Европа», «центральеноевропейский регион», «центральноевропейская идея», «центральноевропейская идентичность» имеют более обёмное и богатое содержание.

В геополитическом смысле Центральная Европа в условиях существования Потсдамской системы будучи разделенной на две части, практически войдя в состав соответственно Западной и Восточной Европы, на время утратила свое былое значение самостоятельнеого региона Европы, а термин оказался вытесненным из обихода, из и политической литературы.

Процесс размывания границы между двумя политическими системами, — которая десятилетиями именовалась «железным занавесом» и находила символическе выражение в возведении берлинской стены, — начался, как известно, еще в конце 1970-х годов, а в условиях второй половины 1980-х по мере смягчения международной напряженности он усиливался, завершившись в 1989 г. уничтожением берлинского символа разделенности Европы. Процесс преодоления противостояния и сближения стран с различными

общественными системами призвал к жизни и тлеющую центральноевропейскую идею. Именно в те годы и заговорили тогда в постсоциалистических странах Центральной Европы о региональном союзе государств, а затем о «возвращении» в Европу, об «общеевропейском доме» и т. д.

Таким образом, в отличие от геополитического, более стабильным и постоянным, но в то же время специфическим можно считать фактор региональной принадлежности, идентичности проживающего в регионе Центральной Европы населения. Следут отметить также, что в общей системе идентификационных ценностей, как на то справедливо указал известный российский специалист М. Н. Губолго, важнейшая роль принадлежит трем идентичностям — национальной, региональной и конфессиональной. Региональная идентичность, по его определению, означает «привязанность населения к месту (региону, стране) проживания и лояльность к установившемуся на этой территории (в этом регионе) государственному устройству и к национальному составу его территории»[1]. Данное определение региональной идентичности вполне приемлемо и в отношении Центральной Европы, с тем уточнением, что в национальном и конфессиональном плане этот регион остается стабильным, независимо от изменений государственно-политического устройства на протяжении столетий.

Определенный ренессанс центральноевропейской идеи на рубеже в 80–90-х годов XX века явился новым выражением региональной самоидентификации ряда народов, населяющих страны географической Центральной Европы. Конечно, самоидентификация народов — понятие многоплановое, имеющее различные уровни, однако, оно так или иначе выражает, прежде всего, принадлежность людей к определенной исторической общности, которая складывалась веками и возрождается в изменившихся исторических условиях. Для того, чтобы понять исторические корни центральноевропейской идеи, осознать, почему в европейских странах «реального социализма» на новом историческом витке вновь вернулись к понятию Центральная Европа, к центральноевропейской идее, целесообразно обратиться к конкретному историческому опыту, хотя бы на примере одной из стран этого региона, Венгрии. Ведь ренессанс центральноевропейской идеи, её возрождение,

[1] *Губолго М. Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., Наука, 2003. С. 410

безусловно, связаны с общностью исторических судеб живущих в этом регионе народов.

Проблемы определения центральноевропейской региональной принадлежности

Прежде чем подойти к конкретному анализу поставленной проблемы необходимо подчеркнуть, что в географическом смысле издавна существовало *традиционное* региональное деление Европы на Западную, Центральную и Восточную. Однако, определение *чётких границ* региона Центральной Европы, как и составление исчерпывающего перечня этносов, населяющих это пространство (ввиду его узкого или расширительного толкования), в равной мере остается затруднительным, проблематичным, ибо существуют различного рода подходы к регионализации европейской части континента.

Определение границ Центральная Европа не имеет чётких природных рубежей, а имеющиеся редко совпадали с политическими границами даже в прошлом. В историческом развитии были периоды, когда Центральная Европа в условиях столкновения интересов великих держав играла роль буфера между ними либо становилась ареной их соперничества, но случалось, что, как уже отмечалось, часть её территории была интегрирована в более крупные государственно-политические образования.

Для региональной идентификации особую сложность представляют, естественно, периферийные районы Центральной Европы, т. е. образующие своеобразную пограничную полосу, примыкающую к Западной и Восточной Европе. Они временами не просто оказывались в буферном состоянии, но и вынуждены были адаптироваться к существованию с титульными народами, что вызывало у населения таких районов Центральной Европы чувство незащищённости, нестабильности, придавало их жизненным условиям черты переходного периода и вызывало соответствующие идентификационные проблемы как национально-государственного, так регионального характера.

Более четкими для опредения границ Центральной Европы могут показаться религиозно-культурные, языковые, исторические признаки. Но они достаточно условны, о чем писал венгерский литературовед Чаба Д. Кишш в одном из аналитических работ, посвященных Центральной Европе 80-х годов XX века: «Одной из харак-

терных черт Центральной Европы является то обстоятельство, что нельзя точно знать, где находятся её границы. С языково-культурной, следовательно литературной точки зрения точно известно лишь то, что она имеет одну немецкую половину, а её вторая часть связана с судьбой средних и малых народов, начиная от поляков, чехов, словаков, венгров до словенцев, примыкающих к хорватам, сербам, румынам и болгарам, а на серере, востоке и юге и к другим переходным зонам, начиная от финнов и прибалтийских народов, продолжая белоруссами и украинцами, заканчивая греками»[2]. Анализируя высказывания писателей Центральной Европы о своем регионе, он обратил внимание, как на трудности определения границ этой серединной части Европы, так и на многоязычие центральноевропейской культуры, одним из духовных центров которой в прошлом обоснованно называет Вену, дополняя список также Прагой, Будапештом, Краковом и Триестом.

Другой венгерский исследователь, историк Петер Милетич, касаясь политической географии Центральной Европы и отмечая сложность проведения её чётких границ, также обратил внимание на этническое и языковое многообразие региона. Он с «географической и политической точки зрения» к Центральной Европе причисляет Австрию, Венгрию, Германию, Чехию, Польшу, Словакию, Словению, Швейцарию и Хорватию, исключая из этого списка Румынию[3]. Свою позицию этот ученый, занимающийся исторической географией, мотивирует тем, что нынешняя Румыния разделена Карпатским хребтом на две части, а по своим историческим традициям тесно связана с Балканами, тяготея к ним цивилизационно. Вместе с тем он считает, что с учетом отсутствия чётких естественных географических границ существуют также примыкающие пограничные зоны, которые позволяют расширительно толковать границы центральноевропейского региона. Такими переходными территориями на юго-востоке могут считаться Румыния и Сербия. В отношении постсоветских прибалтийских государств, которые сегодня многие также причисляют к Центральной Европе, автор отмечает, что они в прошлом функционировали как буферная полоса и представляли собой специфическую периферию между северным, восточным и центральноевропейским регионами Европы. Он, хотя

[2] *Kiss Gy*. Csaba. Középeurópai irók — Közép-Európáról // Valóság, 1987, 5.sz., 58. old.
[3] *Miletics Péter*. Közép-Európa politikai földrajza // Pont, 2004., 1.sz., 119–122. old.

не оспаривает традиционные связи этих государств с центральноевропейским пространством, не считает их принадлежащими «к континентиального характера Центральной Европе». несмотря на их приобщение к Евросоюзу. Согласно проведенным им подсчётам из 169 млн. 197 тыс. 508 жителей Центральной Европы 52,92% составляют немцы, 34,96% славянские народы, 5,75% венгры, 6,37% представители прочих народов[4], которые с полным правом могут претендовать на центральноевропейскую региональную идентичность. Очевидно, что наряду с территориальными, экономическими и геополитиическим факторами в определении центральноевропейской принадлежности в данном случае не последнее место принадлежит историко-культурному и религиозному критерию, так каа все перечисленные П. Милетичем группы населения региона относятся к христианской ветви европейской цивилизации.

Если попытаться определить какие основные центральноевропейские модели или проекты существовали в прошлом, то, следует обратить внимание на германскую и австрийскую школы, а также на венгерские и польские подходы к изучению проблемы, не забывая при этом об американском толковании еврорегионов.

Германская политико-географическая школа с 40-х годов XIX века, пытаясь легитимировать растущие великодержавные устремления Германии, определяла как ведущую роль германских народов, немецкого языка и культуры в центральноевропейском пространстве, подразумывая под этим в узком толковании Германию и территорию Австро-Венгрии. Несомненный приоритет и организующую роль немецкой культуры в этом пространстве обосновал ещё в 1841 г. Ф. Лист. Вслед за ним появился план Ф. Неуманна («Миттель-Европа», 1915 г.), основой которого оставалось то же самое пространство, однако в расширенном варианте: границы региона предусматривались, исходя из экономико-политических и властных интересов Германии[5].

Впрочем, родоначальником плана «Миттель-Европа» считается всё же генерал К. Ф. фон Кнесебек (1768–1848), который ещё в 1814 г., после победы над Наполеоном пришел к выводу, что для установления баланса сил в Европе необходимо создать Центральноевропейский союз из немецких государств, а также Австрии и

[4] Ibidem, 121. old.

[5] *Neumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1915. S. 33–164.

Италии, при поддержке Великобритании. Реализация этого замысла, с учетом существования Оттоманской империи, по мнению генерала, позволила бы помешать сближению России и Франции и изолировать Россию, на которую смотрели как на великую державу, стремящуюся к мировому господству. То есть, создание такого союза предполагало «защиту Европы от Востока»[6]. План фон Кнесебека не учитывал интересы народов Центральной Европы, а следовательно, не мог стать объединяющей идеей для стран и народов региона несмотря на то, что мысль об общности судеб и культур, о необходимости сплочения сил была и оставалась им близкой.

Несостоятельность вышеназванного плана выявилась сразу же после Венского конгресса 1815 г., когда попытка известного австрийского политика К. Л. Меттерниха создать новую систему безопасности в Европе путем объединения германских государствах под эгидой Вены встретила сопротивление со стороны великих европейских держав. После революции 1848 г. Австрия (заметно ослабевшая, потерявшая итальянские земли) уступила Пруссии в споре за право выступить в качестве собирателя немецких земель. Они были, как известно, объединены в 1871 г. О. Бисмарком, так что в итоге именно имперская Германия стала носительницей идеи по реализации плана «Миттель-Европы». В окружении канцлера большое внимание уделялось созданию единой таможенной политики Германии, Австро-Венгрии, Италии и Франции. Эта политика преследовала цель переориентации торгово-экономических отношений четырех стран на взаимное сотрудничество.

Если поначалу интересы великих держав в Центральной Европе регулировались международными договорами, гарантировавшими стабильность и равновесие в регионе, то позже такая функция перешла к Австро-Венгрии, а затем все больше — к окрепшей Германии. Немецкие экономисты с конца 70-х годов XIX в. от идеи протекционистской таможенной политики эволюционизировали к глобальной геополитической концепции «Миттель-Европы», в основу которой легла идея тесного экономического сотрудничества всех государств региона. Они считали, что если Германии не удастся объединить центральноевропейское пространство под своей эгидой, то в мире со временем утвердится господство трех империй —

[6] *Németh I., Kocsis T.* Fejezetek az Európa-gondolat történetéből. Német és osztrák Mitteleurópa-tervek (1900–1914) // Társadalmi Szemle. 1998. 5. sz. 78. old.

Великобритании, США и России. Австро-Венгрия, которой эта идея в случае реализации обещала прекращение конкурентной борьбы с Германией и определенную изоляцию России на Балканах в политической и экономической сферах, сочла возможным пойти на такую интеграцию с немцами.

Мирные условия, экономический и культурный подъем 70–90-х годов XIX в. способствовали укреплению регионального сознания центральноевропейцев, однако последующее ослабление Австро-Венгрии, раздираемой межнациональными противоречиями, вскоре привело к усилению германского влияния во всем регионе. Начались известные потрясения, в итоге вылившиеся в две мировые войны. Уже с началом Первой мировой войны в планах Германии произошли качественные сдвиги от чисто экономических устремлений к великогерманским идеям создания «Великой Центральной Европы»[7]. Впрочем, их реализация также имела экономический аспект, предполагая образование единого экономического пространства, к ядру которого предполагалось постепенно привлечь (наряду с Австро-Венгрией) также Голландию и Швейцарию, четыре скандинавских государства (в том числе Финляндию), а также Италию, Румынию и Болгарию.

Логическим дополнением, а точнее своеобразной альтернативой «миттель-европейскому» плану, в конце 1920-х годов стала идея «пан-Европы»[8]. Она предполагала не немецкую, а французскую гегемонию на континенте. Однако Германия снова включилась в борьбу за регион, обновив центральноевропейскую идею, что по сути означало установление экономического господства над должниками — малыми государствами региона, оказавшимися без должных рынков сбыта аграрной продукции. Это и дало Германии возможность вовлечь их в свою сферу.

На рубеже 1920–1930-х годов появилось немало других, созданных французской и английской дипломатией планов, нацеленных на установление экономического сотрудничества отдельных стран в Дунайском бассейне (план чехословацкого политика Э. Бенеша относительно чехословацко-венгерско-австрийского сотрудничества; французский план, предполагавший последующее присоединение к трем вышеназванным государствам Румынии и Югославии). Все

[7] Ibid. 84. old.

[8] *Frommelt R.* Paneurope oder Mitteleuropa. Einigungsbesterbungen in Köhlul deutsche Wirtschaft und Politik. 1925–1933. Stuttgart, 1977; *Neumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1915.

эти планы так или иначе преследовали цель отстранить Германию от вмешательства в дела региона и помешать ей использовать центральноевропейские страны в собственных интересах[9].

В 1933 г. открылись возможности для реализации плана «Миттель-Европа», несмотря на то, что вариант, предложенный Ф. Науманном, казался Гитлеру слишком «демократичным» и ограниченным. Устремления фюрера были направлены на создание «великого экономического пространства», что, естественно, предполагало полное установление германской гегемонии над странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Но даже самый умеренный «миттель-европейский» вариант германской гегемонии, по определению венгерского историка-экономиста Д. Ранки, создавал для малых народов, живущих между русским и германским колоссами двойственную ситуацию: Германия была как стимулятором, подталкивающим к экономическому развитию, так и силой, экономически эксплуатирующей и политически подавляющей этот регион[10]. Не только прогабсбургский (связанный с господством Австрии, а потом Австро-Венгрии), но прогерманский («миттель-европейский») вариант центральноевропейской идеи оказались чуждыми для большинства народов региона. Реализация последнего варианта предполагала экономические выгоды и процветание, но в итоге он превратился в корыстное использование германскими имперскими кругами природных и экономических ресурсов региона, что влекло за собой немало отрицательных последствий.

В 1930-е годы традиционная политичкская карта «Миттель-Европы» была, как известно, официально расширена за счёт т. н. «Междуевропы» («Zwischrneuropa») — малых государств, расположенных между Германией и Восточной Европой: Центральная Европа граничила с СССР, примыкая к Балканскому полуострову, который в германском толковании именовался подрегионом «Südostraum» («Юго-Восточное пространство»). План Неуманна в дальнейшем послужил основой для идеологического обоснования гитлеровского похода против Совесткого Союза. В 1936 г. немецкий исследователь В. Бауэр опубликовал работу под названием «Центральная Европа», в которой границы региона на юге и востоке были обозначены

[9] *Ránki Gy*. Közep-Európa kérdéséhez — gazdasági szempontból // Valóság. 1985. 11. sz. 6. old.

[10] Ibid. 11. old.

уже до линии Констатнинополь–Одесса включительно[11]. Такое расширительное толкование региона, появившись в кризисных условиях, сделало Германию центром столкновения западной и восточной цивилизаций, тем самым предусматривая и обеспечивая ведущую роль этого государства.

В представлении новой австрийской геополитической школы (А. Мок, Э. Бушек, А. Пеликан, У. Альтерматт) Центральная Европа и центральноевропейская идея в 80-е годы XX века пережили свой ренессанс. При этом австрийские подходы основывались на географичеком факторе и исторической роли Австро-Венгерской монархии, что давало возможность Австрии стать объединяющей силой в регионе. Однако отдельные представители школы считают ошибочными попытки сделать Австрию центром нового сплочения региона, ссылаясь на уроки 1848, 1918 гг. А. Пеликан, в частности, подчёркивает, что после 1918 г. Австрия была исключена из состава Восточно-Центральной Европы, и лишь после 1955 г. окрепла её западная ориентация и в стране укоренилась австрийская идентичность малого государства. Альтерматт определяет границы Центральной Европы во времени и пространстве на основе географического принципа, отмечая, что географические рамки Западной Европы окончательно установились между 1000–1300 годами, а Восточная Европа возникла лишь после упадка Византии. Промежуточное пространство между ними он и считает Центральной Европой, которая по его мнению является экономической периферией Запада, в XIV веке подвергшейся геополитическому давлению Оттоманской империи[12].

Венгерские ученые, в противоположность германским, исходили из того, что на месте распавшейся Австро-Венгерской монархии целесообразно создать при венгерском доминировании такое федеративное устройство народов Дунайского бассейна, которое оказалось бы способным остановить рвущуюся к нарушению европейского равновесия Германии. Выразителями идеи такой Центральной Европы без Германии являлись О. Яси и Й. Четени. Сторонниками структурирования Европы на три части по основным европейским историческим силовым линиям стали такие венгерские ученые, как И. Бибо, Е. Сюч, Т. Барат, котороые считают, что Центральная Европа образует своеобразное промежуточное пространство, в *гео-*

[11] Helyünk Európában. I. kötet., Budapest, 390–404. old.

[12] *Miletics Péter*. Op., cit., 122–123. old.

графическом смысле являющееся скорее западной частью Восточной Европы, а с точки зрения *политической, общественной и экономической организации* — восточной периферией атлантической Западной Европы[13]. Поэтому, по их мнению, региональная идентичность этого региона, характеризуется такими признаками, как запоздалое зарождение буржуазных наций, догоняющая экономическая и общественная модернизация. А основными сплачивающими факторами стали сильное этническое самосознание и национальная идентичность язык и религия.

Польский исследователь Оскар Халецки, с 1939 г. проживающий в США, в книге «На краю западной цивилизации. История Восточно-Центральной Европы»[14] исходил из существования Западно-Центральной Европы с преобладающим немецким населением и Восточно-Центральной Европы, в которой превалирует польский этнос. Другой поляк, Кжиштоф Помиан, наоборот, основывясь на культурно-религиозных принципах, Центральной Европой считает сумму разнородных в национальном отношении малых регионов, которые в прошлом непосредственно соприкасались с византийской Европой. При этом, по его мнению, ныне нет такой центральноевропейской силы, которая сумела бы сплотить регион в единое целое.

На развитие регионов в Европе, естественно, наложили свой отпечаток различные исторические факторы и геополитические изменения. Не секрет, что в 20-е годы во Франции, в полном соответствии с геополитическими устремлениями её политического руководства, было модно говорить о регионе Центральной Европы (L'Europe Centrale), который сплачивал вокруг малой Антаны. В Великобритании тогда же формировалось мнение — в качестве альтернативы германским поползновениям объединить пространство, — согласно которому значительная часть Центральной Европы (её восточная половина) представляет собой буферную зону из малых стран, расположенных между могущественной Германией и громадной Россией (Советским Союзом).

В годы холодной войны западная политология не считала Центральную Европу в самостоятельным регионом, и это было естественным в условиях биполярного мира. Лишь в 1970-е годы

---

[13] Ibidem

[14] *Halecki* O. A nyugati civilizáció peremén. Kelet-Közép Európa története. Budapest, 2000.

началось возрождение центральноевропейской идеи как в самом регионе, так и за его пределами. К проблеме первыми обратились венгерские и чешские историки, литераторы и политики (среди них Вацлав Гавел, Милан Кундера; Петер Ханак, Дёрдь Конрад), которые под Центральной Европой помнимали в основном пространство бывшей Австро-Венгерской монархии. Англичанин же Гофри Паркер в своей политической географии[15], изданной в начале 80-х годов XX века, под Центральной Европой подразумевал уже пространство между Рейном и западными границами Советского Союза. Сдвиги, наступившие в политическом признании Центральной Европы в качестве отдельного еврорегиона, однако всё же произошли в конце 80-х годов прошлого века. В 1989 г. МИД Швейцарии, как известно, подтвердил географический принцип и реанимировал понятие «центральноевропейское пространство», а с 1994 г. Государственный Департамент США заявил о том, что вместо термина *Eastern Europe* («Восточная Европа») вводит в оборот понятие *Central Europe* («Центральная Европа»). В России же в политическом лексиконе применительно к данному региону попрежнему оперируют термином «Восточная Европа», что является на наш взгляд не особенно удачным.

Таким образом можно констатировать, что в политике и науке существуют различные подходы к определению центральноевропейского региона, над *всей* территорией которого никакой великой державе *полностью* так и не удавалось установить своё влияние или единовластие. В самой же Центральной Европе после развала монархии Габсбургов так и не появилась или по геополитическим причинам не смогла окрепнуть ни одна объединяющая сила, способная цементировать региональное единство, а при отсутствии такого внутрирегионального стержня это многоэтничное европространство не могло стать отдельным макрорегионом Европы.

Не претендуя на полноту освещения всей поставленной проблемы, ниже попытаемся, концентрируя внимание на венгерском историческом опыте, кратко обозначить основные подходы к определению Центральной Европы как самостоятельного европейского региона, показать те исторические и геополитические факторы, которые оказывали или оказывают влияние на её развитие и самоидентификацию её народов.

---

[15] *Parker G*. The Political Geography of Community of Europe. London (б.г.)

Исторические факторы становления центральноевропейской идеи и региональной идентичности

Глобальные геополитические факторы, международная политика, как показывает анализ исторического развития, временами активно вторгались и вторгаются в процесс формирования региональных общностей европейских народов и государств, влияя на него, а иногда и кардинально меняя веками сложившееся и, казалось бы, устойчивое соотношение между европейскими регионами, перекраивая границы между ними, приводя даже к исчезновению некоторых из них. Именно это ключевое политическое обстоятельство и приводило к изменениям и расплывчатости границ Центральной Европы, как промежуточного региона, который в историческом развитии всегда был тесно связан, прежде всего, с Западной Европой.

Исторически сложилось так, что цивилизационные импульсы (от принятия христианства, промышленного переворота в раннее Новое время до современной компьютерной революции) исходили с Запада на Восток. При этом надо иметь в виду, что западноевропейская цивилизация со временем распространилась и на Северную Америку, которая также идентифицировала себя — при всех различиях в менталитете — с понятием «Запад». Регион Центральной Европы вынужден был постоянно догонять более развитые передовые страны Запада, и формировать свою евроидентичность с учетом отставания, но принимая при этом во внимание безусловную принадлежность к западноевропейской цивилизации. Для каждого из народов региона Центральной Европы немалую роль играли, конечно, и собственный исторический опыт, место географичекого расположения и соприкосновение с соседями.

Бросив краткий обзорный исторический взгляд на европейское прошлое, можно заметить, что с началом упадка Римской империи (476 г.), оказавшей влияние на формирование в Европе средиземноморской культуры, в западном и центральноевропейском ареале развернулось образование государств. Сначала франки и другие германские племена осуществили организацию своего географического, экономического и общественно-политического пространства, а затем в этот процесс вмешалось исходящее с востока переселение народов. Начавшееся с VIII века распространеие германского

влияния в восточном направлении, в X веке — расширение границ самого германского государства на Восток («Drang nach Osten»), превратило его в ту самую силу (в современном смысле в геополитический центр), которая парадоксальным образом заставила своих соседей, — западных славян и венгров, осевших в Карпатском бассейне, — также мобилизоваться и создать свои независимые государственно-территориальные образования. В этом смысле немцы выступили в роли первых организаторов пространства Центральной Европы. В результате, уже в раннем Средневековье в Центральной Европе, наряду с германским государством, появились польское и венгерское, которые в равной мере принадлежали к западному христианскому миру и представляли собой силу, способную противостоять завоеваниям с Востока и Запада. Эти три центра стали впоследствии колыбелью центральноевропейской идеи и способствовали зарождению соответствующей региональной идентичности для населяющих этот регион народов.

Венгерское Королевство, будучи одним из основных силовых центров в Карпатском бассейне, с X века на востоке имело свои весьма четкие и стабильные границы, очерченные Карапатскими горами, на юге соприкасалось с Византией, а на западе сумело отстоять status quo с германской империей. Польское и чешское развитие несколько отличалось от венгерского. У польского государства стабильные границы были только с Венгрией, на востоке и западе таких природно-естественных границ не было, и они были открытыми и подвижными. Чешское королевство, хотя и имело четкие природные очертания, с самого начала находилось в германском политическом и цивилизационном поле, ведь чешские короли признали феодальное господство немцев и стали частью Священной римской империи. В XII веке в виду территориальной раздробленности польского государства немецкая империя предприняла попытку объединения всего центральноевропейского региона в единое политическое пространство. Попытка захвата польских земель в виду её упадка оказалась неудачной, да и венгры сумели отстоять и свой суверенитет, и территориальную целостность. Таким образом стремление самой могущественной внутренней политической силы сплотить воедино центральноевропеский регион на том историческом этапе не увенчалось успехом.

Польско-литовские попытки расширения своей территории на восток и установления контроля над частью сопредельного региона

за счёт современных территорий Беларуси и Украины, — имевшие место с XIV до середины XVII века со стороны Речи Посполитой, — также не могли реализоваться ввиду противодействия со стороны России.

Сильное и процветающее Венгерское Королевство в Средние века (особенно в XIV–XV веках при династиях Анжу и Ягеллонов и во времена правления Матьяша Корвина), оставалась стабильной частью христианского Запада и Центральной Европы. Оно не претендовало на объединение всего региона под своей властью, однако, внешнеполитические концепции государства были явно направлены на достижение австро-чешско-венгерского государственного союза в интересах эффективной обороны от турецкого нашествия[16]. Однако эти устремления рубежа конца XV – первой четверти XVI веков при слабости центральной власти в этих странах и отсутствии ожидаемой поддержки со стороны Запада не принесли успеха. В битве под Мохачем (1526 г.) погиб венгерский король, и страна оказалась разделенной на три части. Почти две трети всей территории королевства на юге, оказались под турецким господством; узкая полоса территории на западе и севере страны с системой укреплений оставалась в составе Венгерского Королевстав под властью Габсбургов, где венгры вместе с австрийцами и чехами, образуя заслон перед турками, отстаивали общие интересы христианской Европы. Третья часть раздробленной страны — Трансильвания — в ранге княжества находилась в вассальной зависимости от султана. Венгерские князья Трансильвании, добившись относительной самостоятельности на территории, оказавшейся в качестве своеобразного острова между исламским югом, западным католицизмом и восточным православием, в своей политике умело лавировали между турками и Габсбургами, что обеспечивало для них свободу вероисповедания. Изгнание турок из Венгрии (столица страны Буда была освобождена в 1686 г.) коренным образом изменило ситуацию в центре Европы, усилило роль Габсбургов в этом регионе.

Габсбурги с середины XIII века, установив свою власть над Австрией, взялись за построение империи. С этого времени монархия стала важной частью всей христианской Европы. В её рамках началось объединение всего центральноевропейского пространства. В качестве новой интегрирующей и модернизирущей Центральную

[16] *Ханак Петер*. Остров или мост? Место Венгрии в Европе. //Венгерский меридиан, 1991. № 1, С. 4.

Европу силы в тех условиях выступил австрийский Габсбургский дом, пытаясь с XVI века утвердить свою династическую гегемонию в регионе. Чешское государство потеряло суверенитет и на правах «вечной провинции» вошло в состав Австрийской империи. Венгрия также была присоединена к монархии Габсбургов, сохранив при этом исторические рамки государства. Политической столицей Венгерского Королевства тогда вместо опустошенной турками Буды стал Пресбург (Пожонь, Братислава), но страной, как и всей монархией фактически управляли из Вены. Характерно, что Габсбурги только в середине XVII века были вынуждены отказаться от попыток установить гегемонию над всей Центральной Европой. Дело в том, что после изгнания турок объединительные устремления Габсбургов не встретили поддержки народов империи. Долгое время трудно было понять истинный характер монархии, сложно было определить её идеологию, и задачи в качестве великой центральноевропейской державы. Для малых стран и народов всего региона Центральной Европы она могла стать интеграционной структурой, но лишь отдельные представители династии предпринимали интеграционные шаги в этом направлении в условиях отступления Османской и укрепления Российской империи в конце XVIII века.

Дух европейской модернизации и культурные импульсы, исходившие с Запада, приходили к разным народам многонациональной монархии именно через Вену. Это особенно чётко прослеживается со времени правления императрицы Марии Терезии и Иосифа I, которые способствовали как активному развитию системы школьного образования в своих владениях на родных языках народов[17], так и основ их региональной общности многонациональной дунайской монархии. Единая система школьного образования на родных языках народов, населявших монархию, поддержка развития их национальной культуры несомненно способствовали сохранению их национальной и религиозной идентичности.

Историческое развитие всего центральноевропейского региона с середины XVIII века определяли в основном именно две немецкоязычные державы — монархия Габсбургов и Пруссия, — которые в равной мере претендовали на объединение всех германских земель в единое государство. Реализовать эту идею в XIX веке, ког-

---

[17] *Király Péter*. A kelet-közép-európai helyesirások és irodalmi nyelvek alakulása. A budai Egyetemi Nyomda kiadványainak tanúlsága. 1777–1848. Nyiregyháza, 2003

да прогремевшие революции 1848–1849 гг. и последующие войны существенно ослабили многонациональную империю Габсбургов, оказалось легче для Пруссии. Под её эгидой состоялось объединение германоязычных земель в западной и северной части Центральной Европы. Создание Второго рейха (1871 г.) без австрийских земель Габсбургов в качестве немецкого национального государства явилось геополитическим вызовом как для Запада, так и Востока Европы, тем более, что к концу XIX века (после 1890 г.) новое объединенное германское государство во главе с императором Вильгельмом открыто заговорил о своих глобальных амбициях.

С точки зрения предмета нашего исследования следует обратить внимание на то, что языковые границы этих двух центральноевропейских гигантов — второго германского рейха и Габсбургских владений — почти совпали с географическими границами всей Центральной Европы, которые стали основным и определяющим фактором в регионе.

В юго-восточной части центральноевропейского региона, в рамках владений Габсбургов, преобразованных в 1867 г. в двуединую Австро-Венгерскую монархию, развитие шло другими путями. После нескольких спокойных десятилетий мирного общественно-политического развития, расцвета национальных культур народов, населявших это полиэтничное государственно-политическое образование (кстати, память о котором почти повсеместно до сих пор вызывает ностальгию среди многочисленных представителей интеллигенции ряда нынешних государств Центральной Европы и служит основой региональной самоидентификации), здесь в противоположность центростремительным процессам, имевшим место в западном и северогерманском пространстве во второй половине XIX века, наблюдалось оживление центробежных сил. Этот процесс также был связан с уже давно прошедшими в западной части Европы стремлениями к созданию национальных государств.

Сначала венгерские, а позже чешские устремления, направленные на достижение национального суверенитета в рамках монархии (триализация), помешали тому, чтобы превратить дуалистическую монархию в фактор настоящей центральноевропейской региональной интеграции. Лишь такие сторонники федерализации монархии, как австийцы К. Реннер и О. Бауэр, венгр О. Яси, словак М. Годжа, румын В. Гольдиш думали над тем, как сделать монархию пригодной для реализации центральноевропейских интеграционных

задач[18]. Однако центробежные устремления, направленные на развал монархии, оказались более результативными. Они осуществлялись под этнонациональным лозунгом и, в конечном счёте, привёли к распаду Австро-Венгерской монархии, к формированию самостоятельных государств, некоторые из которых (Чехословакия и Югославия, а также Румыния) оказались такими же многонациональными но своему составу республиками или королевствами, какой была до этого сама Австро-Венгерская монархия. Процесс распада многонациональных и становления на их развалинах новых национальных государств на этом не закончился и продолжался вплоть до конца XX века (возрождение Чехословакии в соответствии с концепцией президента Э. Бенеша в качестве «национального» государства после Второй мировой войны, последующее образование самостоятельной Словакии в 1990-х годах).

Между тем, следует согласиться с мнением венгерского литературоведа Б. Помогача, который исчезновение с политической карты Европы такого некогда могущественного геополитического фактора в Центральной Европе, как Австро-Венгерская монархия расценивает так: «С полной уверенностью можно сказать, что исчезновение монархии, как великодержавного фактора в Европе, в очень большой степени облегчило дело тоталитарных империализмов, мечтавших о захвате Центральной Европы»[19].

Несмотря на распад Австро-Венгерской монархии она остается в исторической памяти населения Центральной Европы колыбелью многих национальных культур, государством, в котором происходило формирование центральноевропейской идентичности, принципиально отличающейся от немецкого варианта «Миттель-Европы». Данное обстоятельство дает повод, чтобы на венгерском примере кратко остановиться на некоторых важнейших истоках и характерных чертах процесса её формирования.

---

[18] Magyar Nemzet, 1996. október 8.

[19] Ibidem

Исторические аспекты центральноевропейской идентичности у венгров в условиях многонациональной Австро-Венгерской монархии

Идея взаимопомощи и сотрудничества, заложенная еще в Средние века королями Венгрии, Польши и Чехии, а затем наполнившаяся в условиях Австро-Венгерской монархии новым содержанием, весьма успешно утверждалась в сознании народов Центральной Европы, формируя своеобразную историческую общность и центральноевропейский менталитет. Следует, правда, повторить, что в политическом сознании части правящих элит Европы в результате определенных геополитических событий XX века больше закрепился несколько другой, более поздний образ центральноевропейской идеи, а именно связанный с Германией и ее доминированием в регионе накануне Первой и Второй мировых войн. В наиболее концентрированном виде этот образ нашел отражение в последних модификациях упоминавшегося плана «Миттель-Европы». Содержащийся в нем идеологический стереотип и сегодня довлеет над подходом к проблеме центральноевропейского единства, хотя центральноевропейскую идею и менталитет не следует связывать с ним, а тем более отождествлять. Ведь как изначальный, истоками из Средних веков, так и современный, возродившийся в 1980-е годы вариант центральноевропейской идеи имеет иной смысл, несет принципиально другой заряд, иное содержание и охватывает прежде всего культурно-историческую, ментальную сферу человеческого бытия. На этой идее базируется самоидентификация ряда народов Центральной Европы, в том числе венгров.

В Средние века главной и общей объединяющей народы Европы идеей стала принадлежность к христианству, понятия «христианский мир» и «Европа» иногда воспринимались как тождественные. Центральноевропейская идентичность зарождалась и формировалась в рамках общеевропейской цивилизационной или христианской идентичности, в качестве ее региональной составляющей. Раскол христианства на западную (католическую) и восточную (православную) ветви, равно как и последующее появление лютеранства, кальвинизма и других разновидностей протестантско-реформатской веры, образование национальных государств в Европе, а следовательно, возникновение дополнительных разграничительных линий в рамках общеевропейской идентичности — все это

способствовало появлению новых локальных, в том числе, региональных и национальных, национально-государственных форм евроидентичности, которые разнообразили её структуру, не разрушая при этом рамки принадлежности отдельных народов к их общеевропейской общности.

С этой точки зрения поучительно рассмотреть какими видели себя венгры и каков был их образ в глазах соседей на протяжении веков. Такая постановка вопроса требует определения места и роли венгров в Европе. Прибыв 1100 лет тому назад, на завершающей волне «великого переселения народов», из степей Южного Урала в Карпатско-Дунайский бассейн, венгры воспринимались христианской Европой как пришельцы-«азиаты». Создав в центре Европы своё довольно могущественное государство, они не стеснялись своего происхождения, а сделали его источником силы и национальной самобытности, доказав вместе с тем способность приобщиться к европейской цивилизации — они быстро стали европейцами, восприняв христианские ценности и культуру Запада. Выбор, совершенный королем Иштваном I (1001–1038), поставил Венгрию на вполне определенные рельсы общественно-политического развития, с которых она, несмотря на многочисленные исторические бури, проносившиеся над регионом, не сошла и ныне. Вся история венгров свидетельствовует об их приверженности европейским западнохристианским ценностям и культурным традициям, что особенно отчетливо проявилось, например, в период расцвета могущественного венгерского королевства в эпоху правления короля Матяша Корвина (1443–1490). Иными словами, венгры и Венгрия органически вписались в Европу и прочно утвердились в восточной части Центральной Европы, следовательно, стали центральноевропейским народом.

Говоря о месте венгров среди соседних народов (в первую очередь, немцев и славян), хотелось бы обратить внимание на довольно меткое, сохраняющее известную актуальность и сегодня определение, данное им русским ученым К. Я. Гротом в конце XIX века: «Никому из инородцев, ни литовцам, ни северозападным финнам, ни румынам, ни тем более албанцам, ни разным азиатским пришельцам, начиная с гуннов и кончая монголами, даже самим туркам не выпало на долю такой постоянной, деятельной и видной роли в этих германо-славянских отношениях, как народности мадьярской, и это конечно объясняется прежде всего географическим положением, занятым

мадьярами в Европе, и условиями их исторического развития, а также, конечно, некоторым выдающимся свойствам их национального характера». «Мадьяры, — подчеркивал он далее, — нанеся само собою разумеется значительный удар дунайским славянам, образовали зато для них, следовательно, вообще для германо-славянского мира сильный оплот против латино-германского Запада, какового это славянство, представленное одними своими разрозненными силами, в то время образовать еще не могло. История угорского государства последующих веков до конца прошлого века полна фактами, свидетельствующими именно о таком значении этого нового политического двигателя в истории Средней Европы»[20].

Российский автор считал венгров в центральной части Европы «желанным бичом для славян». Он сформулировал и оценил с российских позиций роль венгров в Центральной Европе в качестве своеобразного защитного щита, бастиона или буфера между славянским и германским миром. Грот считал, что если бы не венгры, германский массив просто раздавил бы еще не успевшее окрепнуть раздробленное восточное славянство. Именно в таком противодействии германскому *Drang nach Osten* ученый видел призвание, роль и функцию некогда могущественного венгерского государства в этом регионе. Следует отметить, что в историческом сознании венгров свою функциональную роль они видели и продолжали выполнять в качестве «моста и связующего звена между Востоком и Западом». На деле это означало, что акцент с венгерской стороны делался на роль венгров именно в соединении, а не в разделении различных частей Европы. Подобная функция Венгрии в Центральной Европе при всех вариациях охотно признается венграми и в современных трактовках. Одной из последних попыток Венгрии воссоединить разделенную Европу можно считать период 1980–1990-х годов, когда в регионе происходили коренные геополитические переломы и наметилось возрождение «общеевропейского дома».

Свою европейскую принадлежность, центральноевропейскую идентичность или, как выражаются сами венгры, «европейскость», т. е. приверженность совершенно определенным ценностям цивилизации и культуры, венгерский народ за свою многовековую историю не раз подтверждал на деле. Венгрия не только в представлении самих венгров, но объективно, на протяжении веков была одним из форпостов европейской цивилизации и христианской культуры,

[20] *Грот К. Я.* Мадьяры и славяне в прошлом. Варшава, 1893. С. 2–6.

бастионом, не раз защищавшим Западную Европу от различных посягательств извне. Здесь достаточно сослаться на ее роль в период татаро-монгольского, а затем и османского нашествия на Европу — ведь отчасти именно в Венгрии было остановлено дальнейшее продвижение на Запад этих полчищ, наводивших страх на весь западный христианский мир. При этом нелишне заметить, что цивилизованный Запад далеко не всегда отвечал венграм взаимностью и благодарностью за ту роль, которую волею судеб они сыграли в противостоянии различным нашествиям извне. Как уже отмечалось, значительная часть Венгрии надолго оказалась под оттоманским игом, другая потеряла самостоятельность и лишь ее восточная окраина вместе с Трансильванией сумела сохранить свою относительную независимость. Весь этот исторический опыт, аккумулированный венгерским национальным сознанием, безусловно, остался в памяти народа и оказывает влияние на политическое мышление венгров и в наши дни.

Впрочем, касаясь этих вопросов, следует отметить, что народы Центральной и Юго-Восточной Европы имеют общую историческую память. Они все пережили «попытки» адаптации или даже поглощения их различными империями (османской, габсбургской, германской, советской), но они выжили. Историк ставит в кавычку слово «попытка», ибо для истории господство различных внешних сил над народами региона на длительной исторической дистанции остается не постоянным, а лишь временным явлением. Венгры и соседние с ними народы несомнено имеют общий исторический опыт, что подтверждается даже мифологическими образами у австрийцев, венгров, поляков, словаков, сербов, хорватов, в которых в равной мере можно найти, например, утверждения о роли этих народов, как защитников христианства от нашествия турок[21]. Эти факты дают право говорить об их исторической и региональной общности.

Параллельно с чувством принадлежности венгров к западному христианскому миру (в широком цивилизационном понимании), у них развилась также идентичность регионального характера, центральноевропейская принадлежность, осознание себя частью многонациональной общности Центральной Европы. Складыванию евроидентичности способствовало само положение венгров (впрочем, как

[21] См.: Мифы народов мира. Т. 1–2. Москва, 2000; *Lábody László*. Magyarország és szomszédsága // Európai Politikai Évkönyv 1995–1996. Budapest, 1996, 293. old.

и у некоторых соседних народов), на стыке западного и восточного культурно-исторического влияния. Венгерская земля постоянно находилась в центре воздействий, которые становились для венгров, с одной стороны, источником силы, а с другой, превращали Венгрию в территорию противоборства великих держав, где сталкивались их политические интересы, а следовательно, приносили её народу многочисленные испытания. Важнее всего становилось, однако, то, что соперничество политических сил Запада и Востока в центральноевропейском пространстве приводило к осознанию венграми и другими народами этого региона себя в качестве подлинного среднеевропейца, подвергнутого культурному воздействию с обеих сторон, и поэтому оказавшегося способным роли своеобразного посредника, связывающего и передаточного звена между различными культурами.

Центральноевропейская региональная идентичность венгров значительно углубилась в сознании населения страны уже после изгнания турок, когда Венгрия оказалась под властью австрийских Габсбургов, которые, будучи императорами Австрии, становились также королями исторической Венгрии. Сосуществование целого ряда народов под крышей единой Габсбургской империи, расположенной между слабеющей Оттомансмкой империей и набиравшей силу Россией, несомненно, способствовало становлению и развитию регионального самосознания как венгров, так и остальных народов юговосточной части центральноевропейского пространства. И хотя настало время, когда империя Габсбургов (которая, в отличие от западноевропейских империй не имела своих колоний и поэтому в классическом понимании и не считалась таковой)[22] была вынуждена отказаться от амбиций по объединению всего пространства Центральной Европы, именно она заложила основы наиболее приемлемого и коренным образом отличавшегося от германского варианта центральноевропейского существования для значительной части её народов. Созданная вскоре на её базе дунайская монархия, как известно, вообще отказалась от имперского статуса и имперской идеи.

В условиях XIX в., когда происходил процесс формирования современных наций, начали складываться условия для возникновения не только региональной, но и *национальной* (причем одно не ислючало, а только лишь дополняло другое) *самоидентификации*

[22] *Исламов Т. М.* Империя Габсбургов. Становление и развитие, XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история, 2001. № 2., С. 11

народов. Нельзя в то же время отрицать, что углубление национального самосознания в дальнейшем стимулировало не столько сближение, сколько отдаление друг от друга народов, населявших Габсбургскую монархию. Между ними по ряду причин началось возникновение и усиление противостояния на национальной почве. Известным конечным итогом такого исторического развития в дальнейшем стал распад Австро-Венгерской монархии и «расселение её населения по отдельным национальным квартирам».

Следует однако отметить, что во владениях Габсбургов, а затем в рамках Австро-Венгрии, проживало 11 национальностей, принадлежавших к тому же к 7 религиозно-культурным конфессиям, что придавало дополнительный национальный колорит монархии. Такое национально-культурное многообразие коренным образом отличало монархию Габсбургов от Великобритании, где присутствовала доминанта одной нации, или от Франции, Германии и Италии, где национальная однородность населения была очень высокой. И хотя многоязычную массу Австро-Венгрии и объединяло некое общеее центральноевропейское сознание и менее прочная монархическая принадлежность, этим идентичностям в условиях национального возрождения противостояла крепнущая национальная идентичность, которая в менявшихся условиях со временем так или иначе начала раскалывать политическое единство монархии. По данным статистики 1910 г. только в Цислейтании, т. е. австрийской части монархии (на территории 300 тыс. кв. км с населением 28,5 млн. чел.), проживали австрийские немцы (36%), чехи (23%), поляки (16%), украинцы (13%) и словенцы (5%). На территории же Транслейтании, т. е. венгерской части монархии (325,411 кв. км с населением 20,8 млн. чел.) — венгры (54,5%), румыны (16,1 %), словаки (10,7%), немцы (10,4%), подкарпатские русины (2,5%), сербы (2,5%), хорваты (1,1%) и прочие (2,2%)[23]. Удельный вес австрийских немцев и венгров в составе всего населения Австро-Венгрии в целом на том этапе оказался ещё ниже (соответственно 25% и 17%), что не позволяло их называть доминантной силой монархии. С 1867 по 1918 г. монархия прошла большой путь в экономическом и культурном развитии, однако всё ещё отставала от названных западноевропейских государств, уже не говоря о том, что между отдельными регионами Австрии была колосальная разница в уровне развития (ведь Чехию,

[23] *Gerő András*. A régi Magyarország az eltűnt monarchiában // A magyar történelem vitatott személyiségei. 3. Budapest, 2004. 129–130. old.

например, от Боснии или Нижнюю Австрию от Буковины отделял целый мир). Многие из народов монархии в условиях пробуждения наций ставили и добивались своих национальных целей, стремились к утверждению другой политической системы либо к присоединению к единокровным братьям за пределами монархии. Тем не менее указанный период их совместного проживания в рамках единого могущественного государства Центральной Европы запомнился многим из них далеко не с худшей стороны. Венгерский историк Андраш Герё, досконально изучивший самые различные аспекты истории монархии, с полным правом констатировал: «Монархия (с входившей в неё Венгрией) — вопреки всякому легитимационному смешению, вопреки всем социальным противоречиям, а может быть, именно благодаря им, — имела свою большую тайну, которая заключалась в том, что в ней можно было жить. Политика не вмешивалась в жизнь людей, в их повседневное бытие, что явилось немалым достоинством, особенно если иметь в виду, что в XX веке совсем иное было отношение к этому вопросу»[24]. Среди прочих, видимо, данное обстоятельство также способствовало тому, что в 80-е годы прошлого века идея центральноевропейскости переживала свой ренессанс.

Австро-Венгрию, двуединую многонациональную монархию с центрами в Вене и Будапеште, несмотря на то, что её народы объединяло центральноевропейское сознание и принадлежность к единому и могущественному для своего времени государству, с которым население в какой-то мере идентифицировало себя, начали раздирать внутренние противоречия. Базировались эти противоречия именно на национальной почве. Национальное пробуждение, развитие национального самосознания, зарождение буржуазных наций являлись процессом противоречивым, асинхронным и далеко не одновременным для всех народов, населявших монархию, а, следовательно, во времени также растянутым. Эти процессы, приведшие к росту национального самосознания и укреплявшие национальную идентичность народов в обеих частях Австро-Венгерской монархии, по идее не должны были исключать существование у них общемонархического и регионального центральноевропейского сознания. Другой вопрос, на каком этапе, в каких землях и с какой силой утверждалось и реализовалось такое сознание. Процесс роста национального самосознания — в результате пробуждения и фор-

[24] Ibidem, 157. old.

мирования в XIX веке национальных движений — на определенном этапе вступил в противоречие со столь желанным для Габсбургов общеимперским сознанием и монархической идентичностью. Данное противоречие сказалось, прежде всего, у тех народов, которые в прошлом имели свою самостоятельную государственность (венгры, хорваты, чехи-мораване, поляки).

Процессы углубления национального сознания в XIX веке не обошли стороной и австрийских немцев, стимулировав прогерманские тенденции в политике Габсбургов. Попытки германизации, однако, вызывали яростное сопротивление со стороны венгров, как и некоторых других народов монархии. Венгры сначала добились признания за своим языком статуса государственного на землях венгерской короны, а затем первыми провозгласили свою национальную независимость. Венгерская революция и национально-освободительная борьба 1848–1849 гг. были, как известно, подавлены. Последующее примирение Габсбургов с венграми и преобразование в 1867 г. Австрийской империи в двуединую Австро-Венгерскую монархию, хотя и смягчили на некоторое время противоречия, все же не привели к решению национальной проблемы. Австро-венгерское примирение и реорганизация монархии на двуединой основе не привели к тому, что австро-венгерской идентичностью было охвачено всё население в венгерской части монархии. Скорее в австрийской части монархии утверждалась австрийская, а в венгерской — венгерская национальная идентичность. Однако эти основные формы национальной и государственной идентичности также не принимались целиком той частью населения, которая не принадлежала к австро-германской и венгерской этнической массе. Поэтому, хотя и присутствовала общая для всего населения монархии государственно-территориальная идентичность, для венгров Венгерское королевство, его флаг и корона оставались основными символами своей национальной идентичности. Другие национальности венгерской части монархии в меньшей степени идентифицировали себя с этими атрибутами венгерского государственно-политического устройства. Для них большой притягательной силой являлись самостоятельные государственно-территориальные образования, находившиеся за пределами монархии: для трансильванских румын Румынское княжество, для сербов венгерской короны — существование самостоятешльного сербского государства, политические партии которой стремились к созданию великой Сербии.

Касаясь ситуации в венгерской части Австро-Венгерской монархии, проблем появления собственной национальной идентичности у её невенгерских народов, целесообразно ознакомиться с некоторыми оценками и позициями по этому поводу. Характеризуя положение национальностей в Венгрии во второй половине XIX века, председатель Союза венгерских писателей Бела Помогач на страницах нового центральноевропейского регионального многоязычного журнала «Европейский путешественник» в 1997 г., подчёркивал, что венгры хотя не всегда успешно и умело, но пытались проводить наиболее либеральную национальную политику в Европе. «На самом деле национальная культура и национальная идентичность невенгерских народов Карпатского бассейна не подавлялись, — писал он. — Наоборот, им предоставлялись все возможности для формирования и развития своей национальной идентичности, что подтверждается хотя бы тем фактом, что колыбель словацкой, а отчасти также румынской и сербской национальных культур была именно в старой Венгрии»[25]. О том, что это утверждение является отнюдь не голословным, свидетельствует хотя бы следующая оценка, данная английским ученым А. Петерсоном, который на рубеже 1860–1870-х годов провел в Венгрии два года и оставил объемную аналитическую книгу о стране и ее жителях. Кстати, она была также издана в России. Будучи сторонником национального государства, он полагал, что венгры, как и англичане и французы, либо должны сделать всех жителей страны венграми, либо сами станут со временем немцами или славянами, между которыми находится их страна. «Высказывая подобное мнение, я хорошо понимаю, что встречу немало возражений со стороны венгерцев, — писал он. — Они же все убеждены в том, что всё как было до сих пор, так будет и впредь, т. е. венгры, словаки и румыны по-прежнему будут жить друг подле друга, с той лишь переменой к лучшему, что теперь они будут жить между собой в мире и братской любви, пользуясь всеми благами национального равенства. Я же, напротив, полагаю, что... каждая страна должна стремиться к однородности относительно языка и национальных чувств»[26]. Последние слова западного ученого совпадают с утвердившейся в Западной Европе концепцией национального государства, предполагающей общность языковых и государственных границ. В Центральной Европе, в том числе и в рамках Австро-Венгерской монархии, подход был

[25] Európai Utas. 1997. 29. sz. 22. old.

[26] *Петерсон А.* Венгрия и ея жители . Пер. с англ. СПб., 1873.

иным, более либеральным и базировался на принципиальных основах, введенных ещё императрицей Марией Терезией и Иосифом I, предполагавших единую национально-культурную и языковую политику для титульных и малочисленных народов. Другой вопрос, что эти принципы так и не смогли уберечь монархию от распада. Однако в конечном счете ни мрачный прогноз Петерсона об исчезновении венгров, ни идиллические представления о братской любви между народами исторической Венгрии не оправдались.

В западной, т. е. австрийской части Австро-Венгерской монархии австрийская (или австро-германская державная) идентичность, самоидентификаяция отдельных национальностей становились несколько проблематичными, ведь в тех землях существовали значительные национальные анклавы, и некоторые из них, например, чехи, добивались дальнейшей федерализации монархии. Чешская нация, к примеру, добивалась триализации двуединой мнархии с центрами в Вене, Будапеште и Праге, опираясь при этом на идеологию австрославизма. Существенным основанием для этого они считали свою государственность в прошлом, к тому же в Моравии местные немцы и чехи сами договорились о равноправии двух языков в административных органах и повседневной жизни. Но не разделяли австроидентичность итальянцы, которые стремились к собратьям, проживавшим вне рамок монархии Габсбургов. В восточных провинциях Австрии, расположенных восточнее горного хребта Карпат, сложилась далеко не простая идентификационная ситуация во многонациональных областях. Народы, населяющие эти провинции, прошли весьма схожую и противоречивую историю восточноевропейского национального развития. В Галиции, например, со смешанным польским и украинскими населением в политических движениях края, наряду с национальной самоидентификацией, довольно сильно проявили себя также австрофильские представления. При этом отдельные национальные группы к концу XIX столетия открыто требовали полного самоопределения в рамках монархии либо выступали за присоединение к России. В результате, в польских провинциях австрийской части монархии поляки стали доминирующей нацией и политическими соперниками восточно-прикарпатских украинцев, что и было использовано господствующими кругами Австрии в своих интересах. Галицийские поляки получили, как известно, политические привилегии от Вены в сфере образования, административного управления, печати и пр., что

затрудняло процесс национальной самоидентификации у галицийских русин и украинцев. Если «чехи и сербы стали символом непослушания и противостояния, то большинство поляков, особенно консервативного политического крыла — примером лояльности и верности монархии, с которой они полностью идентифицировали себя»[27]. Буковинским украинцам, полякам, немцам и румынам в начале XX века было предоставлено право направлять своих депутатов в австрийский рейхсрат, что свидетельствовало о попытке Вены удержать их в рамках монархии.

Все эти противоречивые процессы, но особенно национальные движения, к рубежу XIX–XX веков существенно ослабили, сделали все более хрупкой всю политическую систему австро-венгерского дуализма. Австрийские и венгерские либералы, служившие основной опорой Австро-Венгрии, по ряду причин оказались неспосбы решить усилившиеся национальные противоречия в многонациональной монархии. Национальные движения и кризисные явления всё больше меняли ментальность и системные ценности, которые в итоге привели к краху всей монархии. На передний план всё больше выдвигались национальные идеи, национальные приоритеты и устремления отдельных национальных групп Тем самым Восточно-Центральная Европа, её народы также встали на путь, уже ранее пройденный Западной Европой, на путь создания самостоятельных национальных государств. Этот процесс продолжался вплоть до конца XX века.

Возвращаясь к историческому опыту Венгрии и народов населявших Австро-Венгрескую монархию, стоит обратиться к некоторым констатациям крупнейшего исследователя П. Ханака, который в начале 90-х годов XX века писал: «Не принесли решения и „наднациональное" правление неоабсолютистской власти, и даже законы, установленные в свете австро-венгерского соглашения 1867 г. Венгерский закон о национальностях 1868 года отличался либеральным духом и, вероятно, в случае меньшего национальных меньшинств оказался бы эффективным. Однако на территории страны и монархии в целом, большинство составляли не немцы и венгры, а такие исторически сложившиеся нации, как поляки, чехи, италянцы, хорваты, а также молодые, развивающиеся нации — словаки,

[27] *Tefner Zoltán*. Kűlpolitika, népcsoport, tömegtájékoztatás // Valóság, 2002., 6. sz., 2. old.

румыны, сербы и словенцы». Далее, реагируя на утверждение отдельных историков — противников дуализма — из сопредельных стран, считавших, что ошибка властей монархии состояла в «насильственной» ассимиляции, в мадьяризации, он отмечает: «Такое объяснение справедливо лишь отчасти. Объективное историческое сравнение свидеьельствует о том, что мадьяризация ничем не отличалась от тогдашних русификации, германизации или более поздних полонизации, румынизации и т. д., а в большинстве случаев была даже мягче последних. Ассимиляция в Венгрии была, по сути дела, спонтанной и проявилась в основном в быстром овенгеривании немцев (Ungardeutschen), евреев и лишь некомпактно расселенных словаков; эти национальности составляли 90% мадьяризированного населения»[28]. Далее ученый делает вывод, что не столько процессы ассимиляции, сколько характерный для региона рост различного национализма, сложные процессы роста национального самосознания, стремление к национальной самоидентификации и созданию собственных национальных государственных образований привели к развалу монархии.

Таким образом, к началу XX века заметно ускорился процесс атомизации Австро-Венгрии как крупнейшей многонациональной державы, на существовании которой зиждилась сама идея центральноевропейской идентичности. В первую очередь именно вследствие нерешенности национальной проблемы и появления другого определяющего фактора идентификации — потребности в *национально-государтсвенной идентичности* — монархия начала трещать по всем швам и в конце Первой мировой войны произошел ее распад. Необходимл, однако, дополнить характеристику отмеченного явления: образованные на развалинах монархии новые «национальные» государства Центральной и Юго-Восточной Европы, являлись, как уже упоминалось выше, также многонациональными, которые по словам того же Ханака, «стали таким же образом подавлять собственные меньшинства»[29]. Поэтому не удивительно, что этот процесс на новом историческом витке развития имел продолжение и в наши дни ознаменовался новым распадом таких многонациональных стран — наследниц бывшей монархии Габсбургов, как Югославия и Чехословакия.

---

[28] *Ханак П.* Указ. соч., С. 7

[29] Там же, С. 8

Адаптационные и идентификационны проблемы между двумя мировыми войнами и после Второй мировой войны. Состояние национального и центральноевропейского сознания

Историческое развитие, как это вытекает из выше сказанного, показало, что национальная идентичность, как правило, оказывается сильнее, нежели чувство общности с соседними, пусть даже родственными народами. В итоге Австро-Венгерская монархия номинально была расколота на национальные составляющие. В конце Первой мировой войны великие европейские державы, руководствуясь своими интересами, пошли на создание в регионе системы *малых национальных государств,* пренебрегая при этом этническими границами. Если не касаться здесь германского этнонационального компонента, а взять, к примеру, одно лишь венгерское составляющее расформированной Австро-Венгрии, то венгры как отдельная нация, оказалась разделенными между разными государствами. На основании переписи населения 1910 г. (без учета Хорватии) можно определить, что на территории, отделенной от Венгерского королевства по Трианонскому договору (1920 г.), и вошедшей в состав сопредельных национальных государств оказалось более треть этнических венгров (в Австрии — 26 тыс., Чехословакии — 1 миллион 72 тыс., в Югославии — 465 тыс., в Румынии — 1 млн. 664 тыс.)[30]. Разумеется, кроме венгров в этих странах проживало также не мало представителей других национальных меньшинств.

Такая ситуация в постверсальской Центральной Европе на много осложняла развитие дальнейших взаимоотношений между различными народами, посеяв в регионе новые зерна национальных противоречий. Поскольку границы государств и этносов в новых условиях практически не сопадали утверждение *единого национального сознания, единой национальной идентичности* для *всего населения* новых государств оставалось проблематичным, отношения между сопредельными государствами в этом историческом регионе строились не на единениии и взаимопонимании, а на взаимном недоверии. Следовательно, территориальная или региональная общность Восточно-Центральной Европы оказалась слабой, что ослабляло суверенитет и самостоятельность всего центральноевропейского региона

[30] *Gerő András*. Op. cit., 157. old.

Для политических элит новые национальные суверенитеты были важнее регионального единства, и организующей силой во всем регионе стал национализм, базирующийся на языково-культурной идентификации. «Версальская система не считалась с тем, что искусственное сформированные национальные организмы врезались также в иноэтнические пространства, ... перекройку региона, базирующуюся на территориальных обидах, считали окончательной, — отмечает в этой связи П. Милетич. — Миротворцы не считались с традиционными угрозами для центральноевропейского пространства (особенно для восточно-центральноевропейского), они исходили из того, что оттеснение влияния Германии и России будет продолжительным»[31]. Вполне обоснованно указывал в этой связи П. Ханак, что не только «с точки зрения искромсанной Венгриии, но и с точки зрения всего региона Центральной Европы» было недальновидным расчленить «центральноевропейскую монархию на шесть враждебных друг другу и внутренне разобщенных малых государств», которые впоследствии «стали легкой добычей для сильной и целеустремленной державы»[32].

Кстати, сам фюрер, глядя на созданные Версальской системой в регионе национальные государства и опираясь именно на национальную идею, счёл возможным приступить к установлению на этнической основе «полного германского единства»[33], а затем на макрорегиональном уровне также к интеграции всей Центральной Европы под эгидой Германии[34]. Для реализации этих целей он использовал модернизированный германский вариант плана «Миттель-Европы», полагая, что именно Германия, находясь в центре Европы, призвана объединить весь регион, используя противоречия между Западом и Востоком. Нацелив окрепшую после Первой мировой войны германскую политику на сотрудничество с советской державой («пакт Молотова-Риббентропа»), он первым делом использовал ситуацию против победителей в Первой мировой войне.

Установленная на короткое время в предвоенные годы и в условиях Второй мировой войны гегемония Германии над восточной ча-

---

[31] *Miletics Péter*. Op. cit., 140. old.

[32] *Ханак П*. Указ. соч. С. 10

[33] *Bibó István*. Válogatott tanulmányok(1935–1944).I.kötet. Budapest, 1986. 298–549. old.

[34] Ibidem, 140–141. old.; см. также: *Bretton H. L.* Stressemann and the Revision of Versailles. Stanfors University Press, California, 1953. P. 12

стью Центральной Европы в конечном счёте рухнула, как и сама германская имперская трактовка «Миттель-Европы». В результате итогов Второй мировой войны Центральная Европа, как территориальная категория, также была ликвидирована, исчезла она и с политической карты Европы. Была проведена новая искусственная разделительная линия на континенте, которая поделила её на две части. Над восточной частью установилось не просто геополитическое влияние, а по сути полнейший контроль Советского Союза, который преобразовал по своему подобию всю общественно-политическую систему в малых странах на данной территории. В западной части Центральной Европы на базе оккупационных зон Германии (США, Франции и Великобритании) и под их контролем произошло объединение земель в единую Федеративную Республику Германия (ФРГ), которая затем постепенно была интегрирована в т. н. атлантическую Западную Европу и стала частью Запада, потеряв тем самым свою центральноевропейскую идентиченость.

ФРГ позиционировала себя в качестве национального государства немцев, и в конце 1950-х годов под руководством канцлера Конрада Аденауэра наладила тесное экономическое и политическое, а также территориальное интеграционное сотрудничество с соседней Францией и со временем превратилось в экономически развитую западную страну. На сотрудничестве этих стран строилось европейское геополитическое равновесие. В последствии, как известно, на той же базе было создано Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС), а затем развернулся процесс широкой евроинтеграции — образовался Европейский Союз (ЕС). Всё это вызывало процесс формирования западноевропейской идентичности как стран, так и народов. При этом население ФРГ, вовлеченное в западную интеграцию, постепенно теряло свою центральноевропейскую идентияность.

На восточной же части Центральной и Юго-Восточной Европы на принципах и политических условиях, инициированных СССР, развернулась интеграция советского типа. Она базировалась на иных принципах, отличавшихся от западных. В этом регионе Европы, правда, в разной степени и с разной интенсивностью, утверждалась своеобразная восточноевропейская региональная идентичность. Сотрудничество в рамках этого восточного блока привело к формированию Совета Экономической Взаимопомощи (1949 г.) и созданию военно-политического союза, Организации Варшавского

Договора (1955 г.) под эгидой Советского Союза, как главной интегрироующей силы.

Разделение Европы между двумя мировыми системами, казалось окончательно изменило конфигурацию континента. Считавшегося ранее традиционным деление Европы на Западную, Центральную и Восточную не стало. А ведь оно основывалось на присущих в прошлом отдельным регионам континента характерных чертах, как в сфере политических систем (парламентская система — Запад; полулиберальный абсолютизм — Центральная Европа; автократия или диктатура — Восток)[35], так и в области экономики и социальной структуры. Советское и западное (фактически американское) проникновение в центральноевропейский регион, разграничение между ними сфер не только влияния, но утверждение практического господства двух сверхдержав над регионом, означали, таким образом, проведение довольно чёткой новой разделительной линии на политической карте Европы. В геополитическом плане она оказалась разделенной на две части — Западную и Восточную. Европа также стала двуполюсной.

Итак, самой Центральной Европы, — некогда отдельного, самостоятельного региона — не стало. Наряду с ФРГ, интегрированной в западные структуры от былого региона практически была отделена и Австрия, которая стала нейтральным государством, по сути также западного типа. В каждой из двух частей разделенной Центральной Европы (да и Европы в целом) устанавливались и утверждались свои общественно-политические порядки. В таких условиях по обе стороны исчезала или искоренялась и центральноевропейская региональная идентичность. Был, правда, короткий исторический отрезок (1945–1948 гг.), когда казалось, что становление системы народной демократии позволит сохранить приобретенные веками особенности и отличительные черты, однако с началом холодной войны эти надежды быстро улетучились, и советский фактор стал определяющим для всей восточной половины Центральной Европы[36].

Растущее противостояние двух военно-политических систем привело к поляризации сил в Европе, и разделенность континента стала реальностью на долгие десятилетия. Венгры, как и дру-

---

[35] *Ránki Gy*. Op. cit. 6–7. old.

[36] См.: Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995.

гие народы, оказавшиеся в условиях навязанной им извне модели развития, прошли суровую школу советизации, искоренявшей «центральноевропейскость», прививавшей новую, так называемую социалистическую идентичность, идеологизированные, мифологизированные стереотипы. Этот процесс предполагал унификацию, нивелировку национальных черт, способствовал утверждению ложно толкуемого интернационализма в рамках советского блока.

К 80-м годам прошлого века западная и восточноевропейская интеграционные системы пришли с разными, по сути противоположными результатами. Интеграция советского типа начала переживать глубокий кризис, которым были охвачены как экономическая, так и политическая сферы всех стран-участниц, этническими конфликтами. Произошедшие в странах Восточной и Центральной Европы в конце 80-х годов мирные, а в Юго-Восточной части кровавые революции, последующий развал СССР (1991 г.), вызвали полную дезинтеграцию региона и способствовали усилению национально-государственных идентификационных тенденций.

Возрождение центральноевропейской идеи у венгров и других народов региона. (Центральная Европа: реальность или ностальгия?)

Итоги Второй мировой войны по сути повторили национальную раздробленность восточноцентральноевропейского пространства, с той только разницей, что оно оказалось под полным советским контролем при формальном их национальном суверениетете. В силу вышесказанного вряд ли следует удивляться тому, что в условиях назревавших перемен и преобразований второй половины 1980 – начала 1990-х годов народы региона снова начали тянуться к центральноевропейской идее, заговорили о региональной идентичности и предпринимали попытки возродить в той или иной форме свою региональную общность (однако, без немцев), восстановить центральноевропейский менталитет, если не на политическом, то хотя бы на культурном уровне.

Достаточно указать на то, что общественная мысль ряда стран восточной части Центральной Европы, начиная с 1980-х годов, все активнее обращалась к проблематике региональных и общеевропейских ценностей, заново определяя при этом место своей страны в Европе. Это особенно чётко прослеживается на примере Венгрии и

Чехословакии. «Сегодня, в период сосуществования систем, — констатировал один из венгерских авторов в 1988 г., — по-прежнему последовательно и с неизбежностью во всех сферах жизни и сознании реализуются те же образы, такое же самоопределение, как и в прошлом... А это означает, что в XX веке все страны и нации (особенно если они небольшие) должны соизмерять собственную идентичность с крупными системами: как в философском, теоретическом и социальном плане, так и в вопросах их непосредственного взаимодействия друг с другом, на уровне поведенческих форм, вплоть до моды включительно»[37].

Следует отметить, что основные и определяющие характеристики разных ступеней идентичности венгерского народа (будь то национальной, центральноевропейской или общеевропейской) сложились исторически. Они веками определяли национальное самосознание и продолжают оставаться достаточно стабильными, выражая центральноевропейскую сущность венгров и в наши дни. Иными словами: идентификационные определения, характерные для прошлого, живы также в сознании современных людей. Попытаемся взглянуть на параметры венгерского национального самосознания и самоидентификации как одного из центральноевропейских народов, на протяжении веков испытавших на себе различные внешние воздействия.

Немало венгерских авторов (историков, журналистов, литераторов) обращалось к проблеме Центральной или Средней Европы, определяя принадлежность Венгрии к восточной части этого географического пространства, дефинируя данный регион в качестве «Восточно-Центральной Европы» или же «востока Срединной Европы». Так, например, И. Витани эту принадлежность в середине 1980-х годов выразил следующим образом: «Мы во всех отношениях находимся где-то посередине. Посередине между Западом и Востоком, Севером и Югом, а географически мы являемся Центральной или же Восточно-Центральной Европой; в экономическом отношении по международной шкале мы считаемся среднеразвитым государством... желая подняться над этим уровнем... мы добиваемся лишь половины успеха; в общественном плане мы представляем собой такое специфическое образование, которое в равной степе-

[37] *Nagy G.* Civilizációelmélet, bölcsészkedés, társadalomtörténet // Valóság. 1988. 4. sz. 37. old.

ни имеет множество отличительных черт как от Западной, так и от Восточной Европы»[38]. За истекшие столетия венгерская национальная самоидентификация так и не сумела избавиться от подобной детерминированности. Экономические, общественные и духовные усилия венгров постоянно были направлены на преодоление существовавшего отставания от Запада. Характерно, что подобная практика «догоняющего развития» в равной мере касается как центральноевропейского, так и восточноевропейского регионов.

Срединное расположение Венгрии в Европе имеет, разумеется, свои плюсы и минусы. О ней (впрочем, о центральноевропейском пространстве в целом) можно говорить, как о буфере, разделяющем Восток и Запад, как и о мосте, связывающем их. Часто роль Венгрии воспринимается в качестве своеобразного посредника или передаточного звена, «моста» между разными народами и культурами. Такое положение, с одной стороны, рождает немало проблем и противоречий, требующих постоянного разрешения, но с другой — сулит определенные выгоды, если использовать его во благо страны и народа. Эти плюсы и минусы в истории Венгрии проявлялись не раз, подтверждая перед внешним миром, как уже отмечалось, то защитные функции Венгрии в качестве форпоста западной цивилизации, то ее роль как буфера между славянским и германским этническими массивами. Но символы Венгрии, возникающие в процессе самоидентификации населяющего ее народа, вышеназванными функциями отнюдь не исчерпываются. Достаточно напомнить, например, об образе «страны-острова», одиноко стоящего в иноэтническом океане Европы, где рядом нет близких народов-родственников, или о восходящем к творчеству венгерского поэта Эндре Ади символе «страны-парома», причаливающего то к западному берегу, то к восточному (Венгерская Советская Республика 1919 г. и послевоенная Венгрия как член социалистического лагеря).

Все эти образы и символы Венгрии выражали на разных этапах ее истории именно центральноевропейскую принадлежность и соответствующую идентичность венгров, которые так или иначе предполагают не только соседство, но также и родство с Западной Европой по основным цивилизационным признакам. Как и весь центральноевропейский регион, Венгрия исторически была тесно связана прежде всего с Западом, хотя продолжала сохранять свои

[38] *Vitányi I.* Az «Európa-paradigma». Bp., 1986. 202. old.

региональные особенности и национальный колорит. В то же время ее исторические связи с Востоком Европы также были достаточно интенсивны, особенно на начальном этапе становления и развития венгерской государственности, в эпоху раннего Средневековья, когда существовали тесные контакты с Византией и Древней Русью. Само географическое положение страны в Европе неизменно обусловливало необходимость и целесообразность общения и развития взаимосвязей как с западной, так и с восточной частями континента, их цивилизацией.

Для Венгрии и других стран этого региона «*центральноевропейскость*» — это не только своеобразные идентичность и менталитет, образ жизни или принцип, базирующийся на региональной принадлежности, не только культурно-историческая данность, но и определенная, исторически сложившаяся детерминанта, с которой нельзя не считаться и которой нельзя пренебрегать. Исторический опыт новейшего времени, включая период после Второй мировой войны, убедительно показывает, что политическая общность стран, если она не базируется на подлинной заинтересованности, на настоящих национальных интересах всех ее участников, не может быть долговечной. Достаточно яркий тому пример навязанный восточной части Центральной Европы более чем на протяжении 40 лет эксперимент по утверждению в регионе не только вполне определенной социальной системы, но и связанной с ней идентичности. Этот эксперимент, будучи непринятым народами региона, как это показали революционные события конца 80-х годов прошлого столетия, закончился неудачей. Тогда и наступило для целого ряда стран время выбора: снова стать Центральной Европой, быть самостоятельным регионом и, пережив «возвращения в Европу», восстановить полный объем прерванных связей с Западом, сохраняя при этом отношения с Востоком. Так или иначе ситуация разделенности континента, изоляция противоречили самому естеству народов центральноевропейских государств, идее «центральноевропейскости». Поэтому не удивительно, что процесс возврата к неразделенной Европе сопровождался в 80–90-е годы прошлого века ярким всплеском возрождения центральноевропейской идеи и идентичности.

Эта идея прошла довольно продолжительный путь развития от *Вишеградского союза трех центральноевропейских государств* (Венгрии, Чехии и Польши) в Средние века до её обновления в со-

временных условиях. Такая «центральноевропейскость» и, соответственно, идентичность, существенно отличается от уже названного германского варианта (хотя широкой общественности больше известен именно последний). Если в центре германской концепции центральноевропейской принадлежености лежало стремление немецких политиков к силовому обеспечению гегемонии Германии в этом регионе, то вишеградская идея Центральной Европы строилась на взаимовыгодном сотрудничестве и принципах равноправия сопредельных стран и народов, входивших в прошлом в эту региональную общность.

Что касается характерных для региона духовных и культурных связей, то здесь нельзя не обратить внимание на рассуждения выдающегося венгерского писателя, ученого и эссеиста Ласло Немета, который ещё в межвоенные годы, переживая расчлененность венгерского народа, обратился к данному вопросу. «Разобщение малого народа на такой обширной территории — это смерть или миссия», — писал он в 1935 г. Немет склонен считать, что такая ситуация для венгров может стать поводом для того, чтобы «подобно иудейским христианам» понести «идею возрождения и обновления Центральной Европы». «Для нас, — писал он, — особая притягательная сила этой идеи состоит в том, что обрушившуюся на нас вынужденную необходимость она может преобразовать в миссию». Немет исходил из того, что в случае, если венгерский народ возмет на себя эту миссию, он должен решить две великие задачи: «1) должен создать Центральную Европу в духовности и в науке; 2) должен дать этому региону такой Новый завет (евангелие), который привнесет мораль, связывающую культуры и интересы»[39]. О достижении взаимопонимания между народами Центральной и Восточной Европы мечтал и такой видный венгерский фиорсоф и политик как Иштван Бибо, рассуждая «о бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств» (1946 г.) и «о смысле европейского развития» (1971–1972 гг.)[40].

Распад Австро-Венгрии в конце Первой мировой войны и тотальное поражение гитлеровской Германии во Второй, казалось, навсегда покончили не только с германским вариантом, но и с центральноевропейской идеей. Германия, которая со времени пре-

[39] Magyarság és Európa. Budapest, 1935., 126. old.

[40] *Бибо,Иштван*. О смысле европейского развития и другие работы, М., 2004. С. 155–262, 285–400

вращения в великую державу не раз пыталась подчинить себе соседние народы и страны, по определению известного современного венгерского писателя-публициста Д. Конрада, «была хронически больна своим самоопределением». Он считает, что именно по этой причине «сегодня нет Центральной Европы, а общение между народами этого региона сведено до самого низкого уровня, какого не было даже сто лет тому назад». Констатируя это в 1988 г., т. е. еще в условиях разделенной, биполярной Европы, он по сути указал на одну из важнейших исторических причин настороженного отношения к центральноевропейской идее и идентичности. В то же время Конрад полагал, что новая, истинная центральноевропейская идея должна содержать все те необходимые для расцвета всего региона элементы, которые в комплексе могут стать современной основой региональной идентичности народов, проживающих в Центральной Европе. В качестве хорошего образца для такого добровольного объединения, а соответственно, и самоидентификации народов региона, по его мнению, может служить пример Швейцарии или же исторический опыт Трансильвании XVII века[41].

В межвоенных условиях для венгров и других народов Восточно-Центральной Европы не могли сформироваться те идейные и моральные факторы обновления, о которых мечтал Л. Немет, напротив, продолжали действовать факторы, обозначенные И. Бибо, мешавшие налаживанию взаимопонимания народов региона, установлению их единства и региональной сплоченности. Тем более не благоприятствовали тому политические условия. Ведь определяющей силой в Центральной Европе стал «германский колосс» со своими амбициями на господство в регионе. После 1945 г. венгерский «остров» (впрочем, как и другие страны востчной части Центральной Европы) снова превратился в «паром», и на долгие десятилетия причалил к восточному берегу.

В центральноевропейских странах «реального социализма» долгое время мирились с исчезновением термина «Центральная Европа» из политического обихода, однако со второй половины 1980-х годов эта проблема стала затрагиваться все чаще и активнее особенно в литературных кругах. Неудовлетворенность этой ситуацией открыто стала проявляться, в основном, именно с приумножением кризисных явлений в обществе. Отметим, что по времени это

---

[41] *Konrád Gy.* Van-e még álom Közép-Európáról? // Látóhatár. 1988. 11. sz. 87–88. old.

совпало с периодом горбачевской перестройки в СССР. Уже были позади брежневские времена, и советское руководство, как известно, удовлетворенное тем, что ФРГ в 70-х годах заявило о своей новой восточной политике (Neue Ostpolitik) и признала свои границы с ГДР окончательными, — что привело к смягчению международной напряженности, — также всё больше стало открываться внешнему миру. Соответственно ситуация и на западной периферии зоны советского влияния стала меняться и позволяла более свободно выражать мнение, обмениваться идеями и информацией, активизировались контакты с Западом. Среди тех, кто начал выражать недовольство «исчезновением» Центральной Европы был и упоминавшийся Д. Конрад. В одной из статей 1988 г. разделенность Европы на военные блоки он назвал неприемлемой для центральноевропейца и объявил ненормальной ситуацию, когда восточную часть Центральной Европы называют Восточной, «будто бы она переместилась в Восточную Европу»[42].

Проблемой начали заниматься и профессиональные истрики. Она связана не только с переименованием региона или неточным определением его географической принадлежности, — и тем более не только с текущими политическими интересами, — но и с *типологизацией исторического развития* всей Центральной Европы. Часть венгерских историков эпохи социалистического эксперимента, придавая особое значение оценкам В. И. Ленина аграрного развития Восточной Европы в эпоху капитализма, венгерское развитие причисляли к восточноевропейскому типу. Подобной типологизации придерживались также историки-экономисты И. Беренда и Д. Ранки в книге «Экономическое развитие Центральной—Восточной Европы в XIX–XX веках»[43]. Эта работа была позже подвергнута критике не только за предложенное в ней деление Европы (при этом отмечалось, что Венгрия находится не в *центральной* части Восточной Европы, а в *восточной* части Центральной Европы), но отмечалось также, что кроме особенностей аграрного развития, авторы не приводят никаких других критериев, позволяющих причислить Венгрию к восточному типу развития[44]. Критики названного подхода исходи-

[42] *Konrád Gy*. Op. cit. 98. old.

[43] *Berend T. I., Ránki Gy*. Közép-Kelet-Európa gazdasági fejlődése a 19–20. században. Bp., 1969.

[44] *Gyáni G*. Történészviták hazánk Európán belüli hovatartozásáról // Valóság. 1988. 4. sz. 77. old.

ли из наличия некоего промежуточного региона между Востоком и Западом Европы со своими особыми региональными чертами, т. е. утверждали существование Центральной Европы, как таковой. Ранки несколько позже в одной из новых статей, возвратившись к проблеме Центральной Европы, опираясь на политические реалии констатировал, что после Второй мировой войны деление Европы на три части «потеряло свою состоятельность», ибо «СССР расширил своё имперское влияние до середины всей Центральной Европы, где в политическом, экономическом и культурном отношении овладел всем»[45]. В результате, — отмечал он, — «самостоятельность Центральной Европы, её особенности на фоне мощи Запада и Востока стали ничтожны, и она де факто исчезла». После создания блоков в обеих частях расчленённой Европы, вопрос о Центральной Европе, по его мнению, стал «беспредметным».

Существовали однако и другие оценки и подходы. Так, венгерский историк-экономист П. Гунст в середине 1970-х годов также решительно отверг причисление Венгрии к восточноевропейскому типу экономического и общественного развития. Он не оспаривал существование отдельной восточноевропейской модели, но считал ее типичной российской моделью. Стремительное экономическое развитие Запада, по его мнению, заставило близлежащую центральноевропейскую зону Европы дать адекватный ответ на этот вызов, осуществив хотя и с опозданием соответствующие преобразования; восточная же зона не сделала этого. В результате в промежутке «образовалась переходного характера полоса, к которой можно отнести Прибалтику, Польшу, Чехо-Моравский бассейн, Венгрию и Хорватию»[46]. Все эти страны, по мнению ученого, за исключением более развитой Чехии, сохранили при этом отдельные черты и восточноевропейского развития. Вместе с тем благодаря весьма сильному западному воздействию на эти регионы, их структуры модернизировались, и названные страны образуют поэтому самостоятельную модель развития — центральноевропейскую зону. Концепцию трех главных регионов Европы наиболее четко и однозначно сформулировал однако в начале 1980-х годов венгерский историк Е. Сюч[47]. Хотя он считал Центральную Европу «восточной периферией Запада», это

---

[45] *Ránki György*. Közép Európa kérdéséhez // Látóhatár, 1986. május, 206. old.

[46] Ibidem.

[47] *Szücs J*. Vázlat Európa három történeti régiójáról. Bp., 1983 (В русском переводе см.: Центральная Европа как исторический регион / Отв. редактор А. Миллер. М., 1996.

не помешало ему определить данный регион как типологически самостоятельный в ряду других.

В последующих работах венгерских ученых Центральная Европа, как правило, уже выступала в качестве самостоятельного европейского региона со своими характерными чертами, выяснение которых и стало одной из задач исторической науки. Эти исследования способствовали утверждению в венгерском историческом и общественном сознании нового образа Центральной Европы. Работы ученых, наряду со стремительно менявшейся в 80–90-е годы ситуацией в регионе и в международных отношениях того периода, безусловно, помогали реанимации также центральноевропейской идеи в широком общественном сознании.

Анализируя особенности национального развития народов центральноевропейского региона, П. Гунст, в частности, определил его в качестве «западной полосы Восточной Европы», воспринявшей достижения западноевропейской модели развития, что и составило его центральноевропейскую специфику[48]. В 1986 г. в ходе продолжавшейся дискуссии по указанной проблеме известный венгерский специалист по истори Австро-Венгерской монархии П. Ханак выразил своё согласие с концепцией Сюча, отметив, что «государственно-политическое устройство монархии — и в ней Венгрии — занимало также *промежуточное* положение между западной парламентской демократией и восточной автократией: это было четким выражением центральноевропейских черт»[49].

В ходе дискуссии Сюч выразил также весьма важную, на наш взгляд, идею о том, что региональная принадлежность в политической сфере не является статичной, а представляет собой динамичный процесс. И это действительно так: ведь политические союзы государств, как свидетельствует история, временами распадаются, хотя бывают и более долговечные. Американский исследователь С. Ватсон, анализируя ситуацию 1970–1980-х годов в Европе, показал, в частности, что такая центральноевропейская страна, как Германия, в результате послевоенного пребывания в зоне западного влияния и в сфере западных структур, несмотря на свое географическое расположение в центре Европы, в итоге стала западноевропейским государством. Что же касается других стран региона, на-

---

[48] *Gunst P.* A közép-kelet-európai nemzettéválás gazdasági-társadalmi problémai // Valóság. 1982. 11. sz. 20. old.

[49] *Gyáni G.* Op. cit. 81. old.

ходившихся восточнее пресловутого «железного занавеса», то они не вписались и не адаптировались в такой же степени в Восточную Европу как ФРГ в Западную, и поэтому по сути представляют собой современную Центральную Европу. «Для меня представляется, — писал он ещё в 1971 г., — что Западная Европа сегодня охватывает страны, расположенные западнее линии Любек—Триест. А те территории, которые расположены между этой линией и западными границами Советского Союза, образуют Центральную Европу. Понятие Восточная Европа... применимо лишь в отношении Советского Союза, его западных, т. е. европейских территорий. Западная же часть Серединной Европы (имеются в виду ФРГ и Австрия. — *Б. Ж.*) больше не отличается существенно от Западной Европы, поэтому в качестве Центральной Европы сегодня сохраняется лишь восточная половина Центральной Европы»[50].

Итак, в 80–90-е годы XX в. и Центральная Европа как регион, и центральноевропейская идея в ее новом варианте вновь стали объектами анализа и рассуждений в целом ряде публикаций и дискуссий в Венгрии, да и в других странах. Проблему начали затрагивать отдельные интеллектуалы, но вскоре государственные и партийные деятели также заговорили о «Центральной Европе» и этот термин стал публичным, его стали широко использовать. Это означало, что центральноевропейская идея и идентичность снова актуализировались, начали выходить из «холодильной камеры» «развитого социализма». Однако произошло это в условиях, когда регион уже втягивался в углублявшийся экономический и системный кризис. «Во время оттепели, а затем в период этого кризиса, центральноевропейские нации снова открыли для себя Центральную Европу и получили возможность для выражения своей региональной идентичности и единства»[51], — писал в связи с этим современный венгерский философ А. Аг. При этом он отметил, что центральноевропейское единство и идентичность находят наиболее яркое выражение чаще всего в сфере культуры и быта центральноевропейцев.

Кстати, философ Аг считал, что повторное «открытие Центральной Европы, исчезнувшей на десятилетия со сцены истории и из теории общественного развития», в новых условиях обрекает Венгрию «на центральноевропейское существование и сотрудни-

---

[50] Eastern Europa in the 1970-es. New York, 1972. P. 9.

[51] *Ágh A.* Közep-Európa «felfedezése» // Tiszatáj. 1988. 11. sz. 30. old.

чество», что «на уровне Европы, как международной системы», позволит новой возрожденной Центральной Европе выполнять роль уже упоминавшегося нами связывающего Восток с Западом регионального «моста»[52]. Он же отметил, что если в начале дискуссии о Центральной Европе вопрос ставился лишь так: «Центральная Европа — это миф или реальность, а возможно, ностальгия по Габсбургской монархии?», то ныне вопрос о реальном существовании Центральной Европы уже не вызывает сомнения. Да, перед странами региона действительно открылась перспектива создания самостоятельной Центральной Европы, однако, она не была реализована и по ряду исторических обстоятельств развитие пошло другим путем.

Наступившие с конца 1980-х годов общественно-политические преобразования в странах региона, последующая вспышка национализма, приведшая к распаду многонациональных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, изменения в международных отношениях в целом, внесли новые поправки в расстановку геополитических сил в Европе, которые коренным образом повлияли на ситуацию и в центральноевропейской части континента. Регион стремительно менял не только свой государственно-политический облик, но и ориентацию.

Центральная Европа в новых геополитических условиях. Проблемы идентификации, единения и региональной общности

Следует учитывать, что историческая судьба народов Центральной Европы довольно сложна и противоречива. И хотя ситуация в этом регионе складывается далеко не всегда по воле и желанию самих центральноевропейцев, условия конца 1980-х и 1990-х годов предоставили этим странам очередной исторический шанс для нового исторического выбора. Двадцатый век не привёл к единству и взаимопониманию между народами региона в существенных вопросах, поэтому единый политический проект «Центральная Европа» так и не реализовался, но несмотря на это центральноевропейская идея продолжала жить.

[52] Ibid. 23. old.

Трудно не согласиться с венгерским публицистом Д. Конрадом в том, что «центральноевропейскую идею нельзя считать простой мечтой, ведь особенность этого явления состоит в том, что многие центральноевропейцы нуждаются в этой идее»[53]. Рассуждая о духовности и культурной общности центральноевропейцев, еще более обстоятельно выразил отношение жителей этого региона чешский писатель М. Кундера. Он определил этот регион в качестве «зоны малых наций, находящихся между Германией и Россией», отмечая при этом, что «малая нация — это нация, существование которой висит на волоске, которая в любой момент может исчезнуть, и которая знает это». «Французы, русские и англичане не задают себе вопрос, уцелеет ли их нация, — писал Кундера. — Средняя Европа, отчизна малых наций, создала собственное мировоззрение, основанное на глубоком недоверии к истории... Нации же Средней Европы — не победительницы. Неотделимые от истории всей Европы и не могущие без нее жить, они — жертвы и аутсайдеры, стали словно оборотной стороной этой истории. Оригинальность и мудрость их культур вытекает из полного разочарования историческим опытом»[54]. При всем этом чех М. Кундера и немец К. Шлёгель считают Центральную Европу существующим культурным единством, «культурным домом» проживающих там народов. Последний в книге[55], изданной в середине 1980-х годов, рассуждая о центральноевропейской культуре, её судьбе, серединном положении региона в Европе, даже не затронул вопрос о политическом единстве Центральной Европы. И это понятно, ведь такого единства не было. Кундера же под Центральной Европой фактически подразумевал лишь территорию бывшей Австро-Венгерской монархии, т. е. воспринимал её в узком смысле, считая, что центральноевропейские культурные достижения зародились именно в Вене, Праге, Будапеште и Варшаве, но никак не в Берлине. По его мнению, в условиях, когда страны Центральной Европы приобрели свою независимость, именно Австрия призвана и могла бы стать организующим началом, могущим снова собрать, удержать в едином «культурном доме» восточную часть Центральной Европы[56].

---

[53] *Konrád Gy*. Op. cit. 89–91. old.

[54] Полис. 1995. № 1. С. 59.

[55] *Schlögel Karl.* Die Mitte liegt ostwärtz. Berlin, 1986. S. 78–79.

[56] *Vajda Mihály*. Felelőtlen vázlat Közép-Európáról: nosztalgia vagy remény? //Medvetánc, 1988, 2–3. sz., 83. old.

Реагируя на позиции и культурологический подход Кундеры к центральноевропейской общности, венгерский философ Михай Вайда поставил под сомнение правомерность учета одного лишь вклада или роли «высокой культуры» при определении центральноевропейской принадлежности. «То, что делает Центральную Европу **Центральной** Европой это её промежуточное расположение между Востоком и Западом, это её культура в самом широком смысле слова, в культурно-антропологическом понимании, — пишет Вайда. — Конечно, описать эту культуру не легко: это и формы поведения, формы общения, взгляды, манеры, склад мышления, которые руками ухватить невозможно. И всё же, это поведенческая культура людей, по которой они взаимно узнают друг друга»[57]. Вайда отмечает также, что все эти черты связывающее центральноевропейцев в общность, присущи также немцам, полякам и жителям прибалтийских государств, которых многие также причисляют к Центральной Европе. Народам этого региона приходилось в прошлом часто бороться за свою независимость. Философ подчеркивает, что у народов Центральной Европы нет единого общего языка, который мог бы играть роль сплачивающего фактора. Он вместе с тем отмечает, что в прошлом для межнационального общения славян, венгров и румын в странах Центральной и Юго-Восточной Европы использовался немецкий язык, на котором «более менее говорили, во всяком случае, в сфере торговли». Необходимо всё-таки уточнить, что хотя в восточной части Центральной Европы немецкий язык, действительно был языком межнационального общения, всё же являлся языком меньшинства.

Проблема центральноевропейскости и политической разделенности региона также были затронуты М. Вайдой. Он, в отличие от Кундеры и Шлёгеля, в 1988 г. обратился к политическим аспектам этого вопроса. Возвращаясь к историческим корням «исчезновения» Центральной Европы как самостоятельного региона, признавая известные причины и факторы, приведшие к мировым войнам, он поставил вопрос об ответственности и великих держав Запада перед Центральной Европой, указывая при этом на «ошибких» миротворцев, посеявших зерна новых противоречий между её народами. Версальская система, отмечал он, плоха не потому, что она была строгой или мягкой, а потому, что она «не закрыла про-

[57] Ibidem, 84. old.

блему из которой выросла война». Европейские мирные дорговоры «не поставили точку на германской проблеме и на этническом объединении народов», т. е. на завершении процесса по объединению всех этнических массивов в национальных государствах. А такие вопросы могли бы быть мирно разрешены усилиями великих держав. «Демократическая Европа кое-что забыла из того, чем владела средневековая Европа, — подчёркивал философ. — Мы должны отметить, что мирные договоры не сделали даже попытки для решения европейских конфликтов. Они только обострили их»[58]. Впрочем, касаясь проблем идентичностей в практически уже «ушедшей» после Второй мировой воны из Центральной Европы на запад ФРГ, он попутно обратил внимание на своеобразный характер самоидентификации западногерманской молодежи 80–90-х годов прошлого века, которая ничего не знает о большом пласте традиционной немецкой культуры, хотя при этом приобщена к культуре Запада. Впрочем, данное явление характерно также для молодёжи ГДР, пребывавшей четыре десятилетия в орбите социалистической системы.

В отличие от немцев молодое поколение других народов Центральной и Юго-Восточной Европы не было лишено возможности всестороннего знакомства со своей культурой, её историческими корнями, хотя при этом им также прививалось чувство не столько национальной или региональной идентичности, сколько интернационализма и принадлежности к «великой семье народов социалистического содружества».

С точки зрения центральноевропейской самоидентификации народов региона заслуживает внимания следующая, довольно пространная дефиниция, данная Д. Конрадом центральноевропейцу, как таковому. «Центральноевропеец — это тот, кто считает существующие государственные образования и их креатуру искусственными образованиями, так как они не соответствуют его собственному чувству реальности. Центральноевропейца тяготит, обижает, беспокоит, волнует разделенность нашего континента, — писал Конрад в 1988 г. — В прошлые века мы разделяли, но одновременно и сближали друг с другом Запад и Восток. Будь у нас сейчас "сознательная" Центральная Европа, она интеллектуально внушила бы европейское мирное урегулирование. Центральноевропейцем является тот, кто разделенность Европы не считает ни естественной, ни окончатель-

[58] Ibidem, 86. old.

ной. Возможно, что европеизация Европы продвинется именно благодаря центральноевропеизации самой Центральной Европы»[59].

Такой, не терпящей изоляции и «лагерности», — в идеале открытой во всех направлениях и впитывающей лучшие достижения культуры Запада и Востока, — представляли себе Центральную Европу интеллектуалы. Они, начиная с 1970-х годов, всё более открыто признавали себя центральноевропейцами, отстаивающими свою региональную идентичность и свой особый менталитет, надеялись на возрождение Центральной Европы на новой основе.

В Венгрии были слышны голоса о том, что стране, собственно говоря, и не надо возвращаться в Европу, поскольку она оттуда никуда не уходила: «венгры и Венгрия уже более тысячи лет являются частью Европы», представляя собой при этом «важный фактор европейской безопасности»[60]. После революции 1989−1990 гг. Центральная Европа так или иначе пришла в движение. Она протестовала против того, чтобы её называли «Восточной Европой». Так, на одной из международных конференций в начале 1990-х годов, в частности, отмечалось: «Не следует говорить о Восточной Европе, ибо речь, собственно, идет о середине Европы, о восстановлении и повторном наполнении Европы... Нынче часто можно услышать, что Центральная Европа мертва. И говорят об этом с поразительным спокойствием именно после падения “железного занавеса” и в связи с расширением границ Евросоюза»[61].

В новых исторических условиях Венгрия и некоторые другие страны региона выражали свою готовность, — как прежде, в эпоху Средневековья, — к взаимовыгодному региональному сотрудничеству, а также к функционированию в качестве центральноевропейского «моста», способствуя тем самым налаживанию контактов между Востоком и Западом. В этом направлении были сделаны конкретные шаги ещё кадаровского руководства Венгрии. Оно первым из соцстран региона взялось за установление добрососедских отношений со странами Запада. В дальнейшем, будучи заинтересованной в сотрудничестве, как с Западом так и с Востоком, Венгрия содействовала сближению двух мировых систем. Летом 1989 г. на венгерско-австрийской границе началось удаление пограничного заграждения из колючей проволоки — ненавистного всем симво-

[59] *Konrád Gy*. Op. cit. 89–91. old.
[60] Ibidem.
[61] Európai Utas. 1996. 24. sz. 8. old.

ла «железного занавеса», олицетворявшего разделенность Европы; осенью того же года пала и берлинская стена. Были и другие яркие моменты в процессе сближения двух частей Европы, непосредственно связанные с Венгрией. Здесь достаточно напомнить об открытии венгеро-австрийской границы перед многотысячными «туристами-беженцами» из ГДР, отказывавшимися возвращаться на родину. В сентябре 1989 г. они смогли свободно выехать на Запад. Оценивая поступок венгерских социалистических лидеров, бывший вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ Г. Д. Геншер впоследствии выразил им благодарность за смелое решение, которое, по его словам, привело к ликвидации «железного занавеса». «Венгры, — отмечал он, — своим смелым поступком вызвали к жизни тот самый процесс, который со временем привел к объединению Германии и всей Европы»[62].

После нормализации отношений между двумя супердержавами (США и СССР), объединения Германии и серии демократических, в основном мирных революций, прошедших в странах Центральной Европы, демократического переустройства в России фактически отпала необходимость в каком-либо посредничестве между Востоком и Западом. В условиях реально начавшегося процесса единения Европы и новых коммуникационных возможностей функция центральноевропейских государств как «моста», связывающего Восток и Запад, практически отпала.

Страны Центральной Европы, политический корабль которых на рубеже 1980–1990-х годов восстановил режим свободного плавания, встали перед альтернативой, перед новым историческим выбором: а) совместными усилиями создать прочное самостоятельное региональное объединение; б) приобщиться к существующему сообществу стран Запада. На начальном этапе наиболее реальным вариантом казалось создание организации по сотрудничеству и сплочению стран Центральной Европы. Такая работа была начата в условиях, когда еще не распались восточноевропейские организации сотрудничества (СЭВ и ОВД), но параллельно уже развернулись поиски форм центральноевропейской интеграции.

В результате Австрия, Венгрия, Югославия и Италия образовали в 1989 г. в Будапеште самостоятельную организацию. Она сначала называлась «Инициатива четырёх», но с присоединением к

---

[62] Népszabadság. 1999. 10. IX.

ней в 1990 г. Чехословакии стала именоваться «Пентагонале» («Пятигранник»), а когда в 1991 г. в её состав вошла и Польша — «Гексагонале» («Шестигранник»). Эта организация занялась, прежде всего, вопросами экономического сотрудничества и налаживанием политических взаимоотношений регионального характера. К ней впоследствии присоединились Албания, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Болгария, Македония, Молдавия, Румыния, (с распадом Чехословакии вошла и Словакия), Словения, Украина, Хорватия и, хотя организация вышла за пределы шраниц Центральной Европы (однако без Германии), она стала известной как Центральноевропейская инициатива (англ. — ISE), в состав которой в 2001 г. входили в общей сложности уже 16 государств.

Был создан и другой, казалось, довольно перспективный региональный союз — Вишеградская тройка с участием Польши, Венгрии и Чехословакии (позже преобразованный в центральноевропейскую «четверку») — который при благоприятных внешних и внутренних условиях мог бы стать действительно важным объединяющим фактором в регионе, ядром для сплочения заинтересованных стран и народов. 15 февраля 1991 г. в венгерском городе Вишеград президенты трёх независимых государств подписали Декларацию о сотрудничестве. Участники этого союза, расширив рамки взаимовыгодного сотрудничества, сразу же вышли за пределы чисто экономического взаимодействия. В названном документе было выражено стремление развивать связи в политической, экономической, оборонной, общественной и культурной сфере и координировать свои не только действия внутри сотрудничества, но и сотрудничатьс международными институтами.

Успешное начало этого центральноевропейского многопланового сотрудничества (особенно до распада Чехословакии) в рамках вишеградской группы вскоре наткнулось, на труднопреодолимые проблемы, вызванные как ситуацией, сложившейся внутри самого союза (борьба за лидерство), так и некоторыми неблагоприятными внешними факторами (в частности, опасениями тогда ещё советского руководства, что страны-члены в последствии могут присоединиться к НАТО). Распад Чехословакии, самоизоляция и последующая особая позиция Словакии (вплоть до 1997 г.) в рамках союза, стремление Польши к лидерству и реакция на это со стороны остальных членов[63]

[63] См.: Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. М., 2003., С. 255.

и некоторые другие причины резко снизили начальную эффективность деятельности Вишеградской группы по сплочению региона. Эти негативные явления и обстоятельства в комплексе затормозили многообещавший процесс формирования нового центральноевропейского пути развития. Вишеградское объединение в условиях 1994–1997 гг. по сути ограничивалось протокольными встречами. Развитие интеграционного процесса в дальнейшем стало углубляться, но в связи с расширением НАТО на Восток, военными событиями в Югославии, на передний план вышло стремление скорейшего вступления в евроатлантические интеграционные системы, не формирование и утверждение самостоятельной Центральной Европы как отдельного европейского региона.

Произошло это в результате осознания того, что серединноевропейское пространство, выйдя из зоны советской опеки, не имея необходимых международных гарантий со стороны великих держав, в новых истрических условиях также не может оставаться нейтральной полосой между Востоком и Западом. «Неопределенная и разделенная, никому не принадлежащая территория вакуума Восточно-Центральной Европы, — писал в этой связи П. Милетич, — могла побудить Германию и Россию, которые переживали эпоху национального самоопределения, ввязаться в соревнование за доминирование в Восточно-Центральной Еворопе»[64]. В такой постановке вопроса в отношении ослабленной России и весьма осторожной и запомнившей уроки истории ФРГ конечно можно сомневаться, однако, при этом ситуация в постсоветском пространстве, а также в бывших соцстранах Европы (особенно в Югославии) действительно оказалась довольно нестабильной. Поэтому этот фактор, несомненно, приходилось учитывать, ибо он оказывал влияние на настроение населения стран и вызывал геополитическеую неуверенность, неопределенность и даже кризис идентичностей (национальной, государственно-территориальной, региональной) . По мнению Милетича, была опасность, что регион снова превратится в зону конфликтов, и «малые государства были вынуждены искать себе опекунов со стороны великих держав».

Касаясь этих проблем, следует отметить, что страны Вишеградской четвёрки в целях сближения с западноевропейскими институтами ещё раньше — в конце 1992 г. — подписали в польском

[64] Miletics Péter. Op. cit., 145. old.

г. Кракове Центральноевропейское соглашение о свободной торговле (англ. — CEFTA). От него ожидали возможность быстрого подключения региона к западноевропейским торговым, политическим, оборонным и правовым системам, оно было призвано облегчить консолидацию демократии в странах четвёрки и укрепить в них рыночную экономику. Число участников, примкнувших впоследствии к соглашению постоянно росло. Первой в 1996 г. в него вступила Словения, после чего было решено охватить зоной свободной торговли и балканский регион — в 1997 г. присоединилась Румыния, в 1998 г. — Болгария, в 2002 г. — Хорватия, 2006 г. — Македония. Страны-основательницы в 2004 г., после их принятия в Европейский Союз, уступили место и другим балканским странам, для которых путь в ЕС также пролегал через членство в этом центральноевропейском соглашении.

Основной причиной, затормозившей процесс центральноевропейской интеграции, наряду с нестабильной геополитической ситуацией и некоторыми внутренними проблемами региона, стало *отсутствие внешних гарантий* для независимого и самостоятельного функционирования региона. Конечно, сказывалось и отсутствие полного взаимопонимания и единства в самих региональных организациях, что также мешало становлению новой Центральной Европы. В этой связи не без основания отмечал впоследствии генеральный директор Венгерского института внешней политики проф. А. Балог, что «у Венгрии не было другой альтернативы, кроме как включиться в европейскую интеграцию»[65].

Центральноевропейский регион, превратившись в громадный «паром», в итоге причалил к западным берегам, влившись в состав единой Европы.

Венгрия, как одна из стран Центральной Европы, в декабре 2003 г. завершила в Копенгагене переговоры о вступлениии в ЕС и после ратификации протокола его остальными членами, вместе с Кипром, Латвией, Литвой, Мальтой, Чехией, Эстонией, Словакией и Словенией 1 мая 2005 г. была принята в члены Евросоюза. Пройдя через определенные этапы, она действительно «возвратилась» в большую Европу. В свое время первый премьер-министр новой демократической Венгрии Й. Анталл первым из руководителей стран бывшего социалистического лагеря обратился к западным державам

[65] *Balogh A*. Európaiak az Unió kapuja előtt // Európai Utas. 1998. 31. sz. 18. old.

с выражением пожелания своей страны присоединиться к западным структурам[66]. Затем в 1990 г. уже в программе правительства вполне определенно была зафиксирована решимость восстановления полноты связей с Западом и включения в его структуры. В октябре 1990 г. Венгрия стала членом Совета Европы, в 1996 г. — Организации экономического сотрудничества и развития, в 1999 г. вступила в НАТО, а затем в 2005 г., как уже было сказано выше, была принята в Европейский Союз в качестве полноправного члена (ассоциированным членом стала с 1994 г.).

Как и другие страны Центральной Европы, Венгрия в конечном счете приняла политическое решение, определяющее ее ориентацию и место в Европе. Была ли тем самым центральноевропейская идея окончательно снята с повестки дня, либо она будет реализована на новом уровне в рамках обединенной Европы покажет будущее.

Центральноевропейскую принадлежность стран и народов этого региона продолжает укреплять их сотрудничество в рамках Вишеградско группы. В рамках ЕС в начале мая 2004 г. представители Венгрии, Польши, Словакии и Чехии создали специальный Консультативный Совет Еврорегионов Вишеградских государств. В договоре Совета в качестве основной задачи были определены: поддержка и координация сотрудничества самых различных организаций на территории каждой из стран; укрепление добрососедских отношений, основанных на самоуправлении и территориальном развитии; разработка многочисленных программ. Всё это направлено на дальнейшее укрепление центральноевропейского сплочения и всестороннего регионального сотрудничества.

[66] Népszabadság. 1996. 22.VII.

Е. Сюпюр

Эмиграция: социальные и политические условия жизни в Юго-Восточной Европе. XV–XIX вв.
Некоторые размышления

Если мы обратимся к рассмотрению демографических процессов в Юго-Восточной Европе, то увидим, что за пять последних столетий феномен переселения людей (эмиграции, иммиграции), присутствующий и в XX, и в XXI веках, стал закономерным явлением в истории региона. В течение нескольких веков миграции были индивидуальными и коллективными, принимали разные формы; различными и многообразными были причины, заставлявшие людей переселяться с насиженных мест. Вместе с тем феномен эмиграции всегда существовал как реальная альтернатива проживанию людей на определенной территории.

В силу своей долговременности феномен миграций имел многообразные последствия — как негативные, так и позитивные. Он оказывал значительное влияние как на менталитет населения Юго-Восточной Европы, так и на культуру и даже экономику стран региона. Если рассматривать этот феномен, исходя как из исторической перспективы, так и с позиций сегодняшнего дня, то следует признать его драматические последствия для политической жизни народов Юго-Восточной Европы, имея в виду продолжающиеся по сей день межэтнические, культурные, межконфессиональные конфликты, сопровождающиеся массовыми переселениями людей, побегами, обменом населением, легальной и нелегальной эмиграцией.

Феномен эмиграции был одной из главных тем историографии нового и новейшего времени в странах Юго-Восточной Европы, через которые проходили большие волны миграции (Румыния, Болгария, Сербия, Греция, Албания). К миграционным процессам в регионе привлекалось также внимание многих исторических и политологических школ Западной Европы. Библиография феномена, о котором идет речь, насчитывает огромное количество исследований (статей, монографий, сборников документов и т. д.), тяготеющих к разным научным дисциплинам, сильно отличающихся друг от друга в методологическом плане[1].

---

[1] Мы будем цитировать лишь некоторые работы — монографии, исследования, документальные собрания, относящиеся к богатой и неисчерпаемой библиографии по нашей теме. Благодарим за ценные библиографические указания коллегу Хилдрен Глас

Феномен миграций и перемещения населения в Юго-Восточной Европе может быть исследован исходя из самых разных перспектив, и прежде всего тех, на которых мы остановимся в настоящей статье:

1. С точки зрения перспективы жизни отдельного индивида и существования человеческого сообщества;

2. из перспективы геополитических и территориальных изменений;

из Мюнхенского университета: *Zamfir Arbore*, Basarabia in secolul al XlX–lea, Bucureşti, 1899; *idem*, Dicționarul geografic al Basarabiei, Ed. Socecu, Bucureşti, 1904; *Denise Eeckaute-Bardery*, Les migrants balkaniques et danubiens en France, in «Cahiers balkaniques», 1991, 13. op.cit. p. 209–215; *Paul Cernovodeanu*, Bucarest. Important centre politique du Sud-Est europeen à la fin du XVIIeme siecle et au commencement du XVIIIeme, dans «Revue des etudes sud-est europeennes» (RESEE), tome IV, 1966, no. L–2 , p. 147–168 ; *Nicolae Ciachir, Gelcu Maxutovici*, Unele aspecte create pe teritoriul României mişcării albaneze de la sfârşitul secolului al XlX-lea, începutul secolului XX, in «Revista arhivelor», X, 1967, no. l; *N.S. Derjavin*, Bolgarskiie kolonii v Rossii, – in «Sbornik za Narodni Umotvorenija i Knijnina» (SNUK), Sofia, 1914; *Cornelia Papacostea Danielopolu*, Comunitățile greceşti din România în secolul al XlX-lea, Ed. Omnia, Bucureşti, 1996; *Dittmar Dahlmann* (Hg.), Migration nach Ost-und Sudosteuropa von IS.bis zum Begin des 19. Jarhunderts, Sttutganl999; *Veselin Djordjevac*, Les migrations yougoslaves in «Cahiers balkaniques», 1991, 13 (Migrations balkniques et danubiennes, I), p. 149–169; *Charles Eddy*, Greeceandthe Greek Refugees, London, 1931; *Milorad Ekmecic*, The Internațional and Intercontinental Migrational Movements from the Yougoslav Lands from the Endofthe XVIIIth Century till 1941, in ***, Les migrations internationales de la fin du XVIIIe siecle à nos jours, Paris 1980, p. 566–594; *Elena Hadjinikolova,* Bălgarskite preselnitzi v iujnite oblasti na Rusija. 1856–1877, Sofia, 1987; *Evangelos Konstantinou* (Hg.), Griechische Migration in Europa.Geschichte und Gegenwart (Coli. «Philhellenische Studien», Bd. 8), Frankfurt, 2000; *Arsh Gregori*, On the History of Greek Migration to Russia in the late 18th and early 19th Centuries, in Evangelos Konstantinou (Hg) Griechische.. op. cit., p. 16–21; *Sava lancovici*, Relations roumano-albanises à l'epoque de la renaissarice et de l'emancipation du peuple albanais, in «RESEE», tom IX, 1971, no. l, p. 5–48; *Nikolai Jecev*, Brăila i bălgarskoto Vazrajdane, Sofia, 1970; *ibidem*, Bukureşti – kulturno sredişte na bălgarite prez Vazrajdane, Sofia, 1991; *Fikret Adanir, Hilmar Kaiser*, Migration, Deportation and Nation Building: The case of the Ottoman Empire in Rene Leboutte (Hg),, Migrations and Migrants in Historical Perspective: Permanencies and Innovations, Brussels, 2000, p. 273–292; *Cristia Maxutovici*, Comunitatea albaneză din România în Istoria Comunității albaneze din România, vol. I, Bucureşti, 2000; *Franncisk Pali*, Skanderbeg et Iannco de Hunedoara, in «RESEE», tom VI, 1968, no. l, p. 5–22; *Radovan Samardzic*, Migrations in Serbien History (Eera of Foreign Rule) in ***, Migrations in the Balkan History, Belgrade 1989, p. 83–89; *Jovan Civjic*, La peninsule balkanique.Geographie humaine, Paris, 1918; *G.G. Pisarevski*, Iz istorija innostrannoi kolonizatzii v Rossii v 18.veka, Moskva, 1909; *D. Polena*, Mişcarea națională albaneză, UCAR, Bucureşti, 2000; *H.D. Siruni*, Armenii în viața economică a Țărilor Române, Bucureşti, 1944; *Elena Siupiur*, Changements dans la Structure ethno-demographique de la Bessarabie au XIXe sfecle (1794–1894), dans Between East and West Studies in Antropology and Social History, Bucureşti, 2005, p. 493–521; *A. Skalkovski*, Bolgarskie kolonii v Bessarabii i Novorossiiskom kraje, Odessa, 1948; *Christa Stamenovitch*, L'emigration Yougoslave (Serbo-Croato-Slovene), Paris, 1926;***, Structure sociale et developpement culturel des villes sud-est europeennes et adriatiques aux XVIIe–XVIIIe

3. из перспективы изменений этнодемографической и этноконфессиональной структуры;

4. из перспективы изменений профессиональной структуры, которая складывалась в разных странах под постоянным влиянием процессов миграции населения через этнические или государственные границы.

Каждая из этих перспектив предполагает для своего изучения определенное количество тем, проблем, аспектов и может быть исследована методами разных дисциплин: истории, этносоциологии, этнолингвистики, истории культуры, политических, юридических наук (в том числе международного права). Необходимо прежде всего выявить главные причины и факторы миграционных процессов, уточнить территории, где появился и развивался феномен эмиграции[2].

Нашествие и присутствие осман в Юго-Восточной Европе положили начало этому длительному по своему историческому развитию феномену. Приход осман уничтожил все средневековые государства региона — болгарское, сербское, албанское, а также Константинополь — символ восточного христианства. Прекратили свое существование восточная христианская империя и целый ряд монархических государств, был ликвидирован сам институт христианской монархии европейского типа в Юго-Восточной Европе, уничтожены местные политические классы и средневековые системы государственности во всех их аспектах — политическом, экономическом, культурном, конфессиональном. Была установлена новая политическая и военная власть — исламская, насаждавшая право, чуждое местному

---

siècle, Bucarest, 1975; *Nikolaj Todorov*, La viile balkanique aux XVe–XIXe siècles. Developpement socio-economique et demographique, Bucarest, 1980; *Veselin Traikov, Nikolai Jecev*, Bălgarskata emigratzija v Rumânija XIV-vek do 1878 g, Sofia, 1986; *Emil Turdeanu*, Oameni şi cărţi de altădată, Ed. Enciclopedică, Bucureşti, 1997; *Constantin N. Velichi*, La contribution de l'emigration bulgare de Valachie à la renaissance politique et culturelle du peuple bulgare (1762–1850), Ed. Academiei, Bucureşti, 1970; *idem*, La Roumanie et le mouvement revolutionaire bulgare de liberation nationale (1850–1878), Ed. Academiei, Bucureşti, 1979; Проф. М. Берза в одной статье показал некоторые интересные перспективы изучения Юго-Восточной Европы: *Mihai Berza*, Les grandes etapes de l 'histoire du Sud-Est europeen, dans Tradition et innovation dans la culture des pays du Sud-Est europeen, Colloque tenu le 11 septembre 1967 a Bucarest à l'occasion de la IXe Assemblee Generale du CIPSH, Bucarest, 1967, p. 9–28.

[2] Cauzele, circuitele, factorii de acţiune, spaţiul de mişcare (însoţit de date statistice) le-am mai expus pe larg şi în studiul: *Elena Siupiur*, Changements dans la Structure op.cit; *idem*,Von Bessarabien zur Republik Moldau — die historischen Wurzeln eines Konflikts, «Südost-Europa», 42 Jahrgang 1993, H. 3–4, p. 153–162; *V. Traikov, N. Jecev*, Bălgarska emigratija.. op.cit chap. I, p. 19–49, Bălagarite nasever ot Dunava. XIV–XVIII v.

населению. Для народов Юго-Восточной Европы началась длинная ночь, а с геополитической точки зрения Европа была разделена на две части — христианская Европа со своим населением и институтами и европейская Турция, где большинство составляли также христиане, но управляемые исламской политической администрацией.

Как следствие османского вторжения начинается перемещение больших групп людей в другую часть Европы, еще свободную от осман — не только в Италию, Австрию, Германию, Францию, но и в близлежащие Дунайские княжества, которые еще не были оккупированы турками, в Украину и Россию. Заметное место в потоке эмиграции заняли книжники, учителя, деятели церкви — в Италии благодаря них культура Возрождения питалась наследием греческой античности.

Культурная и церковная эмиграция из Юго-Восточной Европы, произошедшая вследствие турецкого нашествия, была неплохо исследована историками культуры, искусства, литературы, книжного дела, церкви[3], однако надо иметь в виду, что наступление турок

[3] *Ariadna Camariano-Cioran*, Les Academies princieres de Bucarest et Jassy et leurs professeurs, Thessaloniki, 1974; *Nestor Camariano*, Catalogul manuscriselor greceşti, Bucureşti, 1940; *Virgil Gândea*, Les intellectuels du Sud-Est europeen au XVIIe siecle, «RESEE», tome VIII, 1970, no. 2, p. 181–230 et no. 4, p. 623–688; *Gh.Cronț*, Byzantine Juridical Influence in the Romanian Feudal Society, «RESEE», tome II, 1964, p. 359–383; *Cornelia Papacostea-Danielopolu*, Convergences culturelles greco-roumaines (1774–1859), Thessaloniki, 1998 (I. La litterature en lange grecque dans Ies Principautes Roumaines (1774–1830) — p. 25–224 et II. Les intellectuels roumains des Principautes Danubiennes et la culture hellenique (1821–1829) — p. 225–356; *C. Papacostea Danielopolu, O. Cicanci, E. Siupiur, C. Vătaşescu*, Intelectuali din Balcani în România. Sec. XVII–XX, Ed. Academiei, Bucureşti, 1984; *Alexandru Elian*, Legăturile Mitropoliei Ungrovlahiei cu Patriarhia de Constantinopol şi cu celelate Biserici Ortodoxe de la întemeiere până la 1800, «Biserica Ortodoxă Română», XVII, 1959, no. 10, p. 904–935; *Luminița Fassel*, Das deutsche Schuhvesen in Bessarabien.1812–1940, Munchen,2000; *Boris L. Fonkic*, Grecesko-russkie kul'turnie svjazi v XV–XVIII w., Moskva, 1977; *Ilia Konev*, Bălgarskoto Văzdrajdane i Prosveshtenieto, Vol. I–III, 2art.p., Ed. Acad. Sofia, 1983, 1991, 1998, 2001; *Ion Radu Mircea*, Repertoire des manuscrits slaves en Roumanie.Auteurs byzantins et slaves, (Ed. Pavlina Boiceva), Sofia, 2005; *D. Năstase*, L'heritage imperial byzantine dans l'art et l'histoire des pays roumains, Milano, 1976; *Petre Şt. Năsturel*, Le Mont Athos et Ies Roumains. Recherches sur leurs relations du milieu du XlVe siecle a 1654, «Orientalia Christiana Analecta», no. 227, Roma, 1986; *Victor Papacostea*, Civilizatie românească şi civilizație balcanică, Bucureşti, 1983; *P.P. Panaitescu*, Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR, vol. I, Bucureşti, 1959; *Andrei Pippidi*, Tradiția politică bizantină în Țările Române în sec. XVI–XVIII, Ed. Academiei Române, Bucureşti, 1983; *Demonstene Russo,* Studii şi Critice, Bucureşti, 1910; *idem*, Elenizmul în România.Epoca bizantină şi fanarioții, Bucureşti, 1912; *Elena Siupiur*, Bălgarska emigrantska Inteligentzija v Rumanija prey XIX-ti vek, Ed.Acad., Sofia, 1982; *idem*, Bălgarskite ucilishta v Rumânia prez XlX-ti vek, Ed. Acad., Sofia 1999; *Emil Turdeanu*, Etudes de litterature roumaine et d'ecrits slaves

и мародерство во время войн выгнали со своих мест также большое количество простого населения с Балкан. Хотя в ряде районов к северу от Дуная сохранились некоторые национальные анклавы, следы многих тысяч эмигрантов за пять прошедших веков затерялись в результате экономической и этнической ассимиляции. В первые десятилетия после османского нашествия последовали восстания балканских народов против турок; сербские, албанские, валашские, молдавские, трансильванские воеводы вели при поддержке Западной Европы освободительные войны[4]. Следствием этих войн явились новые потоки массовой эмиграции в районы к северу от Дуная, а оттуда главным образом на Запад.

В последующем вплоть до начала XX в. эмиграция с Балкан не прекращалась, что было результатом антиосманских войн и восстаний, русско-турецких войн (1711–1878), целенаправленной политики как Габсбургской, так и Российской империи, своими мерами способствовавшей оттоку населения, преимущественно славянского, на территории, расположенные к северу от Дуная[5]. Процессы, о которых идет речь, затронули начиная с момента пришествия осман в XV в. огромные территории, относившиеся ранее к Византийской империи, Первому и Второму Болгарским царствам, сербским княжествам и т. д.

---

et grecs des Principautes Roumaines, Leiden, 1985; i*dem*, Miniatura bulgară şi începuturile miniaturii româneşti, dans Oameni şi cărţi... op-cit, p. 169–232; *L. Vranoussis*, L'hellenisme post-byzantine et l'Europe. Manuscrits, livres, imprimeries, «XVIe Congres Internaţional d'etudes byzantines» Viena, 1981.

[4] Academia Română, Istoria Românilor, voi. III–VII, Bucureşti, 2001, 2003; *Johannes Faensen,* Die Albanische Nationalbewegung, Berlin, 1980; Institut po Istoria na BAN, Istoria na Sătgarija, tom. I–VII, Ed. Acad. Sofia, 1979, 1981, 1982, 1983, 1985, 1987, 1991; Institut po istoria na Ban, Atlas na bălgarska istorija, Ed. Acad. Sofia, 1963; *Barbara Jelavich*, History of the Balkan, I, Cambridge Univ.Press, New-York, 1983; *idem*, The Britisch Traveller in the Balkan: The Abuses of Ottomann Administration in the Slavonie Provinces, in «Slavonie and East European Review», tome. 33, no. 81, 1955, p. 396–413; *Măria Todorova*, Imagining the Balkam Oxford University Press, 1997, ed. Roumaine Balcanii şi Balcanismul, Ed. Humanitas, Bucureşti, 2000.

[5] *Jean Nouzille*, Histoire de la frontiere entre l'Autriche et l'Empire Ottoman, Paris, 1991; *Emil Palotas*, Osterreichische diplomatische Quellen zur Balkanpolitik der Habsburgmonarchie in der zweiten Hălfte des 19.Jahrhunderts, in Leş documents diplomatiques. Importantes sources des etudes balkaniques. Actes de la Conference scientifique internaţionale,Tueing-Munich, 4–6 mai 1986, Roma 1988, p. 151–163; *G.S. Rakovski*, Preselenie v Russija i ruskata ubiistvena politika za bălgarite, (Bucureşti), 1861; Spisok naselennîh mest Rossiiskoi Imperii po svedenija 1859. Hersonskaja Gubernija, Spb., 1868, p. XVII, apud Elena Hadjinikolova, Bălgarskite preselnitzi...op.cit, p. 20–30.; *Karl Teblizov, Măria Vekova, Marin Liuliuşev*, Bălgarskoto obrazovanie v Banat i Transilvanija, Veliko Târnovo, 1996.

Начиная со спонтанной эмиграции времен нашествия турок территория Османской империи в течение веков оставалась главным «поставщиком» мигрантов. Последний вал эмиграции относится к 1915 г., когда миллионы армян бежали в христианскую Европу, спасаясь от турецкого геноцида.

Со временем, начиная с конца XVIII – начала XIX в., в пределах трех империй, распространявших свое влияние на Юго-Восточную Европу, (Российской, Османской и Габсбургской) возникали новые зоны и потоки миграции. Греки, болгары, албанцы эмигрируют из Османской империи в районы к северу от Дуная. Позже турецко-татарское мусульманское население переселяется российскими властями из Южной Бессарабии, ставшей в 1812 г. частью Российской империи, на болгарские территории в пределы Османской империи, а также в Крым; еврейское население с территории Российской империи, а также из Галиции и из Османской империи — в Валахию, Молдову, Трансильванию, Венгрию. Польское католическое население из Российской империи бежало в Габсбургскую империю, в то же время участники некоторых польских политических и интеллектуальных движений были депортированы в Сибирь. Эмигрировали на восток немцы, приглашенные Российской империей поселиться на приобретенных ею территориях. В поток миграций включались также политические беженцы, спасавшиеся от репрессий — люди многих национальностей, в том числе южные славяне, греки, албанцы из Османской империи, поляки из Российской империи. Многие тысячи людей бежали, спасаясь от погромов — евреи, болгары, сербы, армяне, поляки и т. д. Перемещения различных этнических групп в рамках вышеназванных трех империй нередко совпадали с перемещениями религиозных групп, таких как православные, католики, протестанты, староверы, иудеи, мусульмане[6]. И почти все эти миграции коснулись региона Юго-Восточной Европы.

---

[6] *Lya Benjamin*, Evreii din România în texte istoriografice.Antologie, Edit. Hasefer, Bucureşti, 2002; *Luminița Fassel*, Das deutsche... op.cit., *Carol Iancu*, Les Juifs en Roumanie. 1866–1919. De l'exclusion á l'emancipation, Aix-en-Provence, 1974; edition roumaine, Ed. Hasefer, Bucureşti, 1996; *L. Rotman*, Şcoala israelito-română (1851–1914), Ed. Hasefer, Bucureşti, 1999; *Josef Sallanz*, Zum Migrationverhalten bei den russischen Lipowanern und Ucrainern in der rumănischen Dobrudscha, RESEE, tom XLIV, no. 1–14, 2006, p. 43–58 (et Bibliographie sur la structure ethnique et confesionnele de la Dobrudscha); *E.Siupiur*, Changements. op. cit, p. 509–511; *V. Traikov*, Ideologhiceski tecenija programi v natzionalno-osvoboditenite dvijenija na Balkanite do 1878 g., Sofia, 1978 (red. roumaine, Curente ideologice şi programe din mişcările de eliberare națională din Balcani până în anul 1878, Bucureşti, 1986) (avec une Bibliographie exhaustive du theme).

Другой причиной демографических изменений явились геополитические изменения, т. е. обмен территориями между вышеупомянутыми империями, а также процесс образования новых государств. Еще в XIV–XV вв. прекратили существование Византийская империя и средневековые балканские государства. Принадлежавшие им территории в результате перекройки границ были превращены в пашалыки, вилайеты и санджаки, включенные военно-политически в Османскую империю. В 1775 г. Габсбурги овладевают северной частью Молдавии — Буковиной[7]; в 1812 г. в состав Российской империи переходит Бессарабия. В 1830 г. на территориях, отделившихся от Османской империи, образуется королевство Греция, хотя большинство греческих островов пока еще остается в составе Османской империи. Начиная с этого времени большая часть греческой диаспоры в Европе возвращается на родину. С 1814 г. начинает завоевывать и постепенно расширять свою автономию сербское государство. После Крымской войны, вследствие мирной конференции в Париже часть Южной Бессарабии была возвращена Молдавии (вскоре объединившейся с Валахией в румынское государство), однако после Берлинского конгресса, в конце 1870-х годов эта территория переходит снова к Российской империи. В то же самое время Северная Добруджа отбирается у Османской империи и отдается Румынии, которая становится независимым государством, как и Сербия. В том же 1878 г. образуется автономное княжество Болгария, которое в 1885 г. объединилось с Восточной Румелией. С появлением национального болгарского государства большое количество болгар со всего света возвращается на свою историческую родину[8], а в 1908 г. Болгария становится полностью независимой от Османской империи. В том же году Босния и Герцеговина были включены в Австро-Венгерскую монархию. В 1913 и 1918 гг. вследствие Второй Балканской и Первой Мировой войн Южная Добруджа переходит к Румынии. Таким образом, в течение 100 лет большое количество

[7] General Spleny's Beschreibung der Bukovina, 1775, in Bucovina în primele descrieri geografice, istorice, economice şi demografice, Ed. bilingue par Acad. Radu Grigorovici, Ed. de l'Academie Roumaine, Bucarest, 1998, p. 10–278; *M. Iacobescu*, Din istoria Bucovinei, vol. I (1774–1862), De la administraţie militară la autonomie provincială, Ed. Acad.Române, Bucureşti, 1993; *I. Nistor*, Istoria Bucovinei, Bucureşti, 1991.

[8] *G. Castellan*, Histoire des Balkan((XIVe–XXe siecle), Paris, 1991; *K. Jirecek*, Istorija Srba, tome I–II, Beograd, 1952; *B. Jelavich*, History of the Balkans, op. cit; *I. Nistor*, Istoria Basarabiei, Chişinău, 1991; *M. Todorova*, Imagining... op.cit. chp. 7, p. 252–286; *V. Traikov*, Ideologhiceski ...op. cit.

населения переходило с одной территории на другую, из одной империи в другую, из одного политического пространства в другое.

Начиная со средних веков в потоке миграции преобладали христиане, бежавшие с территорий, подвергавшихся насильственной исламизации (Албания, юг Болгарии, Босния), зачастую сопровождавшейся массовым уничтожением населения, продажей людей в рабство на арабских и азиатских рынках, что нашло отражение в балканском (прежде всего болгарском и сербском) средневековом фольклоре[9]. Эмигранты устремлялись в основном на европейские христианские территории; исключение составляли турки и татары из Буджака (Южной Бессарабии), которые были выселены насильственно с 1794 по 1806 г. в Османскую империю, на территории, где проживало болгарское христианское население. В XVIII – начале XIX в. вследствие национальной, конфессиональной, идеологической, политической розни, но также и в силу экономических причин эмигрировали в разных направлениях христиане с территорий, заселенных представителями различных конфессий — православными, католиками, протестантами. Разнонаправленные процессы миграции существовали в XIX веке. Хотя главный поток мигрантов устремлялся на территории, где сложились более благоприятные условия для индивидуального и коллективного развития, происходило движение населения не только с Востока на Запад, но и с Запада на Восток — в силу причин профессионального характера, политических, а часто и сугубо личных. Таким образом, в миграционные потоки вливались люди совершенно разных национальностей (французы, немцы, швейцарцы, русские, украинцы, поляки, евреи, греки, болгары, албанцы и т. д.).

Часто людей заставляла эмигрировать чуждая государственная система. Так, в течение ряда веков христиане разных национальностей уезжали с территории Османской империи; из Российской и Габсбургской империй переселялись поляки, буковинские и бессарабские румыны. Во многих случаях миграции были связаны непосредственно с репрессивной политикой российского, османского или габсбургского государства — можно привести в пример русскую политическую эмиграцию, а также эмиграцию евреев,

[9] Folclorul medieval balcanic numără sute de texte care vorbesc de robire, «lanţuri de robi», «vânzarea robilor creştini», eliberarea de către haiduci a robilor; unul din ele este Ciclul bulgar şi sârb «Krali Marko». Vz. Narodne epske pjesme, II, Zagreb, 1964; Bălgarski junaşki epos epos, in Sbornik za narodhi Umoivorenija i Narodnopis, Kniga LIII, BAN, Sofia, 1971.

болгар, греков, сербов, поляков, румын (из Трансильвании и Буковины). Тысячи людей уезжали — временно или навсегда — с территорий, на которых происходили войны и восстания (балканские войны XVIII–XIX веков, восстания в Греции, Болгарии, Сербии, на греческих островах, польские восстания 1830 и 1863 гг., сопровождавшиеся тяжкими репрессиями). Существовали также экономические и культурные мотивы миграций[10].

Причины миграции и направления потоков переселения значительно менялись с конца XVIII в., вследствие Великой Французской революции и наполеоновских войн, а в течение XIX в. продолжали меняться в силу возникновения новых, в первую очередь национальных движений (идеологических, политических), связанных с созданием национальных государств на Балканах. Речь идет о периоде, когда европейские интеллектуальные движения соединяются с усилиями народов Юго-Восточной Европы, направленными на освобождение от османского ига, периоде создания развернутых политических программ национального освобождения, революционных комитетов и т. д.[11]. Причем все эти комитеты и общества, как правило, образуются не в пределах Османской империи, а на территориях, где проживала эмиграция, особенно политическая и интеллектуальная[12]. Период, о котором идет речь, совпадает с русско-турецкими войнами, с политикой России, направленной на освобождение христиан на Балканах, а также на привлечение большого количества христианского населения с Балкан на румынские

---

[10] *D. Kosev, V. Paskaleva, Vl. Diculescu*, Despre situația şi activitatea economică a imigrației bulgare în Muntenia şi Oltenia în sec. al XIX-lea până la Războiul din 1877–1878, în relații româno-bulgare cele-a lungul veacurilor. Sec. XII–XIX, Studii, voi. l, Ed. Academiei, Bucureşti, 1971 p. 283–368; *O. Cicanci*, Companiile greceşti din Transilvania şi comerțul european în anii 1636–1746, Bucureşti, 1981.

[11] *Notis Botzaris*, Visions balkaniques dans Ia preparation de la Revolution Grecque (1789–1821), Genève-Paris, 1962; *Veselin Traikov*, Ideologiceski... op. cit; *C. Velichi*, op.cit.

[12] *C. Papacostea-Danielopolu*, Formația intelectualilor greci din țările române (1750–1830), in Intelectuali din Balcani.. op. cit., p. 68–113; *Olga Cicanci*, Cărturari greci în țările romane (sec. XVII–1750), in Intelectuali din... op. cit, p. 15–67; *Elena Siupiur*, Intelectuali bulgari de emigrație în România în sec. al XlX-lea, in Intelectuali din.. op. cit., p. 114–162; *C. Vatăşescu*, Activitatea intelectuală şi culturală a albanezilor din România (1844–1942), în Intelectuali din... op. cit, p. 163–198; *I. Konev*, op. cit., vol. III p. 1–2; *Emanuel Turczynski*, Die deutsch-griechischen Kulturbeziehungen bis zur Berufung König Ottos, München, 1956; *idem*, Von der Aufklärung zum Frühliberalismus, München, 1985 (ed. roumaine, De la iluminism la liberalismul timpuriu, Ed. FCR, Bucureşti, 2000.

и российские территории. Политика эта имела следствием перемещение тысяч семей к северу от Дуная[13].

Массовые перемещения населения в Юго-Восточной Европе и сопутствующие им изменения его положения имели большие личностные, психологические последствия. Момент наступления и последующее утверждение Османской империи на Балканах, сопровождавшиеся уходом многих тысяч людей со своих мест, постоянными переселениями, не прекращавшимися в течение жизни нескольких поколений, потрясли сами основы существования населения между Дунаем, Черным, Средиземным, Адриатическим морями, изменили судьбы миллионов людей[14]; последствия той большой психологической травмы чувствуются вплоть до сегодняшнего дня. С опустошением Юго-Восточной Европы и прибытием сюда больших общностей военизированных мусульман, а также с установлением мусульманского военного и теократического правления автоматически происходит изменение гражданского статуса огромного количества людей. Параллельно с непрекращающейся эмиграцией у оставшегося местного населения формировалось чувство незащищенности в новом государстве, в менталитете общностей региона возникает (и на протяжении шести веков продолжает существовать) реальная альтернатива сохранению людей на прежнем месте — их исход за пределы пространства Османской империи. Этот исход приобретал разные формы, бывал насильственным и «добровольным» и касался всех социальных категорий населения.

Независимо от того, какую территорию (в географическом, этническом, конфессиональном, политическом плане) покидал человек, любая эмиграция, побег, депортация означали отчуждение от родины, перемещение из одной жизни в другую, кардинальное изменение условий жизни личности и социума (исследования, так или иначе

---

[13] *E. Hadjinikolova*, op.cit.; *G. S. Rakovski*, op.cit.; *Traikov, Jecev*, Bălgarskata... op. cit., ch. 2-3-4 p. 50–156.

[14] С начала османского нашествия на Балканы и вплоть до балканских войн 1912–1913 гг., т. е. в течение пяти веков в Юго-Восточной Европе имело место несколько сот восстаний и войн. Они привели к уничтожению населения в этом регионе в огромных масштабах. De la începutul invaziei otomane în Balcani şi până la războiale balcanice — 1912–1913, adică pe parcursul celor 5 veacuri, în spaţiul strict al Sud-Estului au avut loc câteva sute de răscoale, insurecţii, războaie. Toate soldate cu măceluri de proporţii în rândul populaţiei din zonele răsculate sau din zonele de război (Vz. spre exemplu, pentru Bulgaria, Atlas po bălgarska istoria, op. cit., p. 19–49, hărţi pe care sunt înregistrate majoritatea răscoalelor, dar şi războielor desfăşurate în spaţiul balcanic).

анализирующие этот феномен, предприняты во всех национальных историографических школах Юго-Восточной Европы). Теряя свой прежний мир, а значит и часть своей личности, человек вынужден найти себя в иной реальности, в новом мире, интегрироваться в него в соответствии с законами этого мира. Часто, теряя свой старый мир, люди обретают реальность еще менее дружественную.

В условиях нового мира эмигранты не только приобретают новую идентичность (политическую, социальную, культурную, экономическую), но пытаются, заняв позицию обороны, сохранить старую, в первую очередь национальную идентичность. Последнюю они нередко стали глубже осознавать только тогда, когда перешли в другое географическое и политическое пространство. Постоянное ощущение двойственности сопровождается осознанием собственной ущербности, способствует выработке рефлексов самозащиты, иногда не чуждых проявлениям агрессивности. Черты характера, привычки, ритуалы, формы поведения, которые хорошо помогали адаптироваться к прежнему миру, часто утрачивают значение в новой реальности, становятся ненужными на чужбине, напротив, возникает задача овладения новыми традициями и формами поведения.

Средневековые военные кампании, сопровождавшиеся массовым истреблением людей, захватами и грабежами, исходом населения в другие земли и связанными с этим демографическими изменениями, приводят к возникновению новой, самой непривилегированной категории людей — христианских рабов. Плененные мусульманами представители христианских народов Юго-Восточной Европы продаются на рынках рабочей силы далеко за пределами своего региона. Этот феномен наблюдался до XVII – начала XVIII вв. и нашел отражение в средневековом балканском эпосе, дипломатической переписке, хрониках, записках путешественников и т. д. Захват в рабство был наказанием для врагов Османской империи и ислама. Жертвами этого феномена становились представители всех социальных категорий — от средневековой балканской аристократии до книжников, монахов и самой бедной части населения. Так как мусульмане не могли в Османской империи стать рабами, христиане в своем стремлении избежать такой судьбы добровольно обращались в ислам. Известны случаи исламизации крупных феодалов, побежденных османской армией (например, албанского феодала Скандербега). Некоторые крупные политические фигуры Юго-Восточной Европы отказывались от обращения в ислам ценой

своей жизни. Так было с валашским правителем Константином Брынковяну и всеми членами его семьи мужского пола.

Исламизация (добровольная или насильственная) была феноменом, наблюдавшимся на протяжении длительного времени и приобретавшим разные масштабы, но при этом она всегда вела к изменению социального статуса и идентичности людей. Другой формой отчуждения автохтонного населения была в течение нескольких веков «кровная дань», оплачиваемая народами, находившимися под османским владением или сюзеренитетом. Речь идет о посылке в Константинополь христиан-подростков, которые подлежали исламизации, а затем, по достижении зрелого возраста, должны были пополнить армию султана или использовались в администрации империи[15]. Все это также сопровождалось грубым изменением идентичности и социального положения.

Османское завоевание Юго-Восточной Европы с самого начала породило феномен, растянувшийся на несколько столетий — бегство образованной прослойки христианского населения (церковных иерархов, книжников, монахов, учителей и т. д.) из Константинополя, патриархатов и епископатов Болгарии, Сербии, Греции. Перед лицом османской угрозы большое количество греческих книжников переселилось на Запад, унеся с собой множество рукописей. Они обосновались во Флоренции (где важным центром распространения греческой культуры стала Академия Платона), Риме, Венеции, Париже, что способствовало возрождению эллинизма в греческих диаспорах в Италии, Габсбургской империи, румынских княжествах, России и т. д. Круг распространителей высокой греческой культуры, поначалу ограничивавшийся представителями высшего клира, со временем расширялся.

Наряду с греческим клиром убегает сербский и болгарский. Среди тех, кто внес вклад в историю церкви и культуры, можно назвать болгарского монаха и книжника Григория Цамблака, сербского епископа Никодима, боснийца Антона Враничика (впоследствии епископа в Трансильвании) и др.[16]. Но бежали сотни монахов, пе-

[15] Istorija na Bălgarija, op. cit, vol. IV, p. 45–48; *Tv. Gheorghieva*, Razvitie i harakter na krămija danăk v bălgarskite zemi, «Godişnik na Sofiiskija Universitet, Filosofsko-Istoriceski Fakultet», tom 61, no. 3, 1967, p. 37–72.

[16] Români şi greci în primele secole ale turcocraţiei, în *S. Brezeanu, C. Iordan, H.C. Matei, T. Teoteoi, Gh. Zbughea*, Relaţiile româno-elene.O istorie cronologică, Ed. Omonia, Bucureşti, 2003, p. 90–137; *loan Bogdan*, Cultura veche română, Bucureşti, 1891; *idem*, Bulgari şi români.Raporturi culturale şi politice, Bucureşti, 1895; *C. Papacostea-.Danielopolu*, op. cit; *O. Cicanci*, op. cit; *E. Turdeanu*, Miniaturile.. op. cit; *G. Ivaşcu*, Istoria literaturii române, Ed. Ştiinţifică, 1968, p. 69–70; *V. Traikov, N. Jecev*, Bălgarska emigratzija... op. cit.

реписчики книг, переводчики, диаконы, большие и маленькие иерархи православной церкви южных славян, имена которых можно найти лишь в старинных рукописях. Они создали в странах, куда эмигрировали, школы при монастырях, увеличили своим приходом число переписчиков, переводчиков религиозных текстов, а также официальных документов из княжеских канцелярий. Именно эта категория эмигрантов (т. е. греческие и южнославянские книжники) лучше всего была принята в странах, куда они прибыли, хотя и их социальное положение претерпело изменения. Исход книжников, клира и интеллектуалов с Балкан станет длительным процессом, продолжавшимся вплоть до конца XIX в. Эмиграция христианских интеллектуалов за пределы Османской империи будет в течение нескольких веков важнейшим условием их профессиональной деятельности. В силу этого понятно: при написании истории культуры, литературы, книжности, интеллектуальной жизни балканских народов материал приходится черпать главным образом в истории диаспоры вне границ Османской империи.

Вместе с этой категорией эмигрантов в первые десятилетия после нашествия осман убегают и представители других социальных страт — от аристократии до крестьян. В период османской экспансии и последующего становления новой государственности на Балканах параллельно с насильственной исламизацией имели место перемещения больших этнических общностей. Так, целые сербские общины бежали с оккупированной территории к северу и северо-западу, входя при этом все больше и больше в контакт с хорватскими элементами[17].

В период 1453–1455 гг. грек Иоаким, бывший митрополит Молдовы, переехавший в Польшу, редактирует письмо, адресованное всем христианам, где бы они ни находились, иерархам и иеромонахам, игуменам, монахам, священникам и всему народу с просьбой принимать беженцев из Константинополя[18]. Самый значительный поток греческих эмигрантов прибыл в Валахию в период правления Мирча Чобану (1558), заняв свое место в придворной жизни. Греки, прибывшие в Дунайские княжества, нередко выступали в качестве кредиторов правителей. Помимо церковной жизни их присутствие наблюдалось в экономической, торговой жизни. В XVII в. с увеличением количества греков местное боярство

[17] *Gh. Zbughea*, Istoria Iugoslaviei, Corint,Bucureşti, 2001, p. l6–18.

[18] Relaţii româno-elene… op. cit., p. 94.

смотрит на них уже недоброжелательно, видя в них соперников не только в социально-экономическом плане, но и в силу занимаемых ими должностей при дворе[19].

Болгарское население пережило более драматические испытания, нежели греки. Его переселение в районы к северу от Дуная началось в 1392 г., когда в трансильванском Брашове появляется тысяча болгар со своими семьями; они нанимаются работать на строительстве знаменитой черной церкви Брашова и, как установила болгарская историография на основании немецких источников, заняли целый городской квартал[20]. Антиосманские кампании Влада Цепеша (XV в.), потом Михая Витяза (XVI в.) увеличили число болгарских беженцев в Валахию до десятков тысяч. В результате одного из крестовых походов с участие Влада Цепеша в 1445 г. в Валахию, согласно одному источнику, перешло 12 000 человек. Источник свидетельствует: «когда пришло известие, что наши люди победили безбожников, христиане, живущие в Болгарии, начали говорить, что они больше не хотят терпеть турецкое владычество. Они решились собрать все имущество, жен и детей, а также всех животных и перейти на сторону правителя Валахии и крестоносцев». Валашский правитель попросил кардинала, возглавлявшего крестовый поход, помочь болгарским христианам перейти Дунай и предоставил им убежище на другом берегу. «Три дня и три ночи они переходили Дунай, потому что их было 12 тысяч душ, включая багажи и животных»[21].

Непрерывная эмиграция болгар в Валахию обозлит Порту, которая в 1567 г. увеличит сумму дани, причитающейся султану от Валахии, на том основании, что «убежавшие болгары остались постоянно жить в Валахии»[22]. В 1595 г. после очередной антиосманской кампании на болгарской территории валашский правитель Михай Витяз переводит десятки болгар в Валахию: «и сколько христиан я встретил, я всех уговаривал переехать в Валахию вместе с семьями,

[19] Ibidem. P. 108–110.

[20] Quellen zur Geschichte der Stadt Brasso, IV, Kronstadt, 1908, p. 98, apud *Traikov, Jecev*, Bălgarska... op. cit., p. 25–27, 45.

[21] apud B. *Tvetkova*, Frenski pătepisi na Balkanite. XV–XVIII v., Sofia, 1975, p. 65–69; *N. Iorga*, Notes et extraits pour servir ă l'histoire des croisades au XVIe siècle, III, Paris, 1902; *D. Angelov*, Une source peu utilisée sur l'histoire de la Bulgarie au XVe siècle, «Byzantinobulgarica», II, Sofia, 1966, p. 169–179.

[22] Istoria Românilor, op. cit. vol. IV, p. 357–358; *P. Şt. Năsturel*, Vlad l'Empereur liberateur de Hârşova et de Ruse (1462), «Studia balcanica», I, 1970, p. 126–128; *Traikov, Jecev*, Bălgarskata... op. cit, p. 29, 47.

имуществом и животными... В течение шести недель я переселил 16 тыс. душ через Дунай вместе со своим имуществом»[23], и это было следствием только одной военной кампании. В 1601 г. болгарские беженцы, переселенные М. Витязом, основали сегодняшний г. Зимнеча. Согласно некоторым авторам, в эти годы в Валахию переселилось 60 тыс. болгар. Этот исход нашел отражение и в болгарском фольклоре: Валахия в нем предстает «землей-убежищем», местом спасения, болгары, уставшие терпеть гнет, бегут далеко за Дунай, дойдя до Влашко в центре валашской земли[24]. Существует очень много народных песен, в которых говорится об исходе как альтернативе беспокойной жизни в Османской империи. Эмиграция и побег продолжались в течение веков, найдя отражение в коллективном менталитете балканских народов как форма существования.

И в XVIII в. продолжался исход болгар в пределы Габсбургской империи — в Банат, Трансильванию, но также дальше — в Венгрию, а потом и в Вену, куда эмигрировали главным образом болгары-католики (после восстания в Чипровце). Со временем на габсбургских землях образуется несколько мощных анклавов эмиграции, болгарским беженцам здесь были предоставлены определенные привилегии и права, преимущественно коллективные[25]. Для греческой диаспоры путь к Габсбургской империи открыли торговцы и книжники. В Габсбургской монархии, а потом и в Германии с начала XVIII в. обосновывается сильная греческая диаспора[26]. Вследствие русско-турецких войн, в XIX в., большая греческая эмиграция переселяется в Россию. Кроме того, в конце XVIII в. большой поток болгар направляется в сторону Бессарабии и юга России, заняв некоторые малозаселенные территории. Россия привлекала славянское население Османской империи среди прочего прокламациями и указами, где обещались привилегии, большие земельные наделы, отмена налогов. Целые общности болгар покидают территории севера и востока Болгарии, чтобы переселить-

---

[23] *V. Traikov, N. Jecev*, Bălgarskata... op. cit, *St. Stefănescu*, Țara Românească de la Basarab I, «Intemeietorul» până la Mihai Viteazul, Bucureşti, 1970, p. 133; O istorie a lui Mihai Viteazul de el însuși: memoriul către marele duc de Toscana Ferdinando de Medici(16 febr. l601), in Literatura Română Veche, vol. II, Bucureşti 1969, p. 43.

[24] *Traikov, Jecev*, Bălgaraskata... op. cit., p. 31.

[25] *Teblizov*, Bălgarskoto obrazovanie.. op. cit, p. 19–74 ; *Traikov, Jecev*, Bălgarskata... op. cit., p. 32–43.

[26] *O. Cicanci*, Companiile greceşti din...; *E. Turczynski*, Die Deutsch-griechischen... op. cit.

ся в Буджак и в Новороссийскую губернию. Согласно болгарской историографии, начиная с 1792 г. после каждой русско-турецкой войны в болгарских селах составлялись списки тех, кто хотел бы добровольно эмигрировать. В 1809, 1828–1830, 1854, 1861 гг. тысячи семей вместе со своим имуществом большим потоком направлялись в районы к северу от Дуная, в том числе в буджакские степи. «900 семей, потом 7 тыс. человек, потом 886 семей и т. д.», зафиксировано в одном из документов[27].

Болгарские политические лидеры в XIX в. критически отзывались о последствиях колонизаторской политики Российской империи для болгарского национального дела, поскольку в результате исхода многих тысяч болгар опустошались большие территории, страна лишалась не только рабочей силы, но и политической силы, которая могла бы включиться в борьбу за независимость[28].

Исход балканского населения включал в себя и албанцев, многие тысячи которых переходили в районы к северу от Дуная. Еще в 1595 г. албанцы из Чернаводэ (Добруджа) обратились к валашскому правителю с просьбой разрешить им переселиться целыми семьями в Валахию; Дунай перешло тогда около 15 тыс. человек — мужчин, женщин, детей. Албанские наемники встречались в войсках Михая Витяза, присутствовали в валашской армии вплоть до XIX в.; в «век фанариотов» (XVIII в.) они обладали серьезным положением[29]. Помимо службы в армии выходцы из Албании занимались торговлей, была в составе албанской эмиграции (не только в Валахии, но и в Италии, ряде других стран) и прослойка книжников, интеллектуалов, получивших образование в европейских университетах и школах и включенных в движение за культурную и национальную эмансипацию албанского народа[30].

Таким образом, во второй половине XVIII в. — первой половине XIX в. процессы миграции населения в Юго-Восточной Европе приобрели огромные масштабы. Их развитию способствовала по-

[27] *E. Hadjinikolova*, Bălgarskite... op. cit, p. 20–31.

[28] *G. S. Rakovski*, op. cit; voir et *I.D. Schischmanoff*, Rakovski kato politik, in Izbrani proizvedenija, t. I, Sofia, 1965, p. 342; *I. Mitev*, Rakovski i emigriraneto na bălgarite v Rusia prez 1861, «Voennoistoriceski sbornik» 1970, no. 3.

[29] *Panait I. Panait*, Noi contribuții la cunoașterea albanezilor din România în evul mediu, in «Albanezul», no. l(42), București, 1997, p. 1–8 apud *Adrian Majuru*, Bucureștiul albanez, București, 2002; C. Vătășescu, op. cit.; *S. Iancovici*, op. cit.; *P. Cernovodeanu*, Bucarest... op. cit.; *A. Majuru*, op. cit, p. 26–28; *G. Maxutovici*, Istoria comunității... op. cit.

[30] *Eudoxiu Hurmuzachi*, Documente privitoare la istoria românilor, voi. XII, București, 1903, p. 37, apud Panait. I. Panait, op. cit... p. 1–7; *A. Majuru*, op. cit. p. 47.

литика колонизации, проводимая Российской империей, особенно на территориях, присоединенных к ней вследствие русско-турецких войн. С помощью политических прокламаций на юг России были приглашены выходцы из югославянских народов Османской империи, но приглашаются также иммигранты из Западной и Центральной Европы. Все это делалось параллельно с изгнанием из Российской империи или перемещением внутри империи мусульманского и еврейского населения (Кстати, и Габсбургская империя своей политикой также содействовала миграциям отдельных народностей). Таким образом, только в XIX в. колониальная политика, практикуемая Российской империей, привела к тому, что на территории Бессарабии проживало 14–16 народностей, в том числе, по некоторым данным, 60 тыс. болгар, 20 тыс. русских, 120 тыс. рутен (русинов), 78 тыс. евреев, 3000 армян, 1000 греков, 2000 гагаузов, 24 тыс. немцев, 300 швейцарцев, 2 тыс. поляков. С другой стороны, было выселено 5 тыс. татар. В 1897 г. в Бессарабии из 1 млн 900 тыс. жителей 1 млн был представлен национальными меньшинствами, прибывшими в течение XIX столетия[31]. На территории румынских княжеств количество мигрантов достигает тех же масштабов. Болгары заселили многие местности в Румынии. В потоке иммигрантов были представлены албанцы, греки, армяне, переселившиеся из пределов Османской империи, евреи, бежавшие из России, а также из Галиции вследствие погромов, из Буковины, оккупированной в 1774 г. Габсбургами. Не только из соседней Трансильвании, но также из германских земель в Дунайские княжества переселялись немцы (как протестанты-саксы, так и католики-швабы). Среди иммигрантов были представлены венгры, французы, эмигрировавшие после революции 1848 г., итальянцы, русские и т. д.[32]. С конца XVIII в., на протяжении XIX в. и даже в начале XX в. не прекращается процесс миграций и побегов после восстаний на греческих островах, в Болгарии, в Боснии и Герцеговине, в Сербии, Македонии, а также вследствие русско-турецких и сербо-турецких войн[33]. Создание

---

[31] *Z. Arbore*, op. cit.; *E. Siupiur*, Changements... op. cit, p. 509, Tabel I; *** Pervaija vseobşceaija perepis naseleniia Rossiskoi Imperii, 87 tom, Sankt-Petersburg, 1895–1898.

[32] *E. Siupiur*, Changements... op. ci.; *L. Fassel*, op. cit.; C.N. Velichi, op. cit.; *Lya Benjamin*, op. cit; *Siruni*, op. cit.

[33] *N. Botzaris*, Visions.. op. cit; Istoria na Bălgarija, op. cit, tom. IV–VII, *V. Traikov*, Ideologhiceski tecenija... op. cit; *N. Danova*, Natzionalnijat văpros v grătzkite politiceski programi prez XIX-ti vek, Ed.Nauka i Izkustvo, Sofia, 1980; *V. Traikov, N. Jecev*, Bălgarska... op. cit., p. 50–157; *Gh. Zbughea*, op. cit., p. 11–38; *E. Hadjinikolova*, op. cit.

национальных государств на Балканах, войны между балканскими государствами, новые территориальные изменения снова приведут в движение сотни тысяч людей. Миграционные потоки включали в себя возвращавшихся реэмигрантов, обмен населения между государствами, выдворение некоторых категорий населения. В потоке были представлены греки, болгары, аромыны (особая восточнороманская этническая группа), сербы, хорваты, армяне, евреи, турки, татары, немцы и т. д.[34]. Все это время на европейских территориях Османской империи, юго-западных землях Российской империи и прилегающих к Юго-Восточной Европе землях Габсбургской империи проживало население, разнородное в этническом и конфессиональном отношении, все названные территории в XIX в. становятся в этом плане более мозаичными. Европейские путешественники, посещавшие Балканы, обращают внимание в своих записках на удивительно пестрое смешение населения в регионе. Живя в несносных моральных и политических условиях, люди разных национальностей зачастую ненавидят друг друга[35].

Эмиграция также стимулировала национальные политические движения на Балканах (в том числе движения революционные, социал-демократические, анархистские, социалистические, народнические). Тысячи и тысячи политических эмигрантов перемещаются в пространстве Юго-Восточной Европы в различных направлениях. Речь идет об участниках греческого освободительного движения начиная от К. Ригаса (Велестинлиса) в конце XVIII в. и вплоть до А. Ипсиланти, поднявшего в Молдове антиосманское восстание в 1821 г., о болгарских политэмигрантах начиная с епископа Софрония Врачанского и до Христо Ботева, В. Левского, Г. Раковского, об участниках сербского движения «Омладина», польской политической эмиграции, русских анархистах и социал-демократах. Представленная на Балканах политическая эмиграция при всей разнородности течений была в совокупности сильнейшим фактором, который часто взбалтывал юго-восток Европы и даже весь континент. Крупные движения населения происходили после Первой мировой войны, а также в условиях Второй мировой войны. Речь идет о беженцах, обмене населением, депортациях (можно приве-

[34] *Gunnar Hering*, Die politischen Parteien in Griechenland. 1821–1936, Teil I, München, 1992; Relațiile româno-elene, op. cit, p. 178–213; *I. Konev*, op. cit.

[35] *Măria Todorova*, Imagining... op. cit. p. 103–143, p. 275, p 252–286; *Larry Wolff*, Inventing Easter Europe, Stanford,1994, ed. roumaine Inventarea Europei de Est Bucuresti, 2000.

сти здесь в качестве примера немцев, депортированных согласно пакту Риббентропа-Молотова в 1941 г. из Бессарабии и Буковины в Польшу, а потом в Германию в количестве 100 тыс. человек)[36].

Таким образом, процесс переселения больших человеческих общностей с одних территорий на другие, охватив регион Юго-Восточной Европы, издавна отличавшийся высокой мобильностью, и затронув в последние столетия людей разных национальностей (евреи, татары, цыгане, сербы, хорваты, турки, болгары и т. д.), привел к резкому изменению статуса миллионов людей и даже поставил некоторые этносы на грань исчезновения. Можно говорить и о том, что процессы перемещения населения в XV–XIX вв. привели к значительным этнодемографическим изменениям, которые нередко вызывали в качестве ответной реакции нетерпимость, агрессивность и воинственность, особенно проявившиеся в XX в.

В движение, охватившее на протяжении пяти веков Юго-Восточную Европу, были вовлечены люди различных сфер деятельности — крестьяне и пастухи, ремесленники и торговцы, военные и монахи, интеллектуалы и книжники, и т. д., начиная от функционеров административных систем и служителей разных культов и кончая «профессиональными революционерами». Каждая из этих категорий является «миром в себе»; включаясь в этноконфессиональную, демолингвистическую, демокультурную и т. д. структуру принимающей страны, она подвергается существенным изменениям. В результате происходит взаимовлияние и взаимообогащение культур. На протяжении пяти веков в Юго-Восточной Европе вследствие значительных миграций развивались чувства толерантности, гуманизма, человеческой, христианской и политической солидарности. Но с другой стороны, развивались и противоположные чувства — интолерантности (этнической, конфессиональной, политической, экономической), ксенофобии, связанного с этим комплекса неполноценности. В любом случае миграционные процессы стимулировали эти чувства, способствовали изменениям менталитета и характера взаимоотношений людей; целенаправленная политика трех империй, политические процессы, сопровождавшие создание национальных государств на Балканах, усиливали эти чувства, что

---

[36] *Luminița Fassel*, Das deutsche Schuhvesen.. op. cit.; *idem*, O istorie de 126 de ani: Germanii din Basarabia, în «Patrimoniu», I, Chişinău, 1991, no. 3, p. 15–25; *Helmut Erich Fiechtner*, De Ortsnamen der bessarabiendeutschen Siedlungen von 1940, dans «Jahrbuch für Ostdeutsche Volkskunde», Marburg, 1966–1967, Bd. 10, p. 152–200.

часто приводило к человеческим катастрофам. В процессе многовекового исторического развития феномен эмиграции, беженства вошел в коллективный менталитет населявших регион общностей, стал неотъемлемым измерением человеческого существования — причем в качестве альтернативы, выработанной человеком в ответ на агрессию. Феномен этот, становившийся предметом исторических, социологических, демографических, политических исследований, лучше всего запечатлен в фольклоре балканских народов, а также в литературе болгар, греков, албанцев и сербов. С ним связано возникновение новых ритуалов, ценностей, традиций, рефлексов и даже черт характера, составивших коллективный менталитет. В фольклоре, запечатлевшем миграционные процессы, предстает этот глубокий, драматический и взволнованный мир, отразивший общую ситуацию в Юго-Восточной Европе на протяжении 5–6 веков.

Будучи с точки зрения влияния на личность одним из самых травматических феноменов, миграция в то же время внесла немалое количество позитивных изменений в коллективный менталитет, демографическую, этноконфессиональную структуру, стала в силу этого толчком в социально-экономической эволюции и культурном развитии народов региона.

Изменения характера власти и государственной принадлежности определенных территорий вели к радикальным изменениям политического статуса, политических условий существования населения. Миллионы людей, переходя из одного политического пространства в другое, меняли свою государственную идентичность. Как уже отмечалось, с установлением власти османов Юго-Восточная Европа на пять веков была выключена из европейского и перемещена в азиатское политико-идеологическое пространство. В силу этого ясна идея «Возвращения в Европу», присутствовавшая в общественном мнении не только Юго-Восточной, но и Западной Европы на протяжении XIX и XX вв. и связанная с политической эмансипацией народов ЮВЕ (после того как в XX в. многие миллионы людей в Европе были включены в коммунистический лагерь, идея эта приобрела своеобразное, несколько иное звучание).

Таким образом, именно установление османской доминации имело решающее значение для развития региона, способствовав смещению границ, прекращению существования государств, обладавших европейским политическим устройством и законодательством христианского типа, вовлечению христианских народов в

азиатскую политическую модель, установлению господства нового, исламского законодательства, резко ограничивавшего в правах автохтонное христианское население и делавшего привилегированным прибывших на территорию Юго-Восточной Европы мусульман (как военных, так и относившихся к гражданскому населению). Коренное изменение политического статуса обширных территорий означало изменение политических условий существования населения, как на уровне общности, так и на уровне личности.

На карте Балкан, относящейся к 1331–1336 гг., т. е. к раннему периоду османского нашествия, мы встречаем множество средневековых государственных образований, впоследствии разрушенных, превращенных в пашалыки, вилайеты и санджаки[37]. На этих территориях жило исключительно христианское население, в большинстве своем греческое, славянское, но также и албанское. Языками богослужения были церковнославянский и греческий. Если же взглянуть на карту 1821 г., можно увидеть, что вся территория «европейской Турции» была разделена на 28 административных единиц (санджаков)[38]. Границы этих единиц были проведены без учета особенностей этнического расселения, а также без учета исторических границ средневековых государств. Речь идет о произошедшем радикальном изменении государственной модели, политического статуса вышеназванных территорий и, соответственно, положения автохтонного населения. Изменение государственной принадлежности балканских территорий было неотделимо от процессов иммиграции. Происходила своего рода османская колонизация Юго-Восточной Европы, вследствие военных кампаний в регион переселялось большое количество мусульманского населения. В результате этого автохтонное христианское население начинает относиться к второму и третьему разрядам. Оно обозначается не названиями существующих этносов, а объединяющим религиозно-политическим термином («немусульмане»), исключается из иерархической системы нового государства — военной, социальной, политической. Политически доминирующим становится мусульманское население, исповедовавшее ислам. На карте XVII в., отражающей демографическую структуру современной Турции, обозначено только два типа населения — немусульмане и мусульмане. Между тем, процент мусульман в санджаках в XVII в. колебался

[37] *N. Botzaris*, Visions... op. cit., p. IV.

[38] Atlas po bălgarska istorija... op. cit, p. 19.

от 25% до нескольких процентов[39]. Хотя прежние границы были ликвидированы, вследствие политико-административной реорганизации османского пространства Юго-Восточной Европы в известной мере упрощается движение населения региона. После того как территории, ранее относившиеся к разным государствам, были разделены на санджаки, населявшим их грекам, болгарам, сербам, албанцам независимо от национальности стало проще передвигаться в пределах отдельных санджаков.

Перемещения населения, о которых выше шла речь, привели к переходу от одной доминировавшей в регионе политической модели к другой и это было самым серьезным изменением в жизни христианского мира Юго-Восточной Европы, возымевшим в XIX–XX вв. тем более неоднозначные последствия, что политика Османской империи была продолжена в XVIII–XIX вв. Российской и Габсбургской империями. На социальные последствия вплоть до сегодняшнего дня демографических процессов, развернувшихся в балканском пространстве Османской империи, указывала в своей работе М. Тодорова. При всем многообразии демографических процессов в Юго-Восточной Европе в условиях османского правления, включавших в себя как географическое перемещение населения (колонизации, миграции), так и другие типы движения (социальная мобильность, переход из одной религии в другую и т. д.), главным последствием установления PAX OTTOMANA на Балканах было, по ее мнению, устранение границ феодальных государств, которое упростило передвижение населения и изменило направленность потоков миграции. Что же касается одной из главных проблем османской демографической истории — феномена целенаправленной и заранее спланированной турецкой колонизации Балкан, то, по мнению балканских историков, решающее значение для развития региона имел не столько приход турок (турецкая колонизация), сколько последующий процесс исламизации[40]. В литературе отмечается также, что результаты движения населения в XIX и XX веках имели катастрофические последствия гуманитарного плана. Процессы перемещения населения в XIX в. были обусловлены в первую очередь политическими событиями, причем главную роль играло образование национальных государств на Балканах. Больше миллиона мусульман покинуло Балканы в последние три десятиле-

[39] Ibidem. P. 25.

[40] *M. Todorova*, Imagining... op. cit, éd. roumaine.. p. 272.

тия XIX в., переселившись в Стамбул и Анатолию. В свою очередь миграционные процессы охватили миллион христиан, нередко занявших дома, в которых ранее проживали мусульмане. Еще более страшными были миграции периода балканских войн, Первой мировой и турецко-греческой войн (1912–1922). Они коснулись свыше двух с половиной миллионов человек, в числе которых было полтора миллиона греков из Малой Азии, полмиллиона мусульман, покинувших Балканы, четверть миллиона болгарских беженцев. Такого рода миграций не было в указанный период в других частях Европы, они имели место лишь во время Второй мировой войны[41].

Расширяя свои территории, Османская империя в XVI в. оккупировала Венгрию, резко отличавшуюся от нее в этническом и конфессиональном плане, и навязала ей исламскую политическую модель. Через сто лет Венгрия возвращается в европейское католическое сообщество. В XVIII веке начинаются действия по оккупации территорий Юго-Восточной Европы Российской и Габсбургской империями. В 1774 г. румынская православная территория — Буковина была включена в состав католической империи Габсбургов, что привело к новым перемещениям населения, как и в случае с включением в Российскую империю Бессарабии в 1812 г. В течение ста лет этническая и конфессиональная структура Бессарабии полностью изменится вместе с изменением ее политического статуса — постепенным превращением ее в губернию Российской империи (обладавшую вначале некоторыми особенностями законодательства). В XX вв., вследствие двух мировых войн, эта историческая область неоднократно переходила из рук в руки (1918, 1940, 1944) и вместе с изменением ее политического статуса менялось каждый раз и положение населения. В 1940 г. с территории Бессарабии и Буковины будут изгнаны мигрировавшие сюда в XIX в. немцы-протестанты из Бессарабии, немцы из Буковины. Евреи, которым удалось спастись от Холокоста, также покинули эти края в годы Второй мировой войны. В миграционные потоки включились и тысячи бессарабских и буковинских румын.

Радикальным изменением политических условий жизни населения сопровождался выход национальных балканских государств из состава и сферы влияния Османской империи в XIX в. (Добруджа, в частности, перейдет полностью в Румынию в 1877 и 1918 гг.). Процесс государствообразования на Балканах привел к военным кон-

[41] Ibidem. P. 273.

фликтам, в которые были вовлечены все балканские государства. Уже в XX в. империя Габсбургов присоединяет Боснию, что сыграло важнейшую роль в ряду факторов, способствовавших развязыванию Первой мировой войны. Одним из результатов войны явилось образование в 1918 г. несколько искусственной Югославской федерации — государственной модели, чреватой межнациональными и политическими конфликтами, которые находят проявление вплоть до сегодняшнего дня. До сих пор продолжается процесс изменения политических моделей и политических условий существования народов Юго-Восточной Европы, составляющих как большинство, так и меньшинства в своих государствах. Этнические группы, переселившиеся в свои нынешние места обитания в XIX в. и проживавшие в анклавах, требуют сегодня автономии или независимости, создавая тем самым конфликтные ситуации. Предоставления автономий в XX в. требовали и народы, составлявшие большинство в своих государственных образованиях в условиях существования трех империй и превратившиеся затем в национальные меньшинства во вновь образованных государствах. При этом необходимо по-прежнему учитывать, что перемещение территорий из одного политического пространства в другое прочно вошло в коллективный менталитет народов региона и воспринимается как нечто естественное. Одним из следствий многообразных миграционных процессов последних столетий явилось создание конфликтных зон, существующих и в наши дни (Босния, Македония, Косово и вся территория бывшей Югославии; Кипр; Транснистрия, Гагаузия в составе Бессарабии)[42].

Массы людей, перемещавшихся по Юго-Восточной Европе, принадлежат определенным этническим и конфессиональным группам. Путем миграций, колонизации, перехода территорий из одного государства в другое в Юго-Восточной Европе сложился своего рода культурный космополитизм, который в свою очередь спровоцировал множество процессов и феноменов, имеющих социальный, культурный, идеологический и политический характер. Он также способствовал изменениям этнодемографической, конфессиональной, демолингвистической структуры на территориях, из которых выбыли и в которые прибыли те или иные общности, повлиял на ситуацию в культурной, интеллектуальной жизни, изменение культурно-этнических границ. Как уже отмечалось, в течение 5–6 веков мигра-

[42] *E. Siupiur*, Von Bessarabien zur Republik Moldau. Die historischen Würzel eines Konflikts..., op. cit.

ция сильно повлияла на коллективный менталитет, коллективную память, на идентификацию зла — и у иммигрантов, и у эмигрантов.

Вместе с наступлением османского преобладания Юго-Восточная Европа, являвшаяся в большинстве своем христианской и населенная славянами, греками, албанцами, обогатилась сразу новым этносом — тюркским, и новой конфессией — исламской, которая становится доминирующей конфессией. Исламское и тюркское население оседало среди европейского христианского населения на всей территории от Дуная до Средиземного моря. Юг Молдавии и Добруджа будут заселены татарами-мусульманами. Одно время тюркское, исламское население будет составлять также значительную часть населения Венгрии и Баната. Этноконфессиональная структура Юго-Восточной Европы и особенно балканского полуострова будет резко изменена. Численность тюркского населения увеличивалась путем перманентной колонизации вплоть до XIX в., количественный рост мусульман был также связан с переходом христиан в исламское вероисповедание.

Начавшийся исход с Балканского полуострова больших христианских этнических групп — албанцев, болгар, греков, сербов, хорват (в районы к северу от Дуная, в том числе в румынские княжества, на запад — в Италию, Австрию, Германию, а начиная с XVIII в. в большом количестве также и на восток — в Украину и Россию) вел к ассимиляции, образованию анклавов, этнических и лингвистических диаспор, в католическом мире Центральной Европы возникают, в частности, православные анклавы. Хотя в потоке беженцев преобладали православные, имелись также группы католиков (албанцев, болгар, хорватов, сербов), направлявшихся в венгерские земли Габсбургской монархии[43].

На европейские территории Османской империи переселяются евреи-сефарды, изгнанные из Испании. Габсбурги предпринимают свои нашествия на балканские территории Османской империи, обращаясь к славянскому населению с призывами эмигрировать в австрийские и венгерские земли, и приводят туда за собой большое количество сербов, босняков, греков, албанцев, болгар (в значительной своей части католиков), призывают переехать из Олтении

[43] *Stevan K. Pavlovici*, A History of the Balkans 1804–1945, Addisson Wesley Longman Limitied, 1999, voir, éd. Roumaine, Istoria Balcanilor, Bucureşti, 2002, p. 9–74 ; *Traian Stoianovich*, Balkan Worlds: The First and the Last Europe, London, 1994; *V. Traikov, N. Jecev*, Bălgarskata... op. cit, p. 32–40; *K. Teblizov*, Bălgarskoto... op. cit., p. 13–74.

в Банат переселившихся туда болгар-католиков[44]. Ту же политику позже начала практиковать и Россия; в 1756 г., после заключения договора с Габсбургской империей, российская власть переселяет на русско-польскую границу отряды, состоявшие из сербов и хорватов. Россией была предпринята попытка заключить аналогичный договор и с Османской империей.

Параллельно с целенаправленной имперской миграционной политикой происходил стихийный процесс переселения балканского населения на румынские территории, в Бессарабию, на юг России[45]. На эти земли переезжали также выходцы из Западной и Центральной Европы — немцы, французы, поляки и т. д. Согласно одному из российских авторов, в XIX в. на территории Бессарабии проживали 43 этнолингвистические группы[46]. Впрочем, эта цифра нам кажется преувеличенной, мы смогли идентифицировать в Бессарабской губернии лишь 16 этнолингвистических групп — албанцы, армяне, болгары, гагаузы, немцы, греки, франкошвейцарцы, евреи, липоване (обладающая культурным своеобразием группа русских старообрядцев), поляки, румыны, русские, рутены (украинцы), цыгане, татары[47]. Параллельно с этим в XIX в. происходил массовый исход евреев из России, Галиции, Буковины в дунайские княжества и Трансильванию.

Разнонаправленные этнические движения в Центральной и Юго-Восточной Европе сопровождались переходом людей из одной религии в другую. Помимо массовой исламизации населения на европейской территории Османской империи имеется множество случаев перехода в католицизм православного населения, эмигрировавшего в Габсбургскую империю. Кроме того, вследствие унии православных румын с католической церковью в Трансильвании появляются греко-католики. Внеся большой вклад в политическое и культурное развитие румынской нации, они в то же время создадут внутри румынского православного пространства массу разногласий, нетерпимости, конфликтов, взаимных обвинений, проявляющихся вплоть до сегодняшнего дня[48]. Мы имеем также большое

[44] *Steva Pavlovici*, op. cit.; *Traian Stoianovich*, op.cit.; *K. Teblizov*, op. cit.

[45] *E. Hadjinikolova*, Bălgarskite... op. cit.

[46] *N.S. Derjavin*, Bălgraskite kolonii v Russia, in «SNUK», Sofia, 1914, apud *E. Hadjinikolova*, Bălgarskite… op. cit, p. 23.

[47] *L. Fassel*, op. cit; *E. Siupiur*, Changements... op. cit; *E. Siupiur*, Bălgarskite ucilişta.. op. cit.; *Z. Arbore*, op. cit; *V. Traikov, N. Jecev*, Bălgarskata... op. cit.

[48] *Cristian Vasile*, Între Vatican şi Kremlin. Biserica greco-catolică în timpul regimului comunist, ed. Curtea veche, Bucureşti, 2004; i*dem*, Biserica ortodoxă română în primul deceniu comunist, Ed. curtea veche, Bucureşti, 2005.

количество случаев перехода евреев в православие на румынских территориях (в целях получения гражданских прав и натурализации), перехода православных в католицизм в Трансильвании (еще до ее включения в состав империи Габсбургов). В 1861 г. в Османской империи появляется группа болгарских греко-католиков, рассчитывавших на получение от католической церкви помощи для движения, направленного на эмансипацию болгар. В результате многочисленных перемещений разных этнолингвистических групп от одной конфессии к другой на территории Центральной и Юго-Восточной Европы складывается сложная конфессиональная ситуация. Мы имеем здесь православных (в большинстве своем в Юго-Восточной Европе, тогда как меньшинство проживало в Габсбургской империи), греко-католиков (униатов), григорианцев, староверов, мусульман (главным образом на Балканском полуострове), католиков, кальвинистов, протестантов (лютеран и евангелистов), иудеев (ашкенази и сефарды). За каждой из этих конфессий стояли свои храмы. Балканский полуостров, где существовали тысячи православных церквей, наполняется также мечетями и минаретами. Рядом с православными церквями строятся католические, протестантские, лютеранские, греко-католические храмы, а также синагоги. Многие из этих конфессиональных групп получают церковную автономию в новых местах своего обитания. На румынских землях таким образом появляются православные церкви болгар, греков, сербов, русских переселенцев (в том числе староверов), строятся храмы румын-униатов, армянские церкви (католические и григорианские), церкви венгров (реформатов и католиков). Греческие церкви появляются также в Болгарии, Сербии и Албании, румынские — в Венгрии, немецкие (католические и протестантские) — в Румынии, Болгарии, Греции, Сербии и т. д. В то же время в Германии (в Мюнхене) возникают церкви православных греков, в Австрии — церкви болгар, греков и т. д. Наблюдается тенденция к автономизации церквей по национальному признаку. Этот феномен становится особенно действенным именно в то время, когда на всех территориях Юго-Восточной Европы активизируются идеи эмансипации и получения автокефалий церквями разных народов — греков, болгар, сербов, румын. Этническая мозаика дополнилась конфессиональной мозаикой, спровоцировав множество культурных и общественно-политических событий, имевших последствия для судеб эмигрантов, как и тех общностей, которые их приняли.

Еще одной стороной миграционных процессов стала их экономическая сторона, т. е. перемещение ремесел и видов деятельности. Все этнические группы Юго-Восточной Европы, находившиеся в движении вследствие миграций, депортаций, колонизаций, побегов, несли с собой и свои навыки, умения, специальности, профессии, которыми овладели на своей исторической родине. В течение 5–6 веков пришли в разнонаправленные движения (с юга на север, с запада на восток и обратно) тысячи профессий, занятий, ремесел, сфер деятельности, обновлявшихся из века в век и постоянно обогащавших профессиональную структуру тех стран, куда прибывал поток мигрантов. Причем эти ремесла и профессии претерпевали изменения и в свою очередь обогащались вследствие контактов приезжих с местным населением. В одной статье, касающейся экономической деятельности болгарской эмиграции в Румынии, отмечено, что эмигранты принесли с собой около 100 видов деятельности, внедренных в румынское общество[49]. Если назвать основные сферы деятельности, которыми занимались в Румынии болгарские переселенцы, то к ним относятся: ткачи, земледельцы, серебряных дел мастера, бакалейщики, красильщики, изготовители и продавцы браги, пекари, повара, мостильщики, медники, изготовители обуви (в современном Бухаресте есть улица, которая носит имя сапожников), весовщики, кирпичники, извозчики, возчики, волынщики, пастухи, мастера по сооружению колодцев, скорняки, кондитеры, плотники, огородники, трактирщики, слесари, свечники, мясники, рыбаки, торговцы, одеяльщики, колесных дел мастера и многое другое[50]. Но в миграционных потоках, особенно в первые века, были представлены и люди других профессий. Среди болгар, греков и сербов, бежавших в другие земли, были также монахи, книжники, переписчики книг, переводчики, издатели, переплетчики, иконописцы, мастера по обделыванию книжных переплетов золотом и серебром, художники-миниатюристы и художники, специализировавшиеся по написанию церковных фресок, строители церквей. Все эти профессии были весьма востребованы в румынских княжествах, а потом и в России. Аналогичные специальности привозят с собой и армяне. Немцы, прибывшие в дунайские княжества из Центральной Евро-

---

[49] *D. Kosev, V. Paskaleva, Vl. Diculescu*, Despre situaţia şi activitatea economică a imigraţiei bulgare în Muntenia şi Oltenia în secolul al XIX-lea, în Relaţii româno-bulgare de-a lungul veacurilor. Sec. XII–XIX, ed. Acad.Române, Bucureşti, 1971, p. 283–368.

[50] Idem, p. 290–294.

пы, а также из Трансильвании, также привезли с собой ценные ремесла и профессии. Они были мастерами по изготовлению сосудов из серебра и меди, издателями книг, техниками в разных областях, ювелирами, а также врачами (в том числе стоматологами) и фармацевтами; вплоть до XIX в. на румынских территориях эти профессии практиковались почти исключительно немцами. Среди немецких иммигрантов были также инженеры-землемеры, механики, архитекторы, профессора, журналисты, финансисты, книготорговцы, стоители мельниц, ателье и суконных фабрик, строители карет, изготовители мебели; среди французских — профессора, журналисты, врачи, виноделы (так, франкошвейцарцы, переселившиеся в Бессарабию, славились как изготовители прекрасных вин)[51]. В Бессарабии проживали также германские колонисты, занимавшиеся разведением лошадей, строительством карет, телег, мельниц, а также земледелием[52]. Жившие в Бессарабии болгарские колонисты вместе с немецкими превратили бесплодную буджакскую степь в цветущую сельскохозяйственную зону[53].

Венгры, как и немцы, привозят современные технические ремесла, как и более традиционные профессии. Греки не только привозят с собой с юга множество профессий, они будут развивать торговлю на территориях своего нового обитания, создадут знаменитые торговые компании в Европе и в Османской империи. Греки были кредиторами, арендаторами имений, а также воспитателями, учителями и переводчиками; они первыми — во время фанариотского правления — войдут в правящую элиту, в число функционеров валашского княжества. Евреи также принесут с собой большое количество профессий, поселившись, в основном, в городах. Среди евреев были банкиры, торговцы, но также и ремесленники (ювелиры, швеи), фармацевты, врачи, книгоиздатели, переводчики и т. д. Албанские иммигранты по своей профессиональной структуре мало чем отличались от других балканских народов. Но большинство из них служило наемными солдатами. В албанских диаспорах были представлены торговцы, бакалейщики, кондитеры, но были также

[51] *Z. Arbore*, op. cit; *Zamfira Mihail*, Un project de colonisation Suisse dans Ies Pays Roumains(1838–1841) in «Schweizerisches Archiv für Volkskunde», No. 92(2), 1996, p. 183–198.

[52] *Z. Arbore*, op. cit; *L. Fassel*, op. cit.

[53] *Z. Arbore*, op. cit; *V. Traiakov, N. Jecev*, Bălgarskata... op. cit.; *E. Siupiur*, Bălgarskite uciclista... op. cit.

и банкиры; албанцев можно найти и в правящих элитах стран, куда они эмигрировали[54]. Русские староверы, поселившиеся в дельте Дуная, занимались изготовлением лодок, рыболовством[55].

Таким образом, иммигранты обогатили профессиональную структуру и экономическую жизнь стран, где они поселились, способствовали формированию менталитета населения в этих странах (прежде всего там, где это касается экономической деятельности), повлияли на становление мелкой буржуазии в странах, где они осели. Сферы деятельности, пришедшие в Юго-Восточной Европе в движение, были разнообразны, также как многонациональным был иммигрантский поток. Профессиональная мобильность в регионе заслуживает дальнейшего изучения, т. к. мир эмигрантов был источником многочисленных экономических и культурных инициатив, дал импульсы развитию обществ, в которых они натурализовались. Вот почему в течение долгого времени страны, где они обосновались, предоставляли им не только право на профессии, но и определенные привилегии.

Итак, мы пытались в нашей статье рассмотреть феномен миграции с нескольких точек зрения. Но мы показали лишь часть той исторической, социальной и политической реальности, которая проявилась в Юго-Восточной Европе посредством феномена эмиграции. Миграции, движения населения могут быть исследованы также и с точки зрения развития социокультурных структур принявших их обществ, с точки зрения развития образования, политических структур (в том числе разного рода политических, революционных, повстанческих комитетов, партий, тайных, масонских обществ и т. д.), интеллектуальных движений. Все это включает в себя множество аспектов и проблем, связанных с движением, эмансипацией и модернизацией народов Юго-Восточной Европы и заслуживает необходимость большого междисциплинарного исследования.

Перевод с румынского
А. Стыкалиной-Колин

---

[54] *Panait I. Panait*, op. cit; *A. Majuru*, op. cit.
[55] *Josef Sallanz,* Zum Migrationverhalten... op.cit.

Д. В. Сень

Миграция некрасовских казаков на земли Причерноморья: практика и тенденции начального этапа (до 1712 г.) Проблемы адаптации

Предлагаемая статья продолжает цикл публикаций автора по изучению масштабной научной проблемы — «Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа во взаимоотношениях с мусульманскими государствами Причерноморья»[1]. Оказывается, что «турецкое» зеркало» влияло на формирование характеристик казачества гораздо в большей степени, чем это принято считать в историографии. Например, неслучайной видится автору реализация донскими казаками уже в XVII в. их угрожающего для Москвы тезиса о готовности перейти на сторону «врагов христианства». Так, еще в 1626 г. донцы, недовольные утеснениями со стороны Михаила Романова и царской администрации в Астрахани, заявили о своей готовности уйти «в турского царя землю и учнут жить у турского царя»[2]. А в конце 1680-х гг. представители донских старообрядцев вновь заговорили о том, что «...у нас-де свои горше Крыму... лучше-де ныне крымской, нежели наши цари на Москве»; «если роззорят Крым, то-де и... им...

---

[1] *Сень Д. В.* 1) «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002. Изд. 2-е, испр. и доп.; 2) Кубанское казачество: условия пополнения и развития (К вопросу о генезисе и развитии ранних казачьих сообществ) // Социальная организация и обычное право: Мат-лы научной конференции (г. Краснодар, 24–26 августа 2000 г.). Краснодар, 2001. С. 193–214; 3) «У какого царя живем, тому и служим…» // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. 2004. №5. С. 73–76; 4) Казаки-старообрядцы на Северном Кавказе: от первых ватаг к ханскому казачьему войску (Некоторые теоретические аспекты оценки роли крымско-османского государственного фактора в становлении и развитии кубанского казачества) // Липоване: история и культура русских-старообрядцев / Ред.-сост. А. А. Пригарин. Одесса, 2005. Вып. 2; 5) Казачество Северо-Западного Кавказа и Дона во взаимоотношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (XVII–XVIII вв.): историографические итоги и перспективы изучения // Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития Кубани: К 70-летию со дня образования Краснодарского края и 215-летней годовщине освоения казаками кубанских земель: Мат-лы межрег. научно-практ. конф. XII Адлерские чтения-2007. Краснодар, 2007. С. 256–258.

[2] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 336–337 (документ любезно предоставлен автору Е. В. Кусаиновой).

житья не будет»[3]. Представляется, что говорить о приоритете в этих словах сугубой провокации говорить не приходится — данный тезис казаки реализовали на практике в пределах 2–3 поколений *еще до восстания К. А. Булавина*, со времен которого до нас дошло едва ли не самое громкое заявление донцов об их готовности сменить подданство. В мае 1708 г. казаки-булавинцы писали кубанским казакам следующее: «А есть ли царь наш не станет жаловать, как жаловал отцов наших дедов и прадедов, или станет нам на реке какое утеснения чинить, мы Войском от него отложимся и будем милости просить у вышнего творца нашего владыки, а также и у турского царя...»[4]. Кроме того, булавинцы пытались наладить связи через кубанских казаков не только с турецкими властями в Ачуеве, но самим султаном Ахмедом III, прозрачно намекая на возможность перехода в турецкое подданство.

Содержание данных кейсов позволяет уточнить вывод ученых о том, что до Булавинского восстания история не знала случаев, чтобы донские казаки «вмешивали турок в свои отношения с царскими властями и пытались привлечь их на свою сторону, хотя и в первой половине XVII в. на Дону иногда говорили о возможности своего ухода с "реки"»[5]. Вероятно, у нас еще мало данных, которые позволили бы говорить, например, о сравнения уровня статусности в казачьей среде русского царя и турецкого султана, но, кажется, что сама постановка проблемы — о поисках казаками иных, нежели никонианская Россия, векторов притяжения (персонифицированная, быть может, в лице мусульманских государей), проистекает логически из условий пребывания донских казаков во фронтирном пространстве Поля. Констатируя, таким образом, необходимость обращения ученых ко всем без исключения событиям полихромной палитры отношений казаков не только с Россией, но и с Крымским ханством, Османской империй, можно выделить несколько проблемных вопросов, имеющих отношение к перспективам изучения темы:

— определение причин массового ухода на Западный Кавказ донских казаков *именно* во второй половине XVII в.;

— изучение процессов развития отношений казаков с Крымом и Турцией в контексте не только событий внутрироссйского характера, но и собственных интересов казаков, например, Дона;

[3] *Дружинин В. Г.* Раскол на Дону в конце XVIIстолетия. СПб., 1889. С. 180, 182.

[4] Булавинское восстание. 1707–1708. Сб. док-в. М., 1935. С. 464.

[5] *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов на/Д., 1983. С. 261.

— рассмотрение характеристик общего и особенного в отношении различных казачьих групп Кавказа и смежного с ним Поля к мусульманскому присутствию в регионе, выделение архетипов такого отношения и динамики коллективных представлений казаков о тюркско-татарском мире и, наоборот, этих «природных» врагов казачества о самих казаках;

— исследование процесса формирования социальных сетей кубанского казачества, формирующегося на территории Крымского ханства уже на рубеже XVII–XVIII вв., не только с казаками Российского государства, но с представителями других сообществ (социальных групп) России, а также другими казачьими сообществами, например, запорожскими казаками;

— определение степени принятия/непринятия Гиреями и Османами казаков как союзников в борьбе с Россией;

— обсуждение возможности применения концепта «российское казачество» к характеристикам казачьих групп Кавказа и Поля применительно, например, к событиям периода XVII в.— начала XVIII в., исходя при этом даже не столько из концепта фронтира, сколько из множества фактов, противоречащих данной историографической традиции;

— проведение дальнейших исследовательских работ по типологизации (С. М. Маркедонов[6]) казачьих сообществ;

— изыскания в архивах Турецкой Республики, поскольку с достаточной степенью уверенности можно говорит о том, что основной массив (исключения, вероятно, будут, а частью имеются — неопубликованные тома «Донских дел» в архиве Санкт-Петербургского ИИ РАН) источников по истории, например, донского казачества XVII в., хранящийся в архивах РФ, обнаружен и введен в научный оборот. Подчеркну, что аксиологический характер данного замечания может подтверждаться еще и тем, что архив Крымского ханства почти не сохранился[7].

На важность последней проблемы обратил внимание еще в 2000 г. Б. Боук, изучавший в числе прочих проблем состояние мирных, в т. ч. торговых, отношений донских казаков с турецким

---

[6] *Маркедонов С. М.* Казачество: единство или многообразие? Проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ // Казачество России: прошлое и настоящее: Сб. науч. ст. Ростов на/Д., 2006.

[7] См., напр.: Отдел рукописей РНБ. Ф. 917 (Казы-аскерские книги Крымского ханства).

Азовом[8]. Определенные изменения в этой части проблемы поисков новых источников имеются. Летом 2007 г. автору данной работы представилась возможность для работы в двух крупнейших архивах Турции — *Başbakanlık Osmanlı Arşivi* и *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi*. Выявлено около 500 документов XVI–XIX вв., начата работа по их изучению. В частности, обнаружены документы по истории раннего казачества на Дону в XVI в., пребыванию в Османской империи казаков-некрасовцев, их отношениям с турецкими запорожцами в Подунавье и пр. Вероятно, ценность для специалистов представит переписка Дивана с Крымом второй половины XVII в., документы по истории Азака XVII в., участию Крымского ханства в военных компаниях Османской империи XVIII в.

Часть означенных выше вопросов получила свое освещение в ряде работ автора, других исследователей (прежде всего в исследованиях Б. Боука, В. И. Мильчева, О. Г. Усенко, Н. А. Мининкова), часть — нуждается в дополнительных изысканиях. Не в последнюю очередь ответ на обозначенные выше проблемы зависит от ответа на вопрос о статусе пребывания казаков на Правобережной Кубани, их ответственности за свои антироссийские действия не как беглецов, скрывающихся и от власти ханов, но, напротив, как людей, *отдававших себе отчет в невозможности столь широких маневров вне признания подданства по отношению к Гиреям?* Во-первых, необходимо сказать, что появление в пределах Крымского ханства (Правобережная Кубань) отряда донских казаков, руководимого И. Некрасовым и некоторыми другими сподвижниками К. А. Булавина, в конце августа — начале сентября 1708 г. стало свершением плана, заранее подготовленного на Дону[9]. Вскоре за казаками И. Некрасова, перешедшими Дон под Нижним Чиром на «ногайскую сторону» и далее на Кубань, была организована погоня. О необходимости ее организации писал мурзам Аюки-хана и калмыкам кн. В. В. Долгорукий, обратившийся с тем же вопросом к кн. П. П. Хованскому. Непосредственными же исполнителями данного повеления стали калмыки, которые вернулись вскоре ни с чем и заявили, что-де «в вид тех воровских казаков нигде не угнали»[10]. Вторая очередь погони,

---

[8] *Боук Б.* Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право: Мат-лы научной конференции (г. Краснодар, 24–26 августа 2000 г.). Краснодар, 2001. С. 152.

[9] *Сень Д. В.* «Войско Кубанское... С. 19–28.

[10] Булавинское восстание. 1707–1708. Сб. док-в. М., 1935. С. 330.

насчитывавшая 1000 человек, также не принесла успеха преследователям. Донося об этом в Приказ Казанского дворца в сентябре 1708 г., князь П. П. Хованский не без основания и вослед словам В. В. Долгорукого отмечал: «А знатно, что они ушли на Кубань или на Аграхань»[11].

Правда, при анализе событий, предшествовавших переходу казаками Дона, автора данной статьи насторожило следующее обстоятельство: почему вместе с боеспособными мужчинами, якобы (в свете традиционной в историографии трактовки данного сюжета) двигавшимися на помощь осажденным «есауловцам», находились члены их семей, а также имущество? Мог ли этот фактор оказать сколь-либо существенную помощь при явно неотвратимом столкновении с царскими карателями? Ответ, как видится, будет отрицательным и спустя годы после того, как данное рассуждение впервые было высказано мной несколько лет назад. Тогда парадокс данного суждения состоял в следующем: не был ли Нижний Чир последним (или близким к тому) местом сбора всех казаков (и, соответственно, их близких), намеревавшихся бежать на Кубань и *не готовых идти на выручку своим собратьям, осажденным в Есауловском городке?* В начале сентября 1708 г. кн. П. А. Хованский доносил в Разряд о том, что раньше И. Некрасов писал в верховые казачьи городки о необходимости сбора в Паншине на Успение, «а хочет итить з Дону, а куды подлинно, о том не ведает»[12].

Основательность замысла К. А. Булавина об уходе, скорее всего, на Кубань[13], реализуемого теперь И. Некрасовым, подтверждается анализом характеристик еще одного отряда повстанцев, сразившихся с карателями 23 августа 1708 г. неподалеку от Паншина городка. Оказалось, что вместе с казаками находились члены их семей, а также обоз «с полторы тысячи телег», не считая 8 железных и медных пушек. Расспросные речи казаков взятых в плен казаков выявили, что «те воровские казаки шли ис Паншина в собрание в Голубые к вору к Ыгнашке Некрасову»[14]. Именно разгром этого отряда донских казаков вызвал ускоренный отход группировки самого И. Некрасова из Голубинского городка вниз по Дону, переправу на ногайскую его сторону и последующий приход на Правобережную

[11] Там же.
[12] Там же. С. 324.
[13] Там же. С. 270.
[14] Там же. С. 330.

Кубань. Скорее всего, дело обстояло именно таким образом — на Кубань надо было уйти любой ценой; сотням казачьих семей удалось спастись от расправы; не был также схвачен ни один влиятельный соратник К. А. Булавин их числа прочих предводителей повстанцев — ни И. Некрасов, ни И. Павлов, ни И. Лоскут, ни С. Беспалый. Таким образом, можно полагать, что это событие свершилось бы при любых условиях, связанных с возможным поражением повстанцев, причем правомочно, на взгляд автора рассматривать его как Исход — ведь казаки уходили семейно, «в 2 000 человек, з женами и з детьми, оставя тягости и побросав свои пожитки»[15]. Важно и то, что тогда же, в конце августа 1708 г. на Кубань за Некрасовым последовали жены, как указывает бригадир Ф. В. Шидловский, черкасских казаков, подвергшихся гонениям[16]. К слову сказать, российское руководство и сам Петр I предполагали вероятность именно такого развития событий. По мнению Н. С. Чаева, еще в мае 1708 г. царизм был готов пойти на уступки К. А. Булавину, опасаясь его «отложения» к султанской Турции. Недаром Г. И. Головкин в своем доношении царю писал в июне 1708 г. об извещении им о событиях на Дону российского посла в Турции П. А. Толстого с тем, «ежели то у Порты отзовется, то б он то старался уничтоживать, и с прилежанием тамо у турков предусматривать, не будет ли от него Булавина какой к Порте или татаром подсылки, или их ко оному склонности»[17].

Во-вторых, подчеркну, гарантий безопасности никто тогда казакам дать не мог, начиная от правившего тогда в Крыму Каплан-Гирея до «старых» кубанских казаков, в недавнем прошлом — также выходцев с Дона[18]. Примерно в тех же условиях оказались запорожские казаки, перешедшие на сторону Крыма в 1709 г. Как справедливо пишет знаток проблемы В.И. Мильчев, особых радостей по поводу появления этих нежданных визитеров не испытали тогда ни турки, ни правительство Крымского ханства — поскольку эта несанкционированная акция была чревата внешнеполитиче-

---

[15] Там же. С. 327.

[16] Там же. С. 344.

[17] Там же. С. 256.

[18] *Боук Б. М.* К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. № 4. С. 30–38; *Мининков Н. А.* К истории раскола Русской Православной Церкви (малоизвестный эпизод из прошлого донского казачества) // За строкой учебника истории: Уч. пос. Ростов н/Д., 1995. С. 26–46; *Усенко О. Г.* Начальная история Кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: Сб. науч. тр. Тверь, 2000. Вып. 2. С. 63–77.

скими обострениями с Россией и т. п.[19]. Та же осторожность турок видна из содержания гневного обвинения Петром I в измене тех же запорожцев, которые «посылали от себя к хану Крымскому несколько кратно, прося его дабы принял их в подданство... Хан того их Запорожцев прошения не исполнил, а писал... к Салтанову Величеству Турскому [и] в том их Запорожцев злом намерении по указу Его... отказано и к Хану о том указ от него послан, дабы отнюдь их не принимал...»[20]. И действительно, стороны были связаны соответствующими обязательствами еще по Константинопольскому мирному договору. Уместно здесь также вспомнить слова историка С. М. Ризы о том, что поступок Каплан-Гирея в отношении донских казаков из отряда И. Некрасова стал одной из причин его смещения с престола в 1708 г.[21].

Поэтому риски пребывания на территории кубанских владений хана для казаков были весьма высокими — а это лишний раз подчеркивает остроту происходивших несколько ранее на Дону событий, степень непримиримости сторон. К слову сказать, факт надругательства над телом погибшего К. А. Булавина, совершенного по приказу Петра I, может быть интерпретирован с позиций максимальной расправы над врагом, а именно: с точки зрения царя совершенно «разумно» было лишить упокоения душу врага, расчленив его тело на части. Как пишет современный исследователь А. А. Булычев, такого рода способы казни-погребения (наряду с сожжением, утоплением в водной стихии и пр.), символические трактовались с позиций обращения с телами казнимых как с отверженными усопшими, обреченными на вечные загробные страдания — рассматривая их нечистых или «заложных» покойников [22]. Кажется, тонкое наблюдение ученого о сознательном применении царскими карателями «водяной казни» etc с целью обречь восставших казаков на посмертные муки, уготованные «заложным» покойникам» требует самого внимательного изучения специалистов. Обращает на себя внимание

[19] Історія українського козацтва. Нариси у двох томах / Відповид. ред. В. А. Смолій. Київ, 2006. Т. 1. С. 588.

[20] Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Т. 4 (1700–1712). Ст. № 2233.

[21] Сейид Мухамед Риза. Ас-себъу-с-сейяр фи акбари мулюки татар или Семь планет в известиях о царях татарских (с предисловием профессора М. Казамбека). Казань, 1832. С. 12.

[22] *Булычев А. А.* Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. С. 43–44 и др.

тот факт, что после падения Есаулова городка кн. В. В. Долгорукий приказал четвертовать и поставить «на колье» *именно* походного атамана повстанцев, а также двух «старцов роскольщиков»[23].

Не менее внимательно (парадигма — та же) ученые должны отнестись к анализу противостояния, разыгравшегося между донскими казаками, вытесненными на Кавказ и казаками, оставшимися на Дону в конце XVII в. Накал событий тогда был таков, что казаки-«изменники» с поразительным упорством убивали царских посланцев — дело дошло до того, что «верные» донские казаки отказывались исполнять царские повеления о передаче, например, аграханским казакам, грамоты с лестными предложениями. Обращает на себя внимание способ погребения казаками Кавказа убитых ими «недругов» — *утопление трупа в воде*. Так, в 1689 г. кумские казаки убили и *бросили в воду* тело представителя Войска Донского С. Безпалого, отправленного Ф. Минаевым для их увещевания[24]. В 1690 г. те же казаки, вытесненные с Дона в конце 1680-х гг., захватили в плен очередных посланцев, вслед за чем «побили их дрючьем и тела… исполнителей долга службы побросали в воду»[25]. Рабочая гипотеза автора состоит в том, что и здесь вполне вероятна связь этих действий с культом «заложных покойников», поскольку умерших неестественной (насильственной) смертью «мать сыра-земля» отказывалась принимать. Поскольку по ряду представлений восточных славян на дне водоема находится ад и вообще вода — та стихия, с помощью которой можно отправить покойника на тот свет, то такая «забота» о душах «заложных покойников» лишний раз свидетельствует *о психическом напряжении* в среде казаков-нонконформистов. Аналогичное отношение к водной стихии как *ненормальному* месту погребения находим в фольклоре казаков-некрасовцев — как раз при описании событий, связанных с преследованием их российскими войсками (другое дело, что можно спорить о месте этих событий — Кубань или Дон). Кажется, что исследователи не обращали внимание на данное свидетельство: «Шли так-то до Черного моря по плавням, по камышам… Если дите какое заплачет, то матери приказывали бросить дите в воду. *Женщины не хотели того делать, закрывали рты младенцам, а они задыха-*

---

[23] Булавинское восстание… С. 327.

[24] Короленко П. П. Некрасовские казаки // Известия ОЛИКО. Екатеринодар, 1900. Вып. 2. С. 8.

[25] Там же. С. 9.

лись, умирали, так мертвых младенцев и несли с собою (выделено мной. — *Д. С.*)»[26].

Адаптация казаков-некрасовцев началась, несомненно, с преодоления психофизических последствий того шокового, надо думать, для них перехода на Кубань, с позиций обостренно воспринимавшейся при этом необходимости найти убежище для укрытия — прежде всего детей и женщин. События и обстоятельства этого процесса — малоразработанный аспект изучения истории формирования кубанского казачества на территории Крымского ханства в XVIII в. Весь корпус материалов, которыми располагают ныне исследователи, позволяет утверждать, что свой выбор казаки И. Некрасова сделали весьма быстро и добровольно, думается, не без участия (влияния) первых кубанских казаков, снискавших себе защиту и покровительство со стороны Гиреев уже в конце XVII в. Автор уже писал о временном пребывании группировки И. Некрасова в Закубанье примерно до начала 1712 г., когда, например, И. А. Толстой писал на основании оперативных данных о том, что «воры и изменники Игнашка Некрасов с товарыщи и доныне живут за Кубанью близ Черкес в юрте Аллавата мурзы»[27]. Новые данные позволяют уточнить локализацию этого района, что может оказать помощь исследователям в решении ряда вопросов, связанных с изучением адаптационных практик казаков на территории Крымского ханства, их отношению к возможностям своего безопасного пребывания в регионе. Об идеализации отношений с ногайцами говорить не приходится — так, некий казак, присланный с Кубани от вора Некрасова», показал, что «хотят их Кубанские владельцы выслать вон»[28]. А в расспросных речах некрасовских казаков, например, за октябрь 1710 г., содержатся сведения о шаткости положения на Кубани находящихся «во власти крымского хана» сторонников И. Некрасова[29].

Итак, по уточненным данным (прежде всего по работам В. Н. Сокурова[30]) можно полагать, что Аллават-мурза — это

[26] *Тумилевич Ф. В.* Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов на/Д., 1961. С. 160.

[27] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 15об.

[28] Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.

[29] Там же. Л. 23.

[30] *Сокуров В. Н.* Канжальская битва 1708 года и ее отражение в кабардинском фольклоре // Актуальные вопросы Кабардино-Балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С. 48–64.

Аллакуват-Семиз (Толстый), закубанский ногайский князь Ураковской ветви потомков Касая (Малые ногаи), внук Хорашая Уракова, и юрт этой части ногайцев еще в XVII в. находился на левом берегу Кубани при р. Лабе. В начале XVIII в. он был лидером наврузовцев, которых ученые даже второй половины XVIII в. локализовали «по левой стороне Кубани при реке Лабе» (И. Георги, 1799 г.). О том же свидетельствуют архивные документы: еще в 1762 г. при анализе руководством Войска Донского тогдашней ситуации на Кубани упоминаются кочующие вверх по Лабе аулы, называемые «Наврюз Улу»[31]. Для ученых это тем более важно, что именно татарам Казыева улуса хан приказал в свое время помочь первым кубанским казакам строить городок в междуречье Кубани и Лабы[32]. Следовательно, можно уверенно говорить, что место своего пребывания группировка И. Некрасова избрала в районе исторического проживания первых групп кубанских казаков, выходцев с Дона, где, как известно, таковые к данному времени уже не проживали, массово переселившись оттуда в Копыл, а затем на Тамань. Этот факт — направление пути некрасовцев, скорее всего, к этому городку, является еще одним, правда, косвенным, подтверждением вывода автора[33] о близости земляческих (религиозных?) связей казаков И. Некрасова и «старых» кубанских казаков, просивших, кстати, в 1709 г. крымского хана не выдавать России этих «новых» казаков. В любом случае Игнат Некрасов сумел найти тогда для своего отряда самое безопасное место — на окраине Крымского ханства, в землях наврузовцев, какая-то часть которых могла выражать недовольство очередным появлением казаков в этих землях.

Именно эта защищенность, пусть и не вечная, позволила, вероятно, развернуть И. Некрасову и его сподвижникам развернуть масштабную работу по агитации к уходу на Кубань казаков с Дона, а также избегнуть обострения ситуации возможной их выдачи Девлет-Гиреем II, который заявил российскому посланцу Василию Блеклому: «... что-де мне отдать, чево у меня нет. Я-де ему (Некрасову. — *Д. С.*) отказал и указ послал, чтоб он в Крыме и на Кубане не был, откуды и как пришел, так бы и ушел»[34]. Уже в декабре

[31] Архив Днепропетровского исторического музея. им. Д. Яворницкого. КП-38212/ Арх.-223. Л. 84.

[32] *Боук Б.* К истории первого кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. №4. С. 34.

[33] *Сень Д. В.* «Войско Кубанское… С. 83 и.др.

[34] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 13.

1708 г. П. А. Толстой известился от своего брата (посла в Турции) И. А. Толстого о том, что «кубанцы» приняли И. Некрасова, который «непрестанно посылает от себя на море и к Азову и под азовские городки для воровства явно...»[35]. Тогда же, например, некрасовцы разграбили на море (Азовском?) работных людей, захватив часть их в плен. Неслучаен и тот факт, что уже осенью 1708 г. Некрасов стал засылать на Дон своих посланцев, «прельщавших» тамошних казаков к уходу на Кубань же. Вряд ли также можно подозревать в беспечности запорожских казаков, решивших весной 1711 г. отправиться не только «по разным городам», но и «до вора Некрасова»[36], с казаками которым они не один раз встречались на Украине. Некрасовцам, конечно, не было никакого резона обманывать этих казаков и других казаков — ведь опасность их выдачи России к этому времени явно снизилась, причем он осваивают на Кубани новые ресурсы — например, строят лодки. Недаром в расспросных речах от 12 июля 1711 г. беглого (с турецкого флота, находящегося под Азовом флота) грека говорилось о том, что «с Кубани-де хотели быть от Некрасова 50 лодок, только при нем (флоте. — *Д. С.*) еще не бывали»[37].

Итог первым годам пребывания казаков-некрасовцев на Кубани был впечатляющ уже на том основании, что российские власти всерьез обеспокоились возможностью продолжения «Булавинщины» уже на землях, подвластных хану. В Канцелярии, например, казанского и астраханского губернатора П. М. Апраксина с особым тщанием собирали сведения о деятельности некрасовских эмиссаров на Дону, действовавших «для возмущения и наговору чтоб привлеч и других к тамошним ворам побежать на Кубань»[38]. Подчеркну особо, что известный Кубанский поход 1711 г. П. М. Апраксина не в последнюю очередь определялся, как свидетельствуют источники, необходимостью защиты от «татарев крымских и кубанских воровских казаков»[39]. Самим некрасовцам выбор места поселения позволил весьма быстро пройти начальный этап адаптации, освоиться, столкнуться (значит, узнать — новый социальный опыт) с местным ногайским населением и, вероятно, найти механизмы реализации

[35] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1708 г. Д. 2. Л. 470 об.

[36] Война с Турциею 1711 года (Прутская операция) / Из. А. З. Мышлаевский. СПб., 1893. С. 104.

[37] Там же. С. 269.

[38] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 28. Л. 16.

[39] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.

с ними договорных отношений. На это указывает тот, например, факт, что весьма скоро после своего прихода на Кубань казаки-некрасовцы стали весьма далеко уходить от своих жилищ — между тем как очевиден характер их семейного ухода с Дона[40].

Скорое оформление нашли, надо полагать, и договорные отношения казаков с тем же Девлет-Гиреем II, и уже в ходе русско-турецкой войны 1710–1711 гг. (окончательно, впрочем, «замирились» тогда Россия и Турция лишь по договору 1713 г.) казаки-некрасовцы, потеснившие в лице Некрасова и его сторонников «старых» казаков Кубани, приняли в ней активное участие на стороне Крыма. Так, из показаний пленного запорожца Л. Васильева в Бахмутской воеводской канцелярии (октябрь 1712 г.) следует, что «Сечь де ныне стоит в урочище Кардашине, от Крыма в одном дне конем. Кошевым состоит вор Костя Гердеенко, а при нем же и казаки донские обретаюца, кои купно с Некрасовым ушли...»[41]. В ходе походов на Украину и другие российские земли некрасовцы захватывали, конечно, пленных — а сам факт участия их в дележе полона также наводит на мысль о стабилизации их положения на Кубани. Так, характерная, вероятно, история произошла уже в 1711 г., когда по показаниям жителя д. Леонтьевы Буераки (верстах в 50–60 от Троицкого) некрасовские казаки, действуя в союзе с кубанскими татарами, разорили сожгли деревню, где «полон, в том числе и ево, Ивана, взяли ж и привезли на Кубань и розделили по разным аулам, а иных продали туркам на каторги»[42]. Не менее активно участвовали казаки-некрасовцы и на других направлениях. Так, пойманный в 1713 г. казак-запорожец заявил на допросе в Полтаве, что еще в 1711 г. некрасовцы участвовали в совместном походе «кубанской орды» и их, запорожцев, на р. Куму, где и стояли под пятью городами, откуда крымцы и некрасовцы, возглавляемые самим И. Некрасовым, отправились под Азов[43]. Особое внимание обращу на уникальное свидетельство, подтверждающее опосредованную роль Османов в процессах дальнейшей адаптации казаков-некрасовцев на территории Крымского ханства. Речь идет о донесении генерал-майора Шидловского от 28 января 1711 г., адресованного Ф. М. Апраксину: «А все ведомости доносятся в Киев что на наши полки Некрасов с ордою будет,

---

[40] *Сень Д.В.* «Войско Кубанское… С. 22–23 и др.

[41] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 34. Л. 87об.–88.

[42] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 374.

[43] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 905. Д. Q-347. Л. 1.

так намерены не только наши полки, чтоб весь и Белгородский разряд разорить и выжечь; перед султаном так обещал учинить (т. е. Игнат Некрасов. — *Д. С.*), за что многий презент получил»[44].

Таким образом, уже в самый ранний этап пребывания казаков-некрасовцев на Кубани, датируемый 1708–1712 гг., формируются основы их отношений с местным ногайским населением, правящим в Крыму домом Гиреев, султанами Турции, «старыми» кубанскими казаками, а также основа для сакрализации в дальнейшем личности Игната Некрасова, вероятно, и ставшего первым атаманом объединенного Кубанского (ханского) казачьего войска. Интересно в будущем проследить биографию самого Игната Некрасова, истоки нонконформизма которого по отношению ко многим участникам современных ему событий, представляющим Россию, уходят своими корнями в конец XVII в., время «религиозных войн» на Дону. Оказывается, что по оперативно собранным данным (май 1708 г.). Игнат Некрасов был рядовым казаков в городке Голубые «и в воровско замысле с Костькою, которой напред сего ушол на Аграхань для воровства ж и бунту, был же»[45]. В источниках конца XVII в. встречаются упоминания о нескольких Константинах (Костеях), правда, казаках кумских — от которых, впрочем, частично «питалась» людьми община казаков на р. Аграхани. Вполне возможно, что речь в данном случае (речь о майских показаниях казака С. Кульбаки в 1708 г.) идет об отголосках события, случившегося осенью 1691 г., когда кавказские казаки во главе с атаманом С. Жмурой совершили нападение на донские городки, призывая тех к переселению на Аграхань: «Нам тут на реке Аграхани жить не тесно. К нам милость кажут басурманы лучше вас православных христиан»[46].

Однако судьба определила Некрасову остаться на Кавказе несколькими годами позже, а тогда — «во время азовского походу он... принес вину, за что по прощенью и наказанье ему учинено»[47]. Впоследствии, проживая на территории Крымского ханства, Некрасов не раз возглавлял своих казаков для участия в военных кампаниях Гиреев, снискав славу удачливого атамана, характеристики которого явно отличались от мира обычных людей. Представляется, что сакрализация образа И. Некрасова (наделение его чертами вол-

[44] Война с Турциею… С. 40.

[45] Новое о восстании Булавина // Исторический архив. 1960. № 6. С. 125.

[46] Цит по: *Боук Б.* К истории первого Кубанского казачьего войска… С. 32–33.

[47] Новое о восстании Булавина… С. 125.

шебника, человека, чудесным образом ускользающего от наемных убийц и вообще предвидящего будущее и пр.[48]) развивалась по тем же основаниям, как это происходило с личностями других известных атаманов — С. Разина, Е. Пугачева, также связанных с практиками колдовства, общения с нечистой силой[49]. Но Некрасову историческая память казаков уготовила особую участь — учтивая его особую роль в спасении и, следовательно, новом Начале жизни на Кубани некрасовской общины, т. е. оценивая его, по сути, как *демиурга и первопредка*. Мифологическое сознание в выгодном свете трактует даже такой святотатственный шаг атамана, как выстрел в знамя с изображение креста, литье пушек и пуль из крестов и колоколов[50].

Несомненно, что основания этим процессам лежали и в области профанного мира, например, реальных событий, связанных с *постоянной* удачливостью атамана. Во-первых, как уже известно, Петру I так и не удалось добиться у хана и султана Ахмета III личной выдачи И. Некрасова (конечно, вместе с его казаками), причем *персональная* направленность запроса России очевидна[51]. Сошлюсь лишь на один документ (а выявлено их больше), а именно, слова царского посланца В. Блеклого, сказанные им в разговоре с визирем Крымского двора в 1709 г.: «... когда же ханова светлость не показал такой любви к стороне царского величества, чтоб ево, вора (Некрасова. — *Д. С.*) отдать явно со всеми, *и чтоб отдать ево одного, хотя с неболшими людми* (выделено мной. — *Д. С.*), а остальных до указу одержать»[52]. Затем опасность нависла над кубанскими казаками в период временного господства на Кубани Бахты-Гирея, решившего вдруг отдать в 1714 г. калмыцкому правителю Чаптержапу всех некрасовских казаков с женами и детьми, которые и попали было в плен — «толко де он сам Некрасов с легкими людми с сорокъю ушел в горы...»[53]. Случалось, атаман и в плен попадал — например, во время одного из походов с татарами на кабардинцев он был ранен и пленен; а выручили его тогда гребенские казаки, такие же старообрядцы, как и некрасовцы[54].

[48] *Тумилевич Ф. В.* Указ. соч. С. 153, 156 и др.

[49] *Рыблова М. А.* Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. Волгоград, 2006. С. 374 и. др.

[50] *Тумилевич Ф. В.* Указ. соч. С. 152–153, 164–165 и др.

[51] *Сень Д. В.* «Войско Кубанское… С. 81–82.

[52] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 7.

[53] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 1 об.

[54] *Короленко П.П.* Указ. соч. С. 28.

Факты подобного рода имели место и в дальнейшем, обретая символическую рефлексию в исторических преданиях некрасовских казаков, которые, вне всякого сомнения, начинают создаваться уже на территории Крымского ханства. Подчеркну, что в контексте описываемых событий логично ожидать находок в архивах документальных подтверждений фактам подсылки к И. Некрасову наемных убийц, также имеющимся в некрасовском фольклоре[55]. Можно также сказать об определенной «ненормальности» процесса описанной сакрализации, учитывая наличие противоречивых (к моменту ухода казаков с Дона) принципов отношения донских казаков к атаманской власти. Недаром М. А. Рыблова пишет, что «любая избыточность воспринимается традиционным сообществом как угроза его существованию (за счет нарушения некой всеобщей нормы), а обладатели избыточного богатства, споры. Удачи — как вампиры, заедающее чужое (избыток может быть только частью доли другого)[56]. С другой стороны, можно констатировать, что сакрализация образа личности И. Некрасова носила характер «разового применения» — она не была перенесена, например, на его сына Михаила, либо других атаманов Кубанского (ханского) казачьего войска. В любом случае И. Некрасов обрел в глазах создателей и носителей данной культурной традиции высокий социальный статус и признание еще при своей жизни, о личности которого лично, надо думать, знали, не только крымские ханы, но, возможно и турецкие султаны.

Что касается последних, то можно привести ряд свидетельств ученых о самом пристальном внимании Османов и представителей турецкой администрации в Причерноморье к этой группе казачества, снискавшей по отношению к себе многолетне лояльное и даже заботливое отношение правящих крымских ханов. Так, еще в 1711 г., по данным А.Д. Бачинского, султанское правительство предлагало кубанским казакам переселиться в пределы Османской империи[57]. Примерно в середине XVIII в. (до 1753 г.), султанская воля помогла казакам разрешить вопрос обретения ими священника; тогда они обратились в Стамбул с просьбой, и султан приказал крымскому архиепископу Гедеону рукоположить в архиерейский сан казачьего «кандидата» — монаха Феодосия, что тот, несмотря

---

[55] *Тумилевич Ф. В.* Указ. соч. С. 155.

[56] *Рыблова М. А.* Указ. соч. С. 377.

[57] *Бачинский А. Д.* Дунайские некрасовцы и задунайские запорожцы // Историческое краеведение Одесщины. Одесса, 1985. Вып. 6. С. 9 (на укр. яз.).

на первоначальный отказ, затем исполнил — под угрозой применения насилия по отношению к себе турецкого паши и отряда янычар[58]. При этом у автора настоящей статьи нет никакого сомнения в том, что некрасовцы *превосходно знали* о таком своеобразном к себе отношении, ничуть, впрочем, не боясь снова и снова обращаться к султану с прошениями. Характерная, поэтому, для данной парадигмы отношений казаков с верховной властью Османской империи история произошла в Стамбуле в 1755 г. Тогда купец из Малороссии И. Васильев встретил в Стамбуле в гостях у другого купца, Е. Пирожникова, кубанских казаков, прибывших с письмом к султану[59] и просивших Пирожникова о переводе этого послания на греческий язык. Тогда, кстати, российские «доброхоты», сам Васильев и его брат священник, стали отговаривать казаков от этого шага, обещая всепрощение Елизаветы Петровны — вследствие чего казаки якобы склонились к тому, решив, однако, «для полезнейшего им совета, и от *всего Кубанского войска* (выделено мной. — *Д. С.*) согласия и в том подтверждения ехать в Кубань»[60]. Вместе с тем подчеркну, что данное свидетельство является еще одним бесспорным доказательством существования у казаков Крымского ханства войсковой организации[61].

Еще более «личностные» отношения связывали кубанских казаков-некрасовцев с ханской династией Гиреев, подданными которых казаки являлись. Характерно, что еще «старые» кубанские казаки имели возможность напрямую обращаться к хану в случае притеснения их кубанскими ногайцами или местной администрацией, всегда получая желаемый для себя результат своих обращений[62]. Некрасовцы также избрали для себя путь верноподданнического отношения к правящим ханам, что в числе прочих оснований и определило их *массовое* участие в военных кампаниях Крымского ханства, а не «зипунских», воровских, т. е. несанкционированных набегах на окраины России, чреватых расправой и выдачей царям. Очевидно, что ханы держали некрасовцев на исключительном положении и

[58] *Мельников П. И.* Старообрядческие архиереи // Русский вестник. 1863. Т. 45. № 6 (июнь). С. 471.

[59] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 474. Л. 2 (документ любезно предоставлен автору В. И. Мильчевым).

[60] Там же. Л. 2об.

[61] *Сень Д. В.* «Войско Кубанское… С. 38–41 и др.

[62] *Боук Б.* Указ. соч. С. 35 и.др.

казаки это превосходно понимали, отнюдь, впрочем, не злоупотребляя таким состоянием отношений с Гиреями (при этом сообщество кубанских казаков монолитным назвать нельзя — например, по вопросу о возвращении в Россию). Так, в 1756 г. некрасовцы отправили своих посланцев в Крым к новому хану Хаким-Гирею, жалуясь на притеснения горских народов и прося переселить на жительство в Крым[63]. Переселение это состоялось в 1758 г. — хан поселил казаков к Крыму при «рыбном озере» — Балаклавской бухте[64]. Еще раньше, в 1730-х гг., хан Менгли-Гирей отправил на Кубань своего спецпосланца с предложением перейти на жительство в Крым. Кстати, именно этот хан держал при себе, вероятно, в качестве телохранителей, сотню некрасовцев во главе с сотником А. Черкесом[65]. Так вот, некрасовцы позволили себе тогда отказаться, при этом заявив: «Егда с Кубани кубанцы в Крым не пойдут кочевать, то-де и оне некрасовцы в Крым жить не пойдут»[66]. Нередки были случаи, когда некрасовские казаки выступали в походы, руководимые ханами или, что, конечно, было чаще, другими родственниками хана — причем источники всегда выделяли этот отряд среди иных составляющих этого войска.

Поэтому отнюдь небесспорными представляются выводы С.С. Андреевой о том, что казаки-некрасовцы подчинялись не самому крымскому хану (при этом она без ссылок на источники чересчур общо критикует авторскую трактовку отношений Гиреев/казаков, не вполне корректно к тому же ссылаясь на текст моей же монографии при характеристике, например, некрасовских прошений о возвращении их в Россию[67]), а кубанскому сераскиру, точнее, тот вывод, который при этом допускается — *из факта подчинения этому родственнику правящего хана якобы и будет следовать анализ прав и обязанностей некрасовцев на территории*

---

[63] Государственный архив Астраханской области. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1961. Л. 312 об.

[64] *Мильчев В. И.* Дискуссия о времени появления некрасовцев в Северо-Западном Причерноморье в свете документов Российского государственного архива древних актов // Липоване: история и культура русских-старообрядцев / Ред.-сост. А. А. Пригарин. Одесса, 2005. Вып. 2. С. 28.

[65] *Фелицын Е. Д.* Сборник архивных материалов, относящихся к истории Кубани и Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1904. С. 147.

[66] РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1739 г. Д. 128. Л. 214об.

[67] *Андреева С. С.* До питання про перебування козаків-некрасівців під владою Кримського ханства // Козацька спадщина. Нікополь-Дніпропетровськ, 2005. Вип. 2. С. 82, 84.

Крымского ханства[68]. Следуя такой логике, под сомнение можно поставить само пребывание земель Правобережной Кубани в составе ханства, а сераскеров уподобить феодальным князькам, самоуправствующим в регионе без оглядки на Крым и турок. Лояльность кубанских сераскеров по отношению к своим венценосным родственникам Крыму, конечно, периодически оставляла желать лучшего, но ханы никогда не упускали возможности побыстрее расправиться с «ползучей фрондой» сераскеров, что, конечно, не меняло общей расстановки сил в регионе — верховным сюзереном и ногайцев, и казаков, и многих других насельников Кубани считался и являлся правящий крымский хан. Таким образом, с точкой зрения С. С. Андреевой согласится не представляется возможным, поскольку в таком случае весьма вольную трактовку приобретает и сама политическая история Кубани как *неотъемлемой части* Крымского ханства на протяжении столетий. Один лишь пример: когда в начале 1760-х гг. на Кубани произошла очередная «замятня», то «от хана Крымского Калге солтану было такое повеление, что когда пред сим бывшой Кубанским сераскером Багадыр Гирей солтану противных горских народов успокоит и в точное крымскому хану послушание приведет, то... ево... определит по-прежнему кубанским сераскером, а ежели оные противники в послушание не склонятся, то б уже ему Калге Солтану всех кубанских татар аулы для кочевья перевести на крымскую сторону...»[69]. Богадыр-Гирей выступил против воли калги и был разбит в апреле 1761 г. вместе со своим «горским войском».

Еще раз подчеркну, что та широта для маневра, которую обрели при организации своей внутренней общественной жизни некрасовские казаки уже в 1708 г. (и в последующие годы) была вызвана их быстро принятым и сознательным решением найти в лице крымских ханов своих верховных правителей и покровителей (при этом автор еще несколько лет назад писал о том, «оперативный» контроль за жизнью казаков осуществлял сераскер). В противном случае их ожидали постоянные преследования со стороны тех же сераскеров, ногайцев, турок, а в конченом счете — расправа и гибель общины. Не менее спорным предстает мнение, к сожалению, безо всяких на то исторических оснований и по сей день встречающееся в исторической литературе, о создании казаками-некрасовцами на Кубани

[68] Там же. С. 82.

[69] Архив Днепропетровского исторического музея. им. Д. Яворницкого. КП-38212/ Арх.-223. № 10. Л. 83–83об.

некой либерии, «своеобразной республики» — что также вступает в противоречие как с обширнейшим корпусом первоисточников, так и с новейшими, перспективнейшими исследованиями по истории донского казачества (Н. А. Мининков, М. А. Рыблова, Б. Боук и др.). Заостренность советской историографической традиции на классовой борьбе как факторе развития истории породила, например, в 1966 г. такое высказывание, некритически воспринятое некоторыми современными учеными: «Повстанцы (Игната Некрасова. — *Д. С.*) сумели создать вольную казацкую республику, пусть не народной земле, пусть в меньших размерах, чем они предполагали, но все же им удалось осуществить свою мечту о казацком государстве с атаманом во главе»[70]. Напротив, в процессе удачной в целом адаптации некрасовских казаков в сообщество и «старых» кубанских казаков, и жизнь татарско-ногайского населения Крымского ханств можно усмотреть реализацию принципов «симфонии» между правителями и подданными, когда подданство не воспринимается как уничижение свободы личности, когда эта личность активно о себе заявляет, когда «сопротивление, духовная и социальная активность... определены как важная мера спасения православного и всего православия» [71].

Поэтому в основе принципов «благоденствия» казаков на территории Крымского ханства лежали старообрядческий конфессиональный активизм, их преданность Гиреям и, главное, *личная* ответственность перед Богом за совершенные деяния. Именно все это (в соединении с выражением закономерной реакции ханов на *такое поведение* казаков) и помогало общине казаков выживать и развиваться. Поэтому и на Кубани могли быть с полным основанием произнесены слова, сказанные одним из некрасовцев уже в Анатолии (сел. Бин-Эвле) заезжему путешественнику в начале 1860-х гг.: «У какого царя живем... тому и служим, верой и правдой казацкой, *по чести, без лжи и измены* (выделено мной. — *Д. С.*)»[72].

[70] *Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П,, Мавродин В. В.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 202.

[71] *Керров В. В.* Новый строй личности и новый тип религиозности в старообрядчествев // Липоване: история и культура русских-старообрядцев… С. 4.

[72] *Иванов-Желудков В.* [В. И. Кельсиев]. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63 (июнь). С. 420.

Л. Е. Семенова

Переселенцы из Дунайских княжеств в Россию в конце XVIII в.

В последней трети XVIII в. возрастает интерес России к Дунайским княжествам — Молдавии и Валахии, что определялось прежде всего ее геополитическими интересами в Придунайском регионе Черноморского бассейна. Внутренние потребности экономического развития страны ставили царское правительство перед необходимостью решения таких общегосударственных задач, как укрепление юго-западных границ, расширение и освоение плодородных земель Причерноморья, обеспечение свободы торговли по Черному морю и примыкающим к нему водным артериям.

В фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) сохранилось достаточно много материалов последней трети XVIII в., раскрывающих экономические причины политических устремлений России в Юго-Восточной Европе, в частности и ее интересов в Молдавии и Валахии. Помимо документальных внешнеполитических актов — договоров, соглашений, большей частью опубликованных, среди сохранившихся материалов представляют интерес правительственные инструкции российскому посланнику в Стамбуле и русским консулам в Молдавии и Валахии, а также переписка между консулами и русской миссией в турецкой столице. Особенно ценными являются донесения консулов в Коллегию иностранных дел, в которых они регулярно сообщали царскому правительству важные данные по вопросам военно-стратегических шагов Турции и западных держав в сторону юго-западных границ России. В их донесениях содержались подробные сведения об экономическом положении и внутриполитической ситуации в Дунайских княжествах, о настроениях их жителей и их отношении к России.

Хотя значительная часть этих материалов введена в научный оборот и уже использовалась исследователями, в полном объеме они еще не изучены. Так, материалы консульских донесений раскрывают один из аспектов экономических интересов России в отношениях с Молдавией и Валахией в конце XVIII в. Не претендуя на всестороннее его рассмотрение, попытаемся на основе ряда выявленных документов остановиться на связанном с освоением южнорусских земель переселением жителей Дунайских княжеств в Россию.

Расширение южных границ России, превращение ее в черноморскую державу в результате русско-турецких войн XVIII в. создавали благоприятные условия для ускоренного экономического развития южных районов страны. Одной из важнейших задач царского правительства становится заселение и освоение причерноморских земель, что диктовалось, прежде всего, интересами новых хозяев степных губерний. В осуществлении этой задачи главной трудностью было бегство крестьян в соседние области.

И здесь Дунайские княжества, особенно территориально соседствовавшая Молдавия, где укрывались тысячи русских и украинских беглых крепостных крестьян, стали для южнорусских помещиков и буржуазии объектом своекорыстных интересов, связанных с возвратом беглых лиц и заселением ими южных земель. Озабоченное размахом бегства российское правительство в переговорах с Турцией настояло на том, чтобы включить вопрос о возврате беглых в условия Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. В соответствии с его статьями 1 и 2 России предоставлялось право поиска и возврата беглых, скрывавшихся в Молдавии[1].

Консульские донесения в Коллегию иностранных дел пестрят данными о беглых крестьянах, укрывавшихся в княжествах. Правительство предписывало консулам «прилагать возможное старание о изыскании» беглых в княжествах, а также побуждать «раскаивающихся беглецов к возвращению в Россию»[2]. Местные власти в княжествах нередко под разными предлогами препятствовали их возврату, что заставляло консулов через русское посольство в Стамбуле ходатайствовать перед Портой о посылке молдавскому и валашскому господарям фермана, запрещавшего им чинить препятствия в отправке беглых. Документы свидетельствуют о посылке таких ферманов в Молдавию и Валахию[3].

Кроме возвращения беглых, большое значение в реализации программы заселения южных земель российское правительство придавало привлечению иностранных колонистов. Среди них особенно поощрялись выходцы из Молдавии и Валахии. Показательны в этом отношении приведенные историком Е. И. Дружининой данные о национальном составе иностранных поселенцев в Новорос-

[1] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т XIX. № 1464.

[2] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.

[3] *Гросул Г. С.* Дунайские княжества в политике России. 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 26.

сийской губернии. Так, в 1773 г. здесь среди иностранных колонистов больше всего было молдаван и валахов — 2471 человек, тогда как остальные национальности (болгары, сербы, греки и другие) вместе взятые составляли 704 человека[4].

Притоку молдавских и валашских колонистов в южные области России способствовали Кючук-Кайнарджийский 1774 г. и Ясский 1791 г. мирные договоры России с Турцией. Тексты договоров включали постановления о предоставлении права переселения в Россию всем желающим «оставить свое отечество» в течение года (по договору 1774 г.) и 14 месяцев (по Ясскому трактату 1791 г.). Для лиц, служивших в войсках, срок не ограничивался.

Желающих переселиться в Россию в княжествах было достаточно много ввиду ухудшения условий жизни населения. В нарушение установленного русско-турецкими договорами статуса княжеств Порта усиливала в них фискальный гнет, повышая денежные сборы, увеличивая поставки продовольствия и скота, что приводило к возрастанию налогового бремени для жителей; продолжалась политика ущемления османскими властями прав и привилегий местных бояр[5].

После 1791 г. особенно возросло число молдаван, желающих поселиться на российских землях за Днестром. По Ясскому договору 1791 г. к России были присоединены земли Левобережья нижнего течения Днестра. Россия стала непосредственно граничить по Днестру с Молдавией. Сюда на новоприобретенные территории Приднестровья и устремлялись молдавские переселенцы.

В АВПРИ среди материалов Российского генерального консульства в Яссах сохранились датированные 1792–1793 гг. списки жителей Молдавии, желающих переселиться в Россию, принять русское подданство. В списках приводятся их чины и должности, указывается сословная принадлежность, а также содержание их просьбы в связи с переселением. Среди перечисленных в списках — бояре, служилые люди, духовные лица, простые жители[6]. В отдельные списки вносились знатные бояре и чины княжества, «которые изъявили желание и намерение перейти в подданство ея императорского величества»[7]. Особый интерес представляют и со-

[4] *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М, 1959. С. 54.

[5] *Гросул Г. С.* Дунайские княжества... С. 42–54.

[6] АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1792 г. Д. 83. Л. 13–14об., 17–18; Д. 84. Л. 80–80об.

[7] Там же. Д. 82. Л. 18. См. ниже Приложение, док. 2.

хранившиеся отдельные обращения молдавских жителей с просьбами о переселении в Россию[8].

Молдавский господарь и Порта не были заинтересованы в сокращении числа налогоплательщиков в княжестве. Поэтому они чинили всяческие препятствия переселенцам. Главным рычагом воздействия на них служила затяжка господарем времени, т. к. договор ограничивал срок переселения 14 месяцами. Чинились препятствия в продаже имений перед отъездом. Особые трудности создавались для податных сословий[9]. Консул И. И. Северин доносил, что по приказанию господаря местные власти «сильные им в том делают затруднения и редко кого из уездов выпускают»[10].

В таких условиях Коллегией иностранных дел консульству предписывалось заступаться за переселенцев перед господарем, помогать им в оформлении переезда. В частности, в отношении бояр добиваться, чтобы «дозволено было беспрепятственно отправляться, куда они заблагорассудят, и распоряжать имениями и делами их, как они похотят...» В отношении лиц небоярского происхождения рекомендовалась «надлежащая осторожность», оказание в необходимых случаях денежной помощи и направление на поселение в Таврическую и Екатеринославскую губернии[11].

Российское консульство прилагало немалые усилия для решения дел переселенцев. Обращений в консульство желающих переехать на жительство в Россию было много[12]. Консул И. И. Северин доносил, что «жители здешние, пользуясь определенным в последнем мирном трактате сроком, почти ежедневно прибегают о принятии их в покровительство России, в чем я им не отказываю и по всей возможности стараюсь способствовать в делах их»[13].

Консульству приходилось преодолевать большие трудности в связи с препятствиями, чинимыми переселенцам со стороны господаря и местных властей [14]. Консул должен был обращаться с представлением по делу каждого отъезжающего в Россию к господарю

---

[8] См. Приложение, док. 11, 12.

[9] Там же, док. 6.

[10] АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. Д. 750. Л. 58.

[11] См. инструкцию Коллегии иностранных дел российскому генеральному консулу И.И. Северину от 15 апреля 1792 г. – Там же. Ф. 69.Российское генеральное консульство в Яссах. 1792 г. Д. 82. Л. 7об.–10; Приложение, док. 1.

[12] Приложение, док. 2, 4, 5, 7, 11, 12.

[13] АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. Д. 83. Л. 52.

[14] Приложение, док. 6, 8.

или к местным властям, иногда вступать в конфликт с ними[15]. Как писал И. И. Северин члену Коллегии иностранных дел А. А. Безбородко 29 декабря 1792 г., молдавские переселенцы с благодарностью принимали помощь консульства, выражали надежду, что «вступая в подданство и службу ея величества, употребят все силы к достижению найвящщего ея к ним благоволения»[16].

Несмотря на чинимые местными властями препятствия, переселение молдавских и валашских жителей на российские земли продолжалось и после истечения установленных договорами сроков, принимая чаще всего форму бегства.

Переселенцы получали в России такие льготы, как личную свободу, наследственное право на землю, освобождение от рекрутской повинности и др.[17]. Переселенцы боярского происхождения пользовались особыми привилегиями. В соответствии с императорским рескриптом от 13 января 1792 г. они могли переселиться вместе со своими крестьянами, получали имения с деревнями, им предоставлялись дворянские чины и пенсии, а также право поступления на военную или гражданскую службу. Как видно из сохранившихся в архивных фондах списков и прошений переселившихся после 1791 г. в российские губернии молдавских бояр, получаемые ими льготы и привилегии зависели в первую очередь от характера услуг, оказанных ими России во время войны, и от должности, которую они занимали в феодальных структурах княжества[18]. По подсчетам молдавской исследовательницы Г. С. Гросул на основе консульских донесений, за 11 месяцев (1792–1793) из Молдавии в Россию переселилось 48 боярских семей вместе со слугами и зависимыми крестьянами[19]. С учетом приведенных нами новых архивных материалов можно предположить, что число переселившихся в Россию в конце XVIII в. не только молдавских бояр, но и разных чинов служилых, духовных лиц и простых жителей княжества было достаточно значительным. Так, по данным российского историка В. М. Кабузана, в 1792 г. на территории между Южным Бугом

---

[15] Там же. Док. 5.

[16] АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1792 г. Д. 83. Л. 9об.

[17] *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье... С. 58 и др.

[18] АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 83 Л. 15–18; Д. 85. Л. 13–14; см. Приложение, док. 4.

[19] *Гросул Г. С.* Дунайские княжества... С 27.

и Днестром в общей численности населения в 23743 человека почти половину (49,1%) составляли молдаване[20].

Подводя краткий итог рассмотрению представленных материалов, следует отметить, что участие молдавских и валашских переселенцев в заселении и освоении южнорусских земель в конце XVIII в. способствовало росту заинтересованности России в отношениях с Дунайскими княжествами, усиливая их значение в ее черноморской политике.

Приложение

№ 1

1792 г. апреля 15. — Из инструкции Коллегии иностранных дел российскому генеральному консулу И. И. Северину

...Должностию вашею ныне будет устремить главное внимание к тому, дабы существовавшие до сего времени между высочайшим ея императорскаго величества двором и Портою Оттоманскою договоры, подтвержденные торжественно заключенным в Яссах прошедшего 1791-го года в 29 день декабря мирным трактатом по всей их силе точно ею сохраняемы и исполняемы были; наипаче же в рассуждении тех выгод, кои постановлены в пользу княжества Молдавии

Вам по тому предлежать будет престерегать:

...4. чтоб фамилиям, желающим пользоваться назначенным в трактате сроком к свободному из сего княжества выезду, дозволено было безпрепятственно отправиться куда они заблагорассудят, и распоряжать имениями и делами их как они похотят продажею их или другим образом. О знатнейших из таковых, кои уже объявили намерение перейти в подданство ея императорскаго величества, усмотрите из списка при сем прилагаемого[21].

По прибытии же вашем в Яссы, или где вы главную квартиру армии российско-императорской найдете, получите от командующего ею господина генерал-аншефа и кавалера Михаила Васильевича Коховского или от управляющего делами в Молдавии статского советни-

---

[20] *Кабузан В. М.* Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья. Кишинев, 1974. С. 19–20.

[21] См. док. № 2.

ка Лашкарева сведения и о народах, переходящих в Россию; а как и сверх сих многие из жителей молдавских могут пожелать переселиться в области здешние, то и не оставите вы являющимся к вам с сим намерением подавать нужные пособия и употребляя тут надлежащую осторожность, способствовать им в облегчении выезда их в Таврическую область или в Екатеринославскую губернию, к коей земли вновь заключенным с Портою трактатом державе Российской уступленные причислены, снабдевая поселян, где то необходимо нужно будет по сущему неимуществу переселяющихся и потребными путевыми и на содержание их деньгами на щет казны ея императорскаго величества по примеру прежних отправлений таковых же выходцев.

Пребывание ваше, по крайней мере на первое время, надлежит основать в Яссах, как в рассуждении ближнего и уже беспосредственного с Молдавиею соседства границ наших, так и для того, дабы удобнее наблюдены и в точности исполнены были те выгоды, кои особенно в последнем мирном трактате сему княжеству единовременно выговорены, наипаче же чтоб вы могли наилучшим образом тем из бояр и других жителей молдавских, которые, оказав отличное усердие и преданность к высоким интересам ея императорскаго величества в течение прошедшей войны, не могли остаться под обладанием турецким, а принуждены искать убежища под покровом ея императорскаго величества оказать всемерное и в пользу их заступление, дабы колико можно с меньшею потерею в рассуждении их продажи имуществ и распоряжения вообще тамошних их дел они таковое переселение совершили.

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1792 г. Д. 82. Л. 7об.–10.

№ 2

Не позднее 1792 г. апреля 15. — Список молдавских бояр и служилых чинов, желающих принять российское подданство

Список знатнейшим боярам и другим чинам княжества Молдавского, которые изъявили желание и намерение перейти в подданство ея императорскаго величества

Великий ворник и бывший вистиарий князь Матвей Кантакузин
Великий ворник и вистиарий настоящий Скарлат Стурза
Ворник Георгий Гика

Гетман Константин Гика
Гетман Илья Катаржи
Великий ворник и бывший вистиарий Георгий Балш
Великий ворник Драко Депасто
От армии подполковник и спатар Еммануил Балш
Ворник де Апроз Николай Балш
От армии майор и портар Марио Гаиос
Капитан де Лефечи Бартоломей
Валмыш Алексей Иконном [22]

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1, 1792 г. Д. 82. Л. 18. Копия.

№ 3

1792 г. мая 25. — Из письма статского советника С. Л. Лашкарева российскому генеральному консулу И. И. Северину

...Каков подан от меня его сиятельству графу Александру Андреевичу Безбородку и его высокопревосходительству господину генерал-аншефу и кавалеру Михаилу Васильевичу Коховскому список о молдавских боярах, желающих с семействами своими и движимым имением переселиться на вечное жительство в Россию, таков точно, за долг поставляю и Вашему высокоблагородию сообщить как к сведению, так в нужном случае и к вспомоществованию им при переселении себя отсель за Днестр[23].

С истинным высокопочитанием и совершенною преданностию всегда пребуду.

Милостивый государь мой. Ващего высокоблагородия покорный слуга Сергей Лашкарев [24].

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1792 г. Д. 83. Л. 11.

---

[22] *Далее помета*: В подлинном свидетельствовал коллежский ассесор Ал. Вениаминов.

[23] См. док. 4.

[24] Подпись собственноручная.

№ 4

Не позднее 1792 г. мая 25. — Список молдавских бояр и других служилых чинов, желающих переселиться в Россию

Список молдавским боярам и прочим земским чинам, желающим с семействами и движимым имением выехать в Россию, полагаясь на высочайшую ея императорскаго величества милость, объявленную им его светлостию покойным генерал-фельдмаршалом князем Григорием Александровичем Потёмкиным

Чины и имена	Кто чего просит и какие услуги оказал
От армии майор, великий камараш и ага Константин Филодор в Санкт-Петербурге	Душ и земли в новоприобретенной области. Он выехал было в Россию с господарем Александром Маврокордатом; но как открылась война, то зделан был здесь в Яссах его светлостию покойным князем агою: где при всяком случае оказывал преданность свою империи всероссийской, выполняя все возложенные на него препоручения с ревностию и усердием, достойным всякого уважения. Ныне он находится в Санкт-Петербурге.
От армии премиер-майор и великий пахарник Николай Карпов	Он тому уже осьмой год как было оставил Молдавию и находился всегда при покойном светлейшем князе, оказывая во всех частях отличное свое усердие и верныя услуги, заслуживающие всякого внимания; между которым временем оставшееся здесь в Молдавии его движимое и недвижимое имение без призрения вовсе разорилось. Просит душ и землю в новоприобретенной области. Ныне он находится здесь.
От армии майор Иваница Канано	Сей, имея хорошее знакомство в Варшаве, доставлял чрез свою переписку вернейшия сведения покойному светлейшему князю о тамошних происшествиях, коими покойный князь был всегда доволен. Ныне он находится здесь в Яссах.

Великий сулджер Ионица Макарескул	Чин от армии майора и землю. Он, быв при диване вистиарским логофетом, все возложенныя на него препоручения выполнял с отличным усердием и ревностию, о чем свидетельствует и г-н действительный статский советник Стурза. Ныне он находится здесь.
Вторый постельник Панаидор Паун	Чин титулярного советника, землю и определения к месту. Сей, быв во все военное время исправником, употреблялся по разным делам; а потом в самое нужное время, когда Российской гребной флот вступил в Галацы, переведен он туда был исправником же, где все возложенные на него препоручения выполнял с крайним усердием и ревностию. Употреблялся также с повеления покойного светлейшего князя по разным секретным делам и оныя выполнял с верностию и успехом весьма похвальным. О усердности своей он имеет от многих дивизионных командиров весьма хорошие атестаты. Ныне он находится здесь.
Вторый вистиарий Воложского княжества Константин Эксопорита в Дубосарах	Сей, будучи в Валахии чрез все военное время, всегда доставлял оттоль покойному светлейшему князю весьма хорошие сведения о всех произшествиях, не требуя за то никакой себе награды, а единственно по преданности своей к империи Всероссийской. По заключении же между Римскою империею и Портою Оттоманскою мира, он прибыл сюда со всею своею фамилиею. Просит чин титулярного советника, землю и определения к месту. Ныне он отправляется за Днестр.
Житничар Константин Андрияшь	Чин капитана и землю. Он был определен от земскаго начальства к доставлению в здешния гошпитали все нужныя вещи для больных военнослужителей; кою должность исправлял с отличным усердием и ревностию. Ныне он находится здесь.

Сын питаря Иван Сенека в Дубосарах	Сей находился при разных казенных нарядах и в другая должности и службы употреблялся, кои выполнял весьма похвально. Просит чин капитана, землю и определения к месту. Отправился ныне в Дубосары.
Великий шетрар Федор Помана	Был приставом при гребном флоте в Галацах и в прочих должностях употреблялся, которые исправлял отлично, усердно. Просит чин майора и землю. Снабден открытым листом к переходу за Днестр.
Служивший во все военное время при диване мугюрдарем, или хранителем диванской печати, вторый господарский граматик Антон Маврицкий	Чин капитана и землю. Он всегда оказывал преданность свою империи Всероссийской, выполняя все возложенныя на него препоручения с ревностию и усердием. Ныне он находится в Санкт-Петербурге.
Порутчик Николай Дияуров	Он находился всегда при Главных начальних в передовых корпусах приставом и имеет от них хорошие атестаты. Просит чин капитана и землю.
Порутчик Степан Белчин	Служил в Сороке при польской границе, употребляем будучи от г-на исправника, ныне статского советника Катаржи по разным комиссиям и другим делам, кои исправлял всегда с верностию и усердием. Просит чин капитана и землю. Он снабден к переходу за Днестр открытым листом.
Порутчик Дмитрий Чолак Христодор Саиджи	Сии оба служили войскам империи Всероссийской во все военное время, выполняя все возложенные на них препоручения от главных начальников с ревностию и усердием. Просят капитанских чинов и землю. Снабдены оба к переходу за Днестр открытыми листами.

Порутчик Николай Станилевич в Дубосарах	Употреблялся к выводу переселенцов за Днестр и другая дела. Просит чин капитана и землю. Снабден к переходу за Днестр открытым листом.
Прапорщик Андрей Крушеван	Чин поручика и землю. Служил при сороцком исправнике г-не статском советнике Катаржи, выполняя все возложенный на него препоручения с ревностию и усердием. Снабден к переходу за Днестр открытым листом.
Земской капитан Петр Окинка	И сей служил при г-не сороцком исправнике и статском советнике Катаржи, также выполняя все возложенныя на него препоручения с ревностию и усердием. Был при том провожатым при войсках. Снабден и он к переходу за Днестр открытым листом.
Диванской переводчик и земской капитан Андрей Саббин	Служа чрез все военное время при переводах писем, был всегда усерден и исправлял должность свою весьма хорошим успехом и верностию. Просит чин капитана, землю и определения к месту.
Монастыря Арон Воды архимандрит Дометиан Капнист	Землю около Николаева или Дубосар. Сей с самого начала вступления в Молдавию российских войск при всяком случае оказывал усердие свое и отличныя услуги, помоществуя всем тем, чем только мог, и снабдевая, когда войски расположены были под его монастырем лагерями, всеми нужными припасами, не требуя на то никаких издержек, какого роду оныя ни были. Снабден к переходу за Днестр открытым листом.

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1, 1792 г. Д. 83. Л. 13–14об.

№ 5

1792 г. июня 20. — Из записки консула И. И. Северина молдавскому господарю А. Морузи

.../имеет честь/ чрез сию дать знать вашей светлости, что молдавского монастыря Арон Воды господин архимандрит Дометиан Капнист вступил в российское ея императорского величества подданство; вследствие чего и /просит/... кому следует дать надлежащее в силу ...трактата повеление, дабы означенный архимандрит Капнист в переселении своем отсюда в российские пределы ни от кого и никакого препятствия не имел, и сверх того позволить ему пробыть в Молдавии для окончания здесь его дел...[25]

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1792 г. Д. 87. Л. 49–49об.

№ 6

1792 г. ноября 1. — Из письма Российского поверенного в делах в Стамбуле А. Хвостова генеральному консулу И. И. Северину

...Притеснения обывателей земли, поборы в противность трактата излишные и тягостные, дурные поступки с теми из молдаван, кои к нам переселиться желают, угрозы им, возвращения билетов, от вас данных, затруднение в их выезде суть пункты важные, кои не оставлю я употребить, так как прошу вас о уведомлении касательно до таких господаря поступок, кои противны договорам между обеих империй или личное недоброходство господина Мурузия являют...

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1792 г. Д. 84. Л. 99–99 об.

[25] В июне–июле 1792 г. записки с такими же просьбами консул И. И. Северин направил молдавскому господарю в отношении еще 15 жителей, желающих переселиться в Россию (Там же. Л. 60–62об., 65–67об., 70–71об., 77–78, 87–88об., 94–94об., 98, 101–101об., 105–105об.). 31 октября, 27 ноября и 2 декабря того же года консул обращался к молдавскому господарю с ходатайством относительно переселения кэминаря Иордаки Рамадана и великих спатарей Константина Палади и Еммануила Балша (Там же. Л. 109–109об., 124, 130–130об.)

№ 7

1792 г. ноября 9. — Список молдавских и валашских бояр и чиновников, принятых на русскую службу

Список молдавских и волосских бояр и чиновников, ея императорским величеством всемилостивейшее пожалованных в штаб и обер-офицерские военные и штатские чины ноября 9-го 1792 года

В военные чины[26] :

В подполковники:

Николай Карпов

В примиер-майоры:

Иван Канано

Маргарит Депрерадович

В капитаны:

Николай Дияуров

Степан Белчин

Дмитрий Чолак

Христодор Саиджи

Николай Станилевич

В порутчики:

Иван Сенека

Андрей Крушеван

Иван Небескул

Иван Драгодил

Федор Сабео

Василий Донне

Христофор Зоту

Мануйло Кадемичи

Дмитрий Мануйло

Анастасий Мануил

Николай Чекердуля

Анастасий Дмитриев

Мануил Саул

Иван Боян

В штатские: [27]

В коллежские ассесоры:

[26] В тексте подчеркнуто.

[27] В тексте подчеркнуто.

Ионица Макарескул
Федор Поман
Дмитрий Кук
Константин Калафат
В титулярные советники:
Панаидорос Паун
Костантин Ексапорит
Константин Андреяшь
Петр Окинка
Андрей Саббин
Дмитрий Банекул
Христофор Армена
Манойлака Гини
Григорий Гиол Оглу
Иваниса Мигардицин
Мануйло Георгиев
Иван Кешко
Георгий Савва
Матвей Тестобуза
Афанасий Ранго
Константин Лампрос[28]

Итого по сему списку пожаловано в чины армейские: в подполковники 1. в премиер-майоры 2. в капитаны 5. в порутчики 14.; штатские: в коллежские ассесоры 4. в титулярные советники 16; а всего сорок два человека.

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1792 г. Д. 83. Л. 17–18. Копия.

№ 8

1792 г. ноября 20. – Из донесения консула И. И. Северина поверенному в делах в Стамбуле А. Хвостову

...не взирая на сделанное господарю представление, он продолжает оказывать затруднении в делах переселенцев, кои, опасаясь дальних худых следствий, приступают ко мне и требуют моего заступления, коего я им отказать не могу, но, не будучи в силах спомочь, принужден предать на разсмотрение ваше поданные мне от них прошении и ожидать, что вы в пользу их зделать можете...

[28] Далее в тексте отчерчено

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1792 г. Д. 84. Л. 93–93об.

№ 9

1792 г. декабря 1. — Член Коллегии иностранных дел граф А. А. Безбородко генеральному консулу И. И. Северину

Государь мой Иван Иванович!

Для сведения Вашего препровождаю при сем список молдавских и волоских бояр и чиновников всемилостивейшее пожалованных от ея императорского величества в штаб и обер-офицерские чины[9]. Вы не оставите известить их о сей монаршей милости и подать им способы к переселению по их желаниям в наши границы, уведомя их и о последовавшем к г-ну губернатору Екатеринославскому высочайшем повелении, чтоб они снабдены были потребным количеством земли для поселения в области новоприобретенной, и те из них, кои похотят употребится в службу ея величества, распределены б были в Екатеринославской губернии соответственно их способности.

Пребываю впрочем с искренним почтением ваш, государя моего покорный слуга

Граф Безбородко[10]

В С.-П-бурге декабря 1-го 1792-го.

Помета на обороте: Получено 19 декабря 1792.

АВПРИ. Ф. 69. Росийское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1792 г. Д 83. Л. 15-15об. Подлинник.

№ 10

1792 г. — Список молдавских жителей, вступивших в русское подданство и желающих переселиться в Россию

Реестр вступившим в российское ея императорского величества подданство

По открытым листам

---

[9] См. док. 7.

[10] Подпись собственноручная.

1. Портарь Григорий Гиул-оглу	Родился в Крыму или нынешней Тавриде. Был уже в Дубоссаре по билету господарскому и им признан нашим подданным, и ныне непременно желает к нам переселиться.
2. Монастыря Арон воды архимандрит Дометиан Капнист	Принят господином статским советником Лашкаревым, имеет от нас крест, и много причинил мне хлопот, а господарь всегда его почитал нашим, но выпустит ли ныне, неизвестно, ибо он из греков, однако давно здесь пребывает.
3. Капитан Делуфесли Константин Калафат	Поверенный господина действительного статского советника князя Кантакузина, признан в свое время и жительствует в Чернауц, но господарь может и ему препятствовать будучи из греков.
4. Ованес Мигирдицин	Армянин, подвержен тому же, что и другие.
5. Молдавский житель Матвей Тестабуза	Из греков и тому же подвержен.
6. Вел-питарь Афанасий Ранго	Прямой молдаван.
7. Арнаутский вахмистр Петр Ризо	Не думаю, что будут спорить, ибо находился в службе нашей.
8. Капитан Петрашкан Атинкио	
9. Молдавский мазил Константин Бран	Над сим следствие не производилось, как то усмотрится из бумаг и есть прямой молдован.
10. Молдавский житель Иван Вартик	
11. Молдавский житель Михаила Краев	

12. Молдавский житель Питарь Петракий	Из греков же и находится при господине Селунском.
13. Капитан молдавский Гаврил Штука 14. Молдавский каминар Иордакий Рамадан	Прямые молдоване и признаются без всякого прекословия.

Сверх сего по билетам есть весьма мало не из прямых молдован жителей, и ежели будет об них заступление, то спорить не буду, да и не знаю выедут ли все до сроку, ибо не вижу никакого начала, притом же они живут в деревнях и стараются оканчивать свои дела.

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1, 1792 г. Д. 84. Л. 80–80об.

№ 11

1793 г. января 15. — Прошение молдаванина Василе Чуре на имя консула И. И. Северина

Высокоблагородному и высокопочтенному господину Генеральному консулу и кавалеру

Ивану Ивановичу Северину

от капитана Василе Чуре

Всенижайшее прошение

Так как я со всего усердия моего желаю вступить в российское подданство, то прибегая к покровительству вашего высокоблагородия, всенижайшее прошу, приняв и меня в щот прочих подданных, выдать пашепорт, коим бы можно мне в России расположиться, где жить пожелаю. Что же касается до имения моего и долгов, то дабы не остался я в убытке, всенижайшее прошу быть мне милостивым медиатором, о чем и учинить милостивейшее удовлетворение. 1793 года генваря 15 дня.

О сем просит капитан Василе Чуре.

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1793 г. Д. 108. Л. 15.

Подлинник.

№ 12

1793 г. марта 5. — Прошение молдавских жителей Андреяша Думбрована и Саввы Надежды на имя консула И. И. Северина

Высокоблагородному и высокопочтенному господину канцелярии советнику генеральному консулу в Молдавии, Валахии и Бессарабии и ордена святаго Владимира кавалеру Ивану Ивановичу Северину

молдавских жителей Андреяша Думбрована и Саввы Надежды всепокорнейшее прошение.

Мы имянованные находимся жительством Оргеевского цынута в деревни Нигалашъ с нашими семьями, и имеем желание вступить в подданство российской империи и перейти на поселение в тамошние пределы. Того ради ваше высокоблагородие всепокорнейше просим, приняв нас с семействами, причислить к подданным российским и покудова приуготовимся к переходу, дабы мы не были здешним молдавским правительством безпокоены, удостоить билетами.

Жители:Андрияш Думброван и Савва Надежда.

1793 года марта 5.

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1793 г. Д. 108. Л. 70.

Подлинник.

№ 13

1793 г. марта 7. — Записка консула И. И. Северина молдавскому господарю Михаю Суцу

Ея императорскаго величества самодержицы всероссийской канцелярии советник генеральный консул в Молдавии, Валахии и Бессарабии и ордена святаго Владимира кавалер имеет честь представить при сем вашей светлости точную копию с учиненного им объявления находящимся здесь в городе вступившим в российское ея императорскаго величества подданство о явке их в его канцелярии для получения пашпортов и о непременном выезде отсюда в российскую границу в назначенный срок и тут же включаем именной список всем живущим по селениям разных уездов подобным российско-императорским подданным, просит вашу светлость, дабы вы соблаговолили приказать учинить по оному от себя сим

последним равное объявление и сверх того пожаловали, оказали всякое зависящее от вашей светлости в самоскорейшем выезде их отсюда в российскую границу пособие в силу заключеннаго между Всероссийскою империею и блистательною Портою Оттоманскою в 29 день декабря 1791 года трактата.

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1793 г. Д. 108. Л. 73–73об. Черновик.

№ 14

1793 г. марта 7. — Объявление вступившим в российское подданство

Объявление вступившим в российское подданство. Яссы, 7 марта 1793.

Ея императорскаго величества самодержицы всероссийской канцелярии советник, генеральный консул в Молдавии, Валахии и Бессарабии и ордена святаго Владимира кавалер, включая при сем имянной список всем находящимся в городе Яссах вступившим в российское ея императорскаго величества подданство, и дая им знать, что четырнадцатимесячный срок к выезду их отсюда в Россию постановленный в заключенном между Всероссийскою империею и блистательною Портою Оттоманскою 29 декабря 1791 года трактате к окончанию уже приходит, предписывает, чтобы они для получения к тому пашпортов начали являтся в Российской генеральной консульской канцелярии в течении сего месяца непременно, и конечно б. получа оные, выехали отсюда в границу российскую до 1 числа будущего апреля. Ежели же кто из подобных подданных за прошествием того срока здесь останется, таковый лишен будет покровительства российскаго. Яссы, марта 1793 года.

АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1793 г. Д. 108. Л. 74–74об. Черновик.

И. Ф. Макарова

Старообрядцы на землях Османской империи: пути миграции, система расселения (XVIII в. – 70-е гг. XIX в.)

Волна массовых переселений русских староверов в Османскую империю и вассальные по отношению к ней земли — Дунайские княжества и Крымское ханство ведет свое начало с первых десятилетий XVIII в. Насколько известно, первой крупной партией переселенцев были донские казаки, нашедшие убежище во владениях крымского хана после подавления в 1708 г. восстания Кондрата Булавина. Позднее старообрядческие поселения начали возникать на Буковине, в Малой Азии, Молдавии, Добрудже, Валахии, Бессарабии и Македонии. В середине 40-х гг. XIX в. общее число староверов в этом регионе составляло, по агентурным данным российского Министерства внутренних дел, около 40 тыс. человек. Из них приблизительно 4 тысячи приходилось на Буковину (ставшую к тому времени владениями Австрийской империи), порядка 10 тыс. на Добруджу и около 20 тыс. на Дунайские княжества[1]. Несмотря на географическую и политическую разобщенность все они, по данным того же источника, были между собой «тесно связаны и находились в непрерывном общении», образуя огромный староверческий анклав[2].

На Балканах за русскими староверами исторически закрепилось общее название — липоване. Этимология этого термина не вполне понятна. Существует версия, что первоначально он появился на Буковине, лишь позднее распространившись в других районах[3]. По преданиям, липованами местные жители назвали старообрядцев, поселившихся в 1724 г. на берегу р. Сучавы. Однако связано ли это было с окружавшим село липовым лесом или с обычаем пришельцев носить лапти, сплетенные из липовой коры, или с какой другой причиной бытового характера — неизвестно. Нельзя исключать также, что в основе термина могло оказаться и самона-

---

[1] *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Составитель В. И. Кельсиев. Лондон, 1860. С. 135.

[2] Там же.

[3] *Кирилэ Ф.* Русская липованская община в Румынии // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 269–271.

звание староверов — филиппоны. Именно так называли себя последователи одного из согласий (филипповского), чьи предки могли оказаться в числе первых поселенцев[4].

Градации внутри огромного староверческого анклава, безусловно, существовали. Кроме обычного в подобных случаях размежевания на поповцев и беспоповцев, а также представителей различных толков и согласий, существовала также четкая грань между донскими казакам и всеми прочими старообрядцами. Казаки изначально жили обособленно, а их общины имели особый статус и привилегии. Данное обстоятельство не могло не влиять на направление основных миграционных потоков. Новые группы беженцев, тяготевшие на чужбине к центрам проживания своих соотечественников, в процессе расселения естественным образом дифференцировались не только по конфессиональному, но и по этнокультурному признаку. Результатом этой дифференциации явилось возникновение некого подобия системы территориального зонирования.

Главными центрами донских казаков была Добруджа (район между лиманами Разельм и Головиц и особенно земли в долине р. Слава) и Малая Азия. Другие старообрядцы в Малой Азии не селились. Основным местом их проживания была территория Дунайских княжеств, откуда они постепенно мигрировали за Дунай. Соответственным образом распределялись и миграционные потоки. По информации того же российского министерства, основной вектор движения с Дона и Новороссийского края был ориентирован на Малую Азию и Добруджу, а выходцев из центральных и западных губерний России притягивали к себе земли Молдавии, Валахии, Бессарабии и Буковины[5].

Ценная информация, касающаяся расселения старообрядцев в этом регионе и особенностей внутренней миграции, имеется в материалах агентурного характера. Часть ее, относящаяся к 40-м гг. XIX в., опубликована. Среди документов подобного рода выделяются отчеты чиновников российского Министерства внутренних дел. Написаны они были в связи с командировками, организованными этим ведомством для изучения обстановки на местах после знаменитой инициативы буковинских старообрядцев по поводу создания

---

[4] *Сайко М. Н.* Возникновение старообрядческих поселений на Буковине (70–80-е. гг. XVIII в. – XIX в.) // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1994. Вып.1. С. 32.

[5] *Аксаков И. С.* О бессарабских раскольниках // Русский архив, 1888. Т. 11. С. 436.

Белокриницкой иерархии. В 1845 г. по заданию правительства состояние раскола на Буковине, в Молдавии, Валахии, Добрудже и Малой Азии в течение полугода изучал чиновник по особым поручениям, статский советник Н. И. Надеждин[6]. В 1848 г. аналогичную миссию на территории Молдавии и Бессарабии выполнял другой чиновник того же министерства — И. С. Аксаков[7]. Собранную ими информацию органично дополняет тематическая внутриведомственная подборка материалов, включающая в себя выдержки из частной корреспонденции и показания самих староверов[8].

Особое место в ряду материалов агентурного характера занимают «Записки» польского политического эмигранта Михаила Чайковского[9]. Хотя эти мемуары были написаны в 1870–1872 гг. (перед возвращением в Россию), основной массив информации по русским старообрядцам также относится к 40-м гг. XIX в., т. е. к периоду исполнения М. Чайковским обязанностей резидента польского эмигрантского центра в Стамбуле. В эти годы ему довелось посетить донских казаков в Малой Азии. Позднее, в период Крымской войны, тот же М. Чайковский (уже в качестве Садык-паши) командовал казачьим войском на Дунайском фронте. Эти два обстоятельства придают «Запискам» уникальный характер, поскольку не только для иностранцев, но и всех чужаков поселения казаков были абсолютно недоступны (например, Н. И. Надеждину проникнуть в них так и не удалось). Что касается упомянутого визита М. Чайковского, то он стал возможен исключительно благодаря специальному султанскому разрешению. Собранная М. Чайковским информация позволяет реконструировать основные этапы истории донских казаков на землях Османской империи, уточнить условия проживания и проследить маршруты миграции. В частности, она проливает свет и на историю их переселения из России.

Согласно сохранившимся преданиям, переселение тесно связано с событиями бунта, вспыхнувшего на Дону в 1707 г.[10]. После

[6] *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках //Сборник правительственных сведений о раскольниках. Составитель В. И. Кельсиев. Лондон, 1860. С. 75–153.

[7] *Аксаков И. С.* О бессарабских раскольниках // Русский архив, 1888. Т. 11. С. 434–451.

[8] Извлечения из дел МВД. Приложения // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Составитель В. И. Кельсиев. Лондон, 1860. С. 153–165.

[9] Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Русская старина, 1897–1898, 1900.

[10] Там же. 1898. № 5. С. 430–431.

гибели предводителя восстания Кондрата Булавина один из его сподвижников — атаман Есауловского городка Игнатий Федорович Некрасов увел несколько тысяч казаков с семьями (в песнях речь идет о 40 тысячах) на Кубань, бывшую тогда во владении крымских ханов. Беглецы поселились в районе современной Анапы, принесли хану присягу и в течение ряда лет составляли одну из наиболее боеспособных единиц его армии. Вплоть до своей смерти в 1737 г. Игнат Некрасов стоял во главе созданного им Кубанского войска. Ему же приписывается и создание ревностно чтимого свода правил жизни и нравственности — так называемой Игнатовой книги. В память о своем атамане потомки ушедших с ним казаков стали называть себя некрасовцами.

Однако на Кубани они прожили недолго. Продвижение русских войск теснило их все дальше на юг. Когда войска Анны Иоанновны взяли Анапу, началось переселение на территорию непосредственно самой Османской империи. Султанское подданство некрасовцы получили при условии участия в военных кампаниях в качестве особого казачьего войска (казак-алайя). В качестве награды за сотрудничество их общины приобретали статус полуавтономных военизированных поселений.

Расселение казаков по территории империи происходило в конце 30-х – 40-е гг. XVIII в. Первоначально некрасовцы обосновались в Малой Азии в районе Синопа, затем часть их перебралась на ладьях в дельту Дуная — в Добруджу. Самыми старыми балканскими селами в их среде считались Дунавец и Сарикиой. Позднее, по мере притока и роста населения были основаны Журиловка и Слава. По информации собранной Н. И. Надеждиным, села Сарикиой, Слава и Журиловка продолжали оставаться наиболее крупными станицами добруджанских некрасовцев и в середине XIX в. Расположенные по соседству (приблизительно в 15 верстах), они образовывали массивный казачий анклав, в котором проживало около 8 тыс. человек: приблизительно по 600 дворов насчитывалось в Серакиой и Славе и 500 в Журиловке[11].

Судьба Дунавца — первой столицы казачьего войска на Дунае оказалась не столь благополучной. После появления в Добрудже запорожских казаков (1775) между ними и некрасовцами начались бесконечные столкновения в борьбе за контроль над рыбной ловлей. После нескольких лет страшной резни, легенды о которой сохранялись в

---

[11] *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках … С. 125.

среде старожил и в конце XIX в.[12], запорожцы неожиданно оказались полными победителями. Спасаясь в 1811 г. от наступления русских войск, часть некрасовцев ушла в Малую Азию, а другая перебрались на озера Македонии вблизи Эносского залива. Запорожцы же перенесли свой кош на место опустевшего Дунавца, ставшего с этого времени центром их мелких поселков, разбросанных в дельте Дуная.

Чайковский сообщает, что в Македонии некрасовцы основали на озерах семь больших рыбачьих поселений, но прожили там недолго[13]. Появление русских войск в районе Эноса в период военной кампании 1828–1829 гг. вынудило их к новому бегству. Встретив полковника Муханова колокольным звоном и хлебом-солью, жители этих станиц сожгли свои дома и перебрались в Малую Азию. В качестве единственного напоминания о присутствии казаков в этом крае остались лишь небольшие времянки, продолжавшие служить базой для их сезонных артелей, ежегодно возвращавшихся сюда на рыболовный промысел.

В Малой Азии история казачьих поселений, вероятнее всего, не прерывалась никогда. Тому существуют косвенные подтверждения. Например, высочайший указ Екатерины II от 1784 г., обещавший некрасовцам в случае возвращения царские милости и прощение, был обращен именно к их азиатским общинам. В 1788 г. сюда же прибыло новое пополнение в виде крупной партии беженцев. По официальным сводкам русского командования, тогда в Османскую империю ушло около 3 тысяч казаков (в том числе 800 строевых)[14]. Согласно показаниям пленных, основная часть беглецов обосновалась в Добрудже (до 1000 семей), но некоторые (около 100 семей) предпочли Малую Азию[15]. Можно также отметить, что упоминаемое М. Чайковским одно из первых казачьих поселений в районе Синопа (вероятно, близ устья р. Кизил-Ирмак) продолжало, по данным Н.И. Надеждина, существовать и в середине XIX в.[16].

Центром азиатского анклава некрасовцев, насчитывавшего в начале 40-х гг. XIX в. как минимум пять поселков, была станица Бинивле (по-турецки Бин-Эвль — тысяча домов) полностью оправды-

---

[12] *Кондратович Ф.* Задунайская сечь (по местным воспоминаниям и рассказам) // Киевская старина, 1883. № 1. С. 27–28.

[13] Записки Михаила Чайковского (Садык-паши)… 1898. № 5. С. 430–431.

[14] *Короленко П. П.* Некрасовские казаки // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар. 1900. Вып. 2. С. 40.

[15] Там же. С. 46–47.

[16] *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках... С. 129.

вавшая свое название количеством жителей. Располагалась она неподалеку от берега Мраморного моря на озере Майнос, подаренном султаном казакам в собственность[17]. Последним обстоятельством следует, по всей вероятности, объяснять и стойкую привязанность значительной части переселенцев именно этому району Османской империи. Несмотря на частые эпидемии чумы, буквально опустошавшие их станицы, некрасовцы вплоть до настоящего времени полностью Майнос так и не покинули.

Особо важно подчеркнуть, что вне зависимости от места проживания, будь то Добруджа или Малая Азия, все некрасовцы имели в Османской империи одинаковый социальный статус, права и привилегии[18]. Прежде всего, они обладали полной самостоятельностью во всех вопросах религиозного и церковно-административного характера. Поскольку в силу известного конфликта с православной церковью они (как и прочие старообрядцы) не могли быть включены в юрисдикцию православного миллета, обязанности их официального главы перед османскими властями исполнял выборный атаман. В этой связи он имел высокий титула гяур-баши (или казак-баши)[19].

Основной отличительной особенностью казачьих станиц был статус — закрытые военные поселения, на территории которых продолжали действовать законы Кубанского войска и функционировать институт внутреннего самоуправления[20]. Все общественно значимые дела принято было решать на кругу, куда был обязан являться каждый казак. Здесь происходил выбор атамана и есаулов, проверялись общественные приходы и расходы, происходил суд. В ходе судебного разбирательства допрос проводился атаманом и старейшинами, но приговор выносил круг. Исполнение приговоров по делам внутриобщинного характера происходило без вмешательства османских властей. В их число в некоторых случаях входило и приведение в исполнение смертных приговоров (например, за богохульство или измену).

Дарованные султаном привилегии предусматривали освобождение некрасовцев от всех податей и пошлин на товары военного предназначения. Кроме того, в связи со службой в армии они осво-

[17] Записки Михаила Чайковского (Садык-паши)… 1898. № 5. С. 434, 437.

[18] Там же. 1898. № 10. С. 172.

[19] Там же. 1895. № 11. С. 159.

[20] Там же. 1898. № 5. С. 437–439.

бождались от обязательного для всех иноверцев подушного налога (джизье). Эту льготу казаки сохраняли вплоть до 1864 г. Возникшее в рамках реформ эпохи Танзимата намерение властей превратить их эпизодическую воинскую повинность в регулярную, привело к официальному отказу некрасовских общин от особого статуса и переходе в категорию обычной райи (соответственно, без несения воинской службы).

Однако до 1864 г. обязательство участия в военных походах некрасовцами соблюдалось строжайшим образом. Казачье войско пользовалось полным доверием османских властей. Подтверждением этому были многочисленные золотые и серебряные булавы, жалованные казакам за геройство на полях сражений и 98 благодарственных султанских грамот, которые М. Чайковский имел возможность видеть лично в церквях Биневле[21]. На войну некрасовцы начинали собираться после обнародования султанского фермана, в котором указывалось количество необходимых для призыва всадников. Набор в войско осуществлялся по жребию. Богатые и бедные служили одинаково со своими лошадьми и обмундированием. Казачье войско состояло из кавалерийских сотен во главе со своими атаманами. На период военных действий оно полностью обеспечивалось казенным жалованием, провиантом и фуражом.

В мирное время жизнь некрасовцев была неотделима от рыбного промысла. Согласно заповедям Игната Некрасова, заниматься сельским хозяйством и держать домашний скот им было запрещено[22]. Поэтому хлеб, овощи, мясо и молоко они были вынуждены покупать в соседних деревнях. Там же они арендовали и виноградники, из урожая которых сами делали для себя вино. В этих условиях ловля рыбы, пиявок, приготовление икры и продажа улова на рынках оказывались основным средством заработка. По установившейся традиции, лов осуществлялся на арендуемых каждый год у правительства и частных лиц озерах и лиманах, разбросанных по огромной территории — от Дуная до Греции и вдоль побережья Черного моря[23]. На сезонный промысел выезжали большими артелями (до 80 человек) во главе с атаманами. Все вырученные от рыболовецкого промысла деньги поступали в общинную кассу и делились на три части: резервный капитал, необходимый для закупки вооружения и обмундирования;

[21] Там же. С. 436–437.

[22] Там же. С. 436.

[23] Там же. С. 430–431.

общий фонд для выплаты арендных платежей на следующий год; средства для раздачи артельщикам (поровну)[24].

Для быта и нравов некрасовцев была характерна патриархальная строгость и фанатичная преданность традициям[25]. Кофе, чай, табак в этой среде не употребляли, а за сквернословие наказывали палками; женщин взаперти не держали, но к мужской беседе все же не допускали. Однако в корчме тем же женщинам было разрешено пить и гулять наравне со всеми. В ходу оставался традиционный донской казачий костюм, а для женщин были характерны сарафаны и кокошники. Фамилии сохранялись чисто русские. Друг к другу принято было обращаться по имени отчеству. Язык, фольклор и обрядность некрасовцы берегли в неприкосновенности. В результате, по мнению М. Чайковского, их этнокультурный облик претерпевал с течением времени минимум изменений («остались такими же, какими вышли когда-то с Дона»)[26]. Современные исследователи отмечают, что даже в настоящее время фольклорный багаж потомков некрасовцев продолжает сохранять не только типологическое сходство, но зачастую и буквальное совпадение с фольклором донского, а шире — южнорусского типа[27].

Подчеркнуто высокая степень внутренней замкнутости казачьих общин имела и некоторые специфические (даже для староверческой среды) формы проявления. Так, например, жен некрасовцы брали исключительно из казачек (в основном из станиц Добруджи и Дона) [28]. Посторонних (в том числе и старообрядцев) в свое сообщество допускали лишь в исключительных случаях, подъезды к станицам держали под постоянной вооруженной охраной, маниакально боялись шпионов и измены[29]. По наблюдениям Н. И. Надеждина, местные староверы некрасовцев побаивались[30].

Причин для возникновения столь высокой степени отчужденности могло быть множество. Нельзя, однако, исключать, что одной из них могли оказаться предания исторического характера. Сохранились свидетельства очевидцев, что в период Крымской войны М. Чай-

[24] Там же. С. 436.

[25] Там же. С. 441–444.

[26] Там же. С. 444.

[27] *Критска-Иванова Е. Ф.* Типология и эволюция свадебного обряда и фольклора в Болгарии (села Татарица и Казашко) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 216.

[28] Записки Михаила Чайковского (Садык-паши)… 1898. № 5. С. 440–441.

[29] Там же. С. 440–441, 434.

[30] *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках…. С. 128.

ковский публично озвучивал версию о происхождении некрасовцев от древних новгородцев[31], бежавших, вероятно, в дикую степь после разорения московскими войсками Великого Новгорода. Неважно, имели ли эти измышления под собой какую-либо реальную почву. Гораздо важнее, что сам факт их существования мог способствовать формированию особой этнической и политической ментальности, культивированию установок антироссийского характера.

Косвенным образом на это указывает и подчеркнуто непримиримая позиция некрасовцев по отношению к исторической родине. Их подвиги на фронтах русско-турецких войн хорошо известны. Кроме того, М. Чайковский сообщает, что реакция на предложение об антирусском сотрудничестве с польской агентурой также была встречена положительно[32]. По наблюдениям современников, подобная позиция для остальных категорий турецких староверов не была типична. И Надеждин Н. И., и Аксаков И. С. неоднократно отмечали их чувство глубокой привязанности к России. Что же касается вовлечения липован в политические интриги, то на этот счет сохранилось неожиданно объективное свидетельство очевидца. В 60-е гг. XIX в. русский революционер-эмигрант В. И. Кельсиев (друг М. Чайковского), вынужденный в те годы жить в г. Тулча, оказался свидетелем реакции липован на аналогичное предложение М. Чайковского. Реакция была мгновенной и однозначно негативной. Суть прозвучавшей в ответ резкой отповеди сводилась к следующему: «Бунтовать мы не станем, и поляку бунтовать не позволим, потому что надо царство соблюдать, какой там царь ни есть ...Святые никогда не бунтовали, а гонения и мучения за веру претерпевали»[33].

Что касается липован, то основная их масса переселялась в Добруджу из Дунайских княжеств. По мнению Н. И. Надеждина, за Дунай уходили, в первую очередь, наиболее фанатичные приверженцы старой веры[34]. В Османской империи они жили на положении обычной христианской райи, которое, однако, их полностью устраивало, т. к. освобождало от призыва в армию и обеспечивало полной свободой в вопросах вероисповедания. Правовой статус переселенцев неплохо соотносился с существовавшей в империи

[31] Очерк истории старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник. Т. 1. СПб., 1875. С. 613.

[32] Записки Михаила Чайковского (Садык-паши)… 1898. № 5. С. 450.

[33] *Кельсиев В. И.* Пережитое и передуманное. Воспоминания. СПб, 1868. С. 37–38.

[34] *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках … С. 128.

системой миллетов (конфессионально-юридической и церковно-административной автономии). Концепция миллетов предопределяла невмешательство османов в те области повседневной жизни своих иноверных подданных, которые не были подчинены законам шариата. Регулирование этих сфер возлагалось на параллельные исламу церковные структуры, которые наделялись не свойственными им ранее судебными и отчасти судебно-исполнительскими функциями. Поскольку старообрядцы не подпадали под юрисдикцию ни одного из иноверческих миллетов (православного, армяно-григорианского, иудейского), то в конфессионально-организационном отношении оставались автономны.

Конкретно-организационным воплощением деятельности всех конфессиональных структур на территории империи выступали институты ограниченного самоуправления, функционировавшие на базе территориально-церковных общин. Формировались они по принципу религиозно-территориального размежевания населения. Так, например, во второй половине XIX в. в г. Тулча существовало целых семь общин такого рода, живших каждая в соответствии со своими верованиями и законами: мусульманская, иудейская, армянская, православная (в основном болгарская), липованская, руснацкая (украинская) и молоканская[35]. Среди городских общин староверов наибольшими размерами выделялась именно тулчанская, но они имелись также в Кюстенджа, Русе, Силистре, Шумене, Анхиало, Бургасе, Варне и даже Адрианополе[36]. Наиболее крупными общинами в сельской местности в середине XIX в. современники единодушно называли Татарицу под Силистрой (по преданиям, основанную в начале XVIII в. на земле, арендованной у татарских ханов) и Камень в районе Мачина[37].

Официально узаконенная османами система территориально-религиозных общин как нельзя более соответствовала староверческому идеалу поселений. Она содействовала внутреннему сплочению изгнанников, обеспечивала неприкосновенность их традиционного жизненного уклада. Сами липоване склонны были рассматривать свою изоляцию как благо. В условиях османских реалий, популяр-

---

[35] *Лупулеску И.* Русские колонии в Добрудже // Киевская старина, 1889. №3. С. 687.

[36] *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках С. 123–124.

[37] *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках… С. 124; *Бахметьев П.* Към историята на старите руски поселища въ сегашната България // Периодическо списание на Българского книжовно дружество въ София. София, 1907. Т. XLVIII, № 3–4. С. 294.

ный в их среде тезис, что «уж лучше жить между иностранцами, совершенно чуждыми, нежели между своими объиностранившимися русскими»[38], получал наибольшую степень реализации. Иноязычное и иноконфессионное окружение способствовало консервации исходного этнокультурного облика. Исследователи отмечают, что и в настоящее время липоване Болгарии и Румынии продолжают говорить на достаточно чистом южнорусском и великорусском диалекте[39].

Переселенцев из числа крестьян особенно привлекали в империи условия землепользования. Заинтересованные в заселении отдаленных малолюдных регионов, власти предоставляли в них земли на основании так называемых колонизационных патентов. Участки земли, размер которых в Добрудже зачастую ограничивался лишь возможностью освоения, раздавались бесплатно, освобождаясь на шесть лет от поземельных платежей в казну. Через двадцать лет власти оформляли на них тапу — документ, удостоверявший право на владение землей с возможностью ее продажи и передачи по наследству (за исключением сенокосов, пастбищ и лесов, которые оставались в бесплатном пользовании при сохранении статуса государственных).

Не только на территории России, но и Дунайских княжеств подобные условия занятия сельским хозяйством были немыслимы. Не удивительно, что впечатления переселенцев были самыми благоприятными. В качестве примера оценки липованами своей жизни под турецким игом можно процитировать высказывание одного из старожил Добруджи, записанное уже в 80-е гг. XIX в.: «Турок честный человек, хотя и не в нашего Бога верует... обиды никакой от него не было... десятину свою возьмет, а больше пальцем не тронет... много уродило и отдать больше, меньше уродило и платить меньше, ничего не уродит — ничего и не платишь! А теперь при румынах другой разговор, сколько тебе там ни уродит, хоть и совсем ничего Бог не даст, а плати каждый год одинаково»[40].

Соответственно, эмиграция старообрядцев из Османской империи вплоть до момента ее распада была минимальной. Многочисленные прокламации русских властей к староверам с призывами о возвращении и обещаниями прощения обычно оставались без вся-

[38] *Аксаков И. С.* О бессарабских раскольниках… С. 449.

[39] *Кирилэ Ф.* Русская липованская община в Румынии… С. 272; *Леонидова М.* Один восточно-славянский диалект в южно-славянском окружении // Славистични изследвания. София, 1973. Т. 3. С. 224–230.

[40] *Лупулеску И.* Русские колонии в Добрудже // Киевская старина, 1889. № 2. С. 334–335.

кого ответа. Лишь дважды Добрудже довелось оказаться свидетелем переселений. В 1811 г. и в 1829 г. генералу С. Тучкову удалось склонить к переезду в Бессарабию (исключительно в нее и вблизи границы) некрасовцев. От имени императора им были обещаны все мыслимые льготы: амнистия, освобождение от податей и повинностей; полная свобода вероисповедания; отвод земли под усадьбы; освобождение от рекрутской повинности; вступление по желанию в казачье ведомство и т. д.[41]. На эти условия после длительных и изнурительных переговоров согласилось в общей сложности около 2 тыс. человек — в 1811 г. 100 семей и в 1828–1830 гг. 1042 человека[42]. Под Измаилом казаки основали две станицы — Старую и Новую Некрасовку. Однако уже через несколько лет Бессарабию ожидал массовый исход староверов в обратном направлении — за Дунай.

Говоря о проблеме миграции из Османской империи, имеет смысл подробно остановиться на событиях, связанных с 1783–1784 гг., когда местные старообрядцы задумали переселение в Австрию. Хотя планируемая акция не состоялась, для Буковины она имела самые серьезные последствия.

Буковина — единственный район Австрийской империи, где обитают староверы. Начали обосновываться они здесь задолго до перехода края под юрисдикцию Габсбургов. До подписания в 1775 г. конвенции между Россией, Австрией и Османской империей эти земли были территорией вассальных по отношению к Порте Дунайских княжеств. По опросам, проведенным во второй половине XIX в. русским исследователем Н. Субботиным, самым древним старообрядческим селом здесь считались Соколинцы, основанные в 1724 г. на берегу р. Сучавы[43]. Позднее Соколницы стали частью крупного староверческого поселения Митока-Драгомирне. Липоване жили также в Ступке (под Сучавой) и некоторых других местах (Липовцах, Комаровке и др.)[44]. Однако, когда в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. территорию Буковины заняли русские войска, основная часть староверов ушла в Молдавию. Так, например, в 1777 г. в Митоке-Драгомирне, едва ли не единственном уцелевшем липованском селе, насчитывалось всего 15 семей[45].

---

[41] *Короленко П. П.* Некрасовские казаки… С. 54–55.

[42] Там же. С. 55, 59–60.

[43] *Субботин Н.* История Белокриницкой иерархии. М., 1874. Т. 1. С. 115.

[44] *Сайко М. Н.* Возникновение старообрядческих поселений на Буковине… С. 33–34.

[45] Там же. С. 33.

Первые русские поселенцы жили в Буковине на общих основаниях, занимаясь сельским хозяйством и арендуя для этого земли в основном у монастырей. Этот район Дунайских княжеств привлекал их, скорее всего, близостью к русской границе и веротерпимостью зависимых от Порты местных властей. Вопреки ожиданиям, после присоединения края к Австрийской империи их положение не ухудшилось. Благодаря изданию в 1780 г. императором Иосифом II так называемого толеранцпатента, привычная для липован атмосфера веротерпимости сохранилась. А обнародованный вскоре «Патент о переселении» (1781) существенно улучшил их экономическое положение. Согласно этому документу все эмигранты (вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности) получали особые социальные льготы: освобождение от налогов и повинностей на срок от 3 до 20 лет, помощь в обзаведении хозяйством и т. д.

Год 1783 оказался для буковинских липован знаковым. В этом году специальный императорский декрет даровал им особые адресные привилегии. В среде самих староверов история появления на свет этого документа овеяна мифами, напрямую связанными с Османской империей. Сохранилось предание, что первопричиной всех последующих событий стала драма, разыгравшаяся незадолго до 1783 г. вблизи устья Дуная[46]. Согласно одному из вариантов этой популярной легенды, корабль с неким родственником австрийского императора потерпел крушение в Черном море и попал в плен к турецким морским разбойникам. На помощь несчастным вовремя подоспели некрасовцы, а в награду за спасение попросили предоставления им льготных условий для переселения на земли Габсбургов.

Современные эпохе австрийские документы, проанализированные российским исследователем М. Н. Сайко специально на предмет выяснения обстоятельств издания декрета 1783 г., подтверждения этой легенде не обнаруживают[47]. Однако опровержения также не содержат. Согласно выявленным фактам, хронологию событий можно выстроить следующим образом.

В июне 1783 г. император Иосиф совершал поездку по Буковине. В ходе вояжа ему довелось встретиться с депутацией местных липован, которые произвели на него самое благоприятное впечатление. Буквально сразу после встречи последовал высочайший указ, в

[46] Извлечения из дел МВД. Приложения… С. 155.

[47] *Сайко М. Н.* Возникновение старообрядческих поселений на Буковине… С. 35–41.

котором администрации предписывалось всячески способствовать привлечению староверов на земли империи. Через месяц представители липованского села Митока-Драгомирны подали местной администрации прошение с просьбой выдать документ, подтверждающий их право на свободу вероисповедания (для привлечения в край единоверцев). И уже ранней осенью того же года на Буковину прибыли уполномоченные представители от староверческих общин дельты Дуная — Александр Алексеев и Никифор Ларионов. Речь шла об обсуждении условий для переселения 2000 семей. В октябре Алексеев и Илларионов были уже в Вене. 5 октября 1783 г. на имя императора ими было подано соответствующее прошение, а 9 октября 1783 г. они стали обладателями знаменитого декрета о привилегиях. Этот документ гарантировал староверам с Дуная свободу отправления религиозных обрядов, освобождение от воинской службы и налоговые льготы (освобождение сроком на двадцать лет). Практически сразу эти привилегии были распространены на всех липован империи.

К сожалению неизвестно, какую именно часть старообрядческих общин дельты Дуная представляли перед австрийским императором Алексеев и Ларионов. На тот момент проблемой поиска безопасного убежища могли быть озадачены и некрасовцы, и все остальные староверы. Связано это было, в первую очередь, с резкой активизацией политики России в южном направлении, что привело к переносу боевых действий на земли правобережья Дуная. Как раз незадолго до описываемых событий — в 1773–1774 гг. русские войска впервые вторглись в Добруджу. Это событие не могло не вызвать всплеска панических настроений у русских беженцев. Кроме того, в 1775 г. за Дунай переселились запорожские казаки (по преданиям около 5 тыс. человек)[48]. Это событие сразу же негативно отразилось на положении некрасовцев, поскольку основная хозяйственная специализация запорожцев (рыбная ловля) полностью совпадала с их основным промыслом, а официальный военизированный статус новых переселенцев способствовал превращению экономической конкуренции в бесконечный вооруженный конфликт. Однако, скорее всего, переговоры с австрийскими властями вели все же липоване. Косвенным образом об этом свидетельствует сам декрет 1783 г.,

[48] *Кондратович Ф.* Задунайская сечь (по местным воспоминаниям и рассказам)… С. 27.

ориентированный на копирование именно тех условий, в которых привыкла жить рядовая староверческая райя.

Уже в марте 1784 г. в Сучаве появилось сначала 10, затем еще 12 семей из числа будущих переселенцев. Для постоянного места жительства австрийские власти выделили им государственные земли в урочище Варница и обширный участок прилегающего леса для выкорчевки. Благодаря наличию источника с белой (известковой) водой новое село получило название Белая Криница. Однако планируемого масштабного переселения так и не последовало. Узнав о готовящейся акции, Порта запретила староверам покидать земли Османской империи под угрозой конфискации имущества. Причем, запрет касался не только жителей Добруджи, но и Дунайских княжеств.

В итоге Буковине так и не суждено было превратиться в новый крупный анклав русского старообрядчества. Согласно материалам официальной австрийской переписи, в 1843 г. здесь проживало всего 1966 липован: из них в Белой Кринице 604 человека, в Климовцах 840, в Соколинцах 361, в Мехидре 161[49]. Не исключено, однако, что реальные цифры были иные. Русский агент Н. И. Надеждин указывал в 1845 г. другую цифру — около 4 тыс[50]. Нельзя исключать, что разница могла явиться следствием присутствия в селах нелегалов, не подлежащих учету официальной статистикой. Тот же Н. И. Надеждин в своем докладе подчеркивал, что кроме местных уроженцев, отличающихся исключительной добропорядочностью, трезвостью и трудолюбием, в липованских селах можно было встретить большое количество пришлого подозрительного люда из России и Молдавии[51].

Процесс выявления и депортации нелегалов был чрезвычайно затруднен, поскольку общины пользовались особым полуавтономным статусом[52], практически копирующим статус липованских общин Добруджи. Все контакты общинников с властями сводились к выплате строго фиксированного налога (полтора гульдена с семейства). Во внутренние дела общины администрация не вмешивалась. В вопросах хозяйственной деятельности и внутренней юрисдикции царило полное самоуправление. Н. И. Надеждин подчеркивал, что в конечном итоге это привело к тому, что буковинские липоване начали составлять «совершенно отдельную касту в составе туземного

[49] *Сайко М. Н.* Возникновение старообрядческих поселений на Буковине… С. 41.
[50] *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках… С. 135.
[51] Там же. С. 94–96.
[52] Там же. С. 87.

населения» (украинцев, молдаван, поляков и немцев)[53]. Обособлению способствовал и принятый в старообрядческой среде обычай, запрещающий браки с местным населением и приглашение в дом туземной прислуги.

Прямым следствием замкнутости стала обычная в подобных случаях консервация всего комплекса этнокультурных характеристик. Особенно сильное впечатление на Н. И. Надеждина производила этнографическая чистота бытового уклада буковинских липован[54]. По его наблюдениям, он полностью соответствовал крестьянскому укладу центральных районов России: традиционная изба с крышею под князек, русскою печкой и баней, традиционная утварь, хозяйственные принадлежности, орудия труда, телега с упряжью. Повседневная одежда и наряды обоих полов изменений также не претерпели, как, впрочем, и система питания, основу которого по-прежнему составляли щи, каша, квас, мед, брага, самогон. Особо бросалась в глаза чистая великорусская речь без «всякой примеси и порчи», а также признаков чужеродных заимствований.

Несмотря на благоприятные условия для переселения, массовая миграция на Буковину не смогла состояться не только по вине османских властей. Широкий жест, сделанный Габсбургами в 1783 г. оказался разовой акцией. Хотя австрийские власти в дальнейшем строжайше соблюдали дарованные липованам привилегии, выделение новых участков государственных земель под нужды русских переселенцев было прекращено. Результатом стала перенаселенность сел, повлекшая за собой попытку аренды участков у частных лиц. Однако этот эксперимент оказался неудачным, поскольку размещение на помещичьих землях требовало принятия на себя дополнительных тягот. Это обстоятельство стало естественным барьером на пути миграции. К тому же власти начали чинить серьезные препятствия для выдачи новых паспортов. Н. И. Надеждин сообщает, что дело дошло до того, что в буковинской общине укоренился обычай утаивать от властей факты смертей или браков, случившихся на сопредельных с Австрией землях (для передачи паспортов нелегальным переселенцам)[55].

В целом создается впечатление, что объяснением благоволения императора Иосифа к староверам действительно могли быть об-

---

[53] Там же.

[54] Там же. С. 88–89.

[55] Там же. С. 95–96.

стоятельства личного характера. В дальнейшем особый статус липованских общин начал вызывать у местных властей, скорее всего, сильное раздражение. Поэтому они смогли грамотно затормозить приток мигрантов.

После того как Буковина оказалась фактически закрыта для переселенцев, основным убежищем для тех, кто не был морально и психологически готов перейти в султанское подданство, стала Молдавия и Валахия. В Дунайских княжествах гражданское состояние липован не было определено никакими специальными постановлениями. Жили они здесь на общих основаниях, занимаясь в основном сельским хозяйством. Землю арендовали у монастырей, реже местных бояр. Главным преимуществом жизни в княжествах была веротерпимость местных властей и свобода передвижения. Как сетовал по этому поводу в 1848 г. И. С. Аксаков, «население отвыкло от формальностей при турецком владычестве», а для местных властей стало характерно «равнодушие к проявлению других религиозных мнений»[56].

В конце 40-х гг. XIX в. особенно много липован жило в Молдавии, чьи земли непосредственно примыкали к границе России. В Валахии в количественном отношении их было гораздо меньше — около 3 тыс. человек[57]. Первое поселение староверов появилось в Молдавии в 1743 г., когда они основали в густом лесу на землях монастыря Пробота село Маноли (Мануиловку). В 40-х гг. XIX в. наиболее крупными селами (кроме Маноли) считались Братлоти и Липовени. В городах липоване старались группироваться в отдельных предместьях. Наиболее многочисленные общины существовали в Яссах, Ботошане, Хирлеу.

Однако, несмотря на наличие в Дунайских княжествах крупных липованских сел и слобод, отличительной особенностью местной системы расселения староверов был дисперсный характер. В отличие от Буковины и Добруджи, здесь жизнь небольшими группами и даже отдельными семьями была повсеместно распространенным явлением[58]. Это обстоятельство оказывало негативное влияние на нравственные и религиозные устои староверческого сообщества. По наблюдениям Н. И. Надеждина, в княжествах липоване не отличались ни строгостью нравов, ни силой религиозного фанатизма. В обычае были пьянство, мошенничество и даже уголовно наказуемые преступления[59]. Не

[56] *Аксаков И. С.* О бессарабских раскольниках… С. 436–437.
[57] *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках… С. 110–111, 118.
[58] Там же. С. 110; *Аксаков И. С.* О бессарабских раскольниках… С. 438.
[59] *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках… С. 112–113, 116–117.

удивительно, что наиболее ревностные поборники старой веры надолго здесь не задерживались, предпочитая перебираться за Дунай.

Особая ситуация сложилась в Бессарабии и той части Молдавии, которая была присоединена к России по Бухарестскому мирному договору 1812 г. В первые годы русская администрация мало вмешивалась во внутреннюю жизнь вновь присоединенных земель. Перемены начались в 1828 г. в связи с введением нового устава управления областью и инициированной администрацией переписью населения. Именно с этого времени ведут начало те акции властей, которые, будучи нацелены на выявление разного рода беглого элемента, вызвали в конечном итоге массовую миграцию староверов.

В 30-е гг. XI в. после вступления в должность гражданского губернатора Бессарабии генерал-майора Федорова (1834) и назначения начальником Новороссийского казачьего войска полковника Василевского (1836) гонения против беспаспортного и беглого люда приняли систематический характер. Согласно полицейской статистике, по итогам проверок, осуществляемых по спискам и паспортам, с 1837 по 1843 гг. было поймано и выслано из Бессарабии около 35 тыс. человек, а с 1847–1851 гг. около 20 тыс.[60]. И. С. Аксаков свидетельствует, что для поимки беглецов вдоль всей государственной границы власти расположили военные караулы. Вдоль сухопутной ее части кордоны были расставлены на расстоянии 5 верст друг от друга, а по берегам рек на 1–2 версты[61]. Но нововведения спровоцировали лишь повальное бегство населения за Дунай и частично на Буковину. Как вспоминал позднее один из очевидцев событий тех лет некий дед Игнат: «Много тогда народу за Дунай ушло, разве, может, какого сотого поймали»[62].

Среди беженцев старообрядцы отличались особой активностью. И. С. Аксаков, специально изучавший по поручению правительства этот вопрос, отмечал, что для прекращения их оттока заграницу «необходим был бы сплошной забор из живых людей с неподкупной честностью»[63]. Однако жизненные реалии диктовали иной сценарий. Сначала, по его мнению, ситуацию осложняло то

---

[60] *Лупулеску И.* Русские колонии в Добрудже // Киевская старина, 1889. № 1. С. 135–136.

[61] *Аксаков И. С.* О бессарабских раскольниках… С. 439.

[62] *Лупулеску И.* Русские колонии в Добрудже // Киевская старина, 1889. № 1. С. 138–139.

[63] *Аксаков И. С.* О бессарабских раскольниках… С. 441.

обстоятельство, что «пикеты содержали донские казаки, сами старообрядцы, которые не только не препятствовали, но и содействовали побегам». Затем, когда на службу заступили православные солдаты, они стали делать то же самое, но из корыстных побуждений. Известны были даже случаи, когда вместе с беглецами за Дунай уходили не только часовые, но и целые караулы[64]. Это подтверждали и жители правобережья, которым доводилось видеть на пограничных базарах Добруджи группы беглых солдат из приграничных пикетов[65].

Для новой волны старообрядческой эмиграции была характерна высокая степень организованности. Как отмечал тот же И. С. Аксаков, у староверов были хорошо отлажены свои маршруты, существовала своя тайная почта, условный язык, осведомители, стража, а все действия сопровождались глубочайшей скрытностью[66]. По его личным наблюдениям, в пограничной полосе почти в каждом селении можно было найти 1–2 семьи липован, благодаря которым функционировала тайная сеть, обеспечивавшая механизм перехода за рубеж. Движение в сторону Буковины осуществлялось в основном через сухопутную границу и через Прут, который во многих местах был мелок и узок. Тайная переправа через Дунай, несмотря на широкую водную преграду, оказывалась возможной благодаря наличию многочисленных проток, а также обилию высокого камыша на левом берегу и густого леса на правом[67].

Сохранились яркие воспоминания самих староверов о событиях тех лет. Среди них трагические истории о задушенных или брошенных в воды Дуная кричащих младенцах, о беспримерной отваге и изобретательности перевозчиков, о великодушии турок и т. д.[68]. В частности, имеются свидетельства и о том, что переправа имела хорошо организованный характер. Так, например Марья Михайлиха из г. Тульчи, пережившая в юности бегство за Дунай рассказывала следующее: «Тут кордон был... против самой Тулчи... страх как смотрели, чтобы люди не переезжали. Перевозчики были с этой стороны — рыбаки больше — вот они и перевозили. А на той стороне

---

[64] Там же. С. 439.

[65] *Лупулеску И.* Русские колонии в Добрудже // Киевская старина. 1889. № 1. С. 146.

[66] *Аксаков И. С.* О бессарабских раскольниках… С. 437–438.

[67] Там же. С. 436–438, 444.

[68] *Лупулеску И.* Русские колонии в Добрудже // Киевская старина. 1889. № 1. С. 143–146.

у них свои люди были — одни другим знаки давали... И чего уж начальство с этими перевозчиками не делало — и расстреливали их, и сквозь строй гоняли, — а все перевозили... с имуществом, со всем... А как приехали в Тулчу — сейчас всех нас в конак отвели, переписали и всех отпустили. Турок хорошо принимал, спасибо ему»[69].

Крымская война ознаменовало собой начало новой эры в истории старообрядчества на землях Османской империи. Первыми ее приход ощутили липоване Дунайских княжеств, неожиданно оказавшиеся на территории вновь образованного румынского государства. К переменам подобного рода староверы отнеслись, по всей видимости, весьма настороженно. Известно, например, что их представители обращались к великим державам с просьбой избавить их от подчинения молдавским господарям и оставить под властью Порты[70]. Старообрядцы Добруджи распростились со свом полуавтономным статусом чуть позднее — в 1879 г. Присоединение этого края к Румынии ознаменовало собой перемены не только политического плана. Румынские власти начали требовать от липован соблюдения общегражданских законов. В частности, их попытались обязать прививать детям оспу, регистрировать в органах местной администрации рождения, бракосочетания, смерти, отдавать детей в государственные школы и т. д. Ответная реакция была крайне болезненной. Начался новый исход старообрядцев с исторических мест обитания, теперь уже из Добруджи.

В начале XX в. значительная часть балканских липован, воспользовавшись провозглашенной в России политикой веротерпимости и даруемыми правительством льготами, перебралась на родину. Некрасовцы попытались воспользоваться традиционным маршрутом и уйти в Малую Азию, но в условиях трансформации Османской империи в национальное турецкое государство это направление перестало быть перспективным. Относительно небольшая их группа перебралась в Болгарию. В 1900 г. на берегу Варненского озера переселенцами из Сарикиой и Малой Азии было основано новое некрасовское село — Казашко. Значительная часть старообрядцев рассеялась по миру. Однако столь же мощного староверческого анклава, который на протяжении почти двух веков существовал на землях Османской империи, создать им больше нигде не удалось.

---

[69] Там же. С. 143, 146.

[70] Записки Михаила Чайковского (Садык-паши)… 1900. № 6. С. 690.

П. А. Искендеров

Албанское население Балкан: проблемы потоков миграции (конец XIX – начало XX вв.)

Проблема миграции албанского населения на Балканах многопланова и неоднозначна. В ней следует выделять несколько уровней. Первый уровень — деятельность лидеров и идеологов албанского национального движения, представителей его немногочисленной культурно-просветительской элиты после разгрома властями Османской империи Призренской лиги в 1881 году.

Второй уровень — перемещения широких масс населения, вызванные социально-экономическими факторами и начавшиеся еще во времена Средневековья — когда обширные области Балкан и в том числе Сербии оказались под гнетом Османской империи.

Наконец третий уровень — это проблема беженцев, особо дававшая о себе знать в периоды обострения обстановки в албанонаселенных районах Балкан как в годы антитурецких восстаний начала XX века, так и в период Балканских войн 1912–1913 годов и после — когда произошло очередное осложнение серо-албанских отношений осенью 1913 года.

Разгром турецким правительством Призренской лиги ознаменовал собой окончание бурного и чрезвычайно важного периода в истории албанского национального движения, ознаменовавшегося — в плане интересующих нас в первую очередь международных отношений — началом активной внешнеполитической деятельности албанских лидеров и пробуждением интереса к албанским сюжетам как в правящих кругах великих держав, так и, в первую очередь, в общественном мнении стран Европы. Теперь центр тяжести в национально-освободительной борьбе албанского народа переместился в сторону идейно-политической борьбы и разработки его руководителями и идеологами, среди которых в первую очередь следует назвать братьев Сами и Наима Фрашери, Исмаила Кемали и Яни Врето, теоретических проблем и программных положений, направленных в конечном итоге на достижение национального освобождения албанского народа. Важная роль в этом плане отводилась созданию в зарубежных центрах — где существовали многочисленные албанские колонии (прежде всего, в Константинополе, Софии,

Бухаресте, Южной Италии, Египте) культурно-просветительских национальных албанских обществ и клубов[1].

Особо благоприятные условия для албанского национального движения в эмиграции существовали в Италии, во-первых, вследствие существования в этой стране значительной прослойки так называемых итало-албанцев — потомков двухсот тысяч албанских эмигрантов, покинувших свою страну в XV в. после подавления турецкими властями восстания Скандербега, нашедших убежище в Неаполитанском королевстве, на Сицилии и особенно в Калабрии и на протяжении веков сохранявших и развивавших родной язык и родную культуру, — а во-вторых — благодаря моральному и материальному покровительству премьер-министра Ф. Криспи — тоже итало-албанца по своему происхождению. Так, в 1900 г. в Неаполе при местном Восточном институте была открыта кафедра албанского языка и литературы[2].

Ключевая роль в развитии албанского движения в Соединенных Штатах Америки принадлежала священнику Фану Стилиану Ноли, который в 1906 г. прибыл из Египта в американский штат Массачусетс по призыву местного албанского землячества, ведшего борьбу за церковную автономию против местного греческого духовенства. 8 марта 1908 г. архиепископ русской православной церкви в Америке посвятил двадцатишестилетнего Фана Ноли в сан священника. В результате юрисдикция греческой Патриархии в Константинополе была заменена формальным главенством русской православной церкви в США; однако фактически албанская церковь пользовалась широкими суверенными правами, главным из которых было право использования албанского языка в церковных литургиях[3].

Отличительная особенность позиции Румынии определялась двумя обстоятельствами. С одной стороны, румынское правительство не препятствовало деятельности существовавших здесь с конца XIX в. нескольких албанских обществ и клубов как культурно-просветительного, так и более радикального направления. Албанская

---

[1] Активная деятельность албанских землячеств в различных странах — прежде всего, в Италии, Турции, США, не говоря уже о балканских государствах, — продолжается и в настоящее время. Что же касается данных о количестве албанцев, проживающих за пределами современных границ Албании, то — как отмечалось в 1976 г. на Национальной конференции этнографических наук в Тиране – оно составляла на то время порядка пяти миллионов — *Castellan G.* L'Albanie. Presses universitaires de France. Paris, 1980. P. 19.

[2] *Castellan G.* Ibid., 1980. P. 11.

[3] *Castellan G.* Ibidem.

колония в Бухаресте была достаточно многочисленной и поддерживала тесные контакты с национальным движением в самой Албании. В начале XX в. ведущая роль среди них принадлежала двум организациям — «Дрита» («Свет») и «Башким» («Союз»).

Первое из них было основано в 1887 г. на основе распавшегося за год до этого культурно-просветительного общества с аналогичным названием. В качестве цели своей деятельности его руководство во главе с преуспевающим торговцем хлебом и активным деятелем албанского национального движения уроженцем Горицы Николой Начо ставило развитие албанской культуры, а также содействие установлению автономии Албании мирными средствами. Одно время общество издавало собственную газету, однако к данному моменту оно переживало сложные времена.

Второе — во главе которого встал крупный албанский фабрикант Тома Чама — организовалось в 1908 г. В отличие от предыдущей организации, оно располагалось значительными денежными средствами (его членом был, в частности, банкир Коста Евтимиу) и ставило перед собой более широкие задачи, выступая за независимость Албании в широких территориальных границах. «Башким» поддерживал через специальных эмиссаров тесные контакты с руководителями албанского восстания и оказывал им серьезную материальную поддержку[4].

С другой стороны, Румыния не желала обострять отношения с другими балканскими государствами, рассчитывая, в случае будущих осложнений, получить для себя определенные компенсации, в том числе и территориальные, используя тот факт, что, как подчеркивал министр иностранных дел этой страны Т. Майореску в беседе с российским посланником М. Н. Гирсом 25 июля 1911 г., Албания населена не только албанцами, сербами, болгарами, греками, «но и куцо-влахами»[5].

Рассмотрим теперь более подробно социально-экономическую миграцию. На ее важность особо указывал, пожалуй, главный специалист того времени по албанским сюжетам на Балканах лидер Сербской социал-демократтической партии (ССДП) Димитрие Туцович. В письмах, опубликованных в «Борбе» 1 и 16 ноября 1913 г., он подробно рассматривает жизнь албанского населения. В первом из них, озаглавленном «Распространение албанцев», он анализирует тер-

---

[4] Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2083. Л. 115.

[5] Там же. Д. 2084. Л. 219.

риториальный аспект албанского вопроса. Автор отмечает «ужасную примитивность» албанских племен, которые, будучи совсем отделенными от остального мира, «в своих ущельях и горах упорно сохраняют отношения и жизненные привычки, которые ведут происхождение из далекого прошлого»[6]. С другой стороны, перемещение торговых путей с Балканского полуострова к Атлантическому океану и все большее тяготение внутреннего сообщения на самих Балканах к Салоникам привели к тому, что «природная ограниченность албанской родины была усилена почти абсолютной культурно-коммуникационной исключительностью», а Турция была рада предоставить албанцев самим себе, грабежу и взаимному истреблению[7].

Высокий естественный прирост населения и недостаток продовольствия, связанный с горным характером территории, на которой они проживали, побудили албанцев начать продвижение в направлении плодородных котловин Старой Сербии и Македонии, куда их также влекли переместившиеся пути сообщения, в результате чего здешние города, снабжаемые товарами через Скопье, Битоли и Салоники, стали основными рынками даже для тех племен, которые жили глубоко в самой Албании. В этом состоят причины того продвижения албанцев на восток, которое и сегодня — утверждал Туцович — служит для шовинистической сербской пропаганды средством разжигания страха и ненависти к «диким албанцам» (ибо это проникновение затронуло сербское население в северо-западных областях Турции), замалчивая дикости, совершенные по отношению к ним сербской армией. В результате этого продвижения албанцы населили Косово (Старую Сербию), спустились в Македонию и вышли на Вардар, а с северо-запада опоясали Скопье.

Туцович указывал, что важным является вопрос о том, в какой степени малая плотность сербского этнического элемента в этих областях представляет следствие упомянутого албанского натиска, а в какой — общего движения сербского народа с юга на север. Он, по его же собственным словам, не затрагивает его глубоко, однако отмечает, что заселение Шумадии, безусловно, произошло вследствие «расселения» юго-западных областей; при этом, по его словам, установлено, что сербское население из этих областей в своей массе отступило вместе с австрийскими войсками, когда те в XVIII в. были вынуждены прекратить походы на юг. Следовательно,

[6] *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 176.

[7] Там же. С. 177.

если исходить из этих данных, «кровная месть» сербов по отношению к албанцам представляется неоправданной. Тем более, даже если допустить, что сербский элемент был вытеснен албанским — это не первый случай в истории, когда «наступление каких-либо племен более прочной организации или с другими преимуществами вытесняет какой-либо народ с его очагов», и данный факт никак не является оправданием для национальной ненависти (если к тому же учесть, что и славянские племена при своем переселении в эти области вытеснили старожилов, используя насильственные средства)[8].

То, что албанцы распространились на восток за счет славян, является фактом, однако изучение его причин, по мнению автора статьи, дает еще меньше права на чувства какой-либо мстительности по отношению к ним. Прежде всего, возникает вопрос, каким путем албанские переселенцы занимали данные области — вытеснением или ассимиляцией. Естественно, что для ассимиляции чужого элемента они не имели возможностей, ибо сами находились на более низком уровне культурного развития (даже ниже, чем черногорцы); следовательно, они расселялись на местах, которые в силу тех или иных причин были оставлены местным населением (вытеснены или покинули сами). Конечно, уход местного населения со своих мест явился в первую очередь следствием «невыносимого соседства примитивных, грабительских, необузданных албанских племен или даже их грубого нажима»[9]. Опасаясь за свое имущество и даже жизнь, испытывая трудности в занятиях и распоряжении продуктами труда, «старожилы вынуждены были покидать свои очаги»[10].

Но с другой стороны, частые миграции населения, пишет Туцович, являются отличительной особенностью жизни не только в приграничных с Албанией областях, но и вообще во всей Турции. Корни этого явления заключаются прежде всего в беговской системе хозяйства. Как скотоводство в качестве главного занятия албанского населения является основой их большой мобильности и кочевого образа жизни, так и феодальная система земельной собственности была причиной, по которой прежнее население свободно решалось на переселение; они не были связаны со своими очагами собственностью, «самой прочной связью, которая известна в обществе»[11].

---

[8] Там же. С. 179.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же. С. 180.

Таким образом, по мнению Туцовича, «дикость» албанцев с любой точки зрения является недостаточной причиной для объяснения процесса их распространения на восток; он «осуществлялся на основе экономической системы, которая до сегодняшнего дня являлась реальным фундаментом, основой всей жизни в Турции»[12].

Что касается других причин (ощущение небезопасности среди местного населения, применение албанцами насильственных методов и т. д.), то они были обусловлены функционированием всей системы управления в Турции, царящими в ней анархией и незащищенностью райи; при этом «турецкий режим смотрел сквозь пальцы, когда албанцы осуществляли грубое насилие по отношению к христианам, в то время как их опять немилосердно косил, если они своими поступками наносили ущерб собственническим интересам режима», иными словами, поступал по отношению к ним в зависимости от своих интересов и целей в тот или иной исторический момент[13]. В результате, подводит итог Туцович, «Турция не только ничего не сделала, чтобы вывести их (албанцев. — *Авт.*) из изоляции и культурными мерами попытаться ввести в общую жизнь, но в сущности своей системы правления носила все условия для консервации албанской примитивности»[14].

Не следует забывать, отмечал Туцович, что «организация человеческого общества, формы совместной жизни как раз и идут вслед за экономическими изменениями, как их следствие, никак не иначе. Как и с какой скоростью будет осуществляться процесс приспособления форм общественной жизни к формам труда и производства, это сейчас зависит от многих других исторических факторов»[15]. С точки зрения подобных факторов для албанских племен, по мнению лидера ССДП, характерно следующее: 1. Их теперешнее место проживания представляет исключительно скалистую, горную, бесплодную область Северной Албании; 2. Эта область по своей естественной отсеченности и коммуникационной исключительности представляет в настоящий момент, возможно, самую изолированную во всей Европе. При этом в ходе возникновения и развития имущественного неравенства недостаток земли ощущался все сильнее в связи с тем, что лучшие участки земли в границах расселения племени за-

[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же. С. 184.

хватили отдельные люди, занимающие в племенной структуре привилегированное положение. Одновременно окрестные территории (и в направлении к морю, и на юг, и на восток в сторону плодородных земель Македонии и Старой Сербии) были заняты обширными чифтлуками, границы которых охранялись бегами и государственной властью. Следовательно, отдельные представители того или иного племени не имели больше в его границах обеспеченного существования, как прежде, а всякая попытка найти выход за счет расширения племенных границ приводила их к острому столкновению с соседними племенами и государственной властью; единственным результатом подобных попыток выступало лишь умножение ссор и вражды. Таким образом, внутри одного племени и между ними возникли новая жизнь и новые взаимоотношения, прежде всего, абсолютное недоверие по отношению ко всем. Единственным спасением и главным источником добывания средств к жизни стал грабеж, а постоянным занятием «засады, вымогательства у путешественников и торговцев, похищение скота, сопровождаемые убийствами и убийствами за убийства, хорошо организованные грабительские походы в приморье или плодородные области на востоке»[16].

Особый этап в эволюции албанских миграционных потоков начался осенью 1913 года. После разгрома албанских вооруженных отрядов, вторгшихся в сентябре в пределы Сербии, сербские военные власти приняли по отношению к его участникам жесткие меры. Это вынудило многих жителей Охрида, Дебара и Люмы спешно покинуть места своего проживания и искать спасения во внутренних и прибрежных районах Албании, в частности, в городах Эльбасан, Тирана и Дуррес. Общее число беженцев из Сербии достигло 40 000 человек. Среди них, наряду с мусульманами, находились и лица христианского вероисповедания, главным образом, болгары из Охрида и Струги, но они составляли незначительное меньшинство[17].

По свидетельствам очевидцев, положение беженцев было ужасным. В связи с этим один из албанских лидеров Эссад-паша (поддерживавший тесные отношения с сербскими представителями) обратился с телеграфным запросом к членам Международной Контрольной комиссии в Албании с настоятельной просьбой об оказании им срочной материальной помощи. Тем не менее, данный вопрос, вследствие отсутствия у Комиссии денежных средств, не

[16] Там же. С. 185.
[17] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2908. Л. 16.

получил никакого разрешения в рамках указанного органа. Тем временем, австро-венгерский и итальянский делегаты в Комиссии сообщили о выделении их правительствами по 10 000 франков для раздачи беженцам, которые прибыли в Дуррес. Данная операция осуществлялась через Эссад-пашу под контролем австро-венгерского и итальянского консулов в данном городе. Наряду с этим, австро-венгерское правительство направило в Дуррес и Тирану специальную миссию Красного Креста с полным материально-техническим оборудованием для организации передвижного военно-полевого лазарета. Во главе этой миссии, имевшей военно-медицинский характер, был поставлен полковой врач из военного госпиталя в Перемышле Л. Поппер, при котором состояли два других врача из военных госпиталей Вены и Линца. С ними отправились 10 сестер милосердия, 3 унтер-офицера и 10 солдат санитарной службы[18].

В середине декабря 1913 г. Эссад-паша сообщил Контрольной комиссии, что нет никаких оснований опасаться нападения албанцев на сербские гарнизоны в районе Дебара и Люмы, где в данное время ведет свою работу направленная им лично специальная комиссия для организации в указанных областях гражданской администрации [19].

Тем не менее, сербо-албанские отношения продолжали оставаться напряженными. Находившиеся в окрестностях Шкодры албанцы-уроженцы областей, отошедших к Сербии, отказывались возвращаться на родину без получения гарантий безопасности со стороны сербского правительства. В связи с этим Австро-Венгрия и Италия решили обратиться к кабинету Николы Пашича с официальным представлением о необходимости обеспечения свободного доступа албанского населения на места его постоянного проживания на основании постановлений Лондонского совещания, которые предусматривали доступ албанцев на рынки Дебара и Джяковицы, а также равное положение албанцев с представителями других народов с точки зрения их гражданских прав. Это требование было также поддержано российским правительством с оговоркой, что албанцы, находящиеся на сербской территории, должны подчиняться законодательным положениям, установленным сербским правительством[20].

---

[18] Там же.

[19] Там же. Л. 37.

[20] Там же. Д. 531. Л. 428.

В соответствии с указаниями российского министерства иностранных дел, русский посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг имел специальную беседу с Пашичем, в ходе которой обратил внимание главы сербского кабинета на необходимость создания благоприятных условий для беспрепятственного возвращения албанских беженцев на свою родину. Со своей стороны, Пашич подчеркнул, что «сербское правительство не только не препятствует, а напротив оказывает всяческое облегчение возвращению иноплеменным уроженцам земель, отошедших к Сербии при условии, конечно, подчинения их установленным законоположениям, приравнивающим всех к коренным сербам»[21]. Тем не менее, председатель Совета министров сообщил, что его правительство, в соответствии с указаниями России и в предупреждение возможного официального представления Австро-Венгрии, не замедлит подтвердить посредством телеграфных сообщений манифест короля Сербии о всеобщей амнистии, с изъятием, правда, «лиц, совершивших уголовные преступления и известных главарей, продолжающих поджигать албанцев к восстанию, как Болетинац, Риза-бей и другие»[22].

Безусловно, развитие сербо-албанских отношений в бурные дни конца 1913 г. знало достаточно примеров непонимания, вражды, кровавого насилия. Соответствующие материалы, в частности, поступали в распоряжение делегатов Международной контрольной комиссии, начавшей работу в Албании в середине октября 1913 г. К чести делегатов — в том числе российского комиссара в Албании Петряева — они пытались объективно разбираться в сложившейся ситуации, и, в частности, не принимали на веру все те взаимные сербо-албанские обвинения, в которых подчас преобладали эмоции, а не факты. 21 октября 1913 г. Петряев, в частности, весьма сдержанно сообщал в Санкт-Петербург, что «по имеющим здесь сведениям в разных городах Албании действительно теперь находятся несколько десятков тысяч беженцев из пограничных областей» — не подтверждая при этом официально конкретные факты массовых антиалбанских репрессий в присоединенных к Сербии областях — не только в силу особого характера сербо-российских отношений, но и прекрасно понимая, как осторожно следует подходить ко всем тем громким заявлениям, требованиям и обвинениям, которые рождаются в горячих балканских головах[23].

[21] Там же. Л. 430.

[22] Там же.

[23] Там же. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 11.

Е. К. Вяземская

Влияние миграции на территории Боснии и Герцеговины на положение местных этнических групп населения в начале XX века

Этой небольшой балканской стране суждено было в канун Первой мировой войны сыграть роль несоизмеримую с ее размером и потенциалом. Как и почему это произошло, по какой причине она стала невольным участником столь серьезного европейского кризиса, переросшего во всеобщий военный конфликт, нижеследующий рассказ.

В июле 1878 г. вооруженные силы Австро-Венгерской монархии приступили к оккупации Боснии и Герцеговины, двух самых западных, далеко вклинившихся вглубь европейского континента провинций Османской империи, населенных славянами трех конфессий. Местное население, изнывавшее в течение 4-х столетий под игом османского деспотизма, вопреки ожиданиям, оказало ожесточенное сопротивление войскам христианских оккупантов-избавителей. Боснийцы не пожелали беспрекословно покориться воле великих держав и допустить замену одной чужеземной власти на другую, пусть и на европейско-цивилизованную и многообещающую. После четырехмесячных ожесточенных стычек неорганизованное сопротивление разрозненных отрядов боснийцев было сломлено. В Боснии и Герцеговине установился оккупационный режим. Началась новая эра в истории многострадального края.

Оккупация Боснии-Герцеговины (в рассматриваемую эпоху чаще употреблялось именно это название, в котором вместо «и» фигурировал простой дефис) произошла юридически на основании оформленного постфактум договора между Австро-Венгрией и Османской империей, а фактически — по сговору великих держав.

Мандат, выданный Австро-Венгрии Берлинским конгрессом по предложению британского министра иностранных дел сэра Роберта Артура маркиза Солсбери, налагал определенные обязательства на его получателя. На том же конгрессе новая миссия династии Габсбургов на Балканах была кратко и четко сформулирована германским канцлером князем Отто фон Бисмарком в его знаменитом заявлении, категоричном, как изречение оракула: «Только могущественное государство, которое располагает в пределах досягаемости очага беспокойства необходимыми силами, может восстановить

здесь (т. е. в Боснии и Герцеговине. — *Е. В.*) порядок, а также гарантировать судьбу и будущее этого населения»[1].

Активное неприятие чужеземной оккупации, стимулировавшее рост этнического самосознания боснийского населения, в начале 1880-х гг. вызвало к жизни различные формы активного и пассивного сопротивления: от эмиграции до вооруженного восстания. Эмиграция затронула все три боснийских этноса, но самый большой урон от нее понесли мусульмане. Точных цифр мы не знаем, поскольку ценз и нормальную статистику Босния узнала лишь начиная с 1891 г. По некоторым данным, число покинувших страну и уехавших в Турцию мусульман достигало 300 тыс. Но специалисты считают эту цифру преувеличенной, по меньшей мере, вдвое[2]. Среди уехавших в Турцию были, естественно, и чиновники-турки, но их было не так много, чтобы повлиять на этнодемографический баланс провинций. Меньше всего эмиграцией были затронуты хорваты и евреи, ибо католическая по преимуществу империя славилась еще толерантностью к иудаизму. Изменение баланса было нежелательным также и для австро-венгерских властей, опасавшихся, не без основания, усиления удельного веса сербско-православного элемента. Поэтому в октябре 1883 г. были в срочном порядке ужесточены правила выезда из страны.

Ровно через год после начала оккупации и спустя 8 месяцев по завершении военных действий, в июле 1879 г. в Боснии была введена гражданская администрация, громко названная «правительством» (Kaiserlich-königliche Landes Regierung), которая, однако, функционировала параллельно с военной (General Commando). Одновременно была проведена перепись населения, которая показала следующие результаты: общая численность населения — 1 млн 140 тыс., из которых 486 тыс., т. е. 42%, были православные (сер-

[1] Der Berliner Kongreß 1878. Protokolle und Materialien / Hrs. v. Imanuel Geiss. Boppard am Rhein, 1978. S. 242–243.

А.С. Ионин, консул России в Янине, приложивший во время Восточного кризиса много сил для того, чтобы провинции достались Сербии и Черногории, в сложившихся тогда условиях считал передачу их Дунайской монархии, по меньшей мере, рациональным выходом из сложившейся тогда ситуации: «Это прибавит элемент брожения плюс цивилизации», — полагал сведущий в балканских делах дипломат. Правда он надеялся, что в дальнейшем Россия вернула бы Боснию и Герцеговину в сферу своего влияния. См.: *Де-Воман Г. А.* Очерки прошлого // Русская старина. 1916. № 6. С. 140–144.

[2] *Hadžijahić M.* Uz Prilog Prof. Vojislava Bogicevida // Historijski zbornik. 1950. N°3. S. 191–192. Тот же Мухамед Хаджияхич называет более правдоподобную цифру, а именно 140 тыс.

бы), 442 тыс. (39%) — мусульмане, 209 тыс. (17,5%) — хорваты-католики, и 3 тыс., 2,5 % — евреи[3]. Незначительное преимущество сербов в 3% перед мусульманами образовалось, вероятно, в результате упомянутой выше массовой эмиграции мусульман. Быстрое проведение переписи наряду с введением гражданской администрации характеризовало европейский стиль управления в азиатской, в сущности, стране. Возможно, чересчур быстрое и даже несколько поспешное, или преждевременное. В первые годы после оккупации Босния-Герцеговина продолжала жить своей прежней беспокойной жизнью, в которой доминировали турецкие порядки и балканские нравы. Сидевший в Сараево русский консул в своих донесениях Н. К. Гирсу подробно, с некоторой долей удивления, рассказывал о хозяйничанье в стране многочисленных банд, укрывавшихся в горах и лесах Боснии-Герцеговины, с которыми оккупационная армия, размещенная в гарнизонах, явно не справлялась. В порядке вещей, как и в османские времена, были грабежи, убийства и др. преступные действия. «В течение восстания и первое время по вступлении австро-венгерцев во всех округах, — писал консул, — происходили убийства, грабежи, воровства, кражи, угон скота и поджоги»[4]. Из этого красочного описания следует, что на Балканах национально-освободительное движение в XIX в. принимало порой причудливые формы. Впрочем, бесконечные македонские беспорядки 1900-х гг. свидетельствовали о живучести этой региональной специфики времен османского владычества.

Для борьбы с бандитизмом — можно его квалифицировать и как движение за свободу и национальную независимость народов Боснии-Герцеговины, потому, что здесь имело место и то, и другое, — новой власти пришлось в срочном порядке создавать жандармерию. При этом оккупационная власть проявила изобретательность с достаточной долей здравого смысла. Жандармский корпус комплектовался по принципу целесообразности и прагматизма. Отнюдь не представители господствующих наций, немцы или мадьяры, составляли его костяк, а местные кадры-профессионалы, т. е. преимущественно славянский элемент. В состав корпуса численностью в 3200 человек вошли 200 жандармов, служившие ранее в Хорватии и Военной Границе, остальные 3 тысячи были в основном

[3] АВПРИ. Ф. Главный Архив. V-А2. Оп. 181. 1880. Сараево. Д. 830. Донесение консула от 29 февраля 1879 г. № 2. Л. 12.

[4] Там же. Л. 5–6

бывшие турецкие жандармы, оказавшиеся, как говорилось в донесении русского консула, «весьма полезными своей добросовестностью и знанием страны и жителей»[5].

Правда, начальниками были офицеры австро-венгерской армии, а бывшие турецкие офицеры служили только унтер-офицерами.

Вообще нельзя сказать, чтобы имперская власть была одержима страстью круто и поскорее навязать стране европейские порядки и европейскую систему правления, ломать и крушить всё, что напоминало «проклятое» османское прошлое. Она оставила нетронутой старое административное деление — Босния-Герцеговина, как и прежде, состояла из 6 санджаков (округов, Bezirk), 49 каз (от турецкого слова «каза») (уездов, Kreis) во главе которых стояли соответственно — мутассафиры и каймакамы. Но из 49 каймакамов только 13 были из местных мусульман, остальные были, как писал русский консул, «австро-венгерцы», т. е. представители любой национальности империи[6].

Поводом и причиной как массовой эмиграции, так и неудачного восстания боснийского населения против оккупантов было введение в провинциях всеобщей воинской повинности. Принуждение служить в армии Франца-Иосифа возмутило как сербов, так и мусульман. Но мотивы были разные: в первом случае национально-политические, а во втором конфессионально-политические. Сербы ссылались на султанский фирман от 1868 г., который освободил от воинской службы в османской армии всех немусульман, т. е. боснийских сербов и хорватов также. Кроме того, австро-венгерский закон в противоположность более гуманному в этом отношении османскому не предусматривал никаких исключений для семей крестьян-бедняков, которые ввиду отсутствия средств не могли заменить ушедшего в армию сына. Мусульмане же считали недостойным для себя и несовместимым со своей совестью служить в вооруженных силах гяуров-христиан. Впоследствии исламская догматика не помешала боснийцам служить трону и воевать за дело гяуров-Габсбургов. Восстание 1882 г. начали сербы Герцеговины, после чего оно охватило другие районы обеих провинций[7].

Ловким ходом властям удалось вывести из игры мусульман и изолировать сербов. По просьбе земельного правительства сараевский

[5] Там же. Л. 6.

[6] Там же. Донесение № 3 от 39 февраля 1879 г. Л. 9.

[7] *Kapidžić H*. Der Aufstand... S. 78.

муфтий издал специальную фетву, в которой разъяснил правоверным, что служба в армии его императорско-королевского величества нисколько не противоречит Корану, что, воюя за Австро-Венгрию, они тем самым защищают свою родину Боснию-Герцеговину, а это согласно шариату является честью и религиозным долгом мусульманина. Говорилось, кроме того, в фетве и о том, что боснийцы не должны покидать родину и отправляться на чужбину[8].

Наряду с созданием жандармского корпуса одним из самых важных достижений оккупационных властей явилось завершение в мае 1879 г. разоружения боснийского населения. Но при этом, проявив завидное понимание местной специфики и уважение к традициям Востока, власть сделала исключение для «пожилых мусульман, не принимавших участия в противодействии австро-венгерским войскам» — «...им дозволялось сохранить семейное наследственное оружие»[9].

Все же, несмотря на все эти меры, предотвратить новое вооруженное выступление в Боснии не удалось. Причина — нерешенность остро актуального социального вопроса боснийской деревни, нерешительность и медлительность новых властей в устранении пережитков османского феодализма. В 1882 г. в Боснии-Герцеговине вспыхнуло очередное восстание, оказавшееся последним в XIX в. Основную массу повстанцев составляли кметы, сербские крестьяне в большинстве, но участвовали в восстании также мусульмане-крестьяне и даже землевладельцы. Восстаний Босния и Герцеговина знали множество, но такое происходило впервые в истории. На эту особенность событий 1882 г. обратил внимание видный боснийский историк Милорад Экмечич, подчеркивающий, что сербские крестьяне и мусульманские землевладельцы впервые совместно участвовали в восстании[10]. Сотрудничество с мусульманами в дальнейшем, в последующие годы станет одним из фундаментальных принципов сербского национального (автономистского) движения в Боснии и Герцеговине.

1882-м годом завершился начавшийся в 1878 г. репрессивно-карательный этап пацификации мятежных провинций. Впервые за многие десятилетия в крае воцарился мир с элементами нового, европейского порядка. И это было самым главным, важней-

[8] Там же.

[9] АВПРИ. Ф. Главный Архив. V-A2. Оп. 181. 1880. Сараево. Д. 830. Донесение консула от 29 февраля 1879 г. № 3. Л. 7.

[10] *Ekmečić M*. Ustanak u Hercegovini 1882. Sarajevo, 1983. S. 14.

шим, пожалуй, достижением австро-венгерской власти в Боснии-Герцеговине[11].

Нерешенным, однако, остался вопрос о месте вновь приобретенных провинций в дуалистической системе Австро-Венгерской монархии. Правительства Цислейтании (Австрии) и Транслейтании (Венгрии) не смогли договориться о том, кому из них быть хозяином новых земель. Венгрии они были не нужны, поскольку новые славянские территории могли лишь создать новые проблемы ее внутренней устойчивости. Но она не могла допустить присоединения Боснии-Герцеговины к Австрии, поскольку это привело бы к нарушению баланса сил в двуединой державе в пользу соперницы. Спор двух половин монархии не могла решить и династия в лице императора-короля Франца-Иосифа I. Но выход был все же найден. В феврале 1879 г. провинции были переданы в ведение (в управление) общему австро-венгерскому Министерству финансов, которое само финансировалось обоими государствами. Уже в 1880 г. парламентами Австрии и Венгрии был принят закон о финансировании управления провинциями и инвестициях. Разумеется, парламентарии обоих государств отнюдь не были в восторге от необходимости приносить материальные жертвы во имя благополучия Боснии. Более того, в 1900-х гг. с резким скачком бюджетных расходов на боснийские реформы в министерских канцеляриях обеих столиц широкое хождение получил популярный лозунг «Страна (т. е. Босния. — *Е.В.*) должна содержать себя сама!»[12]. Однако с хозрасчетом ничего и у австро-венгерских реформаторов так и не получилось.

---

[11] «В османские времена, — вспоминал, выступая на 1-й сессии (Ландтага, сабора) сейма в 1910 г., высокопоставленный чиновник гражданской администрации, — в округе Бихач текла кровь ежедневно, не было безопасности жизни, сегодня этого нет. Бургомистр рассказывал: когда мой отец собирался из Nevesinje в Мостар, предварительно тщательно готовился, пускался в путь со всеми своими слугами, причем вооруженными. Теперь он берет в руки шток и совершает прогулку в Мостар». См.: HHStA. Wien Militärkanzlei. (MK). fasz. ISl.b. Militärpolitische Referate 1911–1912: f. 1083.

[12] Противоположное мнение высказал генерал Шемуа, командир дивизии в Мостаре, в донесении эрцгерцогу Францу-Фердинанду: «Монархия должна быть готова принести также материальные жертвы в осознание того, что Босния и Герцеговина совершенно необходимы для поддержания австро-венгерской мощи на Балканах». Генерал требовал облегчения налогового бремени бедняков, «вынужденных содержать многоголовый дорогостоящий аппарат, предназначенный для того, чтобы держать их в нашей власти... Короче говоря, мы тоже должны что-то дать стране, за то, что мы у нее берем». См.: *Wesely Kurt*. Die wirtschaftliche Entwicklung von Bosnien und Herzegowina // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Wien, 1973. Bd. 4. Die Konfessionen. S. 545.

При Министерстве финансов было создано специальное «Бюро по делам Боснии и Герцеговины» с четырьмя отделами — президиумом, внутренних дел, финансов, лесного хозяйства и горнорудной промышленности. Отсутствие в аграрной стране органа по управлению сельским хозяйством и наличие последнего четвертого департамента свидетельствовало о приоритетности развития сырьевых отраслей с самого начала австро-венгерского владычества в этой балканской стране. Принципиальные вопросы управления Боснией-Герцеговиной также решались на заседаниях общих министров с непременным участием глав обоих правительств. Функции местной власти в провинциях, составлявших единое целое, осуществлялись Земельным правительством — Landes Regierung, в системе которого были также четыре отдела — в отличие от венского Бюро в местном правительстве 4-й отдел занимался строительством местной исполнительной власти. Его возглавлял «глава земли» — Landeschef (или Landeshauptmann), генерал, фактически генерал-губернатор с заместителем по гражданским делам Zivil-Adlatus (до 1908 г.)

К началу мировой войны сложился довольно многочисленный бюрократический аппарат (свыше 14 тыс. чиновников), в котором подавляющий перевес имели славяне — 86%! И лишь 11% чиновников были немцы и 2,4% мадьяры. Однако более половины боснийских чиновников были выходцами из других славянских земель Австрии и Венгрии. Поэтому лишь 24% чиновников были представлены местными сербами, 11,5% — мусульмане. Значительной в аппарате была доля католиков, грекокатоликов (униатов) и иудеев[13].

В 1910 г. Босния получила собственный статут и законодательный орган (ландтаг, сейм) с сильно урезанными полномочиями, избираемый по куриальной системе, а в структуре Земельного правительства появился новый отдел — образования и культов.

Вооруженное выступление боснийцев 1882 г., в ходе которого наметилось сотрудничество, по крайней мере, двух из трех ведущих этносов Боснии и Герцеговины, еще раз убедило правителей монархии в необходимости, дабы закрепиться в провинциях надолго, позитивной политики и конструктивных реформ. И нет ничего удивительного в том, что Австро-Венгрия к выполнению своей боснийской миссии приступила с «европеизации» школьного обра-

[13] *Haselsteiner H*. Bosnien-Hercegowina. Orientkrise und Südslawische Frage. Wien; Köln; Weimar, 1996. S. 89.

зования с целью повышения культурного уровня населения. Заметим: на всю эту гигантскую работу по модернизации застрявшей в средневековье страны историей было отпущено практически менее четырех десятилетий всего-навсего — позитивную, созидательную работу пришлось проводить в промежутке между военной оккупацией и пацификацией края в 1878–1882 гг. и началом Первой мировой войны. Созданное при Министерстве финансов Австро-Венгрии Бюро по Боснии и Герцеговине поставило себе задачу «немедленно и одновременно начать решать задачу распространения более высокой культуры и цивилизации»[14].

Несколько по-иному смотрелось все это цивилизаторство, несомненно, достаточно эффективное, с мусульманской стороны. В многочисленных обращениях и петициях, направлявшихся в Вену, Сараево и даже в Стамбул, раздавались жалобы на то, что мусульмане изгонялись из органов местного самоуправления, их женщин похищали и принуждали к перемене религии, а детей мусульман силой вынуждали посещать католические школы; что мечети превращались в церкви, в жилые дома, или их просто сносили, сравнивая с землей[15]. Справедливость этих обвинений отчасти подтверждается свидетельством независимого источника — обстоятельными донесениями русского консула в Сараево, внимательного наблюдателя, отнюдь не настроенного враждебно к монархии и австро-венгерской администрации в Боснии-Герцеговине. Вот как описывается «цивилизаторская деятельность» последней в первые полтора года после занятия провинций в серии донесений Н. К. Гирсу консула Ладожинского. (Все они датированы 29 февраля 1880 г., поскольку у него еще не была налажена почтовая связь с центром.) Во-первых, отметил консул, за время австро-венгерского владычества благосостояние и жизненный уровень населения «значительно понизились». Стараясь быть объективным и чтобы не вводить в заблуждение петербургское начальство без нужды, он называет как объективные причины, так и причины субъективные, вызванные искусственно самой властью и ее политикой. К первым относились стихийные бедствия, постигшие край в 1879 г.: наводнение, засуха, неурожай, падеж рогатого скота, а также причинивший городу колоссальный ущерб «великий сараевский пожар» 27 июля 1879 г.

---

[14] Проект письма Бюро генералу Вюртембергу от 12.III.1879. Цит. по: *Haselsteiner H.* Op. Cit. S. 78.

[15] Bosna-Hersek Bibliyografyasý. Ankara, 1997. S. XI.

Ко второй группе причин, приведших к «прискорбному результату», относились «собственные меры оккупационного правительства», в первую очередь его налоговая политика. Сохранив в целом прежнюю османскую податную систему, новая администрация внесла в нее «коррективы», которые в итоге существенно увеличили налоговое бремя боснийцев. Так, оккупанты заменили натуральную десятину денежной, что поставило налогоплательщика со скудной мошной в невыносимо трудное, а порой просто безвыходное положение; увеличилась «штемпельная пошлина», т. е. гербовый сбор; значительно возросла сумма государственного городского налога. Короче говоря, тот, кто платил османской казне 1000 гульденов в год государственных налогов и прочих поборов, после оккупации должен был выложить сумму, в 20 раз превышавшую прежнюю, т. е. 20 000 гульденов[16]. Не менее негативными последствиями сопровождалось включение страны в австро-венгерский таможенный союз. Прогрессивная сама по себе мера эта привела к резкому повышению ввозных пошлин, многократно превышавших прежние османские. С введением новых тарифов резко подскочили цены на колониальные товары — рис, кофе, сахар. Эти продукты каждодневного потребления боснийской семьи внезапно стали предметами недоступной роскоши.

Труднодоступными стали для большинства боснийцев хлопчатобумажные, шерстяные, шелковые ткани, изделия из них, а также ковры, сравнительно дешевые и в большом количестве ввозившиеся в страну через Салоники и Триест из Болгарии, Аравии, Сирии и других уголков обширной империи османов. Были установлены высокие пошлины на дешевые промышленные изделия Англии и Франции, чтобы сделать конкурентоспособной на боснийском рынке менее качественную и более дорогую продукцию промышленности Вены, Праги, Будапешта, «не имевшую хода в Европе»[17].

Разорившиеся торговцы-сербы закрывали свое дело и переселялись в соседнюю Сербию. «А на место выселяющихся — православных коренных жителей являются сюда ..пионеры европейской цивилизации», так они сами себя называют, — австро-венгерские евреи. (Подчеркнуто, возможно, самим Н. К. Гирсом. Думается, нет оснований считать, что этот пассаж в донесении был продиктован предрасположенностью его автора антисемитизму.) Но

[16] АВПРИ. Ф. 181. Д. 830. Сараево, 1880. П. 29. Донесение № 5. Л. 17.

[17] Там же. Л 18–19.

всех тяжелее теперь приходится низшему слою мусульманского населения. В Турецкое время они жили в собственных небольших домах, честно содержали себя ручным ремеслом и при тогдашней дешевизне сводили концы с концами. Никто здесь не помнит, чтобы когда бы то ни было для постоя оттоманских войск выгоняли жителей из их домов. Австро-венгерцы именно с этого и начали»[18].

Эти цивилизованные «постояльцы», уходя, оставляли после себя руины — все деревянные перегородки, подпорки, рамы, двери, окна солдатами императорской и королевской армии безжалостно срывались, сжигались, шли на дрова. «Но из всех последствий, — повествует далее наш рассказчик, — одно для чувства мусульман всего ужаснее: они его считают просто божьим наказанием. Это — внесение австро-венгерскими пришельцами, офицерами, солдатами, чиновниками, публичного разврата в их семьи, доныне остававшиеся чистыми и невредимыми от этого общественного яда»[19].

Цивилизаторская миссия монархии дала сбой в самой что ни на есть цивилизаторской сфере — в сфере просвещения. Как ни странно, оккупационная власть, желая как можно скорее покончить с действительно архаичной системой образования, проявила меньше всего понимания и уважения к боснийской национальной специфике. Только в Сараево были закрыты офицерское реальное училище, гражданское училище «рушди» для мальчиков всех конфессий, сиротский ремесленный пансионат, 40 мусульманских мужских и женских начальных «школ грамотности». Не посмели тронуть оккупанты только медресе — высшее духовное училище при главной мечети. Перестало существовать большинство «школ грамотности» по всей Боснии. В освободившихся помещениях разместились казармы, госпитали, склады, канцелярии[20]. Одновременно новая власть сразу же, буквально с первых же шагов четко обозначила свои конфессионально-языковые пристрастия. Во вновь открывшемся офицерском училище обучение велось на двух языках — немецком и хорватском. Почему именно на хорватском — толком мало кто понимал тогда[21]. Однако ввиду бурных протестов общественности власти

---

[18] Там же. Л. 21.

[19] Там же Л. 23.

[20] Там же. Донесение № 7. Л. 32.

[21] «Указ об открытии новых казенных училищ гласил: преподавание будет на „кроацком“ языке. В Боснии-Герцеговине о кроатском языке никто доныне понятия не имел. Знали языки: турецкий, арабский, сербский, итальянский». Там же. Л. 34.

пришлось идти на попятную и объявить о том, что «преподавание в казенных учебных заведениях будет производиться на местном языке, латинскими и кирилловскими буквами»[22] (выделено мною. — *Е. В.*). То, что монархия делала ставку на хорватов-католиков, однозначно подтверждается подбором учащихся: из 38 учеников первого набора было 25 католиков, 8 мусульман, 4 православных и 1 (один) иудей. В четырехклассной реальной гимназии с немецким и хорватским языками обучения обучалось 29 католиков, 14 иудеев, 11 православных и 10 мусульман. Состав учениц городского женского училища выглядел так: 28 иудеев, 3 православных, 4 мусульманки, 1 католичка[23]. Следует, однако, иметь в виду, что все отмеченные особенности оккупационной политики в Боснии относятся к начальному этапу, военно-оккупационному этапу австро-венгерского владычества в Боснии. В дальнейшем, в эру Каллая в частности, она приобрела большую гибкость, осмотрительность, стабильность, в большей мере считалась со сложной этноконфессиональной спецификой страны.

Определенную роль в осуществлявшейся оккупационными властями культурно-цивилизаторской миссии, в восприятии последней местной общественностью, играло дифференцированное отношение боснийских мусульман к боснийской политике двух половин дуалистической монархии. Так и новейшая турецкая историография отмечает «большую толерантность и примерную беспристрастность в отношение мусульман Боснии мадьяров, одной из двух господствующих наций австро-венгерской империи»[24].

Проникнувшись доверием к венграм, делегации боснийских мусульман, одна за другой, отправлялись в Пешт, чтобы изложить свои пожелания и жалобы, ища защиту у венгерского парламента. Жаловались они на «зло», причиняемое мусульманам Боснии

Такое мнение о неудачной в конечном счете попытке навязывания хорватского языка боснийскому обществу высказал консул в Сараево. Мнение, быть может, чересчур категоричное. Хорватский конечно существовал и функционировал в провинциях, но он был языком меньшинства. Он навязывался в то самое время, когда официальная газета «Босна» издавалась на двух языках – немецком и сербском, когда высшее мусульманское дворянство в домашнем обиходе пользовалось сербским языком!

[22] Там же. Л. 44.

[23] Там же. Л. 33. Комментируя политику империи в сфере образования в начале оккупации, консул в Сараево подчеркивал: «Учебное дело послужило оккупационному правительству поводом для национальной агитации. В духе великохорватской партии, именно среди здешнего чиновничества многих представителей и пользующейся большим влиянием на начальника управления края».

[24] Bosna-Hersek Bibliyografyasý. Ankara, 1997. S. XI–XII.

католиками-хорватами. Австрийцы в ответ ссылались на цивилизаторскую деятельность австро-венгерской администрации, на успехи в строительстве современных школ, дорог, мостов, которые действительно имели место[25].

На рубеже двух веков все более отчетливо стало проявляться нарастающее недовольство оккупационным режимом различных слоев боснийского общества. Примечательно, что и мусульманская оппозиция, несмотря на ее ярко выраженный, преимущественно конфессиональный характер, принимает вполне европейско-цивилизованные формы. При этом по инерции сохраняют свое значение и действенность традиционные религиозно-культурные ценности и соответствующие им цели и лозунги. В 1900-х гг. центральное место в арсенале средств общественно-политической борьбы занимают петиции и меморандумы, т. е. такие методы и средства политической борьбы, которыми широко пользовались гораздо более в организационном и политическом отношении развитые национальные движения народов Австрии и Венгрии. Своими корнями конфессионально-политическая оппозиция мусульман к австро-венгерскому режиму восходит ко времени оккупации и вооруженной борьбы против оккупантов, и явилась, в сущности, ее логическим продолжением в мирных условиях. Это обстоятельство уже само по себе, объективно придавало оппозиции национально-политический характер, делая ее двигателем и мотором национального самосознания на конфессиональной основе.

Важным моментом внедрения инновационных элементов в традиционные структуры мусульманской системы общественной организации под контролем имперской власти явилось создание в 1882–1884 гг. центральной вакуфной комиссии — Zemaljska vakufska komisija. Комиссию возглавлял президент, назначаемый императором-королем, а окружные комиссии — шариатские судьи. Устав шариатских судов, их компетенция и персональный состав утверждался властями, что говорило в пользу гибкости режима, сумевшего как-то совместить римское право с мусульманским правом и адатом.

Таким образом, произошло дальнейшее сращивание религиозных институтов с учреждениями социального и делового назначения. Централизацией излишков доходов и модернизацией финансовой деятельности 622 вакуфов с помощью земельного правительства

[25] Bericht über die Verwaltung Bosnien und der Herzegowina/ Hrsg. v. K. u. k. Gemeinsamen Finanzministerium 1906. Wien, 1906 (ßanee: Bericht 1906). S. 125.

и общего Министерства финансов уже к концу 1880-х гг. удалось упрочить материальную базу вакуфов и создать солидный земельный фонд. В 1905 г. в стране функционировало уже 955 вакуфов, а общее состояние их еще в конце XIX в. оценивалось в кругленькую сумму в 9 млн крон, приносившую ежегодный доход свыше полумиллиона крон [26].

О таких доходах и капиталах две другие соперничавшие с исламом церкви и мечтать не могли в то время. Общая сумма капиталов даже преуспевавших сельских кредитных товариществ едва превышала 150 тыс. крон [27].

Реорганизация вакуфской системы, превратившая ее в успешно функционировавшую современную капиталистическую структуру, сопровождалась установлением эффективного государственного контроля над управлением вакуфов и расходованием их средств. Последнее обстоятельство, однако, понравилось далеко не всем и было воспринято некоторыми кругами боснийского общества как вмешательство в чисто исламские дела. Создалась типичная и не так уж редко встречающаяся в истории ситуации, когда общество оказалось психологически неподготовленным к тому, чтобы принять прогрессивные, на его же благо направленные реформы только потому, что они исходили от людей иной веры.

Над общественным мнением мусульманской Боснии довлели традиционные подозрительность и недоверие малообразованной и простодушной массы к чужеземной власти «неверных» и к ее деяниям, невзирая на то, насколько они были разумны или, наоборот, достойны хулы и осуждения. Мусульманскими предрассудками в своих корыстных корпоративных целях воспользовалась сравнительно узкая прослойка крупных землевладельцев — беги и ага, чьи экономические интересы действительно ущемлялись проводимыми австро-венгерской властью реформами. Последние ограничивали помещичий произвол в отношении кметов, ставили под вопрос право собственности бегов на леса и т. п.

Урегулирование властью архаичных аграрных отношений и некоторое улучшение полукрепостного статуса сидевших на чифтликах кметов выдавалось мусульманскими помещиками в качестве покуше-

[26] Ibidem.

[27] Haus-Hof- und Staatsarchiv. Wien (aajiee: HHStA) BA. 444. Bosnien. B3E. Konstantinopel.c / Bosnische Malcontenten – Agitationen, Informationen, Beschwerdeschriften. 1902

ния на ислам и права мусульманского народа. Вот на такой «идейной» базе и образовалась так называемая «бегская партия». Исчерпывающе точную и интересную характеристику этой консервативной группировки дал проницательный правитель оккупированных провинций, общий министр финансов монархии Б. Каллай. «Эта бегская партия — писал он незадолго до своей смерти 2 февраля 1902 г., — никак не может пережить боль утраты совершенно исключительного своего привилегированного положения, которое она имела при турецком господстве, в особенности же она хотела бы вновь получить возможность творить произвол над христианскими кметами» [28].

21 год управлял Боснией и Герцеговиной в качестве общего министра финансов Бенямин Каллай, венгерский политический деятель, самый долголетний общий министр дуалистической монархии. В боснийскую историю годы его правления (1882–1903) вошли как «эра Каллая».

На «эру Каллая» приходится самый динамичный период многовековой боснийско-герцеговинской истории, когда значительные сдвиги произошли во всех сферах жизни провинций. Б. Каллай был не только политиком, государственным деятелем. Он выступал и в качестве историка, писал книги по истории Балкан, был, по словам современника — русского дипломата, «выдающимся знатоком балканских дел»[29].

Министром финансов Австро-Венгрии Каллай был назначен в начале июня 1882 г., в самый разгар уже описанного нами восстания. Поэтому начинать свою деятельность в Боснии и Герцеговине поневоле ему пришлось с пацификации восставших провинций, и только после этого заняться позитивной, созидательной работой, разумеется, с поправкой на уроки восстания. Именно уроки восстания, по-видимому, убедили министра в том, что хозяйственные вопросы, и, прежде всего, улучшение бедственного материального положения масс, и являются тем звеном в цепи, при помощи которого можно и должно вытащить страну из трясины, в которой она оказалась по причине господства вековой отсталости.

---

[28] Haus-Hof- und Staatsarchiv.Wien (aanee: HHStA) BA. 444. Bosnien. B3E. Konstantinopel.c / Bosnische Malcontenten – Agitationen, Informationen, Beschwerdeschriften. 1902.

[29] *Zaitsev V. V.* Russian Diplomats on the Future of the European Possessions of the Ottoman Empire: A Document of September/October 1903 // Oxford Slavonic Papers. Oxford, 1995. Vol. 26. P. 74.

Каллай считал, что повышение жизненного уровня населения есть моральный долг Австро-Венгрии, взятый ею на себя по условиям Берлинского договора, и что монархия может и обязана этот долг выполнить[30]. Помимо всего прочего, в улучшении материального положения народов Боснии и Герцеговины Каллай видел наилучшую гарантию пресечения просербских настроений в провинциях, равно как тенденций и устремлений, направленных на объединение провинций с королевством Сербия[31].

Цель могла быть достигнута, как полагал министр, созданием в Боснии современной фабрично-заводской промышленности. Стратегически верно были определены им конкретные пути и средства модернизации провинций с упором на развитие добывающих отраслей промышленности, развитие сети железных дорог, переработки местных сырьевых ресурсов — леса и залежей железной руды. Полному успеху программы имперского министра препятствовали отсталые аграрные отношения (и в первую очередь нерешенность вопроса о выкупе кметов), скудость источников финансирования, а также острая конкуренция между Венгрией и Австрией за утверждение своего влияния в провинциях[32].

Тем не менее, а может благодаря соперничеству обеих метрополий, министру удавалось «выбивать» кредиты в Вене и Будапеште и частично решить проблему финансирования за счет внутренних ресурсов провинций, и значительно продвинуться в реализации своих планов. Обильные денежные вливания венских и пештских банков позволили в короткие сроки создать в Боснии металлургическую промышленность, которая смогла составить конкуренцию венгерской металлургии, а деревообрабатывающая отрасль — австрийской лесной промышленности. Да так успешно, что скоро австрийские фабриканты-деревообработчики заговорили о «боснийской угрозе» своему бизнесу. Самым большим достижением «эры Каллая» в экономической сфере явилось создание современной сети железных дорог, телефонной и телеграфной связи и кредитно-

[30] Haus-Hof- und Staatsarchiv .Wien, (aanee: HHStA) BA. 444. Bosnien. B3E. Konstantinopel.c / Bosnische Malcontenten – Agitationen, Informationen, Beschwerdeschriften. 1902.

[31] Die Ergebnisse der Volkszählung in Bosnien und der Hercegowina vom 10. Oktober 1910. Sarajevo, 1910. S. XXXIX.

[32] *Hadžibegović J.* Marginalije o gradjanstvu i gradjanskoj politici u Bosni i Hercegovini za vrijeme austrougarske uprave // Prilozi Instituts za istoriju. 11–12. Sarajevo, 1975–1976. S. 62.

банковской системы. До оккупации провинция имела всего одну железнодорожную линию длиной в 194 км, построенную, кстати, на деньги и по инициативе одного австрийского финансиста. К началу войны было возведено 1391 км! [33] Так что новой Югославии, получившей в наследство от ненавистных оккупантов готовую инфраструктуру, не пришлось ломать голову над поисками ресурсов для создания железнодорожной сети. Разумеется, военно-стратегические соображения играли при этом не последнюю роль. Но в целом план индустриализации Каллая был ориентирован на решение экономической задачи освоения природных богатств страны[34]. За время австро-венгерского управления в стране было основано по данным югославской статистики 1941 г. 138 промышленных предприятий, в которых было занято почти 52 тыс. человек[35]. С целью создания новых рабочих мест для городской бедноты империя поощряла традиционное ковроткачество, производство табачных изделий, ряд других отраслей. Тем не менее, индустриализация была однобокой и недостаточной для абсорбции избыточной рабочей силы. Недостаточной была и инвестиционная активность имперских центров. Но самым главным недостатком австро-венгерской политики, ее ахиллесовой пятой являлась нерешенность проблемы освобождения кметов.

Впечатляющие успехи были достигнуты в развитии боснийских городов и их благоустройстве, в качественном улучшении санитарно-гигиенических условий. Водопровод получили 26 городов Боснии и Герцеговины; в Сараево трамвай появился на четыре года раньше, чем в имперской столице Вене.

Результатом индустриализации и урбанизации явились радикальные изменения в социальном и этническом составе городского населения: города европеизировались, теряя свой восточный колорит, разрушался не только старинный безмятежный, спокойно-медлительный уклад жизни; быстро разрушались условия существования старинных ремесел, которыми так славились Мостар, Травник, Сараево. Высокохудожественные изделия боснийских мастеров из кожи, меди, железа, дерева — ножи, кинжалы, сабли, обувь и т. д. — вытеснялись с рынка незатейливыми, зачастую при-

[33] *Hauptmann F.* Die österreichisch-ungarische Herrschaft in Bosnien und der Hercegowina 1878–1918. Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsentwicklung. Gray, 1983. S. 227–233.

[34] *Babuna A.* Op. cit. S. 171; *Hauptmann F.* Privreda... S. 200–201.

[35] *Kruševać T.* Sarajevo pod austro-ugarskom upravom 1878–1918. Sarajevo, 1960. S. 27.

митивными, но зато намного более дешевыми поделками заводов и фабрик Австрии, Чехии и Венгрии. Массовое производство, как и повсюду, побивало индивидуальное мастерство. Конкуренция больно задела интересы мусульман в первую очередь, так как именно они доминировали в городском ремесле. В меньшей мере от нее пострадали сербы, которые были заняты не в ремесле, а преимущественно в торговле, менее подверженной давлению извне[36].

Упадок мусульманского ремесла, отток мусульман в результате эмиграции в Османскую империю, а также иммиграция из Австрии и Венгрии в Боснию и Герцеговину немцев, чехов, евреев, мадьяр, итальянцев, поляков, русин и т. д. вызвали резкие сдвиги в этно-конфессиональной структуре городского населения. Вследствие указанных процессов доля мусульман в городском населении обеих провинций, составлявшая в 1879 г. около 70%, упала до 50,76% в 1910 г.[37] За этот же период времени доля мусульман во всем населении Боснии и Герцеговины в целом снизилась с 36,88% до 32,25%[38]. В абсолютных цифрах картина выглядела иначе: за несколько десятилетий естественный прирост мусульманского населения превысил сто тысяч человек, благодаря чему численность мусульман в стране в начале XX в. перевалила за 600 тыс.

Относительное уменьшение удельного веса мусульманского населения в демографической структуре страны в целом и городов в частности, не сопровождалось падением его социального престижа и влияния. Смена режима и утверждение австро-венгерского господства нисколько не поколебало мусульманскую гегемонию в городском самоуправлении. Как и в османские времена, мусульмане продолжали удерживать в своих руках большинство постов бургомистров Боснии и Герцеговины. По данным на 1906 г. из 61 населенного пункта, официально имевшего статус города, в 55 из них магистраты возглавлялись бургомистрами-мусульманами, в 4-х — римскими католиками и лишь в двух православными сербами[39]. Сербам и хорватам оставалось довольствоваться постами вице-бургомистров. Мусульман среди последних было всего десять.

---

[36] *Sehić N.* Autonomni pokret Muslimana za vrijeme austrougarske uprave u BiH. Sarajevo, 1980. S. 36.

[37] Bericht 1906. S. 664–665.

[38] *Hauptmann F.* Op. cit. S. 701.

[39] *Babuna A.* Op. cit. S. 25.

Такое положение вещей объяснялось не только численным перевесом мусульман, но также и более высоким их имущественным статусом. Введенная в 1906 г. австро-венгерская избирательная система, отдававшая предпочтение состоятельным подданным с высокими доходами, закрепила преимущество мусульман в качестве избирателей и избираемых, т. е. как в отношении пассивного избирательного права, так и активного.

Страной управляли, однако, не вице-бургомистры и даже не бургомистры, а государственный аппарат и армия австрийских и венгерских чиновников, заполонивших провинции после 1878 г. Последнее обстоятельство сыграло, как мы увидим ниже, немаловажную роль в усилении национального самосознания каждого из трех народов, а также в их взаимоотношениях друг с другом. Оккупационная власть по стародавней имперской традиции возлагала большие надежды на образцово организованное и вышколенное, а главное — национально индифферентное чиновничество в осуществлении собственной цивилизаторской миссии на Балканах. Уже в 1885 г. государственных чиновников в Боснии было свыше 2-х тысяч — из них местных жителей всего 70. К началу Первой мировой войны численность бюрократического аппарата достигла 14 тыс.[40].

Причину стремительного роста государственного аппарата надо искать в специфике положения провинций в составе дуалистической монархии, а также и особенностях венской политики в провинциях. Нерешенность статуса провинций, разгоравшееся с каждым годом соперничество между двумя государствами империи, соперничество, которое в итоге сделало невозможной интеграцию провинций ни в одной из двух половин монархии. Существенным препятствием на пути интеграционных стремлений было сохранение султанского суверенитета над провинциями. Помимо многостороннего Берлинского договора он дополнительно был закреплен двусторонним международным договором — так называемой Енипазарской конвенцией («Yenipazar-Konvention»), заключенной в апреле 1879 г. между Османской империей и Австро-Венгрией. В ней помимо официального признания Боснии и Герцеговины как части Османской империи и временного характера оккупации провинций Австро-Венгерской монархией, особо оговаривались права султана-халифа в качестве верховного духовного главы мусульман-суннитов, а также права бос-

[40] «Musavat». 13.XI.1906. Цит. по: *Babuna A*. Op. cit. S. 156.

нийских мусульман и исламской религии, равно как обязательства по отношению к ним оккупирующей державы.

Конвенция гарантировала постоянное, пусть символическое присутствие бывшей метрополии в Боснии и Герцеговине тем, что подтвердила права мусульман вывешивать османские флаги на многочисленных минаретах и упоминать султана в публичных молитвах (по меньшей мере, каждую пятницу). В толковании положения о султанской молитве между мусульманами и австро-венгерской властью позднее возникли серьезные расхождения. Правительство, не скрывавшее своего ревнивого отношения к формальным проявлениям османского суверенитета над провинциями, настаивало на том, что мусульмане были вправе упоминать султана, но называя его при этом по имени! И из-за этого крючкотворства в Боснии не раз возникали конфликтные ситуации. Военные и гражданские власти согласно статье второй конвенции должны были «с величайшей заботливостью следить за тем, чтобы каким-либо образом не был нанесен ущерб чести, достоинству, обычаям мусульман, равно как их религиозной свободе, свободе личности и личной собственности». Любое покушение на перечисленные права мусульман должно было строжайшим образом наказываться [41].

Все это вместе взятое способствовало укреплению обособленности провинций, их относительной независимости от обеих половин Австро-Венгрии. В свою очередь тенденция к централизации вела к резкому возрастанию роли местного провинциального бюрократического аппарата в общественной и политической жизни Боснии и Герцеговины. К тому же отнюдь не безоблачными были отношения между венским общим Министерством финансов, лично между министром и главой правительства Боснии. Местную элиту всех трех конфессий засилье чужеземного чиновничества, естественно, раздражало тем больше, чем больше становилось число чиновников и расширялась их компетенция, а заодно также воображаемые, мнимые или реальные возможности вторжения «чужаков» во внутреннюю жизнь боснийского общества.

Неудивительно поэтому, что в 1900-х гг. борьба против пришельцев, которых с оттенком презрения упорно называли, вернее, обзывали «швабами» (в том числе и чехов), а то и похлеще — «куфераши» («мешочниками») и «дошляками», — стала одной из

[41] *Hauptmann F.* Op. cit. S. 700.

центральных проблем политической жизни. Карьера имперского чиновника была престижна, высоко оплачиваема и гарантирована от случайностей. Хорошая пенсия обеспечивала государственному служащему и его семье безбедное существование и после выхода в отставку. Сербы, мусульмане и, в меньшей мере, хорваты, которых больше прельщала хозяйственная деятельность, стали энергично добиваться чиновничьих мест в австро-венгерской вертикали исполнительной власти.

Назначение чиновниками местных жителей с последних десятилетий XIX в. стало все чаще фигурировать в жалобах, петициях и меморандумах сербов и мусульман, направлявшихся общественными организациями в различные инстанции, вплоть до Блистательной Порты. Так, в меморандуме боснийских мусульман, врученном султанскому правительству в 1894 г., содержалась жалоба не только на дискриминацию местных мусульман, но даже оспаривалось право австро-венгерских властей увольнять османских чиновников. Авторы меморандума при этом ссылались на Енипазарскую конвенцию, подписанную Австро-Венгрией и Османской империей в 1879 г., квалифицируя подобные действия как прямое нарушение конвенции. Интересно, что на эту же конвенцию неоднократно ссылались также и сербские политические деятели Боснии, выступая с требованием расширения представительства местных этнических групп в бюрократическом аппарате[42].

Их усилия не пропали даром. В предвоенные годы (в 1905–1914 гг.) число чиновников из аборигенов почти удвоилось. Сербам, благодаря более высокому образовательному уровню, успех сопутствовал больше, чем мусульманам. Но мусульманам также удалось значительно улучшить свои позиции в государственном аппарате. В современной литературе успех мусульман на этом поприще расценивается как «признак прогресса процесса модернизации мусульманского городского населения» и формирования национальной буржуазии[43].

Прямое отношение к указанным процессам имело создание на рубеже веков материальной базы современных средств информации. При османах Босния располагала всего четырьмя типографиями, в 1910 г. их было уже 25. Резко возросло количество периодических изданий: в 1905 г. выходило 19 названий наименований газет

[42] *Babuna A*. Op. cit. S. 25.

[43] «Musavat». 13.XI.1906. Цит. по: *Babuna A*. Op. cit. S. 156.

и журналов (14 из них в Сараево), против четырех в 1878 г. Почти все газеты, за исключением одной — официоза «Sarajevski List», печатавшегося на двух языках, немецком и местном, издавались на сербско-хорватском. Преобладал латинский шрифт, но в достаточной мере учитывались вкусы и привычки православно-сербской читающей публики: 6 газет набирались на кириллице, 7 на латинице и 8 на обоих шрифтах[44]. Для страны, где читать и писать умели даже в 1910 г. всего около 14% населения (у мусульман — менее 6%!)[45], это было немало[46]. К тому же общественно-активная часть боснийцев была достаточно сильно политизирована. Указанное обстоятельство имеет прямое отношение к интересующему нас сюжету, ибо в центре внимания боснийской общественности стояли, разумеется, не глобальные вопросы мироздания и международных отношений, а местные, сугубо локальные национально-конфессиональные проблемы. Показательно в этом отношении, что по уровню популярности среди боснийских читателей почетное второе место занимали политические издания (5421 абонент[47]), уступая по числу абонентов лишь периодическим изданиям развлекательного, литературно-художественного и дидактического жанра (содержания), у которых подписчиков было всего на 200 больше.

Вокруг газет и журналов сплачивались национально-политические силы боснийцев. Выходивший с 1906 г. в Сараево журнал «Мусават» («Равенство») стал органом Мусульманской народной организации — первой в Боснии и Герцеговине политической партии. Журнал «Zeman» («Время») с 1911 г. представлял Объединенные мусульманские организации. Целеустремленно пропагандировали идеи культурного обновления газеты «Бошняк» (1891–1910) и «Бехар» («Весна», 1900–1911), журнал «Бисер» (1912–1914), культурно-просветительное объединение «Гайрет» («Мужество», 1903)[48]. Они ориентировали своих читателей и сторонников на восприятие европейской образованности и культурных ценностей, не отказываясь при этом от собственных мусульманских традиций и образа жизни.

---

[44] *Hauptmann F.* Op. cit. S. 700.

[45] *Kraljačić T.* Kalajev Režim u Bosni i Hercegovini 1882–1903. Sarajevo, 1987. S. 400–402.

[46] *Šehić N.* Autonomni pokret Muslimana za vrijeme austrougarske uprave u BiH. Sarajevo, 1980. S. 36.

[47] Bericht 1906. S. 664–665. См. также: *Hauptmann F.* Op. cit. S. 694.

Появление на арене общественной жизни в начале XX в. периодических общественно-политических изданий свидетельствовало об оживлении национально-политической жизни всех трех общин, в том числе мусульман. По крайней мере, на уровне общественного сознания. Исследователь вопроса Айдын Бабуна квалифицирует описанные нами явления как «новую попытку конституирования нации, которая происходила уже при австро-венгерской власти»[49]. Именно в этот период национальная идея у боснийских мусульман обрела некоторую самостоятельность, не отрываясь, однако, от своей деноминационной первоосновы. Сохранив свои корневые генетические связи с исламом, национальная идея и национализм перестали быть отныне понятиями, всецело отождествляемыми с конфессией.

«С поворотом 1903 г. (имеется в виду переход Сербии после убийства короля Милана от тесных связей с Австро-Венгрией к резко враждебной к последней политике. — *Е. В.*) и образованием политических партий национальный вопрос в мусульманской прессе стал обсуждаться отдельно; правда, мы подходим к нему немного по-другому, чем в Европе, так как для нас религиозный вопрос и религиозные чувства играют главную роль»[50]. Так охарактеризовал складывавшуюся в начале 1900-х гг. новую парадигму этничности и религиозности боснийских мусульман орган Мусульманской народной партии «Мусават». Мусульманин-босниец, оторванный вследствие австро-венгерской оккупации от большой религиозной общности Османской империи, вынужден был, по образному выражению Фердо Хауптманна, «пуститься в поиски нации»[51].

На исходе XIX в. в связке этничность — конфессия наблюдалось постепенное перемещение центра тяжести с религиозных моментов на национальные. Почти до самого конца 1890-х гг. национально-политически ангажированную часть боснийско-мусульманского общества продолжали волновать преимущественно проблемы, связанные с церковными делами, с положением ислама в оккупированной христианами Боснии. В 1895 г. мусульмане Травника сначала протестовали против католическо-хорватской пропаганды в городской гимназии, а в конце 1896 г. группа почтен-

---

[48] *Babuna A.* Op.cit. S. 125.

[49] *Babuna A.* Op.cit.

[50] «Musavat». 13.XI.1906. Цит. по: *Babuna A*. Op. cit. S. 156. Arhiv Bosne i Hercegovine. ZMF. BH. Pr. 76/1900. S. 6–26. Цит. по: *Babuna A*. Op. cit. S. 126.

[51] *Babuna A*. Op. cit.

ных граждан Сараево вручила муфтию целый ряд требований, в числе которых были: строгое соблюдение исламских догм в городской гимназии и в школах для девочек, расширенное применение османской письменности и языка в реальных училищах («рушди») и педагогических училищах и ряд других[52].

Рубежом, обозначившим эволюцию этноконфесионального самознания в национальное самосознание, стал 1899 г., когда в масштабах всей страны развернулось организованное движение за культурно-религиозную автономию. Но любопытно, что поводом и к этому чисто светскому, политическому оппозиционному движению послужил незначительный в общем-то инцидент сугубо религиозного характера. Он случился в одной деревне недалеко от Мостара, где была похищена, якобы, и обращена в христианство девушка-мусульманка. Неважно, что историку Мухаммеду Хаджияхичу спустя четыре десятилетия удалось неопровержимо установить, что Фата Оманович, как звали оную девицу, сама, по собственной доброй воле, из-за семейных неурядиц покинула отчий дом и добровольно, без всякого принуждения приняла христианство[53].

Не важно было, что ажиотаж, поднятый вокруг мнимой угрозы обращения мусульман в христианство, не имел под собой никакой реальной почвы, и это легко подтверждается статистикой. Статистика же свидетельствует о том, что в течение двадцати лет, с 1879 по 1899 г. во всей Боснии поменяло религию 144 человека, причем из православной церкви вышло 29 человек (перешло в православие 58), из мусульманской — 32 (перешло 29), из католической, соответственно 79 и 46 человек[54]. Из приведенных цифр следует, что нетто потери ислама в последние два десятилетия XIX в. составили скромную цифру — всего 3, в то время как католицизм, протежируемый государственной властью, понес наибольшие потери.

Таким образом, ни о каком массовом отказе от мусульманства, ни о какой, следовательно, угрозе позициям ислама в Боснии не могло быть и речи. Важен был общественный резонанс, который имел место в наэлектризованной конфессионально-национальными

---

[52] *Kraljačić T.* Kalajev Režim u Bosni i Hercegovini 1882-1903. Sarajevo, 1987. S. 400–402 (Arhiv Bosne i Hercegovine. ZMF. BH. Pr. 76/1900. Цит по: *Babuna A.* Op.cit. S. 147.

[53] *Hadžijahić M.* Borba bosanskih Muslimana za vjersko-prosvjetnu autonomiju // Pregled. 1968. N°3. S. 295–298; Ibid. S. 122.

[54] *Hauptmann F.* Borba Muslimana... S. 694; Arhiv Bosne i Hercegovine. ZMF. BH. Pr. 1100/1901. Цит по: *Babuna A.* Op. cit. S. 140; Arhiv Bosne i Hercegovine. ZMF. BH. 1670/ 1900. S. 29. Цит по: *Babuna A.* Op. cit. S. 119–120.

страстями атмосфере, легко превращающей любой вздорный слух в сенсацию государственного масштаба. Именно по этой причине случай с Фатой вызвал сильнейшее возбуждение во всей мусульманской Боснии, положив начало оппозиционному политическому движению национального масштаба.

Движение протеста возглавил влиятельный и энергичный муфтий Мостара Али Фахми-эффенди Джабич, который был избран руководителем комитета действия. Меньше чем за год, с февраля по декабрь 1900 г., «мусульмане сумели организовать политическое движение в масштабах всей страны, создать политическую структуру, которой предстояло сыграть значительную роль в последующие 40 лет»[55].

Правительству пришлось идти на попятную, искать компромисс с движением мусульман. В декабре 1900 г. в Сараево приехал сам Каллай и принял делегацию комитета во главе с Джабичем. Ему был вручен меморандум, первый программный документ национального движения боснийских мусульман, и проект устава Боснии и Герцеговины. Меморандум, полагает исследователь, «был ясным признаком политизации мусульманской этничности»[56]. Суть обоих документов (меморандума и устава) сводилась к требованию предоставления стране автономного статуса. Но в документах содержались теоретические положения, важные с точки зрения теории и идеологии движения мусульман. В них неоднократно применялся термин «исламский народ» и «исламская нация» («islamski millet»), но неизменно в тесной связи с мусульманской религией[57].

Меморандум содержал целый ряд специфических религиозных требований и жалоб. На одну из последних стоит обратить особое внимание. В меморандуме указывалось, что земельное правительство «оказывает меньше влияния на католические элементы, в то время как ислам и православие, исповедуемые большинством населения, находятся под строгим контролем, что создает привилегированное

---

[55] *Babuna A.* Op. cit. S. 114. «Хочешь ли ты остаться мусульманином, или стать христианином?», «Хочешь ли ты жить как подданный султана или же кайзера Франца Иосифа?», «Ислам в опасности!» – такими далеко не безобидными приемами агитации пользовались боснийские оппозиционеры в своей агитации.

[56] Arhiv Bosne i Hercegovine. ZMF. BH. 1670/ 1900. S. 29. Цит. по: *Babuna A*. Op. cit. S. 119–120.

[57] HHStA. BA. Berichte. N°26 res. Указывалось при этом срастание конфессии с этносом в период 400-летнего османского господства: «Islamski narod sä islamom srašao vec više od 400 godina». Агитаторы оппозиции чаще пользовались другим лозунгом: «islamski din (религия, по-турецки), islamska vjeraje u pogibelji, moramo nju osigurat».

положение для католической религии, которая является одновременно религией и самого правительства, вследствие чего возникает несправедливая ситуация»[58]. Приведенный отрывок ясно указывает на наступившее сближение между национальными движениями сербов и мусульман. Он также свидетельствует об определенном успехе усилий сербских политических лидеров наладить сотрудничество двух народов в борьбе за автономию Боснии и Герцеговины[59].

Со ссылкой на статью вторую Енипазарской конвенции от 21 апреля 1879 г. авторы меморандума требовали беспрепятственной реализации полной свободы религии для мусульман, а также права на свободное общение с верховными церковными инстанциями мусульман в Стамбуле. Целый ряд положений меморандума относительно языка и шрифта указывал на стремление тесно увязать этничность с конфессией, инновации с традиционализмом, архаичность с веяниями современности. Так, мусульманско-боснийский национализм нового образца горячо ратовал за расширенное применение в общественной жизни «османского языка», под которым подразумевался живой язык, которым они пользовались — язык с арабским шрифтом и славянским содержанием[60].

Каллай был готов идти на существенные уступки в школьных делах, в вопросах управления вакуфами, но решительно отказался допустить образование автономной национально-политической административной единицы мусульман, т. е. «политического фактора, равнозначного государству в государстве», министр был полон решимости «избегать всего того, что могло бы привести к созданию политической мусульманской нации, „Narod"»[61]. Каллай решительно противился этим устремлениям и потому, что они шли вразрез с его собственным представлениям о будущем Боснии и Герцеговины, о путях развития народов страны. В течение всей своей двадцатилетней деятельности Каллай руководствовался идеей создания единой боснийской политической нации трех населявших страну народов.

---

[58] HHStA BA. 444. Bosnien. B3E. Konstantinopel.c / Bosnische Malcontenten – Agitationen, Informationen, Beschwerdeschriften. 173 / Pr. B. H. Каллай -Голуховскому, 11.II.1902.

[59] Ibid. N°26 res. Донесение консула Австро-Венгрии в Ускюбе от 5 марта 1902 г.

[60] См.: Sammlung der für Bosnien und Hercegowina erlassenen Gesetze, Verordnungen, und Normalweisungen 1878–1880. Wien, 1881. Bd. l.S. 3.

[61] Arhiv Bosne i Hercegovine. ZMF. BH. Pr. 1100/1901. Цит. по: *Babuna A*. Op.cit. S. 140.

Начавшиеся в 1900 г. трудные переговоры продолжались в течение всего 1901 г., но ощутимых результатов не дали. В январе 1902 г. Джабич с группой своих сторонников отправился в Стамбул, чтобы заручиться поддержкой правительства Османской империи. Лидер боснийской оппозиции при этом исходил из того, что ухудшение отношений между Россией и Австро-Венгрией создает более благоприятную почву для оказания давления на монархию Габсбургов[62].

Переговоры с Каллаем по проекту устава мусульманской автономии потерпели неудачу; не удалось осуществить и более масштабную концепцию «боснийской нации» Бенямина Каллая, самого «далеко-смотрящего» и «концептуального» государственного деятеля Австро-Венгерской монархии на Балканах. Очевидно, что Каллай искренно и честно стремился к сотрудничеству с мусульманами, хотя бы для того, чтобы предотвратить создание устойчивого союза национальных движений двух ведущих народов Боснии и Герцеговины — сербов и мусульман. Его политика в отношении мусульман, как полагает знаток боснийской истории Смаил Балич, была действительно «великодушна и благоприятна для мусульман»[63].

Однако воодушевленная национальной идеей оппозиция добивалась по меньшей мере культурно-национальной автономии и была близка к тому, чтобы преступить границы самой же ею провозглашенной лояльности. В 1902 г. она рискнула направить в Стамбул представительную делегацию во главе с Джабичем. От имени султана депутация официально была приглашена во дворец Йылдыз-Киоск. Узнав об этом, Каллай немедленно распорядился установить через дипломатические органы и агентурным путем тщательное наблюдение за действиями делегации. Благодаря этому в Венском архиве отложились некоторое количество документов, дающих представление о характере и результатах дипломатической акции боснийско-мусульманской оппозиции[64]. Турки, конечно, не могли упустить такого случая, чтобы отказать себе в удовольствии досадить Вене и заодно добиться от нее определенных уступок в свою пользу, расширить свое влияние на конфессионально-политическую

[62] Arhiv Bosne i Hercegovine. ZMF. BH. Pr. 1100/1901. Цит. по: *Babuna A*. Op.cit. S. 140.

[63] HHStA BA. 444. Bosnien. B3E. Konstantinopel.c / Bosnische Malcontenten – Agitationen, Informationen, Beschwerdeschriften. 173 / Pr. B. H. Каллай-Голуховскому, 11.II.1902.

жизнь мусульман Боснии и Герцеговины, на фактическую институционализацию вмешательства стамбульского шейх-уль-ислама на назначение должностных лиц мусульманской церкви в провинциях.

Поощряя боснийскую оппозицию, Стамбул, однако, не собирался довести дело до открытой ссоры с империей Габсбургов, в которой он нуждался в качестве противовеса могущественной Российской империи, а также Сербии с Черногорией. Когда делегация предприняла попытку заручиться поддержкой Порты в приобретении «автономного самоуправления под протекторатом султана», то она получила ясный и однозначный ответ личного представителя султана Эдхем-паши: «При существующих условиях вмешательство султана в управление оккупированными странами было бы неуместно...». В заключение турок указал на то, что ослабление Австро-Венгрии в результате «введения автономии под султанским протекторатом, в силу численного превосходства сербско-ортодоксального населения, приведет к включению страны в состав будущей Великой Сербии»[65].

Угрожавшие стабильности провинций и самой империи тенденции нашли дальнейшее развитие и углубление после аннексии их в 1908 г.

Аннексия, как известно, сделала невозможным какое-либо компромиссное решение сербского национального вопроса в рамках монархии. Резко усилилась поощряемая правительством в Белграде подрывная деятельность легальных и полулегальных сербских организаций на территории Австрии, Венгрии и, в особенности, Боснии и Герцеговины. Сбылось предсказание российского посла в Вене о трудностях, ожидающих Австро-Венгрию в оккупированных провинциях, который указывал на неизбежность «подстрекательства агентов Сербии»[66]. Хорошо понимая угрозу внутренней стабильности монархии, исходившую от южного соседа, австро-венгерские

---

[64] HHStA BA. 444. Bosnien. B3E. Konstantinopel.c / Bosnische Malcontenten – Agitationen, Informationen, Beschwerdeschriften. 173 / Pr. B. H. Каллай-Голуховскому, 11.II.1902.

[65] HHStA. Wien. Berichte N 26 res. Донесение консула Австро-Венгрии в Ускюбе от 5 марта 1902 г.

[66] АВПРИ. Ф. Главный Архив. У-А2. Оп. 81. Д. 829. Л. 41. В частном письме от 3/15 июня 1878 г. Н. К. Гирсу посол в Вене Новиков, перечисляя проблемы и трудности, с которыми Австро-Венгрия столкнется в оккупированных провинциях, назвал и «неизбежное подстрекательство Сербских агентов и если не самой Порты, то, наверное, турецких чиновников...».

секретные службы внимательно следили за деятельностью легальных и полулегальных террористических сообществ сербов королевства в предвоенные годы[67].

Нарастающее воздействие открыто враждебного империи Габсбургов внешнеполитического курса Белграда, также как влияние неуклонно радикализировавшегося в 1908–1914 гг. национального движения сербов Австрии и Венгрии на сербский народ Боснии и Герцеговины, мотивировали столь же последовательно стремление правящих кругов дуалистической империи покровительствовать национально-конфессиональному сплочению боснийско-мусульманского народа Боснии и Герцеговины с тем, чтобы создать в его лице сильный противовес сербско-православному элементу.

Таким образом, не будет преувеличением тезис о том, что в австро-венгерский период истории Боснии и Герцеговины произошел резкий скачок в становлении и развитии этнонационального сознания боснийских мусульман. Хотя оно, вероятно, не достигло той степени зрелости и организованности, что характеризовали сербскую и хорватскую общины Боснии и Герцеговины, имевшие перед мусульманами преимущество в уровне социально-экономического и культурного развития европейской модели.

В буржуазно-либеральных условиях Австро-Венгерской монархии сербы и хорваты сумели быстрее и органичнее вписаться в процесс модернизации общества, нежели их мусульманские соплеменники, создать широкую сеть просветительских и образовательных учреждений и политических организаций, работавших так или иначе на национальную идею — сербскую и хорватскую. Кроме всего этого, национальная идея прямо или косвенно поддерживалась за пределами Боснии и Герцеговины по церковной линии наличием независимых государственных образований в лице Сербии и Черногории и, в определенной мере, также Хорватии-Славонии, — автономного образования в составе королевства Венгрии.

Очень точно и исчерпывающе полно очерчены роль и место православной церкви в общественно-политической жизни сербов

[67] В 1908–1913 гг. в Военную канцелярию эрцгерцога Франца-Фердинанда поступало множество подобных донесений секретных служб. В одном из них сообщалось о создании «в Сербии тайных организаций (“Черная рука”, “Единение или смерть”) с программой устранить всех лиц, выступающих против осуществления “великосербской идеи”, создания “Великой Сербии”. Особую тревогу у властей вызывало “участие многих офицеров” королевской сербской армии в этих организациях».

Османской империи в одном из новейших исследований В. М. Хевролиной. «Православная церковь в славянских землях Османской империи, — говорится в нем, — выполняла важнейшую политико-пропагандистскую и культурно-образовательную миссию, была фактором, во многом определявшим развитие политического и национального самосознания населения»[68].

Необходимо, вместе с тем, иметь в виду, что масштабность, глубину и размах общественных, точнее национально-политических функций ортодоксия приобрела после того, как Босния и Герцеговина, выйдя из состава исламского теократического государства, каковым халифат продолжал оставаться и после реформ Мидхата-паши, оказались под властью христианской династии Габсбургов, исторически имевшей не меньше оснований считать себя покровительницей христианской веры на Балканах, чем дом Романовых.

Попытки обрести влияние на боснийскую православную церковь предпринимались монархией еще задолго до завоевания османских провинций, Так, в 1853 г. специально для боснийцев и черногорцев внешнеполитическое ведомство империи открыло вакансии в далматинской духовной школе в г. Зара (Задар). Четыре года спустя школы по подготовке православного духовенства были открыты в самой Боснии и Герцеговине — в городах Сараево и Зворник. А несколько позже также и городе Баня Лука. Католическая держава оказывала покровительство не только единоверцам-католикам вне пределов своих границ, но и своим собственным православным подданным [69]. Австрийская же казна в первой половине 70-х гг. XIX в. начала субсидировать реставрацию православных храмов в Сараево [70].

---

[68] См.: *Хевролина В. М.* Православная церковь в Боснии и Герцеговине в 50–70-х годах XIX в. и Россия // Церковь в истории славянских народов / Отв. ред. И. В. Чуркина. М., 1997. С. 195.

[69] Австрийская же казна в первой половине 70-х гг. XIX в. начала субсидировать реставрацию православных храмов в Сараево. HHStA. Wien. Berichte Generalkonsul Theodorovich, Saraevo, 10.V.1875.

[70] *Slijepčević D.* Istorija srpske pravoslávne crkve. München, 1965. Bd. 2. S. 540. К подобного рода пропагандистским акциям можно отнести, пожалуй, предпринятые монархией еще задолго до завоевания османских провинций попытки обрести влияние на боснийскую православную церковь. Учитывая бедность ортодоксальной общины и отсутствие у нее возможности подготовки образованных служителей церкви, в 1853 г. внешнеполитическое ведомство империи открыло вакансии специально для боснийцев и черногорцев в далматинской духовной школе в г. Зара (Задар). Четыре года спустя с австрийской помощью школы по подготовке православного духовенства были открыты в самой Боснии и Герцеговине – в городах Сараево и Зворник. А несколько позже также

И в этом плане Австрия имела давнюю и освященную силой законов и императорских дипломов традицию.

После оккупации Боснии и Герцеговины в правовом отношении положение ортодоксии осталось прежним. Сохранилось подчинение трех ее епархий — мостарской, зворникской и сараевской — от константинопольского патриархата, что имело весьма негативные последствия.

Енипазарская конвенция, заключенная между Портой и монархией 1879 г., закрепила за Стамбулом верховную духовную власть не только над боснийскими мусульманами, но над православным населением провинций. Православная церковь осталась в подчинении константинопольского патриарха, которым распоряжались греки-фанариоты и эллинизированные болгары, обращение которых с сербами-ортодоксами было, мягко говоря, не совсем корректным. Выпавшие на долю сербов унижения, оскорбительные всякого рода стеснения, вплоть до вымогательств денег и прочих материальных благ, ярко описаны В. М. Хевролиной[71].

Подспудно, однако, во взаимоотношениях православной митрополии и светской власти произошли существенные перемены. Они касались всего балканского православия, которое начиная с 1830-х гг. стремительно теряло свой универсализм. С обретением Грецией независимости в 1833 г. процесс «национализации» ортодоксии на Балканах приобрел необратимый характер. А в 1870–1872 гг. последовало учреждение Болгарского экзархата.

Перед властями империи Габсбургов встала задача определения места православных епархий обеих провинций в церковной иерархии ортодоксии. Самым простым, логичным, а также желанным для многих верующих казалось присоединение к могущественному Карловацкому патриархату.

Белград и Санкт-Петербург, однако, настаивали на автономии православной церкви в Боснии и Герцеговине, отдавая предпочтение далекому Константинополю перед близким Карловацем, присоединение к которому должно было неминуемо привести к усилению влия-

и в городе Баня Лука. HHStA. Wien. Thun an Buol. 17.II.1854. См. Также: *Turczynski E.* Ortodoxe und Unierte // Die Habs-burgermonsrchie 1848–1918. Bd. 4. Die Konfessionen. Wien, 1985. S. 446–447.

[71] *Хевролина В. М.* Цит. соч. С. 195. Конечно, следуя логике изложения, можно предположить, что сербы-священнослужители, будь они хозяевами положения, в аналогичных условиях вели бы себя совершенно иначе, не так, как их греческие коллеги с их красочно описанными автором дурными наклонностями и нехристианскими пороками.

ния империи и в церковно-духовной сфере. Габсбургам пришлось в этом вопросе уступить, оговорив себе лишь право предварительной санкции на назначение митрополитов. После длительных переговоров и согласований в марте 1880 г. родился конкордат (соглашение) между империей и патриархатом, формально подтвердивший иерархический старый порядок вещей, гарантировавший боснийской православной церкви достаточно широкую автономию[72].

Пользуясь этой автономией, православная церковь сумела за сравнительно короткий срок, последовавший за конкордатом, значительно развить свою инфраструктуру. Так, в 1901 г. была основана новая, четвертая по счету епархия, а также высшая судебная инстанция по церковным делам. Целых четыре митрополии на 800 тысяч верующих православных обеих провинций было не так уж плохо. Для ведения епархиальных дел в Сараево и Мостаре были учреждены консистории, которые финансировались за счет австро-венгерской казны, так же как теологическое учебное заведение в Сараево с интернатом и полным материальным обеспечением на 50 послушников. Только за двадцать лет оккупационного режима (1878–1898 гг.) земельное правительство потратило 2,5 млн флоринов на строительство и реставрацию более двухсот православных церквей и монастырей[73].

В первые годы XX в., однако, боснийско-православная община стала добиваться расширения сербской церковной автономии до уровня самоуправления, которым пользовались сербы королевства Венгрии, закрепления за боснийскими сербами формулы о «сербско-ортодоксальной национальности». Естественно, что не только правительство Венгрии, но и австрийский кабинет, также как и венский двор, категорически отвергли эти домогательства. Не желали они признавать боснийских сербов частью сербской нации. Путь к этому признанию был закрыт, собственно говоря, отказом самой ортодоксальной общины перейти под руку патриарха Карловацкого, что распространением на них прав и привилегий сербской ортодоксии Венгрии автоматически снимало всю проблему. Потерпело неудачу православное духовенство также в своей попытке

[72] *Slijepčevič D*. Istorija srpske pravoslávne crkve. München, 1965. Bd. 2. S. 540. См. так же: *Turczynski E*. Ortodoxe und Unierte // Die Habs-burgermonsrchie 1848–1918. Bd. 4. Die Konfessionen. Wien, 1985. S. 446–447.

[73] HHStA. P. A.Türkei. Karton 307. F. 98–100. Berichte. Calice 3n Goluchowski, 27.VII.1898.

монополизировать школьное дело сербов в Боснии и Герцеговине. В своем ответе на эту просьбу австро-венгерские чиновники из общего Министерства финансов не без ехидства заметили, что «веление времени заключается в том, чтобы отобрать у церкви школы и передавать их государству, а не общинам»[74]. И патриархату в Константинополе, и боснийским митрополитам пришлось проглотить пилюлю и признать несовместимость расширения светских компетенций церкви с ее каноническими установлениями. В результате к 1905 г. удалось согласовать и с санкции константинопольского патриархата утвердить Организационный статут православной церкви сербов Боснии и Герцеговины, который и формально допускал вмешательство светских властей в дела церковные[75].

Утверждение австро-венгерскими властями Автономного сербского статуса открыло новую фазу в национальном движении боснийских сербов. Спустя два года после этого, а именно в 1907 г. у них появилась своя политическая партия — «Српска народна организация»[76]. Аннексия страны в 1908 г. привела к дальнейшей радикализации сербского национального движения. Возникла экстремистская «Млада Босна», сыгравшая роковую роль в сараевском убийстве и, в конечном счете, и в развязывании Первой мировой войны[77].

Вслед за тем, в 1907–1908 гг. была основана также первая политическая партия хорватов в Боснии и Герцеговине — «Хрватска народна заедница» (Хорватская национальная общность). Однако поскольку католический клир во главе с епископом Сараевским Штадлером претендовал на то, чтобы быть единственным не только духовным пастырем, но и политическим представителем хорватов в Боснии, то он счел необходимым создать собственную чисто клерикальную партию, назвав ее «Хрватска католичска удруга»[78].

---

[74] 66 Ibid. Karton 311. F. 23–25. Källay an Goluchowski, 21.IV.1904; *Turczynski E*. Op. cit. S. 447–448.

[75] *Imamović M.* Osnivanje i program Srpske narodne organizacije u Bosni i Hercegovini 1907 godine // Istorija XX veka. Zbornik radova. 1972/12.

[76] *Turczynski E.* Op. cit. S. 446–447. Из огромного количества работ, написанных на эту тему в бывшей Югославии и за ее пределами, фундированностью и убедительной продуманностью концепции выделяются хорошо известные специалистам публикации покойного Ю.А. Писарева.

[77] *Daković L.* Politički organizacije bosansko-hercegovackih katolika Hrvata. Ljubljana, 1985. S. 250–270.

[78] *Purivatra A.* Jugoslovensks muslimanska organizacija u političkom životu Kraljvine Srba, Hrvata i Slovenaca. Sarajevo, 1977. S. 15.

Лишь социал-демократическая партия Боснии и Герцговины, возникшая в 1906–1909 гг., строилась не на конфессионально-национальной основе, а на принципах интернационализма. В ее организациях насчитывалось 2030 хорватов, 1619 сербов и 737 мусульман [79]. Религиозный критерий в качестве принципиальной основы политического движения отрицала и партия Хорватской национальной общности, которая отрицала отождествление хорватской национальности с католицизмом, ратуя за создание «интерконфессиональной хорватской национальности»[80].

Рост политической активности трех боснийских этносов и их общественно-политических организаций, равно как сама логика официального упразднения османского суверенитета над провинциями из-за опасения распространения на них младотурецкой конституции, вынудили имперские власти искать выхода из боснийского тупика на почве конституционности и парламентаризма. В феврале 1910 г. Босния и Герцеговина получили квазиконституцию и собственный законодательный орган — сабор (ландтаг), формируемый в основном, за исключением пожизненно назначаемых членов (вирилистов), из депутатов, избираемых этноконфессиональными общностями[81].

Численное соотношение, а также, соответственно, общественно-политический удельный вес и влияние трех этносов в период оккупации и аннексии существенно не менялись. Незначительные сдвиги, хотя и были, но они имели постоянную тенденцию к росту в пользу христианского населения, в особенности сербско-православного. Но не в таких пропорциях, как это представлено в нашей литературе со ссылкой на известного боснийского историка Тепича — соотношение 45% православные сербы против 35% мусульман явно завышено в пользу первых[82]. Австро-венгерская статистика — кстати, не самая худшая в Европе и вполне достоверная — по результатам 4-х цензов дает следующую картину динамики движения населения Боснии и Герцеговины по конфессиональному принципу в абсолютных цифрах и в процентах[83]:

[79] *Daković. L.* Formiranje Hrvatske katoličke udruge // Istorija XX. veka. Zbornik radova. 1972/12.

[80] HHStA. Wien Nachlass Baernreither. K. 41. Bosnien f. 1284.

[81] HHStA. Wien Nachlass Baernreither. K. 41. Bosnien f. 1284; *Хевролина В. М.* Цит. соч. С. 196.

[82] *Hauptmann F.* Die Mohammedaner in Bosnien und Hercegowina // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. 4. Die Konfessionen. Wien, 1985. S. 675.

[83] Ibidem.

Ортодоксы	1879 г. — 496485 (42,8%); 1885 г. — 571250 (42,7%); 1895 г. — 673246 (43%); 1910 г. — 825418 (43,5%)
Мусульмане	1879 — 448613 (38,7%); 1885 — 492710 (36,8%); 1895 — 548632 (35%); 1910 — 612137 (32,2%)
Католики	1879 — 219391 (18,08%); 1885 — 265788 (20%); 1895 —334142 (21,3%); 1910 — 434061 (22,8%)
Другие	1879 — 3675 (0,31%); 1885 — 6343 (0,47%); 1895 — 12072 (0,76%); 1910 —26428 (1,39%)

Общая и основная тенденция абсолютного и относительного роста христианского населения при одновременном уменьшении доли мусульманского элемента объясняется главным образом сокращением естественного прироста у последних, а также характером миграционных движений. Добавим к сказанному более благоприятные социально-экономические условия, а также и более комфортный для католиков и православных психологический климат христианской империи.

Сравнительному благополучию ортодоксии и успеху православного дела объективно способствовала сложность взаимоотношений между двумя половинами двуединой империи, их заметное соперничество в боснийских делах и, не в последнюю очередь, личные политические пристрастия причастных к управлению провинциями государственных деятелей Австрии и Венгрии, австрийских и венгерских чиновников. Существовал определенный раздел полномочий. Исполнительную власть в Боснии возглавлял военный, как правило, австрийский генерал. Ответственность за общее руководство боснийскими делами и боснийской политикой была возложена на общего министра финансов, обычно представителя Венгрии. Отношения между венгерским министром и австрийским генералом, фактически генерал-губернатором, никогда особой сердечностью не отличались ни до, ни после аннексии. И это отчетливо проявилось в ходе Боснийского аннексионистского кризиса 1908–1909 гг.

Указом императора-короля Франца-Иосифа I от 5 октября 1908 г. бывшие османские провинции Босния и Герцеговина были объявлены неотъемлемой частью территории Австро-Венгрии. Начался новый этап не только и не столько в жизни провинций, сколько в развитии европейской политики. Внезапно по незначительному, в

сущности, поводу мир оказался на волоске от большой европейской войны, к которой ни Австро-Венгрия, ни тем более Россия еще не были готовы.

Из острейшего международного кризиса, поставившего Европу на грань военного конфликта, монархия вышла, на первый взгляд, победительницей. Последующие события показали, однако, что мнимая победа была чистейшей иллюзией. Иллюзорной было само признание Европой факта формальной аннексии. Она не приобрела ни вершка земли. Более того, она была вынуждена покинуть стратегически важный Санджак, с которым был связан амбициозный проект строительства железнодорожной линии к Салоникам. Никаких новых дополнительных прав не получили Вена и Будапешт и в отношении управления провинциями. Австро-Венгрия и до аннексии беспрепятственно хозяйничала в Боснии, и ни одна из подписавших Берлинскую конвенцию держав, включая Россию, за все время оккупации ни разу в ее боснийские дела не вмешивалась[84]. Более того, Вена вынуждена была пойти на серьезные уступки Османской империи и подписать новый договор с Портой. Согласно Протоколу от 26.11.1909 г. «Об урегулировании между Австро-Венгрией и Османской империей» дуалистическая монархия отказалась от всех своих прав на Санджак Енипазар, предусмотренных Берлинской конвенцией и договором с Портой от 21 апреля 1879 г., подтвердила свободу отправления культов мусульман, допустила упоминание в публичных молитвах имени султана-халифа. Австро-Венгрия заявила, что не будет чинить никаких препятствий связям мусульман с их верховными церковными авторитетами; было зафиксировано прямое подчинение мусульман шейх-уль-исламу в Константинополе[85]. Конвенция включала положение о неприкосновенности института вакуфов. Это означало, что права вакуфов будут соблюдаться, как и раньше, а движение боснийского общества к модернизации будет по-прежнему замедленным и затруднительным. Турецкие

[84] Захваченная врасплох громким международным скандалом Вена недоумевала по поводу неожиданно резкой реакции европейских держав: «Австро-Венгрия управляла этими провинциями, как управляют собственной территорией... – жаловался венский видный чиновник-правовед. — Политические соображения мешали правительству превратить оккупацию в аннексию, хотя Россия неоднократно предлагала это. В течение всего периода оккупации Австрия и Венгрия осуществляли неограниченное управление провинциями, осуществляли суверенное право, и ни одно иностранное правительство не вмешивалось». HHStA.Wien Nschlass Baernreither. K. 41. Bosnien f. 481.

[85] Ibid. F. 1276.

уступки носили чисто формальный характер. Порта отказалась от всех своих претензий к Австро-Венгрии в связи с аннексией и сняла все свои возражения и по устройству провинций[86].

Вряд ли Вене пришлось бы принять столь унизительные условия договора, если бы не резкий отпор со стороны России и ее союзников односторонней акции кайзера Франца-Иосифа и вызванный аннексией острый международный кризис. Скорее всего, надо полагать, не было бы самого договора и с Портой. По установившейся с давних времен в османо-европейских отношениях традиции, Вене не следовало бы слишком церемониться с Высокой Портой, тем более считаться серьезно. В конечном счете, аннексия оказалась чистейшей авантюрой, в результате которой монархия, ничего не выиграв практически, проиграла очень многое, как в плане международном, так и внутриполитическом.

Аннексия усугубила напряженность во взаимоотношениях двух половин империи тем, что вновь актуализировала вопрос о принадлежности аннексированных провинций, «плывших в воздухе, — по образному выражению сербского депутата парламента Венгрии, — подобно гробу Мухаммеда». Будапештская пресса вновь заговорила об «исторических правах» королевства на Боснию-Герцеговину. Не осталась в долгу, естественно, и пресса венская. К полемике с обеих сторон с энтузиазмом подключились законодатели, а также министры во главе с премьерами. Козырной картой мадьяр было, помимо событий седой старины, действующее австро-венгерское соглашение 1867 г., статья 2-я которого включала текст инаугурационного диплома короля. Он гласил: «Все те части и провинции Венгрии и присоединенных к ней стран, которые уже возвращены ей (т. е. Банат и южные комитаты, находившиеся в созданной в 1849 г. имперской провинции «Сербская Воеводина и Темешварский Банат». — *Е. В.*), и те, которые еще с божьей помощью должны быть ей возвращены (подразумевалась территория Военной Границы, а не Босния, о которой с 1867 г. мало кто вспоминал. — *Е. В.*), в смысле коронационной клятвы реинкорпорируем в состав этой страны и присоединенных к ней стран (т. е. Хорватии-Славонии. — *Е. В.*)». В 1867 г. король Франц-Иосиф торжественно и прилюдно поклялся стоять на страже территориальной целости королевства Св. Иштвана и по возможности даже приумножать его:

[86] Ibid. Ff. 1278–1279.

«Мы клянемся, что мы не позволим отчуждать и сокращать территорию Венгрии и присоединенных к ней стран, вне зависимости от того, по какому праву и под каким титулом они ей принадлежат, более того, мы клянемся, насколько это возможно, увеличивать ее и расширять ее»[87].

Австрийскую позицию, скорее умеренную, чем агрессивную, достаточно твердую в то же время, изложил 21 февраля 1909 г. в статье «Закон об аннексии и государственно-правовой статус Боснии и Герцеговины» известный правовед Э. Бернатцик: Берлинский договор отдал Боснию не Венгрии, а Австро-Венгрии, и обе страны признали это. Король Венгрии не имеет права односторонне решать судьбу Боснии-Герцеговины. Ученый автор напомнил своим венгерским оппонентам: согласно действующему закону об управлении Боснией от 1880 г. «...Всякое изменение отношения этих провинций к Монархии нуждается в согласовании и одобрении законодательствами обеих частей Монархии»[88].

Из-за разногласий между Венгрией и Австрией достичь консенсуса о судьбе аннексированных провинций не удалось, и неопределенное «висячее» положении Боснии в качестве аппендикса-привеска дуалистической системы сохранилось вплоть до крушения двуединой империи. Таким образом, в плане внутриполитическом боснийская акция графа А. Эренталя потерпела полный крах. Исчез последний шанс структурной перестройки монархии в духе планов триализма. Без Боснии-Герцеговины нечего было и думать о создании вокруг католической Хорватии третьего мощного компонента, блока в противовес Венгрии, ориентированного на Вену и преданного династической идее в духе бана Елачича. Вот какие надежды возлагали на аннексию рвавшаяся к власти влиятельная группа наследника престола Франца-Фердинанда и его «интернациональная» бельведерская клика, составленная в основном из оппозиционных к Венгрии политических деятелей славян и румын Австро-Венгрии.

Аннексия представляла тот редкий в практике международных отношений случай, когда она не была непосредственно связана с территориальной экспансией, поскольку акт захвата был совершен еще в 1878 г., причем вполне «легально» по господство-

---

[87] HHStA.Wien Nschlass Baernreither. K. 41. Bosnien f. 1285. См. также: *Steinbach G.* Die bosnische Verfassung. Tubingen, 1911.

[88] *Bernatzik E.* Das Annexingesetz u. die staatsrechtlichen Verhaltnisse Bosniens und der Herzegowina // N. Fr. Presse, 21.XII.1909.

вавшим тогда понятиям. Она была рассчитана в первую очередь на радикальную структурную реформу монархии, с тем чтобы вывести ее из тупика дуализма.

Между тем в самой Боснии как аннексия, так и связанные с нею планы триализации Дунайской монархии вызвали противоречивую реакцию. Реакция боснийских сербов была естественна и логична. Аннексия перечеркивала их давние надежды на воссоединение с Сербией, присоединение же провинций к Хорватии было неминуемо сопряжено с потерей того относительно благоприятного статуса и положения, которым они пользовались при дуалистической системе управления провинциями.

Боснийские сербы выступали за неограниченную автономию края, поскольку выступление под лозунгом «Великой Сербии» было бы равносильно по законам империи государственной измене. Сербы категорически возражали против любых вариантов присоединения провинций в какой-либо части империи.

Оригинальную позицию заняли лидеры боснийцев. Они воспротивились планам присоединения к Хорватии, не без оснований опасаясь чрезмерного усиления влияния католицизма. Но не возражали против присоединения Боснии к Далмации, которой управляли австрийцы. Та часть мусульман, которая примирилась с аннексией, предпочитала иметь над собой власть австрийцев, а не хорватов[89].

Но все же далматинский вариант у большинства мусульман не вызывал особого восторга. Для боснийцев-мусульман, как и сербов, оптимальным решением была бы автономия, ибо в автономной Боснии они имели бы больше шансов на реализацию своих национальных интересов, чем в провинции с подавляющим перевесом христианского населения. Автономия в глазах сербов являлась не самоцелью, а лишь промежуточным решением, оставлявшим более благоприятные шансы на присоединение к Сербии в будущем. Позиции сербов и мусульман были достаточно близки, поскольку и мусульмане предпочтение отдавали автономному статусу. Хорт Хазельштайнер, большой знаток балканских проблем, сам выходец из Воеводины, одинаково хорошо владеющий и мадьярским, и сербским языками, выражая точку зрения современной австрийской историографии, подчеркивает: «Лишь в одном полностью совпадали

[89] *Haselsteiner H.* Bosnien-Hercegowina. Orientkrise und Südslavische Frage. Wien; Köln; Weimar, 1996. S. 105: «Najbolje nam je ispod Švabe», говорили босняки.

желания трех боснийских народов: это в единодушном нежелании присоединиться к Венгрии» [90].

Решительно не хотели включения провинций в состав Венгрии сербы, отчасти и мусульмане. Сложнее обстояло дело с хорватами: боснийские хорваты могли рассчитывать на присоединение страны к Хорватии только через Венгрию, посредством и через инкорпорацию Боснии-Герцеговины в королевство Св. Иштвана. В целом же народы Боснии-Герцеговины в отличие от держав Антанты были озабочены не аннексией в первую очередь, а будущим устройством своей страны.

Босния-Герцеговина заметно спокойнее восприняла аннексионистский указ Франца-Иосифа, чем Россия и ее союзники, не говоря уже о Сербии.

Генеральный инспектор офицерских школ общей армии фельдмаршал Мориц фон Ауффенберг-Комаров, будущий военный министр Австро-Венгрии, по долгу службы часто навещавший Боснию, побывавший там в разгар аннексионистского кризиса со специальным поручением военного министра монархии, а также и начальника генштаба генерала Конрада установить подлинную картину происходящих в провинциях событий, был поражен, «удивительным спокойствием», которое царило в Боснии-Герцеговине в самый разгар «Боснийского кризиса»[91]. От того, видимо, что в условиях жизни населения ничего ровным счетом не изменилось. К худшему, во всяком случае. Наоборот, провинция получила конституцию, хотя и куцую, но достаточно либеральную, чтобы обеспечить более или менее нормальное функционирование самоуправления на муниципальном уровне и деятельность политических партий, в том числе и оппозиционных.

Трансформация этноконфессионального сознания в сознание национальное получила существенное ускорение на рубеже двух веков. Особенно интенсивно этот процесс происходил в ка-

[90] *Haselsteiner H.* Bosnien-Hercegowina. Orientkrise und Südslavische Frage. Wien; Köln; Weimar, 1996. S. 105

[91] HHSA KA. (Kriegssrchiv) 1909. Jänner 1. Fedmsrschallleutnsnt Moritz von Auffenberg Memorandum über die politische und und militärische Situation im Südosten der Monarchie. См.: *Haselsteiner H.* Bosnien-Herzegowina. Orientkrise und Südslavische Frage. Wien; Köln; Weiirmr, 1996. S. 96–97. Составленные им обстоятельные отчеты-меморандумы были представлены кайзеру Францу-Иосифу. Эренталь со своей стороны перед поездкой генерала в Сараево просил его «основательно выяснить настроения» боснийцев.

нун Первой мировой войны. Зримыми его вехами стали боснийский (аннексионистский) кризис 1908–1909 гг., две балканские войны 1912–1913 гг., июльский 1914 г. Сараевский кризис, т. е. международно-политические события исторической значимости, прямо либо косвенно связанные с боснийскими делами и со всем комплексом югославян-ской и южнославянской проблем вообще.

Аннексионистский кризис выдвинул Боснию-Герцеговину на авансцену международной политики. Она стала объектом внимания обоих военно-политических блоков, готовившихся к «переделу уже поделенного мира», а также и двух соседних королевств, боснийские амбиции которых могли иметь шанс на реализацию лишь в случае крупного военного конфликта с участием Австро-Венгрии. Для монархии Босния стала экспериментальным полем для подтверждения ее статуса великой державы и жизнеспособности как таковой. Для Сербии и Черногории — предметом вожделений, связанных с осуществлением великосербской идеи. Либерализм австро-венгерского режима и практическая прозрачность границ империи позволяли великосербской агитации, в сущности, беспрепятственно распространяться среди югославян провинции. Не помешали ей и усилившиеся после аннексии репрессии со стороны оккупационных властей и несколько проведенных показательных процессов против участников радикальных организаций. Постоянное воздействие внешнего фактора усиливало внутреннюю напряженность в боснийском обществе, разделенном на три конфессии-национальности.

Этот боснийский кризис в отличие от прежних и будущих был чисто международным, не имевшим существенной внутриполитической или межнациональной подоплеки. Смею высказать предположение, что «пороховым погребом» Боснию сделало соперничество держав, пытавшихся использовать аннексию для решения собственных проблем в резко обострившемся противостоянии двух империалистических блоков. Внутриполитические и межнациональные противоречия в самой Боснии не носили тогда непримиримого антагонистического характера и не могли создать критическую ситуацию и превратить страну в тлеющий очаг континентального пожара.

В сложившейся вокруг Боснии обстановке страна превратилась в очаг международной напряженности, в котором любой международный инцидент, любая мало-мальски заметная террористическая акция могла стать детонатором общеевропейского взрыва. Так и случилось летом 1914 г. Детонатором взрыва, искрой, кото-

рый зажег мировой пожар, явилась акция сербских террористов, совершивших убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда и его ни в чем не повинной супруги 28 июня 1914 г. Местом семейной трагедии династии Габсбургов, переросшей в трагедию мировую, стал главный город Боснии — Сараево. Акт международного терроризма положил начало Сараевскому кризису.

Когда Австро-Венгрия развалилась на куски, в Боснии-Герцеговине, вопреки ожиданиям ее зарубежных благодетелей, вовсе не царила повсеместная всеобщая радость. Кое-кто из не искушенных в высокой политике боснийцев даже выражал сожаление и опасение в «светлом завтра» освобожденной от австро-венгерского ига страны: ««Nesta Franc, nesta brane» («Нет Франца-Иосифа, нет защиты», или «Ode švabo, ode bábo» — «Ушел шваб, ушел отец»)[92].

[92] *Balić S.* Das unbekannte Bosnien. Op. cit. S. 38.

А. Н. Птицын

Переселенцы из австро-венгерских земель на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX века)

Северный Кавказ с давних времен служил своеобразным «перекрестком» различных миграционных потоков. Во второй половине XIX столетия здесь появились и переселенцы из земель Центральной и Юго-Восточной Европы, входивших в то время в состав Австро-Венгерской монархии. Для этого государства был характерен высокий уровень эмиграции, вызванный, прежде всего, социально-экономическими причинами — перенаселенностью аграрных регионов и их экономической отсталостью, крестьянским малоземельем, высоким уровнем безработицы, последствиями экономических кризисов и т. п.[1] В определенной степени эмиграцию обуславливали также национальные противоречия, достаточно острые в монархии. В этой связи следует отметить, что в своем большинстве австро-венгерские переселенцы в России принадлежали к различным славянским народам, ощущавшим свое национальное неравноправие в Двуединой империи.

Главным объектом притяжения жителей Австро-Венгрии являлись США. Россия также была одним из центров австро-венгерской эмиграции. Как известно, в дореволюционный период наша страна привлекала множество иностранных переселенцев. Россия в их глазах являлась «страной больших возможностей», дающей простор для приложения труда, капитала, предприимчивости. Важную роль играла также политика российского правительства, ориентированная на привлечение иностранных переселенцев.

Следует отметить, что проблемы миграции из Австро-Венгрии в нашу страну изучены недостаточно. В историографии подробно рассматривался лишь один из аспектов этой проблемы — переселение чехов в Россию. Данной теме посвящен ряд работ чешских историков — Я. Ауэргана, Я. Сватоша, Й. Йирасека, И. Савицкого, Я. Вацулика, В Доубека и др.[2] Чешскую диаспору в дореволюци-

---

[1] *May A. J.* The Habsburg Monarchy 1867–1914. Cambridge (Mass.), 1960. P. 168.

[2] *Auerhan J.* Čecké osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze. Praha, 1920; *Svatoš J.* Čeckoslovenká emigrace na Kavkaze // Naše zahraniči. 1927. VIII; *Jirasek J.* Rusko a my. I–IV. Praha-Brno, 1945–1946; *Vaculík J.* Dějiny volyňských Čechů. Dil I. Léta 1868–1914. Praha, 1997; *Savický I.* Osudová setkání. Čeči v Rusku a Rusové v Čechách. 1914–1938.

онной России плодотворно изучали и отечественные авторы — К. А. Пушкаревич, К. И. Ровда, Л. С. Кишкин, И. А. Герчикова, З.С. Ненашева, Е. П. Серапионова, И. М. Порочкина и И. В. Инов, С. А. Волкова и др.[3] В то же время, обобщающего труда по данной тематике до сих пор не создано. Проблемы переселения в Россию представителей других народов Австро-Венгрии рассматривались лишь фрагментарно. Также нет работ, характеризующих положение австро-венгерской диаспоры в нашей стране в целом.

Проблемы, связанные с переселением чехов и других жителей Габсбургской монархии на Северный Кавказ, также исследованы недостаточно. Отдельные аспекты этой темы рассмотрены в названных выше работах чешских и российских историков. Свой вклад внесли и историки, работающие в северокавказском регионе — И. В. Кузнецов, Г. А. Беликов, В. С. Пукиш, Е. В. Домашек и др.[4] Впрочем, комплексное исследование данной проблемы является делом будущего.

Трансграничная миграция между Австро-Венгрией и Россией во второй половине XIX – начале XX века была весьма интенсивной. По статистическим данным, в то время среди пересекавших границу нашей страны иностранных граждан австро-венгерские подданные неизменно занимали первое место. Развитию миграци-

---

Praha, 1999; *Doubek V.* Čecká emigrace do Ruska v druhé polovině 19. století. Dobové interpritace // 150 let Slovanského sjezdu (1848). Historie a současnost. Praha, 2002 и др.

[3] *Ровда К. И.* Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур. 1870–1890. Л., 1978; *Кишкин Л. С.* Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. М., 1983; *Герчикова И. А.* Чехи в России: история продолжается // Славяноведение. 2002. № 5; *Ненашева З.С.* Начало эмиграции чехов в Россию в середине XIX века // Slovanské historické studie. Sv. 29. Praha, 2003; *Порочкина И. М., Инов И.В.* Чехи в Санкт-Петербурге. СПб., 2003; *Волкова С. А.* Чешская эмиграция в Крым и основание колоний во второй половине XIX века // Чехи в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь, 2005; *Серапионова Е. П*. «Лица чешской национальности» // Родина. 2006. № 4 и др.

[4] *Кузнецов В. И.* Чехи // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998; *Беликов Г. А.* Ставрополь – врата Кавказа. Ставрополь, 1997; *Пукиш В. С.* Штрихи к портрету чешской колонии Екатеринодара и Новороссийска в начале I мировой войны // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 14. М.-Армавир, 2008; *Он же.* К вопросу о конфессиональной принадлежности и календарной обрядности чехов Кавказа (конец XIX – начало XX в.) // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4. Краснодар, 2008; *Он же.* О словацких переселенцах на Кавказе // Кубанский сборник. Т. III. (24). Краснодар, 2008; *Домашек Е. В*. История чешских поселений Черноморского побережья Северного Кавказа (вторая половина XIX в. – 1914). Дисс… канд. ист. наук. Краснодар, 2007; *Птицын А. Н.* Австро-венгерские предприниматели в России в конце XIX – начале XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. Научно-теоретический журнал. Пятигорск, 2008. № 5 и др.

онного движения способствовали географическое положение двух соседних стран, связанных разветвленной транспортной системой, тесные экономические связи, непрерывное политическое и культурное взаимодействие между ними.

Миграция австро-венгерских подданных на восток стала массовой во второй половине XIX века, хотя отдельные переселенцы из австрийских, венгерских, чешских и хорватских земель были отмечены еще во времена Московской Руси. По данным российской статистики, с 1828 г. по 1915 г. в нашу страну переселилось 888 тысяч габсбургских подданных, что составляло 21,4% от общего количества иностранных выходцев[5].

При этом в течение 1828–1850 гг. в Россию прибыло всего 13 тыс. иммигрантов из Габсбургской монархии. С 1851 по 1860 г. это число составляло 43 тыс. человек. Затем масштабы иммиграции резко возрастают: в 1861–1870 гг. — 146 тыс., в 1871–1880 — 267 тыс., 1881–1890 гг. — 287 тыс. человек. Затем иммиграционный поток идет на спад, количество переселенцев в 1890–1900 гг. составило 102 тыс. человек[6]. Эта ситуация объясняется, в первую очередь, произошедшей в это время переориентацией миграционных потоков из Австро-Венгрии в пользу США. Кроме того, сказалось и ухудшение межгосударственных отношений между Россией и Габсбургской монархией, наступившее после распада «союза трех императоров». В первое десятилетие XX века миграция из Австро-Венгрии в Россию имела отрицательный баланс, что было связано с выездом переселенцев на свою родину под влиянием революционных событий 1905–1907 годов, а также с резким ухудшением двухсторонних отношений в период Боснийского кризиса. Однако накануне Первой мировой войны численность иммигрантов из Габсбургской монархии вновь стала возрастать. С 1910 по 1915 гг. она составила 41 тыс. человек[7].

Следует также отметить, что значительное количество австро-венгерских подданных приезжало в Россию на краткие сроки (для сезонной работы, торговли и т. п.), причем здесь наблюдался постоянный рост. Если в 1881–1885 гг. по краткосрочным легитимационным билетам в Россию из Австро-Венгрии ежегодно въезжало, в

[5] *Оболенский (Осинский) В. В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 108.

[6] Там же. С. 110.

[7] Там же. С. 110–111.

среднем, около 39 тыс. человек, то в 1912–1913 гг. это число составляло уже 660 тыс. человек[8].

Правовую основу для миграции австро-венгерских подданных и их экономической деятельности в нашей стране, помимо российских законов, составляли договоры между Россией и Австро-Венгрией: трактат о торговле и мореплавании от 2 (14) сентября 1860 г., торговая конвенция от 6 (18) мая 1894 г., договор о торговле и мореплавании 2 (15) февраля 1906 г. и др. Согласно этим документам, австро-венгерские и российские подданные получили право приезжать на территорию соседнего государства и поселяться там на постоянное жительство, приобретать там недвижимость, основывать промышленные и торговые предприятия, создавать акционерные общества и заниматься предпринимательством на тех же условиях, что и местные уроженцы[9].

В этой связи также следует упомянуть такой практически неизвестный факт. В ходе переговоров о подготовке договора о торговле и мореплавании 1906 г. российское правительство предлагало Австро-Венгрии ввести безвизовый режим для подданных обеих стран, ссылаясь на огромный масштаб трансграничной миграции. Однако это революционное по тем временам предложение было отвергнуто австро-венгерским правительством, которое стремилось сохранить контроль над миграционными процессами[10].

По данным первой всероссийской переписи 1897 года, австро-венгерские подданные занимали второе место среди иностранцев, находившихся в России. Всего их насчитывалось 121.599 человек, что составляло 20,1% от общего числа иностранцев. При этом по своему количеству австро-венгерские подданные уступали только германским подданным, которых насчитывалось 158.103 человек (26,1%), и превосходили подданных остальных стран: Турции (120.720 человек, или 19,9%), Персии (73.920 человек, или 12,2%), Китая (47.571 человек, или 7,9%), Греции (12.619 человек, или 2,1%), Франции (9.421 человек, или 1,6%), Великобритании (7.481 человек, или 1,2%) и других[11].

[8] Сборник сведений по России за 1884–1885. СПб., 1887. С. 56; Статистический ежегодник России. 1913 г. СПб., 1914. II Отд. С. 50; Статистический ежегодник России. 1914 г. СПб., 1915. II Отд. С. 31.

[9] Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. СПб., 1902. Т. 1. С. 89, 95.

[10] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1. Л. 176 об.

[11] Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб., 1905. Т. I. С. 3–4.

Часть переселенцев, проживавших в нашей стране на постоянной основе, сохраняла австро-венгерское подданство, остальные же со временем становились подданными российского императора. Однако, бывало и так, что дети переселенцев, родившиеся в России, сохраняли подданство своих родителей, получая документы в ближайшем австро-венгерском консульстве. Примечательно, что к перемене подданства были более склонны переселенцы-колонисты, рассматривавшие свое пребывание в России как долговременное, в то время как горожане часто предпочитали сохранять прежнее подданство.

В силу всех этих причин количество австро-венгерских подданных в России не совпадало с количеством проживавших там австро-венгерских уроженцев, которых по переписи насчитывалось 107.018 человек[12]. Таким образом, 14,6 тысяч подданных Франца-Иосифа (или 12% от общего их количества) родились уже в нашей стране.

Австро-венгерские переселенцы проживали практически во всех регионах России. Вместе с тем распределение их по стране было неравномерным.

Таблица 1. Количество уроженцев и подданных Австро-Венгрии в России по данным всеобщей переписи 1897 г.[13]

Регион	Количество австро-венгерских уроженцев	Количество австро-венгерских подданных
Европейская Россия	66.659	69.582
Привислинские губернии (Польша)	37.348	49.564
Кавказ	2.573	2.111
Сибирь	294	241
Средняя Азия	144	101
Всего в России	107.018	121.599

По данным переписи, в губерниях русской Польши проживало 35% от общего количества австро-венгерских уроженцев в нашей стране, большая же их часть находилась в губерниях Европейской

[12] Там же. С. 123.
[13] Там же. С. 122–123, 228.

России — 62%. Они были сконцентрированы преимущественно в губерниях Юго-Западного края — Волынской, Подольской и Бессарабской. Это объясняется, прежде всего, географической близостью этих регионов к их родине. На Кавказе перепись также зафиксировала заметное количество австро-венгерских иммигрантов (свыше 2,5 тыс.). Некоторое количество уроженцев Австро-Венгрии было отмечено также в Сибири и Средней Азии[14].

Среди австро-венгерских переселенцев наблюдалось относительно небольшое превышение количества мужчин над количеством женщин. По данным переписи, в России среди австро-венгерских подданных было 63.884 мужчины и 57.715 женщин, среди австро-венгерских уроженцев — 57.373 мужчины и 49.645 женщин соответственно[15]. Эти данные говорят о том, что иммиграция из Австро-Венгрии носила, в значительной мере, «семейный» характер. Этим она отличалась от миграции из азиатских стран, в составе которой безраздельно доминировали мужчины. В то же время, перевес женщин был характерен для французской, швейцарской, великобританской и даже германской диаспор, что объяснялось наличием значительного числа гувернанток, воспитательниц и учительниц из этих стран в России.

Подавляющее большинство австро-венгерских переселенцев проживало в сельских районах России. По данным переписи 1897 г., в городах находилось 28.153 австро-венгерских подданных, что составляло 23% от их общего количества[16]. В то же время, доля горожан среди австро-венгерских переселенцев была значительно большей, чем доля горожан среди жителей России в целом.

Среди российских губерний, лидировавших по числу проживавших там подданных Франца-Иосифа, следует назвать следующие (по данным 1897 г.): Люблинскую (23.485 человек), Волынскую (18.011), Бессарабскую (15.994), Петроковскую (11.873), Подольскую (10.258), Херсонскую (6.336), Варшавскую (6.155) и Киевскую (4.864). Из крупных городов наибольшее количество австро-венгерских подданных проживало в Варшаве (3.658 человек), Одессе (3.435), Петербурге (1.752) и Москве (1.717)[17].

---

[14] Там же. С. 122–123.

[15] Там же. С. 122–123, 228.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 232, 240.

Австро-венгерская иммиграция в Россию была многоликой, вовлекая в свою орбиту представителей различных национальностей и социальных слоев. Подавляющее большинство среди переселенцев составляли представители славянских народов Габсбургской империи — прежде всего, чехи, русины и поляки. В меньших масштабах в Россию переселялись словаки, хорваты, словенцы, австрийские сербы. Среди эмигрантов было также немало австрийских немцев, число же венгров в конце XIX в. не превышало тысячи человек.

Въезд в Российскую империю для австро-венгерских евреев в соответствии с тогдашним российским законодательством был серьезно затруднен. В принятом в 1876 г. Уставе о паспортах и соответствующих разъяснениях Правительствующего Сената было определено, что «приезд в Россию иностранных евреев, имеющих свою постоянную оседлость за границей, может быть допускаем на срок не более одного года, только по делам торговым, или исковым и тяжебным»[18]. Впрочем, на практике запрет этот достаточно легко обходили. По свидетельству российского консула в Вене (1907 г.), в Австро-Венгрии была распространена практика, когда местные торговые фирмы за небольшую плату выдавали евреям, желающим посетить Россию, свидетельства о том, что те являются их торговыми представителями[19].

Среди австро-венгерских переселенцев значительную долю составили чешские крестьяне-колонисты, которые основали многочисленные поселения на Волыни, в Крыму и на Черноморском побережье Кавказа. В Россию активно переселялись также ремесленники, торговцы, предприниматели, квалифицированные рабочие, инженеры и технические специалисты, сельскохозяйственные рабочие и т. д. Заметное место среди переселенцев занимали представители интеллектуальных и творческих профессий, прежде всего учителя и музыканты.

В рассматриваемый период доля иностранцев среди всего населения на Кавказе была самой высокой по сравнению с другими регионами России. Их приток стимулировали успешное экономическое развитие региона, наличие свободной земли и иных природных богатств, сравнительно благоприятный климат, близость к портам и границам.

---

[18] Собрание циркуляров Министерства иностранных дел по Департаменту внутренних сношений. 1840–1888. СПб., 1888. С. 410.

[19] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 23–23 об.

В силу географических причин, подавляющее большинство иностранных подданных на Кавказе составляли выходцы из Турции и Персии. Однако и переселенцев из европейских стран здесь было значительное количество.

Таблица 2. Количество иностранных уроженцев и подданных на Кавказе по данным переписи 1897 г.[20]

Государство	Количество уроженцев		Количество подданных	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин
Австро-Венгрия	1.501	1.072	1.181	930
Болгария	215	45	218	122
Великобритания	240	43	281	77
Германия	471	393	1.437	1.345
Греция	824	240	1.224	665
Италия	487	111	517	243
Персия	35.381	8.539	42.080	18.325
Турция	62.615	38.451	54.050	32.273
Франция	195	279	203	281
Швейцария	79	129	142	135
Швеция	118	83	148	122
Всего	103.372	50.278	101.879	54.729

Таким образом, первое место среди уроженцев европейских государств, проживавших на Кавказе, занимали как раз выходцы из Австро-Венгрии, обходя даже представителей Германии. Среди иностранных подданных, зафиксированных в этом регионе переписью, наоборот, первенствовали подданные Германии, а подданные Австро-Венгрии занимали второе место. Существенная разница в количестве австро-венгерских подданных и уроженцев в пользу последних свидетельствует о том, что среди переселенцев из Австро-Венгрии, проживавших в кавказском регионе, принятие российского подданства было достаточно распространенным явлением. В то время для выходцев из других европейских стран была характерна противоположная тенденция, когда дети переселенцев, родившиеся уже в России, предпочитали сохранять подданство своих родителей.

Положение австро-венгерской диаспоры на Кавказе характеризовалось рядом специфических черт. Так, если в целом по России количество австро-венгерских подданных значительно превышало

---

[20] Общий свод по империи… Т. I. С. 156–158, 228–231.

количество уроженцев этой страны, то на Кавказе ситуация была прямо противоположной. Таким образом, процесс ассимиляции австро-венгерских подданных на Кавказе шел более быстрыми темпами, чем в целом по стране.

Значительное превышение мужчин над женщинами среди иностранных переселенцев на Кавказе объясняется, прежде всего, самим характером данного региона, как пограничного и относительно недавно присоединенного к России. Впрочем, преобладание мужчин было характерно для демографического портрета кавказского населения в то время.

Распределение австро-венгерских выходцев, как и других иностранцев, по кавказским губерниям и областям было неравномерным.

Таблица 3. Количество австро-венгерских уроженцев и подданных в кавказских губерниях и областях по данным всеобщей переписи 1897 г.[21]

Губерния или область	Количество уроженцев			Количество подданных		
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
Дагестанская	12	4	16	9	4	13
Кубанская	356	237	593	377	337	714
Ставропольская	72	34	106	67	43	110
Терская	114	106	220	103	82	185
Черноморская	368	338	706	161	144	305
Всего Северный Кавказ	922	719	1641	717	610	1327
Бакинская	97	72	169	89	82	171
Елисаветпольская	26	16	42	14	7	21
Карская	9	4	13	9	2	11
Кутаисская	150	131	281	99	89	188
Тифлисская	215	124	339	175	116	291
Эриванская	82	6	88	78	24	102
Всего Закавказье	579	353	932	464	320	784
Итого на Кавказе	1.501	1.072	2573	1.181	930	2.111

Таким образом, более 60% переселенцев из Габсбургской монархии проживало на Северном Кавказе, остальные — в Закавказье. Среди областей Северного Кавказа по количеству про-

[21] Там же. С. 240.

живавших там австро-венгерских подданных уверенно лидировала Кубанская, доля которой составляла почти 54% от их общего количества. В Черноморской же губернии, занимавшей второе место, проживало 23%. В то же время, австро-венгерская диаспора в Дагестане была самой незначительной.

Среди австро-венгерских подданных, проживавших на Северном Кавказе, доля горожан была гораздо выше, чем среди австро-венгерской диаспоры в России в целом. В этом регионе горожане составляли около половины от общего числа иммигрантов, в то время как в целом по стране этот показатель равнялся 23%[22]. К числу сельского населения относились, главным образом, чешские колонисты Кубанской области и Черноморской губернии. В прочих губерниях и областях в составе австро-венгерских выходцев преобладали горожане.

Среди австро-венгерских иммигрантов на Северном Кавказе, как и в целом по стране, доминировали представители славянских народов. Больше всего в составе переселенцев было чехов. В 1897 г. в северокавказских губерниях и областях проживало 2.727 чехов и словаков, в том числе в Черноморской — 1.290, в Кубанской — 1.213, в Терской — 130, в Ставропольской — 75, в Дагестанской — 19 человек [23].

В состав австро-венгерской диаспоры, помимо чехов, входили также словаки, русины, словенцы, галицийские поляки, австрийские немцы, венгры и евреи. Следует заметить, что, в отличие от чехов, установить точную численность иммигрантов данных национальностей гораздо труднее. Это связано, с одной стороны, с тем, что численность незначительных этнических групп зачастую не находила своего отражения в материалах статистики. С другой стороны, перепись 1897 г. проводилась по лингвистическому принципу и в ее материалах многие национальные группы (немцы, поляки, евреи) не дифференцировались по государственному подданству.

Начало массовой миграции австро-венгерских подданных на Кавказ связано с переселением чешских колонистов в конце 1860-х гг. Чешскую иммиграцию активно поддерживали многие российские общественные деятели и ученые. Славянские комитеты в Москве и Петербурге активно содействовали организации переселения чешских переселенцев на Кавказ. Так, при их посредничестве

[22] Там же. С. 228.

[23] Общий свод по империи… Т. II. С. 39.

российские пароходные компании организовали перевозку первых групп переселенцев из Одессы в район Новороссийска[24].

Российские правящие структуры также весьма благосклонно отнеслись к чешской иммиграции. В привлечении чешских колонистов они видели возможность заселить недавно присоединенные окраины и освоить их. Поток чешских переселенцев первоначально направлялся российскими властями на Черноморское побережье Кавказа, которое было окончательно присоединено после окончания Кавказской войны, а также в Крым. В то же время, основная часть чехов предпочитала селиться в Волынской губернии, географически близкой к их родине и экономически более освоенной[25].

Основным местом расселения чехов на Кавказе стала часть Черноморского побережья от Анапы до Туапсе. Примечательно, что, хотя многие чехи при переселении сохраняли австро-венгерское подданство, в их лояльности российское правительство нисколько не сомневалось, предоставляя им место для поселения в стратегически важном регионе, откуда по военно-политическим соображениям было выселено местное черкесское население.

Согласно принятому в 1866 г. закону «О заселении Черноморского округа и управлении им» разрешалось свободное переселение на побережье «лиц всех сословий и национальностей». При этом поселенцы получали большие земельные наделы (до 30 десятин), освобождение на 15 лет от налогов, другие льготы и существенные пособия на переселение. Эти условия выглядели для чехов-иммигрантов достаточно заманчиво. Первые поселенцы-чехи (360 семей) прибыли на Черноморское побережье в 1869 г.[26] Их переселение активно продолжалось в последующие годы. В 1897 г. был принят новый закон о заселении Черноморского побережья, который предоставил право переселения туда исключительно российским подданным, после чего чешская иммиграция стала направляться, главным образом, в кавказские города[27].

Чехи на Кавказском побережье предпочитали селиться отдельными колониями. В Кубанской области крупными компактными поселениями чехов являлись селения Павловка и Варваровка

---

[24] ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 353. Л. 1.

[25] *Ненашева З. С.* Указ. соч. С. 37.

[26] *Герчикова И. А.* Указ. соч. С. 68.

[27] *Личков Л. С.* Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. Киев, 1904. С. 231.

(оба — в районе Анапы), а также два небольших хутора близ Майкопа. В Черноморской губернии (до 1895 г. — Черноморский округ) число чешских колоний было более значительным. Центром расселения колонистов был район Новороссийска, где находились чешские колонии Глебовка, Мефодиевка, Кирилловка и Владимировка, а также отдельные хутора. Чешские колонии существовали также в районах Геленджика (Тешебс), Архипо-Осиповки (Текос), Джубги (Чешский поселок), Туапсе (Анастасиевка), Лазаревского[28].

Необходимо заметить, что чешские колонисты на Кавказе достаточно часто сталкивались с финансовой неустроенностью, бытовыми проблемами, непривычным климатом и другими трудностями, о чем свидетельствуют их письма организаторам переселения[29]. Ситуация осложнялась тем, что многие переселенцы принадлежали к низам чешской деревни и не имели собственных средств на переселение и обустройство на новом месте. Так, например, чешские колонисты, которых российские пароходы перевозили в конце 1860-х гг. из Одессы в Новороссийск, нуждались до такой степени, что пароходное общество было вынуждено организовать для них бесплатные обеды[30].

Однако со временем, благодаря помощи российских властей и собственному трудолюбию, чешские колонисты смогли освоиться на новом месте, достичь достаточно высокого по тем временам уровня жизни и приобрести репутацию «крепких», зажиточных хозяев. Это, впрочем, вызывало чувство зависти к ним у некоторых представителей местного русского населения [31].

Австро-венгерские диаспоры в каждом из регионов Северного Кавказа отличались своими особенностями.

В Кубанской области выходцы из Австро-Венгрии находились на втором месте среди уроженцев иностранных государств, уступая переселенцам из Турции, лидирующим с огромным отрывом. На Кубани переписью 1897 г. было зарегистрировано 593 австро-венгерских уроженца (356 мужчин и 273 женщины). Большинство из них проживало в сельской местности, преимущественно в Темрюкском и Майкопском отделах, где были чешские колонии. В городах Кубани

[28] *Домашек Е. В.* Указ. соч. С. 79–80.

[29] *Киселькова Н. В.* Российский фактор в общественно-политической жизни чехов в 50-е – 70-е гг. XIX в. (по материалам архива М. Ф. Раевского). Автореф. дисс…канд. ист. наук. М., 2008. С. 29.

[30] ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 353. Л. 1 об.

[31] *Ровда К. И.* Указ. соч. С. 61.

находилось 159 уроженцев Габсбургской монархии, в том числе — в Екатеринодаре — 80, Темрюке — 26, Ейске — 16, Майкопе — 14, Анапе — 14, Армавире — 9. В то же время, число австро-венгерских уроженцев на Кубани было меньшим, чем число подданных, которых насчитывалось 714 человек (377 мужчин и 337 женщин)[32].

Среди австро-венгерских переселенцев на Кубани, как и в других регионах, доминировали чехи. По данным всероссийской переписи, здесь проживало 1.213 чехов, 63 венгра, 23 словенца, а также представители других народов Габсбургской монархии. Интересно отметить, что австро-венгерское подданство сохранили всего 443 кубанских чеха, что составляло только треть от их общего количества. Принявшие же российское подданство чехи принадлежали к различным сословиям. Среди них насчитывалось (вместе с семьями): дворян потомственных — 8, дворян личных и чиновников не из дворян — 8, купцов — 5, мещан — 94, крестьян — 632 человека. Удивительно, но 4 чеха смогли приписаться к казачьему сословию[33].

В Черноморской губернии выходцы из Габсбургской монархии были также представлены, главным образом, чехами. В 1897 г. их в губернии проживало 1.290, в том числе 100 в Новороссийске и 8 — в Туапсе. Примечательно, что австро-венгерское подданство в этой губернии сохранили на тот момент всего 219 чехов (17% от общего количества)[34]. К 1914 г. количество черноморских чехов достигло 2.257 человек[35].

В Ставропольской губернии в 1897 г. было зарегистрировано 110 подданных и 106 уроженцев Габсбургской монархии. Из общего количества подданных Франца-Иосифа в городах губернии проживало чуть менее половины — 49 человек (в т. ч. в Ставрополе — 46). Среди них 60% составляли мужчины. При этом перевес был достигнут за счет сельских жителей, а в городах между полами наблюдалось примерное равенство. Это объясняется тем, что в Ставрополе австро-венгерские подданные составляли постоянное население, а в уезды, как правило, выезжали на заработки. Уроженцы Австро-Венгрии проживали на всей территории губернии: в г. Ставрополе

---

[32] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXV. Кубанская область. СПб., 1905. С. V, 32–33, 56.

[33] Там же. С. 61–62, 238–239.

[34] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXX. Черноморская губерния. Тетрадь 2. СПб., 1900. С. 25.

[35] *Домашек Е. В.* Указ. соч. С. 177.

(24 мужчин и 15 женщин), в уездах (41 и 17) и даже на территории кочующих народов (8 и 1). Большинство среди них составляли чехи, которых в 1897 г. на Ставрополье насчитывалось 75 человек[36].

В Терской области, по данным всеобщей переписи, число австро-венгерских уроженцев составляло 220 человек, число подданных — 185 человек. Среди подданных преобладали мужчины — их было 103, а женщин всего 82. В городах проживало более половины австро-венгерских подданных (108), в том числе в областном центре — Владикавказе — 49, в Грозном — 23, в Пятигорске — 20, в Георгиевске — 5. В составе австро-венгерской диаспоры преобладали чехи (87) и словаки (43)[37].

Австро-венгерские переселенцы, проживавшие на Кавказе, были заняты в различных сферах экономики. Большинство из них занималось сельским хозяйством. Кроме того, в их числе были ремесленники, рабочие, торговцы, промышленники, технические специалисты, служащие, учителя, музыканты, артисты и люди прочих профессий. Так, в Ставропольской губернии подданные Австро-Венгрии были заняты в следующих сферах (по доле занятых): сельское хозяйство — 40%, ремесло — 20%, торговля — 15%, государственная и общественная служба — 5%, прочие сферы — 20%[38].

Профессиональный состав многочисленной чешской диаспоры Кубани приводится в материалах переписи 1897 г. В качестве самостоятельных хозяев позиционировали себя 346 чехов-мужчин и 36 женщин. 831 человек записаны в качестве членов их семей. Основными хозяйственными занятиями чехов на Кубани являлись следующие (указано число самостоятельных хозяев, без членов семей): земледелие — 207, животноводство — 17, частная служба, прислуга, поденщики — 25, обработка металлов — 25, обработка дерева — 7, винокурение и пивоварение — 16, обработка пищевых продуктов — 12, изготовление одежды — 7, торговля — 16 (в том числе торговля сельскохозяйственными продуктами — 8), лица неопределенных занятий — 18. Среди кубанских чехов насчитывалось также 2 военнослужащих, 2 занятых учебной и воспитатель-

---

[36] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXVII. Ставропольская губерния. СПб., 1905. С. VI, 24–25, 40–41.

[37] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXVIII. Терская область. СПб., 1905. С. VI, 24–25, 40–41.

[38] Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 101. Оп. 5. Д. 562. Л. 18.

ной деятельностью, 3 врача и санитара, 3 живущих на доходы от капитала и недвижимого имущества[39].

Кубанские венгры, по данным переписи 1897 г., были заняты преимущественно торговлей зерном, производством минеральных веществ (керамики), земледелием, лесоводством и лесными промыслами, изготовлением одежды, развозной и разносной торговлей [40].

Самыми распространенными занятиями чехов Терской области являлись: земледелие, занятия наукой, литературой и искусством, служба в вооруженных силах, служба у частных лиц, винокурение и пивоварение, обработка металлов, торговля (главным образом сельскохозяйственными продуктами), содержание трактиров и гостиниц[41].

Словаки, проживавшие на Северном Кавказе, занимались ремеслами (среди них было немало бродячих лудильщиков), а также работали в промышленности, лесном и сельском хозяйстве[42].

Австро-венгерские подданные, проживавшие на Кавказе, выступали как в качестве самостоятельных собственников, так и в качестве наемных рабочих и служащих. Они стремились приобретать здесь землю, выступая вначале в качестве ее долгосрочных арендаторов, а затем выкупая земельные участки в собственность. Среди подданных Австро-Венгрии в Ставропольской губернии собственники составляли 58%, а остальные 42% являлись вольнонаемными рабочими и служащими[43].

С начала 1900-х гг. стало быстро возрастать количество австро-венгерских подданных, посещавших Северный Кавказ на краткое время — с целью торговли, сезонной работы и т. п. Так, например, в Ставропольской губернии в это время 65% подданных Франца-Иосифа имели в качестве основного документа, легализующего их пребывание, российский въездной билет, и только

---

[39] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXV. Кубанская область. С. VIII, 88–89.

[40] Там же. С. 147.

[41] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXVIII. Терская область. С. 130–131.

[42] *Svatoš J.* Čeckoslovenká emigrace na Kavkaze. S. 15.

[43] *Золотарева Н. В.* Иностранцы в производственной сфере России: анализ правовой основы и сравнение региональных ситуаций // Европа и Северный Кавказ в XIX–XX в.: опыт межкультурной коммуникации и социокультурной адаптации. Ставрополь, 2005. С. 76–77.

35% — национальный паспорт, позволяющий находиться в России на протяжении длительного времени. Для сравнения, доля обладателей въездных билетов составляла у подданных других государств: Германии — 75%, Болгарии — 58%, Турции — 53%, Персии — 49%, Греции — 26%[44].

Австро-венгерские подданные часто приезжали на Северный Кавказ целыми семьями. Например, в Ставропольскую губернию на рубеже XIX–XX вв. вместе со своими семьями прибыло 27% австро-венгерских подданных. Среди переселенцев из других стран процент лиц, прибывших в эту губернию с семьей, составлял: 28% для подданных Германии, 12% — Турции, 10% — Греции, 6% — Персии, 5% — Болгарии, 13% — для подданных прочих стран[45].

Среди переселенцев, как и вообще в то время в России, было много детей и молодежи. В частности, по данным всеобщей переписи, лица моложе 20 лет составляли почти половину чешского населения Кубани. В то же время, людей пожилого возраста (свыше 50 лет) насчитывалось среди кубанских чехов всего 10%. Подавляющее большинство взрослых чешских переселенцев, как и других жителей России, состояло в браке. По данным переписи, к числу холостых и незамужних представителей чешской нации на Кубани относилось всего 84 из 622 человек старше 20 лет. Кроме того, среди кубанских чехов было 17 вдовцов, 30 вдов и 1 разведенный[46].

Конфессиональная принадлежность австро-венгерских переселенцев на Кавказе отражала, в целом, религиозную ситуацию в Габсбургской монархии. Так, для Ставропольской губернии в первые годы XX в. она была следующей: католики — 31%, протестанты — 30%, иудеи — 29%, православные — 10%[47].

В то же время, российские чехи активно переходили из католичества в православие. Этому способствовали как свойственная чехам в то время известная религиозная индифферентность, так и целенаправленная политика российских властей, которые различными поощрительными мерами способствовали переходу иноверцев в православие. Кроме того, данный шаг мог быть следствием осознания чехами-переселенцами своей общности с русским народом.

---

[44] ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 305. Л. 3–9.

[45] Там же. Д. 490. Л. 5.

[46] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXV. Кубанская область. С. 88–89, 122.

[47] ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 556. Л. 12–13.

Если в чешских землях большинство населения составляли католики, а меньшинство — протестанты, то в России, и на Северном Кавказе в частности, ситуация была несколько иной. Так, по данным переписи 1897 г., из 1.213 кубанских чехов 761 были католиками, а вот второе место занимали уже не протестанты, а «православные и единоверцы» (434 человека). Сторонников же протестантской церкви среди кубанских чехов оказалось всего 17 человек. Таким образом, в православие к концу XIX в. перешла треть кубанских чехов[48]. Известный чешский этнограф Карел Хотек, посетивший в начале XX в. чешские села на Кавказе, отмечал, что часть их жителей, «имея в виду выгоды, перешла в православие»[49].

Примечательно также, что чехи обладали достаточно высоким уровнем грамотности, по сравнению с местным населением. Из 1.213 кубанских чехов русской грамотой владели 270, в то время как 234 знали грамоту «на других языках». При этом образование «выше начального» получили 27 человек. Таким образом, грамотность кубанских чехов превышала 40%, в то время как для всего населения Кубани она равнялась 17%[50].

Переселенцы из австро-венгерских земель внесли заметный вклад в экономическое развитие кавказского региона. Чехи-колонисты способствовали хозяйственному освоению Черноморского побережья и зарождению там эффективного сельскохозяйственного производства. Чешские колонисты отличались большим трудолюбием и напоминали современникам в этом отношении немцев. Чешские колонии отличались благоустройством, поля и огороды — ухоженностью. Современные наблюдатели неоднократно отмечали то, что чехи гораздо лучше приспосабливались к местным условиям и смогли вести более эффективное хозяйство, чем русские переселенцы. Так, например, видный российский археолог графиня П. С. Уварова, посетившая в конце 1880-х гг. чешские колонии в районе Новороссийска, писала: «На речке Озеройке (по местному Назорейке), у подошвы горы Глебовой — Чешская колония Глебово, с прекрасно возделанными полями и жатвой, значительно богаче, чем у всех остальных хозяев. При взгляде на эти

[48] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXV. Кубанская область. С. 71.

[49] *Пукиш В. С.* К вопросу о конфессиональной принадлежности… С 161.

[50] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 189 г. Т LXV. Кубанская область. С 142–143.

чудные поля даже возницы наши не могли не воскликнуть: «Вот так чехи, вот так хозяева, — не то, что наши казаки без плуга и навоза». Табак и огороды Глебовские также заслуживают полнейшего внимания. Местность становится совершенно уютною, и не будь гор кругом нас, мы могли бы вообразить себя в Украине, среди ее зеленых, благоухающих садов и огородов»[51].

Об эффективном ведении хозяйства чехами и их успехах в освоении новых земель свидетельствуют статистические данные о землепользовании населения Черноморского побережья.

Таблица 4. Землевладение и землепользование в Черноморской губернии в конце XIX в. [52]

	Надельной земли на душу м.п., десятин	Доля разработанных земель в общем количестве надельных земель, в процентах	Средний размер разработанных земель на душу м.п., десятин
Всего по губернии	12	12	1,55
В селениях с исключительно русским населением	13	11	1,6
В селениях с исключительно нерусским населением	9	16	1,5
В селениях с исключительно чешским населением	11	24	2,7

Как видим, земельные участки чешских колонистов в целом были несколько меньше среднего размера наделов по губернии. В то же время процент земель, введенных ими в сельскохозяйственный оборот, более чем в два раза выше, чем у русских поселенцев, и на треть больше, чем у других иностранных колонистов. Благодаря этому средний размер используемых земель был у них самым высоким в губернии, почти в два раза превышая показатели в целом по губернии.

Чехи перенесли на российскую почву передовые земледельческие технологии. На Черноморском побережье Кавказа они ввели в оборот легкий плуг, наиболее приспособленный к местным почвам,

[51] *Уварова П. С.* Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия. Ч. 2. М., 1891. С. 37.

[52] *Личков Л. С.* Указ. соч. С. 235.

и удобрение полей. Они много сделали для развития местного виноградарства, садоводства и огородничества. Чешские колонии давали местным жителям образцы внедрения интенсивных методов хозяйствования[53].

В местах компактного проживания переселенцев функционировали их общественные организации. Так, чешское вспомогательное (благотворительное) общество и чешская дума активно действовали в Новороссийске. Примечательно, что компактные чешские поселения пользовались правами самоуправления[54].

Интересно, что кавказские чехи-колонисты долгое время сохраняли в своей среде многие обычаи и обряды своей родины, остатки которых фиксировались этнографами даже в конце XX столетия[55].

Серьезное экономическое значение имела и деятельность многочисленных австрийских и чешских предпринимателей на Северном Кавказе. Они основывали здесь различные промышленные предприятия, главным образом пивоваренные заводы. К началу 1910-х гг. в регионе действовало около десятка пивоваренных заводов, основанных австрийцами и чехами.

Одним из пионеров в этой области являлся чех Вацлав Салис, который в начале 1880-х гг. открыл в Ставрополе свой пивоваренный завод. В. Салис, по воспоминаниям современников, сделал пивоварение не только доходным промыслом, но и своего рода искусством. Позже этот завод перешел во владение другого чеха — Карла Префета, который установил здесь новейшее оборудование и освоил выпуск пива знаменитых европейских марок, а также фруктовых вод, лимонада, сбитня и пр. В 1884 г. в Ставрополь приехал уроженец Праги Антон Груби, которым был построен крупнейший в городе пивоваренный завод. На этом заводе нашли свое воплощение различные технические новинки, например, в качестве топлива использовался добываемый из-под земли природный газ. Любопытно, что пивоваренный завод, некогда основанный А. Груби, действует в Ставрополе и по сей день, а одной из его фирменных марок в настоящее время является пиво «Антон Груби». В селе Белая Глина Ставропольской губернии действовал пивоваренный завод Франца Груби, брата ставропольского пивовара. Фирма «Антон Груби» имела «пивные лавки» в различных селах Ставрополья

[53] *Домашек Е. В.* Указ. соч. С. 157–158.
[54] Там же. С. 114, 121.
[55] *Кузнецов В. И.* Указ. соч. С. 381–382.

и Кубани. В 1890-е гг. чешский предприниматель Карл Новотни основал в Ставрополе колбасную фабрику и открыл в этом городе ряд продовольственных магазинов[56].

В промышленном развитии дореволюционного Екатеринодара австро-венгерские предприниматели также сыграли заметную роль. Чех Карл Гусник являлся основателем и владельцем чугунолитейного и машиностроительного завода в этом городе, затем его дело унаследовал сын Владимир. Крупнейший екатеринодарский пивзавод «Новая Бавария» был основан в 1885 г. чешским пивоваром Матвеем Ирзой и купцом Давидом Дон-Дудиным. В начале XX в. почти весь технический персонал этого завода составляли чехи. Годовое его производство достигало приличной по тем временам суммы в 215 тыс. руб. Примечательно, что этот завод действовал вплоть до 2005 г.[57] Этим же владельцам принадлежали пивоваренные заводы «Богемия» (станица Усть-Лабинская), «Бавария» (Новороссийск) и «Кавказ» (Екатеринодар)[58].

В Новороссийске в 1899 г. открылся пивоваренный завод «Славия», владельцем которого был чех Я. Востры. Там же действовала колбасная фабрика чеха Соботки[59]. Среди предпринимателей дореволюционного Армавира также выделялись чехи: братья Братислав и Юлиан Штепанеки — владельцы колбасного завода «Прага чешская», и Иосиф Пласкотт, владевший крупным музыкальным магазином и мастерской[60].

В Терской области накануне Первой мировой войны действовали пивоваренные заводы, основанные австро-венгерскими выходцами — чехом Францем Прохазкой во Владикавказе и русином Алоисом Сухим в Хасавюрте. В Грозном располагался пивоваренный завод, основанный товариществом «Вена», акционерами которого также были переселенцы из Австрии[61].

Австрийские капиталы вкладывались на Кавказе также в строительство железных дорог (в частности, Ростово-Владикавказской), развитие морского транспорта, нефтепереработку и т. д.

---

[56] *Беликов Г. А.* Указ. соч. С. 96–98.

[57] *Пукиш В. С.* Штрихи к портрету чешской колонии… С. 87–88.

[58] Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912. Ч. 2. С. 175, 264.

[59] *Герчикова И. А.* Указ. соч. С. 69.

[60] *Виноградов В. Б.* Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного населения). Армавир. 1995. С. 89.

[61] Список фабрик и заводов… С. 247.

Помимо промышленного предпринимательства, австро-венгерские подданные на Кавказе активно занимались торговлей. Как уже отмечалось, торговлей было занято 15% подданных Франца-Иосифа, проживавших в Ставропольской губернии. Многие австро-венгерские промышленные и торговые компании имели в России своих представителей и торговых агентов, которые разъезжали по стране, продавая товары австро-венгерского производства, и скупая сельскохозяйственные продукты и сырье, поставляемые затем на австрийский рынок. Помимо городов, австро-венгерские предприниматели проникали и в глубинку. Так, в 1900-е гг. они вели оптовую и розничную торговлю в ряде сел и станиц Северного Кавказа. В станице Гулькевичи действовало даже представительство фирмы В. Грунта, занимавшейся поставками австрийских автомобилей[62].

Важное хозяйственное значение имела и деятельность чешских ученых, работавших на Кавказе. В 1879 г. ученый-геолог, ассистент Пражского политехникума Иосиф Кучера установил, что из местной горной породы (мергеля) путем помола и обжига можно получить отличный цемент. По инициативе ученого в Новороссийске появился первый цементный завод, давший начало главной отрасли местной промышленности[63].

Значительную роль в развитии сельского хозяйства на Кавказском побережье сыграл Франц Гейдук, на протяжении ряда лет занимавший должность агронома Черноморского округа. Он много сделал для землеустройства в этом районе, для внедрения передовых методов земледелия, огородничества, садоводства, скотоводства и т. д. Под руководством Ф. Гейдука были заложены первые виноградники на Черноморском побережье, в том числе и в удельном имении Абрау-Дюрсо. Вино первого урожая Ф. Гейдук представил на всероссийскую винодельческую выставку 1881 г., где и получил первый приз. С этого события берет начало история российского шампанского. Дело Ф. Гейдука впоследствии продолжил его сын — Ярослав, также занимавший должность агронома Черноморского округа и написавший ряд научных трудов о сельском хозяйстве Кавказа. В годы Первой мировой войны Я. Гейдук стал знаменосцем чешской добровольческой дружины, воевавшей в со-

[62] ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 185. Л. 16.

[63] *Герчикова И. А.* Указ. соч. С. 69.

ставе русской армии. Бывший хутор Гейдуков ныне превратился в поселок Гайдук — пригород Новороссийска[64].

Австро-венгерские переселенцы сыграли заметную роль не только в области предпринимательства, но и в других сферах. Одним из первых чешских переселенцев в Новороссийске был врач Михаил Пенчул, который занимал должность медика при начальнике Черноморского округа и много сделал для развития здравоохранения в крае, чем заслужил уважение местных жителей. В 1896 г., после введения в главном городе Черноморской губернии выборных органов самоуправления, М. Пенчул был избран первым городским головой Новороссийска, и своей работой на этом посту внес заметный вклад в развитие города. Именами М. Пенчула и И. Кучеры были названы улицы Новороссийска[65].

Одним из знаменитых архитекторов, творения которых до сих пор украшают города Кавказских Минеральных Вод, является Евгений-Карл Шреттер. Он был сыном австрийского подданного, купца 1-й гильдии, окончил Императорскую Академию художеств в Петербурге и еще в студенческие годы принял российское подданство. По проекту Е.-К. Шреттера были построены грязелечебница в Ессентуках, ряд особняков и вилл в Пятигорске и других городах КМВ. В 1890-е гг. главным садовником г. Ставрополя являлся Бернард Новак, до переселения в Россию бывший придворным садовником австрийской императрицы Елизаветы. Он внес большой вклад в формирование парковых ансамблей Ставрополя, радующих горожан и сейчас. Первый в Ставрополе стационарный кинотеатр «Биоскоп» был построен в 1908 г. уже упоминавшимся К. Новотни (кинотеатр этот действует до сих пор под названием «Октябрь»)[66].

В конце XIX – начале XX века на Северном Кавказе работал ряд учителей, выходцев из Чехии (в частности, в гимназиях и училищах Екатеринодара, Новороссийска, Армавира и Пятигорска). Они преподавали классические языки, математику, физкультуру, музыку и др. Большую известность впоследствии приобрел один из них — преподаватель физвоспитания Екатеринодарского коммерческого училища Йозеф Швец, ставший в годы гражданской войны командиром дивизии чехословацкого корпуса и культовой фигурой

[64] Там же. С. 68–69.

[65] Там же.

[66] *Беликов Г. А.* Указ. соч. С. 299–300, 314.

в межвоенной Чехословакии[67]. Настоятелем католического храма в Новороссийске в начале XX в. являлся словак Порубский[68].

Подданные Франца-Иосифа, проживавшие на Северном Кавказе, поддерживали связь с австро-венгерскими дипломатическими представительствами в регионе — консульством в Тифлисе, вице-консульствами в Ростове-на-Дону, Батуме и Баку. Помимо оформления необходимых документов, консульские работники оказывали своим соотечественникам различные услуги, снабжали их необходимой информацией, помогали разрешать возникавшие коллизии. Так, например, после смерти владельца пивоваренного завода в Ставрополе В. Салиса австро-венгерское вице-консульство в Ростове-на-Дону принимало деятельное участие в процессе передачи его собственности наследникам[69].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX столетия на Северном Кавказе образовалась довольно значительная австро-венгерская диаспора, состоявшая, главным образом, из славян. Переселенцы достаточно быстро адаптировались к новым условиям, смогли занять определенные социальные ниши. Многие из них принимали российское подданство. Переселенцы из австро-венгерских земель внесли заметный вклад в социально-экономическое и культурное развитие региона. Как и другие иностранцы, они способствовали формированию экономического потенциала, распространению передовых методов хозяйствования, развитию предпринимательства. Чешские колонисты способствовали распространению передовых агротехнических приемов, развитию виноделия, садоводства и огородничества. Предприниматели австро-венгерского происхождения сыграли заметную роль в развитии промышленности в регионе. Многие из переселенцев нашли на Северном Кавказе свою новую родину, и в настоящее время здесь продолжают жить их потомки[70].

---

[67] *Пукиш В. С.* Штрихи к портрету чешской колонии… С. 86, 90.

[68] *Auerhan J.* Čecké osady na Volyni… S. 64.

[69] ГАСК. Ф. 101. Оп. 3. Д. 185. Л. 16.

[70] В Новороссийске в настоящее время действует чешское культурное общество «Наздар», поддерживающее активные связи с Чехией.

Т. М. Симонова

Некоторые проблемы миграции, иммиграции и репатриации в геопространстве Польша — Россия в период 1914–1923 гг.

В конце XX века интерес к теме о беженцах в период Первой мировой войны, как и в целом к проблеме миграции в этот период, существенно возрос. Заметный задел в разработке проблемы белорусских беженцев принадлежит исследователям Беларуси. Безусловный интерес представляют исследования Н. Н. Улащика[1], В. Скалабана[2], М. А. Бобкова[3], А. Микалевича[4], С. Ф. Лапановича[5], статья А. Н. Курцева[6], диссертация В. С. Утгоф[7], статья В. Саматыи[8]. Латвийские историки Т. Бартеле и В. Шалда[9] обратились к вопросу о беженцах-латышах в России в период Гражданской войны. Американский историк Т. Гатрелл всесторонне исследовал историю беженства в России и влияние этого процесса на становление национального самосознания народов рассматриваемого ре-

---

[1] *Улашчык М*. Бежанства / Публ. А. Лиса. Пасляслоўе В. Скалабана // Спадчына. 2001. № 3.

[2] *Скалабан В. В*. «Я паехаў Минск, як бежанец…» / Бежанцы 1-й сусветнай вайны у творчасці Янкі Купалы (спроба тэзісаў гісторыка-літаратурнага нарыса) // Купалаўскія чытанні. Мінск, 1991. С. 41–42. *Он же*. Бежанцы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 1. Мн., 1993. *Он же*. Белорусские беженцы Первой мировой войны: перспективы изучения // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Международной научной конференции. Москва, 7–8 сентября 2004 года. М.: Наука, 2006. С. 66–70.

[3] *Бобков А. М*. Беженцы в Белоруссии в годы первой мировой войны (1915–1916) // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Тэзісы дакладаў і паведамленняў. Мн., 1993. Ч. 1.

[4] *Мікалаевіч А*. Бежанцы першай сусветнай вайны // Спадчына. 1994. № 3.

[5] *Лапановіч С. Ф.* Асноўныя напрамкі дзейнасці Галоўнаупаўнаважаных па ўладкаванні бежанцаў на франтах, у глыбіні імперыі ў перыяд першай сусветнай вайны // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага універсітэта. 2001. № 3. С. 159.

[6] *Курцев А. Н*. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1918) // Вопросы истории. 1999. № 8.

[7] *Утгоф В. С*. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 2003.

[8] *Саматыя В*. Проблема беженцев в Беларуси в годы Первой мировой войны // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 2.

[9] *Бартеле Т., Шалда В.* Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // Отечественная история. 2001. № 1.

гиона[10]. Политика российской администрации в Восточной Галиции привлекла внимание А. Ю. Бахтуриной[11], В. Н. Савченко[12]. В рассмотрении вопроса о деятельности Особого совещания по устройству беженцев существенный вклад принадлежит А. В. Ильину[13]. Работе советских профильных структур — Центропленбежа и Центрэвака - уделил внимание И. П. Щеров[14]. Растет интерес к исследованию проблемы положения беженцев, в том числе — польских, в различных регионах России[15].

Тем не менее, в рассматриваемой проблеме много «белых пятен», в частности, в современной отечественной историографии мало исследован вопрос о формировании системы защиты интересов беженцев национальными общественными организациями и о роли российских императорских и советских государственных и общественных структур в этом процессе. Вместе с тем уже в историографии межвоенной Польши имели место серьезные статистические исследования по данной проблеме[16].

Мало исследован вопрос о репатриации беженцев и проблемах, связанных с невозможностью (часто — с нежеланием) молодых государств-лимитрофов принимать возвращающихся с территории РСФСР соотечественников. Материал Архива внешней политики (АВП) РФ и Государственного архива РФ (ГАРФ) позволяет осветить некоторые актуальные аспекты этой проблемы.

---

[10] *Gatrell T.* A whole Empire walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington & Indiana University press. 1999. *Он же*. Беженцы Первой мировой войны в России // Исторические записки. М., 2001. Т. 4. (122).

[11] *Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000.

[12] *Савченко В. Н.* Восточная Галиция в 1914–1915 годах (национально-политическая ситуация и политика российской администрации) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 76–89.

[13] *Ильин А. В.* Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 г. – февраль 1917 г.) // Правоведение. 1991. № 5.

[14] *Щеров И. П.* Миграционная политика в России, 1914–1922. Смоленск, 2000. *Он же*. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000.

[15] *Трошина Т*. Поляки в Архангельской губернии в годы Первой мировой войны // *lib.pomorsu.ru/exile/Polska_ssylka/Troshina.rtf.; Нам И. В*. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // *new.hist.asu.ru/biblio/borod4/part2-p276-279.pdf*

[16] *Grabski W., Żabko-Potopowicz A*. Ratownictwo społeczne w czasie wojny // Polska w czasie Wielkiej wojny (1914–1918): Historia społeczna i ekonomiczna pod red. M. Handelsmana. Warszawa: Towarzystwo Badania Zagadnień Międzynarodowych, 1932. T. II.

Мировая война разбросала по территориям чужих государств сотни тысяч человек: военнослужащих, пленных, беженцев и интернированных. По разным данным, в результате Первой мировой войны число беженцев в России составило от 2,7 млн. человек в 1915 г. до 7,4 млн. человек к лету 1917 г.[17] По данным Центрального Всероссийского бюро по регистрации и розыску беженцев, число зарегистрированных беженцев на территории России составило к ноябрю 1916 г. 2614772 человек, а к 1 февраля 1917 г. — 3113372 человек. Из этого числа зарегистрированных беженцев польской национальности насчитывалось соответственно 351404 тысячи человек (13,4% от общего числа беженцев) и 483359 тысячи человек (15,5%) [18].

При этом вне регистрации оказались беженцы — государственные служащие с семьями, которые получали т.н. «жалованье» и особую «ссудную» помощь, а также все состоятельные беженцы как не подлежащие или не нуждающиеся в государственном попечении. С другой стороны, в колоссальную беженскую массу влились все «выселенцы», состоящие под надзором полиции, которые в ходе весенней амнистии 1917 г. в массовом порядке были переведены из категории «административно высланных» в разряд «беженцев»[19].

С началом Первой мировой войны 75% территории Польши стали ареной боевых действий[20]. В апреле-декабре 1915 г. отступление русских войск на западном театре военных действий привело к потере Галиции, Польши, Литвы, части Прибалтики и Белоруссии. Сотни тысяч человек остались без жилья, мужчины от 18 до 50 лет принудительно эвакуировались. Жители прифронтовых районов — поляки, русские, украинцы, белорусы, евреи — были депортированы в глубь страны.

Государственная власть Российской империи уже в начале 1915 г. встала перед необходимостью решать весь комплекс проблем, связанный с процессом вынужденной миграции. В начале февраля 1915 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков издал приказ

---

[17] *Курцев А. Н.* Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) / Вопросы истории. 1999. № 8. С. 101, 108.

[18] Известия Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 12. 15 ноября; 1917. № 18. 15 февраля.

[19] *Курцев А. Н*. Беженство // Россия и Первая мировая война: Мат. междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 140.

[20] *Grabski W., Żabko-Potopowicz A*. Ratownictwo społeczne w czasie wojny // Polska w czasie Wielkiej wojny (1914–1918): Historia społeczna i ekonomiczna pod red. M. Handelsmana. Warszawa: Towarzystwo Badania Zagadnień Międzynarodowych, 1932. T. II. S. 7.

о создании комиссии по списанию военных потерь. Правительство и военное ведомство также приступили к законотворческой работе, направленной на обеспечение прав беженцев и создание условий для их выживания. В марте 1915 г. был принят закон о кредитной помощи населению Царства Польского, пострадавшему от боевых действий, в местностях, прилегающих к театру военных действий. 15 декабря 1915 г. император Николай II подписал приказ о выделении дотации на восстановление разрушенных построек в Королевстве Польском в форме внебюджетного кредита в размере 23 миллионов рублей[21]. Были установлены выплаты за уничтоженные посевы.

24 июля 1915 г. Совет министров России издал постановление о создании института главноуполномоченных по устройству беженцев на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах. Основные направления в деятельности главноуполномоченных на фронтах были закреплены в постановлении, подготовленном управляющим делами Министерства внутренних дел Н. М. Щербатовым, который отвечал за это направление работы министерства, как одно из важнейших. На посты главноуполномоченных были назначены: по Северо-Западному фронту — С. И. Зубчанинов, по Юго-Западному фронту — Н. П. Урусов. Главноуполномоченные определяли порядок выселения с территории фронтов, направления и способы транспортировки беженцев на новое место жительства в глубь империи при тесном и непосредственном взаимодействии с военными и гражданскими властями. В их обязанности входило обеспечение беженцев продовольствием, медицинской и ветеринарной помощью, они имели право получать денежные средства из казны.

При МВД с целью координации деятельности губернских властей в июле-августе возник временный отдел по устройству беженцев. 30 августа 1915 г. Николай II подписал закон о создании специального органа, в котором была бы скоординирована вся работа правительственных и общественных структур — Особого совещания по устройству беженцев при министре внутренних дел. Закон получил наименование «Об обеспечении нужд беженцев» и в нем был определен статус беженца и его права. Согласно первой статье закона, «беженцами» признавались «лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из районов военных действий».

---

[21] Ibid. S. 9.

Круг вопросов, которые подлежали обсуждению Совещания был широк: распределение кредитов, оказание ссудной помощи пострадавшему от войны населению, регистрация беженцев и водворение их «в места постоянной оседлости», удовлетворение их духовных нужд, определение порядка образования и деятельности местных комитетов и избрание кандидатур их председателей и т. п.[22] На местах создавалась сеть курируемых МВД земских и городских общественных комитетов (коллегий)[23]. Так, в Архангельске, куда направился заметный поток лиц польской национальности, проблемами беженцев-поляков занималось местное отделение «Общества вспомоществования бедным семействам поляков, участвующих в войне, и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий»[24], созданное 29 августа 1914 г. Государственная Дума участия в этой комиссии не принимала.

Однако исследователи отмечают в работе Совещания наличие неизбежных пороков российской бюрократической системы: неповоротливость, дублирование функций и т. п. В результате, в важнейшем вопросе о кредитах на нужды беженцев. Первое заседание Особого совещания состоялось в сентябре 1915 г. Главноуполномоченные на фронтах выступили с отчетами о своей деятельности и предложениями о дальнейшей работе в деле оказания помощи беженцам. Н. П. Урусов высказался за территориальную систему расселения беженцев (переселение жителей одной местности или деревни компактно в одну же местность или населенный пункт империи). Урусов настаивал на отказе беженцам в праве выбирать самостоятельно новое место жительства во избежание бесконтрольного хода этого процесса. Он предлагал выдавать продовольственные пайки только тем беженцам, которые двигались в строгом соответствии с определенным маршрутом.

С. И. Зубчанинов предложил контролировать движение и расселение беженцев вглубь империи через сеть уполномоченных на фронтах. Именно им предполагалось поручить контроль над организацией помощи беженцам в конкретных губерниях. На основе внесенных Зубчаниновым предложений Особое совещание разработа-

---

[22] *Ильин А. В.* Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 г. – февраль 1917 г.) // Правоведение. 1991. № 5. С. 52.

[23] Там же. С. 49.

[24] *Трошина Т.* Поляки в Архангельской губернии в годы Первой мировой войны.// *lib.pomorsu.ru/exile/Polska_ssylka/Troshina.rtf*

ло «Руководящие положения по устройству беженцев», одобренные Советом Министров 2 марта 1916 г. В них конкретизировались порядок и масштабы помощи беженцам, определялись организации, обязанные оказывать помощь беженцам, и их функции. Документ предусматривал активную роль национальных и общественных организаций в деле организации помощи беженцам. Кроме того учреждались губернские советы для упорядочения работы различных организаций по оказанию помощи беженцам на местах.

1 октября 1915 г. в Ставке главнокомандующего под руководством начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева состоялось совещание с участием начальников снабжения армий, главноуполномоченных по устройству беженцев, представителей управления железных дорог, министерств торговли и промышленности, губернаторов прифронтовых губерний. Работа железнодорожного транспорта по перевозке беженцев была признана неудовлетворительной: частые случаи задержки вагонов в узлах ожидания, непродуманная отправка переселенцев, случаи возврата отправленных беженцев на исходный пункт и т. п.

Поскольку наиболее напряженным участком передвижения беженского потока были территории Белоруссии, Смоленской и Псковской губерний, где гужевым порядком передвигалось в этот период времени до 450–500 тысяч человек, было принято решение организовать с 5 по 15 октября вывоз беженцев вглубь России по железной дороге. На эти цели предполагалось выделить по 1200 вагонов в сутки[25]. Особенно сложной была ситуация в регионе между Минском и Смоленском, Гомелем и Брянском.

В связи с принятым решением Особое совещание по устройству беженцев признало необходимым создать посты главноуполномоченных по устройству беженцев и на территории внутренних губерний. Специальная комиссия во главе с членом Государственного Совета А. А. Бобринским разработала проект постановления о назначении главноуполномоченных по устройству беженцев в глубине империи, который был утвержден МВД в октябре 1915 г. Главноуполномоченные в глубине империи должны были руководить транспортировкой и устройством беженцев, объединять уси-

[25] *Бобков А. М.* Беженцы в Белоруссии в годы первой мировой войны (1915–1916) // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Тэзісы дакладаў і паведамленняў. Мн., 1993. Ч. 1. С. 135.

лия местных властей, правительственных и неправительственных организаций в деле оказания помощи беженцам.

Бессменным руководителем коллегии Особого совещания был товарищ министра внутренних дел Н. В. Плеве, он курировал и деятельность всех структурных подразделений Совещания. Он же подписывал важнейшие циркуляры губернаторам по отделу устройства беженцев МВД, который функционировал как управление делами Особого совещания. Весной 1916 г. его сменил другой товарищ министра внутренних дел — князь В. М. Волконский.

19 мая 1916 г. Николай II одобрил доклад министра внутренних дел Б. В. Штюрмера о назначении специального лица, которое бы председательствовало в Особом совещании по беженцам и «вообще ведало бы это дело во всех его главнейших частях» с предоставлением ему в этом отношении прав товарища министра. На такую должность император назначил члена Государственного совета по выборам В. П. Энгельгардта[26]. Летом 1916 г. Совещание явочным порядком расширило свою компетенцию, включив в нее оказание помощи всему пострадавшему от войны населению на возвращаемой территории. В 1916 г. ежемесячно на нужды беженцев тратилось более 20 млн. руб., а общая сумма расходов казны на беженское дело к февралю 1917 г. превысила 400 млн. руб. Львиная доля этих средств ассигновалась в обход Совещания по устройству беженцев распоряжениями министра внутренних дел и Совета министров[27].

До осени 1915 г. систематическая регистрация беженцев фактически не проводилась. Лишь в сентябре 1915 г. при Комитете помощи пострадавшим во время военных действий мирным жителям под председательством Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет) был учрежден Особый отдел по регистрации беженцев. Исполнительным органом Особого отдела стало правление во главе с В. И. Комарницким. Татьянинский комитет был создан для координации работы с хлынувшими в столицу беженцами из захваченных противником областей Польши, Прибалтики и Белоруссии[28].

---

[26] *Ильин А. В.* Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 г. – февраль 1917 г.) // Правоведение. 1991. № 5. С. 53.

[27] Там же. С. 52.

[28] Комитет был включен в состав Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, под председательством императрицы Александры Федоровны. Председатель Комитета — член Государственного Совета, почетный опекун, гофмейстер,

Комитет ставил перед собой задачи содействия в воссоединении семей и отправлении беженцев на место постоянного жительства, в приискании занятий для трудоспособных, в помещении нетрудоспособных в больницы, богадельни и приюты, в устройстве детей в учебные заведения. В действительности комитету пришлось оказывать и финансовую помощь беженцам и беженским организациям, открывать собственные приюты, содействовать получению компенсационных выплат беженцами за понесенные в результате военных действий убытки, заниматься регистрацией беженцев.

На местах создавались отделения Татьянинского комитета. В частности, в Архангельске отделение комитета было образовано в мае 1915 г. Но первой акцией, проведенной по инициативе комитета с целью помощи беженцам, был сбор пожертвований в октябре 1914 г. под лозунгом «Помощь Польше!». Комитет великой княжны Татианы распространил по всем органам местного управления страны воззвание: «Настал час широко, по-русски, прийти на помощь вынесшему все тяжести неприятельского напора населению пограничных окраин наших... Сознание единства между всеми, входящими в состав необъятной России, местностями повелительно требует от благополучных и уцелевших протянуть свою братскую руку помощи пострадавшим и разгромленным. Необходимо тотчас же облегчить положение того нашего края, который перенес испытания небывалые невиданные жившими ныне поколениями. Необходимо немедленно призреть осиротевших, убогих и бездомных, накормить голодных и разоренных, дать заработать лишившимся обычных занятий... Да не оскудеет рука дающих!» Призыв был услышан, и акция имела успех[29].

В 1917 г. Татьянинский комитет был объединен с Особым отделом при Министерстве внутренних дел. Позже была организована временная коллегиальная структура — Всероссийский комитет

А. Б. Нейдгарт, его товарищ — камергер, В. В. Никитин, управляющим делами — В. И. Друри, казначей — управляющий делами Совета Министров, шталмейстер, И. Н. Ладыженский. В Комитет входило 28 членов, среди них фрейлина, баронесса С. К. Буксгевден, супруга статс-секретаря А. И. Горемыкина, гофмейстер граф П. Н Апраксин; графы В. И. и С. И. Велепольские; товарищ министра внутренних дел, егермейстер, князь В. М. Волконский, главный попечитель и председатель Императорского Человеколюбивого общества, сенатор, В. И. Маркевич, предприниматели-миллионеры: горный инженер Я. О. Гукасов и барон А. Г. Гинцбург. В Комитет входили также представители министерств: военного, внутренних дел, путей сообщения, финансов.

[29] *Трошина Т.* Поляки в Архангельской губернии в годы Первой мировой войны // *lib.pomorsu.ru/exile/Polska_ssylka/Troshina.rtf*

оказания помощи пострадавшим от военных действий, в состав которого вошли все крупные учреждения, принимавшие участие в деле организации помощи беженцам. После октября 1917 г. он прекратил свою деятельность.

Достаточно подробно изучен вопрос о размахе деятельности Всероссийского союза городов и земств (Земгор) в плане помощи беженцам Первой мировой войны[30]. Уже с ноября 1904 г., когда состоялся первый съезд земских деятелей, земство стало проявлять себя как оппозиция официальной государственной власти России. Председатель будущего объединённого Земско-городского союза (Земгора) князь Г. Е. Львов в годы русско-японской войны стал руководителем земской организации по оказанию помощи раненым и больным воинам. С началом Первой мировой войны он встал во главе Всероссийского земского союза, разрешение на деятельность которого Император Николай II подписал 12 августа 1914 г.

Всероссийский союз городов не имел такой длительной истории, как Земский союз. Его учредительный съезд состоялся 8–9 августа 1914 г. Съезду предшествовало чрезвычайное собрание Московской городской Думы. На нём депутаты Московской Думы Н. И. Астров и Н. И. Гучков высказались в том смысле, что «Москва в годины всенародных испытаний всегда являлась выразительницей настроения всей страны», поэтому и с началом войны должна «стать центром, объединяющим усилия всех русских городов по оказанию помощи жертвам войны». Правительство ограничило работу этих

---

[30] См., например: Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза на 01.01 1916 г. М. 1916; Очерк деятельности ВСГ за 1914–1915 гг. М. 1916; Краткий обзор деятельности ВЗС на Западном фронте 1915–1917 гг. М 1918; *Коновалов М., Вяткин Г.* Работа Союза городов на Северо-Западном и Северных фронтах. Псков. 1917; *Щепкин М. М.* Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания. М. 1916; *Покровский М. Н.* Царская Россия и война. М. 1924; *Он же*. Империалистическая война. М. 1930; *Погребинский А.П.* К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны // Исторические записки. М. 1941. № 12; *Гисин С. Л.* Всероссийский земский союз (политическая эволюция с июня 1914 г. по февраль 1917 г.). Автореф. дисс. канд. ист. н. М. 1946; *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М. 1976; *Акимова Г. С.* Главный по снабжению армии Комитет (Земгор). 1915–1918 гг.: Автореф. дисс. канд. ист. н. М. 1973; *Юрий М. Ф.* Буржуазные общественные организации в период первой мировой войны: 1914–1918 гг. (Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Земгор, Центральный военно-промышленный комитет): Автореф. дисс. докт. ист. н. Черновцы. 1990; *Судавцов Н. Д.* Земское и городское самоуправление России в годы первой мировой войны. М.-Ставрополь. 2001; *Шевырин В. М.* Земский и городской союзы (1914–1917). М. 2000; *Он же*. Власть и общественные организации в России (1914–1917). М. 2003. и др.

общественных организаций территориально — она была возможна только к востоку от линии военных действий. В районе военных действий любая деятельность могла вестись только военным ведомством страны. Однако этот запрет не оказал серьёзного влияния на деятельность обоих Союзов — с первых дней войны вышла за предписанные ему рамки.

Главное Управление Российского Общества Красного Креста включило Союз городов в свой состав, что обеспечило ему возможность государственного финансирования. 26 августа 1914 г. на его счёт от правительства поступило 3 млн. рублей. На организационном съезде городов в сентябре 1914 г. (в нём приняло участие 195 губернских и уездных городов России), был поставлен вопрос о распространении деятельности Союза и на театре военных действий, что не вызвало принципиального несогласия со стороны Верховного Главнокомандующего.

Дальнейшая деятельность Союза проходила в тесном контакте с военным ведомством и Обществом Красного Креста. Госпитали Союза городов были открыты в Царстве Польском, во Львове и Тифлисе. В районах военных действий (Польша, Галиция, Кавказ) были созданы врачебно-питательные пункты, склады перевязочных материалов, белья, тёплых вещей и санитарно-технические отряды. Для населения районов, пострадавших от военных действий (Польша, Литва), были открыты столовые, а варшавским ремесленникам Союз городов поставлял материалы и заказы. Несколько позже были созданы юридические консультации для призванных на войну, раненых и их семей.

На втором съезде Союза городов (13–15 февраля 1915 г.) была подчеркнута необходимость расширения работы в районах военных действий. По инициативе Союза Городов и Земского союза был организован Главный объединённый комитет Земгора по снабжению и снаряжению армии, развернувшийся впоследствии в организацию с многомиллионными оборотами и рядом собственных производств. С июля 1915 г., когда движение беженцев из западных областей Российской империи стало массовым явлением, этими организациями был разработан план и схема эвакуации местного беженского населения. Этим вопросом стал заниматься Объединённый комитет двух союзов.

При Земгоре создавались отделы по эвакуации детей, по оказанию юридической помощи беженцам, открывались продовольствен-

ные пункты, школы-столовые. Основную финансовую поддержку Земгор получал от Особого совещания по устройству беженцев, которое выделило на нужды беженцев 297 млн. рублей. Отделения Земгора вели учет отъезжающих при посадке и отправлении беженцев на железнодорожных станциях. По его данным, на 1 июня 1916 г. количество беженцев, отправленных по железной дороге, составило 2757735 человек. Из этого числа 38% составили выходцы из Гродненской губернии, 8,6% — из Виленской, 3,7% — из Минской, 3,7% — из Витебской. Около 47,1% от общего количества беженцев составляли жители Белоруссии. Согласно данным Центральное всероссийское бюро по регистрации беженцев, на 1 февраля 1917 г. количество беженцев со всех фронтов составило 3 200 512 человек[31].

На местах развернули активную работу национальные общественные организации помощи беженцам. Так, в Вильно было создано Белорусское общество помощи пострадавшим от войны, которое открыло семь отделений общества на местах. Наиболее активным было Минское отделение Белорусского общества, в работе которого принимал участие известный белорусский поэт М. Богданович. Эти отделы оказывали беженцам посильную материальную помощь, давали временную работу, открывали общежития для учащихся, организовывали «белорусские вечера»[32].

Варшавское отделение Польского общества помощи жертвам войны было создано в декабре 1914 г., основной целью этой организации стало облегчение участи тем полякам, которые были подданными государств — противников России. Во главе комитете стоял А. Парчевский, центральный офис комитета располагался в Петрограде. Основной формой деятельности комитета стал сбор средств в форме пожертвований, от спектаклей, концертов и другой благотворительной деятельности. В сентябре 1915 г. был организован Центральный гражданский (обывательский) комитет (ЦГК) Царства Польского.

Деятельность некоторых общественных организаций способна была оказывать влияние на решения военных властей. Так, в Малопольше с момента отступления русских войск сложилась крайне

[31] Мікалаевіч А. Бежанцы першай сусветнай вайны // Спадчына. 1994. № 3. С. 19.

[32] *Скалабан В.В.* «...В это суровое и важное время» // Неман. 1981. № 12. С. 142.

напряженная ситуация и местная администрация получила приказ Великого Князя Николая Николаевича, командующего русской армией, об эвакуации населения из угрожаемых территорий. Великий князь приказал также при отступлении уничтожать посевы и угонять скот [33].

Председатель Татьянинского комитета А. Б. Нейгардт и общественные деятели В. И. и С. И. Велепольские составили мемориал в адрес Великого Князя Николая Николаевича, в котором просили оставлять у населения все необходимое для жизни. Эта инициатива внесла коррективы в приказ командующего русской армией: в приказе предписывалось уничтожать только то, что было необходимо с точки зрения войны, но при этом составлять акты об уничтожении имущества населения, а также проводить его частичную эвакуацию. Эвакуации подлежали только те жители Малопольши, которые проживали на территории вдоль линии фронта глубиной в 50 км (в южных повятах Люблинской, Холмской и Ломжинской губерний). Великий Князь признал также необходимым призвать местное мужское население в возрасте от 18 до 45 лет на работы по организации снабжения армии. Первый приказ об эвакуации огласил Любельский губернатор 20 июня 1915 г. Вслед за этим эвакуация мужского населения началась в Холмской губернии.

Первые волны беженцев, как отмечали польские исследователи проблемы, образовались в нескольких направлениях. Во-первых, из южных повятов Люблинской и Холмской губерний беженцы направились на Влодаву и Кобрин. Во-вторых, на территории Радомской губернии с левого берега Вислы — на правый берег. В-третьих, из повятов Пултуского. Маковского и Чехановского поток беженцев направился в Плонский повят. В-четвертых, из повятов Сохачевского, Блоского, Гроецкого поток беженцев сосредоточился в предместьях Варшавы[34].

Беженцы передвигались пешком и на повозках. Часть беженцев была отправлена на восток по железной дороге. Но основная масса беженцев следовала по Брестско-Московской дороге, она состояла

[33] *Grabski W., Żabko-Potopowicz A*. Ratownictwo społeczne w czasie wojny // Polska w czasie Wielkiej wojny (1914–1918): Historia społeczna i ekonomiczna pod red. M. Handelsmana. Warszawa: Towarzystwo Badania Zagadnień Międzynarodowych, 1932. T. II. S. 57.

[34] *Grabski W., Żabko-Potopowicz A.* Ratownictwo społeczne w czasie wojny // Polska w czasie Wielkiej wojny (1914–1918): Historia społeczna i ekonomiczna pod red. M. Handelsmana. Warszawa: Towarzystwo Badania Zagadnień Międzynarodowych, 1932. T. II. S. 58.

преимущественно из крестьян Люблинской и Холмской губерний. Вторая волна следовала по дорогам Пружаны — Слоним — Барановичи и Белосток — Волковыск — Слоним — Барановичи. Этот поток также состоял преимущественно из крестьян-белорусов западной части Гродненской губернии, а также русинов с Волыни. Третьей волной беженцев на восток стали жители Ковенской и Виленской губерний[35]. 4–5 августа 1915 г. русская армия оставила Варшаву. Уже 30 августа правительство Российской империи приняло закон о выделении 25 миллионов рублей на опеку беженцев. В структуре МВД России было решено создать специальный отдел по опеке беженцев. Законодательно этот отдел был оформлен только 2 марта 1916 г. как отдел по устройству беженцев, во главе отдела встал поляк Александр Тышкевич.

ЦГК направил для опеки поляков-беженцев на территории России трех своих представителей: С. Четвертинского, В. Грабского и С. Войчеховского. Татьянинский комитет выделил Грабскому на эту деятельность 200 тысяч рублей. Немалые средства были получены им от российского правительства и от благотворительных организаций[36]. Грабский, как представитель ЦГК в Москве и Петрограде, подготовив 30 инструкторов по работе с беженцами, направил их на места размещения беженцев-поляков.

В частности, в Архангельской губернии проблемой беженцев-поляков занималось Архангельское отделение Центрального гражданского (обывательского) Комитета Царства Польского, функции которого заключались в снабжении беженцев деньгами, теплой одеждой и бельем. Комитет устроил в Архангельске приют для польских детей и открыл польскую школу. Для работы в Комитете местные жители-поляки не привлекались, работой руководили, как пишет исследователь проблемы, «командированные лица». Инструкторами ЦГК в Архангельске последовательно были М. В. Свионтковский и Станислав Рейнгард. Последний до этого был инструктором ЦГК в Вятке[37].

Беженцы из региона военных действий были разбросаны почти по всей территории России. На момент описываемых событий имеются относительно точные данные зарегистрированных беженцев,

---

[35] Ibid. S. 59.

[36] Ibid. S. 60.

[37] *Трошина Т.* Поляки в Архангельской губернии в годы Первой мировой войны.// *lib.pomorsu.ru/exile/Polska_ssylka/Troshina.rtf*

составленные польскими представителями ЦГК на местах. Согласно этим данным, общая численность зарегистрированных беженцев с польских территорий составила 743 тысячи человек. К этому числу следует добавить тех, кто не имел связи с организациями помощи беженцам (рабочие, железнодорожники, чиновники, интеллигенты и 300 тысяч польских солдат). Этнические поляки составили в этом потоке всего 24%[38].

Польские исследователи выделили шесть групп беженцев[39]:

<table>
<tr><th>Губернии</th><th>Численность беженцев (тыс. человек)</th><th>Профессиональный состав</th></tr>
<tr><td>1. Минская
Могилевская
Киевская
Смоленская
Черниговская
Волынская</td><td>99573
75352
42811
26827
20387
15874</td><td>Преимущественно крестьяне, приехавшие на собственных подводах.</td></tr>
<tr><td>2. Москва и Московская губ.
Екатеринославская
Харьковская
Полтавская</td><td>72563
36611
36016
19138</td><td rowspan="2">Рабочие, чиновники, служащие железных дорог, интеллигенция.</td></tr>
<tr><td>3. Петроград и Петроградская губ.</td><td>27850, не считая незарегистрированных</td></tr>
<tr><td>4. Орловская
Саратовская
Область Войска Донского</td><td>20271
26796
29381</td><td>Смешанный</td></tr>
</table>

[38] *Grabski W., Żabko-Potopowicz A.* Ratownictwo społeczne w czasie wojny // Polska w czasie Wielkiej wojny (1914–1918): Historia społeczna i ekonomiczna pod red. M. Handelsmana. Warszawa: Towarzystwo Badania Zagadnień Międzynarodowych, 1932. T. II. S. 65.

[39] Число незарегистрированных беженцев из Польши в этом регионе, а также этнических поляков, зарегистрированных как граждане Российской империи, вошедших впоследствии в категорию оптантов польского гражданства, требует уточнения.

5. Ярославская, Самарская, Оренбургская, Тамбовская, Пензенская, Нижне-Новгородская, Калужская, Херсонская, Казанская, Псковская, Рязанская, Тверская, Уфимская, Воронежская	В каждой — менее 15 тысяч человек	Смешанный
6. В Сибири	10955	Смешанный

Беженцы с польской территории были разбросаны по всей России, при этом крестьян размещали в сельской местности, горожан — в городах[40]. Работу по обеспечению интересов беженцев на территории империи, как свидетельствуют материалы польских отделений и представителей ЦГК, польские исследователи вопроса признали успешной. Провоз по железной дороге и речными и морскими судами был бесплатным, все расходы на время переезда оплачивало Российское государство. Была предусмотрена обязательная помощь продуктами детям до 14 лет, нетрудоспособным, а также взрослым, под наблюдением которых находились дети. Взрослые беженцы, занятые в качестве сельскохозяйственных рабочих, получали пособие в размере 15–20 копеек в день[41].

На проживание беженцам выделяли 1,20–2 рубля в месяц, обеспечивали бесплатное лечение. Предусматривалось обеспечение бесплатной одеждой, бельем, обувью стоимостью до 20 рублей на человека в год. Обеспечивалось удовлетворение религиозных потребностей. Дети имели право на бесплатное обучение в начальной школе. Министерство просвещения Российской империи приняло решение об облегчении поступления беженцев-детей в гимназии. Достаточно часто дети беженцев и в гимназиях обучались бесплатно.

13 мая 1916 г. был принят Закон о государственной помощи беженцам в форме денежных пособий. Беженцы получали юридическую помощь и помощь в трудоустройстве. На местах имело место разноо-

[40] *Grabski W., Żabko-Potopowicz A.* Ratownictwo społeczne w czasie wojny // Polska w czasie Wielkiej wojny (1914–1918): Historia społeczna i ekonomiczna pod red. M. Handelsmana. Warszawa: Towarzystwo Badania Zagadnień Międzynarodowych, 1932. T. II. S. 64.

[41] Ibid. S. 67.

бразие методов и путей к решению проблемы. В частности, для обеспечения находящихся в Архангельске беженцев работой, привлекалось Бюро труда, открытое при Биржевом комитете. Специальные агенты привлекали беженцев к общественно-полезным работам: по «срыванию снега с крыш, чистке площадей, равнению ухабов на дорогах». Распоряжением Архангельского губернатора, беженцы, отказавшиеся от общественных работ, лишались казенного пособия; то же рекомендовано было делать и общественным организациям. Поэтому, как отмечает исследователь вопроса, беженцев, желавших получить такую работу и при этом лишиться казенного вспомоществования, было мало[42].

Польские исследователи этого вопроса, которые сами были организаторами помощи беженцам в России, сделали однозначный вывод о том, что «именно помощь правительства в России обеспечила возможность для развития национальных гуманитарных организаций»[43]. К таковым польские историки, в первую очередь, относили Петроградский отдел ЦГК, зарегистрированный 24 августа 1915 г. Полномочным представителем комитета стал В. Грабский, членом комитета стал сенатор Любимов, который занимался помощью беженцам еще в Варшаве.

На 30 ноября 1917 г. ЦГК располагал доходом в 47 миллионов 646 тысяч рублей. Он получал средства от Главного Управления ЦГК и Особого отдела при МВД (почти 36 миллионов рублей), от земств и губернаторов (более 1 миллиона 700 тысяч рублей), от Татьянинского комитета (более 7 миллионов рублей). Остальные средства поступили от жертвователей и самостоятельной деятельности Комитета. ЦГК занимался опекой преимущественно поляков-беженцев. Осенью 1916 г. под его опекой находилось 333794 беженца польской национальности.

Другие организации — разного рода благотворительные общества, а также Польское общество помощи жертвам войны[44], опекали еще 286066 беженцев-поляков. Беженцы-поляки размещались в

---

[42] *Трошина Т.* Поляки в Архангельской губернии в годы Первой мировой войны // *lib.pomorsu.ru/exile/Polska_ssylka/Troshina.rtf*

[43] *Grabski W., Żabko-Potopowicz A.* Ratownictwo społeczne w czasie wojny // Polska w czasie Wielkiej wojny (1914–1918): Historia społeczna i ekonomiczna pod red. M. Handelsmana. S. 68.

[44] Варшавский отдел был создан в декабре 1914 г. Председателем Центрального комитета (в Петрограде) был А. Парчевский. К 1 ноября 1916 г. имело 247 отделов по всей территории империи. Во главе Главного комитетат в Петрограде стояли В. Жуковский, после его кончины — А. Бабяньский.

200 городах России и 7500 поселениях[45]. К осени 1916 г. общество имело 109 отделов по всей России. Общество помощи жертвам войны имело все профильные отделы. На ноябрь 1916 г. оно располагало средствами в размере 13 823625 рублей, только от Татьянинского комитета был получен 571381 рублей[46].

Автономно действовал Отдел помощи полякам иностранного подданства во главе с Б. Яловецким, организованный в Литве. Отдел распространял опеку на регион Петроградской, Псковской, Витебской, Виленской, Минской, Могилевской и два района Черниговской губерний, а также на город Ригу. С осени 1916 г. отдел распространил свою деятельность на территорию восточную и северную Россию, Сибирь, Прибалтику. К этому периоду времени эта благотворительная организация располагали средствами в размере 1 142257 руб. и имела 214 структур (госпитали, амбулатории, столовые, артели, детские сады, школы и т. п.)[47].

Кроме этих крупных благотворительных организаций судьбами беженцев-поляков занимались Русское Католическое благотворительное общество, общество «Польская матерь» в Петрограде, опекавшее молодежь и детей, социалистическое общество «Промень»[48]. В России действовали и организации, опекавшие поляков из Германской и Австрийской частей Польши (в первую очередь, военнопленных Первой мировой войны): Комитеты Хелмский, Виленско-Ковенский, Гражданский; Виленское крестьянское общество и Общество жертв боевых действий.

Более значительным и влиятельным, по сравнению с этими организациями, был Польский Комитет в Москве, в котором работали А. Ледницкий, Эверт, Даровский. Осенью 1915 г. в Москве Комитет стал основой новой организации — Совета съездов польских организаций помощи жертвам войны, во главе которого встал А. Ледницкий. Тогда же был организован Окружной Совет Киева. Осенью 1917 г. Совет съездов открыл отделение в Петрограде. Совет сыграл значительную роль в координации деятельности польских организаций по всей России. Польские беженские благотворительные организации продол-

---

[45] *Grabski W., Żabko-Potopowicz A.* Ratownictwo społeczne w czasie wojny // Polska w czasie Wielkiej wojny (1914–1918): Historia społeczna i ekonomiczna pod red. M. Handelsmana. S. 72.

[46] Ibid. S. 87.

[47] Ibid. S. 90–91.

[48] Promień (польск.) – луч.

жали получать средства от российского правительства (к 1 сентября 1916 г. Совет Съездов получил кредиты на сумму 3 407800 рублей), от Татьянинского комитета (кредиты на сумму 990 тысяч рублей), а также из иных источников, включая пожертвования) [49].

Как уже отмечалось, не оказывался в стороне от проблем беженцев и гражданского населения, пострадавшего от войны, и Российское общество Красного Креста, несмотря на то, что устав общества не предусматривал таковую деятельность[50]. Посильную помощь жертвам Мировой и Гражданской войн в России стремился оказать Папа Римский Бенедикт XV[51]. Архиепископы епархий Московского патриархата, примыкающих к региону боевых действий, также не оказывались в стороне от событий[52].

Февральская революция осложнила работу всех беженских организаций, рывок инфляции обесценил имеющиеся у них средства. Произошла реорганизация учреждений, занимавшихся решением проблем беженцев. В 1917 г. Татьянинский комитет был объединен с Особым отделом при Министерстве внутренних дел. Позже была организована временная коллегиальная структура — Всероссийский комитет оказания помощи пострадавшим от военных действий, в со-

---

[49] *Grabski W., Żabko-Potopowicz A.* Ratownictwo społeczne w czasie wojny // Polska w czasie Wielkiej wojny (1914–1918): Historia społeczna i ekonomiczna pod red. M. Handelsmana. S. 97. И. Падеревский пожертвовал на работу с беженцами-поляками 17 тысяч рублей.

[50] Денежный капитал РОКК к началу Первой мировой войны составлял 25 млн. руб., недвижимость оценивалась в 35 млн., запасы госпитального имущества — в 18 млн. К середине 1917 г. под флагом Красного Креста работало 136 850 человек, в том числе административный персонал насчитывал 5 500 человек; членами РОКК состояли 39 тыс. человек. На фронтах Первой мировой войны действовало 2 255 учреждений РОКК, в том числе 149 госпиталей на 46 000 коек, обслуживаемых 2 450 врачами, 17 000 сестер милосердия, 275 фельдшерами, 100 аптекарями и 50 000 санитаров. В его распоряжении находилось 6 плавучих госпиталей, 33 тыс. лошадей и 530 автомобилей. Только в расположении войск Юго-Западного фронта действовало более 400 медицинских учреждений РОКК, в которых с августа 1914 г. по январь 1917 г. была оказана квалифицированная медицинская помощь 1,2 млн. военнослужащих. В тылу располагалось более 1.400 учреждений РОКК, в том числе 736 местных комитетов, 112 общин сестер милосердия, 80 больниц и т. д. См.: *Голотик С. И., Ипполитов С. С.* Российское общество Красного Креста (1917 – 30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 2(4).

[51] *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Глава XI. Варшавские администраторы. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954.

[52] Собрание Узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1917–1918 гг. Ст. 78. Постановление НКИД от 2 декабря 1917 года за подписью Троцкого «О визации паспортов при въезде в Россию».

став которого вошли все крупные учреждения, принимавшие участие в деле организации помощи беженцам. После октября 1917 г. Всероссийский комитет прекратил свою деятельность.

За два дня до появления Декларации Временного правительства о признании независимости Польши, 28 марта 1917 г. была организована Ликвидационная комиссия по делам Королевства Польского во главе с председателем Совета съездов польских организаций помощи жертвам войны А. Ледницким. В состав комиссии вошли также В. Грабский и Ян Мрозовский.

Политика советского правительства в отношении беженцев требует специального рассмотрения. После Октябрьской революции, сразу после заключения Брест-Литовского мирного договора, 2(15) декабря 1917 г. Троцкий издал приказ об обязательном визировании паспортов при въезде в РСФСР [53]. Въезд в пределы Советской России разрешался лишь лицам, имевшим паспорта, заверенные единственным советским представителем за рубежом В. Воровским, находившимся в Стокгольме. Тремя днями позже «впредь до дальнейших распоряжений» нарком НКВД Г. И. Петровский запретил выезд из РСФСР без разрешения местных Советов граждан из воевавших с Россией государств[54].

В Советской России к концу декабря 1917 г. были разработаны положения о въезде и выезде из страны. Паспорта с фотографиями должны были дополняться специальными разрешениями с обязательными подписями представителей НКВД и НКИД. Предусматривались обыски и личные осмотры всех, включая женщин, стариков и детей. Только дипломаты в соответствии с международными нормами не подвергались осмотру. Все недозволенное к провозу конфисковывалось, запрещался вывоз документов, могущих «повредить» экономическим или политическим интересам советской власти; лица, у которых такие документы были найдены, подлежали немедленному аресту[55].

Территория Польши, оккупированная Германией, входила в сферу действия Брест-Литовского договора. На его основании 27 января (9 февраля) 1918 г. было подписано соглашение о возвра-

---

[53] СУ РСФСР. 1917–1918 гг. Ст. 89. Постановление от 5 декабря 1917 года за подписью наркома НКВД Петровского.

[54] СХ РСФСР. 1917–1918 гг. Ст. 89. Постановление от 5 декабря 1917 г. за подписью наркома НКВД Г. Н. Петровского.

[55] Там же. Ст. 163. Постановление СНК от 20 декабря 1917 г.; ст. 174. Постановление от 21 декабря 1917 г. за подписями Уншлихта и Залкинда.

щении на родину гражданских лиц, подданных обеих сторон. Возвращению подлежали «все лица женского пола», «лица мужского пола в возрасте от 16 до 45 лет, негодные к военной службе», «врачи и духовные лица, независимо от возраста»[56].

В январе 1918 г. советское правительство разрешило бывшим гражданам Российской империи вернуться в Россию[57]. Въездные визы выдавались представителем СНК за границей. 28 марта 1918 г. Постановление ВЦИК о праве убежища определило, что «всякий иностранец, преследуемый у себя на родине за преступления политического и религиозного порядка, в случае прибытия в Россию, пользуется здесь правом убежища»[58].

С апреля 1918 г. получение советского гражданства стало доступным любому иностранцу, проживающему в РСФСР. Необходимо было подать заявление в местный Совет, указать сведения анкетного характера, в том числе: не подвергался ли проситель арестам за уголовные преступления, а если да, то за какие. Личность иностранца в случае отсутствия документов заверялась свидетелями — гражданами РСФСР. За предоставление ложных сведений иностранец мог быть привлечен к уголовной ответственности или лишен предоставленного ему ранее российского подданства. После рассмотрения этого заявления местный Совет принимал решение о приеме в советское гражданство. В исключительных случаях допускалось принятие в советское гражданство иностранцев, находившихся за границей[59].

30 мая 1918 г. СНК довел до сведения Международного Комитета Красного Креста и правительств государств, признавших Женевскую конвенцию о том, что русское правительство, «убежденное в исключительной важности вопроса о военнопленных, сконцентрировало все правительственные функции, относящиеся к

[56] Документы внешней политики СССР. М. 1959. Т. 1. С. 644–646.

[57] СУ РСФСР, 1917–1918 гг., ст. 226, «Новые правила въезда в Россию из-за границы русских граждан». Опубликованы 12 января 1918 г. в Газете Временного Рабоче-Крестьянского правительства № 6.

[58] СУ РСФСР, 1917–1918 гг., ст. 519, Декрет ВЦИК РСФСР № 56 «О праве убежища», от 28 марта 1918 г., за подписью Я. М. Свердлова. Несколько позже это право было закреплено в первой Конституции: РСФСР «предоставляет убежище всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления» (СУ РСФСР, 1917–1918 гг., ст. 582). См также: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 219.

[59] СУ РСФСР, 1917–1918 гг., ст. 405, Декрет ВЦИК РСФСР «О приобретении прав российского гражданства». Опубликован в «Известиях ВЦИК» 5 апреля 1918 г., № 66.

военнопленным и беженцам в специальном органе — Центральной коллегии о пленных и беженцах»[60].

Проблема решения вопроса о статусе беженцев — бывших подданных Российской империи[61], пережила несколько этапов рассмотрения. 13 июля 1918 г. эти лица получили право в течение месяца со дня издания декрета возбудить перед НКВД ходатайство о выходе из российского подданства[62]. Затем следовала процедура оптации гражданства той страны, куда направлялся человек. Однако 27 июля 1918 г. В. И. Ленин подписал Декрет, на основании которого все беженцы, не заявившие о выходе из российского гражданства, становились подданными РСФСР[63]. Однако это решение оказалось чрезвычайно поспешным, оно существенно осложнило положение беженцев и вызвало протест со стороны Германии и представителей стран-союзниц в мировой войне. 16 августа 1918 г. СНК принял Декрет о продлении срока подачи прошений о выходе из российского подданства до сентября 1918 г.

Для решения вопросов, связанных с судьбой служащих учреждений Российской Империи, эвакуированных вглубь России по военным соображениям, прежде всего из Польши и Литвы при СНК были созданы специальные комиссариаты по делам Польши и Литвы[64].

Регистрироваться иностранцы должны были в местных Советах в недельный срок со дня опубликования постановления. Если иностранец не пришел на регистрацию «до истечения вышеуказанного срока», он мог быть привлечен «к ответственности по всей строгости военно-революционного времени», т. е. теоретически вплоть до расстрела[65].

---

[60] Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 334.

[61] Те, кто проживал, либо родился за пределами РСФСР: в Польше, Финляндии или на территориях, отторгнутых от Советской России, согласно условиям Брест-Литовского мирного договора.

[62] СУ РСФСР, 1917–1918 гг., ст. 577. Декрет СНК «О порядке выхода из российского гражданства проживающих в пределах Российской республики постоянных жителей местностей, отторгнутых от России в силу Брестского мирного договора», от 13 июля 1918 г., за подписью В. И. Ленина.

[63] СУ РСФСР, 1917–1918 гг., ст. 623, Декрет от 27 июля 1918 г.

[64] СУ РСФСР, 1917–1918 гг., ст. 874, от 19 ноября 1918 г., за подписью В. И. Ленина, принятая в развитие Декрета от 26 января 1918 г.; ст. 876 от 19 ноября 1918 г., за подписью В. И. Ленина, принятая в развитие Декрета от 28 декабря 1917 г.

[65] СУ РСФСР, 1919 г., ст. 361. Постановление НКВД за подписью заместителя наркома внутренних дел М. Владимирского «О регистрации иностранных граждан, проживающих на территории РСФСР» было опубликовано 22 июля 1919 г. в газете «Известия».

Первый советский уголовный кодекс, названный «Руководящими началами по уголовному праву РСФСР», был принят в конце 1919 года. Уголовный кодекс РСФСР действовал на всей территории Советской России как в отношении советских граждан, так и в отношении иностранцев, «совершивших на ее территории преступление, а равно в отношении граждан РСФСР и иностранцев, совершивших преступление на территории иностранного государства, но уклонившихся от суда и наказания в месте совершения преступления и находящихся в пределах РСФСР». На практике это означало, что иностранец, совершивший, по мнению советских властей на своей родине, «преступление» (например, против советской власти), мог быть арестован за это в случае приезда в РСФСР и судим.

В советских республиках решение вопроса о беженцах в целом было подчинено руководящим решениям из центра. 31 января 1918 г. был создан Белорусский национальный комиссариат, при котором начал функционировать отдел по вопросам беженцев. В июле 1918 г. в Москве прошел Всероссийский съезд беженцев из Беларуси.

В 1919 г. было создано правительство Советской Украины. Свою законодательную деятельность оно начало с попытки контроля въезда и выезда за пределы республики. Были введены заграничные паспорта для лиц, желавших выехать, прошения о выдаче паспортов подавались в отделы управления губисполкомов. К ним необходимо было прилагать разрешения на выезд за границу от гражданского комиссариата и Губернской чрезвычайной комиссии, а для мужчин — и от военного комиссариата. Требовалась также справка финансового отдела исполкома о том, что за просителем не числится никаких недоимок, и три фотографии. Проситель должен был заполнить в иностранном отделе «справочный лист», достоверность информации должна была быть подтверждена заверенными нотариально подписями двух поручителей[66].

Украинские декреты повторяли более ранние законы Советской России, с той разницей, что иностранцы, желающие въехать на Советскую Украину, и украинские подданные, находящиеся за границей, не имевшие дипломатических паспортов, допускались в республику лишь по особому разрешению заграничного представите-

[66] Собрание Узаконений Украинской ССР, 1919 г., ст. 265, Декрет СНК УССР от 11 марта 1919 г. за подписями Г. К. Раковского и наркома внутренних дел УССР К. Е. Ворошилова «О заграничных паспортах».

ля СНК УССР. Этот представитель препровождал заполненные просителем опросные листы непосредственно на пограничный пункт. Иностранцы же для получения визы на въезд представляли полномочному представителю Украины за границей свои национальные заграничные паспорта. Советское Украинское правительство уравняло проживавших в УССР иностранцев в правах с гражданами Украины, России, Латвии и Эстляндии. В марте 1919 года декретом СНК УССР в правах с гражданами советской Украины были уравнены «все беженцы, вследствие войны поселившиеся на территории Украины... если они не перешли в установленном порядке в число граждан другого государства». Наравне с украинскими гражданами иностранцы отвечали за совершение «контрреволюционных» и уголовных преступлений, в том числе и за занятие контрабандой, были окончательно уравнены в правах на имущество и стали привлекаться к трудовой повинности.

Положение польских беженцев в Советской России оказалось в центре внимания Регентского Совета Королевства Польского[67]. 26 сентября 1918 г. представитель Регентского Совета в России уполномочил ряд польских граждан в ряде городов представлять Совет по «делам реэмиграции и охраны прав и имущества польских граждан»[68]. Однако работа Регентского Совета в направлении реэмиграции поляков не принесла больших плодов. В глазах живущих в России беженцев из Польши, как сообщал нарком иностранных дел Г.В. Чичерин министру иностранных дел Польши Л. Василевскому, «ни Регентский Совет, ни его делегация в России, ни в какой мере не были представителями польского народа, а лишь органами германской оккупации». «В своей деятельности, — подчёркивал Чичерин, — они руководствовались единственно указаниями германского посольства, а не действительными интересами польских беженских масс», поэтому делегация Совета искусственно «создавала препятствия» для их реэвакуации[69].

---

[67] Регентский Совет был создан на территории Королевства Польского (часть Российской империи) 12.09.1917 г. приказом Варшавского генерал-губернатора по соглашению с руководством Германии и Австро-Венгрии.

[68] В этот момент представители Регентского Совета Королевства Польского были в Нижнем Новгороде, Пензе, Саратове, Тамбове, Могилёвской и Витебской губерниях. — АВП РФ. Ф. 122. Оп. 1. Пор. 6. П. 1. Л. 31, 38.

[69] Письмо Г. В Чичерина Л. Василевскому от 10 декабря 1918 г. — АВП РФ. Ф. 122. Оп. 1. Пор. 2. П. 1. Л. 11.

В начале 1919 г. движение польских беженцев из Сибири и Центральной России к западным границам стало перерастать в стихийное. НКИД РФ поставил вопрос о репатриации поляков, как «не терпящий отлагательства практический вопрос»[70]. В феврале 1919 г. НКИД РФ поставил в известность премьер-министра Польши И. Падеревского о проблемах, с которыми столкнулось «несколько сот тысяч польских беженцев», лишённых «всяких средств к существованию»[71].

Граница с Советской Россией была закрыта польской стороной, в связи с чем возникла напряжённая ситуация на пограничной территории на грани гуманитарной катастрофы. 11 февраля 1919 г. члены Польского бюро ЦК РКП(б) сообщали наркому иностранных дел Чичерину, что беженцы вследствие закрытия границы поляками «тысячами умирают от болезней в пограничной полосе» [72].

11 июля 1919 г. военное министерство Польши издало распоряжение о порядке транспортировки, регистрации и отправки в лагеря военнопленных, интернированных, беженцев и реэмигрантов, в котором в категорию «беженцев» включили «гражданских лиц непольского гражданства, скрывающихся на территории Польши от преследования врагов». К беженцам («гражданским лицам») были отнесены также бывшие кадровые офицеры и солдаты царской армии, если они не служили в большевистской или украинской армиях. В категорию «реэмигрантов» польское военное ведомство внесло только польских граждан, возвращавшихся в страну «из принудительной или добровольной эмиграции»[73].

19 июня 1919 г. председатель Минского отделения Комитета по делам пленных и беженцев сообщал в Москву о положении репатриантов на советско-польской границе: «последнее время грабежи, издевательства носят систематический характер: издеваются над женщинами и детьми. Ограбленных, раздетых, возвращают обратно под угрозой расстрела»[74]. Напряжённую ситуацию на «восточных крессах» подогревала деятельность польского Союза борьбы с коммунистами на восточных территориях Польши, который активизировался весной 1919 г. Главной идеей этой организации была

---

[70] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 1. Пор. 2. П. 1. Л. 12.

[71] Там же. Оп. 2. Пор. 4. П. 2. Л. 15.

[72] Там же. Пор. 9. П. 2. Л. 33.

[73] Красноармейцы в польском плену в 1919–1921 гг. С. 65.

[74] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 2. Пор. 9. П. 1. Л. 9.

борьба с евреями — «агентами немцев и большевиков», которые стремятся отдать Польшу «на разграбление Германии и России»[75].

3 июня 1919 г. нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин направил радиограмму в МИД Польской республики и правительствам союзных государств с нотой, в которой предупредил польскую сторону о возможном задержании в Советской России польских граждан, в том числе — членов Регентского Совета. Советское руководство было готово пойти на крайнюю меру — взять их в качестве заложников в ответ на те бесчинства, которые творились поляками на пограничной территории. Впоследствии это было сделано.

В связи с нарушениями прав репатриантов нарком по иностранным делам направил польскому правительству ноту, в которой подчеркнул, что, «несмотря на весь вопиющий характер многочисленных актов произвола, совершённых иностранными отрядами и армиями в разных частях России, всё же ни одна из этих армий не опустилась до того уровня дикости, до той практики систематических и грандиозных еврейских погромов и массовых убийств политических противников, какая возведена в систему польскими властями»[76].

Несколько позже Чичерин был вынужден заявить протест польской стороне по другому поводу, телеграфируя в МИД Польши, что «сотни тысяч поляков» скопились на границе у демаркационной линии, в то время как польское правительство «отказывается заключить соглашение с нами по организации дельнейшего путешествия этих беженцев». Когда же беженцы, самостоятельно перешедшие через границу, продолжали движение по Польше, польские «агенты и солдаты» «предавались по отношению к ним наихудшим эксцессам», т. к. имели место «факты грабежа, насилия и даже убийств». В лучшем случае их возвращали обратно, «под юрисдикцию советских властей». В «настоящую систему» были возведены грабежи и издевательства над жёнами и детьми беженцев — их избивали, обирали, отбирали последние сбережения[77].

В сентябре 1919 г. МВД Польши предпринял попытку проведения первой регистрации иностранцев, которые не являлись подданными государств — союзников Польши. Русские и германские граждане были выделены в особую категорию: они были лишены свободы передвижения и поставлены перед необходимостью регулярной

[75] «Dziennik nowy», 15.04.1919; АВП РФ. Ф. 122. Оп. 2. Пор. 11. П. 2. Л. 29.

[76] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 2. Пор. 22. П. 3. Л. 6–9.

[77] Там же. Пор. 9 П. 2. Л. 34.

регистрации. При этом политическим эмигрантам — противникам большевиков — представителям «белой» эмиграции, если они смогли подтвердить это, вручали так называемые «карты азиля», прочие эмигранты могли рассчитывать только на «карты побыта»[78].

Гражданское население (поляки, украинцы, белорусы, евреи, русские и т. д.) — граждане Российской империи, проживавшие до мировой войны на территории новообразованной Польской республики, стало возвращаться в на родину сразу после окончания Первой мировой войны. Но самый значительный поток гражданских беженцев из России (с территории Белоруссии, Украины, из центральных областей и Сибири) сформировался в заключительный период Гражданской войны и после ее окончания — в 1920–1922 гг.

По приблизительным подсчётам Польского бюро при ЦК РКП (б), в сентябре 1920 г. в Советской России насчитывалось до 1,5 миллиона польских военнопленных и беженцев[79]. Из них военнопленных насчитывалось не более 60 тысяч человек[80].

Только за период с 1 января по 31 декабря 1921 г., по данным Центрэвака, на основании Соглашения о репатриации, в Польшу из России (без Украины) для предотвращения «внепланового движения беженцев» к западной границе организованным путём (эшелонами) подлежало к вывозу более 654 тыс. человек. Из них беженцев было свыше 550 тыс. человек, остальные были военнопленными, гражданскими пленными, эмигрантами и оптантами[81].

Проблема «возвращенцев» — колоссального наплыва людского потока на территорию новообразованной Польской республики была столь остра, что её пришлось поднимать в рамках двустороннего соглашения о репатриации, прилагавшегося к Рижскому Договору о мире. В соглашении были даны определения категориям

---

[78] Karta azylu (пол.) — в дословном переводе — удостоверение об убежище, karta pobytu (пол.) — удостоверение о пребывании. В первом случае политические эмигранты пользовались правом убежища на основе норм международного и польского права, «карты побыта» были лишь регистрационным документом, на их владельцев нормы международного и польского права не распространялись. Если беженцы не имели гражданства какого-либо государства, то попадали в категорию апатридов (лиц без гражданства). Права этой категории беженцев были определены лишь в июле 1922 г. принятием Лигой Наций текста сертификата для беженцев (Нансеновского паспорта). — См.: *Бочарова З. С.* Деятельность Лиги Наций по урегулированию статуса беженцев // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. С.-Пб. 2006. С. 14.

[79] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 25. Л. 26.

[80] Там же. Л. 12.

[81] Там же. Ф. 76. Оп 3. Д. 161. Л. 19–20.

«беженцы» и «эмигранты». К категории беженцев были отнесены лица, которые до 1 августа 1914 г. проживали территории одной из сторон, и находились на территории другой стороны. К ним относились все, кто в период мировой войны 1914–1918 гг., «российско-украинско-польской» и Гражданской войны оставили «занятые или угрожаемые неприятелем районы», либо были выселены распоряжением военных или гражданских властей. К беженцам отнесли также бывших военнопленных Первой мировой войны, которые до 1 августа проживали на территории одной из договаривающихся сторон, а также бывших военнослужащих российско-украинских армий, находившихся на территории Польской республики, если они не были взяты в плен регулярной польской армией.

При этом стороны пришли к согласию в том, что беженцами «ни в коем случае не будут считаться лица, которые в период царского режима, исключительно на основании своей официальной должности (военнослужащие, гражданские и военные чиновники), проживали на территории Польской республики»[82]. К категории «эмигрантов» были отнесены только те граждане, которые до 1 августа 1915 г. эмигрировали на территорию другой стороны «в силу преследований за свои политические убеждения, национальную или религиозную принадлежность»[83]. Юридическое состояние всех лиц, оставивших по этим причинам Советскую Россию или Польшу после 1 августа 1915 г., не было оговорено — (они выпали из международной договорённости и стали одной из категорий, наиболее уязвимой.)

В VI статье Рижского договора были оговорены сроки подачи заявлений о выборе подданства. Для европейской части России он составил 1 год со дня ратификации мирного договора, для региона Кавказа и азиатской части России — 15 месяцев. В течение месяца после ратификации договора стороны были обязаны опубликовать необходимые предписания к договору. Ещё месяц отвели для взаимного ознакомления с ними, а также для обмена списками репатриантов. Общие правила проведения репатриации были опубликованы в официальных изданиях («Монитор Польский [84], «Известия ВЦИК» [85]).

[82] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. М.: «Наука». 1965. С. 514.

[83] Там же. С. 503.

[84] «Monitor Polski». № 109 от 17 мая 1921 г.

[85] «Известия ВЦИК» от 1 июня 1921 г.

Советское правительство исходило из того, что все подданные Российской империи, которые к моменту прекращения Гражданской войны находились за пределами советских республик могли вернуться на родину. К таковым относились: военнопленные мировой войны; лица, находившиеся на территории государств-лимитрофов, не желавшие оставаться их гражданами; чины белых армий и другие политические эмигранты, бежавшие за границу во время войны; лица, находившиеся за границей с дореволюционного периода; лица, самовольно натурализовавшиеся за границей)[86].

Органом, предназначенным к исполнению достигнутых договорённостей стала смешанная комиссия по репатриации, в составе российско-украинской делегации (РУД) с представительствами в Варшаве и Москве и польской делегации (ПД) с представительствами с обеих столицах.

Уже в период подготовки двустороннего советско-польского Соглашения о репатриации между РСФСР и УССР, — с одной стороны, и Польшей — с другой, польская сторона в вопросе о принятии беженцев на своей территории заняла вполне определённую позицию. 18 февраля 1921 г. польская делегация направила в РУД отношение с претензиями по поводу «неправомерных действий советской власти», обвинив её в «скоплении людей на границе». Причиной тому польская делегация считала «неисполнение норм перевоза людей», недостаточное их питание, отсутствие должной санитарной помощи, отсутствие отапливаемых вагонов. Кроме того, польская делегация от имени польского правительства заявила, что прекращает принимать беженский «самотёк».

Двусторонняя комиссия из состава обеих делегаций выработала решение, на основании которого через два пропускных пунктах на границе (в Ровно и Барановичах) поляки должны была пропускать по 2 тысячи человек ежедневно. Однако вскоре польская сторона заявила, что через пропускной пункт Барановичи польские власти будут пропускать только по 1 тысяче человек в сутки, а через пункт в Ровно — по 500 человек. Было заявлено также, что «слабые и больные» беженцы будут приниматься только в отдельных вагонах[87].

---

[86] *Егорьев В. В., Лашкевич Г. Н., Плоткин М. А., Розенблюм Б. Д.* Правовое положение граждан и юридических лиц СССР за границей. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР. 1926. С. 24.

[87] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 161. Л. 36–37.

В конце июня 1921 г. начальник Центрэвака С. Пилявский [88] сообщал Е. Н. Игнатову [89] в Варшаву: «Начало пассивной репатриации в Польшу на всей территории России и Украины совпадает с явлениями массового самотёка, прекратить который в полном объёме, несмотря на ряд самых решительных мер, нашим органам не удалось»[90].

Не справляясь с колоссальным наплывом беженцев, 1 июля 1921 г. польское правительство закрыло восточную границу страны. Отношение официальной власти к лицам, перешедшим польско-советскую границу самостоятельно («самотеком»), после 12 октября 1920 г., было определено правительственным комиссариатом Варшавы. Проживание в столице республики им было запрещено, перешедшие границу должны были получать соответствующие удостоверения, затем являться в правительственный комиссариат и указывать пункт, куда они намерены отправиться. Постоянное пребывание в указанном ими пункте становилось возможным только с разрешения местного старосты. «Приезжающих без разрешения и уклоняющихся от выезда, надлежит задерживать», — приказал комиссар Варшавы [91].

Политика официальной Польши создала массу проблем в работе советских структур по отправке репатриантов на родину. РУД столкнулась с колоссальными проблемами, вызванными нежеланием польской стороны принять беженскую массу, в частности, из районов России, поражённых голодом, с самого начала своей работы. На границе с Польшей в течение короткого времени скопилась огромная масса беженцев, голодных и раздетых, в ожидании разрешения на въезд в Польшу. Чтобы более или менее равномерно пропускать через специализированные пункты эту человеческую лавину, на основании соглашения о репатриации, была установлена ежедневная и еженедельная норма пропуска людей через оговоренные в Соглашении о репатриации два пропускных пункта. Дополнительный третий пункт пропуска польские власти отказались открыть, а норму пропуска беженцев через два действующих про-

[88] С. Пилявский — начальник Центральной эвакуационной комиссии (Центрэвака), председатель Российско-украинской делегации смешанной советско-польской комиссии в Москве.

[89] Е. Н. Игнатов — председатель Российско-украинской делегации смешанной советско-польской комиссии в Варшаве.

[90] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 4. Пор. 72. П. 11. Л. 2.

[91] Свобода. 09.08.1921 г. № 188.

пускных пункта польские власти всё время сокращали[92]. В августе 1921 г. руководство Центрэвака получило сообщение из Польши о специальной инструкции польского правительства, предписывающей сократить пропуск беженских эшелонов с количеством репатриантов в них не более 1 тысячи человек[93].

РУД была вынуждена постоянно обращать внимание польской делегации смешанной комиссии по репатриации на необходимость возведения на приёмных пунктах с польской стороны границы бараков и санитарно-питательных пунктов. Однако польская сторона оставляла эти призывы без внимания. В одном из писем в смешанную комиссию по репатриации за подписью временно исполняющего обязанности председателя комиссии Е. Я. Аболтина обращалось внимание на то, что «польские беженцы, прибывшие истощёнными от долгого пути на польскую территорию, не только не находят готовых железнодорожных составов, чтобы быстро направиться домой, но должны долгие дни проводить на дожде, а теперь морозе под открытым небом»[94].

Делегат Сейма, сотрудник польского государственного управления по возвращению пленных, беженцев и рабочих Дзюбинский в своём докладе в Совет министров Польской республики доводил до его сведения такие факты: «Колосово, как пункт остановки репатриантов, совершенно не оборудовано: здесь нет ни одного барака, где приезжающие могли бы укрыться от дождя и холода, нет колодца, в котором постоянно была бы вода, нет возможности приготовить горячую пищу, в открытом поле на 24 или 48 часов плохо одетых и изголодавшихся людей, детей, в большинстве случаев босых, дрожащих от холода и просящих хлеба, оставляют на произвол судьбы у ворот желанной, ставшей легендой Польши»[95].

В ответ на предложения РУД 17 ноября 1921 г. польская делегация направила ей претензии по поводу недостаточной организации беженского потока с советской стороны, а также обвинила советские органы в «умышленном, ужасном издевательстве над гражданами Польской республики». Речь шла о трёх Сибирских

[92] *Егорьев В. В., Лашкевич Г. Н., Плоткин М. А., Розенблюм Б. Д.* Правовое положение граждан и юридических лиц СССР за границей. С. 123.

[93] *Karpus Z.* Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińcy na terenie Polski w latach 1918–1924. С. 112.

[94] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 4. Пор. 73. П. 11. Л. 14.

[95] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. IV. С. 114.

эшелонах с польскими беженцами из Красноярска, которые поляки отказались принимать в связи с тем, что люди ехали «несколько недель в товарных вагонах», при отсутствии «правильного снабжения продовольствием и кипятком». Многие из беженцев в эшелонах были больны тифом[96].

В тот же день польская делегация заявила, что «самотёк» не будет пропущен через польскую границу. До момента окончания эпидемии тифа поляки в одностороннем порядке приняли решение принимать только по 1,5 тысячи человек ежедневно, при оговорённой норме в 4 тысячи человек. Кроме того, поляки сократили дни пропуска до одного в неделю, нарушив договорённость о ежедневном пропуске беженцев через пропускные пункты.

23 ноября советский полномочный представитель в Варшаве сообщал Чичерину, что на границе сложилась «чрезвычайно тяжёлая» ситуация. Кроме того, что поток польских беженцев был искусственно заторможен на границе, «слишком большое число польских беженцев» сталкивалась с искусственно создаваемыми препятствиями к их дальнейшему продвижению на родину. Польская сторона практиковала также «формальные задержки при визировании списков беженцев»[97].

В эти ноябрьские дни начальник приёмно-передаточного пункта с советской стороны на станции Негорелое писал председателю РУД в Варшаву: «примениться к капризам Польделегации нет физической возможности, когда они визируют 4000 в день, а принимать хотят только 1000». В ответ на претензии польской делегации о доставке из России нескольких трупов беженцев, он докладывал: «Ещё не было случая, чтобы мы в эшелоне передавали через границу мёртвых, но если поляки погружают 3 наших эшелона в 1 свой и везут их до Барановичей по 70–80 человек в вагоне без печек, то не удивительно, что столько смертных случаев». «Такие иезуитские приемы, — продолжал начальник приёмно-передаточного пункта, — применяются ими только в отношении бедноты, едущей из голодных губерний, или, как они называют их, — «чубариков», публики измученной и слабой, а, наоборот, для богатой публики подаются санитарные вагоны»[98].

Уполномоченный РУД в приёмном пункте Барановичи на польской стороне так описывал процедуру приёма «своих на ро-

[96] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 4. Пор. 73. П. 11. Л. 50.
[97] Там же. Л. 50 об.
[98] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 4. Пор. 73. П. 11. Л. 57.

дине»: на станции Колосово из советских эшелонов беженцы выгружались «на чистое поле», где люди ждали прихода эшелона из Столбцов день-два. В Колосово не было никаких построек, кроме 2-х вагонов для польских пограничников. «Слышится хоровой плач грудных младенцев с шумом дождя и горящих костров», — писал уполномоченный. Далее добавлял: «Отсюда уже начинается период снятия покупленных и при фуражках и френчах прикреплённых национальных значков и прочих символов радости по случаю избавления от «советского ада»[99].

В Барановичах люди ждали отправления вглубь Польши по 2–3 недели, в течение этого времени проходила их фильтрация силами польской дефензивы. Дефензива практиковала избиения беженцев — «преимущественно молодых, подозреваемых, что они служили к Красной Армии». «Для приёма своих репатриантов, — констатировал уполномоченный РУД, — поляки ничего не успели предпринять»[100].

О размахе наплыва репатриантов и беженцев в этот период в Польшу свидетельствуют цифры. В июне 1921 г. общее число репатриантов из России за месяц, по данным главы Центрэвака Пилявского[101], «превзошло 30 тысяч человек»[102]. В ноябре того же года всего за 6 дней (в период с 14 по 19 ноября) только в Барановичи прибыло 17 227 человек[103].

В январе 1922 г., Центрэвак в ответ на одну из нот польского правительства с выражением претензий по поводу недостатков в перевозке польских репатриантов из Сибири и Центральной России, выставил ряд контрпретензий. Было заявлено, что «польская делегация вела упорную борьбу с визированием так называемого «самотёка» (беженцев, «стихийно сорвавшихся с мест и состоявших в большинстве случаев из пролетарских элементов — белорусских крестьян»). «Цинизм польской делегации, — подчёркивал глава Центрэвака, — доводил её до открытых заявлений, что визировать самотёчных элементов она не будет». На заявления Центрэвака, что борьба с «самотёком» возможна лишь путём увеличения отпра-

---

[99] Так в тексте. – Там же. Л. 58.

[100] Там же. Л. 59.

[101] С. Пилявский совмещал эту должность с должностью руководителя российско-украинской делегации смешанной советско-польской комиссии по репатриации в Москве.

[102] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 4. Пор. 72. П. 11. Л. 1.

[103] Там же. Пор. 73. П. 11. Л. 58 об.

вок (т. е. путём открытия третьего обменного пункта) до 10 января 1922 г. польская сторона не реагировала. Польша предложила организовать третий обменный пункт, «приписав себе инициативу этой меры», в тот момент, когда «уже большого реального значения» эта мера иметь не могла[104].

«Когда поздней осенью, — подчёркивал Пилявский, — не вывезенные летом репатрианты из голодающих губерний», появились на польской границе, польская делегация в Варшаве, «подняла крик о хаотичности движения из России и о заносе эпидемий в Польшу». В то время принимающая сторона была совершено не готовая к приёму репатриантов в приспособленных для этого помещениях и принимала их до октября 1921 г. «на земле под открытым небом»[105]. Более того, чтобы искусственным образом затормозить движение беженцев из России, Польша обратилась в Лигу Наций с целью разработки специальной санитарной конвенции, принятие которой существенно ограничило бы поток беженцев и репатриантов из России.

Председатель Центрэвака подчёркивал также, что «со стороны России и Украины в обстановке «максимально возможного напряжения» расстроенного транспорта, голода и общего недостатка продовольствия, было сделано всё возможное для наиболее благополучного разрешения летом и осенью репатриационных задач»[106]. При этом польская сторона для своих репатриантов не прислала ни одного эшелона продовольствия. Все усилия советской стороны были фактически проигнорированы обеими польскими делегациями по репатриации (в Варшаве и Москве) и потому привели в конце осени к эпидемической вспышке в помещениях карантина на станции Барановичи. Это печальное обстоятельство вызвало митинг протеста репатриантов в Варшаве, прибывавших из России в Польшу, что привело, в свою очередь, к смене премьер-министра. Вследствие этих событий на должность премьер-министра Польши был назначен В. Грабский.

Лишь с прибытием в Москву нового поверенного в делах Польской республики З. Стефанского, который сменил Р. Кнолля, ситуация в вопросе о репатриации стала выравниваться. Только в январе 1922 г. в ответ на многочисленные обращения советской стороны по

[104] ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 23. Д. 22. Л. 36.
[105] Там же.
[106] Там же. Л. 36 об.

проблемам репатриации польский представитель ответил нотой на имя Чичерина, которая начиналась словами: «Учитывая все недостатки хода репатриации из России, Польское правительство готово...».

Польская сторона, наконец, признала необходимым открытие 3-го пункта приёма репатриантов на линии Лунинец-Каленковичи, дала согласие на перенос пересыльного пункта из Колосова в более приспособленные для этого Столбцы, где согласилась принимать по 2100 человек ежедневно. Было дано согласие принимать «самотёк» — репатриантов, «идущих пешком и передвигающихся по железной дороге» ежедневно по 400 человек на Сарны, по 400 человек на Корец, по 200 человек — на Сенявку[107].

Новый польский представитель предложил также увеличить число пропускаемых через границу репатриантов до 5,5 тысяч человек ежедневно в том случае, если «больных в эшелонах будет не более 2%», а на распределительных станциях будут введены должности «делегата от Польши и врача, которые бы осматривали эшелон» перед отправкой.

Стефанский призвал все советские структуры, занимающиеся репатриацией, «соблюдать права польских репатриантов наравне с гражданами дружественных государств на основе обычаев международного права»[108]. Он предложил продлить срок подачи заявлений репатриантами, который в центральной России заканчивался 30 апреля 1922 г.[109].

Наряду с этими положительными инициативами полномочный представитель Польской республики предъявил претензии советской стороне в связи с тем, что в РФ отказывались визировать паспорта граждан из бывших немецкой и австрийской части Польши, как граждан Польской республики. Стефанский ссылался на положение Рижского договора об оптации, в котором получение прав польского гражданства было предусмотрено только за гражданами бывшей Российской империи. По мнению польской стороны, подданные Германской и Австро-Венгерской империй в заявлении об оптации не нуждались, получая польское гражданство автоматически[110]. Сле-

---

[107] Нота Полномочного представителя Польской республики в Москве доктора З. Стефанского Г. В. Чичерину от 10.11.1922 г. — АВП РФ. Ф. 122. Оп. 5. Пор. 2. П. 20. Л. 10.

[108] Там же. Л. 11.

[109] Там же. Л. 39.

[110] Вербальная нота Полномочного представителя Польской республики в Москве от 29 мая 1922 г. — Там же. Л. 144.

дуя этой логике польской стороны, значительное количество военнопленных Первой мировой войны из этих регионов, находившихся в России, автоматически становились польскими гражданами.

В ответ на это советская сторона разъясняла: «Мирный договор предусматривает категорию лиц, являющихся рос(ийскими) гражданами в Польше без оптации, но не знает категории поль(ских) граждан в России без оптации». При этом польской стороне указывалось на окончание срока действия Версальского договора[111], согласно 21-й статьи которого поляки — немецкие и австрийские граждане, в течение 2-х лет имели право выбора гражданства. Советская сторона отстаивала точку зрения, что в вопросах выбора гражданства решающим является закон страны пребывания. Если бы советское правительство признало всех спорных лиц (из германской и австрийских частей Польши) польскими гражданами, то получила бы возражения со стороны Германии и Австрии[112].

Кроме этого, встал вопрос о принудительной высылке из Польши членов семей репатриантов. Поскольку в Польше признавались только церковные браки, а в Советской России легитимными были браки гражданские, то польская сторона ввела практику отказа в пропуске невенчанных по католическому обряду жён беженцев, прибывающих с ними на распределительные станции. После пересечения границы, — сообщал секретарь полпредства в Варшаве И. Л. Лоренц, — их «беспардонным образом под конвоем отправляют обратно»[113].

Из Польши основная масса желающих оптировать советское гражданство вернулась в период с начала 1921 г. до середины августа того же года. Все советские представительства в странах-лимитрофах (Эстонии, Латвии, Финляндии) циркуляром НКИД РСФСР от 11 августа 1921 г. были наделены правом выдавать временные удостоверения лицам, заявляющими себя российскими гражданами. Некоторые группы репатриантов (преимущественно эмигрантов) в Польше, как и в государствах-лимитрофах, в связи с прибытием туда советских представительств заняли выжидательную позицию.

В начале июня 1922 г. из НКИД в Варшаву в советское полпредство и РУД поступило решение о нераспространении Декрета о лише-

[111] Срок окончания действия этой статьи Версальского договора – 10 января 1922 г.

[112] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 5. Пор. 102. П. 25. Л. 196.

[113] Там же. Л. 52.

нии гражданства на лиц, «подлежащих репатриации из Польши, т. е. беженцев и военнопленных». Одновременно было поддержано предложение Аболтина продлить регистрацию амнистированных участников антисоветских формирований (рядовой состав) до 1 июля 1922 г.[114].

Предложение Стефанского по продлению срока репатриации из Центральной России в Польшу было принято. К середине июля 1922 г. Центрэваком была сформирована база размещения репатриантов в Польшу: для них в ряде ключевых пунктов в западных областях были организованы беженские лагеря[115]. На 14 декабря 1922 г., по данным Центрэвака зарегистрированных польских репатриантов было около 62200 человек[116].

На 10 февраля 1923 г., по данным Ликвидационной комиссии Центрэвака, зарегистрированных для отправки на родину польских беженцев в России насчитывалось 4069 человек, в Сибири — 4060 человек, на Украине — 15000–20000 человек. Сведениями о беженцах из Польши периода Первой мировой и Гражданской войн комиссия не располагала.

По данным Ликвидационной комиссии Центрэвака, за 1921 г. в Польшу было отправлено 398 584 человека, из них:

беженцев	366 989 человек,
легионеров	31 116 человек,
интернированных	479 человек.

В течение 1922 г. в Польшу было отправлено232 755 человек, из них:

«беженцев империалистической войны»	228 333 человека,
легионеров	2 460 человек,
офицеров	13 человек,
интернированных	530 человек,
оптантов польского гражданства	1 079 человек,
«комсостав»	17 человек,
медперсонал	5 человек,
чехов и словаков	318 человек.

[114] ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 23. Д. 22. Л. 143.

[115] В Минске — лагерь в Козыреве на 5 тысяч мест, в Вязьме — на 6 тысяч, в Витебске — на 4 тысячи, в Жлобине — на 3 тысячи, в Борисове, Великих Луках, Полоцке и Могилёве — на 2 тысячи в каждом, в Орше — на 1 тысячу, в Невеле — 300 человек. — Сведения о закрепленных помещениях для беженцев и репатриантов (самотёк и плановые) на западном участке к 17 июля 1922. — ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 2. Д. 191. Л. 251.

[116] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 6. П. 28. Д. 41. Л. 2.

В 1923 г. отправка этих категорий граждан Польской республики и оптантов польского гражданства продолжилась. Только в январе 1923 г. нарядов на отправку польских репатриантов и беженцев было выдано на 3 289 человек[117]. Официально репатриация в Польшу закончилась в 1924 г. Представительство Польского общества Красного Креста в Москве под руководством Е. Пешковой продолжало свою работу, в том числе и по репатриации поляков на Родину, вплоть до 1927 г.

В рассматриваемой проблеме много «белых пятен», требующих профессионального исследования. Например, тема о судьбах поляков на Дальнем Востоке — сотрудниках КВЖД, число которых составляло почти 40% от общего числа российских граждан, работавших на железной дороге по контракту, и их репатриации в Польшу с Дальнего Востока через Китай, и многие другие.

Даже фрагментарное рассмотрение ключевых аспектов проблемы миграции и иммиграции в рассматриваемом регионе позволяет сделать однозначный вывод о проведении колоссальной работы по обеспечению нужд и прав беженцев всеми профильными российскими структурами (государственными и общественными), а также национальными общественными организациями, в период с 1914 по 1917 г. Несмотря на то, что изучение положения беженцев в регионах Российской империи только началось, собранный некоторыми исследователями материал подтверждает этот вывод.

В советский период, с прекращением деятельности российских общественных структур на территории Советской России, вся работа по репатриации беженцев в молодые государства, гражданами которых он оказались, была полностью централизована государством. Несмотря на это, работа по учету и репатриации беженцев не была лишена ряда недостатков, которые усугублялись действиями руководства молодых государств-лимитрофов, прежде всего — Польской республики, нацеленными на ограничение проникновения на их территорию «нежелательного элемента».

117 АВП РФ. Ф. 122. Оп. 6. П. 28. Д. 41. Л. 33–34.

И. В. Крючков

Русские репатрианты из Румынии на территории Ставропольского края в 1948–1950 гг.

В XX веке история Румынии оказалась связана с историей Северного Кавказа и, в частности, Ставропольского края. В годы мировых войн румынские солдаты оказались на территории Ставрополья в качестве военнопленных[1]. Однако после второй мировой войны на Ставрополье вновь заговорили об этой стране после размещения в регионе репатриантов из Румынии.

Русские оказались на территории Добруджи в XVIII в., где они получили называние «липоване», «некрасовцы». Началом формирования русской диаспоры в Добрудже послужил острый конфликт казачества с российским правительством во время восстания донских казаков под предводительством Булавина против Петра I. В сентябре 1708 г. часть казаков, примерно около 8 тыс. чел. во главе с атаманом И. Некрасовым ушла на территорию Османской империи. В 1740 г. первые крупные группы казаков прибывают в Добруджу. В 70-е гг. XVIII в. русская армия начинает стремительно продвигаться в верховьях Кубани и по Таманскому полуострову. Это создает угрозу для казаков-некрасовцев, которые по-прежнему являлись врагами Российской империи. В июле 1778 г. около 1000 семей казаков покидают Северный Кавказ, перебравшись в Добруджу[2]. Казаки сформировали в Румынии свой уникальный социум, который значительно отличался от жителей России и не только вероисповеданием. Этому социуму было присуще собственное историческое сознание и оценка своего места в истории России и Румынии[3].

Российское правительство уже в XIX в. предпринимает ряд попыток вернуть русских на родину, в мае 1834 г. для этой цели создается даже специальная комиссия. В начале XX в. несколько групп «липован» возвращается в Россию, в частности в 1911 г. В годы

---

[1] См. подробнее *Крючков И. В.* Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы первой мировой войны. Ставрополь, 2006.

[2] *Короленко П.* Некрасовские казаки. Екатеринодар, 1899. С. 46–47.

[3] *Пригарин А. А.* Отражение процесса формирования в исторической памяти группы русских старообрядцев на Дунае // Гуманитарная мысль Юга России. 2006. № 1. С. 113.

гражданской войны антибольшевистское Кубанское областное правительство также уделяет этой проблеме значительной внимание, агитационные воззвания Екатеринодара в 1919 г. призывали «липован» возвращаться на свою родину, то есть Кубань. Некоторые «липовнае» прислушались к этой пропаганде и вернулись на Кубань, но там, в 1920 г. власть уже захватывают большевики.

Масштабная операция по возвращению русских из Румынии в СССР предпринимается в 1947 г. Эта была часть масштабного плана Москвы после окончания второй мировой войны. И. Сталин и его окружение поставили цель: вернуть большую часть русских-эмигрантов и их потомков в СССР. Это имело не столько экономическое или историческое, сколько пропагандистское значение. Факт возвращения эмигрантов в СССР должен был всему миру символизировать превосходство и гуманность советского строя. С 14 по 19 сентября 1947 г. через Ейск и Сенную большая группа «липован» из Румынии прибывает на территорию Краснодарского края, из них 126 семей репатриантов разместили в с. Воронцовка, еще 105 семей в станице Должанской и 101 семью в станице Ахтанизовской. Группу «липован» было решено разместить за пределами Краснодарского края в Астраханской области. Однако большинство из репатриантов надолго не задержалось в области. Так как в 1948 г. Москва принимает решение переселить часть репатриантов из области в Ставропольский край. Переселенческое управление при Совете министров РСФСР принимает соответствующие нормативные документы. За счет Переселенческого управления репатрианты небольшими партиями начинают переезжать в Ставропольский край.

В октябре 1948 г. на территорию края прибывают первые 66 чел. репатриантов из Румынии, не считая детей до 16 лет[4]. Все они переселились на территорию края из Астраханской области, где репатрианты находились в Травинском районе в поселке Успех. Они должны были трудиться в местном колхозе «30 лет Октября». Однако колхоз не мог всех репатриантов обеспечить работой и жильем. К тому же климат Астраханской области оказался суровым для большинства репатриантов. Важным фактом для перемещения репатриантов из Астраханской области в Ставропольский край стала продовольственная проблема. На Ставрополье, несмотря на засуху

[4] Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 129. Л. 22.

и неурожаи проблема с продовольственным обеспечением населения была не столь остра как в Астраханской области.

Никто из прибывших на Ставрополье не имел рабочих специальностей, что значительно понижало ценность этих рабочих рук для местных властей. В крае наблюдался переизбыток неквалифицированных рабочих. В то время как Ставрополье нуждалось в специалистах, которых можно было использовать в промышленности и строительстве. Репатриантам обещали, что на новом месте жительства они получат необходимое жилье, работу и финансовую помощь. Однако с выполнением данных обещаний на первых порах возникли большие проблемы. Большинство репатриантов было обеспечено малоквалифицированной, а, следовательно, и мало оплачиваемой работой[5]. С жильем возникли большие проблемы, в крае не было свободного жилого фонда, поэтому большинству репатриантов в первое время пришлось снимать квартиры в частном секторе. Местные власти выделили репатриантам мебель, посуду, промышленные товары, стройматериалы. Конечно, этого было недостаточно, но в условиях послевоенной разрухи власти Ставрополья просто не имели возможности оказать значительную помощь репатриантам без поддержки Москвы.

Большая часть репатриантов оказалась на территории Молотовского района. Правда, из 34 репатриантов за пределы края вскоре уехало 3 чел. Репатриантов решили использовать на строительстве второй очереди Кубано-Егорлыкской оросительной системы на стройучастке № 5 «Ставропольстроя». Работу в качестве чернорабочих получило 25 чел., 6 оказалось в категории временно неработающих. Это лишний раз показывало, насколько трудно было трудоустроиться неквалифицированной рабочей силе на Ставрополье. Даже, несмотря на все грозные требования Москвы, местные власти не могли решить эту проблему сразу. Все репатрианты — 12 семей и один одинокий вынуждены были снимать квартиры. Семейные пары получили кредиты на строительство собственного жилья на 62 тыс. руб.[6] Однако с данным строительством возникала масса проблем. В крае существовал острый дефицит строительных материалов, практически все строительные материалы распределялись на уровне Краевого Исполнительно Комитета. Поэтому «Ставропольстрой»

[5] ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 104. Л. 12.
[6] ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 129. Л. 39.

обещал помочь репатриантам с получением строительных материалов. В качестве строителей собственных жилищ выступали сами репатрианты, только в исключительных случаях «Ставропольстрой» мог выделить рабочую силу, это были электрики и плотники.

Первые репатрианты, как уже отмечалось, кроме одного человека были семейные пары, например семьи репатриантов Игнатовых и Карнауховых включали 3 чел. (мать, отец и ребенок), а семья Аверьяновых даже 4 чел. Среди репатриантов было и несколько семей молодоженов, еще не имевших детей. Из 31 репатрианта 21 чел. были уроженцами с. Серюкей Бабадакского района уезда Тульча Румынии и 10 чел. уроженцами с. Каменка Мачинского района этой же области. В дальнейшем все репатрианты, прибывавшие на Ставрополье, были в основном выходцами из этих населенных пунктов. Остальные партии репатриантов также включали большие семьи, в частности семьи Алемпьевых и Чистяковых насчитывали по 7 чел., семьи Антиповых и Егоровых по 6 чел. и т. д.[7] Таким образом, более 80% репатриантов были люди семейные, которые решили всей семьей вернуться в СССР. Семье было легче пережить дорогу и устроится на новом месте. Репатрианты — одиночки, без семьи, являлись большой редкостью.

Еще 32 репатрианта было размещено в Егорлыкском районе на строительных работах, из них только 12 чел. предоставляется служебное жилье, а остальные были вынуждены снимать квартиры. Кстати оплата квартиры составляла значительную часть заработной платы репатриантов, поэтому они стремились по возможности поселиться в служебном жилищном фонде или получить ссуду на строительство собственного жилья.

Весной 1949 г. число репатриантов из Румынии на территории Ставропольского края составила уже 144 чел.[8] В Молотовском районе находилось 48 чел. и в Егорлыкском районе 96 чел. (25 мужчин, 20 женщин и 51 ребенок). Положение вновь прибывших партий репатриантов мало, чем отличалось от положения первой группы репатриантов, в том числе в вопросе получения жилья и работы. «Ставрольстрой» с весны 1949 г. начинает уделять внимание повышению трудовой квалификации репатриантов, прежде всего за счет их обучения необходимым тресту специальностям. Так, в Молотов-

[7] ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 104. Л. 11–12.
[8] ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 129. Л. 58.

ском районе три репатрианта было отправлено в местные училища для получения специальности электрика и два моториста. Особенно тресту были необходимы электрики, в частности, руководство треста об этом задумалось после гибели репатрианта Ф. К. Титова, который был убит электрическим током по собственной безграмотности.

Следует подчеркнуть, что прибывшие репатрианты из Румынии по возвращению в СССР столкнулись с рядом новых проблем. Это обстоятельство мешало их быстрой интеграции в советское общество. Крайняя политизация и атеизм советской системы входили в противоречие с ментальными установками репатриантов. Кроме этого многие репатрианты имели искаженные представления об уровне жизни в СССР, рассчитывая здесь найти свое «эльдорадо». Но действительность оказалась иной. Коллективизация и социалистические преобразования 30-х гг. привели к резкому падению уровня жизни населения на Ставрополье. Кстати эта тенденция была присуща большинству регионов СССР. Свою роль в ухудшении условий жизни советских граждан сыграла и вторая мировая война. СССР понес колоссальные материальные и людские потери. Поэтому каждый день на новой родине репатрианты сталкивались с бытовыми проблемами. Значительная часть репатриантов в конце 40-х — начале 50-х гг. оказалась в худших бытовых условиях по сравнению с их жизнью в Румынии, что привело к разочарованию некоторой части репатриантов. Однако большинство репатриантов полагало, что они, несмотря на временные трудности, сделали правильный выбор, переехав из Румынии в СССР, вновь оказавшись на своей родине. В данном случае идеологические и исторические мотивы, определявшие поведение людей доминировали над материальными ценностями.

Советская культура и система образования также на первых порах вызывали непонимание со стороны репатриантов. Они были воспитаны на принципах абсолютно иной культурной традиции. К тому же подавляющее число репатриантов оказалось людьми, не имевшими образования, что мешало их интеграции в советское общество и восприятию культурной парадигмы советского строя.

Важно отметить, что в своей политике по отношению к репатриантам из Румынии советское правительство проявляло несвойственную ему лояльность. Репатриантам оставили в неприкосновенности в определенных масштабах их частную жизнь и религиозность, куда власти старались лишний раз не вмешиваться,

пропагандистская работа среди репатриантов исключала тактику нажима и давления, хотя отдельные примеры данных явлений вполне можно было встретить. В поле особого внимания властей попадали дети репатриантов, из которых в отличие от их родителей можно было создать с помощью школы и других институтов «полноценного советского человека». И здесь начиналась «битва за детей» между традиционной семьей с ее патриархальными устоями и советской культурной и образовательной системой. Семья постепенно проигрывала эту битву. Дети оказались весьма восприимчивы к заимствованию норм и традиций советского строя.

Власти Ставропольского края проблеме интеграции в местную жизнь детей репатриантов уделяли первостепенное внимание. Большинство из них было неграмотно или имело низкий уровень образования. Они явно отставали в уровне подготовки от своих сверстников, посещавших школы края. К тому же дети репатриантов были слабо затронуты коммунистической идеологией, которая прививалась детям в СССР. Поэтому политическому воспитанию детей-репатриантов в духе марксизма-ленинизма отводилась важная роль. Дети репатриантов оказались по мнению местных педагогов сильно «заражены» религиозной идеологией. Отсюда атеистическое воспитание детей также выходило в число важных задач для местных школ. В 1949 г. предпринимаются первые попытки организации летнего отдыха детей-репатриантов. В станице Григорополисская находился детский оздоровительный лагерь, куда два ребенка репатрианта получили путевки[9]. Часть детей разместили в других детских лагерях края. С 1 сентября 1949 г. все дети репатриантов пошли в местные школы. Проблема политического воспитания затрагивала не только детей. Власти предпринимают активные усилия по политической обработке взрослого населения репатриантов. Пропаганда включала не только объяснение основ марксизма-ленинизма/сталинизма, но и преимуществ советского строя и успехов СССР в годы второй мировой войны.

В сентябре 1949 г. краевые власти в очередной раз отчитались в Москву о размещении на территории Ставрополья репатриантов из Румынии. Общая численность репатриантов уже составила 154 чел.[10]. Кроме Молотовского и Егорлыкского районов края ре-

[9] ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 129. Л. 66.
[10] ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 129. Л. 114.

патрианты размещаются на территории Изобильненского района. К осени все репатрианты были обеспечены жильем за счет строительства летом специальных бараков для репатриантов. Только 7 семей осталось на проживании в частных квартирах в с. Донское. Эти семьи могли столкнуться с большой проблемой. В крае ощущалась острая нехватка топлива, поэтому репатрианты, снимавшие квартиры, были обеспечены топливом на зиму. Из 71 работающих репатриантов 7 получили дополнительные рабочие специальности, а остальные работали на стройках в качестве разнорабочих[11].

Руководство «Ставропольстроя» начинает применять систему поощрения труда среди репатриантов. К 22-ой годовщине Октябрьской революции 7 репатриантов получили премии: один чел. в 150 руб., три чел. — 300 руб. и 3 чел. — 400 руб.[12]. Это должно было стимулировать труд репатриантов и лишний раз показать заботу властей о новых гражданах СССР.

В 1950 г. продолжается процесс прибытия репатриантов из Румынии на территорию Ставропольского края. Новые партии репатриантов размещаются в Труновском районе (21 чел.). Все они получили жилье и материальную помощь на 35 тыс. руб.[13]. Репатрианты по-прежнему прибывали из Астраханской области и к апрелю 1950 г. их численность в крае составила 173 чел.[14]. Кроме Астраханской области репатрианты начинают поступать и через Краснодарский край, где ранее разместилась основная часть репатриантов из Румынии.

В репатриации русских из Румынии встречались и уникальные случаи. 30 апреля 1950 г. в Ставрополь из Бухареста приехала С. П. Прозорова-Павлова со своим сыном 1938 года рождения. Они не были «липованами». Судьба С.П. Прозоровой-Павловой была обычной для российской после революционной эмиграции. Она родилась в 1904 г. в Ставрополе, во время гражданской войны в России С. П. Прозорова-Павлова оказалась на территории Бессарабии, вошедшей в то время в состав Румынии[15]. С 1932 г. она жила, в Бухаресте давая уроки музыки. После войны они решили вернуться в СССР. Приехав в родной Ставрополь, С. П. Прозорова-Павлова проживала на квартире своей сестры, устроившись на работу певицей в местную консерваторию.

[11] ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 129. Л. 114.
[12] ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 129. Л. 114.
[13] ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 128. Л. 29.
[14] ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 128. Л. 91.
[15] ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 104. Л. 32.

Кроме этого С. П. Прозорова-Павлова решила убедить переехать в СССР свою родную сестру К. П. Апанасиу, которая проживала недалеко от Бухареста в селе Тудор-Владимереску[16]. Для этого она запросила власти на получение разрешения на отправку письма сестре в Румынию. Такое разрешение было дано. В это время любая свободная переписка советских граждан с заграницей была запрещена. Письма отправлялись только в исключительных случаях с санкции специальных органов. Письма родственникам за границу входили в разряд писем, которые разрешалось отправлять за пределы СССР только в том случае, если данные родственники убеждались в необходимости возвращения в СССР.

Острой проблемой для репатриантов являлось получение компенсации за имущество и собственность, оставленные в Румынии. При выезде репатриантами составлялась опись имущества передаваемого ими румынской стороне. В Румынии репатриантам обещали, что по приезду в СССР они получат денежную компенсацию за потерянное имущество. Однако это не произошло, получаемая компенсация, которую выдавало советское правительство, не могла полностью компенсировать потери репатриантов при переезде в СССР. За оставленный дом, репатриант получал 5000 руб. и еще 30 руб. на каждого члена семьи, хотя репатриантам обещали, что они получат по 300 руб. Начавшаяся денежная реформа в СССР, носившая конфискационный характер по отношению к советским гражданам обесценила все компенсации репатриантов, таким образом, они фактически не получили обещанного вознаграждения.

В этих условиях репатрианты начали писать жалобы в Переселенческое управление в Москву. В одном из таких заявлений, подписанном шестью репатриантами, выехавшими из с. Сарюкей в СССР в 1947 г. и работавших на строительстве Кубано-Егорлыкской оросительной системы в районе с. Новотроицкое, говорилось, что они в Румынии потеряли хорошие жилища и огороды, не получив в СССР достойной компенсации. В заявлении свои требования репатрианты направляли не в адрес советского правительства: «мы понимаем, что нашей родине трудно, но румынское правительство могло бы выплатить деньги»[17]. Репатрианты полагали, что если они оставили имущество в Румынии, то именно румынское правительство должно было выплачивать им компенсацию.

---

[16] ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 128. Л. 61.
[17] ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 128. Л. 125.

В Ставропольский Крайисполком 1 июля 1950 г. приходит письмо от Переселенческого управления при Совмине РСФСР, согласно которому местные власти должны были собрать все заявления от репатриантов на получение компенсации в течение нескольких дней. Однако в ноябре 1950 г. в Ставрополь приходит очередное письмо, где содержалась неутешительная информация для репатриантов. В письме от 3 ноября Переселенческое управление уведомило Крайисполком о том, «...что поскольку между советским и румынским правительством не было официальной договоренности о компенсации за имущество, переселившихся в 1947 г. в СССР, то Министерство иностранных дел СССР считает нецелесообразным ставить этот вопрос (о получении компенсации. — *И. К.*) перед Румынским правительством»[18]. После этого все разговоры о необходимости получения компенсации от румынского правительства строго пресекались властями и репатриантам больше не на что было надеяться.

Поэтому с полной уверенностью можно утверждать, что репатрианты не получили достойной компенсации за оставленное имущество и виновником такого положения дел стало советское правительство. Оно убедило русских Румынии переехать в СССР, не заручившись соответствующими соглашениями с Бухарестом о выплате компенсации за имущество репатриантов. Но проблема заключается даже не в этом, выдав репатриантам, часть средства, не выполнив все свои финансовые обязательства перед репатриантами, Москва проведением денежной реформы на тяжелых для населения страны условиях, по сути, отобрала у репатриантов выданные средства, деньги в результате реформы просто пропали.

Осенью 1950 г. переезд на Ставрополье репатриантов из Румынии завершается. К 1 октября 1950 г. общая численность репатриантов из Румынии на территории Ставропольского края составила 220 чел. Практически все они прибыли транзитом через Астраханскую область. После октября 1950 г. не подтверждаются факты организованного прибытия новых партий репатриантов из Румынии.

Опыт, полученный местным властями, при размещении репатриантов из Румынии, был высоко оценен руководством в Москве. По его мнению, Ставропольский край в целом полностью справился с поставленной задачей. Поэтому когда в 1962 г. принимается реше-

[18] ГАСК. Ф. 1852. Оп. 12. Ед.хр. 128. Л. 161.

ние о возвращении «некрасовцев» из Турции в СССР, местом, куда следовало возвратить «некрасовцев» определяется Ставропольский край. В начале сентября 1962 г. 1000 «некрасовцев» из Турции, прибывших в порт Новороссийска было расселено в совхозах «Левокумский» и «Бургун-Маджарский» Левокумского района Ставропольского края[19].

Таким образом, Ставропольский край, наряду с Краснодарским стал основным местом размещения репатриантов — «некрасовцев», «липован» из Румынии и Турции. Сравнивая условия возвращения репатриантов после войны и в 1962 г. следует подчеркнуть, что в бытовом плане и с точки зрения организации самого процесса репатриации советское правительство в 1962 г. подготовилось значительно лучше, избавив репатриантов от многих проблем с которыми столкнулись переселенцы из Румынии в 1947–1950 гг.

[19] Ставропольская правда. 2002. 24 сентября.

А. С. Стыкалин

К истории решения одной международной гуманитарной проблемы. Венгерские беженцы и мировое сообщество. 1956–1957

Одна из наиболее значительных в новейшей истории Венгрии волн эмиграции[1] пришлась на первые месяцы после событий октября-ноября 1956 г. Речь идет о подавлении советскими войсками крупномасштабного восстания 23 октября (приведшего к полному краху всей системы партийно-государственной власти в Будапеште и на периферии), свержении 4 ноября не сумевшего овладеть ситуацией правительства Имре Надя и установлении контролируемого Москвой правительства Я. Кадара, приступившего к «наведению порядка» при поддержке советских силовых структур[2]. Массовый стихийный исход населения из Венгрии с ноября 1956 г. до конца весны 1957 г., охвативший более 200 тыс. человек, создал серьезные проблемы не только для соседних Австрии и Югославии — первых стран, принявших поток беженцев, но для всего мирового сообщества, на протяжении многих месяцев озабоченного оказанием им материальной и юридической помощи. Вопросы соответствующего содержания на протяжении многих месяцев входили в повестку дня Генассамблеи ООН, привлекали внимание западных правительств и международных финансовых организаций.

---

[1] История Венгрии в новое и новейшее время знает несколько волн как экономической, так и политической эмиграции. Экономическими мотивами был обусловлен массовый отток рабочей силы (не только этнических венгров, но также представителей других национальностей, в том числе словаков, румын, закарпатских русин) из многонационального венгерского королевства в Северную Америку в начале XX века. Волна политической эмиграции охватила страну вследствие поражения коммунистической диктатуры в августе 1919 г. (так называемой Венгерской Советской республики) и последующего установления правоавторитарного хортистского режима. Следующая волна политической эмиграции пришлась на вторую половину 1940-х годов. К ней относились отнюдь не только апологеты хортизма и приверженцы правых политических течений, но и люди либеральных убеждений, не принимавшие того вектора развития венгерского общества, который вел к установлению коммунистической диктатуры сталинского образца. Подробнее о разных волнах эмиграции из Венгрии см. в настоящем сборнике статью Б.Й. Желицки.

[2] См.: *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

Для Венгрии исход 1956 года имел значительные демографические последствия. В потоке беженцев были представлены люди разных специальностей, социальных и возрастных категорий, но прежде всего трудоспособная и обладающая определенной профессиональной подготовкой молодежь[3]. Потеря десятков тысяч работоспособных, экономически активных молодых людей не могла не возыметь негативных последствий как для экономики в целом, так и для благополучия многих семей, лишившихся кормильцев (чаще потенциальных кормильцев)[4]. Учитывая немалую представленность в потоке миграции интеллигентов и студенчества, эти последствия далеко не в последнюю очередь были связаны с ослаблением интеллектуального потенциала страны[5]. Массовый исход нанес не только

[3] В работах И. Мюрбер предпринята наиболее серьезная попытка дать структурный анализ эмиграции 1956 г., определить, в каких пропорциях были представлены в потоке беженцев мужчины, женщины, подростки, люди различных возрастных категорий и семейного положения, выходцы из разных областей Венгрии, городские и сельские жители. Большое внимание автором было уделено выявлению профессиональной и образовательной структуры эмиграции. См., в частности: *Murber Ibolya*. Flucht in den Westen 1956. Ungarnflüchtlinge in Österreich (Vorarlberg) und Liechtenstein. Feldkirch, 2002 (венг. издание: Magyar menekültek Ausztriában (Vorarlberg) és Liechtensteinben, 1956. Felelkirchen, 2002); Murber I. 1956 és Ausztria // Az 1956-os forradalom visszhangja a szovjet tömb országáiban. 1956 Intézet. Évkönyv XIV. 2006–2007. Szerk. Rainer M.J., Somlai K. Bp., 2007, 17-26.o; *Murber I.* Arcok a tömegből. Az ötvenhatos magyar menekültek társadalom-statisztikai vizsgálata // Hatalom és kultúra. Az V. Nemzetközi Hungarológiai Kongresszus (2001. augusztus 6-10) előadásai. II. Szerk. Jankovics J., Nyerges J. Bp., 2004. В качестве источников исследовательница использовала материалы венгерского статистического ведомства, МВД Австрии. И. Мюрбер установила, что в потоке миграции явно преобладало городское население, сельских жителей бежало немного. До 30% беженцев составляли жители Будапешта, немало было также выходцев из западных областей (сыграло определенную роль лучшее знание местности, путей подхода к границе). Около 65% беженцев составляли рабочие. Хотя власть декларировала себя пролетарской, как в активном сопротивлении (повстанцы, рабочие советы), так и в пассивном сопротивлении режиму (беженцы) ведущее место занимали выходцы из рабочего класса – те, от имени кого, в соответствии с официальными идеологемами, осуществлял управление страной венгерский коммунистический режим.

[4] Две трети бежавших составляли мужчины, среди них преобладали несемейные. Доминирующая возрастная категория беженцев – люди 1932–1936 гг. рождения. О социальных (особенно макросоциальных) последствиях исхода 1956 г. см. в фундаментальной работе по социальной истории Венгрии второй половины XX в.: *Valuch T.* Magyarország társadalomtörténete a XX. század masodik felében. Bp., 2001.

[5] По данным И. Мюрбер, представители интеллигенции и студенчества составляли 25% потока беженцев. Довольно много эмигрировало инженеров, среди покинувших страну были также педагоги, врачи, экономисты, журналисты и т. д. См. соответствующие статистические данные: *Murber I.* Arcok a tömegből. Az ötvenhatos magyar menekültek társadalom-statisztikai vizsgálata.

материальные, но и психологические травмы тысячам венгерских семей, сотни тысяч людей лишились навсегда (или надолго) своих родных и близких[6].

О мотивах бегства дают представление прежде всего источники, собранные методом «oral history». Социологи работали с беженцами уже начиная с 1957 г., в том числе в рамках большой программы, финансируемой правительством США[7]; в последующие десятилетия к интервьюированию беженцев «поколения 1956 г.» подключились историки. С начала 1990-х годов широко публикуются мемуары[8]. В каждом случае бегство за рубеж являлось результатом осознанного

---

[6] Здесь было бы уместно, на наш взгляд, сослаться на эмоциональные воспоминания о прощании со своими родителями Чарльза (венг.: Кароя) Гати, ставшего впоследствии одним из ведущих американских экспертов по проблемам Восточной Европы в новейшее время, большим знатоком истории венгерской революции 1956 года. См.: *Гати Ч.* Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. М., 2006. С. 27–28.

[7] С начала 1957 г. в западных странах и прежде всего в США (на базе Колумбийского университета) при финансовой поддержке американских разведслужб осуществлялась программа интервьюирования венгерских беженцев. В этой работе участвовали квалифицированнейшие социологи, в том числе выходцы из Германии, продолжавшие традиции Франкфуртского института социальных исследований (В сентябре 2006 г. на большой международной конференции в Санкт-Петербурге «Будапешт'56, до и после. История и память Первого кризиса Коммунизма» с содержательным докладом по этой теме выступил директор архива Института «Открытое общество» в Будапеште И. Рев). В результате был собран богатейший, хотя и нуждающийся в критическом осмыслении материал. Показания беженцев, не только содержащие определенную информацию о венгерских событиях 1956 г., но прежде всего отражающие их субъективные настроения, хотя и использовались довольно широко в западной исторической литературе о венгерской революции, до сих пор еще не в полной мере востребованы – материал этот хранится в настоящее время в Будапеште, в архиве радиостанции «Свободная Европа», функционирующем под эгидой Института «Открытое общество». Опрос беженцев в 1957 г. проводили и уполномоченные специальной комиссии ООН, представившей Генассамблее ООН свой отчет о причинах венгерского восстания и о положении в Венгрии. См.: United Nations General Assembly. Report of the Special Commitee on the Problem of Hungary. New York, 1957 (на русском языке см. фрагменты: Мост. Будапешт, 1992. N. 1–2).

[8] См., например: *Bujdosó A.* 299 nap. Bp., 2003; *Barlay St.* Menekülés és megerkezés. Bp., 2006. На английском языке см.: *Lipták Bela*. A Testament of Revolution. Bp., 2003 (мемуары созданы на основе дневника, писавшегося в лагере для беженцев); *Kalman B*. Refugee Child. My memories of the 1956 Hungarian revolution. New York, 2006. См. также более раннее издание Венгерского союза политических беженцев, содержащее немало материала, почерпнутого из бесед с участниками и свидетелями событий 1956 г.: *Fejer D.—Micheller M.* Bűnhődés bűntelenűl. Bp., 1996. Немало новых свидетельств было приведено осенью 2006 г. на состоявшейся в венгерском городе Дьере специальной научной конференции, посвященной массовому исходу венгров в 1956 г.

личного (как правило, нелегкого) выбора, за которым стояли конкретные мотивации, иногда целый комплекс мотивов; когда дело касалось переселения целых семей, родителям приходилось принимать решения, определившие на долгие годы судьбы детей. Определенный, хотя и небольшой процент эмигрантов составляли, упрощенно говоря, «любопытные» — чаще всего жители окрестных областей, воспользовавшиеся открытой границей для того, чтобы посмотреть, что делается за «железным занавесом». Из этой категории беженцев многие довольно быстро вернулись на родину. В других случаях люди воспользовались открытой границей в целях воссоединения с родственниками, проживавшими на Западе. Чаще людей побуждали к миграции экономические мотивы — венгры, недовольные низким жизненным уровнем, стремились вырваться на Запад в поисках лучшей доли. Среди экономических мигрантов были не только, упрощенно говоря, неудачники (люди с негативным опытом социализации, не сумевшие найти себя при коммунистическом режиме и хотевшие начать «новую жизнь» в новой стране), но и «искатели удачи» — лица, по своему духовному складу склонные к авантюрным поступкам и не в последнюю очередь жаждавшие новых возможностей обогащения.

Однако, не реже, нежели экономические мотивы, людьми двигали мотивы политические — страх перед преследованиями за причастность к октябрьским событиям (многие активные участники повстанческого движения бежали как в Австрию, так и, реже, в Югославию в первые недели после его подавления) или — в более общем плане — стремление к свободе, ожидания политического ужесточения и нежелание жить в условиях жесткой диктатуры сталинского типа. Вопреки массированной идеологической индоктринации, призванной убедить подрастающие поколения в преимуществах социалистического строя, молодежь (в большинстве своем рабоче-крестьянского происхождения) вырывалась на Запад, выражая именно своими ногами протест против существующего режима, привыкшего апеллировать к ней как к одной из главных своих социальных опор. Ее массовый исход стал одним из наглядных свидетельств краха предпринимавшихся в течение предшествующего десятилетия экспериментов по созданию более совершенной социальной системы.

Для евреев, составивших не менее 10% потока эмиграции (20–25 тыс. человек), главным мотивом к бегству был страх перед

разгулом антисемитизма[9]. Особую категорию людей, покинувших страну, составили партийные функционеры (а также сотрудники госбезопасности), испугавшиеся народного гнева. Речь идет в данном случае не о большой группе номенклатурных работников, вывезенных в СССР в организованном порядке, но о местных функционерах (главным образом из приграничных областей), самовольно бежавших в Чехословакию, реже в Югославию, и после 4 ноября вернувшихся домой. По данным, приведенным в ряде докладов на научных конференциях (и вызывающим, впрочем, некоторые сомнения), около 120 сотрудников безопасности бежало после 23 октября в Австрию.

Из более 200 тыс. человек, покинувших Венгрию в конце 1956 – первой половине 1957 г., около 90% (180–185 тыс. человек) мигрировало в Австрию. Около 10% потока (примерно 20 тыс. человек) пришлось на Югославию. В дальнейшем венгерские беженцы расселились по многим странам мира.

[9] См.: *Pelle J.* Az utolsó vérvádak. Az etnikai gyűlölet és a politikai manipulácio kelet-europai történetéből. Bp., 1995. 106.o. Антисемитские проявления в ходе венгерского восстания 1956 г. имели место, что было напрямую связано с большой представленностью евреев в номенклатуре режима Ракоши. Но они отнюдь не определяли сути событий, оставались на периферии массового народного движения (См.: *Litván György*. Jewish Role in Hungarian Communism, Anti-Stalinism and 1956 // Király Béla emlékkönyv. Bp., 1992; *Karady V. – Vari I.* Félelem és részvétel – zsidók 1956-ban // Világosság, 1989, N. 6; *Valuch T*. Kisvárosi történet. Az 1956-os forradalom és a zsidóellenes megmozdulások Hajdunánáson. Bp., 2001; *Matuz G*. Zsidógyilkosságok 1956-ban? Vádak és tévhiták. Bp., 2004; *Standeisky Éva*. Antiszemitizmus az 1956-os forradalomban // Évkönyv XII. Bp., 2004). Как бы то ни было, доля евреев в потоке эмиграции была на порядок выше, нежели составляемый ими в 1956 г. процент населения страны. Независимо от того, насколько были значительны во время революции антисемитские проявления, они повлияли на отношение части мирового общественного мнения к венгерским событиям. См.: *Стыкалин А.С.* Илья Эренбург и венгерские события 1956 г. (К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада в 1950-е годы) // XX век. Русская литература глазами венгров, венгерская литература глазами русских. Отв. редактор Ю. П. Гусев. М., 2007. С. 218–247. О бегстве венгерских евреев в Канаду в 1956–1957 гг. см.: *Hidás P. I.* Kanada és a magyar zsidó menekültek, 1956–1957 // 1956-os Intézet. Évkönyv VII. Bp., 1999.

Правительство Израиля довольно быстро скорректировало свою первоначальную позицию поддержки венгерского восстания, что объяснялось характером информации, поступавшей из Будапешта (в донесениях израильского посольства особое внимание уделялось именно антисемитским проявлениям). Из покинувших Венгрию евреев большинство (по некоторым данным, до 16 тыс. человек) пыталось обосноваться в Израиле, однако власти этой страны не были способны принять и в скорые сроки обеспечить работой и пропитанием столь большое количество прибывших мигрантов. Многие в конце 1950-х годов переселились в другие страны, часть вернулась на родину.

Летом 1956 г. в условиях некоторой разрядки напряженности в международных отношениях были снесены ранее установленные в условиях «холодной войны» технические заграждения на венгерско-австрийской границе с венгерской стороны, что впоследствии облегчило для многих людей возможности покинуть страну[10]. В обстановке общественного подъема, развернувшегося в Венгрии после XX съезда КПСС под лозунгами демократизации и либерализации, на собраниях иногда звучали требования открытия западной границы, установления безвизового контроля и т. д., обратившие на себя внимание посла СССР Ю.В. Андропова, увидевшего в них сознательное стремление подрывных сил к ослаблению диктатуры пролетариата в Венгрии[11]. Уже летом учащаются случаи бегства венгерских граждан в Австрию. С началом октябрьских событий в Венгрии австрийские власти уже в самые первые дни, получив представление о характере и масштабах происходящего в соседней стране, предвидели скорое возникновение проблемы беженцев. Уже 28 октября, хотя случаи бегства в Австрию не приобрели к тому времени массового характера, правительство на своем чрезвычайном заседании по инициативе министра внутренних дел социалиста О. Хельмера выразило готовность предоставить венграм право убежища независимо от того, какие причины их вынудили покинуть родину. Беженцев предстояло препровождать в специально отведенные для них лагеря, разоружив, разумеется, тех, кто

[10] Позже, в начале 1957 г., эти заграждения были частично восстановлены и просуществовали до 1965 г. См.: *Orgoványi I.* A nyugati határzár és annak felszámolása 1956-ban // AVH – politika – 1956. Politikai helyzet és az állambiztonsági szervek Magyarországon, 1956. Bp., 2007. В условиях происходившей нормализации отношений советского блока с режимом Тито весной-летом 1956 г. были снесены также выстроенные после 1948 г. технические заграждения на венгеро-югославской границе.

[11] Придерживавшийся весьма жестких позиций посол писал в Президиум ЦК КПСС в записке от 29 августа 1956 г. о внутриполитической обстановке в Венгрии: «Такой тактикой враждебные элементы пытаются поставить наших друзей в затруднительное положение, понимая, что выполнить эти новые требования в данное время не представляется возможным, а некоторые из них вообще нельзя удовлетворить без ущерба для политики партии и народно-демократического государства» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 242). См. также: *Стыкалин А. С.* Посол СССР как проводник советского влияния в «народно-демократической» стране. К истории дипломатической карьеры Ю. В. Андропова // Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). Отв. редактор Е.В. Серапионова. М., 2008.

пересек границу с оружием[12]. Подчеркивалось, что прием беженцев не противоречит взятым Австрией на себя обязательствам о проведении политики нейтралитета[13]. Ведь еще в октябре 1955 г. канцлер Ю. Рааб в парламенте при изложении внешнеполитической концепции страны говорил о том, что, подобно другим свободным, демократическим странам, Австрия, проводя политику активного нейтралитета, сохранит за собой право принимать беженцев[14]. Международно-правовые основания для приема мигрантов из Восточной Европы заложила конвенция 1951 г., определявшая юридический статус беженцев[15]. В соответствии с духом и буквой этой конвенции, принятой в самый разгар «холодной войны», проблеме беженцев придавалось политическое измерение даже в тех случаях, когда выбор в пользу эмиграции предопределяли в первую очередь экономические мотивы — речь шла о том, что коммунистические режимы Восточной Европы не смогли создать условий для нормального существования многих тысяч людей, вынужденных покидать свои страны в поисках источников пропитания[16]. Риторика «холодной войны» заставляла западное общественное мнение воспринимать всю венгерскую миграцию 1956 г. как политическую.

Приток венгерских беженцев в Австрию с самого начала ожидался и аналитиками внешнеполитических ведомств США и стран НАТО. Уже 28 октября замгоссекретаря США Мэрфи пригласил австрийского посла, заверив его в готовности предоставления материальной помощи в случае возникновения проблемы с массовым наплывом в Австрию венгерского населения[17].

---

[12] См.: *Soós K.* Austria és a magyar menekültügy, 1956-1957 // Századok, Bp., 1998. N. 5.

[13] Эти обязательства нашли отражение в подписанном в мае 1955 г. государственном договоре, на основании которого Австрии возвращался полный суверенитет.

[14] См.: *Soós K.* 1956-os magyar menekültek a statisztikai adatok tükrében // Levéltári Szemle. Bp., 2002. N. 3. 56.o.

[15] О международно-правовых аспектах проблемы венгерских беженцев в 1956–1957 гг. см. подробно: *Cseresnyés F.* A nemzetközi menekültjog alkalmazása: Ausztria és az 56-os menekültek // Múltunk. Bp., 2007. N.1.

[16] СССР не подписал женевской конвенции 1951 г., в советской внешнеполитической пропаганде этот документ подавался как один из инструментов проведения политики, направленной против СССР и его союзников. Непризнание женевской конвенции проявилось и в советской официальной позиции при обсуждении в ООН проблемы венгерских беженцев.

[17] *Soós K.* 1956 és Ausztria. Szeged, 1999. 82.o.

Для Австрии, получившей нейтральный статус на основании подписанного в мае 1955 г. договора 4 держав о восстановлении полного суверенитета страны, венгерские события (включая порожденную ими острую проблему беженцев) явились пробным камнем собственного нейтралитета. Уже в день будапештского восстания 23 октября собравшееся на срочное заседание австрийское правительство в отсутствии канцлера Ю. Рааба, находившегося до 25 октября в ФРГ, решило, что Австрия будет строго придерживаться принципа невмешательства в венгерские дела[18]. В последующие дни австрийское правительство стремилось не допустить организованной переброски с территории своей страны в ВНР антикоммунистических сил, относящихся к кругам венгерской эмиграции прежних волн. Показательно, что прибывшему в Вену видному деятелю партии мелких сельских хозяев Ференцу Надю (премьер-министру в 1946–1947 гг.) австрийскими властями было рекомендовано поскорее покинуть страну во избежание кривотолков. Широкие возможности были предоставлены лишь для деятельности Международного Красного Креста, доставлявшего в Венгрию медикаменты и продовольствие[19].

Вместе с тем 28 октября австрийское правительство обратилось к правительству СССР с призывом принять меры в целях прекраще-

[18] Ю. Рааб на пресс-конференции в Бонне 24 октября уклончиво заметил, что не может прогнозировать дальнейшее развитие событий в соседней стране. Происходящее в Венгрии, однако, продолжал он, свидетельствует о том, что стремление к свободе пробивает себе дорогу в странах Восточной Европы. Руководящие органы двух наиболее влиятельных партий страны — народной и социалистической, в своих заявлениях выразили солидарность с борющейся за свободу Венгрией (См.: *Soós K*. 1956 és az osztrák politikai pártok // Acta Universitatis Szegediensis de Attila Jozsef Nominatae. Historica. Tomus CIV. Szeged, 1996). Отклику в Австрии на венгерские события 1956 г. посвящены большая историография и документальные публикации. На немецком языке см.: *Schmidl E. A*. (Hg.). Die Ungarnkrise 1956 und Österreich. Wien-Köln-Weimar, 2003. На венгерском языке см.: *Cseresnyés F*. Ötvenhatosok menekülése Ausztria és Ausztria at // Múltunk, 1998, N. 1; Iratok Magyarország és Ausztria kapcsolatainak történetéhez 1956–1964. Vál., szerk., jegyzetekkel ellátta és a bevezető tanulmányt írta Gecsényi Lajos. Bp., 2000; *Soós K*. 1956 és Ausztria. Szeged, 1999; *Szentesi R*. Az 1956-os magyar forradalom fogadtatása a semleges Ausztriában // Sic Itur Ad Astra, 2001. 3–4 sz.; Murber I. 1956 és Austria // Limes. Tatabánya, 2006 N. 3.

[19] См.: *Перне Ф*. Деятельность МККК в Венгрии в 1956 г. // Международный журнал Красного Креста, 1996. N. 11. С. 455–470; Vonèche Kardia I. Magyar október vörös zászló és vörös kereszt között. A Nemzetközi Vöröskereszt Magyarországon 1956-ban. Bp., 1998. О реакции на события осени 1956 г. венгерской эмиграции предыдущей волны см.: *Borbandi Gy*. A magyar emigráció életrajza, 1945–1985. Köt. 1–2. Bp., 1989.

ния военных действий (вступление советских войск в венгерскую столицу в ночь на 24 октября, как известно, лишь подлило масла в огонь вооруженного противостояния)[20]. Вплоть до начала 4 ноября крупномасштабной операции Советской Армии Австрия была единственной страной, официально обратившейся к СССР с таким требованием. При всей убежденности австрийских лидеров в том, что венгерские события не могут поставить под сомнение нейтралитет их государства, правительство тем не менее предпринимает превентивные шаги на случай обострения ситуации на границе. Так, в приграничный с Венгрией Бургенланд были направлены из других земель Австрийской республики значительные воинские подразделения, в том числе техника — всего около 3 тыс. солдат (немалая для Австрии цифра) было сосредоточено близ границы, приведено в боевую готовность. Впрочем, никаких серьезных пограничных инцидентов не произошло. Количество людей, без должным образом оформленных документов пересекших венгерско-австрийскую границу с 23 октября по 3 ноября, трудно точно определить, поскольку регистрировать беженцев начали не ранее 28 октября. Число зарегистрированных мигрантов, по данным И. Мюрбер, составило 1335 человек.

Советские войска вошли в Будапешт рано утром 4 ноября и уже в 12.45 в Вене было созвано чрезвычайное заседание правительства во главе с министром иностранных дел Л. Фиглем. Было высказано убеждение в том, что Австрии не угрожает непосредственная опасность, однако любые внешнеполитические акции правительства должны быть хорошо продуманными и строго соответствовать принципам нейтралитета.

Первая большая волна беженцев достигла Бургенланда уже 4 ноября, в день советской военной операции по устранению действовавшего в Венгрии правительства И. Надя. Сломав систему контроля, выстроенную с австрийской стороны, за сутки границу пересекло 6 тыс. человек[21]. Власти Австрии не чинили препятствий. Более того, как заявил на одной из пресс-конференций министр внутренних дел Хельмер, правительство сочло необходимым «восточную границу Австрии обозначить красно-белыми флажками, чтобы

---

[20] Публикацию этого документа на венгерском языке см.: Levéltári Szemle, 1997, N. 2.

[21] Здесь и далее приводятся данные из работ К. Шоош. См., в частности: *Soós K.* Austria és a magyar menekültügy, 1956–1957 // Századok, Bp., 1998. N. 5.

показать беженцам путь к свободе, а советским танкам — дать знак, что границу переходить не разрешено».

К 7 ноября в Австрии уже находилось 10 тыс. беженцев[22], а в последующие дни поток продолжал нарастать, в отдельные дни страну покидали 5 (и более) тысяч человек в сутки[23]. К границе пробирались, как правило, пешком, преодолевая по осенней слякоти несколько десятков, а то и сот километров — расстояние от Будапешта до австрийской границы составляет около 220 км[24]. Поток был совершенно разнородным, но определенный процент среди бежавших составляли военнослужащие. Более 1000 человек пересекли границу с оружием в руках. Все они были разоружены и интернированы, до середины декабря находились в особом лагере.

Массовый исход, охвативший страну, достиг своего пика 23 ноября, когда венгерско-австрийскую границу за сутки пересекло 8537 человек, с размещением которых возникли серьезные проблемы. Это было напрямую связано с прозвучавшим по радио сообщением о депортации в Румынию свергнутого премьер-министра Имре Надя, до тех пор находившегося в укрытии в югославском посольстве[25]. Теперь уже нельзя было надеяться, что премьер-министр, последовательно отстаивавший суверенитет Венгрии, вернется к власти, и это вызвало массовую депрессию в венгерском обществе, способствовавшую оттоку людей за рубеж. По некоторым сведениям,

---

[22] Всего примерно столько беженцев австрийское правительство ожидало получить, когда в 20-х числах октября оно начало обсуждать проблему, вот-вот грозившую возникнуть. Едва ли кто-то мог себе в то время представить, что новая волна венгерских эмигрантов превысит 180 тыс. человек.

[23] Огромное количество беженцев (всего около 70 тыс. человек) в качестве места пересечения границы избрали мост через канал близ бургенландского села Андау. С легкой руки журналистов «мост в Андау» становится символом границы двух миров и стремления венгров к свободе. См., в частности, документально-художественное произведение, которое по горячим следам венгерских событий опубликовал американский журналист М. Миченер, свидетель происходившего. См.: *Michener J. A*. The Bridge at Andau. New York, 1957 (венг. изд.: 1994). См. также: Menekülő magyarok. A SzER tudósítójának grazi telefonjelentései 1956 novemberéből // Beszélő, 2005. N. 5.

[24] В качестве курьеза воспринимается случай с писателем Тамашем Ацелом, который, согласно распространенной версии, выехал в Австрию на личном автомобиле, причем купленном на Сталинскую премию, полученную в 1951 г. в СССР за слабый роман (наряду с ним тогда эту премию получил ряд других иностранных писателей –коммунистов). Такое в принципе было возможно только в самые первые недели после подавления восстания, когда с венгерской стороны был плохо налажен пограничный контроль.

[25] См.: *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. Глава 4.

всего за 5 дней границу пересекло более 45 тыс. человек. При этом следует иметь в виду, что именно к 20-м числам ноября с венгерской стороны ужесточается пограничный контроль. С одной стороны, к этому времени спецслужбы несколько оправились от перенесенного вследствие октябрьских событий паралича. С другой стороны, в первые две-три недели после 4 ноября среди части кадаровского руководства бытовало негласное мнение о том, что не следует ставить слишком жестких препон на пути людей, желающих покинуть страну, ибо бегство активных оппозиционеров ведет к снижению напряженности в обществе (более эффективных клапанов для снятия напряженности не находили). Однако масштабы, которые приобрел исход, заставили власти быстро откорректировать эту позицию.

При всех своих усилиях Австрия (уже имевшая, надо сказать, к тому времени немалый опыт приема политических иммигрантов из стран Восточной Европы, в которых к 1948 г. были установлены коммунистические режимы) не могла в условиях нового миграционного бума всецело взять на себя заботы по материальному обеспечению столь большого количества беженцев, достигшего в середине ноября 70 тыс., а в начале декабря превысившего 100 тыс. человек. Уже 5 ноября федеральное правительство Австрии в ожидании массового наплыва иммигрантов из Венгрии направило телеграмму Верховному комиссару ООН по делам беженцев и в подведомственную ему структуру UNREF (United Nations Refugee Foundation) с просьбой о помощи. Речь шла прежде всего о денежных вливаниях с тем, чтобы можно было обеспечить на соответствующем уровне уход за беженцами, снабжение питанием. В телеграмме содержалась также просьба об обращении к другим странам с тем, чтобы те согласились принять определенное количество беженцев. Решение возникшей гуманитарной проблемы было невозможно в одиночку, без приложения общих усилий, поскольку неожиданно вставшие задачи превосходили возможности малой, 7-миллионной среднеевропейской страны, после пережитой в 1945 году тяжелой разрухи едва вступавшей в полосу относительного экономического подъема. 14 ноября памятные записки соответствующего содержания были адресованы МИДом Австрии правительствам 20 стран. Был открыт специальный банковский счет, на который могли перечисляться средства как от австрийских, так и от иностранных благотворителей. Решение о перечислении из фонда ООН (UNREF) первоначальной суммы в 25 тыс. долларов было принято уже 5 ноября.

Через несколько дней после решающей советской военной акции в Венгрии австрийский министр иностранных дел Л. Фигль отбыл в Нью-Йорк для участия в очередной сессии Генассамблеи ООН. С трибуны ООН он выразил от имени правительства готовность принять груз забот, возникших с началом массового исхода населения из Венгрии, рассказал об усилиях, прилагаемых правительством Австрии для обеспечения венгерских беженцев нормальными условиями проживания, призывал правительства стран-членов ООН содействовать переправке части мигрантов в другие государства. Санкционированная соответствующими резолюциями ООН программа предоставления гуманитарной помощи Венгрии предусматривала среди прочего меры по решению проблемы миграции, оказанию содействия странам, принимающим беженцев — Австрии и Югославии. 9 ноября 1956 г. Генассамблея ООН поручила Генеральному секретарю ООН призвать Верховного комиссара по делам беженцев провести консультации с различными международными организациями и правительствами в целях предоставления эффективной помощи мигрантам. Специальная резолюция о помощи венгерским беженцам была принята Генассамблеей ООН 21 ноября. На ее основании 29 ноября Генеральный секретарь ООН и Верховный комиссар ООН по делам беженцев выступили с совместным призывом к правительствам и международным организациям о подключении к решению возникшей гуманитарной проблемы.

27 ноября австрийское правительство по предложению канцлера Ю. Рааба приняло решение перевести на нужды беженцев 10 млн. шиллингов (более 400 тыс. долларов) — заключительную порцию той суммы, которая была выделена Австрии в соответствии с планом Маршалла. Для размещения мигрантов создается 257 лагерей (крупнейший из них — близ села Фрайскирхен), довольно равномерно распределенных по стране, с тем, чтобы власти каждой из австрийских земель могли внести свой посильный вклад в решение общегосударственной проблемы. Были задействованы здания школ, пансионатов, туристических и спортивных баз, богоделен и т. д. Образуется специальная государственная структура, занимавшаяся вопросами материального, юридического, духовного обеспечения беженцев, проблемами трудоустройства работоспособной молодежи, а также обучения детей, находившихся в лагерях, в школах с преподаванием на венгерском языке[26]. При посредниче-

[26] Ungarischer Fluchtlingshilfdienst.

стве Верховного комиссара ООН по делам беженцев правительство Австрии и Лига обществ Красного Креста договорились в декабре 1956 г. о том, что большинство лагерей беженцев будут находиться в совместном ведении австрийских властей и Международного Красного Креста, получая от этой международной организации непосредственную помощь. Красный Крест уже в ноябре обязался оказать материальную поддержку 25 тыс. человек. Но количество беженцев было значительно большим и неуклонно росло — на 30 ноября в Австрии, по некоторым данным, было зарегистрировано 52 277 венгерских мигрантов (реально их находилось в стране к этому времени значительно больше), на 10 декабря — 79 170 человек, на 31 декабря — 153 690 человек[27]. Довольно много бежавших

[27] См.: *Soós K.* 1956-os magyar menekültek a statisztikai adatok tükrében // Levéltári Szemle, 2002. N. 3. 58.o. Некоторые специалисты ставят под сомнение точность приводимых в австрийской статистике цифр. Следует иметь в виду, что в Австрии находилось много (по данным И. Мюрбер, более 120 тыс. человек: *Murber I.* 1956 és Austria // 1956-os Évkönyv XIV. 2006–2007. 91.o.) венгерских иммигрантов предыдущей волны, покинувших родину после 1945 г. и особенно после установления коммунистической диктатуры в 1948 г. (часть этих людей вплоть до 1956 г. имела официальный статус беженцев, полученный в соответствии с международной конвенцией 1951 г.; австрийское правительство, испытывавшее трудности с содержанием в стране слишком большого количества иммигрантов из стран Восточной Европы, и до осени 1956 г. неоднократно ставило на международном уровне вопрос о переселении определенной их части в другие государства). Некоторые из венгерских беженцев прежних волн смогли в 1957 г. оставить Австрию и выехать в другие страны при помощи ООН, воспользовавшись возможностью примкнуть к новой волне эмиграции. Кроме того, и австрийские власти в интересах получения большей материальной помощи извне на содержание беженцев позволили себе некоторую хитрость – преувеличили число беженцев волны 1956 г. за счет присоединения к ним представителей более ранних волн эмиграции. В документах, адресованных в соответствующие структуры ООН, австрийская сторона не всегда проводила четкое разграничение между разными волнами эмиграции. См.: *Kovačević K.* The refugee problem in Yugoslavia // The 1956 Hungarian Revolution and the Soviet Bloc Countries: Reactions and Repercussions. Ed. by J. M. Rainer and K. Somlai. Bp., 2007. P. 111.

Следует заметить, что приводимые в литературе количественные данные о беженцах, прошедших через Австрию, являются разноречивыми. Так, число венгерских иммигрантов, прибывших в страну в течение ноября, колеблется, по разным источникам, от 60–70 до 110 тыс. человек. Трудности с установлением точного числа могут быть связаны с невозможностью определить количество незарегистрированных беженцев, нельзя исключать и сознательных манипуляций властей с цифрами, о чем речь шла несколько выше.

В нашей статье мы опираемся главным образом на статистические выкладки, приведенные в работах К. Шоош и И. Мюрбер, наиболее тщательно прорабатывавших соответствующую австрийскую статистику. См.: *Soós K.* Austria és a magyar menekültügy, 1956–1957 // Századok, 1998. N. 5; *Soós K.* 1956 és Ausztria. Szeged, 1999; *Soós K.*

в ноябре-декабре было зарегистрировано уже в 1957 г. В начале декабря 1956 г. в лагерях, находившихся под эгидой Международного Красного Креста, проживало 57 тыс. беженцев.

Приток столь большого числа иммигрантов ложился заметным бременем не только на федеральные, но и на местные органы власти, особенно в восточных землях страны — Бургенланде и Нижней Австрии, создавал дополнительные социальные проблемы, вызывавшие недовольство населения, тем более что среди беженцев была определенная прослойка люмпенизированных и даже уголовных (иногда уклонявшихся от регистрации) элементов, склонных ко всякого рода антиобщественным поступкам. По оценкам историков, среди 200 тыс. беженцев имелось не менее 3000–4000 лиц, ранее осужденных в Венгрии за совершенные преступления; многие из них вышли на свободу в конце октября в обстановке полного безвластия и хаоса в стране (в это число, разумеется, не входили действительные или мнимые оппоненты коммунистического режима, преследовавшиеся по политическим мотивам[28]). Дело доходило до того, что молодые эмигранты-венгры, самовольно покидая лагеря, совершали грабежи, налеты на склады с продовольствием и одеждой. В местах большого скопления беженцев расцветали спекуляция, проституция, другие негативные социальные явления[29].

В целом в австрийском общественном мнении, привычном к притоку политиммигрантов из стран Восточной, Юго-Восточной Европы, доминировали настроения в пользу оказания помощи беженцам из соседнего, тесно связанного с Австрией общностью исторических судеб государства. Жители приграничных бургенландских сел приносили продрогшим, изголодавшимся венграм теплую одежду и

1956-os magyar menekültek a statisztikai adatok tükrében // Levéltári Szemle, 2002. N. 3; *Murber I.* Arcok a tömegbol. Az ötvenhatos magyar menekültek társadalom-statisztikai vizsgálata // Hatalom és kultura. Bp., 2004. В работах И. Мюрбер приводятся данные МВД Австрии о 183 676 зарегистрированных в стране венгерских беженцах.

[28] *Szabó J.* «... s várja eltévedt fiait is.» Az MSzMP repatriálási és hazalátogatási politikája 1956 és 1963 között // Múltunk, 2007. N. 1. 197.o.

[29] См. справку «О венгерских беженцах в Австрии», подготовленную первым секретарем посольства СССР в Вене В. Сычевым: Архив внешней политики Российской Федерации (АВПР). Фонд референтуры по Австрии. Оп. 36. Папка 70. Д. 37. Л. 1–4. Справка была составлена в соответствии с указанием министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и направлена послом СССР в Австрии С.Г. Лапиным в 3-й Европейский отдел МИД СССР 15 августа 1957 г. Впрочем, советские и венгерские дипломаты в своих донесениях несколько сгущали краски при описании негативных явлений в среде беженцев – как в Австрии, так и в Югославии.

горячую пищу (конец ноября выдался в Средней Европе на редкость холодным, в отдельные ночи температура на венгерско-австрийской границе опускалась до 15 градусов ниже нуля). В создание нормальных условий для проживания беженцев добровольно вносили свой вклад многочисленные благотворительные организации, католическая церковь и т. д. (не в последнюю очередь речь шла о духовном, культурном обеспечении — с эмигрантами работали католические и протестантские священнослужители из Бургенланда, владевшие венгерским языком, в лагерях распространялась пресса, создавались курсы по изучению немецкого и английского языков).

Как бы там ни было, поведение некоторых категорий беженцев создавало в обществе определенную напряженность, почву для ксенофобских настроений. Пути решения проблемы виделись в том, чтобы как можно быстрее наладить канал переправки в другие страны тех, кто не склонен был долго задерживаться в Австрии. К реализации этих планов подключились международные структуры и, в частности, межправительственная комиссия по вопросам европейской миграции (ICEM — Intergovernmental Committee for European Migration), выделившая значительные средства на транспортные расходы, в том числе транспортировку части мигрантов на американский континент[30]. Отвечая на сделанные соответствующими международными организациями запросы, Австралия, Бразилия, Колумбия выразили готовность принять по 10 тыс. венгерских беженцев, США — в конечном итоге 21,5 тыс. (вначале речь шла всего лишь о 5–7 тыс. человек), Канада — без ограничений[31].

---

[30] В решении возникших задач участвовал и ряд структур ООН, в том числе UNRRA – United Nations Relief and Rehabilitation Administration.

[31] Соответствующая информация содержится в документах, которые постоянный представитель СССР в ООН А.А. Соболев 15 марта 1957 г. направил заведующему отделом международных организаций МИД СССР С.К. Царапкину. Речь идет о полученных представительством СССР циркулярном письме и памятной записке Генерального секретаря ООН и Верховного комиссара ООН по делам беженцев от 11 марта по вопросу об оказании помощи венгерским беженцам. См.: АВПР. Фонд отдела международных организаций. Оп. 3. Пор. 17. Папка 52. Л. 1–12. В письме, о котором идет речь, в соответствии с резолюцией ООН содержалось обращение к советскому правительству с предложением «принять участие в международных усилиях по оказанию соответствующей помощи с тем, чтобы проблема венгерских беженцев могла быть разрешена в этом году». В Москве не хотели сотрудничать с ООН в этом деле, что объяснялось принципиальными различиями в понимании причин возникновения проблемы, а также в подходах к путям ее решения (см. ниже). Вместе с тем в МИД СССР должны были учитывать, что Венгрия от помощи ООН не отказывалась. На документе значится руко-

В ряде стран, включая далекую Японию, создаются общества помощи венгерским беженцам. Уже в ноябре, по некоторым, скорее всего преувеличенным данным, из Австрии проследовало в другие страны почти 30 тыс. человек. Каналы организованной переправки мигрантов были отлажены в первой половине декабря. По данным на 18 декабря, из 143 тыс. зарегистрированных к этому времени в Австрии беженцев 66 тыс. было переправлено дальше на Запад. Выезжавшие в Вену эмиссары из разных государств (вопреки некоторым правительственным декларациям о готовности принять всех желающих без предварительной селекции) предпочитали отбирать для оформления разрешений на въезд в свои страны людей молодых, здоровых и физически сильных. Так, рынок рабочей силы в ФРГ, Великобритании, Бельгии испытывал некоторую потребность в шахтерах, и этот спрос мог быть удовлетворен за счет молодых венгров, специально отобранных в транзитном лагере, организованном на скорую руку близ международного аэропорта Швехат. Вполне понятная позиция европейских и американских миграционных служб порождала, однако, некоторую напряженность в их отношениях с австрийскими властями, явно не желавшими, чтобы в их стране остались только калеки, матери-одиночки, старики и другие категории населения, нуждающиеся в серьезной социальной поддержке (а тем более антиобщественные, криминальные элементы, проникновению которых на Запад также ставились преграды со стороны всех вовлеченных в решение проблемы государств).

Австрийское правительство всячески подчеркивало свою именно посредническую миссию в деле решения возникшей гуманитарной проблемы. При этом в начале декабря 1956 г. оно считало возможным оставить в стране 30 тыс. человек, попытавшись интегрировать их в австрийское общество. По мнению наиболее оптимистически настроенных экспертов, вливание «свежей венгерской крови» способствовало бы некоторому улучшению демографической ситуации в Австрии, стране с низким уровнем деторождаемости. В дальнейшем, однако, число 30 тыс. было при-

писная помета от 26 марта 1957 г., адресованная соответствующему сотруднику МИД: «Венгрия от помощи ООН не отказывалась. Подумайте, не следовало ли бы сообщить ООН о размерах нашей помощи Венгрии» (подпись неразборчива). При обсуждении 21 ноября на сессии Генассамблеи ООН проекта резолюции о помощи венгерским беженцам со стороны учреждений ООН (принятого подавляющим большинством голосов), делегация СССР воздержалась.

знано нереальным и скорректировано в сторону уменьшения до 12–15 тыс. Необходимо иметь в виду, что многие беженцы хотели остаться в Австрии, чтобы иметь возможность вернуться в Венгрию в обозримом будущем. Причем это касалось прежде всего наименее работоспособной и мобильной части мигрантов, малопривлекательной для австрийского рынка труда.

Венгерское правительство Я. Кадара в первые месяцы своего существования, в условиях политического и военного контроля со стороны СССР, имело очень ограниченное поле для самостоятельных действий. Его принципиальная позиция, скоординированная с мнением официальной Москвы, состояла в том, чтобы содействовать возвращению домой большей части тех, кто бежал из страны. Советская позиция излагалась постпредом СССР в ООН А. А. Соболевым на сессии Генассамблеи ООН в ноябре 1956 г. при обсуждении резолюций, касавшихся так или иначе проблемы беженцев. Суть ее, упрощенно говоря, заключалась в том, что в большом количестве бежали «контрреволюционеры» и «фашисты», но было также немало «обманутых» и «запуганных», тех, кто бежал от преследований «контрреволюционеров» и «фашистов» — все они должны получить возможность вернуться на родину в соответствии с договоренностью между австрийским и венгерским правительствами.

29 ноября Президиум ВНР объявил амнистию всем, кто бежал из страны до конца ноября, при условии, если они вернутся до 31 марта 1957 г. Согласно частым утверждениям официальной венгерской пропаганды, в соответствии с этой амнистией даже те, кто участвовал после 23 октября в повстанческом движении, не могли быть привлечены к уголовной ответственности (впоследствии эти декларации были вероломно нарушены, амнистия освобождала от ответственности только лишь за незаконное пересечение границы). В тот же день, 29 ноября, венгерское правительство обратилось к правительству Австрии с просьбой разрешить деятельность совместной комиссии по репатриации и эта инициатива нашла положительный отклик. В свою очередь Международный Красный Крест заверил венгерское посольство в Вене в том, что окажет содействие возвращению беженцев домой при условии, если речь идет о добровольном возвращении. Однако уже в декабре между австрийской и венгерской сторонами возникают серьезные трения. Венгерские претензии были изложены в меморандуме по во-

просу о беженцах, направленном постпредом ВНР в ООН П. Модом на имя Генсека ООН 15 января 1957 г.[32].

В этом документе, распространенном в Нью-Йорке среди делегаций стран-членов ООН, делался акцент на разнородности потока беженцев: многие выехали из Венгрии, будучи напуганы «контрреволюционерами» или введены в заблуждение вражеской пропагандой; некоторые совершили преступления и воспользовались возможностью уйти от ответственности; есть среди эмигрантов несовершеннолетние, вывезенные не по своей воле. Многие, как отмечалось в меморандуме, осознали ошибочность сделанного шага и хотят вернуться. Этому препятствует, однако, позиция как австрийского правительства, так и правительств некоторых других стран, в которые успели выехать венгерские беженцы: распространяется якобы только ложная информация о происходящем в Венгрии (передаются лишь сообщения радиостанции «Свободная Европа» и «Голоса Америки»), граждане Венгрии не извещены об амнистии, более того, их разубеждают возвращаться домой, пугая перспективой преследований. Одна из претензий заключалась в том, что власти Австрии и других стран не предоставляют венгерским миссиям возможностей для контактов со своими гражданами, тогда как представители других миссий, аккредитованных в Вене, могут беспрепятственно встречаться с беженцами и агитировать их ехать в соответствующие страны. Созданная в соответствии с венгерско-австрийским соглашением комиссия по репатриации в сложившихся условиях не могла, как отмечалось, эффективно выполнять свои функции.

В меморандуме от 15 января приводились сведения (неизвестно, насколько достоверные) о том, что некоторые беженцы, пожелавшие вернуться в Венгрию, были заключены под арест на 8–14 дней, кое-кто из них в знак протеста начал голодовку. Ряд лиц австрийские власти объявили агентами венгерской разведки (основанием для таких обвинений послужило то, что они собирались вернуться в Венгрию, захватив с собой письма своих товарищей по лагерям беженцев). Но с другой стороны, венгерские солдаты и офицеры, бежавшие в Австрию, подвергались, как отмечалось, систематическим допросам, из них пытались выудить секретную информацию о положении дел в Венгерской Народной армии. Ав-

[32] Посольство СССР в ВНР, получившее в МИД ВНР этот документ, 8 марта 1957 г. переправило его в МИД СССР. См.: Там же. Л. 13. См. также: Правда. 1957. 21 января.

стрийскими спецслужбами предпринимались якобы также попытки склонить венгерских граждан к агентурно-разведывательной работе против своей страны. Некоторые беженцы, не желавшие оставаться в Австрии, как говорилось далее в меморандуме, возвратились в Венгрию нелегально, поскольку другого способа вернуться домой у них не было: австрийские власти вопреки заключенному соглашению сознательно ставили препоны.

Одна из существенных проблем заключалась в том, что среди бежавших было много несовершеннолетних. 28 ноября венгерское правительство направило правительству Австрии дипломатическую ноту с требованием создать условия для их скорейшего возвращения домой и беспрепятственной передачи родителям (к меморандуму от 15 января, адресованному генсеку ООН, были приложены письма родителей с просьбой содействовать возвращению детей). Ответа на ноту, однако, не последовало. Согласно версии венгерской стороны, австрийские власти сознательно препятствовали возвращению 14–16-летних подростков домой и даже насильственно отправляли их в другие страны. Этот мотив занимал одно из центральных мест в ходе развернувшейся зимой 1956–1957 гг. не только в Венгрии, но и в СССР, других социалистических странах массированной пропагандистской кампании антизападной направленности. Стремясь обвинить правительства Австрии и других стран во вмешательстве во внутренние дела Венгрии, подконтрольные компартиям СМИ широко муссировали нерешенную проблему беженцев[33]. Раздувались факты эксплуатации венгерских эмигрантов, привлечения их к тяжелой физической работе за низкую плату, в том числе на шахтах и рудниках. Случаи добровольного возвращения беженцев домой также использовались в пропагандистском плане — для разоблачения подрывной деятельности Запада против Венгрии, пропаганды преимуществ социализма и т. д.[34].

[33] См., например: Правда. 1957. 22 января. На самом деле выезд некоторых несовершеннолетних (15–17 лет) на Запад стал результатом их личного выбора, которому миграционные службы отдали приоритет перед требованиями родителей.

[34] Иногда ситуация «добровольного возвращения» искусственно конструировалась. Так, связанный с венгерскими спецслужбами М. Сабо, проведший некоторое время на Западе в роли беженца, а затем вернувшийся на родину, опубликовал ряд книг разоблачительной направленности. См.: *Szabó M.* A strassburgi Magyar Forradalmi Tanács tagja voltam. Bp., 1957; Io. Foglalkozásuk: emigráns. Bp., 1958; Io. Hazatértek. Bp., 1958 (На русском языке: *Сабо М.* Эмигранты по профессии. М., 1958).

Мировая общественность, в целом негативно отнесшаяся к советской военной акции в Венгрии[35], не была склонна принимать на веру многих утверждений советской и венгерской пропаганды, хотя и признавала остроту проблемы, трудности адаптации тысяч людей к новым условиям жизни, неспособность австрийских властей справиться без помощи извне с таким наплывом беженцев. Не только в Австрии, но и в других странах существовали сильное недоверие к правительству Кадара и резонные (впоследствии подтвердившиеся) опасения того, что многие вернувшиеся на родину подвергнутся преследованиям. Идея возвращения беженцев домой была явно не популярна в западном общественном мнении. Призывы венгерских правительственных эмиссаров, находившихся в Австрии, поначалу не находили отклика и в среде самих беженцев. Так, в декабре с венгерской стороны границу пересекало ежедневно более 1000 человек, но вернулось на родину к середине декабря всего около 550 человек (в отчетах венгерской части двусторонней комиссии по репатриации иногда довольно откровенно говорилось о том, что многие беженцы боятся подвергнуться дома наказанию, не верят объявленной амнистии, опасаются даже депортации в СССР). Если венгерское правительство рассматривало репатриацию беженцев исключительно как проблему двусторонних венгерско-австрийских отношений, то власти Австрии во избежание подозрений на Западе в их «сговоре» с официальным Будапештом всячески стремились эту проблему интернационализировать и, в частности, подключить к ее решению наблюдателей от ООН, способных беспристрастно оценить, насколько добровольным является возвращение. Принципиальные различия в подходах двух сторон лишь усиливали напряженность в отношениях Австрии и Венгрии.

13 декабря президент США Д. Эйзенхауэр вызвал своего вице-президента Р. Никсона из отпуска в Вашингтон и поручил ему заняться вместе с госсекретарем Дж. Ф. Даллесом вопросом о венгерских беженцах. Никсон вылетел в Австрию, где 19 декабря обсуждал проблемы, связанные с массовой миграцией из Венгрии, с представителями австрийского правительства и Международного Красного Креста. По подсчетам австрийской стороны, для того чтобы принять (хотя и временно) такое количество беженцев, тре-

[35] См., например: *Стыкалин А. С.* Илья Эренбург и венгерские события 1956 г. (К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада в 1950-е годы).

бовалось не менее 30 млн долларов — речь шла о сумме совершенно непосильной для австрийского бюджета. Никсон посетил лагеря, в которых были размещены венгерские иммигранты, положительно отозвался о том, что делается в Австрии для приема беженцев, обещал от имени американского правительства некоторую материальную помощь, а также содействие в переселении части мигрантов в США. Хотя общественное мнение в США вследствие широко развернувшейся пропагандистской кампании было в целом настроено в пользу беженцев, вопрос о предоставлении им помощи оказался непростым: в частности, в Конгрессе развернулась целая дискуссия о том, следует ли согласиться на прием более 20 тыс. иммигрантов, учитывая имеющуюся в США безработицу[36].

Объем реально предоставляемой Австрии материальной помощи извне (как от правительств других государств, так и от международных организаций) не соответствовал огромным материальным затратам. Перечисление денег запаздывало. Так, к 1 марта 1957 г. Веной было получено, по некоторым данным, лишь немногим более 7,3 млн долларов[37]. Вдобавок к концу декабря в основном заполняются квоты по приему беженцев, первоначально установленные правительствами стран, выразивших готовность их принять (в том числе и США). Процесс оформления новых разрешений на выезд из Австрии застопорился, перспективы выезда становятся более туманными. Учащаются также случаи отказов в предоставлении желающим выехать на Запад статуса политических беженцев в соответствии с конвенцией 1951 г. (этот статус давал определенные привилегии при трудоустройстве и больше прав на выбор страны проживания). Чем больше становилось беженцев и чем чаще попа-

---

[36] См.: The Memoirs of Richard Nixon. Washington etc., Arrow Books, 1979. 181–182 pp. 8 ноября президент США Д. Эйзенхауэр заявил о готовности своей страны принять 5 тыс. беженцев. Тогда, однако, еще не было ясно, какие масштабы приобретет охвативший Венгрию массовый исход населения. В конце года правительство США согласилось принять 21,5 тыс. венгерских иммигрантов. См.: *Borhi L.* Az Egyesült Államok és a szovjet zóna (1945–1990). Kronológia. Bp., 1994. 57.o.

[37] Приводимые в литературе данные об объеме и сроках осуществления финансовых вливаний весьма разноречивы. Трудности с определением точных цифр объясняются большим количеством спонсоров, иной раз находившихся в непростых отношениях конкуренции между собой и в силу этого склонных подчас преуменьшать роль других организаций в оказании помощи венгерским беженцам (к числу спонсоров относились правительства США и ряда западных стран, структуры ООН, ICEM, Международный Красный Крест и его национальные отделения, многочисленные благотворительные организации, частные лица).

дались в их среде лица, склонные к антиобщественным поступкам, тем острее вставал вопрос, то и дело поднимавшийся некоторыми юристами в Австрии и других странах: дают ли существующие международно-правовые нормы основания предоставлять всем беженцам статус политических мигрантов. Задержки с выездом на Запад способствовали деморализации многих венгров, с самого начала рассматривавших Австрию как транзитную страну и рассчитывавших на скорый отъезд в другие страны. Атмосфера в лагерях временного проживания становится более напряженной: учащаются правонарушения, происходят голодовки, регистрируются попытки самоубийств, возрастает число людей, склонных к репатриации.

В этих условиях во избежание еще более взрывоопасной обстановки в местах большого скопления беженцев австрийские власти пошли на решительный шаг. С 15 января 1957 г. Австрия плотно закрыла границу, прекратив прием желающих прорваться в страну. К этому времени и с венгерской стороны начали восстанавливать технические преграды, затруднившие отток беженцев. Подступы к границе были заминированы. С этих пор поток миграции в западном направлении резко ослабевает: если в ноябре венгерско-австрийскую границу пересекло до 100 тыс. человек, в декабре около 40 тыс., то в январе, по некоторым данным, 18 тыс., в феврале всего 3 тыс. человек. Та же динамика сохранялась и позже, к июню цифра опустилась до 50 человек в месяц, что соответствовало «нормам», существовавшим до октябрьских событий.

Начиная с января 1957 г. поток беженцев из Венгрии принял южное направление. Тысячи людей, не способных прорваться в Австрию, устремились отныне в сторону титовской Югославии. Еще в конце октября, в первые дни после восстания, югославские пограничники нередко задерживали в близлежащих к границе населенных пунктах Воеводины, заселенных этническими венграми, молодых венгерских граждан, пересекавших границу в поисках оружия. Эти лица вначале передавались венгерским пограничникам, но по мере распада в Венгрии органов власти и ослабления со стороны ВНР контроля за границей их предпочитали оставлять под охраной в Югославии — они были переданы венгерским властям уже позже, при кадаровском правительстве. В конце октября имели место также случаи бегства из Южной Венгрии в Югославию партийно-государственных функционеров, опасавшихся за свою жизнь. Югославские власти призывали их вернуться домой и «с оружием в руках бороться за

социализм», но некоторым удалось остаться в стране[38]. В ночь с 30 на 31 октября 17 сотрудников госбезопасности (AVH) из г. Сегеда, многие с семьями, пересекли границу и сдались в Воеводине югославским властям. В ту же ночь на совсем другом, словенском участке венгеро-югославской границы 14 человек также перебежало в Югославию, среди них наряду с сотрудниками спецслужб были партийные работники из Надьканижи, которых югославские власти приняли с несколько большим пиететом. В ноябре эти люди вернулись в Венгрию, от них шли потом в Югославию письма с благодарностью за приют. По архивным данным, всего к 3 ноября в Югославии было зарегистрировано 178 венгерских беженцев[39].

С 4 ноября в Югославию бежали люди, не принявшие нового советского силового вмешательства и свержения правительства И. Надя. Югославские пограничники поначалу заставляли их возвращаться в Венгрию, иногда передавали сотрудникам венгерским спецслужб, после октябрьских событий постепенно выходивших из шокового состояния. Многие сопротивлялись, проявляли упорство в достижении поставленной цели, некоторые, потерпев неудачу с пересечением югославской границы, бежали в Австрию. В венгерском обществе знали, что титовская Югославия (нередко выдававшаяся венгерскими реформ-коммунистами за образец для Венгрии) не хочет пускать беженцев, и в силу этого в ноябре-декабре увеличился поток в направлении Австрии.

С югославской стороны охрана границы была значительно усилена, на помощь пограничникам были призваны армейские части, включая целую танковую дивизию, пододвинутую к границе. Несмотря на некоторое потепление советско-югославских и венгерско-югославских отношений в 1955–1956 гг.[40], годы конфронтации

---

[38] Большой материал о венгерском исходе 1956 г. в Югославию приводится в работах сербской исследовательницы К. Ковачевич. См., в частности: *Kovačević K.* A menekültkérdés Jugoszláviában // Az 1956-os forradalom visszhangja a Szovjet tömb országaiban. Szerk. Rainer M.J., Somlai K. 1956-os Intézet Évkönyve. XIV. 2006–2007. Bp., 2007. На английском языке см.: *Kovačević K.* The Hungarian refugee problem in Yugoslavia // The 1956 Hungarian Revolution and the Soviet Bloc Countries: Reactions and Repercussions. Ed. by J. M. Rainer and K. Somlai. Bp., 2007. Из работ венгерских авторов см.: *Murber I.* Az 1956-os magyar események hatása a jugoszláv-magyar kapcsolatok alakulására és a menekültkérdés // Limes. Tatabánya, 2006. N. 3.

[39] Kovacevic K. The Hungarian refugee problem in Yugoslavia, p 112. По другим приводимым в литературе данным, их было до 400 человек.

[40] См.: *Стыкалин А. С.* Советско-югославское сближение (1954 – лето 1956 гг.) и внутриполитическая ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. Отв. ред-ры Г. Г. Литаврин, Р. П. Гришина. Спб., 2002.

давали о себе знать. В первую неделю после крупномасштабной советской военной акции в Венгрии часть югославского общества (включая военнослужащих) испытывала реальный страх перед возможным вступлением советских войск на территорию ФНРЮ, и это только усиливало напряженность на границе. По приближавшимся к границе людям с югославской стороны неоднократно открывался огонь, что приводило к человеческим жертвам. К концу ноября налаживается сотрудничество венгерских и югославских спецслужб в деле предотвращения побегов; в частности, югославской стороной передавалась венгерским властям информация о тех местах, где чаще всего совершались побеги, с тем, чтобы там была усилена охрана границы. В свою очередь сотрудники югославского посольства в Будапеште, поддерживавшие довольно тесные связи с венгерскими национал-коммунистическими кругами, преданными Имре Надю и оппозиционными правительству Кадара, получили из центра установки не побуждать людей из круга своего общения к эмиграции: пусть остаются дома, чтобы в Венгрии не сужался круг друзей нейтральной Югославии, строящей социализм, но при этом проводящей независимую внешнюю политику. Несмотря на все принимаемые меры количество беженцев росло, в конце декабря в Югославии их было зарегистрировано более 1200 человек.

Еще во второй половине ноября венгерские власти проявили готовность принять репатриантов не только из Австрии, но и из Югославии. Правительственные эмиссары были посланы в Белград с целью обсудить проблему беженцев и встретили там понимание официальной венгерской позиции — руководство ФНРЮ выразило незаинтересованность в приеме мигрантов из Венгрии. Созданная на основе взаимной договоренности совместная комиссия посетила лагеря, в которых временно разместили беженцев. Однако энтузиазма с их стороны эта инициатива не вызвала. В одном из лагерей беженцы, среди которых были рабочие и студенты, резко выступили против возвращения домой, угрожали даже выбросить непрошенных агитаторов в Драву.

В начале декабря в венгерской прессе появляются сообщения о заключенном 29 ноября между двумя правительствами соглашении о репатриации людей, бежавших в Югославию из Венгрии. Интерес в скорейшей репатриации беженцев был, таким образом, взаимным, с югославской стороны он объяснялся не в последнюю очередь страхом властей перед возможной дестабилизацией по-

ложения в стране под влиянием венгерской революции[41]. Показательно, что соглашение о репатриации было заключено несмотря на осложнение венгеро-югославских отношений, связанное с «делом Имре Надя» — бывший премьер-министр и большая группа людей из его окружения были обманным путем выманены из югославского посольства, где укрывались начиная с 4 ноября, и незаконно переправлены в Румынию[42].

По итогам поездки венгерских эмиссаров по лагерям был составлен список желающих возвратиться домой (141 человек, из которых, по некоторым данным, не все воспользовались затем возможностью вернуться). Договорились о конкретных местах передачи беженцев венгерским властям в два приема, 7 и 9 декабря. Если у кого-то из них при пересечении границы в югославском направлении было изъято оружие, оно возвращалось венгерской стороне как собственность Венгрии. Западные журналисты не были допущены к местам репатриации, что сразу поставило под вопрос добровольность возвращения. Недоверие усилилось вследствие выраженного нежелания югославских властей организовать встречу репатриантов с находившимися 9 декабря в ФНРЮ представителями ведомства Верховного комиссара ООН по делам беженцев.

Западная пресса довольно много писала в это время о положении на венгеро-югославской границе. Комментируя в негативном ключе соглашение двух коммунистических режимов о репатриации, она выражала неверие в то, что беженцы возвращаются добровольно. Британский Форин офис официально проявил недовольство тем, что английские репортеры не были допущены в лагерь, где находились беженцы, которых собирались репатриировать.

---

[41] Принимая 11 января 1957 г. посла СССР Н. П. Фирюбина, Тито говорил о том, что вследствие венгерских событий подняла голову реакция в Югославии, особенно в Хорватии, где «реакционные элементы» открыто призывали к расправе с сотрудниками госбезопасности. См. также: *Стыкалин А. С.* Советско-югославские отношения и внутриполитическая ситуация в Венгрии в условиях кризиса 1956 г. // Spoljna politika jugoslavije. 1950–1961. Zbornik radova. Beograd, 2008.

[42] См.: *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. Глава 4. 10 января 1957 г. член Временного Исполкома ЦК ВСРП А. Апро и министр иностранных дел Венгрии И. Хорват говорили послу СССР Ю. Андропову о существующей в руководстве ВСРП установке дружески урегулировать с югославами проблему беженцев (АВПР. Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 035. С. 2–7), лишний раз подтверждая тем самым взаимную заинтересованность в преодолении возникших наслоений в двусторонних отношениях.

Заключенное венгеро-югославское соглашение, впрочем, отнюдь не означало прозрачности в отношениях двух режимов и взаимного доверия. Венгерская разведка посылала под видом беженцев своих агентов в югославские лагеря, произошло по меньшей мере 4 скандала, связанных с их разоблачением, причем посольство ВНР всячески отрицало свою причастность к происходящему. Ни одна из сторон не хотела эти случаи афишировать, делать предметом комментариев западной прессы, агентов тайно возвращали в Венгрию. В свою очередь в конце ноября один из офицеров венгерского ПВО связался с югославским военным атташе в Будапеште, обратившись с предложением переправить в нейтральную ФНРЮ (сотрудничавшую в военной области со странами НАТО) новейшее военно-техническое оборудование. Причем осуществление задуманного проекта предполагало также организацию побега ряда офицеров Венгерской народной армии. Югославская сторона колебалась, видимо, не желая шумного скандала в двусторонних отношениях в случае разоблачения. Но перевесил все же соблазн овладеть новейшим оружием: в Белграде предпочли закрыть глаза на явно авантюрный план и не проинформировать о нем венгерских партнеров, позволив тем самым скандальной акции частично осуществиться.

С закрытием в середине января 1957 г. венгерско-австрийской границы поток беженцев, стремящихся оказаться в Югославии, как уже отмечалось, резко увеличился[43]. С возникновением принципиально новой ситуации тактика была изменена, в Белграде решено было несколько пересмотреть прежнюю установку поскорее возвращать назад всех пришедших. Уже с середины декабря югославские власти начали уклоняться от передачи беженцев венгерским пограничникам, после же Нового года отказ от их насильственного выдворения становится общим правилом. Смена тактики была в немалой мере связана с усилившимся вниманием западного общественного мнения к проблеме беженцев, прибывших в Югославию,

[43] Зав. отделом МИД ВНР П. Маник говорил 2 февраля 1957 г. первому секретарю посольства СССР А. Тимофееву: в последнюю неделю число лиц, бегущих из Венгрии через австро-венгерскую границу, сократилось, т. к. усилена охрана границы. Основной поток беженцев идет теперь через венгеро-югославскую границу, которая охраняется недостаточно: ежедневно в Югославию уходит по нескольку сот человек. Разрабатываемые меры по усилению пограничного контроля включали в себя создание 15-км зоны, где можно было находиться только с разрешения пограничных служб (АВПР. Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 036. Т. I. Л. 53).

с открыто высказывавшимися в западной прессе (и бросавшими тень на репутацию нейтральной Югославии) подозрениями в том, что два по сути родственных (вопреки всем политическим трениям) коммунистических режима вступили в сговор за счет венгерских беженцев. Еще в начале декабря Верховный комиссар ООН по делам беженцев О. Линдт потребовал от правительства ФНРЮ разъяснений в связи с сообщениями западной прессы о том, что югославские власти жестоко обходятся с беженцами, насильственно возвращают их венгерским властям.

Следует заметить, что на Западе довольно рано предвидели возникновение проблемы беженцев в связи с их оттоком не только в Австрию, но и в титовскую национал-коммунистическую Югославию. Еще 6 ноября, через два дня после решающей советской военной акции в Венгрии, Верховный комиссар ООН по делам беженцев встретился с постоянным представителем Югославии в ООН и обещал предоставить необходимую помощь в случае возникновения проблемы беженцев. В ноябре, однако, наплыв еще не был велик. В середине ноября в ответ на запрос соответствующих структур ООН югославские власти дали информацию о количестве иммигрантов из Венгрии (их было около 300). Помощь извне пока не требовалась. Но уже в первой половине декабря, с увеличением потока миграции, югославы запросили помощи. В ответ на соответствующее обращение, датированное 7 декабря, Верховный комиссар О. Линдт тут же направил своего представителя в Белград для изучения ситуации с беженцами на месте. Позже, в январе, представитель Верховного комиссара пробыл в Югославии в течение двух недель, посетил лагеря, в которых размещали беженцев.

К этому времени ситуация резко усугубилась. В декабре в ходе контактов с представителями Верховного комиссара югославские власти выразили готовность принять (при должной помощи извне) 10 тыс. венгерских беженцев. Но за вторую половину месяца поток удвоился, число мигрантов, по официальным данным, достигло 1748 человек. К середине января наплыв продолжал резко нарастать, на территорию ФНРЮ приходило до 500 человек в день, а после закрытия 15 января венгерско-австрийской границы — в отдельные дни 600–700 человек в сутки. На 1 февраля было зарегистрировано 15 тыс., в середине февраля 17 тыс., а в середине марта 18 тыс. иммигрантов, размещенных в 37 лагерях в различных районах страны. Наиболее крупные лагеря предпочитали создавать в Словении, не-

подалеку от границы с Италией — в расчете на то, что отсюда проще переправлять беженцев на Запад. 26 декабря югославские власти сообщили в соответствующие структуры ООН о том, что на содержание мигрантов уже было потрачено 50 тыс. долларов, но приток беженцев после этого сильно увеличился и к концу января затраты превысили 1 млн 100 тыс. долларов. Только за один день 30 января было израсходовано 25 тыс. долларов. Для МВД были выделены дополнительные средства из бюджета, но они не решили проблемы: Югославия не располагала материальными возможностями для приема столь большого количества беженцев. Материальные и санитарно-гигиенические условия в югославских лагерях для венгерских беженцев были значительно хуже в сравнении с соседней Австрией — существовали проблемы с обеспечением не только медикаментами, но даже проточной водой, в наиболее перегруженных лагерях на трех человек приходились две койки. Проблемы усугублялись вследствие того, что среди беженцев было немало детей[44]. Усилиями медицинских работников все же удалось избежать возникновения эпидемий.

В отличие от демократической Австрии, где почти каждая действовавшая благотворительная организация оказывала беженцам посильную помощь, занималась сбором средств, в титовской Югославии с ее отсутствием гражданского общества властям невозможно было рассчитывать на аналогичную общественную поддержку. С другой стороны, как и в любой стране с коммунистическим режимом, в Югославии опасались наплыва иностранцев в силу политических причин. Полиция ФНРЮ старалась всячески изолировать иммигрантов от местного населения — прежде всего из опасений распространения в югославском обществе «венгерской заразы». Лагеря создавались по возможности вдали от больших городов, иногда даже вкладывались специальные средства в сооружение лагерей в слабо заселенных местах (хотя использовались и готовые помещения - казармы, дома отдыха, пустующие зимой). Для наиболее опасных в политическом отношении беженцев (таких как, например,

[44] Около 4 тыс. несовершеннолетних, в том числе 1500 без родителей. Недалеко, на наш взгляд, от истины мнение тех авторов (в частности, мемуаристов), которые упрекают власти титовской Югославии в весьма циничной позиции: не будем селить венгров комфортно – побыстрее захотят домой (репатриации всегда отдавалось предпочтение перед отправкой беженцев на Запад). Вместе с тем необходимо отметить, что цены на питание были в Югославии более низкими, нежели в соседней Австрии.

известный оппозиционный журналист Тибор Мераи, впоследствии первый биограф Имре Надя[45]) был создан особый лагерь.

Попасть в лагеря посторонние могли только с разрешения федерального МВД, любые контакты находились под строгим наблюдением. Венгерские беженцы не имели свободы передвижения, не могли покинуть лагерь и часто даже не получали газет[46]. Югославские власти резонно полагали, что получение какой бы то ни было информации о происходящем в Венгрии и вокруг нее может усилить нервозность и нежелательные настроения в иммигрантской среде и тем самым прибавит забот политической полиции. Только в феврале, по договоренности с эмиссарами правительства Кадара, было разрешено широкое распространение в лагерях венгерской пропагандистской литературы — в югославском руководстве по-прежнему считали репатриацию предпочтительным путем разрешения проблемы, но только с оглядкой на западное общественное мнение. В свою очередь венгерская сторона не прекращала заявлять претензий в адрес властей ФНРЮ, не создающих, по ее мнению, в лагерях условий для свободного волеизъявления, подвергающих беженцев давлению, якобы отговаривающих их возвращаться домой[47].

1 февраля возобновила работу смешанная венгеро-югославская комиссия по репатриации. К этому времени с венгерской стороны была усилена охрана границы, в течение нескольких дней около 2000 человек, пытавшихся бежать в Югославию, были остановлены, но все же массовое бегство продолжалось. Венгерские эмиссары убеждали югославских коллег плотно закрыть границу также и со своей стороны, отказавшись «в угоду Западу» впускать граждан ВНР на территорию ФНРЮ. Следующие заседания комиссии, состоявшиеся 12 и 18 февраля, посетили, по своему настоянию, представители Верховного комиссара ООН по делам беженцев. В ходе работы комиссии была заключена договоренность о местах пере-

---

[45] См.: *Мераи Т.* 13 дней. Имре Надь и венгерская революция 1956 года. М., 2007.

[46] В лагере, где была сосредоточена основная масса творческой интеллигенции (в том числе политические оппозиционеры коммунистического режима в Венгрии), распространялись западные газеты, были возможности слушать передачи радиостанции «Свободная Европа». По имеющимся данным, среди беженцев, обосновавшихся в Югославии, было около 100 представителей творческой интеллигенции.

[47] Это недовольство нашло отражение в отчетах венгерских эмиссаров, занимавшихся вопросами репатриации в рамках смешанной двусторонней комиссии. См.: *Murber I.* Az 1956-os magyar események hatása a jugoszláv-magyar kapcsolatok alakulására és a menekültkérdés.

дачи новых партий репатриантов венгерским властям. В середине - второй половине февраля в течение нескольких дней было передано более 750 беженцев (всего к этому времени более 970). Заседания комиссии проходили в довольно конфликтной обстановке: посланцы ООН открыто высказывались против репатриации, подвергали сомнению добровольность выбора многих беженцев. Вопреки требованиям венгерской стороны югославские власти вплоть до августа 1957 г. держали границу по сути дела открытой, принимая беженцев. Вместе с тем они усилили давление на иммигрантов в целях добиться их возвращения на родину.

В отличие от правительства Австрии правительство ФНРЮ поначалу хотело минимизировать участие западных стран и международных организаций в решении проблемы беженцев, делая главную ставку на достижение договоренности с правительством ВНР относительно репатриации. Проблема беженцев доставляла Тито и его команде не только материальные, но и политические неудобства: руководство ФНРЮ, подвергавшееся в это время сильному (не в последнюю очередь экономическому) давлению СССР, опасалось развития событий по сценарию 1948 г. и прилагало усилия для нормализации отношений как с СССР, так и с соседней кадаровской Венгрией, осложнившихся в условиях венгерского кризиса. Только в силу большой материальной нужды оно интенсифицировало обращения к Западу за помощью. В феврале министр внутренних дел федерального правительства С.Стефанович провел пресс-конференцию, где заявил, что решение задач по обеспечению венгерских беженцев всем необходимым превосходит возможности югославских властей, была впервые официально выражена готовность разрешить выезд на Запад тем лицам, которые пожелают. В свою очередь и Верховный комиссар ООН по делам беженцев О. Линдт на пресс-конференции, состоявшейся в конце января, признал, что массовый приток венгерских беженцев в Югославию стал проблемой, решение которой невозможно без участия международных организаций. Правительство ФНРЮ получило заверения в том, что его затраты будут возмещены через международный фонд, предназначенный для помощи мигрантам (United Nations Refugee Foundation), югославские представители были приглашены для участия в качестве наблюдателей в работе исполкома этого фонда. Однако выделенные в это время средства (50 тыс. долларов, полученных по линии Международного Красного Креста, и ряд других довольно мелких вливаний) явно

не были достаточными. В этих условиях югославские власти настоятельно ставят вопрос об эвакуации 5 тыс. беженцев в другие страны, грозя также плотно закрыть со своей стороны югославско-венгерскую границу, если при содействии Запада не будет срочно решен вопрос о материальном обеспечении беженцев. Свои попытки договариваться с правительством Я. Кадара относительно репатриации многих беженцев представители ФНРЮ в ходе встреч с эмиссарами ООН вполне резонно объясняли неготовностью Запада оказать Югославии действенную помощь. Министр внутренних дел ФНРЮ С. Стефанович заявлял также на пресс-конференции, что именно непроясненность вопроса с возможностью выезда на Запад заставляет беженцев думать о возвращении домой[48].

В ответ на это и подобные заявления активизируются усилия международных структур по переправке части мигрантов в другие страны. С 30 января в Белграде функционировал временный офис Верховного комиссара ООН по делам беженцев, призванный координировать все вопросы, связанные с реализацией программы помощи мигрантам (в том числе контролировать распределение средств)[49]. В его работе принимали участие представители межправительственной комиссии по вопросам европейской миграции (ICEM), подключение этого ведомства, теснее связанного с правительствами отдельных государств, ускорило оформление выезда части беженцев на Запад. Правительственные эмиссары из разных стран посещали лагеря, под наблюдением сотрудников ведомства Верховного комиссара отбирали людей для выезда в соответствующие страны — Францию, Бельгию, ФРГ, Канаду и т. д.; образовался своего рода рынок рабочей силы. По данным комиссии ООН, к середине марта подавляющее большинство эмигрантов (из примерно 18 тыс. оказавшихся в Югославии) заявило о желании выехать на Запад. К этому времени приток людей из Венгрии резко уменьшился (почти все желавшие покинуть страну успели это сделать), что давало возможность постепенно направить решение проблемы в более спокойное русло, с подключением всех заинтересованных сторон. В связи с тем, что в Австрии к этому времени число беженцев заметно уменьшилось[50], Вер-

[48] Политика, Београд. 17.02.1957.

[49] Сам верховный комиссар О. Линдт неоднократно приезжал в эти месяцы в Югославию, посещал лагеря, в марте встречался с Тито.

[50] По сообщениям австрийской прессы, 18 июня 1957 г. в стране оставалось 29 340 венгерских беженцев (Wiener Zeitung, 1957. 22. 06).

ховный комиссар ООН в конце апреля обращается к правительству этой, имеющей большой опыт приема мигрантов страны с просьбой согласиться временно принять за счет ООН 5 тыс. венгров из числа эмигрировавших в Югославию; в течение 4 месяцев их было обещано переправить в другие страны. Австрийское правительство дало после кратковременных колебаний согласие, восприняв просьбу с большим удовлетворением как знак высокой международной оценки усилий Австрии по приему венгерских беженцев, однако еще большее его удовлетворение вызвал отзыв ведомством ООН ранее поступившей просьбы. Ведь проблемы, связанные с приемом «своих собственных» (прибывших непосредственно из Венгрии) иммигрантов, продолжали и в Австрии сохранять определенную остроту[51].

Венгерские представители, настаивая на репатриации своих граждан, выражали недовольство слабым откликом мигрантов на призывы к возвращению и обвиняли правительство ФНРЮ в двойственности, непоследовательности и заигрывании с Западом. С югославской стороны в свою очередь звучали упреки в адрес венгерских эмиссаров (членов совместной комиссии по репатриации) в неспособности проводить эффективную работу среди беженцев,

---

[51] См. справку посольства СССР в Венгрии «О венгерских беженцах в Австрии» (датирована 15 августа 1957 г.): АВПР. Фонд референтуры по Австрии. Оп. 36. Папка 70. Д. 37. Л. 1–4. Как следует из этого документа, сохранялись проблемы адаптации венгерских беженцев к австрийскому обществу, католическая церковь проявляла озабоченность моральным разложением в иммигрантской среде. Важно иметь в виду, что к этому времени больший процент среди остававшихся в Австрии мигрантов составляли нетрудоспособные и даже откровенно паразитические (не говоря уже о криминальных) элементы. Предпринимавшиеся попытки лишить их пособий вызывали острые конфликты, а переселению в другие страны противились власти соответствующих стран.

Венгерское правительство, настаивая на репатриации большей части беженцев, вместе с тем всегда отступало от этого требования, когда с австрийской стороны (как и со стороны правительств других стран) речь заходила о депортации обратно в Венгрию явных уголовников, в том числе совершавших антиобщественные поступки в новых странах пребывания, включая Великобританию, Швейцарию и т. д. В Великобритании, по некоторым сведениям, был даже создан специальный отдел полиции, занимавшийся правонарушениями, совершенными мигрантами из Венгрии; собранный им материал был представлен посольству ВНР вместе с нотой, требующей депортации правонарушителей. (См.: *Szabó J.* «... s várja eltévedt fiait is.» Az MSzMP repatriálási és hazalátogatási politikája 1956 és 1963 között). Отказываясь впускать в свою страну преступников, венгерские власти в то же время не прочь были использовать совершавшиеся беженцами за границей преступления в пропаганде, направленной на разоблачение «контрреволюции». Следует также заметить, что поведение некоторых категорий беженцев способствовало росту антивенгерских настроений на Западе, ухудшению имиджа венгерской революции в западном общественном мнении.

в том числе агитационно-пропагандистскую. И это было недалеко от истины. Так, при посещении лагерей членами комиссии по репатриации мигрантов зачастую нервировало, когда они вдруг видели знакомых им по Венгрии офицеров госбезопасности (AVH), от которых им трудно было ожидать чего-либо хорошего. С другой стороны, и югославские чиновники могли своими глазами наблюдать грубый прием беженцев на пограничных контрольно-пропускных пунктах, что охлаждало их готовность сотрудничать с правительством Кадара, поскольку вызывало опасения, что венгерские партнеры будут и далее компрометировать перед лицом западного общественного мнения имидж нейтральной Югославии, «вступившей в сговор» с советским сателлитом за счет тысяч венгерских граждан, бежавших от преследований. Несмотря на препятствия венгерских спецслужб, до адресатов в югославских лагерях иногда доходили письма из дома с советами не возвращаться при сложившихся обстоятельствах, и это лишний раз заставляло задуматься тех, кто изначально выражал готовность добровольно вернуться на родину. Вместе с тем плохие условия жизни в лагерях, равно как и более медленное (в сравнении с Австрией) оформление разрешений выехать на Запад[52] служили для беженцев мотивами выбора в пользу репатриации. Тем не менее число согласившихся вернуться из Югославии домой к началу апреля, по некоторым данным, не превышало 2100 человек, что было в несколько раз меньше количества желающих отправиться в западные страны. 31 марта подходил к концу срок, в течение которого в соответствии с объявленной 29 ноября амнистией беженцы должны были вернуться на родину. Вероятно, при более эффективной постановке дела со стороны правительства Кадара показатель желающих

[52] Что объяснялось не столько бюрократическими проволочками югославской стороны, сколько исчерпанием к весне 1957 г. квот, заявленных каждой из стран, выразивших готовность принять определенное количество беженцев. Представитель Югославии в ООН вел неформальные переговоры с представителем Канады, добиваясь согласия на прием этой страной как можно большего количества венгерских мигрантов, выехавших из ФНРЮ. Однако, вопреки первоначальным декларациям канадских властей о том, что их страна способна принять неограниченное количество мигрантов, среди чиновников и в политических кругах Канады существовали серьезные разногласия по этому вопросу. После того, как в Канаду переселилось около 20 тыс. беженцев из Австрии, власти этой страны не проявляли энтузиазма на переговорах с представителями ФНРЮ. В итоге количество иммигрантов, приехавших в Канаду из Югославии, составило всего лишь 1700 человек. См.: *Hidás I. P.* Magyar menekültek Jugoszláviában, útban Kanadába // Múltunk, 1997. N. 3.

вернуться мог бы быть более высоким — ведь с массовым выездом на Запад происходили задержки (из беженцев, весной 1957 г. заявивших желание мигрировать на Запад, лишь меньше половины в течение последующих 4 месяцев получили разрешение на выезд; США фактически еще в апреле установили мораторий на прием новых мигрантов[53]). В этих условиях многие разочаровались и уже всерьез стали рассматривать репатриацию в качестве альтернативы.

В мае 1957 г. Югославию вновь посетил Верховный комиссар ООН по делам беженцев, выразивший неудовольствие тем, что представители Международного Красного Креста не были допущены к местам репатриации венгерских беженцев, в частности несовершеннолетних. 7 мая он сделал официальное представление министру внутренних дел ФНРЮ, поставив под сомнение добровольность возвращения в Венгрию некоторых подростков 14–16 лет[54]. В конце мая — начале июня по требованию Верховного комиссара ООН группа иностранных журналистов была допущена в лагеря.

[53] В середине февраля 1957 г. число венгерских беженцев, прибывших в США, составило 26 400 человек, что на 5 тыс. превысило заявленную американским правительством в конце декабря квоту по приему. Для того, чтобы по возможности ограничить давление международных структур, добивавшихся от правительства США согласия на прием новых иммигрантов, Конгресс США 21 марта выделил 4 млн. долларов на строительство для венгерских беженцев жилья за пределами США. 14 мая официально было объявлено, что американскую границу пересекло 32 тыс. человек и на этом поставлен предел. Для остававшихся все еще в Австрии 35 тыс. беженцев властями США тогда же безвозмездно было выделено продовольствие на сумму 10 млн. долларов. См.: *Borhi L.* Az Egyesült Államok és a szovjet zóna (1945–1990). Kronológia. Bp., 1994. 57–59.o.

[54] Согласно установкам западных миграционных служб, детей до 14 лет необходимо было репатриировать по настоянию родителей, в случае с подростками 14–17 лет родителей также необходимо было поставить в известность о месте пребывания их детей, однако применительно к этой категории несовершеннолетних руководствовались прежде всего их собственным выбором (если родители имели возражения, они могли вступить в контакт с компетентными югославскими органами, а через них со своими детьми). С венгерской стороны были официально заявлены возражения, власти Венгрии требовали безоговорочной репатриации всех не достигших 18 лет. При этом отмечалось, что несовершеннолетние (не имеющие права политического волеизъявления) не могут рассматриваться как политические мигранты и получить соответствующий юридический статус. Но югославы колебались, ссылаясь на свое законодательство, и не торопились с передачей венгерским миграционным службам подростков 14–17 лет, детей же в возрасте до 14 лет возвращали только на основании письменных просьб, поступивших от родителей. Конфликтность возникшей ситуации возрастала вследствие того, что югославы отказались предоставить венграм список всех несовершеннолетних беженцев, находившихся в стране.

Аналогичные проблемы возникали и в практике венгерско-австрийских отношений.

Хотя их прием был обставлен настоящей показухой, впечатления оказались однозначно плохими — в репортажах, опубликованных в западной прессе, проводились прямые параллели с концлагерями времен Второй мировой войны. После этого югославские власти несколько улучшили условия проживания и культурного обеспечения в лагерях, особенно тех, где пребывало много несовершеннолетних — среди прочего были организованы курсы английского и французского языков для молодежи, желающей отправиться на Запад, начали проводиться спортивные состязания. Активизируется обучение детей по программам венгероязычных югославских школ, из Воеводины в лагеря приглашаются учителя (а также священнослужители), владеющие венгерским языком. Кое-где организуются кинопоказы. Западные эмиссары настаивали на более активном участии Международного Красного Креста (и его национальных организаций, представляющих развитые страны) в обустройстве лагерей. Эта настойчивость приносила свои результаты. Так, на средства шведского Красного Креста была оборудована скромная база отдыха для несовершеннолетних беженцев на Адриатическом море, закуплен спортивный инвентарь. В лагерях стали более широко распространять югославскую венгероязычную газету, издающуюся в Нови-Саде. Из нее читатели могли почерпнуть официальную югославскую версию венгерских событий, сильно отличавшуюся от той, которая преподносилась советской и венгерской пропагандой (как следует из отчетов эмиссаров, занимавшихся вопросами репатриации, это вызывало явное неудовольствие венгерской стороны).

Как бы то ни было, условия пребывания мигрантов в лагерях по-прежнему оставляли желать много лучшего. Американская делегация, посетившая в июле 1957 г. ряд лагерей, составила впечатление о том, что многие беженцы попросту голодали. Одна из главных проблем заключалась в медленном перечислении финансовых средств из международных фондов, и это касалось в первую очередь Югославии. Австрия приняла значительно больше венгерских иммигрантов, но их отток на Запад из этой страны был налажен, как уже отмечалось, значительно быстрее, нежели из Югославии. Перечисление средств в Австрию также осуществлялось быстрее, больше активности проявляли, когда дело касалось помощи этой стране, американские и европейские благотворительные организации [55].

[55] По данным ООН (несколько расходящимся с цифрами, приводимыми в некоторых других источниках), на 1 марта 1957 г. было зарегистрировано 53 349 венгерских

Из более чем 180 тыс. зарегистрированных в Австрии беженцев до конца июня 1958 г. около 155 тыс. двинулось дальше, в другие страны. Выезд продолжался и в последующие месяцы. Так, сообщение о казни Имре Надя 16 июня 1958 г. охладило решимость части мигрантов добиваться возвращения на родину, а напротив, подтолкнуло их к поискам удачи далеко от родной земли. Всего в Австрийской республике осталось примерно 18 тыс. беженцев. Фонд помощи беженцам ООН поддержал программу их интеграции в австрийское общество, выделив на нее 3,5 млн. долларов, в том числе на создание 500 квартир для беженцев, совершенствование системы школьного образования для этнических венгров[56]. Многие венгры были заняты на строительных, сезонных, сельскохозяйственных работах, но люди, обладавшие более высокой квалификацией, как правило, работали по специальности, хотя и получали в среднем на 20–30% меньше граждан Австрии. Согласно статистическим данным, в США эмигрировало 32 тыс. человек, в Канаду — 24 тыс., в Великобританию — 20 тыс., по 9–14 тыс. в ФРГ, Францию, Швейцарию, около 8 тыс. в Австралию. Среди стран, принявших беженцев, были также Швеция, Италия, Израиль, Южно-Африканский Союз, Голландия, Дания, Бельгия[57]. В Венгрию из Австрии в 1957–1958 гг. вернулось около 8 тыс. человек[58].

беженцев в Австрии и 15 874 в Югославии (АВПР. Фонд отдела международных организаций. Оп. 3. Пор. 17. Папка 52. Л. 2). В памятной записке Генерального секретаря ООН и Верховного комиссара ООН по делам беженцев от 11 марта по вопросу об оказании помощи венгерским беженцам (Там же. Л. 3–8) отмечалось, что эти две страны несли на себе столь тяжкий груз фактически без помощи извне – т. е. признавалось, что реальные средства поступали с опозданием. В соответствующих комиссиях ООН было подсчитано, что для содержания беженцев в Австрии и Югославии и обеспечения их выезда в другие страны до конца 1957 г. необходимо было затратить 23 млн. долларов. Между тем, к середине 1957 г. фонд помощи беженцам ООН возместил Югославии, по некоторым данным, только 7,4% обещанной суммы. К концу 1957 г. он был должен Югославии более 7 млн. долларов (Австрии – менее 1 млн. долларов). См. из литературы по теме: *Kovačević K.* The Hungarian refugee problem in Yugoslavia.

[56] См.: *Deak Ernő*. Ungarische Mittelschulen in Österreich nach 1956. Wien, 2007. Проблемы интеграции венгерских беженцев в австрийское общество затронуты в ряде работ последних лет, написанных с привлечением материала отдельных земель Австрии. См.: *Murber Ibolya*. Flucht in den Westen 1956. Ungarnfluchtlinge in Österreich (Vorarlberg) und Liechtenstein. Feldkirch, 2002; *Engelke E*. «Einem besseren Leben entgegen?» Ungarische Fluchtlinge 1956 in der Stiermark. Innsbruck, 2006; Flucht nach Wien. – Menekülés Becsbe. Wien, 2006.

[57] См.: *Soós K.* 1956-os magyar menekültek a statisztikai adatok tükrében // Levéltári Szemle, 2002. N. 3.

[58] И после истечения 31 марта 1957 г. срока, в течение которого в соответствии с объявленной 29 ноября амнистией беженцы должны были заявить о желании вернуться

В Югославии на 5 июня было зарегистрировано более 19 тыс. венгерских иммигрантов, однако реально в это время в стране находилось около 14 тыс. (остальные успели выехать на Запад либо вернуться в Венгрию). В августе в ФНРЮ оставалось около 8 тыс. беженцев. В это время возобновила работу смешанная венгеро-югославская комиссия по репатриации, но она не добилась серьезных результатов — в Югославии активизировали свою деятельность западные эмиссары, оформлявшие венгерским беженцам право на выезд в страны Запада. Тогда же, в августе, в соответствии с заключенным двусторонним соглашением новых беженцев перестали принимать, отдавая их в руки венгерских пограничников[59]. Насколько можно судить по источникам, несколько активизируется также сотрудничество венгерских и югославских спецслужб в деле депортации беженцев с Запада в Венгрию[60].

К середине октября из Югославии было переселено 12 тыс. мигрантов, а в начале 1958 г. в ведомстве Верховного комиссара ООН вопрос признали в основном решенным, белградский офис ведомства был закрыт. По данным, приводимым в литературе[61], из 19 857 зарегистрированных венгерских граждан, с 23 октября 1956 г. по 31 декабря 1957 г. нашедших временное пристанище на территории

домой, к зданию венгерской миссии в Вене ежедневно приходили люди, выражавшие готовность репатриироваться. По признанию советских дипломатов, австрийские власти в это время не чинили препятствий возвращению беженцев домой, поскольку население Австрии было недовольно как поведением многих беженцев, так и создаваемой ими конкуренцией на рынке труда. К тому же правительство было заинтересовано в сокращении бюджетных ассигнований на содержание иммигрантов (См. справку посольства СССР в Австрии «О венгерских беженцах в Австрии», относящуюся к августу 1957 г.: АВПР. Фонд референтуры по Австрии. Оп. 36. Папка 70. Д. 37. Л. 1–4).

[59] В сентябре два молодых человека, пытавшихся бежать из Венгрии, были возвращены югославскими пограничниками и вскоре предстали в Сегеде перед судом. Можно только предполагать, явилось ли изменение югославской тактики в отношении беженцев следствием встречи Н. С. Хрущева и И. Б. Тито в начале августа 1957 г. в Румынии (первой после венгерских событий), на которой стороны проявили готовность к поискам путей разрешения всех спорных вопросов.

[60] Так, из Италии с помощью югославских пограничных служб был депортирован в Венгрию ряд беженцев, оказавшихся без документов. С югославской помощью также была переправлена в Венгрию из Алжира группа мигрантов, находившихся там в качестве бойцов французского иностранного легиона. Вместе с тем югославские власти отказались выполнить настойчивую просьбу венгерской стороны передать ей полный список беженцев, выехавших на Запад, с указанием мест их нового пребывания. См.: *Kovačević K*. The Hungarian refugee problem in Yugoslavia.

[61] *Kovačević K*. The Hungarian refugee problem in Yugoslavia; *Murber I.* Az 1956-os magyar események hatása a jugoszláv-magyar kapcsolatok alakulására és a menekültkérdés.

ФНРЮ, около 16 370 эмигрировали потом на Запад (больше всего во Францию, Бельгию, США), примерно 2770 были репатриированы в Венгрию. В югославское общество интегрировалось около 650 человек. Власти проявили интерес к оставлению в ФНРЮ лиц, получивших техническое и военное образование (и не в последнюю очередь тех, кто проходил военную подготовку в СССР).

В целом можно констатировать, что реакция ФНРЮ на массовый исход венгров с родины была амбивалентной и менялась с течением времени по мере изменений степени вовлеченности югославского правительства в развитие событий в Венгрии и вокруг нее. На политику ФНРЮ в данном конкретном вопросе оказывали влияние общая позиция Тито и его команды, занятая в дни венгерской революции, состояние отношений ФНРЮ как с СССР и советским блоком, так и со странами Запада, активная внешняя политика Югославии, в том числе в странах «третьего мира» [62]. Власти ФНРЮ стремились сохранить нормальные отношения с СССР и соседней ВНР, не желали давать поводов для углубления кризиса по сценарию 1948 г. В то же время они заботились о репутации Югославии как нейтрального государства с независимой внешней политикой, а потому дистанцировались от любых попыток заставить играть себя по правилам, продиктованным Москвой. Столкнувшись с большим наплывом беженцев, Югославия после определенных колебаний приняла их, поскольку хотела избежать негативного отклика международного общественного мнения на свои действия. Проблемы, связанные с пребыванием 20 тыс. венгерских иммигрантов на территории ФНРЮ, могли быть решены только с международной помощью.

Судьбы венгерских беженцев на Западе после отъезда их из Австрии и Югославии складывались по-разному, процесс адаптации к новой среде, интеграции в общества принимающих стран был зачастую болезненным. Не все могли найти работу по специальности, были случаи, когда врачи становились шоферами, университетские преподаватели гардеробщиками. Но многие люди, напротив, смогли найти себя в «новой жизни» — недавние рабочие преуспевали в бизнесе, становились журналистами эмигрантских СМИ и т. д. Таким образом, изучение судеб тысяч мигрантов дает многочис-

[62] См.: *Стыкалин А. С.* Советско-югославские отношения и внутриполитическая ситуация в Венгрии в условиях кризиса 1956 г. / Spoljna politika jugoslavije. 1950–1961. Zbornik radova. Beograd, 2008.

ленные примеры как восходящей, так и нисходящей социальной мобильности[63].

Особую категорию беженцев (точнее, невозвращенцев) составили венгерские спортсмены, не вернувшиеся на родину с мельбурнской летней олимпиады, состоявшейся в ноябре—декабре 1956 г. в Австралии. Выступление венгерских олимпийцев, занявших 3-е место в неофициальном командном зачете после СССР и США, стало не просто триумфом, дополнившим некоторыми новыми штрихами сложившийся в западном общественном мнении положительный образ страны, борющейся за суверенитет. Оно стало своего рода компенсацией ущемленного национального достоинства[64].

Венгерские спортсмены, выразившие желание остаться на Западе, не были лишены венгерского гражданства. Лишение беженцев и невозвращенцев гражданства применялось кадаровской властью лишь в редких случаях, что было связано с установкой на проведение объемной пропагандистской работы, призванной убедить эмигрантов в необходимости репатриации (утрата гражданства заведомо отсекала бы для многих возможность возвращения на родину; лишать гражданства активных противников режима также не хотели — как граждане они должны были нести ответственность за

[63] Проблемы адаптации венгерских беженцев на Западе нашли отражение в литературе, широко использующей наряду с другими источниками мемуары, интервью. Среди работ общего характера, вышедших в самые последние годы, см.: Iratok az emigrációról, 1957–1990. Szerk. Kiraly B. etc. Bp., 2003; *Sos P. J.* Magyar exodus. Magyar menekültek Nyugaton. 1956–1959. Bp., 2005 (2 kiad. — 2006). О сложностях адаптации беженцев в самой Австрии дает представление работа, анализирующая место венгерской революции 1956 г. в коллективной памяти австрийцев — именно массовый исход населения из Венгрии в решающей мере повлиял на образ венгерских событий в австрийском историческом сознании. См.: *Rásky B.* «A menekültnek igenis vannak kötelezettségei is...» Az 1956-os forradalom az osztrák kollektív emlékezetben // Regió. Bp., 2001. N. 3. Есть работы о положении венгерских беженцев в отдельных странах, в частности во Франции (*Kecskes G.* Az 1956-os magyar menekültek és Franciaország // Múltunk, 2003. N. 4), Швейцарии (Emigráció és identitás. 56-os menekültek Svajcban. Szerk. Kanyó T. Bp., 2002; Flucht in die Schweiz. Ungarische Fluchtlinge in der Schweiz. Hrsg. G. Zabratzky. Zürich, 2006), ФРГ (Cseresnyés F. 1956-os menekültek befogadasa az NSzK-ba // Múltunk, 2005. N. 2).

[64] Столкновение советских и венгерских спортсменов на спортивных площадках Австралии сопровождалось накалом политических страстей, беспрецедентным в мире спорта после берлинской олимпиады 1936 г. — достаточно вспомнить о финальном матче ватерпольного турнира 6 декабря, завершившегося победой венгров. См.: *Arday A. — L.Pap I. — Thury G.* Vér és arányak. Sport — forradalom — olimpia — emigráció. Bp., 2006; *Csurka G. — Gyarmati D.* 1956 — ahol mi győztűnk. Bp., 2006; *Kő A.* Melbourne 1956. Bp., 2006.

любые действия, направленные против власти). Специально для беженцев волны 1956 г. начинает издаваться газета «Magyar Szemle» («Венгерское обозрение»). Уже в конце 1950-х годов организуется ряд туристических поездок в Венгрию делегаций, составленных из эмигрантов (как правило, людей нашедших себя на Западе и в силу этого достаточно влиятельных в эмигрантской среде и при этом лояльных кадаровскому коммунистическому режиму; о приглашении активных политических оппонентов речи, разумеется, не шло). Расчет делался на то, что многие из тех, кто не хочет вернуться насовсем, все же надеются поддерживать связи с родиной[65]. Приезды этих делегаций обставлялись показухой, кадаровские власти вкладывали средства в свой пропагандистский проект, полагая, что, вернувшись в страны пребывания, хотя бы некоторые из приглашенных своими рассказами развеят опасения своих менее удачливых соотечественников, опасающихся возвращаться на родину. Работа с представителями венгерских диаспор в ряде случаев ис-

[65] О политических настроениях, доминировавших в среде венгерских иммигрантов в США, дают представление результаты конкретно-социологических исследований, проводившихся в 1957 г. Колумбийским университетом. Неприятие системы, существовавшей в Венгрии, отнюдь не всегда означало склонность к последовательному (а тем более агрессивному) антикоммунизму. Напротив, довольно сильны были искания «третьего пути» между капитализмом и сталинским социализмом; национализация крупной собственности, кооперативы (но не колхозы советского образца) рассматривались со знаком плюс, были неотъемлемыми компонентами господствовавших представлений о социально-политическом идеале. Таким образом, довольно развиты были стихийно-социалистические настроения, чему в общем не противоречило уважительное отношение к западным демократическим моделям, институтам и ценностям (прежде всего политическим, а не экономическим). Совсем не характерной была ностальгия по режиму Хорти. См.: *Csepeli Gy., Dessewffy T., Dulovics D., Tóka G.* Menekültek és elméletek. Az 1956-os forradalom után Nyugatra menekültek attitűdjeinek befejezetlen vizsgálata az Amerikai Egyesült Államokban // 1956-os Intézet. Évkönyv VI. Bp., 1998.

Согласно опросам февраля 1957 г. не менее 96% находившихся в Австрии и ждавших выезда за рубеж венгерских беженцев ожидали, что Вашингтон в той или иной форме окажет помощь их восставшей, борющейся за суверенитет родине. Вместе с тем идея нейтралитета для Венгрии была более популярна, нежели представления о необходимости интеграции страны в западный военно-политический блок (АВПР Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 035).

На рубеже 1956–1957 гг. при обсуждении политической элитой США вопроса о венгерских беженцах особую позицию занимал известный «ястреб» сенатор Дж. Маккарти, считавший, что въезд венгерских иммигрантов в США не надо ограничивать — отчасти потому, что их интеграция в американское общество усилит его антикоммунистический потенциал. Проводившиеся социологические исследования, однако, во многом опровергают стереотипы, которые Маккарти разделял с другими американскими политиками крайне правого толка.

пользовалась и для установления более тесных связей с теми или иными странами — задача выхода Венгрии из внешнеполитической изоляции была для кадаровского режима одной из приоритетных. Согласно сформировавшимся к концу 1950-х годов твердым установкам, вести пропаганду в пользу репатриации надо было так, чтобы не осложнялись отношения с западными странами.

Как бы там ни было, вернулось, по данным И. Мюрбер, не более 7% мигрантов волны 1956 г. Если даже считать эту цифру несколько заниженной (не принимающей во внимание тех, кто вернулся после 1958–1959 гг.), следует заметить, что в выступлениях Кадара число возвращенцев сильно преувеличивалось. Так, в январе 1958 г. венгерский лидер говорил о 28 тыс. вернувшихся, а в октябре 1960 г. с трибуны Генассамблеи ООН о 40 тыс. репатриантов[66]. Т. е. речь шла уже о каждом пятом беженце (манипуляции с цифрами облегчались тем, что в конце 1950-х годов в Венгрию возвращались и представители других волн эмиграции — в том числе, кстати говоря, и из СССР). Для Кадара любое возвращение беженцев домой было голосом в пользу режима, доказательством его легитимности, как и свидетельством успеха, результативности проводимой политики консолидации. А потому режим уделял столь большое внимание программе репатриации, ее пропагандистскому обеспечению. Дьердь Ацел, в 1960-е годы постепенно выдвигавшийся на роль главного идеолога ВСРП, в своих публичных заявлениях неоднократно подчеркивал нежелание венгерского правительства ограничивать свободу въезда в страну тех, кто бежал за границу в 1956–1957 гг. Среди прочего он заявил об этом в 1964 г. на состоявшейся в Будапеште конференции международного Пен-центра[67].

Однако далеко не все вернувшиеся в Венгрию были приняты с обещанным радушием. Не так уж мало людей подверглось репрессиям за причастность к событиям осени 1956 г., имели место даже

[66] См.: *Szabó J.* «... s várja eltévedt fiait is.» Az MSzMP repatriálási és hazalátogatási politikája 1956 és 1963 között. Свое выступление с нью-йоркской трибуны венгерский лидер завершил показательными словами: родина ждет своих обманутых сынов. В действительности, однако, не всегда и не всех хотели пустить обратно. На Политбюро ЦК ВСРП была четко сформулирована установка: добиваться возвращения только тех, чей приезд служил бы государственным интересам — политическим, экономическим, а также относящимся к сфере культуры и науки. Примерно 2–3 тыс. пожелавших вернуться получили отказ.

[67] См. материалы конференции: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 55. Д. 104.

случаи смертных приговоров[68]. Недоверие к репатриантам (особенно представителям интеллигенции) проявлялось и при приеме на работу. Некоторые из вернувшихся, разочаровавшись в сделанном выборе, пытались вновь покинуть страну.

Кадаровский режим, призывая беженцев к возвращению, пытался компенсировать потери рабочей силы, утрату части интеллектуального потенциала общества[69], серьезный демографический ущерб, вызванный массовым исходом населения. Венгрия в любом случае осталась в проигрыше, выиграла же соседняя Австрия, хорошо наладившая прием и обеспечение десятков тысяч мигрантов. Предпринятые австрийским правительством и обществом в конце 1956–1957 гг. усилия снискали международное признание. Это способствовало повышению политического и морального авторитета нейтрального среднеевропейского государства, только в 1955 г. восстановившего свой полный суверенитет. Правительство Ю. Рааба сумело заставить работать в свою пользу последствия серьезного международного кризиса, придать своим действиям демонстративно-пропагандистский эффект, показать способность нейтральной Австрии в сотрудничестве с международными организациями решить сложнейшую, общеевропейского значения гуманитарную проблему. Вместе с тем была продемонстрирована роль международных механизмов и многосторонней дипломатии в разрешении подобного рода гуманитарных проблем. Массовый наплыв венгерских беженцев в Австрию и Югославию (а оттуда во многие страны мира) лишний раз показал, что отдельным государствам не под силу справиться с решением всего комплекса возникающих в таких случаях задач в одиночку, без помощи всего мирового сообщества. Интересы вовлеченных сторон не всегда совпадали, что вело к затягиванию в решении проблемы. Тем не менее генеральный секретарь ООН Д. Я. Хаммаршельд и многие наблюдатели в мире высоко оценили акцию помощи венгерским беженцам, которую удалось осуществить на должном уровне без лишних бюрократических проволочек (особенно в сложнейших условиях

[68] Международная правозащитная организация в апреле 1959 г. обратилась к генеральному секретарю ООН с письмом, в котором говорилось о том, что из числа возвратившихся в Венгрию 6 тыс. человек арестованы или интернированы. Это число, однако, представляется нам преувеличенным.

[69] Так, из 20 тыс. бежавших в Югославию было 3 тыс. квалифицированных рабочих, несколько тысяч представителей интеллигенции, 1600 студентов и учащихся.

конца ноября–декабря 1956 г., когда с неожиданным наплывом в течение считанных недель более 100 тыс. мигрантов Австрия оказалась перед лицом серьезнейшего вызова, способного повлечь за собой социально-гуманитарную катастрофу). Проблема беженцев из стран Восточной Европы неоднократно приобретала остроту и в последующем, и при попытках ее решения был так или иначе востребован сохранявший свою актуальность опыт 1956–1957 гг.[70].

С решением проблемы беженцев волны 1956 г. снижается напряженность в венгерско-австрийских отношениях[71]. В октябре 1958 г. Австрия признала кадаровское правительство, министр иностранных дел Венгрии Э. Шик побывал в Вене, был хорошо принят, в двусторонних отношениях обозначился перелом. По мере дальнейшего их развития кардинально трансформировался образ австро-венгерской границы в официальной пропаганде кадаровского режима. В конце 1950-х годов, когда венгерский вопрос муссировался в ООН, коммунистическая пресса Венгрии охотно обращалась к событиям осени 1956 г., чтобы напомнить обывателю о существовании империалистической угрозы. Граница «двух миров» ассоциировалась с провокациями мирового империализма, засылкой шпионов и диверсантов. Однако в 1960-е годы выход Венгрии из внешнеполитической изоляции, улучшение ее отношений с

---

[70] Кстати, некоторые уроки из опыта венгерского кризиса извлекали политики по обе стороны «железного занавеса». Советским лидерам также не были чужды поиски оптимальной тактики в отношении проблемы эмиграции. Но это касалось прежде всего одной стороны дела – изыскания дополнительных клапанов для снятия избыточного напряжения в социалистической стране, переживающей острый системный кризис. В первые дни после вторжения войск стран ОВД в Чехословакию 21 августа 1968 г. были зафиксированы высказывания Л. И. Брежнева о необходимости открытия западных границ ЧССР (пусть все «контрреволюционеры» убегают, иначе окажемся в затруднительном положении: интернируем большое количество людей и не будем знать, что с ними делать – проблема, кстати сказать, никогда не существовавшая для Сталина). См.: *Латыш М. В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998. С. 225. Однако, если даже признать, что советская позиция со временем менялась в направлении несколько большей гибкости, стремления избежать массовых репрессий и т. д., важно заметить: лидеры СССР, проводя определенную политику в рамках советского блока, не принимали во внимание всех возможных последствий этой политики, более того, они заведомо устранялись от участия в разрешении некоторых порожденных этой политикой социальных и гуманитарных проблем, создававших немалый груз для всего мирового сообщества.

[71] Позитивную роль в налаживании отношений двух соседних стран сыграла посредническая миссия высокопоставленного советского эмиссара А. И. Микояна, посетившего Вену в апреле 1957 г.

западными странами (и прежде всего активизация экономических контактов с Западом) сделали излишним и даже абсурдным слишком частое обращение к теме вмешательства империалистов во внутренние венгерские дела. В свою очередь и венгерско-австрийские отношения в 1960–1970-е годы не просто нормализуются, а становятся довольно тесными, вплоть до разрешения безвизовых поездок[72]. Коммунист-прагматик Я. Кадар, приступивший к либерализации своего режима и предпринявший ряд экономических реформ, довольно легко нашел общий язык с другим прагматическим политиком, заботящимся прежде всего о материальном благосостоянии своих подданных — австрийским социал-демократом Б. Крайским. С канцлером капиталистического государства его связывали даже несколько более доверительные и неформальные отношения, нежели с первыми секретарями компартий социалистических государств (кроме Н. С. Хрущева, а также А. Дубчека)[73]. Соответственно и венгерско-австрийская граница превращается со временем в своего рода символ мирного сосуществования двух систем[74]. Уже в 1965 г. венгерские власти принимают решение о сносе технических заграждений на границе, восстановленных в начале 1957 г. Драматические события «будапештской осени», включая массовый исход венгров в Австрию, становятся не более чем эпизодом в богатой, многогранной истории взаимоотношений двух соседних народов, оставившим след в исторической памяти каждого из них, но не сильно отягощающим процесс взаимопонимания.

---

[72] Кроме Венгрии до 1980-х годов ни одна страна-участница Варшавского договора не пошла на установление безвизового режима с капиталистическим государством.

[73] По свидетельству собственного идеолога Д. Ацела, Кадар в разговорах с соратниками иногда противопоставлял Крайского своему соотечественнику Ракоши, доказывая им, что и политик еврейского происхождения может быть восприимчивым к чаяниям своей нации и завоевать популярность (*Aczél György*. Közelkép Kádárról // Rubicón. Bp., 2000. N. 6. 10.o.).

[74] См.: *Kovács E*. Határmítoszok és helyi identitás narratívák az osztrák-magyar határ mentén // Replika, N. 47–48. 2002.

Приложение

Мост к Свободе

(Фрагмент из книги американского журналиста
Дж. Миченера «Мост в Андау».
См.: *Michener James A*. The Bridge at Andau. New York, 1957.
На русском языке опубликовано: Riders Digest.
Русское издание. Февраль 1993).

Близ австрийской деревни Андау был сооружен мост — не то чтобы мост, а мостик. Он был недостаточно широким для машины и недостаточно прочным для мотоцикла. К нему не было подъезда ни на поезде, ни на автомашине. Это был пешеходный мостик с шаткими досками и поручнем, до которого маленькие дети не могли дотянуться.

Мост пересекал не какую-нибудь известную реку, а грязный канал Айнсер, служивший границей между Венгрией и Австрией. Он был прорыт несколько поколений назад для осушения окрестных болот. Его возвели для удобства местных крестьян, которые косили на сено бурно разросшиеся по берегам канала травы и за долгую историю его существования не задумывались об отделении Венгрии от Австрии.

Этот мост был, пожалуй, самым неказистым в Европе, но по прихоти истории он на несколько огненных недель стал одним из самых важных мостов в мире. По его шатким доскам бежала душа народа. По нему спасались бегством люди, познавшие коммунизм и отвергнувшие его. С огромным нежеланием и тоской храбрые венгры в конце концов решили, что они должны покинуть свою безумную и любимую родину.

Чтобы понять драму Андау, необходимо представить себе этот пограничный район, поскольку он уникален. Здесь Австрия напоминает футбольное поле, лежащее в низине. К югу от поля, целиком по территории Венгрии, проходит широкий канал с высокими берегами, который в большинстве мест невозможно перейти вброд. Еще южнее расположены венгерские болота. К востоку от поля проходит дренажная канава, которую можно перейти вброд, а за ней — еще венгерские болота, заросшие тростником высотой в рост человека. Там, где канава впадает в канал на юге, стояли два венгерских пограничника, метрах в восьмиста за ними маячила высокая мрачная пулеметная

вышка. А уже за вышкой стоял мост Андау. Поэтому когда человек переходил мост, ему, прежде чем достигнуть территории Австрии, предстояло пройти еще несколько сотен метров.

Нужна была большая смелость, чтобы решиться переходить границу Венгрии в этом месте. В свое время я наблюдал переход беженцев через границу во многих местах, но мне никогда не доводилось видеть ничего, что хоть отдаленно напоминало бы исход беженцев из Венгрии.

Они продирались через заросли тростника и кустарника, шли по грязи и нечистотам, через болота и по хлипкому мостику через канал. Вначале десятками, потом сотнями, затем тысячами — в общей сложности их было более 20 тысяч человек.

[...]

Те из нас, кто встречал и приветствовал их на границе свободного мира, нередко испытывали чувство подавленности. Какая жестокая судьба должна была постигнуть страну, чтобы молодые возненавидели ее и захотели бежать?

Из темноты выходили беженцы, преодолевшие пешком 180 километров, отделявшие границу от Будапешта. В тот вечер при мерцающем свете коренастый рабочий притянул к себе жену и трех сыновей и показал документ: «Рекомендательное письмо. Чепель. 3 ноября 1956 года. Революционный комитет Чепеля просит Дьердя Сабо иметь при себе оружие и ездить на автомашине в случае необходимости при выполнении им его обязанностей по защите революции. Иванич Иштван, председатель Национального комитета». Когда семья уходила на свободу, родители большую часть пути несли двоих маленьких детей на руках.

В дождливый день, когда болото к югу от Андау стало непроходимым, произошел случай, свидетельствующий о необыкновенном благородстве человеческой души. Большая группа венгров пыталась перейти через болота восточнее Андау и окончательно заблудилась в высоких зарослях. Заметив это, люди АВХ (венгерская политическая полиция. — Прим. редколлегии) прибыли на место и стали ловить беглецов и отправлять их в лагеря.

В это время венгр лет двадцати прорвался через заросли, перешел вброд мелкий дренажный канал и спросил: «Австрия?»

Получив утвердительный ответ, молодой человек буркнул по-немецки: «Хорошо», повернулся и пошел снова в ледяную воду. Через десять минут он вывел на свободу 15 посиневших от холода венгров.

— Австрия, — сказал им молодой человек, но не успели они его поблагодарить, как он исчез в зарослях, чтобы вскоре появиться с новой группой.

Он сделал еще три вылазки, но при следующей попытке часовой на вышке засек его и послал к молодому разведчику патруль — двух пограничников и сотрудников АВХ. Раздались выстрелы, завязалась борьба, и вскоре появился патруль, ведя пленника — того молодого венгра.

Они вели его к вышке по тропинке вдоль канала. Не дойдя до нее, венгр вырвался и бросился в камыши, обрамлявшие канал. Началась погоня, и после долгих напряженных минут молодой проводник снова выскочил из зарослей, пересек канал и оказался в безопасности. Его встретили с ликованием.

Многие смельчаки попадали в не менее опасные ситуации, но он отличился от других. После того как патруль возвратился на вышку, молодой человек услышал шум в камышах и направился опять в Венгрию. Спасатели убеждали его не подвергать себя такому риску, но он бросился вперед и еще три раза ходил за своими соотечественниками через ледяную воду канала.

Я был свидетелем случая, ставшего на границе легендой. Когда термометр опустился до -13^{0}С, на поверхности воды образовалась тонкая, как лезвие бритвы, корка льда. К полузамерзшему каналу вышли молодой мужчина, его выбившаяся из сил жена и двое детей. У них не было возможности перейти канал в другом месте, и в любой момент мог нагрянуть патруль АВХ с собаками.

Тогда он снял с себя всю одежду, взял маленькую девочку на руки и вошел в воду. Разбивая лед грудью и свободной рукой, он перешел вброд канал, взобрался по топкому склону на берег и опустил девочку на австрийскую землю.

Затем он вернулся в Венгрию, свернул одежду в тюк, сунул его в руки своему сыну, которого поднял высоко над головой, и пошел во второй раз через ледяную воду. Он снова поднялся по крутому и топкому склону и доставил своего ребенка в свободную страну.

В третий раз он отправился через глубокий канал за своей уставшей женой, которую так же вынес на свободу. Никто из его семьи даже ноги не промочил. Этот посиневший от холода мужчина был олицетворением любви.

Женщина из норвежского Красного Креста как-то схватила меня за руку и воскликнула: «Как может страна отпускать таких людей?»

Меня захватила развернувшаяся драма великого исхода, и я каждый вечер приходил помогать принимать беглецов.

Никто не понимал, почему коммунисты разрешили бежать такому количеству людей. В благоприятные дни границу беспрепятственно пересекало более 8 тысяч человек. В другие дни солдаты перекрывали пути, используя пулеметы, полицейских собак, осветительные ракеты, мины и патрули. Тогда бегство крайне осложнялось, и многие беженцы попадали в руки АВХ или их предавали их проводники.

Мы часто подозревали, что венгерским пограничникам самим претила порочная система, которую они представляли. Однажды, когда я стоял на пропускном пункте, подсказывая беженцам, сходившим с моста, куда им идти, ко мне, закинув автомат за спину, подошел венгерский пограничник. Он взял меня за руку и повел мимо пулеметной вышки в глубь венгерской территории. Там была женщина с двумя детьми. Одна из девочек не могла идти дальше. В любой момент могли подойти коммунисты, и семье было бы разумнее поспешить.

Пограничник посадил девочку мне на плечи, затем помог женщине и другому ребенку перейти через мост и привел нас всех в Австрию. На границе он произвел выстрел, чтобы показать своему начальству из АВХ, что не дремлет.

Путь к свободе оборван

События в Андау достигли кульминации 21 ноября. В этот морозно-ясный, незабываемо чудесный день туда прибыли тысячи венгров. Когда начали сгущаться сумерки, произошла подозрительная заминка. По каналу пробежал слушок: «Прибыла АВХ». Полчаса было тихо, только ветер стонал в оголившихся ветвях берез вдоль канала. Неожиданно вдали что-то глухо громыхнуло. Кто-то из беженцев шел по берегу канала, выкрикивая: «Они взорвали мост!»

Опустилась темнота, и мы подумали о тысячах продрогших беженцев в венгерских болотах. Я не могу передать словами, какую душевную боль мы испытывали в ту ночь. Пешеходные дорожки опустели, а на небе было тесно от сверкающих звезд. Полная луна и мириады звезд бросали на землю свой бледный отсвет. Тишина этой величественной ночи, наступившая после будничных хлопот дня, создавала атмосферу почти невыносимого эмоционального напряжения.

Ближе к полуночи три отважных австрийских студента перетащили в Венгрию бревна и починили взорванный мост. Промокшая одежда на них замерзла, но молодые ребята прошли по своему импровизированному мосту и отправились прочесывать болота в поисках беженцев. Только за одну эту ночь они спасли более двух тысяч человек.

На спинах беженцев выступал иней, и они стали похожи на сгорбленных снеговиков из сказки. От холодной земли поднимался туман и обволакивал их, но они продолжали двигаться при серебристом свете луны, как привидения из потустороннего мира, выпущенные на свободу. Я не видел ничего более прекрасного.

В одну холодную ночь, находясь на дежурстве, мы услышали странные звуки, доносившиеся со стороны моста. Мы подкрались на безопасное расстояние и увидели, что изрядно выпившие коммунисты-пограничники рубят мост и жгут доски, чтобы обогреть ноги. Пока мы наблюдали за ними, со стороны венгерских болот вышла группа беженцев, человек тридцать. Эти несчастные не знали, что моста уже нет, а мы были не в силах их предупредить. С болью в сердце мы повернули назад под звуки топоров, отдававшиеся у нас в ушах, и к тому времени, когда мы достигли австрийской границы, моста Андау уже не было.

Пограничники схватили оружие и собак, и беженцы из последней группы, достигшей моста Андау, были задержаны и отвезены в тюрьму. До свободы им оставалось пройти меньше 15 метров.

Но произошло еще одно, последнее чудо. К тому времени мост уже давно сгорел, на подходах были выставлены советские военные патрули с собаками. Из-за сильных дождей болота стали непроходимыми. Поздно вечером молодая английская журналистка из газеты «Дейли Экспресс» Шелли Род пошла бросить последний взгляд на окрестности.

Она брела по насыпи к тому месту, где когда-то стоял мост. Тишина нарушалась только короткими автоматными очередями, доносившимися из болот, да вспышками осветительных ракет.

Род повернула обратно к Андау, когда вдруг услышала вдалеке детский плач. С огромной опасностью для себя она пошла в темноте на жалобные всхлипывания и вскоре наткнулась на группу из 22 изголодавшихся и промокших беженцев. Они пытались пройти по болотам без проводника и уже два дня не могли выбраться из топи. Некоторые из них от холода были на грани смерти. В этот момент

ребенок заплакал, и мать не могла остановить его плача, который в конечном итоге и спас их всех.

Для каждого, кто уходил из Венгрии в конце 1956 года, это была и трагедия, и временная победа: он обретал свободу, но расставался с родиной и ее будущим. А патриоту это сделать нелегко.

[...]

На пожертвования венгров, проживающих в Соединенных Штатах, возле Андау в 1966 году был установлен обелиск с надписью на венгерском языке: «Бесконечна наша признательность Австрии. В память героев и беженцев войны 1956 года за свободу».

ЧАСТЬ II

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

Сохранение историко-культурных и духовных ценностей

Е. П. Серапионова

Русский заграничный исторический архив как хранитель национального наследия

О Русском заграничном историческом архиве (РЗИА) не раз писали[1] и еще не раз напишут, так как значение этого уникального хранилища велико и возможно до конца еще не оценено. История же пражского архива такова. На основе начатой чехословацким правительством «Русской акции помощи» послереволюционной эмиграции из России в Чехословакии начали организовываться многочисленные культурные, образовательные и научные институты и учреждения. Одним из них и стал РЗИА, созданный постановлениями Комитета Земгора (Объединения земских и городских деятелей в ЧСР) от 17 и 19 февраля 1923 г. в составе библиотеки Земгора[2]. Вернее, в феврале 1923 г. при Народной библиотеке были учреждены два архива: Русской эмиграции и Чехословацкий, которые в сентябре 1923 г. были преобразованы в единое учреждение — «Архив Русской эмиграции»[3]. В 1924 г. он был переименован в «Русский Заграничный Исторический Архив». Идею создания архива поддержали министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш, чрезвычайный посол, уполномоченный представитель министра иностранных дел и один из главных руководителей «Русской акции» В. Гирса и другой чешский дипломат, историк по образованию, заместитель министра иностранных дел К. Крофта, впоследствии заменивший Бенеша на министерском посту[4]. Первым заведующим архива стал В. Я. Гуревич, сыгравший большую роль в пополнении его фондов[5]. Это учреждение ставило две задачи: 1) организовать сбор, хранение и научную обработку материалов и 2) изыскивать средства для архива[6]. Контуры буду-

---

[1] См. напр. *Петрушева Л. И.* Русский заграничный исторический архив и ученые-эмигранты в Чехословакии // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии М., 2008. С. 131–139.

[2] Русские в Праге 1918–1928 гг. Ред.-изд. С.П. Постников. Прага, 1928. С. 41.

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5764. Оп. 1. Д. 87. Л. 173.

[4] *Павлова Т. Ф.* Предисловие к межархивному путеводителю Фонды русского заграничного исторического архива в Праге. М., 1999. С. 5.

[5] Подробнее о В. Я. Гуревиче см.: *Петрушева Л. И.* Ук. соч. С. 133–134.

[6] *Копршивова А., Рубилин Е.* Русский заграничный исторический архив // Русское слово. 2009. № 4. С. 7.

щей деятельности были четко сформулированы описаны в газетных и журнальных обращениях к русским эмигрантам за помощью, в них говорилось: «Архив русской эмиграции собирает и приобретает печатные и рукописные материалы по истории русского общественного движения, войны, революции, белого движения и эмиграции (газеты, журналы, брошюры, отчеты, протоколы, всевозможные документы, дневники, фотографии, денежные знаки, рисунки, карикатуры и проч.); принимает на хранение и для разработки архивы ликвидированных учреждений и частных лиц. По соглашению с владельцами могут быть установлены разные ограничительные условия в отношении использования и опубликования материалов и даже ознакомления с ними в течение определенного срока»[7]. Там же подчеркивалось, что «всю свою работу архив ведет в духе полной научной объективности, не преследуя никаких политических тенденций в разработке исторических материалов и соблюдая полную секретность в отношении материалов, переданных доверительно»[8]. Сообщалось, что архив располагает особо приспособленными помещениями и сейфами, а для обработки материалов создана ученая комиссия в составе профессоров-историков и специалистов в области архивного дела.

Просьбы помочь материалами и средствами на нужды Архива были опубликованы практически во всех русских эмигрантских изданиях за рубежом, и этот призыв был услышан. Эмигрантские издательства стали бесплатно снабжать Архив своими изданиями. Министерство иностранных дел Чехословацкой республики ежемесячно выделяло на нужды архива сначала по 40 000, а затем по 60 000 чехословацких крон[9]. Правда, со второй половины 1920-х годов в связи с сокращением средств на «русскую акцию помощи» количество выделяемых средств стало гораздо скромнее[10].

Архив развернул активную деятельность в разных странах и к концу 1924 г. имел уже 14 представителей в разных странах (в Париже, Берлине, Белграде, Софии, Харбине, Нью-Йорке, Константинополе, Тунисе, Бизерте, Риме, Варшаве, Ревеле, Выборге, Брюс-

---

[7] Цит. по: *Копршивова А. В.* Русский заграничный исторический архив при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики // Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945. Прага, 2008. С. 389.

[8] Там же.

[9] ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 87. Л. 177.

[10] Согласно исполнительной расходной смете РЗИА за апрель, май, июнь 1927 г. всего было получено 135 тыс. чешских крон // ГА РФ. Ф. 5913. Астров Николай Иванович. Оп. 1. Д. 516. Протоколы заседаний комиссии по РЗИА. Л. 373 об.–374.

селе), а также постоянных корреспондентов в Лондоне и в Бессарабии[11]. Они получали, покупали и отправляли в Прагу как отдельные документы, так и целые коллекции, нередко с помощью чехословацких дипломатических представительств[12]. В тесном взаимодействии с РЗИА действовали историческое и Философские общества в Праге, Юридический факультет Русского народного университета, многие педагогические и культурно-просветительные организации[13]. В 1924 г. было разработано и Общим собранием Земгора утверждено Положение об Архиве, которое определяло круг его деятельности и организационные основы.

Согласно этому документу, архив брал на себя обязательства приобретать или брать на хранение исторические документы и материалы, хранить и обрабатывать архивы учреждений и частных лиц, организовывать научную обработку документов, составлять их описи, собирать архивную библиотеку, различные исторические коллекции, издавать труды архива, проводить научные исследования, организовывать доклады и лекции, собирать сведения о материалах по истории России, находящиеся в других архивах, составлять обзоры и указатели, готовить архивных работников.

Руководящим органом РЗИА стал Совет, в состав которого вошли общественные деятели разных направлений и ученые, историки, среди них: В. Г. Архангельский, Н. И. Астров, И. М. Брушвит, В. Л. Бурцев, В. Я. Гуревич, кн. П. Д. Долгоруков, проф. А. А. Кизеветтер, Ф. С. Мансветов, посланник П. Макса, Н. М. Михайлов, В. А. Мякотин, проф. Я. Славик, Ф. С. Сушков, проф. А. В. Флоровский, ген. В. В. Чернавин, Г. И. Шрейдер. При архиве были образована две комиссии — Хозяйственная и Ученая. Первая из них ведала вопросами финансово-хозяйственного и административного характера, вторая — направляла научную деятельность архива. Председателем Ученой комиссии был избран профессор А. А. Кизеветтер, ее секретарем — В. А. Мякотин. Среди ее членов находим имена управляющего архива В. Я. Гуревича, профессоров Я. Славика, А. В. Флоровского, Е. Ф. Шмурло, генерала В. В. Чернавина и

---

[11] Там же. Л. 180. К 1928 г. Число представителей РЗИА за границей возросло до 30 человек, см.: *Петрушева Л. И.* Ук. соч. С. 134, а в 1938 г. кроме постоянных представителей архив имел 1500 корреспондентов в 44 странах, см.: *Павлова Т. Ф.* Ук. соч. С. 7.

[12] *Вацек Й., Бабка Л.* Голоса изгнанников. Периодическая печать эмиграции из советской России (1918–1945). Прага,2009. С. 21–22.

[13] *Петрушева Л. И.* Ук. соч. С. 132.

А. Ф. Изюмова[14]. Ученая комиссия избиралась на два года Советом из числа его членов — ученых, специалистов архивного дела и лиц, могущих быть полезными в ее деятельности.

В следующем 1925 г. в архиве были учреждены отделы — документальный, заведование которым было поручено А. Ф. Изюмову, и печатных изданий, во главе с С. П. Постниковым. Газетным подотделом руководил Л. Ф. Магеровский, а секретарем архива был назначен В. М. Краснов. Позднее фонды архива были разделены на три отдела — документальный, книжно-журнальный и газетный.

Приток материалов и документов быстро увеличивался. С. П. Постников в своем издании 1928 г. «Русские в Праге» приводит таблицу роста фондов архива по годам, делая при этом оговорку, что данные далеко не полные, так как на тот момент не все материалы были описаны и учтены[15]. Тем не менее, приведенные цифры позволяют проследить динамику увеличения фондов. Из таблицы четко видно, что за три года с 1925 по 1928 гг. количество книг увеличилось в 2,5 раза, номеров журналов в 21 раз, газет — в 4,5 раза, листов документов — в 5,5 раз, названий рукописей и дневников — более чем в 8 раз. По свидетельству С. П. Постникова около трети документальных материалов и более половины печатных поступала в архив бесплатно.

Наиболее ценные материалы хранились в документальном отделе, где были сосредоточены письменные источники по истории общественного движения в России XIX и XX вв., истории Первой мировой войны, революционных событий, Гражданской войны и эмиграции. Архив собирал оригиналы, заверенные копии, рукописи мемуарного характера, личные архивы, архивы организаций, а кроме того агитационный и иллюстративный материал: фотографии, плакаты, листовки, открытки, почтовые марки и денежные знаки, среди которых встречались крайне редкие экземпляры. К 1928 г. в архиве имелась 341 рукопись, свыше 5 тыс. фотографий и рисунков, 400 карт и планов, полторы тысячи денежных знаков эпохи революции, 800 почтовых открыток и около 2,5 тыс. листовок и воззваний [16]. Документы приобретались на основе экспертизы и отзывов ученых. Основной документальный фонд делился на пять разделов: 1) документы по истории общественного движения до начала Первой ми-

[14] Русские в Праге... С. 42–43.
[15] Там же. С. 45.
[16] Там же. С. 46.

ровой войны; 2) документы периода мировой войны; 3) документы периода февральской революции до октябрьского переворота; 4) документы времени Гражданской войны; 5) документы о жизни эмиграции и положении национальных меньшинств. Большой интерес представляли находившиеся в документальном отделе архивы Меньшикова, Амфитеатрова и Бурцева, материалы периода Гражданской войны — Северо-западного правительства, правительства Петлюры, Деникина, Врангеля, Кавказа, Дальнего Востока и т. п. Здесь имелся иконографический фонд, фильмотека с документальным фильмом «Зверства киевской чрезвычайки», альбомы фотографий из жизни русских беженцев, разных периодов революции и Гражданской войны, диапозитивы и коллекция политических карикатур[17].

Отдел печатных изданий делился на книжный и журнальный. В 1928 г. в архиве имелось около 10 тыс. книг основного и более 5 тыс. обменного фонда, среди них зарубежные и российские издания до 1917 г., российские издания 1917 г., издания на территории советской и несоветской России после октября 1917 г., эмигрантские издания, россика, издания на украинском и белорусском языках. Тематика отвечала специализации архива, то есть история общественного движения в России в XIX и XX вв., Первая мировая и Гражданская войны, революция, эмиграция. Кроме того имелись работы по Русско-турецкой 1877–1878 гг. и Русско-японской 1904–1905 гг. войнам, пропагандистско-агитационный материал 1900–1906 гг. Упор делался на документальные издания: отчеты Государственной Думы, Государственного Совета, Учредительного Собрания, Дальневосточного Народного собрания, Кубанской Краевой Рады, материалы разных партийных и общественных съездов, законы и распоряжения различных правительств, уставы, отчеты, протоколы обществ, партий, меморандумы и призывы. В журнальном отделе имелось свыше 2 тыс. изданий, делившихся по хронологическому и территориальному признаку. Это русские зарубежные журналы с 1857 по 1916 гг. (219 названий), российские дореволюционные журналы, в том числе политические, исторические, по профсоюзному движению, сатирические, партийные (434 названия), российские издания времен Гражданской войны (90 названий), российские зарубежные послереволюционные издания (595 названий), советские, по преимуществу исторические, библиографиче-

[17] ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 87. Л. 181.

ские и ведомственные (196 названий), журналы на славянских и иностранных языках (474 названия). Газетный отдел включал издания газетного типа, то есть собственно прессу, и вспомогательные издания — бюллетени, листки. Общее число годовых коллекций в 1928 г. достигало 4200, общее число названий отдельных газет — 2700. К 1939 г. газетный отдел насчитывал около 10 тыс. годовых комплектов[18]. Наиболее полно были представлены антисоветские газеты, выходившие на территории России в 1917–1921 гг., а также эмигрантская пресса до и после 1917 г. Особо богато выглядела коллекция дальневосточной прессы, причем не только по числу наименований, но и по количеству номеров каждого из них[19]. Из советской периодики архив располагал «Правдой», «Собраниями законов и распоряжений», такими изданиями как «Под знаменем большевизма», «Большевик», «Красная новь» и даже юмористическими журналами типа «Бегемот» и «Крокодил»[20].

Кроме того, Архив принимал документы и материалы на временное хранение от лиц и учреждений на их условиях. Архив не ставил перед собой никаких политических целей, а руководствовался лишь желанием сохранить для будущего, «предохранить от распыления и гибели» историко-архивные ценности по периоду мировой и Гражданской войн и революции. Так как архив являлся эмигрантским учреждением, выполнять стоящие перед ним задачи было не просто. Необходимо было установить связь с различными центрами русской эмиграции, распыленной по всему миру, преодолеть конкуренцию иностранных архивов, охотно приобретавших наиболее ценные материалы, обеспечить безопасную пересылку и доставку документов в чехословацкую столицу. Помогал лишь национально-патриотический настрой широких кругов русской общественности за рубежом. Материалами архива пользовались русские ученые-эмигранты: П. Б. Струве, П. Н. Милюков и др.[21].

Правительство Чехословакии, как уже говорилось, оказывало архиву широкую поддержку. Но к концу 1920-х годов материальные трудности стали все больше сказываться на работе архива и Чрезвычайное общее собрание Земгора 29 января 1927 г. приняло реше-

---

[18] *Павлова Т. Ф.* Ук. соч. С. 7.

[19] Вацек Й., Бабка Л. Ук. соч. С. 23.

[20] *Копршивова А. В.* Русский заграничный исторический архив при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики… С. 393.

[21] *Вацек Й., Бабка Л.* Ук. соч. С. 22.

ние передать РЗИА в управление МИД ЧСР. Это было связано со сворачиванием «русской акции помощи», сокращением выделения средств на русские эмигрантские учреждения[22]. Кроме того, как отмечают чешские исследователи Й. Вацек и Л. Бабка, существование независимого архивного учреждения, каким был РЗИА, на территории иностранного государства противоречило обычной практике государственных учреждений. К тому же чехословацкий МИД решил объединить и сосредоточить под своим управлением и другие архивы, возникшие по образцу Русского архива (Украинский заграничный кабинет, Белорусский заграничный архив, Донской казачий архив и Кубанский архив)[23]. В марте того же года при участии консула З. Завазала и посланника П. Максы было выработано новое положение о РЗИА и условия его передачи чехословацкой стороне. Конечно же, передача Земгором архива в ведение чехословацкого МИД обеспечила ему, как пишет А. Копршивова[24], более стабильное финансовое положение, так как внешнеполитическое ведомство ЧСР выделило ему отдельный бюджет, но сама передача была связана со многими этическими сомнениями, колебаниями, опасениями русских эмигрантов, отвечавших за работу архива и имевших некие моральные обязательства перед бывшими владельцами материалов. Документы, связанные с выработкой и обсуждением этого положения, чрезвычайно интересные и важные, выявлены мною в фонде Николая Ивановича Астрова[25], являвшегося в то время одним из 11 членов Временного совета РЗИА[26]. Первое, на что стоит обратить внимание, — это предусмотренные новым положением возможность и желательность возвращения архива в Россию, но, естественно, при определенных условиях. Условиями передачи архива в Россию должны были стать становление и утверждение в России режима, обеспечивающего, как фиксировалось в документе, «правовой порядок, свободу личности, общественную самодеятельность». Архив предполагалось вернуть в Россию в тот момент,

[22] Подробнее об этом см.: *Серапионова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике. М., 1995. С. 110–111.

[23] *Вацек Й., Бабка Л.* Ук. соч. С. 21.

[24] *Копршивова А.В.* Русский заграничный исторический архив при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики… С. 389.

[25] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 516. Протоколы заседаний комиссии по пересмотру положения о РЗИА и Временного совета РЗИА (копии), положения и инструкции по РЗИА (копии) с приложением записей Н. И. Астрова 1925–1934 гг.

[26] Там же Л. 319.

когда кончится диктатура коммунистической партии и «нынешняя политическая эмиграция получит возможность легально вернуться в Россию» [27]. При обсуждении условий передачи управления архивом чехословацкому министерству иностранных дел Н. И. Астров предлагал оговорить сохранение за архивом автономии в ведении научно-архивного дела и обозначить характер этого учреждения как общий с участием русской общественности. Более конкретные его предложения заключались в сохранении за архивом права установления порядка пользования его материалами и включении пункта об обязательном предварительном заключении органов архива при возникновении вопроса о его передаче в ведение или подчинение какой-либо организации или учреждению[28].

При обсуждении вопроса о возможности предоставления материалов архива советским исследователям мнения членов созданного для выработки нового положения Временного совета резко разделились: Н. И. Астров, А. Ф. Шмурло и А. В. Флоровский возражали против допускаемой Г. И. Шрейдером возможности предоставлять фонды архива советским исследователям и предлагали оговорить это в проекте условий передачи[29]. Все предложения Н. И. Астрова по РЗИА в связи с передачей его МИДу были приняты, что объяснялось его активностью, принципиальностью и занятой им достойной позицией. Принятие предложений Астрова было зафиксировано в выписке из постановления Временного совета РЗИА от 10 марта 1927 г. (журнал № 22, пункт 4)[30]. Астров считал, что, приняв решение о передаче РЗИА МИДу без предварительного соглашения с самим архивом, Комитет Земгора грубо нарушил права архива. Он полагал, что полное доверие к органам МИД не исключает обязанности членов Совета со всею тщательностью выяснить условия дальнейшего существования архива и хранящихся в нем документов. «Это необходимо, — указывал он, — как потому что мы, русские, ответственны за судьбу собираемых при нашем учреждении документов, так и потому, что от степени точности этих условий и от определения гарантий неприкосновенности документов для лиц, могущих их во зло употребить, — зависит укрепление до-

[27] Там же. Л. 11–12.
[28] Там же. Л. 14.
[29] Там же. Л. 21.
[30] Там же. Л. 25–27.

верия к архиву со стороны широких русских кругов»[31]. То, что еще в конце 1920-х годов русские общественные деятели, участвовавшие в работе архива, задумывались над этими вопросами и считали себя ответственными за судьбу собранных материалов и за их использование, говорит об их уме и прозорливости, а также высокой степени ответственности, честности и порядочности. Представители Земгора выставили условия передачи архива: сохранение наименования архива, его функций, сохранение целостности и недробимости фондов и коллекций, автономное коллегиальное руководство с представителями русской общественности, сохранение по возможности русского состава служащих. Было высказано и пожелание передать архив в Россию лишь после падения там власти большевиков[32].

Акт о передаче РЗИА МИДу Чехословацкой республики был подписан 31 марта 1928 г. От МИДа присутствовали: посланник П. Макса, верховный специальный советник д-р З. Завазал, проф. д-р Я. Славик и д-р Опоченский, от Земгора: председатель комитета И. М. Брушвит, члены комитета Г. Ф. Фальчиков и И. И. Колюжный, член Земгора С. Н. Николаев и В. Я. Гуревич и члены Совета архива проф. А. А. Кизеветтер и член Ученой комиссии Е. Ф. Шмурло [33].

Согласно новому положению о РЗИА, руководящая структура архива стала следующей: Уполномоченный МИД (им был назначен специалист по российской истории профессор Я. Славик), далее шли Совет и Ученая комиссия, потом директор и заведующие отделами [34]. Совет архива осуществлял общее руководство и являлся автономным совещательным органом в научных вопросах. В его компетенцию входили вопросы собирания, распределения, разработки и публикации материалов архива, вопросы приобретения книг, журналов и газет, предложения, направленные на усовершенствование работы архива. По всем этим вопросам Совет заслушивал заключения Ученой комиссии. На заседаниях Ученой комиссии в основном обсуждались мнения экспертов по поводу закупки материалов и рукописей и их оценка. Причем нередко, скажем, Астров выступал за увеличение оценки, а Славик — за снижение [35]. Экспертиза про-

[31] Там же. Л. 30.

[32] Павлова Т.Ф. Ук. соч. С. 9.

[33] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 516. Л. 61.

[34] Там же. Л. 230.

[35] Там же. Д. 518. Журнал заседаний Ученой комиссии РЗИА 22 апреля 1929 г. Л. 5.

водилась весьма тщательно: браковалась треть предлагаемых для приобретения документов, так как за границей объявилось много фальшивок и документов сомнительного происхождения[36].

Состоял Совет, как и прежде, из историков и специалистов архивного дела, лиц, могущих быть полезными архиву, заведующих отделами и двух представителей Пражского Земгора как основателя архива. В 1929 г. из Совета архива выбыли в связи с отъездом из ЧСР Н. М. Михайлов и Г. И. Шрейдер, последний состоял также членом Ученой комиссии, в связи с чем в ее состав включили С. П. Постникова[37].

В положении было сказано, что «архив состоит при МИДе и содержится на его средства»[38]. Структура архива пополнилась: кроме уже названных документального, книжно-журнального и газетного отделов появился Донской архив, канцелярия и бухгалтерия, как тогда она называлась «счетоводство». По новому положению Совет должен был пополниться, а Ученая комиссия совмещалась с Хозяйственной[39]. Руководящий состав архива состоял из: директора архива, назначаемого МИД, заместителя директора, назначаемого директором из числа заведующих отделами, заведующих отделами и стоявшего во главе канцелярии секретаря. В 1930 г. вместо В. Я. Гуревича заведующим архивом стал В. Г. Архангельский[40].

В 1929 г. началась издательская деятельность архива[41]. Правда, как считает М. Раев, попытка организовать серию публикаций материалов архива не увенчалась успехом, хотя основанный в Берлине «Архив русской революции» под редакцией И. Гессена поддерживал с пражским архивом самые тесные контакты[42].

В том же году Н. И. Астров вел большую работу по установлению связей с кругами русской эмиграции в Париже и передачи РЗИА подлинных журналов Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России и его приказов. По этому поводу

[36] *Павлова Т. Ф.* Ук. соч. С. 6.

[37] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 517. Журнал заседаний Совета РЗИА 28 декабря 1928 – 5 декабря 1930 г. Л. 9.

[38] Там же. Д. 516. Л. 76.

[39] Там же. Л. 311.

[40] Там же. Д. 517. Л. 9.

[41] Подробнее о ней см. : *Павлова Т. Ф.* Ук. соч. С. 9–10.

[42] *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. С. 92.

Н. И. Астров подготовил доклад[43]. В июне 1930 г. Н. И. Астров ездил в Париж, где вместе с представителем РЗИА в Париже М. Оболенским вел переговоры о передаче материалов в Прагу. Маклаков обещал ничего больше не отправлять в США: у него еще находилось 30 ящиков с документами. Но передавать документы в РЗИА он тоже не спешил, так как испытывал потребность в документах как в справочных материалах[44]. Е. Ф. Шмурло совершил в конце 1920-х поездку в Белград, где преобладали негативные настроения по поводу передачи архивов в ЧСР[45]. В 1931 г. РЗИА стал целенаправленно собирать архивы русской литературной эмиграции, а в 1934 г. в его состав вошел Донской казачий исторический архив[46], при этом было заключено специальное соглашение, согласно которому за Донским казачьим архивом сохранялось автономное положение в РЗИА, право определять возможность использования материалов и был четко прописан запрет на возвращение документов в советскую Россию до тех пор, пока там господствует большевистская власть[47]. Во главе Донского казачьего архива находился П. А. Скачков, а затем М. А. Ковалев.

Определенные изменения в работе архива произошли в 1934 г. в связи со значительным сокращением штата сотрудников архива. В конце 1933 г. директор архива получил письмо от советника министра д-ра Шебеста о сокращении числа сотрудников и ликвидации некоторых должностей, в том числе и управляющего архивом. Сокращению подлежали: В. Архангельский, М. Обидный, Л. Кобылянский, В. Горн, В. Чернавин, С. Щепихина, А. Абрамов, А. Цыганков, М. Оболенский[48]. Особенно сильно пострадал отдел документов[49]. В связи с этими событиями в январе 1934 г. представители Совета РЗИА С. В. Завадский, Н. И. Астров и И. М. Брушвит были приняты в присутствии директора архива проф. Славика советником министра д-ром Шебестой. Последний пояснил суть и причины изменений. Чехословацкий МИД осознал невозможность эффективного контроля со стороны Совета над исполнительными органами архива

[43] А РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 517. Л. 11.
[44] Там же. Д. 518. Л. 7.
[45] Там же. Д. 517. Л. 14.
[46] *Петрушева Л. И.* Ук. соч. С. 139.
[47] *Павлова Т. Ф.* Ук. соч. С. 11.
[48] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 516. Л. 378.
[49] Там же. Л. 391.

и лишь формальную ответственность этих органов перед Советом за использование средств. По его словам, это дало повод к изменению инструкций Совету. Кроме того, вполне возможно, что на решение МИДа оказало влияние и тяжелое экономическое и финансовое положение в стране в связи с мировым экономическим кризисом, последствия которого в это время в ЧСР были еще весьма чувствительны. Архив потерял финансовую самостоятельность и возможность определять кадровую политику, переписка с чехословацкими учреждениями стала вестись на чешском языке. Но несмотря на все трудности, архив продолжал работу.

Бурный рост новых поступлений, особенно в первой половине 1920-х гг., и организационно-административные подвижки приводили к тому, что архиву приходилось менять помещения. Первоначально архив располагался в двух комнатах Тосканского дворца на Градчанской площади. Затем он переехал в здание бывшей гостиницы на Лазеньской улице, где в свое время останавливался Бетховен, а Багратион давал балы в честь Суворова[50]. Затем в конце 1920-х архив был переведен в более удобное место на Виноградах на ул. Венцигова, 17. В середине 1930-х архив вернулся в Тосканский дворец, где его разросшаяся коллекция заняла свыше 20 больших комнат[51], а затем с 1938 г. уже под юрисдикцией МВД Протектората Чехии и Моравии он был перевезен в здание бывшего МИД ЧСР на улице Лоретанской[52]. Накануне Второй мировой войны Я. Славик был отстранен от работы архива.

В сложный период перед нацистской оккупацией и началом Второй мировой войны архив по обмену получил 25 тыс. номеров газет из университетской библиотеки в Хельсинки, принял около 50 тыс. номеров периодики из библиотеки Экономического кабинета профессора С. Н. Прокоповича в связи с завершением работы кабинета и переездом профессора в Швейцарию[53].

В годы Второй мировой войны связь с зарубежными представителями была утрачена, а деятельность самого архива ограничена. Однако распад Чехословакии, создание протектората Чехии и Моравии, изменение всей внутриполитической обстановки в стране

---

[50] *Копршивова А., Рубилин Е.* Ук соч. С. 7.

[51] *Копршивова А. В.* Русский заграничный исторический архив при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики… С. 390.

[52] *Копршивова А., Рубилин Е.* Ук соч. С. 7

[53] *Вацек Й., Бабка Л.* Ук. соч. С. 24.

привели к тому, что эмигранты стали охотнее избавляться от личных архивов и документов, и хранилища архива пополнили новые материалы[54]. Уникальны были и полученные архивом периодические издания, выходившие в 1941–1945 гг. на оккупированной советской территории[55].

После окончания Второй мировой войны, освобождения Чехословакии Красной Армией и воссоздания единого государства архив прекратил существование. Указом чехословацкого правительства от 13 июня 1945 г. РЗИА было решено передать Академии наук СССР в связи с ее 220-летним юбилеем. 9 товарных вагонов документального отдела архива были в качестве подарка освободителям направлены в Советский Союз. Украинская часть архива была передана украинскому правительству. Книжное и газетное отделения архива в начале 1948 г. были переданы из МВД в Министерство просвещения, а оттуда их собрания в конце 1948 – начале 1949 гг. поступили Славянскую библиотеку в Праге, где находятся до сих пор[56]. 9 товарных вагонов документального отдела архива были в качестве подарка освободителям направлены чехословацким правительством Академии наук СССР в связи с ее 220-летним юбилеем. Книжное и газетное отделение архива были переданы Славянской библиотеке в Праге. Там же, в Славянской библиотеке, недавно обнаружен и архив Архива, который в настоящее время обрабатывается, и его документы позволят более точно судить о механизмах деятельности РЗИА[57]. Многие годы уникальное собрание Русского заграничного исторического архива в виду идеологических запретов не использовалось историками, находясь на «спец. хранении», а печатные эмигрантские материалы пылились в Славянской библиотеке. Лишь в конце 1980-х в связи с перестройкой в СССР был снять запрет на использование документов РЗИА. Славянская библиотека с 1990-х гг. ведет большую работу по рекаталогизации, микрофильмированию и переводу материалов в цифровую форму[58]. За прошедшие два десятилетия появились многочисленные исследования о русских эмигрантах, написанные в России и за рубежом на основе коллекции РЗИА. Именно эти бо-

---

[54] Там же.

[55] *Вацек Й., Бабка Л.* Ук. соч. С. 23.

[56] Там же. С. 25.

[57] *Копршивова А. В.* Русский заграничный исторический архив при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики… С. 391–393.

[58] Подробнее см.: *Вацек Й., Бабка Л.* Ук. соч. С. 26.

гатые материалы позволяют историкам восстановить жизнь и быт русских эмигрантов в разных странах, узнать об их организациях, выявить политические течения и общественные настроения, узнать о численности, правовом положении выходцев из России, а также условиях жизни в русских колониях за рубежом. Их изучение позволяет выяснить механизмы и способы адаптации эмигрантов, оценить вклад русских ученых, писателей, актеров, музыкантов, живописцев и других представителей научной и культурной элиты за границей в сокровищницу русской и мировой культуры. Современные историки, думаю, испытывают признательность создателям и хранителям РЗИА, так как благодаря их беспристрастности и самоотверженной работе удалось спасти громадное количество чрезвычайно ценных материалов[59]. Во многом благодаря РЗИА в Русском Зарубежье с успехом была решена задача сохранения и передачи культурного наследия молодому поколению.

Документы, переданные в СССР, до Академии наук так и не дошли. Основная масса переданных в Советский Союз материалов пражского архива попала в Государственный архив Российской Федерации (бывший ЦГАОР), но часть документов была распределена среди других архивных хранилищ[60]. Так, материалы писателей, литературоведов, искусствоведов было решено передать в Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ, ныне РГАЛИ). Некоторые архивные фонды попали в архивы Белоруссии, Украины и других советских республик. Позднее из ЦГАОРа документы частично передавались в РГВА (Российский государственный военный архив) и РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Переданные из Праги вместе с документами музейные экспонаты попали в разные музеи СССР. Судьба вещей, документов подчас не зависит от желания коллекционеров, создавших коллекцию. Так предчувствия и опасения создателей РЗИА о передаче и, возможно, не желательном использовании документов архива после войны, к сожалению, оказались верными. Однако теперь после изменения общественного строя в нашей стране хочется верить, что усилия его организаторов по сохранению национального наследия оказались не напрасными, а их стремление возвратить его в Россию для изучения ее действительной истории, наконец-то реализовалось.

[59] Эту же мысль проводит И. П. Савицкий, см. его книгу Прага и зарубежная Россия. Прага, 2002. С. 138.

[60] Подробнее об этом см.: *Павлова Т. Ф.* Ук. соч. С. 20–21.

Е. П. Аксенова

Охота к перемене мест?
(миграция русской научной интеллигенции в зарубежных странах)

С тех пор, как в нашей стране было снято «табу» с изучения русской эмиграции, написано немало книг и статей, опубликовано множество документальных материалов о жизни и деятельности русских людей, волею судьбы оказавшихся оторванными от родины. Далеко не все из них сразу находили подходящие места проживания. Большинство эмигрантов исколесили немало путей-дорог, пересекли не одну государственную границу в поисках работы и приемлемых условий жизни. Это коснулось всех социальных групп эмигрантов из России. Не составляли исключения ученые и университетская профессура. Этой категории эмигрантов было даже значительно сложнее устроиться на новых местах, поскольку их профессиональные знания востребовались значительно меньше, чем труд врачей, инженеров и представителей некоторых других специальностей. Однако следует заметить, что и ученые постепенно определились с выбором страны и города своего вынужденного пребывания. Поиски заработка и переезды с места на место особенно характерны для первых лет эмигрантского потока, но это не значит, что в последующие годы не происходило передвижений в эмигрантской среде, хотя они были уже не столь массовыми, скорее — единичными.

Исследователей, как правило, привлекает насыщенная интересными фактами деятельность выходцев из России в самых разнообразных политических, общественных, научных, культурных, молодежных, спортивных и прочих организациях русской эмиграции, а также их участие в различных сферах жизни принявших их стран. Уделяется также внимание условиям жизни русских людей за границей. А вот проблема перемещения эмигрантов по странам и континентам еще ждет специального исследования.

В настоящей статье мы попытаемся осветить лишь небольшую часть этой проблемы. Для примера обратимся к судьбам некоторых представителей научной интеллигенции, выехавших или выдворенных из России в первые годы после революции (в основном в 1920–1922 гг.) и влившихся в мощную волну русской эмиграции. При этом мы будем опираться не только на известную литературу,

но и на документальные свидетельства, в частности письма самих эмигрантов. В нашем распоряжении, прежде всего, имеется весьма обширная переписка А. В. Флоровского с родственниками и коллегами, хранящаяся в его фонде в Архиве РАН (Ф. 1609). Исследования и документы помогают понять, в первую очередь, *причины, факторы* и *условия* переездов ученых из страны в страну, из города в город, проследить маршруты вынужденной миграции.

Судьба самого А. В. Флоровского типична для представителей русского зарубежья[1]. Историк, профессор Новороссийского (Одесского) университета в 1922 г. был выслан из России. Решение местных властей опиралось на декрет ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 г. Участь Флоровского разделили многие ученые, преподаватели, деятели культуры, среди них — около двух десятков представителей «буржуазной» интеллигенции Одессы, прибывших в начале сентября 1922 г. в турецкий порт. Подобные высылки осуществлялись из Москвы, Петрограда и других крупных городов России. Депортация происходила в основном через южные и западные морские ворота — через Одесский и Петроградский порты, а также отчасти северные — Архангельск и Мурманск. Некоторые выбирались из России через Польшу. В первое время основные потоки эмигрантов из европейской части страны устремлялись в Турцию и на Балканы, Прибалтийские государства и Северную Европу, в Чехословакию, Германию, Францию, часть беженцев предпринимала более далекие путешествия — в Америку. Как правило, у высылаемых оставалось очень мало времени для сборов, да и взять с собой можно было только самое необходимое. Поэтому, оказавшись за границей, они зачастую оставались практически без средств к существованию.

Кроме «вынужденных» эмигрантов, была довольно большая группа «добровольных» эмигрантов, решивших не дожидаться репрессий со стороны большевистских властей и покинувших страну в первые два-три года после революции. Так, в начале 1920 г. выехали из Одессы в Болгарию родители А. В. Флоровского (его отец был кафедральным протоиереем), брат Георгий (впоследствии известный философ и богослов), сестра Клавдия (историк, преподаватель языков, переводчик), дядя — славист М. Г. Попруженко,

---

[1] Подробнее о жизни и деятельности ученого см.: *Аксенова Е. П.* Флоровский Антоний Васильевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 650–653.

литературовед С. Г. Вилинский, декан историко-филологического факультета А. П. Доброклонский (он выехал в разрешенную ему заграничную командировку[2], из которой не вернулся) и др.

Те, кто уехали раньше, имели больше шансов устройства за границей, в частности в качестве преподавателей высших учебных заведений, но и они испытывали немалые трудности. В национальных университетах стран пребывания вакансий для русских профессоров оказывалось совсем немного. Так, М. Г. Попруженко, известный болгарист, стал профессором Софийского университета. Там же до 1922 г. работал историк искусства, профессор Н. П. Кондаков. Исследователь Подкарпатской Руси Е. Ю. Перфецкий сначала работал в Вене.

Многие беженцы прибывали вначале в Турцию, Польшу, страны Прибалтики, чтобы там осмотреться и определиться с дальнейшим выбором. Там, поблизости от границ России, образовались довольно крупные колонии эмигрантов, надеявшихся на скорое возвращение на родину. Когда эта надежда растаяла, бывшие российские граждане стали всерьез задумываться о дальнейшей жизни, о поисках работы и приемлемых условий существования. Это породило массовое передвижение в среде эмиграции — начались переезды в другие страны. Условия вынужденного проживания вне своего отечества сделали эмигрантов из России мобильным контингентом, влившимся в население европейских стран. Многие стремились в Берлин, Париж. Румыния, Турция, Болгария, Югославия представлялись временным пристанищем, «перевалочным пунктом» на пути в «настоящую Европу» (по выражению Попруженко[3]).

Тем не менее, во всех местах сосредоточения русских научных сил организовывались «академические группы», объединенные в Союз русских академических организаций (руководство которого находилось в Праге), призванных помогать ученым, беженцам из России, а также осуществлять издательскую и исследовательскую деятельность. В ряде стран эти группы представляли собой достаточно мощные и деятельные структуры, в других (Болгария, Польша) они были не столь значительны. Подобная группа существовала в Константинополе, но, несмотря на ее старания, устроиться там на работу по специальности было весьма проблематично, жизнь ста-

---

[2] *Галяс В.* Русский историк-славист А. В. Флоровский // Дерибасовская — Ришельевская. Одесский альманах. Одесса, 2003. Вып. 15. С. 15–16.

[3] АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 372. Л. 1 об.

новилась все дороже, и небольших пособий от комитетов помощи русским изгнанникам и некоторых других организаций ни на что не хватало. К тому же, нельзя не учитывать, что в восточной мусульманской стране русские люди вряд ли чувствовали себя достаточно комфортно. В этой связи их тяга в славянские страны вполне понятна. Это можно считать одним из стимулов — внутренним, духовным, ментальным — первоначального передвижения бывших россиян за рубежом. Для небольшой части научной эмиграции, прежде всего — для специалистов-славистов, изучавших южных или западных славян, славянские страны представляли собой вполне желательное место для дальнейшей жизни и работы. Но другие ученые, не связанные тесно со славистической проблематикой, все же стремились попасть в высокоразвитые страны Западной Европы — признанные центры мировой науки. И в этом плане свое пребывание в славянских странах они хотели рассматривать как временное (например, Флоровский и др.), как промежуточный этап. У одних именно так и получилось, а другим, в силу разных причин, пришлось оставить мечту о Париже, Лондоне, Берлине и связать свою дальнейшую судьбу с Софией, Белградом, Прагой...

Было еще одно обстоятельство, которое заставило прибывших в Турцию эмигрантов поспешить собираться в дорогу. В 1922 г. Советская Россия установила дипломатические отношения с Турцией. В рамках двусторонних договоренностей предполагалось, что в Турции будет проведен учет всех русских эмигрантов (в декабре 1922 г. объявлена «регистрация беженцев»[4]). Не дожидаясь непредсказуемых (или, наоборот — вполне предсказуемых) последствий, многие стали искать убежища в других странах. Таким образом, внешние события послужили толчком, побуждающим мотивом для более интенсивного поиска нового местожительства.

Однако основной, самой веской причиной миграционных процессов в первые годы эмиграции служила жизненно важная необходимость найти работу, дающую средства к существованию. Правительства многих стран, принимавших беженцев, оказывали им некоторую материальную помощь, наряду с эмигрантскими и международными общественными организациями, но этого зачастую было недостаточно. По данным Международного бюро труда в Европе в 1923 г. примерно 80% российских беженцев сумели

[4] Там же. Д. 412. Л. 12 об.

найти себе работу, а 20% не имели определенных занятий[5]. При этом представители научной интеллигенции стремились все-таки получить работу, соответствующую их интеллектуальному и профессиональному уровню или, по крайней мере, близкую к их интересам (однако на первых порах это удавалось не многим). Следует учитывать, что далеко не во всех странах русских принимали с распростертыми объятиями — им приходилось встречаться и с безразличием, и с явной неприязнью.

В этом отношении переписка А. В. Флоровского со своими родными и коллегами очень показательна. Ситуация, в которой он оказался, характерна и для других ученых-эмигрантов. Прибыв в начале сентября 1922 г. в Турцию, он сразу же начал выяснять, в какой из стран Европы можно найти работу. Его письма полетели в Англию, Германию, Францию, Австрию, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Чехословакию и, конечно же, в Болгарию, где обосновались родственники. Благодаря довольно широким связям в научной среде, Флоровский получил достоверные сведения о возможностях устройства эмигрантов из России в интересовавших его европейских странах.

Более всего Флоровский стремился во Францию, где, по слухам, директор Школы восточных языков Поль Буайе предполагал привлечь русских профессоров к преподавательской работе. Впрочем, Флоровский готов был на первых порах удовлетвориться «архивной или библиотечной службой», но получил из Франции ответ, что на такую службу иностранцев не берут[6]. Его земляк, Н. К. Соколов, перебравшийся из Константинополя в Марсель, «устроился на службу во франко-славянский банк», но средств на жизнь не хватало, и он подрабатывал продажей марок[7]. Правовед П. А. Михайлов, уехавший из Константинополя в Париж, сообщал, что наукой занимается очень мало, так как наряду с чтением лекций для немногочисленных русских студентов, основное время и силы отдает «антикварному делу», работая у банкиров Лесиных. Он с полной откровенностью писал, что французская финансовая помощь русской академической группе невелика, и потому каждый новый человек —

[5] См.: *Серапионова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 17.

[6] АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 62. Л. 2; Д. 298. Л. 1–1 об.

[7] Там же. Д. 412. Л. 17 об., 20.

нежелательный «лишний рот»[8]. Таким образом, мечта Флоровского о переезде во Францию померкла, хотя и не исчезла вовсе.

Из Лондона также приходили неутешительные сообщения от историка М. В. Брайкевича[9] и правоведа П. Г. Виноградова[10] о том, что в Англии безработица, так что любые вакансии занимаются англичанами, а русские могут устроиться либо при очень больших связях, либо при отсутствии соответствующего специалиста в стране (к тому же при этом требовалось блестящее знание английского языка), русских же научных учреждений, где можно работать по специальности, вовсе нет[11]. Даже такой крупный ученый, как М. И. Ростовцев, не нашел работы в Англии и вынужден был уехать в Америку (в 1920 г. он получил приглашение занять место профессора истории в Висконсинском университете[12]).

Еще сложнее было положение эмигрантов в Германии, которая находилась в состоянии тяжелого кризиса. Отток из нее русских беженцев объясняется в основном экономическими причинами, хотя немаловажную роль играли идеологические и политические — нагнетание враждебности по отношению к иностранцам, приход к власти Гитлера[13]. К тому же, бывших соотечественников, оказавшихся в других странах, пугала обособленность берлинского «ядра изгнанников», «своя» линия поведения, разногласия между берлинской академической группой и Русским научным институтом[14].

Не намного лучше обстояли дела в Австрии. Из обретших независимость в 1918 г. славянских стран тоже поступали не очень ободряющие сведения. Двоюродный брат Флоровского, Г. М. Попруженко писал о тяжелых условиях жизни в Варшаве, которые препятствуют занятиям наукой, о потере работы (в «экспедиции заготовления государственных бумаг»)[15]. Историк и литературовед П. М. Бицилли и историк А. П. Доброклонский сообщали Флоровскому, что в Сербии можно получить работу преподавателя истории

[8] Там же. Д. 317. Л. 6 об., 2–2 об.

[9] Там же. Д. 147. Л. 1–1 об.

[10] Там же. Д. 177. Л. 1–1 об.

[11] Там же. Д. 183. Л. 1.

[12] См.: *Бонгард-Левин Г. М.* Академик М. И. Ростовцев и русская эмиграция // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. М, 1994. Кн. 1. С. 132.

[13] *Борисов В. П.* Истоки и формирование российского научного зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции… С. 287–288.

[14] АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 317. Л. 3–3 об.

[15] Там же. Д. 371. Л. 1 об.–2, 6.

в средней школе[16]. В то же время историк В.А. Мошин (живший в глубокой провинции, в городке Копривница в двух часах езды от Загреба и преподававший историю в гимназии) на собственном примере убеждал коллегу, что для получения преподавательской должности в Королевстве СХС русским профессорам, докторам наук нужно сдать еще около десятка различных экзаменов[17]. Многие эмигранты стремились в Чехословакию, но для переезда туда нужно было специальное разрешение и достаточные материальные средства [18]. Чехословакия фильтровала эмигрантские потоки, приглашая к себе определенные группы бывших российских граждан.

Оставалась Болгария. Собрав неутешительные сведения из разных стран, явившиеся определяющим фактором при выборе маршрута дальнейшего передвижения по Европе в поисках работы, Флоровский решил попытать счастья в Софии. Его дядя, М. Г. Попруженко, честно признавался, что в Софийском университете кафедру получить трудно, но не исключена возможность устройства на работу в библиотеку (как профессор-языковед В. А. Погорелов). Вместе с тем Попруженко заверял племянника, что со стороны болгар русские встречают «доброжелательное и приветливое» отношение[19]. (С таким же располагающим отношением русские ученые сталкивались и в других славянских странах, что делало пребывание в них более приятным и скрашивало годы вынужденного изгнания в среде близких этнически, по духу и культуре народов.) Родственники Флоровского прислали запрос, и он вскоре получил визу. Но в Болгарию можно было попасть из Турции и без запроса, приобретя визу за взятку (не менее чем 50 лир)[20]. Для переезда и обустройства на новом месте нужны были деньги, и материальную помощь ему оказал американский Красный Крест (42 доллара и 2445 левов). К тому же, Русское экономическое общество в Англии перевело 5 фунтов стерлингов (то же общество выслало 10 £ Г. А. Секачеву и 15 £ в Берлин — для помощи русским профессорам).

Так или иначе, в конце 1922 г. начался массовый отток беженцев из Турции. Условия их жизни резко ухудшались — сокращались нормы продовольственного снабжения и материальная помощь. Один из корреспондентов сообщал Флоровскому (к этому време-

[16] Там же. Д. 208. Л. 1; Д. 140. Л. 2.
[17] Там же. Д. 322. Л. 13–13 об.
[18] Там же. Д. 412. Л. 8–8 об.
[19] Там же. Д. 372. Л. 1–1 об., 7.
[20] Там же. Д. 412. Л. 1, 8–8 об.

ни уже находившемуся в Софии): «Положение Константинополя становится все хуже — напоминает Россию. Лира турецкая катастрофически падает. [...] Продукты начинают прятать. [...] Отсюда нужно удирать и удирать поскорее». Сам автор письма после неудачи с выездом в Дрезден стал интересоваться Сербией, Болгарией и Чехословакией, а в результате оказался во Франции[21]. Большинство эмигрантов выехало из Константинополя в Болгарию и Сербию (это были самые близкие страны, следовательно переселение туда должно было быть наименее затратным). Запись желающих переехать в Сербию проводилась представителями Лиги Наций. Многие русские, не имея средств для самостоятельного решения вопроса о своей дальнейшей судьбе, по признанию того же корреспондента, ехали туда, «куда их везут»[22]. Таким образом, немаловажным фактором, определявшим направление миграционных потоков, служили финансовые дотации и иная помощь в осуществлении переездов.

В Болгарии Флоровский встретил многих знакомых. Для части из них, как, например, для его родственников, значительным обстоятельством выбора ими местожительства за границей (помимо профессиональных интересов) являлась близость Болгарии к любимой Одессе[23], а, следовательно — к родине. Для богословов и преподавателей религиозных дисциплин на богословском факультете Софийского университета и в других учебных заведениях (Н. Н. Глубоковского, Г. И. Шавельского, Н. А. Котляревского и др.[24]) чрезвычайно важно было находиться в духовно близкой, православной среде. В Софии Флоровский застал в бедственном положении лингвиста Ф. Г. Александрова, жившего в общежитии комитета помощи беженцам[25], преподавателя Одесского университета, ботаника Г. А. Секачева, работавшего вначале на семеноводческой станции[26], затем занимавшегося торговлей книгами, изготовлением деревянных игрушек и т. п. Не намного лучше были дела и у литературоведа С. Г. Вилинского, служившего в банке[27]. Проработав некоторое время в страховом обществе, затем буквально

---

[21] Там же. Л. 5, 15.

[22] Там же. Л. 8–8 об., 11 об., 14 об.

[23] Там же. Д. 372. Л. 2.

[24] Там же. Д. 485. Л. 5; Д. 458. Л. 44 об.

[25] Там же. Д. 458. Л. 18.

[26] *Косик В. И.* Софии русский уголок. М., 2008. С. 60.

[27] АРАН. Ф 1609. Оп. 2. Д. 458. Л. 36 об.–37.

голодал историк права А. С. Мулюкин[28]. Сестра Флоровского первое время зарабатывала преподаванием латыни в гимназиях[29], его отец служил в русской церкви, преподавал в гимназии и семинарии[30]. Сам Флоровский в течение трех месяцев так и не смог получить работу[31].

Понятно, что подобные условия не способствовали закреплению эмигрантов в Болгарии, и такие естественные, свойственные человеческой натуре поиски места «где лучше», продолжались; они «подстегивались» суровой необходимостью в ближайшее время найти средства к существованию. Еще в 1922 г. Софию покинули Н. П. Кондаков, переехавший в Прагу, В. А. Погорелов, получивший работу в Братиславском университете. Известный литературовед и литератор В. К. Мочульский, читавший в Софийском университете лекции о русской поэзии, благодаря своим старым петербургским знакомствам смог в том же году устроиться в Париже[32]. Уже к середине 1923 г. определилась заметная тяга русских из Болгарии. Русский священник Г. И. Шавельский объяснял отток соотечественников из страны следующим образом: «Бедные бегут потому, что тут трудно найти заработок; богатые удирают, так как жизнь тут невероятно вздорожала»[33].

Однако учитывая сложное материальное положение, уехать могли далеко не все. Кто-то (в том числе и Флоровский) подумывал о Королевстве СХС. Но и там были свои проблемы, и оттуда уезжали недовольные. П. М. Бицилли, наряду с другими русскими преподавателями (С. М. Кульбакиным и Н. Л. Окуневым), собирался в это время покинуть университет в Скопле, где условия для работы (прежде всего, материальные) становились все хуже, и переехать в Прагу[34] (однако после недолгого пребывания в Белграде оказался в Софии и стал профессором Софийского университета)[35]. Так что, как видим, были и встречные потоки эмигрантов.

Как для устройства в странах Западной Европы нужно было свободное владение английским, французским, немецким, так и для получения достойной работы в славянских странах не последнюю

[28] Там же. Д. 174. Л. 2 об.; *Косик В. И.* Софии русский уголок. С. 61.
[29] *Косик В. И.* Софии русский уголок. С. 72.
[30] См.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 461.
[31] Там же. Д. 458. Л. 18.
[32] Там же. Л. 5 об.; *Косик В. И.* Софии русский уголок. С. 67.
[33] АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 485. Л. 5.
[34] Там же. Д. 140. Л. 8–9.
[35] Там же. Д. 174. Л. 1; Д. 458. Л. 33.

роль играло знание славянских языков (эти языки знали, как правило, те, чьи научные исследования касались славянской проблематики, а таких среди ученых-гуманитариев было немало).

В первые годы эмиграции у многих ученых было ощущение недолговременности их пребывания за границей, что, может быть, также мешало им сразу прочно закрепиться на новом месте. Показательна в этом отношении фраза из письма А. Л. Бема В. И. Срезневскому (3 октября 1922 г. из Праги): «Я здесь живу так, точно нахожусь в академической командировке...»[36]. А. В. Флоровский также считал свое пребывание за рубежом «как бы вынужденной заграничной командировкой с научными целями»[37]. Подобные настроения можно отметить и в письмах некоторых ученых к А. В. Флоровскому. Так, М. В. Брайкевич в письме от 2 ноября 1922 г., сообщая коллеге о положении дел с устройством русских эмигрантов в Англии, уточнял: это «рассчитывая на то, что оставаться нам всем за границей уже не долго»[38].

Покидая не очень насиженные места, ученые стремились найти не столько лучше оплачиваемое место (хотя и это было немаловажно), сколько работу по специальности. Историк Е. Ю. Перфецкий перебрался из Вены, где жизнь сильно подорожала, в Братиславу — там в университете он стал читать курс истории России и вести семинары[39]. Там же оказался и профессор В. А. Погорелов с лекциями по русской литературе[40]. С. Г. Вилинский переехал в Брно, где преподавал русскую литературу; при этом он не оставлял надежды при благоприятных условиях вернуться в Болгарию, в то же время вел переговоры о чтении курсов русской литературы в Скопле и Черновицах[41]. Ф. Г. Александров получил приглашение в Берлинский университет, где мог бы заниматься сравнительным языкознанием, но, опасаясь «коммунистического переворота и гражданской войны в Германии», он не решился принять предложение[42] и в течение многих лет оставался преподавателем гимназии в Софии (пока, наконец, не получил

---

[36] *Горяинов А. Н.* В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006. С. 226.

[37] АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 42.

[38] Там же. Оп. 2. Д. 147. Л. 1 об.

[39] Там же. Д. 361. Л. 1 об.; Д. 174. Л. 10.

[40] Там же. Д. 174. Л. 10.

[41] Там же. Л. 1.

[42] Там же. Л. 10 об.

места в университете). Его пример показывает, что отважиться на переезд не всегда было легко и просто, даже если в профессиональном отношении перспективы были довольно заманчивы. Кроме того, для переселения в другую страну нужны были «подъемные».

Совместить оба фактора — материальное обеспечение и профессиональные интересы — в то время проще всего было в Чехословакии, в сторону которой и устремились взоры многих русских изгнанников. Значительная масса эмигрантов прибыла в страну в 1920–1921 гг., но в последующие два года их поток все увеличивался (есть данные, что даже из далекой северной страны Норвегии уехало в Чехословакию 10 человек[43]), и правительству пришлось принять меры к его ограничению, предоставляя возможности для проживания в основном ученым, студентам, деятелям культуры и некоторым другим группам и перекрыв доступ беженцам на территорию Чехословакии из Румынии и Польши[44].

Если Болгария устраивала некоторых ученых близостью к России, на возвращение в которую они не потеряли надежды, то Чехословакия привлекала многих близостью к Западной Европе. Правительство Чехословакии, проводя так называемую «русскую акцию», оказывало определенную материальную помощь эмигрантам из России, в том числе на транспортные расходы при переезде и на первоначальное обустройство на новом месте. Так, С. Г. Вилинский перед отъездом из Софии влез в долги и купил новую одежду, так как во время голода продал все, что можно, а ехать в Чехию, по его представлению, в тех «отрепьях», которые он носил в Болгарии, было немыслимо. По приезде в Брно он получил в качестве компенсации дорожных расходов 2 тыс. крон чешских и затем от Министерства народного просвещения еще 3 тысячи (но этой суммы не хватало на погашения долгов). В. А. Погорелов получил на устройство 20 тыс. крон чешских[45]. В целом правительство Чехословакии тратило на помощь эмигрантам в 1923 г. ежемесячно по 5 млн. крон чешских (2,5 млн. франков, в то время как Королевство СХС и Болгария соответственно — 1,2 млн. франков и 80 тыс. франков). К концу следующего года сумма ежемесячных расходов на

---

[43] *Цветков Н. Н.* Русская эмиграция в Норвегии (1920–1940-е гг.) // Культурное наследие российской эмиграции… С. 162.

[44] *Серапионова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой Республике… С. 19–20, 26–27.

[45] АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 174. Л. 5–6, 8.

«русскую акцию» превысила расходы на беженцев из России всех европейских государств, вместе взятых[46].

Чехословакия не только предоставляла ученым-эмигрантам работу в своих высших учебных заведениях, но она являлась крупнейшим центром русской научной мысли за рубежом. Как раз число русских профессоров в высшей школе Чехословакии не очень велико и они в основном занимают вновь открытые в начале 1920-х гг. кафедры русистики (Е. А. Ляцкий, А. Л. Бем, С. Г. Вилинский, В. А. Погорелов; Е. Ю. Перфецкий, А. Д. Григорьев; В. А. Францев возглавлял кафедру славистики, Н. В. Ястребов — славянской истории). Некоторые ученые были членами Славянского института в Праге, Чешской академии наук и искусств. Но благодаря материальной и иной поддержке правительства русское ученое сообщество могло создавать свои научные и учебные институции. Основные учреждения и организации, учебные заведения с самого начала эмигрантского движения были сосредоточены в Праге — Русская учебная коллегия, академическая группа, Русский народный университет, Русский юридический факультет, Русская библиотека, Русское историческое общество, Русский заграничный исторический архив и др. Русские эмигранты в ожидании перемен в России и возвращения на родину хотели дать своим детям русское высшее образование, вследствие чего потребность в преподавательских кадрах предоставляла возможность трудоустройства многим бывшим профессорам российских университетов. Кроме того, научные общества, проводившие заседания и имевшие свои печатные издания или некоторые другие средства для публикации научной продукции, давали ученым реальные шансы для осуществления своих исследовательских замыслов. Реализации их творческих планов способствовало и наличие достаточно богатых пражских библиотечных и архивных собраний, а также доступность западноевропейских библиотек и архивов. Все это делало Прагу весьма привлекательным центром притяжения для ученых русского зарубежья.

В начале 1923 г. и А. В. Флоровский оказался в Праге (перед этим недолго пробыв в Белграде[47]), благодаря хлопотам брата Георгия, раньше обосновавшегося там, и протекции Г. В. Вернадского и Н. П. Кондакова[48]. Поддерживая намерение Флоровского переехать

[46] См.: *Серапионова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой Республике… С. 22.

[47] АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 390. Л. 8.

[48] Там же. Д. 13. Л. 42–43.

в Прагу, историк М. В. Брайкевич писал ему из Лондона: «Чехословакия очень радушно приглашает к себе русских и дает жалованье, на которое все-таки можно существовать, а главное является возможность работать по своей специальности»[49]. Прагу нередко называли «русским Оксфордом», и она являлась признанным «центром русской ученой работы»[50]. Совмещение этих условий для многих ученых явилось определяющим фактором при выборе страны проживания. Ученые получали возможность преподавать и заниматься наукой, т. е. вести привычный образ жизни, общаться с русскими и зарубежными коллегами, принимать участие в деятельности международных научных организаций — и, таким образом, мотивация для дальнейших переездов ослабевала или исчезала совсем. Так, А. В. Флоровский, в первое время после прибытия в Чехословакию еще мечтавший о Париже (Прага, по его словам, временный этап, и нужно думать о «более устойчивом устройстве» в будущем[51]), прожил в Праге до конца жизни (умер в 1968 г.). С. Г. Вилинский также до своей смерти (в 1950 г.) оставался в Брно[52]. Не изменял Братиславскому университету Е. Ю. Перфецкий (умер в 1947 г.). Более 20 лет прожил в Братиславе В. А. Погорелов[53]. С Прагой была связана судьба многих русских ученых-эмигрантов: историков искусства Н. Е. Андреева и Н. Л. Окунева, одного из идеологов неославизма Д. Н. Вергуна, историка Б. А. Евреинова, архивиста А. Ф. Изюмова, историка А. А. Кизеветтера, философов И. И. Лапшина и Н. О. Лосского, филолога Е. А. Ляцкого, фольклориста, историка, лингвиста А. Д. Григорьева, историка-экономиста П. А. Остроухова, историка С. Г. Пушкарева, экономиста, одного из основателей евразийства П. Н. Савицкого, правоведа А. Н. Фатеева, слависта В. А. Францева, историка и правоведа М. В. Шахматова, историка Е. Ф. Шмурло, филолога А. Л. Бема и многих др.[54]

Судьба А. Л. Бема в межвоенные десятилетия вполне типична. В январе 1920 г. он покинул Одессу на английском пароходе, прибыл в Югославию, несколько месяцев работал в белградском филиале Земгора. В конце 1920 г. перебрался в Варшаву, где сотрудни-

[49] Там же. Д. 147. Л. 3 об.

[50] Там же. Д. 62. Л. 2 об.

[51] Там же. Л. 2.

[52] Там же. Д. 58. Л. 1.

[53] Там же. Л. 1 об.

[54] См.: *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. Прил. I. С. 114–190.

чал в периодических изданиях, руководил литературным кружком и даже вел политическую деятельность. В начале 1922 г. переехал в Прагу, и благодаря «русской акции» получил должность преподавателя русского языка в Карловом университете. Бем преподавал также в Русском педагогическом институте им. Я. А. Коменского, Русском народном университете, активно занимался исследовательской работой и популяризаторской деятельностью[55]. Через Польшу выбирался из России в 1922 г. А. Д. Григорьев (приняв польское гражданство). В 1923 г. получил официальное приглашение в Чехословакию, преподавал сначала в Ужгороде, затем 12 лет в Прешове — русский язык в гимназии. После выхода на пенсию переселился в 1937 г. в Прагу и занялся научной работой[56].

Правовой статус эмигрантов некоторое время оставался неопределенным. Лишившись гражданства Советской России, некоторые со временем приняли гражданство страны проживания. Но большинство не хотело менять подданство. Такое положение лишало их всякой правовой защиты. В 1926 г. им были выданы временные удостоверения личности, так называемые «нансеновские паспорта», а в дальнейшем определены меры юридической защиты и консульской помощи[57].

Во второй половине 20-х годов численность эмигрантов в Чехословакии, как и в других странах, более или менее стабилизировалась, но в конце 20-х — начале 30-х годов разразился сильнейший экономический кризис, сопровождавшийся уменьшением производства и ростом безработицы. Были сокращены или прекращены дотации эмигрантам, и часть из них вынуждена была покинуть Европу и уехать в Америку. Один из россиян отмечал в 1927 г. значительное ухудшение положения русских в ЧСР. «Тяга в другие страны, — утверждал он, — все растет и растет, и теперь думают о выезде из ЧСР такие люди, кто в 1922–1923 гг. ни о каких Америках и не думали»[58] (среди ухавших в Америку в 1927 г. был Г. В. Вернадский).

---

[55] *Горяинов А. Н.* В России и эмиграции… С. 224, 227, 229.

[56] *Соучкова М.* Научная жизнь Александра Дмитриевича Григорьева в Чехословакии. Из Прешова в Прагу // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. С. 211–212, 219.

[57] См.: *Серапионова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой Республике… С. 39–44.

[58] Цит. по: *Серапионова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой Республике… С. 32.

Вторым крупным центром сосредоточения русских научных сил за рубежом являлось Королевство сербов, хорватов и словенцев (позднее — Югославия). В материальном отношении оно не могло быть столь щедрым к эмигрантам, как Чехословакия, но оказывало посильную поддержку беженцам из чувства славянской общности и благодарности за все, что русские сделали для сербов, в том числе во время Первой мировой войны. Следует подчеркнуть, что въезд русских в Югославию не был стеснен различными квотами, визами, паспортами. Это очень существенное условие, которое облегчало попадание в страну русских изгнанников, в том числе ученых; оно объясняет довольно мощный поток беженцев в югославянское государство. Для оказания помощи русским эмигрантам была создана специальная государственная комиссия, которую возглавил известный филолог-славист академик Александр Белич. Комиссия выдавала небольшие денежные пособия и расселяла беженцев по стране. По мере адаптации в новой среде русские выбирали постоянное место жительства[59]. Даже по прошествии многих десятилетий признавалось большое влияние русских ученых, русской научной школы на развитие югославской науки (в Королевстве СХС более 600 выходцев из России преподавали в университетах и средней школе, некоторые были избраны академиками и членами-корреспондентами Сербской академии наук — Г. А. Острогорский, С. М. Кульбакин, Ф. В. Тарановский, Е. В. Спекторский и др.)[60]. Поскольку страна получала «готовых» высококвалифицированных ученых и преподавателей высшей школы, было принято справедливое решение об облегчении условий получения пенсии с учетом лет, проработанных в России[61]. Этот факт для многих имел, безусловно, существенное значение и послужил тому, что Белград, наряду с Парижем, Берлином и Прагой, стал признанным центром русской науки за рубежом.

Русская научная интеллигенция создала в Королевстве свои организации: Общество русских ученых, Русскую академическую группу, Русское археологическое общество, Русский научный институт в Белграде и др. Большинство научных организаций было

---

[59] *Тесемников В. А.* Белград как один из научных центров российского зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции... С. 328.

[60] *Йованович М.* Россия в изгнании. Границы, масштабы и основные проблемы исследования // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 41–42.

[61] *Тесемников В. А.* Белград как один из научных центров российского зарубежья. С. 329.

сосредоточено в Белграде. Но ситуация в югославских землях несколько отличалась от чехословацкой — в Праге довольно компактно были сосредоточены русские научные силы (хотя имелись небольшие группы ученых в Брно, Братиславе, Подкарпатской Руси). Югославская территория в национальном, религиозном, культурном отношении являлась неоднородной. И в русской эмиграции с самого начала наблюдалось расслоение (идейно-политическое и проч.), которое нашло отражение в характере расселения и деятельности российских граждан на югославянских землях (по некоторым данным, в начале 1921 г. на территории Королевства СХС насчитывалось до 215 колоний русских беженцев)[62]. Так или иначе, в Королевстве имелось несколько университетских городов и научных центров, что давало возможность русским ученым, рассредоточившись по стране, заниматься преподавательской деятельностью, время от времени меняя университеты (что может объясняться не только поисками лучших условий, но и окончанием срока контракта).

С Югославией связаны судьбы многих русских ученых[63]. Так, правовед, философ и историк, экономист, политолог, социолог Е. В. Спекторский, покинув Россию в начале 1920 г., стал профессором Белградского университета (до 1930 г., но в 1924–1927 гг. был профессором и деканом Русского юридического факультета в Праге). В 1930 г. был избран профессором Люблянского университета, где преподавал до 1945 г.[64] Кроме того, Спекторский читал лекции по теории публичного права в Русском научном институте в Белграде, где другой эмигрант, П. Б. Струве вел курс экономической истории России[65]. Историк, правовед, литературовед А. В. Соловьев, также выехав из России в 1920 г., побывав в поисках работы в Турции, Болгарии, Германии, стал профессором Белградского университета (до 1936 г.), одновременно преподавая русский язык и литературу в 1-й русско-сербской гимназии[66]. В 1947 г. он назначен

---

[62] *Сибинович М.* Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века — границы и перспективы исследования // Русская эмиграция в Югославии. С. 19.

[63] Подробнее см.: *Аксенова Е. П.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А. В. Флоровского // Русская эмиграция в Югославии. С. 148–166.

[64] *Поляков А., Тимошина Е.* Спекторский Евгений Васильевич // Русское зарубежье… С. 592.

[65] АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 415. Л. 11.

[66] *Мохначева М.* Соловьев Александр Васильевич // Русское зарубежье… С. 586.

деканом юридического факультета только что открытого Сараевского университета. Переезд на новое место ученый воспринял хорошо: «милый факультет, прекрасная квартира, славные окрестности...»[67]. Византинист Г. А. Острогорский после революции оказался в Финляндии, затем учился в Германии, проходил стажировку во Франции, затем в качестве приват-доцента преподавал византийскую историю в университете Бреслау (Вроцлав). В период разгула фашизма переехал в Югославию (1933 г.), принял югославское гражданство (1935 г.), получил должность профессора Белградского университета. В 1948 г. был избран академиком и назначен директором Византологического института в Белграде[68]. Профессором Белградского университета (1920–1944) был известный историк, филолог, славист А. Л. Погодин, выехавший из России в 1920 г. А вот историку В. А. Мошину пришлось поколесить по Югославии — ему не удалось сразу заняться деятельностью в научной сфере (он преподавал в гимназии), и лишь в 1930 г. началась его университетская карьера чтением лекций по византинологии на философском факультете в Скопле (1930–1932)[69], затем в Белградском университете (1932–1939). С 1947 г. он сотрудник Института истории САН, но жил в столице Хорватии, так как одновременно был назначен директором Архива Югославянской академии наук и искусств в Загребе; с 1961 г. работал в Национальной библиотеке Сербии, с 1967 г. — в Государственном архиве Македонии, в 1971 г. избран академиком Македонской Академии наук. Наиболее близкой в профессиональном отношении была Югославия известному филологу-слависту С. М. Кульбакину, чей выбор местопребывания за границей был «результатом сознательного устремления»[70]. В 1920 г. он профессор в Скопле, а в 1924 г. — в Белграде, в 1921 г. избран членом-корреспондентом Сербской академии наук. Специалистом в области истории права славянских народов был известный правовед Ф. В. Тарановский, преподававший на юридическом факультете Белградского универ-

[67] АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 13. Л. 19 об.

[68] Там же. Д. 349. Л. 13 об., 14 об.; *Косик В. И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. М., 2007. Ч. 1. С. 146–147.

[69] *Стојчевска-Антик В.* Владимир Мошин — научник, професор, човек, — за пример (1894–1994) // Русь и южные славяне. СПб., 1998. С. 123. См. также: АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 322. Л. 17.

[70] Подробнее см.: *Гудков В. П.* Степан Михайлович Кульбакин и Александр Белич // Русская эмиграция в Югославии. С. 167–173.

ситета. После отъезда Спекторского в Любляну Тарановский возглавил Русский научный институт. В 1933 г. избран академиком[71].

Как видим, большинство ученых-гуманитариев, составивших ядро русского интеллектуального центра в югославском государстве, в своей научной деятельности в той или иной степени затрагивали славистические проблемы, в том числе — проблемы югославянских народов, что в определенном смысле облегчило им задачу выбора места проживания.

То, что русские ученые в Югославии оказались в большинстве своем сразу же профессионально востребованы, повлияло на закрепление их на новых местах. Председатель Русского научного института Ф. В. Тарановский подчеркивал, что положение русских ученых в Югославии, по сравнению с их коллегами в других странах, значительно благоприятнее, так как они с самого начала были «у своего дела»[72].

Иногда переезды определялись местонахождением организации. В качестве примера приведем судьбу Института им. Кондакова и связанных с ним людей. После смерти Н. П. Кондакова его ученики создали в 1925 г. в Праге семинар его имени, в 1931 г. преобразованный в институт. В период экономического кризиса 30-х годов материальное положение института стало ухудшаться, правительственная финансовая поддержка сократилась. Наиболее подходящие условия для работы института в то время предоставляла Югославия, и хотя дела и имущество института оставались в Праге, его научная и издательская деятельность в 1938 г. продолжилась в Белграде. Институт, который возглавил Г. А. Острогорский, получал финансовую поддержку от югославского Министерства просвещения. На частные пожертвования было найдено помещение для института[73]. Вместе с институтом из Праги в Белград переехал историк Д. А. Расовский, который, по признанию коллег, «больше всех других любил Институт и больше всех для него делал»[74]. В 1941 г. во время фашистской бомбардировки Белграда Д. А. Расовский погиб, здание института было разрушено, а уцелевшие документы и книги вновь переданы в Прагу.

Болгария стремилась не отстать от Сербии и составить ей конкуренцию в деле приема эмигрантов из России. Через посольства

[71] *Косик В. И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? С. 147–148.
[72] См.: Там же. С. 135.
[73] См.: *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. С. 38.
[74] АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 322. Л. 23 об.

Болгарии в Германии и Чехословакии рассылались приглашения русским деятелям науки и культуры. Однако, как видно из переписки А. В. Флоровского с родными и коллегами, в начале 20-х годов русским ученым-гуманитариям найти работу в Софии было совсем не просто. По откликам эмигрантов, Комитет по делам русских беженцев почти не функционировал, академическая группа практически не действовала и производила «впечатление удручающее»[75], научных организаций, подобных пражским и белградским, не было, возможности университетского преподавания были весьма ограничены, что усиливало отток ученых из Болгарии. Те, кому удалось найти работу в университете, читали лекции по контракту, который заключался на 2–3–4 года, что не давало уверенности в завтрашнем дне. Для многих Болгария стала «промежуточным пунктом в их странствиях»[76]. Но были и те, кто закрепились там надолго или навсегда. Сестра А. Флоровского, К. В. Флоровская, преподавала латынь в гимназиях, затем русский язык в Софийском университете, прожила в Болгарии до возвращения на родину после Второй мировой войны. М. Г. Попруженко, почетный доктор Софийского университета, читавший лекции по-болгарски, много сделавший для знакомства Европы с болгарской культурой, оставался в Софии до своей смерти в 1944 г. Его научные заслуги были по достоинству оценены Болгарией — в 1941 г. его избрали действительным членом Болгарской академии наук. В 1923 г. в Софийский университет был приглашен П. М. Бицилли, блестяще читавший лекции по новой и новейшей истории (на русском и болгарском языках) до 1948 г. У языковеда Ф. Г. Александрова, по его собственному признанию, перерыв в научной работе составил 30 лет, и, наконец, в 50-х годах он получил работу в Софийском университете, где вел занятия по исторической грамматике русского языка и исследовал вопросы синтаксиса славянских языков[77]. Привлекла София и историка В. А. Мякотина, выехавшего из России в 1922 г. сначала в Берлин (читал лекции в Русском научном институте), затем перебравшегося в Прагу, где он вел курс лекций в Русском народном университете и был сотрудником Русского зарубежного исторического архива; в 1928 г. он переехал в Софию и до 1937 г. возглавлял кафедру русской истории Софийского университета[78].

---

[75] Там же. Д. 458. Л. 12; Д. 140. Л. 23.

[76] *Косик В. И.* Софии русский уголок. С. 61.

[77] АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 317. Л. 76–79.

[78] *Иогансон Е.* Мякотин Венедикт Александрович // Русское зарубежье… С. 436.

Необходимо отметить, что в отрыве от отечественных архивов, книжных собраний, собственных домашних библиотек многие ученые испытывали определенные сложности в продолжении исследований, начатых на родине (особенно ощутимо это было для историков). Приспосабливаясь к новой среде, они, наряду с признанными славистами, все активнее осваивали проблематику, связанную со странами, оказавшими им гостеприимство. В связи с этим большинство ученых в той или иной степени затрагивали в своих работах славянскую тематику; они внесли реальный вклад в изучение славянских народов, русско-славянских связей, в развитие науки славянских стран. В то же время некоторая профессиональная переориентация в сторону славяноведения в какой-то мере послужила фактором «закрепления» эмигрантов на новых местах.

Таким образом, как видно из приведенных фактов, наибольшая интенсивность переездов в эмигрантской среде наблюдается в 1922–1923 гг., т. е. в первые годы эмиграции. Затем положение беженцев из России стабилизируется — они обретают работу по специальности, постепенно налаживается быт, жизнь приобретает некую устойчивость, и вопрос о перемене местожительства для многих теряет актуальность. Во второй половине 20-х и в 30-е годы перемещения эмигрантов вызваны объективными экономическими трудностями или осуществляются по причинам индивидуального характера. Ученые приезжали в то или иное место по личному или официальному приглашению на определенную должность. Так, работавшего в Люблянском университете лингвиста А. В. Исаченко пригласили профессором русского языка и литературы в Братиславский университет, но место оказалось занятым, однако он остался преподавать в Высшей торговой школе и активно включился в научную жизнь Словакии. В Братиславу на философский факультет университета (по приглашению профессоров факультета) перешел в 1942 г. Н. О. Лосский, до того живший в Праге. Среди лиц, сменивших не одну страну, можно назвать Г. В. Вернадского и Г. В. Флоровского. Историк Г. В. Вернадский в ноябре 1920 г. оказался в Константинополе, через три месяца — в Афинах, еще через год получил приглашение в Чехословакию в качестве профессора Русского юридического факультета, сблизился там с евразийцами и подвел историческую базу под их доктрину. С 1925 г. возглавлял Семинар им. Кондакова, а в 1927 г. по рекомендации М. И. Ростовцева и американского слависта Ф. Голдера получил приглашение

в Йельский университет. В Америке Вернадский преподавал также в Гарвардском, Колумбийском и Чикагском университетах[79]. В чем-то сходна судьба философа и богослова Г. В. Флоровского, в 1920 г. выехавшего в Софию; в 1921 г. он переехал в Прагу, преподавал на Русском юридическом факультете, был одним из основателей евразийства, но вскоре отошел от него; сблизился с философом С. Н. Булгаковым (жил в Праге в 1922–1925 гг.), и по его приглашению в 1926 г. занял место профессора патрологии в Православном богословском институте в Париже. Вторая мировая война застала его в Швейцарии, 1941–1944 гг. он провел в Белграде, затем вернулся в Прагу, из которой в декабре 1945 г. вылетел во Францию. В 1948 г. получил место профессора Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке, а также преподавал в Колумбийском и Гарвардском университетах и других учебных заведениях[80].

Что касается большинства ученых, закрепившихся в межвоенный период в славянских странах, то для многих из них проблема переселения вновь возникла в последний период Второй мировой войны и вскоре после ее окончания. В странах, попавших в сферу политического и идеологического влияния СССР, части эмигрантов было возвращено советское гражданство. Некоторые воспользовались этим и вернулись на родину (как, например, внук Л. Н. Толстого И. И. Толстой с сыном Н. И. Толстым[81], К. В. Флоровская и др.) — их судьбы сложились по-разному. Другие (как А. В. Флоровский) решили не рисковать и остались на прежних местах. Тем, кто не получил «индульгенции» от советской власти, пришлось паковать чемоданы и искать новое убежище, подальше от границ соцлагеря.

Для повторной эмиграции чаще всего выбирались США. Можно предположить, что в разоренной войной Европе русским ученым труднее было найти хорошо оплачиваемую работу и приличные условия для жизни, чем в Америке, находившейся на подъеме экономического развития и активно расширявшей (как в научных, так и в политических целях) изучение славянской, прежде всего — русской, проблематики. Так, известный философ Н. О. Лосский, профессор философии (с 1922 по 1945 г.) Пражского и Братиславско-

[79] *Соничева Н.* Вернадский Георгий (Джордж) Владимирович // Русское зарубежье… С. 143.

[80] *Бычков С., Колеров М.* Флоровский Георгий Васильевич // Русское зарубежье… С. 653–655.

[81] См.: *Косик В. И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? С. 59.

го университетов после войны пересек океан и стал профессором русской Духовной академии в Нью-Йорке[82]. Историк С. Г. Пушкарев с 1924 г. живший и работавший в Праге (в Русском свободном университете и Чешской Академии наук), в 1949 г. выехал в США[83]. С 1945 г. Д. Н. Вергун (с 1922 г. работавший в Праге) стал профессором университета в Хьюстоне (США)[84]. Не столь далекое путешествие совершил специалист в области религиозного искусства Н. Е. Андреев (в конце 30-х – 1945 г. возглавлявший Институт им. Кондакова в Праге) — он пересек Ламанш и стал профессором университета в Кембридже[85].

Кто не успел или не смог вовремя уехать, были арестованы советскими спецслужбами (в числе арестованных в Чехословакии оказался А. Л. Бем[86] — о его дальнейшей судьбе можно только догадываться; пострадали даже те, кто имел чехословацкое гражданство). Был депортирован в СССР и погиб в заключении профессор университетов в Любляне и Скопле историк А. К. Елачич[87]. Но угроза иногда исходила и от другой стороны. После прекращения межгосударственных отношений СССР и Югославии многие русские эмигранты были высланы из страны[88], которая в предыдущие десятилетия оказывала им гостеприимство в роли радушной хозяйки. Так, среди других должен был бы покинуть Югославию Г. А. Острогорский, но благодаря вмешательству сербских коллег он был исключен из списка высылаемых[89]. Е. В. Спекторский после Второй мировой войны провел некоторое время в лагере для перемещенных лиц в Триесте, затем отправился в США (где принимал участие в создании русской Духовной академии им. св. Владимира)[90]. Аресту и тюремному заключению в Югославии подвергся А. В. Соловьев. После освобождения в 1951 г. он вынужден был уехать в Швейцарию (преподавал в Женевском

[82] *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. С. 146.

[83] Там же. С. 158.

[84] Там же. С. 122.

[85] Там же. С. 114.

[86] *Горяинов А. Н.* В России и эмиграции… С. 235.

[87] *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. С. 129. По уточненным данным, Елачич скончался 24 октября в Белграде (см.: Арсеньев А. Б. Вклад русских эмигрантов в культуру, науку, экономику Сербии // Русские в Сербии. Белград. 2009. С. 213)

[88] *Сибинович М.* Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века… С. 13.

[89] *Косик В. И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? С. 147.

[90] Там же. С. 148.

университете (1953–1960) русскую историю и литературу и продолжал исследования по истории сербского права)[91].

Мы сознательно не анализировали научную деятельность представителей русской эмиграции, не рассматривали результаты их исследований, не перечисляли основные публикации — это предмет отдельного изучения. Нам представлялось важным акцентировать внимание на проблеме передвижений в эмигрантской среде. Обладая неполными, неточными, в целом — довольно скудными данными, сложно получить четкое представление о причинах, характере, условиях перемещений эмигрантов. В каждом конкретном случае объяснение своих решений и действий мог бы дать только сам эмигрант, но, к сожалению, в сохранившихся дневниках, мемуарах и письмах далеко не всегда имеются прямые указания на мотивы поступков. Зачастую приходится пользоваться косвенными данными и сопоставлять их с официальными документами. Мы не стали прослеживать все судьбы ученых-гуманитариев, ограничившись лишь некоторыми вполне типичными и показательными примерами. На этом основании можно сделать предварительные, не претендующие на абсолютную точность выводы.

Массовый исход ученых из России наблюдался в 1920–1922 гг., наибольшая интенсивность их миграции по Европе приходится на 1922–1923 гг., в последующие годы снижается. Переезды ученых из одной страны в другую (зарубежная миграция) и из города в город в пределах страны (внутренняя миграция) не были массовыми и носили индивидуальный характер. Это связано, прежде всего, с профессиональной деятельностью интеллектуальной элиты — определенной сферой интересов в исследовательской области и преподаванием соответствующих дисциплин в высших учебных заведениях. Востребованность таких специалистов была невысокой и могла обеспечить занятость лишь небольшой части русских научных сил за рубежом. Остальные в поисках средств к существованию пересекали границы, довольствуясь на первых порах любой работой, дающей заработок. Небольшая материальная помощь эмигрантам со стороны правительственных и общественных организаций не решала жизненно важных проблем.

Известные науке биографические сведения об ученых-эмигрантах позволяют с достаточной точностью проследить марш-

[91] Там же. С. 149.

руты их передвижений, вначале представлявших собой довольно хаотичную картину. Большинство ученых воспринимали, например, Константинополь как «перевалочный пункт» и не собирались там задерживаться (внешний фактор — установление советско-турецких дипломатических отношений — ускорил этот процесс). Многие, стремившиеся в Париж и Берлин, и славянские страны считали временным пристанищем, но для тех, кто изучал славянские народы, пребывание в этих странах становилось желательным. Таким образом, среди причин, вынуждавших к переездам в начальный период эмиграции, можно выделить в качестве главной необходимость трудоустройства. Факторами, способствовавшими выбору направления переселения, служили: 1) приглашение на конкретную должность; 2) материальные средства, выделяемые на переезд и устройство на новом месте; 3) близость к родине; 4) близость к Западной Европе; 5) во многих случаях — благожелательная славянская среда.

Первый этап метаний и поисков был, к счастью, кратковременным. За ним последовала полоса целенаправленных переездов с учетом профессиональных интересов в качестве основного мотива. Это было обусловлено: 1) наличием вакантных мест в высшей школе принимающих стран и в учебных заведениях и научных организациях, созданных русской эмиграцией; 2) знанием местных языков; 3) предоставлением льгот, материального обеспечения, решением жилищных проблем и проч. «Приливы» и «отливы» научной эмиграции в разных странах и городах в первой половине 20-х годов отражают сложный процесс поиска учеными благоприятных условий для жизни, преподавательской работы и научной деятельности.

Затем наступает период стабилизации. Крупные научные силы сосредоточиваются в Чехословакии, Югославии, Болгарии, где формируются научные центры и ученые-эмигранты пользуются правительственной финансовой поддержкой. Славистическая научная ориентация части из них и частичная переориентация в сторону изучения славянских народов большинства гуманитариев, поселившихся в славянских странах, закрепили их выбор местожительства. Некоторые приняли гражданство стран проживания. В дальнейшем наблюдаются отдельные случаи переездов, связанные с индивидуальными приглашениями (и, видимо, с предоставлением лучших условий).

Наряду с субъективными, имели место объективные причины перемещений — в период экономического кризиса наблюдается не-

который отток русских научных сил из Европы). Внешние факторы воздействовали на вторичную эмиграцию ряда ученых из стран, оказавшихся в сфере влияния СССР после Второй мировой войны, и из Югославии в период советско-югославского конфликта. Послевоенная разруха стран Европы сделала более привлекательными для эмигрантов другие континенты, прежде всего — Америку. Впрочем, повторная эмиграция, как правило, предполагала сразу же предоставление работы по профессии (и нередко — в нескольких местах).

В целом, миграционные процессы в среде русских деятелей науки, эмигрантов первой волны в межвоенный период привели к тому, что ученые и университетские преподаватели со временем органично вписались в науку и образование принявших их стран и внесли большой вклад в эти сферы, оставаясь при этом русскими патриотами, сохраняя и преумножая лучшие традиции русской науки и культуры.

А. Н. Горяинов

Панорама жизни русских эмигрантов в Болгарии ***(по воспоминаниям И. В. Матвеевой)***

Вот уже без малого двадцать лет российские ученые интенсивно изучают феномен русской эмиграции. Они обследуют отечественные архивы, изучают письменные источники за рубежом и беседуют с осевшими там, очень уже немногочисленными эмигрантами «первой волны» и их потомками... Гораздо меньшего внимания удостаиваются эмигранты и их дети, оказавшиеся в России. А их вернулось довольно много, в середине 1950-х годов, в годы «оттепели» этим людям было разрешено поселиться в Отечестве, и они рассеялись по самым разным местностям, занялись самыми разными видами трудовой деятельности, молодежь получила образование в советских средних и высших учебных заведениях.

На своем жизненном пути мне довелось встретиться с несколькими такими реэмигрантами. Последние из этих встреч произошли совсем недавно, в начале XXI века. Я поддерживаю контакты с некоторыми бывшими эмигрантами, а теперешними москвичами, очень пожилыми людьми, пенсионерами, но большинства моих знакомых уже нет в живых...

Мои знакомцы в свое время приехали из Болгарии. Они нередко вспоминали о жизни русских эмигрантов в этой стране, о перипетиях, связанных с отъездом в СССР и обустройством в Отечестве. К сожалению, я не удосужился записывать их воспоминания, а сами они, несмотря на мои уговоры, не сочли возможным заняться этим важным для истории эмиграции делом. Исключением стала Инна Валентиновна Матвеева (1915–2004), прожившая полвека в Москве, но вынужденная в 2002 г. в связи с преклонным возрастом переехать на жительство к дочери в Англию. По моей просьбе она в самом конце своей многотрудной жизни написала и прислала из британского города Челтенхема несколько мемуарных текстов, в совокупности дающих весьма разностороннее представление о жизни русских эмигрантов в Болгарии.

Часть мемуаров И. В. Матвеевой удалось напечатать в ежегоднике Института славяноведения «Славянский альманах»[1]. По вос-

---

[1] *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний / [Вступления, публикации и комментарий А. Н. Горяинова] // Славянский альманах, 2003–2004. М., 2004. С. 491–516; 2005. С. 513–533.

поминаниям о священнике А. А. Ливене в 2004 г. было подготовлено сообщение, опубликованное в г. Мышкин Ярославской области[2]. Однако, значительная часть текстов, несомненно, представляющих большой интерес, осталась в архиве автора настоящей статьи, и, по всей вероятности, у дочери Инны Валентиновны (многие очерки были получены в виде ксерокопий с рукописей).

Обобщить мемуарные тексты И. В. Матвеевой и должна настоящая работа. В ней кратко характеризуются опубликованные части воспоминаний, и более подробно сообщается о содержании неопубликованных мемуарных отрывков. Приведу названия текстов И. В. Матвеевой:

Трудовая деятельность русских эмигрантов до войны 1939 г.

Организации взрослых и детей (в кратком и пространном вариантах).

Шпионы из СССР в Болгарии.

Период войны.

Постановка русского национального образования (в кратком и пространном вариантах).

О русских студентах-эмигрантах.

Культурная жизнь софийских эмигрантов «первой волны».

Русские библиотеки в Софии (в кратком и пространном вариантах).

Русская церковь в жизни русских эмигрантов в Софии (в кратком и пространном вариантах).

Отец Андрей Ливен.

И. В. Матвеева писала и присылала мемуарные тексты вперемешку, по принципу «что вспомнилось». Ныне они выстроены в некоей логической последовательности, которой автор статьи будет придерживаться в дальнейшем изложении.

Начать целесообразно с очерка о трудовой деятельности эмигрантов. Он опубликован[3], и потому остановимся только на его наиболее интересных моментах. Открывается мемуарный текст характеристикой жизни болгар на их родине в 1920-е годы. И. В. Матвеева кратко описывает нравы и обычаи болгарского населения: по ее

---

[2] *Горяинов А. Н.* Светлейший князь Андрей Александрович Ливен и его священническое служение в Болгарии // Учемский сборник. Вып. 6 (на обл. и тит. л. ошибочно: вып. 5). Материалы научной конференции... Мышкин, 2005. С. 39–47.

[3] См.: Славянский альманах, 2003. М., 2004. С. 493–502.

мнению, болгары в начале 1920-х гг. еще «не до конца освободились от привычек, сложившихся при турецком господстве»[4], она подчеркивает, что распространенная в Западной Европе и принятая среди российских горожан одежда, а также поведение эмигрантов, особенно женщин, казались им странными и непонятными. Вот один из характерных примеров, приводимых мемуаристкой: она вспоминает, что особенное возмущение болгарок вызывали красивые нижние женские юбки эмигранток. Их назначение защищать от нескромных глаз то, что можно было бы увидеть через полупрозрачное платье, воспринималось, как некий знак вседозволенности. И. В. Матвеева пишет, что, увидев на русской женщине более нарядную, чем верхнее платье, нижнюю юбку, болгарки зачастую возмущенно кричали «Смотрите, они приехали соблазнять наших мужей!», а эмигранток из России часто называли «развратная русская»[5]. Мемуаристка вспоминает о случае изнасилования в болгарской полиции дочери русского генерала, вынужденной зарабатывать на жизнь работой в русском ресторане, о слежке полицейских за русскими мужчинами, провожавшими по вечерам эмигранток. В то же время она отмечает, что у эмигрантов «были искренние друзья, особенно среди болгарской интеллигенции»[6], и что русские «постепенно приспосабливались к стране, местному населению и новой жизни»[7].

По подсчетам исследователя истории русской эмиграции «первой волны» на Балканах М. Йовановича, в конце 1921 г. в Болгарии находилось 35–36 тыс. русских эмигрантов[8]. Это были преимущественно люди образованные (согласно данным Йовановича, в 1920–1925 гг. только найти работу через Бюро труда Всероссийского земского союза в Болгарии пытались 65% лиц со средним и 6,6% лиц с высшим образованием[9]) и заинтересованные в первую очередь в получении должностей, связанных с умственным трудом. Между тем, в 1920–1925 гг. количество предлагавшихся эмигрантам рабочих мест в 96,2% случаев было связано с использованием их физического труда[10]. Об этом несоответствии пишет и И. В. Мат-

[4] Там же. С. 493.

[5] Там же. С. 494–495.

[6] Там же. С. 495.

[7] Там же. С. 496.

[8] *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М., 2005. С. 123.

[9] Там же. С. 143.

[10] Там же. С. 390.

веева, которая отмечает, что обычно мужчины-эмигранты начинали с того, что находили работу, связанную с физическим трудом. Она сообщает об эмигрантах-земледельцах, положивших начало в Болгарии дублению овечьих шкур и изготовлению из них дубленок, об освоении эмигрантами шахтерской профессии, их работе в жилищном и коммунальном строительстве (прокладка в Софии трамвайных путей и строительство водопровода), в виноделии, в кустарном производстве (печное дело, производство мебели, колбас). Мемуаристка вспоминает о смекалке русского эмигранта Максимовича, разбогатевшего на торговле «так хорошо известной в России соленой сельдью», «вкуса которой болгары не знали»[11]. Русские занимались также торговлей дешевой рабочей и подержанной одеждой, для снабжения такой одеждой русских эмигрантов по инициативе Российского (в изгнании) Красного Креста в Софии было создано даже специальное предприятие, с иронией названное организаторами «Центрохлам», бесплатно получавшее ношеную одежду и обувь из США, и, после ремонта и утюжки, продававшее ее по минимальным ценам русским беженцам. Беженки из России создавали домашние столовые, становились портнихами.

Из лиц умственного труда в наиболее тяжелом положении оказались в Болгарии, по свидетельству И. В. Матвеевой, представители технической интеллигенции. Она пишет, что «инженеры были там никому не нужны в виду слабого развития болгарской промышленности»[12] и свидетельствует, что инженеры различных специальностей были вынуждены большей частью переквалифицироваться в землемеров. Некоторые представители инженерных специальностей, как пишет мемуаристка, занялись также модернизацией в Софии печного отопления, они изобрели новые печи для вновь строящихся в болгарской столице на месте одноэтажных частных домов кооперативного трех- и четырехэтажного жилья.

Большая группа русских эмигрантов стала учителями. В болгарских гимназиях эмигранты часто преподавали обязательный для учащихся русский, а также иностранные языки. Знание иностранных языков давало русским верный заработок и помимо гимназий. Известностью пользовался генерал русской армии Р. И. Термен, который давал болгарам, и даже иностранным дипломатам, рабо-

---

[11] Славянский альманах, 2003. М., 2004. С. 498.

[12] Там же. С. 497.

тавшим в Софии, частные уроки французского. «Термен применял при занятиях оригинальную методику, которая давала хорошие результаты. Я училась у него, когда была гимназисткой, и знаю это на собственном опыте» — пишет И. В. Матвеева[13].

Наиболее подробно Матвеева останавливается на работе в Болгарии русских врачей, которые, пожалуй, оказались одной из немногих в стране профессиональных групп эмигрантов, не подвергшихся социальному деклассированию и резкому падению по социальному статусу[14]. Она пишет о медиках, добившихся популярности или внесших определяющий вклад в искоренение в стране бешенства, венерических болезней, в борьбу с туберкулезом, сообщает интересные подробности работы оказавшегося в Софии русского военного госпиталя, превратившегося со временем в гражданскую больницу, где лечились преимущественно эмигранты. Приводятся в мемуарах и примеры резкого понижения социального статуса эмигрантов, главным образом офицеров Добровольческой армии: один известный И. В. Матвеевой русский полковник был садовником и выполнял обязанности слуги в английской семье, другой полковник торговал ветчиной и колбасами собственного изготовления, жена начальника Северо-Кавказской железной дороги занималась уборкой квартир.

Подробности трудовой деятельности эмигрантов, сообщаемые И. В. Матвеевой, интересны как свидетельства очевидца, но они, в общем, подтверждают сложившееся в науке представление о занятиях и социальном статусе эмигрантов. Несколько иное впечатление оставляют ее мемуарные тексты, относящиеся к политической деятельности эмигрантов — очерки «Организации взрослых и детей», «Шпионы СССР в Болгарии», «Период войны». Инна Валентиновна, будучи гимназисткой, училась в одном классе с Н. Кончиновой, дочерью приятельницы руководителя Российского общевоинского союза (РОВС или, как его название сокращает И. В. Матвеева, ОВС) генерала Ф. Ф. Абрамова, бывала у нее дома. «Мы дружили, и многое [из того], что я буду рассказывать в дальнейшем, я узнавала от Нины...» — пишет мемуаристка[15]. Она основывается также

[13] Там же. С. 500.

[14] В мемуарах И. В. Матвеевой почти нет сведений о немногочисленной (около 80 чел.) группе русских профессоров Софийского университета и нескольких других высших болгарских учебных заведений, а о русской культурной элите она пишет в очерке о культурной жизни эмигрантов.

[15] *Матвеева И. В.* Организации... Л. 1.

на личном опыте общения с РОВС и на рассказах активиста РОВС И. Б. Федоренко, с которым познакомилась в апреле 1934 г. на свадьбе Н. Кончиновой.

И. В. Матвеева сообщает малоизвестные сведения о личной жизни руководителя РОВС Ф. Ф. Абрамова. Она пишет, что у Абрамова была «дама сердца» — немка. Он был в дружеских отношениях с семьей зубного врача А.С. Кончиновой — матери Нины, бывал у Кончиновых по четвергам на журфиксах, которые посещались также узким кругом близких знакомых генерала.

РОВС располагался в д. № 17 на ул. Оборище в Софии. Это была военно-политическая структура, которая, по словам И. В. Матвеевой, следила за политическими настроениями эмигрантов и разными способами, иногда оказывая на людей прямое давление, привлекала в свои ряды не только участников белого движения, но и гражданских лиц. Мемуаристка рассказывает о давлении, которое оказывалось на ее семью с целью вовлечь в РОВС сначала ее отчима, военного врача В. В. Матвеева, а затем привлечь к работе с взрывчатыми веществами и к изготовлению бомб саму Инну Валентиновну. Она пишет, что под контролем РОВС находился Студенческий союз русских эмигрантов, через который была организована помощь студентам в виде взносов за них платы за учебу, и после первого семестра обучения ее лишили этой помощи в виду нежелания В. В. Матвеева вступать в РОВС. «Когда я была студенткой по химии, — сообщает мемуаристка, — однажды меня пригласили зайти в ОВС. Там мне предложили, как химику, разобраться в рецепте изготовления бомбы, изготовить ее для засылки в СССР. Я разыграла роль кисейной барышни, боявшейся всякого взрывчатого вещества, и, несмотря на угрозы, все же отказалась делать бомбу»[16]. Следствием стала попытка РОВС добиться исключения Инны Валентиновны из Софийского университета. «Какой-то представитель Корпорации русских студентов явился в деканат и потребовал исключить меня из университета (об этом мне рассказала секретарь декана) — вспоминает И. В. Матвеева. — У декана не было оснований для выполнения требования РОВС'а, и я осталась студенткой. Тогда РОВС обратился по моему "делу" к ректору, утверждая, что я неблагонадежна и не успеваю в учебе. Однако мнение эмигрантской организации ректора интересовало мало. Он затребовал мои документы, увидел мои оценки, навел справки обо

[16] Там же. Л. 2–3.

мне в болгарских студенческих организациях и, как ранее декан, не нашел никаких оснований для моего исключения. Тем не менее, наша семья продолжала оставаться у РОВС'а под подозрением»[17].

Бомба, которую хотели заставить делать И. В. Матвееву, должна была быть, по всей вероятности, доставлена в СССР через советско-польскую границу. Об одном из «окон» в этой границе, находившемся под контролем РОВС, Инна Валентиновна узнала от близкого знакомого семьи Матвеевых, бывшего офицера царской армии Василия Евдокимовича. «В СССР ходоки попадали через лесную территорию когда-то большого имения, которое после 1917 года оказалось на территории Польши, а большая часть леса осталась на территории СССР» — сообщает мемуаристка[18]. Василию Евдокимовичу, который когда-то долгое время жил в этом имении, было поручено заменить умершего в 1936 г. лесничего, связанного с РОВС. По словам Матвеевой, Василия Евдокимовича, находившегося уже в преклонном возрасте и не отличавшегося хорошим здоровьем, в ее семье уговаривали отказаться от поручения, но он «так зависел от ОВС, что не мог отказаться...»[19]. Приступить к выполнению задания ему все же не пришлось: у него началось заражение крови, и он скончался.

Другие организации русских эмигрантов, о которых какие-то более или менее существенные сведения сообщает И. В. Матвеева — «Молодая Россия», «Национальный союз русской молодежи» (после Второй мировой войны был переименован в «Народно-трудовой союз» — НТС), а также кружок эмигрантской молодежи, в котором работала секретарем сама мемуаристка. Это были объединения второго поколения эмиграции, той самой эмигрантской молодежи, к которой принадлежала и Инна Валентиновна. Исследователи отмечают разнородность и эклектизм принципов, на которых базировались две первых организации, приверженность «младороссов» к монархическим идеям, а сторонников «Национального союза»... — к идее «трудового солидаризма», представляющей собой одно из течений христианского социализма в смеси с национальными идеями тех же монархистов и сторонников РОВС[20].

---

[17] Славянский альманах, 2004. М., 2005. С. 517–518.

[18] *Матвеева И. В.* Организации... Л. 2.

[19] Там же.

[20] *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах... С. 58–63.

Инна Валентиновна уточняет возрастной состав членов «Молодой России» и «Национального союза русской молодежи». По ее наблюдениям, в них состояли в Болгарии люди не только молодого, но и среднего возраста. Она отмечает также немногочисленность «младороссов» и их непопулярность в Софии, вспоминает, что в русской гимназии, где она училась, их были только единицы. Как пишет мемуаристка, организация состояла, в основном, из служащих. Ее сторонники «были из "благородных" семей — титулованные лица и дворяне»[21].

В согласии с историками эмиграции И. В. Матвеева пишет о поддержке «Молодой Россией» притязаний на российский трон великого князя Кирилла Владимировича. Она свидетельствует, что в связи с появлением в Софии «младороссов» «участились и долго еще велись споры о правах Кирилла Владимировича на императорский престол», причем его противники «не могли еще забыть, что в дни революции в России он прицепил красный бант и приветствовал революцию». От членов же организации мемуаристка якобы слышала о сделанном Кириллом Владимировичем предложении И. В. Сталину «оставить советы народных депутатов на своих местах, а во главе государства поставить императора, конечно, в его лице»[22]. Так в ее сознании преломились, видимо, идеи лидера «Молодой России» А. Л. Казем-Бека о необходимости существования «монархической партии для советской среды» и лозунг «младороссов» «Царь и советы».

«Национальный союз русской молодежи» И. В. Матвеева оценивает как сугубо политическую организацию, в годы Второй мировой войны выступавшую на стороне фашистской Германии[23]. Она свидетельствует, что сразу же после вступления на территорию Болгарии советских войск за членами этой организации, в отличие от сторонников других молодежных организаций, советские спецслужбы «очень охотились». «Я лично знаю тех, кто был сначала задержан, а потом сослан в лагерь в СССР...» — пишет Инна Валентиновна. По ее словам, эти ее знакомые были осуждены на десять лет. «Те, кто выжил и вышел из лагеря, — пишет Матвеева, — жили недолго и погибли от туберкулеза»[24].

---

[21] *Матвеева И. В.* Организации... Л. 12.

[22] Там же.

[23] *Матвеева И. В.* Период войны... Л. 2.

[24] *Матвеева И. В.* Организации... Л. 12.

Наиболее подробно в воспоминаниях рассказано о деятельности молодежного кружка, в котором участвовала мемуаристка. Об этом кружке И. В. Матвеева, видимо, сообщает впервые, в литературе сведений о нем, насколько известно, нет. Рассказ Инны Валентиновны о кружке опубликован[25], поэтому отметим только, что кружок состоял приблизительно из 10 человек и, в отличие от других упомянутых в мемуарах организаций, его члены пытались составить непредвзятое представление о жизни в СССР, для чего пытались готовить доклады по материалам советской печати. «Намерение составить представление о родине по газетным материалам было, конечно, наивным; очень искренним, однако, являлось желание получить о родной стране объективную информацию» — пишет И. В. Матвеева[26]. РОВС попытался взять деятельность кружка под свой контроль, но потерпел неудачу, и тогда им занялся А. А. Браунер, один из руководителей тайной организации внутри Общевоинского союза «Внутренняя линия», член руководства «Национального союза русской молодежи» и одновременно руководитель III (Русского) отдела болгарской Дирекции полиции[27]. «Браунер обвинил нас в принадлежности к Коммунистической партии, — пишет Матвеева. — Мы, однако, смогли предварительно сговориться и твердо стояли на том, что репетируем спектакль в пользу студентов, не получающих стипендии... И хотя под видом репетиций мы провели еще несколько заседаний кружка, после спектакля деятельность его прекратилась, мы знали, что Браунер продолжает за нами следить»[28].

Другие организации, о деятельности которых вспоминает И. В. Матвеева, относятся к существовавшей на Балканах сети союзов и обществ, занимавшихся организацией досуга и воспитания детей, преследовавших цель облегчить их адаптацию к новым условиям существования. Некоторые подробности она сообщает о русской скаутской организации, которая была возрождена эмигрантами в начале 1920-х и просуществовала до начала 1930-х годов. Мемуаристка описывает скаутскую форму, сообщает о делении скаутов на возрастные группы «волчат» и собственно скаутов, о палаточном лагере в лесу,

[25] Славянский альманах, 2004... С. 518–519.

[26] Там же. С. 518.

[27] О его неблаговидной деятельности в среде эмиграции см.: *Пряишников Б.* Незримая паутина: ОГПУ–НКВД против белой эмиграции. М., 2004. С. 270–271.

[28] Славянский альманах, 2004... С. 519.

примыкающем к софийскому парку «Борисова градина», где скауты летом отдыхали, проводя время «в занятиях, играх, походах»[29].

Кратко мемуаристка характеризует военно-спортивную сокольскую эмигрантскую организацию, которая была родственна чехословацкому обществу «Сокол» и члены которой занимались гимнастикой[30]; организацию «Витязи», работавшую под эгидой американского Христианского союза молодых людей (ИМКА)[31]; созданную в середине 1930-х годов организацию гимназистов «Разведчики» с центром в Париже, которой покровительствовали великий князь Михаил Александрович и великая княгиня Ксения Александровна и члены которой придерживались монархических взглядов[32].

Деятельность эмигрантских политических организаций, прежде всего Российского общевоинского союза, постоянно привлекала внимание советских спецслужб. Работе в Болгарии советской разведки И. В. Матвеева посвятила специальный очерк, о ее деятельности она неоднократно пишет и в других мемуарных текстах. Особенно подробно сообщает Инна Валентиновна о проникновении советского разведчика в ближайшее окружение руководителя РОВС генерала Ф. Ф. Абрамова. Она пишет, что в 1930 или 1931 г. в Болгарии объявился молодой человек, якобы бежавший из Советского Союза в Германию, который представил Ф. Ф. Абрамову доказательства, что является его сыном Николаем. «Вся софийская колония только и жила появлением Н. Абрамова» — отмечает мемуаристка [33]. Н. Абрамов стал работать в авторемонтной мастерской, где показал себя хорошим специалистом. Кроме того, он быстро печатал на машинке, занимался фотографией. «Сын» руководителя РОВС вскоре стал активно «помогать» сотрудникам аппарата орга-

---

[29] *Матвеева И. В.* Организации... Л. 10. Подробнее о «Национальной организации русских скаутов» и ее болгарском отделе см.: *Окороков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945). М., 2000. С. 35–43.

[30] Там же. Л. 10. Подробнее о деятельности общества «Русский сокол» и ее болгарском отделе см.: *Окороков А. В.* Молодежные организации русской эмиграции... С. 5–35.

[31] Там же. Л. 10–11. Подробнее о русской национальной организации Витязей и ее болгарском отделе см.: *Окороков А. В.* Молодежные организации русской эмиграции... С. 53–59.

[32] Там же. Л. 11. Подробнее о «Национальной организации русских разведчиков» и ее болгарской части см.: *Окороков А. В.* Молодежные организации русской эмиграции... С. 43–53.

[33] *Матвеева И. В.* Организации... Л. 4.

низации. Он постоянно бывал в доме А. С. Кончиновой и в апреле 1934 г. женился на ее дочери Нине.

И. В. Матвеева описывает свадьбу в русской посольской церкви в Софии, на которой она присутствовала как подруга невесты. Далее она сообщает, что вскоре после свадьбы были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Болгарией, и в связи с этим «ОВС понадобилась помощь хорошего фотографа»[34]. Н. Абрамову неоднократно поручали делать снимки сотрудников посольства, но фотографии обычно оказывались неудачными, что вызвало подозрения. За Н. Абрамовым стали следить, заметили, что кто-то трогал служебные бумаги РОВС, выяснили, что Абрамов проявляет в лаборатории РОВС наряду со своими семейными фотопленками, которые он всем показывал, какие-то посторонние пленки.

Чтобы избежать скандала и не бросить тень на руководителя РОВС (среди членов организации существовало мнение, что Ф. Ф. Абрамов должен уйти в отставку), была устроена провокация в отношении жены советского разведчика. Нине Абрамовой устроили встречу с сотрудником итальянского посольства, уличенном ранее болгарской полицией в неблаговидных поступках. Подруга И. В. Матвеевой была обвинена в шпионаже в пользу Италии, и молодые Абрамовы подверглись высылке из страны.

В те же годы, что и «сын» генерала Ф. Ф. Абрамова, в Софию приехала с отцом-священником Таня Рыбальченко. Она стала одноклассницей И. В. Матвеевой, говорила, что ее семья бежала из СССР. Отец Тани, священник, вскоре стал служить в русской церкви и преподавать Закон Божий в русском лицее В. П. Кузьминой. Учащиеся пятого класса, подростки 14–15 лет, которых ему пришлось исповедовать в русской церкви перед Пасхой, вскоре заметили неумение нового законоучителя выслушивать исповедующегося и проводить церемонию отпущения грехов. «Этот случай заставил присмотреться к "священнику" Рыбальченко, да и уроки в лицее Кузьминой [ему] как-то не удавались, и как-то незаметно вся его семья исчезла» — отмечает И. В. Матвеева[35]. А в заключение она сообщает, что в 1955 г. в Ленинграде «случай свел Таню Рыбальченко с приехавшими туда эмигрантами из Софии». «Мне рассказали — пишет мемуаристка, — как смеялась Таня Рыбальченко, что ее — ком-

---

[34] Там же. Л. 5.

[35] Там же. Л. 8.

сомолку, и ее якобы отца — коммуниста так принимали в Софии» и «удивлялась наивности русских эмигрантов»[36].

Некоторые необычные суждения и вряд ли достоверные сведения приводит И. В. Матвеева об известной в эмигрантских кругах семье Солоневичей. Об этой семье она рассказывает довольно подробно, и начало ее рассказа, в общем, не расходится со сведениями, известными по литературе. «Больше всех говорил Боба, он так много рассказывал всего о жизни в СССР, что даже пришлось несколько раз снимать зал в здании "Славянская беседа". Зал битком набивался русскими беженцами. Боба и его брат Солоневичи выступали с описанием жизни в советских условиях. Говорили о коммунальных квартирах, об арестах, лагерях, а то и лагерях и расстрелах, о "врагах народа", доносах, и вообще о "прелестях советского быта". Они настолько откровенно все описывали, что нельзя было им не верить. Солоневичи влились в нашу эмигрантскую жизнь, всем интересовались и им многие доверяли, особенно разные эмигрантские организации» — вспоминает Инна Валентиновна[37]. Далее она приводит известный факт о взрыве на квартире Солоневичей, в результате которого, якобы, погибли Юрий, племянник Бориса (Бобы), сын его брата Ивана Лукьяновича Солоневича, жена Ивана Лукьяновича Т. В. Солоневич и «только что закончивший русскую гимназию Коля Михайлов»[38]. Память здесь изменила И. В. Матвеевой: среди погибших Юрия Солоневича не было, он скончался позднее.

Мемуаристка также пишет, что взрыв произошел дома у Солоневичей «во время изготовления бомбы. Куда и кому она предназначалась, установить не удалось, но братья Солоневичи пытались объяснить, что делали ее для Москвы, но им уже все вдруг перестали верить, все сознавали, что бомба предназначалась для русской эмиграции и ее организаций»[39]. В действительности, о взрыве в квартире Солоневичей писали многие эмигранты, но в литературе он считается делом советских спецслужб.

Самое же сенсационное утверждение в мемуарах И. В. Матвеевой состоит в том, что «после 1955 года, когда бывшие эмигранты оказались в СССР, кто-то случайно встретился с Бобой Солоневичем и тот смеялся над наивностью эмигрантов в Болгарии,

---

[36] Там же.

[37] Там же. Л. 7.

[38] *Матвеева И. В.* Шпионы из СССР в Болгарии. Л. 2.

[39] Там же. Л. 7.

не отрицая, что они — Солоневичи — были там со специальным заданием»[40]. Видимо, все же, мемуаристка здесь допустила ошибку и излагает слухи, распространившиеся среди эмигрантов о сотрудничестве Б. Л. Солоневича с советскими спецслужбами. Такие слухи имели место, и соответствующие обвинения даже были предъявлены Борису Лукьяновичу, что видно из статьи о фонде Солоневичей, хранящемся в Архиве-библиотеке Петербургского научно-исследовательского центра «Мемориал». В этом фонде, как пишет автор статьи, «хранится дело об обвинении Б. Л. Солоневича в контактах с советской разведкой. Оно включает открытые письма 1949 г. Бориса Лукьяновича в свою защиту и постановление «Суда чести» по этому делу»[41]. О содержании постановления в статье не сообщается, нет этих сведений и в других статьях сборника, в которых рассказывается о биографии и взглядах брата Б. Л. Солоневича Ивана. Другие сведения о Б. Л. Солоневиче также очень скудны. Известно, что он жил в Бельгии и пережил своего брата, скончавшегося в 1953 г. Дальше следы его теряются, дата его кончины неизвестна. Проверить утверждение И. В. Матвеевой о встречах вернувшихся в СССР эмигрантов с Б. Л. Солоневичем на родине не представляется возможным.

Вторая мировая война резко изменила как внешнеполитическую, так и внутреннюю обстановку в Болгарии, что весьма существенно отразилось на положении русских эмигрантов. И. В. Матвеева отмечает, что еще до нападения фашистской Германии на СССР в Софии среди эмигрантов зрело «отрицательное отношение к Германии, даже среди тех, кто не был раньше против Гитлера». Эмигранты осуждали налеты немецкой авиации на Лондон, узнавали о жертвах среди русских, эмигрировавших в британскую столицу, ставили в церкви свечи, молясь «о несчастных англичанах». По словам мемуаристки, болгарская полиция раскрыла среди эмигрантов группу мужчин, «работающую в пользу англичан в качестве осведомителей — шпионов», куда входили и лица среднего возраста, и студенты. Все эти люди были расстреляны[42].

После начала войны Германии с Советским Союзом в Болгарии увеличилось количество немецких солдат и офицеров, лечившихся

---

[40] Там же.

[41] Иван Солоневич — идеолог народной монархии: Материалы научно-практической конференции... СПб., 2004. С. 2.

[42] *Матвеева И. В.* Период войны. Л. 1.

после ранений. «Отдыхающие в Софии немецкие солдаты, — вспоминает И. В. Матвеева, — заводили романы с местными болгарками», но скоро «в парке стали находить зарезанных немцев», и общаться немцам с болгарками было запрещено[43].

Русская эмиграция, по словам Матвеевой, в это время раскололась: подавляющее большинство членов РОВС и ее руководители, члены «Национального союза русской молодежи» и «Национальной организации русских разведчиков» поддерживали фашистскую Германию, но у них было много противников. Последние выступали в защиту родины и призывали отложить сведение счетов с Кремлем до победы. В результате, когда в 1942 г. РОВС объявил о наборе добровольцев в Русский корпус, предназначенный для посылки на Восточный фронт, «в Софии таких добровольцев оказалось очень мало, просто единицы». Всего несколько десятков набралось, как пишет И. В. Матвеева, также русских добровольцев из числа солдат Добровольческой армии, обосновавшихся в сельской местности[44]. РОВС пришлось пойти на прямой обман для привлечения людей в корпус, но вскоре обман был раскрыт. Кроме того, корпус был направлен не в Россию, а в Югославию для охраны объектов военного значения от партизан. «Были, однако, и такие, — пишет Матвеева, — что в форме немецкого военного попали-таки на Восточный фронт. По имеющимся у меня сведениям, некоторые из них, побывав на фронте и в занятых немцами городах, кончали самоубийством, поняв, что пошли “не по тому пути”. Были и такие, что остались живы и вернулись в Софию, но после 9 сентября 1944 г. и прихода советской армии в Болгарию были арестованы и расстреляны советской властью»[45].

Весной 1943 г. всех молодых мужчин, отказавшихся вступить в воинскую единицу, сформированную в 1942 г. РОВС, болгарские власти отправили в лагерь. И. В. Матвеева пишет, что лагерники должны были строить дорогу, но кормили их очень плохо. Она рассказывает, что была знакома со студентом-медиком последнего года обучения В. Карамышевым, который смог при помощи начальника лагеря, которого лечил, три раза в летние месяцы 1943 г. посетить Софию и через мемуаристку получал для заключенных продукты, которые она закупала на черном рынке на собранные среди род-

[43] Там же.

[44] Там же. Л.2.

[45] Там же. Л.3.

ственников лагерников деньги. По словам Матвеевой, лагерь был закрыт осенью 1943 г., так как он не был приспособлен для жизни в зимнее время, и лагерники вернулись в Софию[46].

Важное место в жизни эмиграции занимала борьба за сохранение своей национальной идентичности и противодействие естественной ассимиляции эмигрантов, шедшей параллельно с их вживанием в новую среду обитания. Определяющую роль здесь играли русские школы и забота о сохранении в изгнании русской культуры. В воспоминаниях И. В. Матвеевой этим вопросам посвящены очерки «Постановка русского национального образования», «О русских студентах-эмигрантах», «Культурная жизнь софийских эмигрантов “первой волны”», «Русские библиотеки в Софии». Названные мемуары полностью опубликованы в «Славянском альманахе»[47], о русской культуре и науке русских эмигрантов в Болгарии имеется обобщающая статья[48], поэтому представляется возможным ограничиться в данной работе лишь их кратким резюме, преследующим цель обобщить сведения Инны Валентиновны.

В немногих существующих работах о русском национальном образовании эмигрантов в Болгарии[49] рассматривается целый ряд специфических проблем теоретического и методического плана, связанных со своеобразием жизненных условий, в которых находились изгнанники из России. В мемуарах Матвеевой эти проблемы почти не затронуты. Она пишет только о наличии среди эмигрантов многочисленных взрослых уже людей, сражавшихся в белых армиях и утерявших документы о среднем образовании либо не доучившихся в средней школе, об учебе их вместе с подростками из семей эмигрантов и о возникавших в связи с этим проблемах методического плана. Отмечена также такая особенность организации обучения, как совместная учеба мальчиков и девочек, что было вызвано

[46] Там же. Л.4–5.

[47] Славянский альманах, 2003... С. 503–513; Славянский альманах, 2004... С. 515–533.

[48] *Бирман М. А., Горяинов А. Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии // Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 173–193.

[49] См. например: Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Учебное пособие для студентов. М., [1994]. С. 78–118; *Горяинов А. Н.* Русская эмигрантскаая школа в Болгарии (1920-е годы) // Педагогика. 1995. № 1. С. 76–82; *Он же.* Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии // Культура Российского зарубежья. М., 1995. С. 140–153; *Он же.* Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии (1920–1930-е годы) // Славянский альманах, 1997. М., 1998. С. 182–195.

практической невозможностью организовать раздельное обучение, существовавшее в России до революции.

Основная часть воспоминаний Инны Валентиновны о русском национальном образовании посвящена тяжелому быту детей младшего возраста, находившихся в созданных эмигрантами детских садах и приютах, а также гимназистов, наиболее же подробно в них описан повседневный быт учащихся Софийской русской гимназии, где училась мемуаристка. И. В. Матвеева пишет о численности в классах учащихся, о помещениях, в которых были вынуждены заниматься гимназисты, о героических усилиях родительского комитета добиться для недостаточных учеников разного рода материальной помощи в оплате учебы, о пристальном надзоре за обучением русских детей болгарского Министерства народного просвещения. Она подробно описывает форму учащихся, сообщает об отсутствии у многих из них верхней одежды, рассказывает об особенностях внутреннего распорядка в гимназии, обусловленном необходимостью использовать классные комнаты после окончания занятий болгарских школьников. В мемуарах сообщается о сохранении в организации обучения таких традиций дореволюционной русской школы, как участие гимназии в церковной жизни, общая молитва гимназистов всех классов перед началом занятий, чтение молитв в классах, обращение учителей к учащимся на «Вы», приветствия учениками учителей, наказание учащихся стоянием в классе или в коридоре. Инна Валентиновна пишет о знамени Софийской русской гимназии с изображением ее покровителя, святого Николая Чудотворца, об участии гимназии в парадах софийских средних учебных заведений в Дни святых Кирилла и Мефодия, о приеме этих парадов царем Болгарии Борисом III.

В мемуарах приведен полный перечень изучавшихся в гимназии предметов, причем автор отмечает такие особенности программы занятий, как изучение болгарского языка, истории и географии Болгарии, расширенное по сравнению с дореволюционной Россией изучение естественных и технических дисциплин, обусловленное необходимостью считаться с экзаменационными требованиями университетов Западной Европы, куда многие учащиеся пытались поступать для получения высшего образования. И. В. Матвеева называет фамилии преподавателей гимназии, рассказывает об особенностях применяемой ими методики занятий, о применявшихся в гимназии учебных пособиях, отмечает наличие «приличной» школьной библи-

отеки и усилия учителей, пристально следивших за использованием ее школьниками при подготовке по литературе и другим предметам.

Особняком стоит абзац мемуаров, посвященный существовавшему в Софии частному лицею русского педагога В. П. Кузьминой, где И. В. Матвеева не училась, но о порядках в котором должна была иметь представление из рассказов своих друзей А. Мещерского и Н. Кончиновой, перешедших в разное время в Софийскую русскую гимназию. Мемуаристка крайне низко оценивает уровень знаний в лицее, пишет, что еще в России частное учебное заведение, которое основала и которым руководила Кузьмина, преследовало цель не качественного обучения, а обеспечения выпускников документами об образовании, что ее лицей в Болгарии должен был аналогичным образом готовить к дальнейшему образованию болгар. Наряду с болгарами в лицее обучали и детей эмигрантов, и для них обучение было бесплатным, но русским детям, по словам Инны Валентиновны, намеренно занижали оценки, чтобы понизить подозрительно большое количество отличников.

Сведения, сообщаемые в данном случае Матвеевой, не вызывают доверия. О высоком уровне преподавания в «Нормальной школе» В. П. Кузьминой и педагогическом мастерстве ее преподавателей, оказавшихся позже вместе с Кузьминой в Болгарии, вспоминает выдающийся отечественный астроном и геофизик, член-корреспондент АН СССР Н. Н. Парийский, который окончил школу Кузьминой весной 1918 г., когда она находилась в Анапе. По его словам, «Варвара Павловна была удивительно предприимчивым, честным и увлекающимся человеком»[50], а преподаватели школы С. С. Скрипицина, Е. С. Ангеницкая-Березанская и другие «были очень высокого класса»[51].

Не подтверждает оценок Инны Валентиновны и вернувшийся в середине 1950-х годов в СССР И. В. Дамров, учившийся в лицее В. П. Кузьминой в 1935–1942 гг. А в написанных по моей просьбе кратких воспоминаниях его сестры, тоже ученицы лицея Кузьминой Л. В. Никитиной[52] отмечаются насыщенность программы

[50] *Парийский Н. Н.* Из воспоминаний Н. Н. Парийского // *Парийский Н.Н.* Избранные труды. М., 2000. С. 219.

[51] Там же. С. 218.

[52] *Никитина Л. В.* Воспоминания о школьных годах и учебе в лицее мадам Кузьминой В. П. в г. Софии в Болгарии. Л. 1–6. Воспоминания хранятся в личном архиве А. Н. Горяинова.

лицея, высокие требования к выполнению домашних заданий, требовательность и одновременно тактичность Варвары Павловны, ее доброжелательность, любовь к ней лецеистов. «Обучение в лицее дало нам знания нескольких языков, хорошее воспитание, умение правильно вести себя в обществе и понятие о культуре» — пишет Л. В. Никитина[53].

В Болгарии, кроме Софийского университета, по существу не было других высших учебных заведений, причем даже в университете отсутствовало высшее техническое образование. Инна Валентиновна рассказывает о порядках в тех зарубежных вузах, куда обычно поступали студенты-эмигранты, о конкурсах аттестатов для абитуриентов, о квотах для русских студентов в Софийском университете. Она отмечает, что русские студенты университета обычно избирали агрономический, медицинский или филологический факультеты, чтобы получить профессии, которые были востребованы в Болгарии (русские, получившие филологическое образование, могли рассчитывать на получение мест учителей русского языка), что в первые годы изгнания русским студентам, учившимся в Болгарии, разрешалось общаться с преподавателями на русском языке, который профессора обычно хорошо знали. Мемуаристка объясняет факт почти полного отсутствия среди русских выпускников болгарских вузов ученых тяжелым материальным положением эмигрантов и необходимостью для них в связи с этим быстрее «встать на ноги». Тяжелое материальное положение вынуждало, по ее словам, некоторых студентов получать образование с большими перерывами: Инна Валентиновна приводит несколько случаев, когда студенты-эмигранты были вынуждены учиться «через год»: окончив один курс, они на следующий год не учились, а зарабатывали средства на существование и продолжение образования, затем вновь учились в течение года, и вновь прерывали учебу.

Общественную жизнь студентов-эмигрантов направляла Корпорация русских студентов, которой руководил ставленник РОВС, в ее ведении находились средства для помощи студентам в оплате обучения. Мемуаристка пишет об использовании Корпорацией имеющихся в ее распоряжении денежных средств и других материальных благ (например, студенческих общежитий) для давления на несогласных с политикой РОВС и других неугодных студентов.

[53] Там же. Л. 6.

Культурная жизнь эмигрантов, поселившихся в столице Болгарии, во многом определялась давними культурными связями между болгарским и русским народами. И. В. Матвеева пишет, что в Софийской народной опере даже болгарские актеры пели только на русском языке, среди артистов там было несколько популярных русских певцов из эмигрантов. В хоре и балете, вместе с болгарскими, работали также русские артисты. В Болгарию приезжали русские артисты-эмигранты, среди которых были Ф. Шаляпин, эстрадная певица Н. Плевицкая, исполнитель авторских песен А. Вертинский, хор под руководством С. А. Жарова, оказавшиеся за рубежом артисты Московского художественного театра. Артисты Художественного театра Н. О. Массалитинов и Е. Ф. Краснопольская обосновались в Болгарии и положили начало болгарскому театральному образованию. Мемуаристка отмечает популярность среди эмигрантов Театра русской драмы под руководством артистки Е. Н. Базилевич, пишет об особенностях постановок этого театра и распространения билетов на его спектакли, о его репертуаре.

Большое место в жизни эмигрантов занимало, по словам И. В. Матвеевой, кино. Она перечисляет шедшие в Болгарии фильмы (главным образом американские), упоминает также болгарский фильм о русской эмиграции «После пожара в России» по повести Пенчо Михайлова «Под землей», демонстрировавшийся в конце 1929 г. Большим событием в жизни эмигрантов была демонстрация в середине 1920-х годов русского документального фильма «Празднование 300-летия Дома Романовых в С.-Петербурге». Инна Валентиновна пишет о реакции русских на этот фильм, в котором одна из эмиграток увидела на экране среди депутатов Государственной Думы своего покойного мужа.

Событием для русских эмигрантов в Софии были ежегодные празднования «Дня русской культуры». Мемуаристка вспоминает об обычной программе этих празднований и отмечает, что «русская эмигрантская интеллигенция посещала торжественные заседания почти вся без исключения, участвовать в торжествах считалось очень престижным не только для русских, но и для болгарских артистов»[54].

В столице Болгарии эмигрантами было создано несколько русских библиотек. И. В. Матвеева была читательницей почти всех

[54] Славянский альманах, 2004... С. 523.

эмигрантских библиотек, книги из которых выдавались на дом, в том числе наиболее крупной Пушкинской библиотеки Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета. Она описывает помещения библиотек, рассказывает о количестве и составе их фондов, о работе их сотрудников, о вкусах читателей. Мемуаристка отмечает также, что многие дореволюционные русские журналы имелись в болгарских «читалищах», там они выдавались на дом. Были и другие источники получения русских книг для прочтения: русские букинисты, а также выдача книг для прочтения за плату (два эмигранта занимались этим специально).

После вступления на территорию Болгарии осенью 1944 г. советских войск Пушкинская библиотека была, по свидетельству И. В. Матвеевой, «формально конфискована, а фактически разграблена. Всю ее растащили советские солдаты и офицеры, добравшиеся до совсем неизвестной им и такой увлекательной эмигрантской литературы»[55].

Среди чинов русской белой армии, прибывших в Болгарию, было много военных инвалидов. Для них был организован в окрестностях Софии инвалидный дом. И. В. Матвеева вспоминает, что постепенно дом превратился в приют не только военных, но и гражданских престарелых эмигрантов, даже нетрудоспособных семейных пар. Когда мест в инвалидном доме не хватало, вблизи него арендовались для инвалидов комнаты у местного населения[56].

Русские эмигранты «первой волны» были воспитаны на родине в православных традициях, и убежищем в их горестях и страданиях стала православная церковь. Хорошо упование на Бога и душевное состояние эмигрантов выражено в стихотворении неизвестного автора из альбома великой княжны Ольги Николаевны, приложенное И. В. Матвеевой к воспоминаниям:

Пошли, нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о, Боже Правый,
Злодейство ближнего прощать

[55] Там же. С. 524–525.

[56] *Матвеева И. В.* Русская церковь в жизни русских эмигрантов в Софии. Л. 5.

И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья
Христос спаси и помоги!

Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, страшный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

Важнейшим центром духовной жизни эмигрантов стала русская православная церковь. Болгары исповедовали православие, но между русской и болгарской православными церквами еще с 1870-х годов существовали некоторые трения. После провозглашения в 1870 году автокефальности болгарской церкви Вселенский (Константинопольский) патриарх объявил болгар схизматиками. Русская церковь не одобряла этот шаг, но, не желая обострять отношения с Константинополем, старалась соблюдать в данном вопросе нейтралитет. После революции позиция русских иерархов, возглавивших русскую православную церковь в изгнании, не изменилась. Синод русской зарубежной церкви с местопребыванием в Югославии, сторонником которого был глава русских церковных общин в Болгарии архиепископ Серафим (Соболев), поддерживал сложившуюся традицию. Хотя русская зарубежная церковь и приняла решение о каноническом общении русского духовенства с болгарским, некая духовная граница между двумя церквами продолжала сохраняться и после этого решения[57]. В сложившихся условиях было, видимо, закономерным тяготение русской эмиграции к своей, независимой от болгарского духовенства, русской церкви. Русские церковные общины возникли в целом ряде населенных пунктов Болгарии.

[57] См.: *Любенова Л.* Някои аспекти на българо-руските църковни отношения в периода между двете световни войни // България и Русия през ХХ век: българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 84–93.

В мемуарном очерке «Русская церковь в жизни русских эмигрантов Софии» И. В. Матвеева рассказывает о деятельности русского духовенства в Софии, где она жила, училась и работала. Она отмечает при этом, что не все эмигранты признавали правильными решения синода в Сремских Карловцах, сторонником которого был архиепископ Серафим, «были сторонники Антония и сторонники Евлогия»[58]. Впрочем, канонические разногласия массу эмигрантов, видимо, интересовали мало. Инна Валентиновна признается, что точно не знает, в чем заключалась суть раскола, но отмечает, что он все же привел к известному расслоению в эмиграции, «некоторые люди продолжали общение, но никогда не говорили между собой о принадлежности к одной из групп, чтобы не прерывать знакомства»[59]. Отразился раскол и на положении некоторых священников-эмигрантов: Матвеева вспоминает, что вынужден был прекратить служение в посольской церкви бывший протопресвитер русской армии (то есть глава военного и морского духовенства России) Георгий Шавельский, он перешел в болгарский храм «Святой Седмочисленици», за ним туда перешли некоторые прихожане русской церкви[60].

Сложности в отношениях между русской и болгарской церквами все же не мешали болгарским церковным властям оказывать русской церкви значительную и разнообразную помощь. И. В. Матвеева свидетельствует о такой помощи, оказанной софийским митрополитом Стефаном. Митрополит, по ее словам, также интересовался религиозным воспитанием в Софийской русской гимназии, присутствовал там на экзаменах по Закону Божию[61].

Центром духовной жизни эмигрантов в Софии первоначально был храм бывшего русского посольства в Болгарии во имя святого Николая Мирликийского. Он также являлся местом общения эмигрантов и просто местом их встреч. «...после богослужения, обычной воскресной или праздничной обедни, во время которой церковь была полна молящимися, многие по выходе из храма оставались стоять вдоль ограды...: одни ожидали знакомых, выходящих из храма; другие просто стояли, ожидая, что кто-то, может быть, их ищет» — пишет мемуаристка[62].

---

[58] *Матвеева И. В.* Русская церковь... Л. 4. О сущности разногласий см. например: *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. М., 1992. С. 143–215.

[59] *Матвеева И. В.* Русская церковь... Л. 4.

[60] Там же.

[61] Там же. Л. 7.

[62] Там же. Л. 1.

Посольский храм (его внешний вид и внутреннее убранство в мемуарах описаны очень подробно) был, как пишет И. В. Матвеева, небольшим и не мог во время больших церковных праздников вместить всех молящихся эмигрантов. Она отмечает, что поэтому во время праздника Пасхи в церкви служил архиепископ Серафим, а настоятель храма совершал заутреню на открытом воздухе, в посольском саду. В посольском храме совершались «все требы русских эмигрантов, [такие], как свадьбы, панихиды, молебны, отпевания и крещение» — подчеркивает мемуаристка[63]. После установления в 1934 г. дипломатических отношений между Болгарией и СССР и передачи советским дипломатам зданий советского посольства русский посольский храм был закрыт. Однако богослужения русских священников продолжались в предоставленном эмигрантам храме, тоже во имя св. Николая, на улице «Царь Калоян». Часть эмигрантов охотно посещала собор во имя Александра Невского, «где пел прекрасный смешанный хор под руководством Апостола Николаева, и среди певчих было много русских[64].

Русские учебные заведения в Софии, старавшиеся воспитывать детей в приверженности к православию, были тесно связаны с русской церковью. И. В. Матвеева вспоминает, что для учащихся Софийской русской гимназии посещение храма в учебные дни во время обедни было обязательным, и в случае отсутствия гимназиста родители «должны были мотивировать это запиской на имя классного наставника»[65]. Перед Пасхой «говела вся гимназия, сначала младшие классы, на другой день старшие»[66], причем гимназистов исповедовали священники русского храма. В праздник Вербного воскресенья гимназистам было поручено вязать и продавать в пользу храма пучки вербы, украшенные искусственными цветами, которые изготавливались самими гимназистами из цветной бумаги. На обеднях и в дни святого Николая Чудотворца, покровителя гимназии, в храме пел гимназический хор. «Когда предполагалось отметить юбилей [композитора П. И.] Чайковского, — пишет И. В. Матвеева, — гимназический хор изучил все песнопения литургии Чайковского, и исполнял их во время службы в церкви»[67].

[63] Там же. Л. 3.
[64] Там же. Л. 6.
[65] Там же.
[66] Там же.
[67] Там же.

Иногда религиозное воспитание настолько сильно воздействовало на учащихся, что приводило к трагедиям. Инна Валентиновна рассказывает об одном таком случае: ученица французского колледжа в Софии Галина Везенкова, девочка, «преданная России и русской культуре», «преклонялась перед Есениным», и когда узнала, что поэт покончил с собой, то есть, по церковным установлениям, совершил смертный грех, решила в 16 лет постричься в монахини, чтобы замаливать страшный грех своего кумира. Спустя сорок лет, в 1957 г. монахиня трагически погибла в своей келье при возникшем там пожаре[68].

Хоронили русских эмигрантов, скончавшихся в Софии, на Центральном кладбище недалеко друг от друга. Для русских, армян и лиц других национальностей на кладбище были выделены специальные участки, и могилы русских находились недалеко друг от друга. На русских могилах почти не было памятников, там стояли только скромные кресты. «Каждый, пришедший на могилу своих родных и близких, — пишет Инна Валентиновна, старался сделать что-то и на других могилах, даже и незнакомых ему людей. Все старались сохранить в порядке русское кладбище»[69].

Раскол русской эмиграции на сторонников и противников фашистской Германии затронул и церковную жизнь. И. В. Матвеева свидетельствует, что настоятель русского храма Николай Владимирский, родственник одного из ближайших помощников руководителя РОВС Ф. Ф. Абрамова, во время Великой отечественной войны «после очередной проповеди на литургии начинал призывать прихожан молиться за "синеоких рыцарей", которые освобождают нашу родину», то есть за немецких захватчиков. Это приводило к тому, что многие эмигранты уходили из храма до окончания службы или вообще перестали посещать русский храм и перешли в болгарские[70].

30 марта 1944 г. во время бомбардировки Софии американской авиацией русская церковь на улице «Царь Калоян» была разрушена, а настоятель о. Николай Владимирский и многие прихожане, укрывшиеся в близлежащем кинотеатре «Европа», погибли. «...русским предоставили новый храм св. Параскевы, — пишет И. В. Матвеева. — Это тоже был очень небольшой храм, да еще как бы врытый в

[68] Там же. С. 4.
[69] Там же. Л. 6.
[70] Там же. Л. 5.

землю: во время турецкого ига на Балканском полуострове не разрешалось строить храмы выше обычных жилых домов...»[71]. Однако, уже через несколько месяцев, вскоре после окончания войны, епископ Серафим примкнул к Московской патриархии, и, после посещения Болгарии одним из митрополитов Русской православной церкви, русским эмигрантам был возвращен храм при русском посольстве.

К мемуарам о русской церкви в столице Болгарии примыкают воспоминания И. В. Матвеевой «Отец Андрей Ливен». Этот мемуарный очерк, специально написанный по просьбе автора настоящей статьи, лег в основу доклада, который был прочитан на научных конференциях в Воскресенске и Мышкине и опубликован в «Учемском сборнике» (Мышкин, 2005). Не будем поэтому останавливаться на подробностях биографии и семейной жизни светлейшего князя А. А. Ливена (1884–1949), принявшего в Болгарии духовный сан и в 1926 г. ставшего одним из ближайших помощников архиепископа Серафима (Соболева) в должности секретаря Епархиального совета. Отметим только, что, по сообщению И. В. Матвеевой, А. А. Ливену чужды были прогерманские взгляды, и он во время войны не молился за «синеоких рыцарей». Мемуаристка вспоминает, что особенно возрос авторитет А. А. Ливена среди эмигрантов после гибели настоятеля русской церкви о. Николая Владимирского.

Инна Валентиновна была хорошо знакома с семейством Ливенов. «Я много раз бывала в доме о. Андрея и по его приглашению, и по своему желанию» — пишет мемуаристка[72]. Она отмечает его занятия богословскими вопросами и поэтическим творчеством, чтение им автору воспоминаний отрывков из дневника Лютера, который священник переводил на русский язык.

Наиболее интересен рассказ И. В. Матвеевой о встрече А. А. Ливена с прибывшим в Болгарию вскоре после окончания войны Патриархом московским и всея Руси Алексием I (в миру С. В. Симанским), на которой она присутствовала по приглашению Ливена. По ее словам, Симанский и Ливен до Октября 1917 г. дружили, и, после службы в русском храме в присутствии патриарха, А. А. Ливен пригласил патриарха в гости, у него дома с ним и общалась Инна Валентиновна. «Патриарх произвел на меня неизгла-

[71] Там же. Л. 6.

[72] *Матвеева И. В.* О. Андрей Ливен. Л. 6.

димое впечатление своим выражением лица и глазами, — пишет мемуаристка. — Это была встреча не бывших друзей молодости, а священнослужителей»[73].

В конце очерка об А. А. Ливене И. В. Матвеева останавливается на судьбе еще одного представителя русского эмигрантского духовенства — священника Всеволода Шпиллера, брата известной певицы, народной артистки РСФСР Натальи Дмитриевны Шпиллер. Она отмечает, что Всеволода «в софийских русских кругах... запомнили как офицера, который ходил в белых перчатках, ездил на извозчиках и напропалую ухаживал за дамами. Потом он стал вдруг неприметным, ходил с опущенным в землю взором, оказался среди окружения епископа Серафима...»[74]. Вскоре В. Д. Шпиллер стал священником, и «по протекции» сестры вместе с семьей вернулся на родину. И. В. Матвеева слушала его службы в Москве, в церкви в Вишняковском переулке. Она отмечает высокий уровень служения о. Всеволода и рассказывает о его дальнейшей духовной карьере на родине.

Подводя итоги, необходимо отметить, прежде всего, что воспоминания Инны Валентиновны Матвеевой рисуют широкую панораму жизни русской эмиграции в Болгарии. Они также сообщают некоторые интересные подробности о таких сторонах занятий и быта эмиграции, о которых мало известно исследователям. Мемуаристкой не затронут ряд вопросов истории эмиграции (она не пишет, например, почти ничего о научной деятельности эмигрантов), но этого и нельзя ожидать от человека, далекого от соответствующих проблем.

Часть текстов И. В. Матвеевой уже опубликована или использована в научных целях автором настоящего сообщения. Автор надеется, что изучение наследия возвратившихся на родину российских эмигрантов будет продолжено.

[73] Там же. Л. 3.
[74] Там же. Л. 9.

В. И. Косик

Русский театр в Югославии в 1920–1930-е гг.

Место действия — Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Герой — русский театр в монархической стране, где театральная жизнь была, пожалуй, самой объемной в географическом измерении. По данным исследователя русской диаспоры в Югославии А. Б. Арсеньева, только в Белграде за 25 лет было показано не менее 400 спектаклей[1]. В провинции в русских колониях (их насчитывалось не менее трехсот) постановкой многочисленных спектаклей занимались скромные кружки, студии, культурные общества.

Феномен русского театра в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в сжатой форме можно объяснить тем, что русский люд, в том числе и артистический мир, смог чувствовать себя в этой стране все же не только беженцем, но и славянином и по старинке тем же «старшим братом» в области театрального искусства, драматургии. И самое главное — он был востребован самими изгнанниками, для которых театр был не только развлечением, уходом в былое, но и своеобразным раздражителем мысли, чувства[2].

Зрители — в основном свои, русские изгнанники. Всех, кто более или менее посещал русские спектакли по городам и весям русского рассеяния в Королевстве, посчитать невозможно. Только в Белграде из десятитысячной русской колонии театралов насчитывалось примерно 1700 человек[3]. Каждый имел свои пристрастия: кто-то любил оперетку, кто-то классику, кто-то актрис. У одного режиссера зал был полон, у другого — только наполовину. В политическом отношении консервативный Белград предпочитал проверенные пьесы. Видимо, поэтому звезда русской режиссуры Ю. Л. Ракитин, «взрывавший публику», утверждал, что «нет худшей публики на свете, чем у нас в Белграде. Черносотенцы в политике и в искусстве из Ростова-на-Дону или Новочеркасска»[4]. Но Белград состоял не из одних закоренелых черносотенцев. Да и

---

[1] *Арсеньев А. Б.* Русские театральные труппы в Белграде (1921–1944 гг.) // Рукопись. Архив автора.

[3] Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными 1928–1938 / Публ., вступ. статья и примеч. В. В. Иванова // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М., 2004. Вып. 3. С. 254.

[4] Там же. С. 270–271.

понимал ли сам Ракитин значение и смысл этого слова? Скорее всего в нем тогда говорил артист. В Белграде встречались и либералы, поддерживавшие того же Ракитина[5].

Из авторов, пьесы которых шли на белградских сценах, назову несколько имен: Е. В. Глуховцова (Глуховцева), человек трагической судьбы, автор пьесы «Новый рай» о жизни под «новыми небесами» на родине, А. Жернакова-Николаева, среди ее пьес можно назвать «Жизнь и сказку», поставленную, как писал А. Б. Арсеньев, в сезоне 1943/44 гг., В. В. Хомицкий — его самая известная пьеса «Эмигрант Бунчук», А. М. Селитренников (псевдоним Ренников), автор многочисленных пьес о беженцах, например, «Беженцы всех стран», Н. А. Лохвицкая, в замужестве Бучинская (псевдоним Тэффи), «кормившая» своими рассказами актерскую братию, Н. Агнивцев, автор многочисленных гротесков, скетчей и прочей забавной чепухи, любезной ищущему веселья человеку.

Актеры и актрисы — старые знакомые по сценам многочисленных столичных и провинциальных театров России, любители, новые воспитанники белградских корифеев. «При этом “профессии у всех неожиданные, и театру отдаются только досуги. Герой-любовник ездит шофером; героиня служит секретаршей в каком-то союзе; гранд-дама — сестра милосердия; герой-резонер — чиновник сербской службы”. Некоторые исполнители уже популярны — Елена Романова, Ольга Зорина, Татьяна Яблокова, гг. Бахматов, Трунов, Юрьев, Щучкин»[6]. По мнению знатока русской эмиграции в Югославии А. Б. Арсеньева, к известным актрисам и актерам можно отнести Л. Авчинникову, В. Борзова, О. Гребенщикова, В. Греч, М. Духовского, А. Дориан, Е. Евгеньева, Н. Ермолович, А. Заярного, О. Миклашевского, Е. Романову, П. Трунова, Л. Холодович, В. Лиозина, А. Храповицкую, В. Хомицкого, А. Черепова, В. Эккерсдорфа. Некоторые из них успешно совмещали актерский труд с режиссурой.

Из русских актрис назову три имени. Л. В. Мансветова (? — до 28 июня 1963, Сплит, Хорватия). Окончила Императорские театральные курсы по классу Озаровского. Работала в труппе Н. Н. Синельникова в Харькове, потом у А. Т. Сибирякова, ставшего ее мужем, в Одессе. С 1920 г. вместе с семьей — муж, дочь Ксения, зять С. И. Марьяшец, певец — в Королевстве сербов, хорватов и

[5] Там же. С. 261.

[6] Новое время. 10.X.1926. № 1635. С. 3.

словенцев. В 1921 г. была первой русской актрисой в драматической труппе Белградского народного театра[7]. Роли в «Норе» Ибсена и в «Ревности» Арцыбашева играла на сербском. Замечу, что для других русских «зацепиться» за Народный театр было трудно именно из-за незнания языка. Конечно, его учили, но выдавал акцент. Один из театралов писал: «В настоящее время русским артистам попасть в сербскую драму весьма трудно и только немногим удалось. Драма здесь старая, со своими традициями, с полным кадром артистов, с заботою о чистоте языка, а у русских, конечно, совершенно чистого акцента быть не может. Поэтому даже такая прекрасная артистка, как Мансветова, хотя и служит в драме, но должного использования своего симпатичного дарования не находит»[8]. И конечно, такая прекрасная актриса не могла не участвовать в спектаклях труппы при Белградском русском драматическом обществе. Успешно пробовала себя в режиссуре. Так, 26. июня 1926 г. выступила режиссером пьесы О. Миртова «Маленькая женщина», поставленной в «Манеже» Белградским русским драматическим обществом в честь 15-летия ее сценической деятельности[9]. В совершенстве овладевшая всеми диалектами сербского языка, она после своего отъезда из Белграда долгие годы играла на сцене драматического театра в Сараево. Из представителей актерского мира, овладевших языком страны, отмечу еще игравшую в Любляне М. Н. Наблоцкую, безукоризненно говорившую на словенском языке[10].

Звездой была и Е. Г. Романова. Впервые выступила в труппе Н. И. Соболыцикова-Самарина в «Девушке с фиалками». Окончила драматическую школу по классу артистки МХТ С. М. Халютиной. Поступила в студию имени Е. Б. Вахтангова (3-я студия Художественного театра). С революцией все изменилось. В Добровольческой армии играла в труппах «Освага». Приехав из России в Герцегнови, основала здесь русское драматическое общество и ставила спектакли[11]. По переезде в Белград стала активно выступать на сцене. 8 декабря 1928 г. отметила 15-летний юбилей сценической дея-

---

[7] Там же. 14.V.1921. № 17. С. 3.

[8] Театрал. Русское искусство в Королевстве С.Х.С. // Призыв. Белград, 1926. Июль. № 4. С. 41.

[9] Новое время. 24.VI.1926. № 1543. С. 3.

[10] . Русское искусство в Югославии // Часовой. Брюссель, 5.VI. 1939. № 236–237. С. 32.

[11] Новое время. 1.XII. 1928. № 2276. С. 4.

тельности во Французском клубе в Белграде. Сыграла лучшие роли русского и иностранного репертуаров. Умерла 76 лет от роду[12].

Известной всему театральному Белграду была Ю. В. Ракитина, актриса, режиссер. Свою биографию она вкратце очертила И. Н. Голенищеву-Кутузову, опубликовавшему о ней статью, помещенную в парижском «Возрождении» за 1933 г. Там можно было прочесть следующее: «Ю. В. Ракитина окончила театральную школу недавно умершего А. П. Петровского, играла в Литейном театре (первый ее дебют в пьесе Евреинова “Веселая смерть”). В течение многих лет была партнером Аркадия Аверченко, принимала деятельное участие в петербургской “Комедии”. Покинув Петербург во время гражданской войны, играла в Харьковском театре пропаганды (Осваг) под режиссерством Тарханова. Затем в Одессе на главных ролях под режиссерством Озаровского»[13]. С конца 1920-х гг. была художественным руководителем театра Русской драмы. Активно занималась режиссурой и игрой на белградских сценах.

Так, 13 декабря 1930 г. поставила катаевскую «Квадратуру круга», в конце октября — начале ноября — инсценировку «Двенадцати стульев». Ее театр охотно и успешно ставил пьесы В. В. Хомицкого. В 1933 г. ее труппа сыграла «Эмигранта Бунчука», в апреле 1934 г. — «Виллу вдовы Туляковой»[14].

Ее муж, ставивший у нее спектакли, писал 17 декабря 1933 г. Н. Н. Евреинову: «...В прошлом году наши русские ежемесячные спектакли если не давали дохода, то не проходили с материальным убытком. Ваша “Комедия счастья” дала один из лучших сборов. Затем нас спасали советские пьесы, которые вызвали у здешней антикультурной публики (!!! — *В. К.*) большой интерес». Но появление другого театра под руководством А. Ф. Черепова и И. Э. Дуван-Торцова и открытие «военных действий» в борьбе за зрителя поколебали положение труппы Ракитиной. Ее муж в том же письме продолжал рисовать картину: «...Черносотенная русская колония воюет с нами. Русская ежедневная газета тоже против нас. Зато сербская печать и русская публика более либеральная с нами»[15].

---

[12] Библиотека-Фонд «Русское Зарубежье». Научный архив. Альбом № 1. «Некрополь» А. Калугина. С. 55.

[13] Цит. по: Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 558.

[14] Там же. С. 559, 563.

[15] Там же. С. 261.

И еще одна выдержка из письма Ракитина Евреинову от 20 октября 1933 г., дополняющая картину: «Русская культура в Белграде между русскими на самой низшей ступени. Так образовавшаяся вторая группа любителей под громким названием “Русский театр” состоит вся из халтурщиков и дает пьесы вроде “Кина”, “Барышни с фиалками” и “Василисы Мелентьевой”. Во главе этого предприятия стоит, наверное, Вам известный Дуван-Торцов, который в своей программе объявил, что будет избегать новые пьесы и советских авторов. Нас считают большевиками и пьесу Мережковского (“Петр и Алексей”, 1 октября 1933 г. — *В. К.*) приняли бранью. Белграду по вкусу “Шпанская мушка”, “Дорога в ад”, “Девушка с мышкой” или произведения из Ростова и Новочеркасска...»[16] («Шпанская мушка», фарс С. Ф. Сабурова, «Дорога в ад», комедия-фарс Г. Кадельбурга; «Девушка с мышкой», комедия И. А. Кочергина — низовой репертуар из 1910-х гг. В Белграде пользовался успехом[17]). Вот так и «воевали» два театра: Черепов давал представления в Русском доме, Ракитина — в зале Коларчева Народного университета, в просторечии в Коларце.

О ней в сатирическом журнале «Бух!!!» были такие строки:

....
Кому не худо жить в Белграде?
Сейчас ответим мы,
Так вот:
<...>
Мадам Ракитиной. Она
Для русской сцены создана,
Для воплощения кузин
И подношения корзин.
Роль этой дамы всем известна,
Хоть на спектаклях и не тесно,
Но все же все спектакля ждут
И ей мерси за тяжкий труд!
А труд велик — всех научить,
Как нужно плакать и любить,
Ходить, смеяться, умирать,
Моргать, сморкаться и чихать...
Садиться, шаркать, брать платок,
Изящно делать экивок

[16] Там же. С. 260.
[17] Там же. С. 539.

И, ставши к публике лицом,
Оваций тщетно ждать потом...
Над чувствами вести контроль, —
Вот какова той дамы роль!
Но все же жить не худо ей,
Она директор чародей!
Без ничего спектакль дать,
Все это нужно понимать!!:
Мы же ей славу воздаем
И новых контрамарок ждем...[18]

В 1936 г. по инициативе «опекуна» русских академика А. Белича и директора «Югоконцерта» Е. А. Жукова театры были объединены. Руководство было поверено «варягам» — супружеской чете В. М.Греч и П. А.Павлову, а режиссером оставлен все же Черепов, но не Ракитина. 4 октября 1936 г. новая труппа показала «вечно живой» «Вишневый сад». Классика всегда благонадежна и, как правило, не подводит. Потом были показы бессмертных от повторения «На дне», «Женитьбы» и других вершин русской классической драматургии. Но все это было уже без участия Ю. В. Ракитиной.

Из актеров, занимавшихся и режиссурой, назову имя Я. О. Шувалова. Еще в 1913 г. он играл в Скопле (совр. Скопье). Во время первой мировой войны выступал в военном театре в Водене и Салониках. После войны его можно было видеть на сценах в Битоли, Белграде, Скопле. В 1919 г. играл в спектаклях и занимался режиссурой в Белграде. В сезоне 1921/22 г. были театры в Загребе, Любляне, Триесте, Осиеке, Новом Саде. В сезонах 1924/26 гг. — подмостки в Вараждине и Любляне. По данным А. Б. Арсеньева, в 1931 г. работал в Белграде. С 1933 г. играл в Русском общедоступном театре у Черепова. В 1934/35 — в театре в Нише[19].

Из режиссеров, «баловавшихся» игрой на зрителя, нужно назвать имя Ю. Л. Ракитина. Родился в небедной дворянской семье. Отец — судья Высшего апелляционного суда. В 1904 г. завершил в Санкт-Петербурге Императорское театральное училище. Одно время был влюблен в О. Глебову, которая стала женой, но не его, а художника С. Ю. Судейкина.

Кончал курс у В. Н. Давыдова, пригласившего начинающего актера в экспериментальную студию МХТ на Поварской. Сыграл

---

[18] Бух!!! Bouh – revue satirique russe. 1932. № 12. С. 6.

[19] *Арсеньев А.* Биографски именик руских емиграната // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Београд, 1994. Т. 2. С. 325–326.

Скалозуба в «Горе от ума» и Курчаева в «На всякого мудреца довольно простоты». Остальные роли были незначительными. Возможно, пишет театровед Н. М. Вагапова, причиной такого охлаждения была дружба с Вс. Э. Мейерхольдом. По мнению П. Марьяновича, причина заключалась в слабой вере будущего доктора Дапертутто в актерские способности Ракитина. К своим друзьям Ракитин относил Н. Балиева, с которым он открывал знаменитую его «Летучую мышь». Считался своим в семье Качаловых. Был знаком с Гумилевым, Ахматовой, Ремизовым, Горьким, Куприным, Волошиным, Городецким, Зайцевым, Брюсовым, Книппер-Чеховой, Блоком и Вяч. Ивановым и другими, входившими в узкий круг представителей свободных ремесел. В 1911–1918 гг. режиссер в Александрийском театре, куда он был принят благодаря рекомендации Мейерхольда. Его режиссерские работы можно было увидеть и в Суворинском и в Михайловском театрах. В северной столице он успел поставить не менее десятка пьес. В Александрийском театре он поставил в 1917 г. вместе с Мейерхольдом «Романтиков» Д. Мережковского, затем «Бедную невесту» и «Невольниц» А. Островского. В целом по Санкт-Петербургу-Петрограду за ним числятся постановки следующих пьес: «Комедия смерти» В. Барятинского, «Измаил» Бухарина, «Мендель Спивак» С. С. Юшкевича, «Благочестивая Марта» Тирсо де Молина, «Соперники» Шеридана, «Адвокат Патлен», «Сон в летнюю ночь» Шекспира. Следует согласиться с Вагаповой, что Ракитин «явно отдавал предпочтение комедийному жанру». С известной долей аффектированности он писал в своих мемуарах: «Я вошел в двери театра, когда еще светила тихим угасающим светом Великая Плеяда нашей реалистической школы, начатая в Москве Щепкиным, а в Петербурге Мартыновым и Сосницким. Я застал последних могикан, когда они, на склоне дней, венчали своими гениями русский драматический театр… Участвовал я в работе Московского художественного театра, в дни его высшего расцвета. Прикасался к работам великих русских режиссеров-мастеров, академиков Влад. Ив. Немировича-Данченко и К. С. Станиславского. При мне окончательно созрели и стали блистать своим творчеством и талантом на всю Россию и Европу Художественники О. Л. Книппер, И. М. Москвин, В. И. Качалов, М. П. Лисина, Л. М. Леонидов. Я был сотрудником, деятельным и ближайшим, огромного русского режиссера, новатора В.Э. Мейерхольда. (Не касаюсь его сегодняшней роли у большевиков)… Наконец, ставши сам режиссером Император.

театров в Петербурге, присутствовал при последних днях падения Старой Императорской сцены и последних судорогах царственного Петербурга».

После смены власти в октябре 1917 г. был членом Временного комитета по управлению театрами. Однако по сравнению с Мейерхольдом, «восторженно встретившим революцию», Ракитин имел свои взгляды на «новые небеса», в корне отличавшиеся от позиций своего друга по театру. Итак: «Платон мне друг, но истина дороже» — своя истина была у Ракитина. В начале 1918 г. он покидает Петроград и едет на Украину, в имение своей жены Ю. В. Шацкой. Но гражданская война не давала времени на расслабление. Начались скитания: Киев, Харьков, Ростов-на-Дону, Севастополь. По мнению Н. М. Вагаповой, именно жена и ее родные «сыграли главную роль в решении Ракитина уехать из России». В 1919 г. из Феодосии они отплывают в Стамбул, по-русски Царьград или Константинополь. Там он ставит пьесы, пишет в местной прессе статьи, рецензии. Получив приглашение от Балиева приехать в Париж к нему в труппу и от директора Белградского народного театра М. Грола, он все же останавливает свой выбор на Белграде[20]. Приглашение не было случайным: Грол узнал о Ракитине от обосновавшейся в столице Королевства москвички Т. Х. Дейкархановой, вхожей в семью Качаловых. Итак, в 1920 г. он уже в Белграде: артист Ракитин становится служащим Министерства просвещения, в чьем ведении находились театры. Первое впечатление от города, где предстояло жить и работать, было неутешительным. Артисту Ракитину, как и многим другим петербуржцам и москвичам, Белград «показался бедным маленьким городком. Со всех сторон грязь. Нехватка квартир...» — писал он в своем дневнике. «Судьбе было угодно бросить меня в скитальчество, и вот я попал в великую волну беженцев, несущуюся неудержимым потоком из пределов России... Я потерял любимые книги, любимое дело, лелеянные моим отцом вещи... А главное, я не знаю, что делается с моей великой матерью — Россией» — это уже другие аффектированные строки записей Ракитина.

В 1921 г. Ракитин уже поставил «Смерть Тентажиля» Метерлинка, «Проделки Скапена» Мольера[21]. Пьесы бельгийца и француза, столь различные по характеру жизни — у одного грусть, печаль,

[20] *Арсеньев А.* У излучины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 196.

[21] Новое время. 14.V.1921. № 17. С. 3.

у другого веселье, смех, — позволили Ракитину подтвердить свое мастерство и завоевать первых поклонников своего таланта. В том же году он поставил «Травиату» Джузеппе Верди[22]. Добавлю, что 29 апреля 1923 г. в «Манеже» была с успехом поставлена Ракитиным на сербском языке «Чайка». Исполнители — члены студенческого драматического театра[23]. Как подсчитал П. Марьянович, Ракитин за первые пять сезонов поставил в Народном театре 40 драматических спектаклей и три оперы. Кроме того, за этот период поставил по три спектакля в Сараеве и Скопле, где был на гастролях; один — в Академическом театре в Белграде; несколько пьес — в актерско-балетной школе.

О нем так писал один из тогдашних театралов: «В Белградском Национальном (у сербских авторов пишется “Народный”. — *В. К.*) театре работает уже 6-й год режиссер Ракитин. Воспитанный в духе Художественного и Александрийского театра, работавший в качестве начинающего режиссера под руководством Мейерхольда, он принес с собою на сербскую сцену лучшие сценические идеалы. И как он ни старается отречься от своих воспитателей, которым он обязан всем, и от багажа, с которым он вышел на режиссерскую дорогу, по счастью, быть может, помимо его воли, это старое сказывается в его работе и сквозит в том лучшем, что удается сделать. Дебютировал Ракитин постановкой “Смерти Тентажиля”, восторженно принятой сербской прессой. Прекрасная проникновенная работа. Из его русских постановок в Национальном театре следует отметить “Ревизора” в гротескных тонах и “Живой труп” (почему-то не с оригинальными цыганскими песнями). Из иностранных “романтиков”, проявив большую остроту, вкус к стилизации, уменье дать должное настроение, а иногда даже найти ритм, Ракитин, к сожалению, последнее время ставит почти исключительно веселые пустячки.

Правда, в постановках этих веселеньких комедий Ракитин обнаруживает много живости и нашел то, что так нравится публике, но и в них мы не видим ничего нового. Какая-то самоудовлетворенность и застылость сквозит на всех его позднейших постановках, а мы вправе были бы ожидать от него гораздо большего»[24]. Что ж, критика чаще всего и являет собой некую неудовлетворенность со-

[22] Там же.
[23] Новое время. 4.V.1923. № 605. С. 3.
[24] Театрал. Русское искусство в Королевстве С.Х.С. С. 41–42.

вершаемым творцом. Возможно, «Театрал» и прав, но его правота однобока: вся режиссерская работа Ракитина связана с поиском новых форм сценического воплощения жизни, смешной, язвительной, прекрасной и... другой. И еще: 20 октября 1933 г. Ракитин писал Н. Н. Евреинову: «В столе Дирекции лежит много русских пьес, чающих движение воды, но уже несколько лет как русской литературы в театре не видно. Последняя вещь была “Квадратура круга” Катаева. Театр занят местными авторами. Этого требуют и правительство и газеты. Деньги дают на театр не даром. Потом ставят французов, немцев, чехов и поляков...» И тем не менее пьесы шли. С 1935 г. по 1937 г. во время управления Народным театром Р. Весничем (1891–1980) на сцене зритель видел «Женитьбу», «Дорогой цветов» Катаева, «Идиота», «Преступление и наказание», «На дне», «Вассу Железнову», «Трех сестер»[25].

Свыше четверти века (до 1946 г.) продолжалась режиссерская и педагогическая работа Ю. Л. Ракитина в сербском театре. Представил публике свое видение русской классики — пьес Островского, Толстого, Чехова. Как подчеркивают практически все историки сербского театра, творчество Ракитина-режиссера явилось огромным вкладом в процесс развития сербской режиссуры. Ставил спектакли в Скопле, Сараеве, Шабце, Вршце. Его творчество в этой сфере, взыскательность к актерскому труду, своеобразие постановок, в которых чувствовались традиции МХТ, — все это снискало Ракитину авторитет в сербском театральном мире. Но была и критика мейерхольдовщины, связанной с «клоунадой», гротеском, «цирком». И здесь представляется уместным дать слово для защиты самому Ракитину, его оценку обстановки, в которой он работал: «Вы не можете себе представить, — писал он 14 апреля 1934 г. Н. Н. Евреинову в Париж, — насколько горек мне “братский” сербский хлеб, который я ем здесь... В театре у нас не актеры, а замученные, усталые представлялыцики, которые играют по 14 раз в неделю и выдерживают по 2 репетиции в день. Жалованье наше сведено к минимуму и едва-едва хватает, чтобы прокормиться. От режиссера требуется выдумка, новизна, а всякая новость сопряжена с расходами, на которые дирекция идет туго... Всякая новость вызывает бешенство критики, которая ищет социального элемента и в пьесе и постановке. Всякая попытка вызывает критику, что это есть шарж, карикатура, утри-

[25] Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 564.

ровка. Боже, сколько я перетерпел из-за этого. Я все время упрекаем в каком-то гротеске, причем никто не знает, что такое буквально значит слово "гротеск"... какой ужас работа в такой молодой и требовательной стране как наша, где еще сохранилось многое от турецкого ига и от австрийского провинциализма. Задняя прихожая Вены — вот чем был долгое время Балканский полуостров до войны, и теперь трудно очень пробивать стену русскому режиссеру... Русские старики не ходят в театр, а молодежь бедна и не интересуется старым в театре и вообще никаким театром. Я пришел к убеждению, что работать без базы, без своей земли нельзя, но о возвращении в Россию не может быть и речи, — я ненавижу теперешнюю власть и не помирюсь с ней, любя свою Родину. Не верю ни в какие достижения советской власти в театре. Все это блефф!!» [26]. Конечно, в этом письме много горячности, искренности, но Ракитин явно «перебрал», утверждая, что никто не любит театра. В противном случае, зачем все это, зачем, и к чему работать, творить?! И он творил, несмотря на «провалы». О них Ракитин писал весной 1934 г. Евреинову так: «Я только что поставил на сербской сцене "Даму с камелиями" (6 марта 1934 г.), которую я в известных местах соединил с музыкой из "Травиаты". Музыка возникала очень тихо иногда как мелодраматический аккомпанемент. Против этого восстали почти все газеты, находя, что музыка эта банальна, пошла и что она убивает текст... Далее через две недели я поставил (23 мая 1934 г. — *В. К.*) по-сербски же пьесу Булгакова "Зойкину квартиру"... И вот премьера пьесы этой вызвала огромный скандал и возмущение. Партер был шокирован, что на сцене публичный дом, а галерея протестовала против "искажения" советской действительности. Говорят, что я поставил пьесу по-эмигрантски, по-белому, не выявив в пьесе настоящей правды советской... Теперь я в Белграде мишень, в которую бьют все газеты, обвиняя меня в провале. Дирекция театра тоже зла на меня из-за неуспеха и провала. Враги Дирекции, сводя свои счеты с ней, бьют по мне, и бьют очень больно, находя меня старым и неспособным уже к работе (мне будет в конце мая 52 года). Дирекция театра обвиняет меня в экспериментаторстве, находя, что я уже не смею экспериментировать, как старый режиссер. Критика пишет, что я вывел актеров к позорному столбу и т. д.»[27].

---

[26] Там же. С. 267–268.
[27] Там же. С. 266–267.

Всеобщее недовольство, по сути дела, только подтверждало талант автора и режиссера. Но М. Булгаков был далеко, а досягаемый Ракитин «впал в немилость»: пьеса была снята с репертуара, а сам «виновник» теперь мог представлять на суд публики гораздо меньше премьер, нежели раньше.

Но тут надо все же напомнить, что к 1935 г., за 15 лет работы Ракитин поставил свыше 100 пьес, из них более четверти из русской классики. При этом громадный успех снискала постановка пьесы Б. Нушича «Вокруг света», выдержавшая свыше 150 представлений. И конечно, не следует забывать, что он был главным режиссером и художественным руководителем в труппе своей супруги. Там им было к 1935 г. поставлено свыше 30 пьес[28].

Сам же «пересмешник» не менялся. Сняли советского Булгакова, что ж, можно посмеяться над жизнью и по-другому: он ставит 1 июня 1940 г. на сцене Русского дома переделку другого «пересмешника» — «Грибоеда», дав своей пьесе название «“Горе от ума” в Белграде», сочинение Грибоедова-внука[29].

Этот «трагический весельчак», по определению Н. М. Вагаповой, имел сложный характер, он был настоящим режиссером-творцом, а ему всегда трудно и все не так. Он мог на генеральной репетиции впасть в истерику и, бегая по темному залу или сцене, орать «Я убью Грола», как будто директор был виновен в том, что что-то идет не так, как следовало бы идти. «Тем не менее, — пишет Вагапова, — актеры охотно работали с “этим чудаком”, ценя его умение отбирать исполнителей и упорно добиваться нужного результата, не щадя ни себя, ни своей “жертвы”, которая в случае неудачи безжалостно изгонялась со словами “извините, я виноват, я ошибся” и заменялась другим, более подходящим кандидатом»[30].

Актер М. Милошевич характеризовал Ракитина как режиссера «ярких красок, жирно очерченных образов, утонченных, но весьма интенсивных эмоциональных воздействий...»[31]. И поэтому понятна страсть Ракитина к буффонаде, столь ярко проявлявшейся в мольеровских спектаклях. И, конечно, Ракитину здесь помогали и балет-

---

[28] Театрал // Обозрение. 20.IX.1935. № 16. С. 5.

[29] *Качаки Ј*. Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији: библиографија радова 1920–1944. Београд, 2003. С. 362.

[30] *Вагапова Н*. Юрий Ракитин — трагический весельчак // Мнемозина. Документы и судьбы из истории русского театра XX века. М., 1996. Вып. 1. С. 275–276.

[31] Цит. по: *Вагапова Н*. Юрий Ракитин... С. 266–285.

ные номера, придававшие особый шарм постановкам. Возможно, именно лихорадочное стремление уйти от почтенных штампов вело Ракитина в прорву маскарада. Так, «Жоржа Дандена» (1930) зрители вспоминали как «бурлескную клоунаду» с цирковыми трюками. При этом в постановке пел оперный хор, выделывала па балетная труппа[32]. И в жизни этот «пересмешник» не щадил и себя, «прохаживаясь» по поводу своей «некрасивости»: по воспоминаниям актрисы М. Коджич, приводимым Н. М. Вагаповой: «...При высоком росте у него были неестественно длинные руки, чуть ли не до колен. Нередко, прервав на полуслове [репетицию], он начинал с пренебрежением говорить об этих уродливых руках или о своем гадком, курносом, маленьком носе... Большие уши, нескладно посаженная голова и, наконец, ноги, кривые в коленках, непослушные...»[33].

Иными словами, это портрет постаревшего «мальчика Мука». И еще несколько строчек из воспоминаний актера М. Милошевича, цитируемых Вагаповой: «...Любили его немногие... А между тем он легко и очень близко сходился с людьми, от которых не зависел, которых не опасался и к которым испытывал расположение. В обществе Ракитин бывал весел, не прочь был съязвить на чужой счет, но не обижался, когда ему отвечали тем же. Поскольку он обожал рассказывать и разыгрывать про окружающих разные смешные сюжеты, многие считали его зловредным человеком. И напрасно. Я уверен, что никакой злобы к людям в нем не было.

Когда Ю. Львович чувствовал себя хорошо, он бывал обаятельным, предупредительным, бодрым, он излучал внутреннее веселье и человеческое тепло... Нам казалось, что мы хорошо его знаем, но в жизнь его вне театра никто не мог проникнуть»[34].

Но, видимо, когда Ракитин был нервозен, он не был «обаятельным» и «человечным». А причин для «язвительности» хватало: сама профессия располагала к этому.

Да и жизнь не баловала, если вспомнить хотя бы трагедию с сыном, уехавшим воевать в Испанию, оттуда попавшим в СССР и «замолчавшим» навсегда. Можно припомнить болезнь, бедность, потерю друзей в годы войны. А. Б. Арсеньев пишет: «Жизнь в оккупированном немцами Белграде была для Ракитина полна кошма-

---

[32] Там же. С. 277.
[33] Там же. С. 281.
[34] Там же. С. 280.

ров: голод, болезни, две операции Юрию Львовичу, унижения, распродажа почти всего имущества (вплоть до одежды и простынь)»[35]. В своем дневнике за 1943 г. он записывал: «Вчера какой-то серб хотел подать мне кусок хлеба, думая, что нищий. Это по моему небритому и неопрятному виду... Сидим без хлеба, жиров и без дров»[36]. Хотел уехать в Берлин, но «не дождался приглашения от русской театральной труппы». Потом «готовится стать священником, уйти в монастырь — практикуется в церковно-славянском чтении, изучает богослужебный устав»[37]. Добавлю, что после войны, в 1946 г., не без помощи «своего верного врага» директора театра В. Глигорича был отправлен на пенсию и лишен югославского гражданства. Причина — согласие страдавшего от голода режиссера на постановку в 1941 г. пьесы «Эльга» Г. Гауптмана и в 1944 г. «Романтиков» Э. Ростана. Также в вину было поставлено его желание во время войны перебраться в Берлин[38]. И как следствие он был вынужден оставить коммунистическую столицу Югославии.

В этой ситуации выиграл Нови-Сад, заполучив в 1946 г. режиссера такого ранга. И надо только удивляться, как Ракитин с его «зловредным» характером в годы Информбюро и гонения на русских не попал в проскрипционный список властей. Сам он своей высылке, видимо, не придавал особого значения — в работе он находил отдых от «лишних мыслей». На сцене городского театра появились неполитичные «Ревизор», «Тартюф», «Медведь» и другие комедии, которые он ставил еще в Белграде. Занимался преподаванием в Театральной студии. Последними спектаклями были «Бесприданница» и «Вишневый сад», ставший, по словам А. Арсеньева, «лебединой песней»[39]. Незадолго до смерти он записывал в своем дневнике: «В эти Рождественские дни я особенно раздумываю о своей жизни и убежденно говорю, что милость Господа ко мне велика и щедроты Его со мной. Старость моя все же тиха. Новый Сад для меня оказался спасением и пристанью» (8 января 1952 г.); «Песни из России по радио. И ста-

[35] *Арсеньев А.* У излучины Дуная... С. 201.

[36] Там же.

[37] Там же.

[38] *Марјановић П.* Контроверзе редитеља Јурија Љвовича Ракитина // Руска емиграција у српској култури XX века. Том. 2. С. 117; *Арсеньев А.* У излучины Дуная... С. 202.

[39] *Арсеньев А.* У излучины Дуная... С. 202.

рые и новые, хватают меня на сердце. Томят своей грустной усладой. Сладко мучительно слушать их. Щемит сердце...» (7 мая 1952 г.)[40].

На его могиле посажены вишни.

Другое известное имя — А. Ф. Черепов, актер, режиссер, педагог. После завершения гимназии учился на историко-филологическом факультете, занимался славистикой. В 1914 г. дебютировал как актер в Самаре. Играл в «Эрмитаже», в труппах М. В. Дальского, В. Ф. Лебедева, А. И. Южина. После революции перебывал во многих европейских странах. В 1924 г. по прибытии в Ригу занимался распространением журнала литературы, искусства и экономии «Балтийский альманах», выступал на разных сценах, писал статьи в журнал «Кино-Рампа» о театре и кино. Был известен как отличный чтец-декламатор. В 1925 г. открыл в Риге свою театральную школу, учил студентов по системе Станиславского. В его школе вели преподавание и для учеников оперных классов. После открытия 26 февраля 1926 г. Театра русской драмы вступает в его труппу: играет и ставит спектакли[41]. Участвовал в постановках Камерного театра Е. Н. Рощиной-Инсаровой. Играл в ряде «веселых» спектаклей, пользовавшихся успехом у публики с непритязательным вкусом. Примером, пишет В.В. Иванов, может служить анонс в рижской газете «Сегодня» за 1926 г.: «Под руководством и при участии артиста Московского Художественного театра А. Ф. Черепова “Месть Ву-ли Чанга”, обстановочная инсценировка-феерия. В главной роли А. Ф. Черепов. Эффектные стилизованные танцы. Красочная обстановка...»[42].

Однако Латвия не стала для него «насиженным местом». Возможно, помешало неприятие Черепова руководителем Русского театра драмы в Риге Р. А. Унгерном: в письме от 6 июня 1929 г. к Ракитину он аттестовал Черепова как «афериста и мелкого сорта авантюриста»[43]. Сам актер, видимо, не стал углублять разногласия: он много ездит по Прибалтике, играет в Германии, Польше, Австрии,

[40] Там же. С. 203–204.

[41] *Марковић О., Чолић Д.* Александр Черепов и «Руско Драмско Позориште за Народ» // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Т. 2. С. 130–131.

[42] Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 562.

[43] Цит. по: Когда весь мир чужбина. Письма Рудольфа Унгерна Юрию Ракитину 1926–1938 / Публ., вступ. статья и примеч. В.В. Иванова // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М., 2004. Вып. 3. С. 572.

Чехословакии. Видимо, из Праги он с семьей прибывает в апреле 1929 г. в Белград[44]. Там он опять аттестует себя артистом МХТ. Так, в объявлении о его выступлении 1 мая 1929 г. в зале II мужской гимназии (ул. Пуанкаре) с обзором состояния искусства и литературы в Советской России он именуется артистом Московского Художественного Театра[45]. Однако, как пишет В. В. Иванов, таких документов в архиве театра не обнаружено[46]. Как отмечали сами современники, в театральном мире тогда много объявилось артистов, именовавших себя без всякого основания актерами императорских театров. Были и мнимые «мхатовцы», которых Ю. Л. Ракитин называл «гомункулусами» МХТ. Относительно обвинений Ракитина в «самозванстве» актер через белградскую газету «Время» ответил, что он не имеет никакого желания доказывать свою связь с МХТ, так как среди русских белградцев есть и те, которые видели его игру на московских сценах[47]. Правда, он не упомянул здесь сцены МХТ.

Тем не менее Черепов снискал шумный успех в Белграде, Загребе, Скопле, Цетинье, выступая с чтением стихов Есенина, Тагора, Пушкина, Блока, отрывков из «Идиота», «Братьев Карамазовых», «Вишневого сада». «... Большой голос, сила звука, широта диапазона, бархатный тембр, переходящий когда надо в могуче-раскатистый металл, классические дикции фразировки, филигранный чекан в каждом слове»[48] — вот это и было залогом отличного приема у слушателей.

Поставленный им в белградском «Манеже» спектакль «Смерть Иоанна Грозного», в котором он же играл заглавную роль, имел фантастический успех[49].

Как актер и режиссер Черепов представил себя белградской публике 20 ноября 1929 г., выступив в Народном театре в режиссируемом им спектакле по пьесе А. К. Толстого «Смерть Ивана Грозного», в котором играл заглавную роль[50]. Потом были и другие белградские сцены. Например, в Палате труда он 17 мая 1930 г. ставит

---

[44] *Марковић О., Чолић Д*. Александр Черепов... С. 131.

[45] *Канаки J*. Руске избеглице... С. 376.

[46] Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 562.

[47] *Марковић О., Чолић Д*. Александр Черепов... С. 135.

[48] Новое время. 07.VI.1929. № 2429. С. 3.

[49] *Миклашевский О*. Русский общедоступный театр в Белграде // Новое Русское Слово. 18.V.1982.

[50] Там же. С. 130–131.

пьесу Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины»[51]. С открытием в 1933 г. Русского дома (ул. Кральице Наталии, 33) его сцена стала основной для Русского драматического театра Черепова и Дуван-Торцова. Так, 31 декабря 1933 г. там прошла пьеса Л. Андреева «Дни нашей жизни» в его постановке [52], а 20 января 1934 г. — пьеса С. А. Найденова «Дети Ванюшина». Ставил Черепов. В роли Ванюшина был Дуван-Торцов[53].

В 1931 г. Черепов открыл в помещении Учительской школы при помощи «русского батьки» академика А. Белича бесплатную вечернюю общедоступную театральную школу (ул. Кр. Милутинова, 14а), деятельность которой длилась полтора года. В основу преподавания положены принципы и методы К. С. Станиславского. Преподавание велось по четырем направлениям. Первое относилось к драматическому искусству, актерской технике: там разрабатывали и ставили голос, учили дыханию, ритмике, жесту, искусству маски, пантомиме, преподавали историю театра, психологию и пр. Второе было предназначено для желавших усовершенствоваться в искусстве речи, в частности в искусстве художественного чтения. Третье было предназначено для студентов консерватории по классу пения. Четвертое было посвящено ораторскому искусству и было предназначено всем заинтересованным лицам, например студентам, изучавшим право, молодым адвокатам, лекторам и др. В его школе учились не только русские, но и большое количество сербов[54]. Непродолжительность ее работы может быть объяснена несколькими причинами. Первое: бесплатность обучения расхолаживала обучаемых, относившихся спустя рукава к тому, за что не надо платить. Второе: вероятно, многие считали себя настолько талантливыми, что не считали для себя возможным учиться «ненужным» школярским предметам. Третье: все «бездарности» уже прошли курс обучения. И четвертое: сами учителя, загруженные сверх меры, устали от преподавания. И особого вреда от закрытия школы не произошло. Принесла ли она пользу? Несомненно, иначе школа закрылась бы гораздо раньше. Сам же Черепов, будучи увлекающейся натурой, особо, видимо, не унывал: его тогда «мучило» кино — этот, по мнению многих, «могильщик» театра.

---

[51] *Качаки J.* Руске избеглице... С. 355.

[52] Там же.

[53] Там же. С. 369.

[54] *Марковић О., Чолић Д.* Александр Черепов... С. 132.

О самом Черепове в шутливо-ироничном тоне писали в журнале «Бух!!!»:

> ....
> Кому не худо жить в Белграде?
> Сейчас ответим мы,
> Так вот:
>
> 1.
> Во-первых, Черепову. Он
> Имеет пары три кальсон,
> Громоподобный низкий глас,
> Весьма фотогеничный фас.
> Он весел редко, чаще хмур,
> Пенснэ, к нему же черный шнур,
> А за пенснэ — свирепый взор...
> Уча любви и красоте,
> Он заявлял: Я М.Х.Т.!
> Он М.Х.Т. — и потому
> Мы слепо верили ему.
> Но это было все давно,
> Теперь готовит для кино
> Он новых звезд без крепких слов,
> Да, — вот он Черепов каков... [55]

При чем здесь кино, можно задаться вопросом. Дело в том, что разнообразный в своей деятельности Черепов основал в 1930 г. Югославянское кинообщество. В 1931 г. он вместе с М. Каракашем снял комедию с участием О. Соловьевой «Неуклюжий Буки» в двух частях: «Неуклюжий Буки на аэродроме» и «Неуклюжий Буки на купании». В 1933 г. снял с членами своего любительского киноклуба фильм в стиле бурлеска «Приключения доктора Гагича» [56].

Однако в истории русского Белграда он прежде всего запомнился как основатель в 1933 г. вместе с И. Э. Дуван-Торцовым Русского общенародного театра, разместившегося в Русском доме имени императора Николая I. На сцене в основном была представлена отечественная классика и патриотические пьесы, вышибающие слезу надежды, что в скором времени все переменится, Русь оживет, а большевики провалятся в тартарары. Для веселья и приятных воспоминаний игрались «всеядные» спектакли, как «Псиша»

---

[55] Бух!!! Bouh – revue satirique russe. 1932. № 11. C. 3.
[56] *Volk P*. Istorija jugoslovenskog filma. Beograd, 1986. 3. 75.

Ю. Д. Беляева, «Первая муха» В. А. Крылова. Все это очень нравилось консервативному русскому Белграду. При этом театр, в труппе которого было добрых три десятка артистов и артисток, обходился без какой-либо помощи. Сам Черепов, действуя в пику театру Ракитиной, так объяснял в газете «Русский голос» репертуар своего театра: «...те мелко-тенденциозные пьесы, которые существуют, так слабы и малосценичны, что их никак нельзя предпочесть доброму, испытанному репертуару дореволюционного театра. А кроме того я не верю, чтобы они могли быть полезны нам в нашем эмигрантском тяжком бытии»[57]. Добавлю, что спектакли в основном шли по субботам и быстро менялись. Сам Черепов в одном из интервью, объясняя частую смену пьес, говорил, что репризы они могут редко давать, так как обычно все идут на премьеры, да и большинство из русских не могут приобрести билеты, хотя они и не так уж дороги, чтобы вновь пойти на понравившийся спектакль. Актерский труд, продолжал Черепов, оплачивается плохо и артистов и артисток держит любовь к сцене и к публике, которая поддерживает их, идет им навстречу, считая, что «мы один народ и нас связывает история»[58]. За первые два сезона театр представил зрителю свыше пятидесяти пьес. Среди них «Плоды просвещения», «Горе от ума», «Идиот». «Дворянское гнездо», «Вишневый сад», «Гроза». В его труппу входили достаточно известные русскому театральному Белграду артисты и артистки. Среди них были Л. Д. Авчинникова, А. А. Дориан, Л. А. Холодович, А. М. Храповицкая [59]. Ставились Череповым и пьесы Л. Андреева, например «Дни нашей жизни» (январь 1935). Игрался в марте того же года модный Гауптман («Потонувший колокол») в сценографии брата режиссера Г. Черепова.

Юбилеи помогали не забыть и югославскую драматургию, ее живого классика Б. Нушича. В честь его семидесятилетия Черепов с успехом поставил «Ожалошчену породицу» под названием «Наследники». Присутствовавший на спектакле юбиляр поблагодарил за оказанную ему честь, подчеркнув, что ему было приятно слышать свою пьесу на «языке Гоголя»[60].

Сам Черепов безостановочно играл главные роли в своем театре, где он был хозяин. По мнению В.В. Иванова, «активность Чере-

---

[57] Цит. по: Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 559.

[58] *Марковић О., Чолић Д.* Александр Черепов... С. 133.

[59] Там же. С. 134.

[60] Там же. С. 134–135.

пова подавляла работу труппы Ракитиной, которая в эти годы была сведена к минимуму»[61]. В 1937 г. после свершившегося объединения Общенародного театра с Театром русской драмы и назначения нового руководства, о чем была речь выше, Черепов, не привыкший подчиняться, видимо по этой причине оставляет театр и пускается в свободные гастроли.

В сезоне 1938/39 гг. и с января по апрель 1941 г. играл в Народном театре «Король Петр II великий освободитель» в Баня Луке, где поставил свыше десяти пьес, в частности «Живой труп», «Преступление и наказание»[62].

В апреле 1941 г. режиссер в моравском Народном театре в Нише. В 1941–1943 гг. был директором труппы при Обществе русских сценических деятелей. По сведениям О. Маркович и Д. Чолич, работал до середины 1944 г. в Отделении пропаганды, руководя Русской фольксдойч-группой артистов[63].

После освобождения страны покинул Югославию. Умер в Германии в больнице для душевнобольных[64].

Можно назвать также имя А. А. Верещагина, актера, режиссера театра, оперы, кино. Профессиональное образование получил в Санкт-Петербурге. Перед революцией, по сведениям историка кино П. Волка, уехал в турне по странам Ближнего Востока. По данным А.Б. Арсеньева, эмигрировал вначале в Париж. В 1919 г. переехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Два театральных сезона (1919–1921) работал в Белградском народном театре. Потом был Загреб, где преподавал актерское мастерство и режиссуру.

В 1922 г. основал актерскую кинематографическую школу. Ставил художественный фильм «Страсть к авантюрам», в котором сыграл роль. Вместе с ним снималась в фильме и русская актриса Александра Лескова, приглашенная из Сараева. Верещагин-режиссер не боялся частой смены сцен, декораций, не стеснял актерам свободу жеста. Все это придало фильму динамизм и, как следствие, он пользовался успехом. Верещагин мечтал снять и зна-

---

[61] Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 562–563.

[62] *Морковић О., Чолић Д.* Александр Черепов... С. 136.

[63] Там же. С. 137.

[64] Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 563; *Арсеньев А.* Биографски именик руских емиграната. С. 321; *Марковић О., Чолић Д.* Александр Черепов... С. 129–131.

менитую «Хасанагиницу», но помешал крах и закрытие в 1926 г. кинофирмы «Югославия»[65].

Как театральный режиссер работал в Белграде (1924–1925), Скопле, Загребе, Сараеве, Цетинье, Панчеве, Осиеке. Больше всего задержался в Новом Саде (1926–1936, с перерывами). «Всюду завоевал себе имя прекрасного работника, — писал один из тогдашних театралов, — но дать нечто свое, идущее дальше уже надоевших площадок и сукон (так в тексте. — *В. К.*), всей этой внешней стилизации, ему не удалось»[66]. С 1944 г. жил в США[67]. Его жена А. Лескова также играла на сцене и ставила спектакли. До революции играла на сценах юга России. Вместе с мужем эмигрировала в Королевство. В 1919–1921 гг. была режиссером и играла на сцене в Скопле, в 1921–1923 гг. в Сараеве, в 1923–1924 гг. опять в Скопле, в 1924–1925 гг. в Новом Саде, в 1925-1928 гг. опять в Скопле, в 1928–1929 гг. опять в Сараеве, в 1931–1932 гг. в Сплите и в 1932–1933 гг. в Новом Саде[68].

Нужно назвать и О. П. Миклашевского, актера, режиссера. Добровольцем участвовал в гражданской войне на юге России. Галлиполиец. В 1929 г. из Стамбула прибыл в Белград. Играл в русских любительских спектаклях, а с 1933 г. — у Ю. В. Ракитиной, потом у А. Ф. Черепова в Русском доме имени императора Николая II.

Режиссировал представления в русско-сербской гимназии. Неоднократно играл на сценах Народного театра в Белграде и Русской драматической студии в Загребе.

Создатель и управитель созданного в мае 1941 г. Театра русских сценических деятелей в Сербии, который при всех трудностях военного времени ставил пьесы в Русском доме. Спектакли шли вплоть до начала сентября 1944 г., когда Белград начала бомбить союзническая авиация. В 1949 г. через Австрию и Германию перебрался с семьей в США. Несколько раз пытался, но безуспешно, основать и закрепить Русский театр в Нью-Йорке[69].

В Загребе в 1920 г. некоторое время работал художественным руководителем Хорватского народного театра Ю. Э. Озаровский. Преподавал в школе. Был режиссером. Поставил: «Тот, кто полу-

---

[65] *Volk P*. Istorija jugoslovenskog filma. S. 57–58.

[66] Театрал. Русское искусство в Королевстве С.Х.С. С. 35–48.

[67] *Арсеньев А*. Биографски именик руских емиграната. С. 240.

[68] Там же. С. 275.

[69] Там же. С. 280; Когда весь мир чужбина... С. 573.

чает пощечины», «Ревизор», «Женитьба», «Недоросль», «Роман». Ушел из театра вследствие конфликта с директором: Озаровского не удовлетворяли новые условия оплаты, критика работы, по его мнению, несправедливая[70].

Нельзя не вспомнить и Т. Н. Яблокову. В Белграде в 1937 / 38 г. по ее инициативе был организован Союз русских артистов во главе с ней, регулярно ставящий спектакли в Русском доме имени императора Николая II. О ней в упоминавшемся уже «Бухе» были такие строчки:

Кто эта славная Татьяна,
Уже не Гремина ль она?
В глазах огонь, в устах румяна, —
Еще недавняя весна!
Но, наклонившись очень близко,
Мне кто-то шепчет вдруг:
«Она звезда! Она артистка!
И Яблоков ее супруг»!
Я умилен был. Здесь, в Белграде,
Татьяну Пушкина узреть,
Но вот Татьяна на эстраде,
И захотел я умереть!
Ее услышав на экране,
Я смел бы аппарат винить,
Но на эстраде голос Тани
Я Богу лишь могу простить —
Так пьяно, рьяно, неустанно
Читала монолог Татьяна:
«Но я другому отдана —
И буду век ему верна».
С тех пор я к Тане ни ногой —
Как хорошо, что есть другой! [71]

После войны жила в Новом Саде[72].

Но оставлю на время биографический жанр и попробую эскизно обрисовать жизнь театра. На чужбине, хотя трудно так назвать братскую славянскую землю, она началась, как и у революционеров — с организации. 11 сентября 1921 г. прошло учредительное собрание

---

[70] Književna smotra. Zagreb, 2001, 119. С. 65.

[71] «Бух!!! Bouh – revue satirique russe. 1932 г. № 12. С. 7.

[72] Р. Русское искусство в Югославии. С. 32; *Арсеньев А.* Биографски именик руских емиграната. С. 259.

«Союза русских деятелей искусства в Королевстве СХС» под председательством Ф. В. Павловского. Цели — защита правовых и национальных интересов, взаимный профессионально-этический контроль, улучшение материального быта, устройство вечеров, собраний, лекций, концертов. Однако это было больше данью традиции, нежели насущной необходимостью. Жизнь театра шла по своим законам, не терпящим «канцелярщины», особенно это касалось «взаимного контроля». Но помощь была и была память. Можно привести случай В. С. Севастьянова. Певец, бывший режиссер санкт-петербургской Музыкальной драмы, оставил загребский театр, где пробыл два года, вынужден был петь в ресторанах. Его коллеги белградские артисты 1 февраля 1925 г. устроили вечер в честь 25-летия сценической деятельности[73]. 16 июня 1926 г. артистический мир отметил 50-летие сценической деятельности члена Белградского русского драматического общества А. Л. Суходольского. В «бывшее время» он держал в Харькове театр, возглавлял большую малороссийскую труппу, гастролировал по всей России, выезжал за границу, где его спектакли имели успех. В честь его юбилея было представлено «Горе от ума» в постановке Ф. В. Павловского. Декоратор В. И. Жедринский[74].

Журналист, писатель, актер, режиссер, человек искусства Н. З. Рыбинский писал: «Мы унесли с собой на чужбину не только тоску и слезы, но сумели сберечь улыбку и даже смех. Не смеются только на кладбище. А живые люди, в какое бы положение их ни ставила судьба, всегда найдут возможность и даже потребность улыбнуться»[75].

Знаменитая певица О. П. Янчевецкая вспоминала о том времени: «Чтобы заработать хотя бы немного денег, наши эмигранты в Сплите тем летом 1921 года на своем собрании решили организовать театр “Шишмиш” (“Летучая мышь”), тем самым продолжить традиции знаменитого театра Н. Ф. Балиева (Мкртич Балян. — *В. К.*)... С небольшой труппой “Шишмиш” побывали на многих островах, из которых мне в памяти остались: Вис, Хвар, Корчула, Комижа... Публика нас хорошо приняла, особенно на Хваре, где выступали в старинном театре, вероятно, одним из первых в Европе. Там было все запущено и покрыто пылью, а акустика ужасна... Помню, что балерины

[73] Новое время. 29.1.1925. № 1124. С. 3.
[74] Там же. 3.VI.1926. № 1527. С. 3.
[75] Там же. 5.11.1930. № 2632. С. 3.

были одеты в костюмы из бумазеи, так как не было денег на шелк. Все это не было важным, главное, что наше представление понравилось жителям и гостям... мы показывали комические одноактные пьесы и небольшие оперетки, в которых блистали Радомский и Павлова»[76].

В 1922 г. пользовалась успехом у зрителей и опереточная труппа «Шантеклер» с участием М. Ласка и Я. Яковлева (режиссер)[77]. Она с успехом гастролировала в Сремских Митровицах, что было вызвано, безусловно, тем, что большая часть программы шла на сербском[78].

Почти год успешно гастролировала по провинции труппа «Скоморох». Пение, танцы, куплеты, комические рассказы, лубки. Блистали Яковлев и В. А. Невский — автор пьесы «Иванов Павел в Белграде»[79].

Примерно с тем же репертуаром — оперетки, дивертисмент, миниатюра и пр. — выступала в августе 1923 г. в Субботице группа «Би-ба-бо» под управлением Я. Яковлева[80].

При этом публику надо было завоевывать, менять ее отношение к театру и актерам, особенно легкого жанра и особенно в патриархальных регионах. В 1936 г., вспоминала О. Янчевецкая, она «с небольшим театриком “Веселая курица” гастролировала по Македонии: Битоли, Велес, Штип... Помню, что в Штипе на первых представлениях были только мужчины, ни одной женщины! То же повторилось на другой день. А на третий день пришла одна женщина! Увидев, что мы серьезные, семейные, скромные люди, сразу же на наши представления валом повалили и девушки, и матери, и дети. Так и случалось, что приедем на две недели, а останемся на два месяца...»[81].

В июле 1926 г. в Белграде в концертно-театральном зале «Луксор» стал действовать новый театр «Гнездо перелетных птиц». Замечу, что под таким названием был известен театр, открытый в 1920 г. в Севастополе Мансветовой и Сибиряковым при участии в качестве режиссера и конферансье А. Аверченко. В нем играли такие артисты как Балановская, Мансветова, Собинов, писатели Аркадий Аверченко и Влас Дорошевич[82]. В состав белградской труппы входили Н. Кир-

[76] *Димитријевић К.* Краљица руске романсе. Животна исповест госпође Олге Јанчевецке. Београд, 2003. С. 56, 57, 62.

[77] Новое время. 5.IV.1922. № 284. С. 4.

[78] Там же. 15.X.1922. № 442. С. 5.

[79] Там же. 29.1.1922. № 229. С. 3.

[80] Там же. 21.VIII.1923. № 694. С. 3.

[81] *Димитријевић К.* Краљица руске романсе... С. 75.

[82] Новое время. 4.VII.1926. № 1551. С. 3.

санова, Л. Мансветова, А. Фортунато, Б. Попов, Е. Марьяшец. Из новых артистов — Н. Йованович и М. Ерцегович из Сараевского народного театра. Режиссер А. И. Сибиряков. Художник В. И. Жедринский. Первая программа: «Индусские пляски» (Н. Кирсанова и А. Фортунато); пролог к опере «Демон» (Б. Попов и Л. Мансветова); «Птичья головка», диалог А. Аверченко (Н. Йованович и М. Ерцегович); цыганские песни (Л. Мансветова и Е. Марьяшец); лунные серенады (Б. Попов); скетч «Игра с болваном» (Л. Мансветова и Н. Йованович); «Светит месяц» (Н. Кирсанова и А. Фортунато); «Босанская баллада» (Л. Мансветова); «В погребке» (Е. Марьяшец и балет); «Летний сад» (В старом Петербурге) (Л. Мансветова) и пр. Конферансье Н. Йованович[83]. Однако, судя по газетным объявлениям, в Белграде выступления этой труппы быстро закончились. Уже 11 и 12 июня 1926 г. дан их прощальный спектакль[84].

Не уставал смешить зрителей и Художественный Русский юмористический кружок, в просторечии ХРЮК, который 3 мая 1926 г. в зале Французского клуба (Кральев трг, 5) поставил спектакль-бал, в программе которого была пародия С. С. Страхова «Фауст 1926 года»[85]. Об авторе в «Бухе» были такие строки:

Он пишет танго и фокстроты
И издает у Фрайта ноты,
Он написал, скрывая слезы,
Танго и песнь любви «Две розы».
Он всем известная фигура,
Как «композитор» Сингапура.
И чтобы знал о нем весь свет,
На нотах есть его портрет,
Чтоб это все в Белграде знали,
И чтоб с Вертинским не мешали.
Его влекут стремленья к славе,
Он на Вертинском ставит Аwe!
Не нужно вздохов или ахов,
Его зовут Сережа Страхов [86].

Историк русской эмиграции в Югославии А. Б. Арсеньев упоминает и действовавший в Белграде Злободневный юмористический

[83] Там же. 3.VII.1926. № 1550. С. 3.
[84] Там же. 11.VII.1926. № 1557.
[85] Там же. 2.V.1926. № 1503. С. 4.
[86] «Бух!!! Bouh – revue satirique russe.. 1932. № 11. С. 3.

театр «Белая ворона», для которого писали такие известные всему Белграду личности, как издатель сатирического журнала «Бух!!!» Н. Февр, театральный обозреватель «Нового времени» К. Шумлевич, упоминавшийся уже поэт-песенник, издатель «Музыкальных новостей», один из основателей Союза русских писателей и журналистов С. Страхов. Так, 2 и 3 февраля 1941 г. на сцене Русского дома прошли два вечера, программа которых включала, как пишет А. Б. Арсеньев, песенку театра «Предсказания Нострадамуса на 1941 год», пару скетчей — «Проводы д-ра Пельтцера» и «Вчера и сегодня», пародию-буффонаду «Тарас Бульба». Режиссером был В. Хомицкий. Оформителем и художником по костюмам стал художник Н. Тищенко (псевдоним Н. Тэн)[87].

Неизменный спутник цивилизованного государства Music-hall действовал в Белграде уже в 1923 г. В октябре были поставлены бессмертная «Сильва» И. Кальмана, «Гейша» С. Джонса[88]. Месяцем раньше шел скетч «Когда имеют старого мужа»[89].

Развлекали беженцев и оперетки, в основном представленные на ресторанных подмостках. Так, в 1925 г. в бывшем Свободном театре начались спектакли опереточной труппы, организованной Бураго-Цехановской. Была поставлена на сербском языке «Жрица огня» В. Валентинова. Главную роль исполняла В. Бураго — оперная певица, но и «хорошая лирическая примадонна». Хорошие отзывы в «Новом времени» получили М. Ласка, Яковлев, С. Бартенев (Бартеньев) и артист Данулович (раджа). Были отмечены декорации Трунова[90]. Можно вспомнить 1 мая 1936 г., когда в Русском доме шла оперетта В. Валентинова «В волнах страстей». Режиссер и дирижер И. Годура. Участвовали: Сибирякова, Шенуарская, Орлова, Зорина, Роговая, Орлов, Томин, Шевелев, Островский, Яковлев и др.[91]. Не отставали и потомки Тараса Бульбы. Например, в 1930 г. белградская труппа малороссийских артистов под управлением М. И. Праведникова ставила оперетту «Наталка Полтавка» (соч. И. П. Котляревского), при участии З. И. Шереметьевской, Е. И. Владимировой, Босенко, Петренко и др.[92]. Как и у многих других русских трупп, своей

[87] *Арсеньев А. Б.* Русские театральные труппы...
[88] Новое время. 20.X.1923. № 746. С. 3; 26.X.1923. № 751. С. 4.
[89] Там же. 28.IX.1923. № 727. С. 4.
[90] Там же. 18.VI.1925. № 1238. С. 3.
[91] Царский вестник. 01.III.1936. № 490. С. 3.
[92] Новое время. 04.I.1930. № 2607. С. 3.

сцены у них не было, поэтому зрители могли увидеть ту же «Наталку Полтавку» и «Бувалыцину» в зале Чехословацкого дома[93].

«Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» — и артисты зарабатывали на жизнь своим «веселым» трудом. Однако в организации театра, балагана, дивертисмента нужно заметить и стремление сохранить себя русскими. Об этом отлично писал в «Новом времени» Н. З. Рыбинский: «... пока существует у исполнителей и у публики потребность в устройстве своих русских спектаклей, значит — существует и жажда родной, чистой речи. А это значит, что мы не обезличенная русская пыль, а русские люди, не забывшие свою родину. Ведь каждый такой спектакль на чужбине — собрание и актеров и зрителей во имя той России, которая, без деления на партии, едина для всех»[94].

И театр старались организовать везде. В 1921 г. в Белой Церкви был создан русский театральный кружок, отметивший в 1926 г. свое пятилетие, приурочив к этой дате «Бесприданницу»[95]. В 1921 г. в Панчеве также работал русский драматический кружок. Из постановок любопытно отметить пьесу А. Краковского с не терявшим актуальность и после революции названием «Денежные тузы», режиссер Клемонтович[96]. К этому времени в Герцегнови журналист П. Завадовский организовал музыкально-драматический кружок. Действовали 4 секции — литературы, вокально-музыкальный, драматический, живописи. В местечке Зеленика он поставил ударную комедию «Тетка Чарлея». Был для эмигрантов и «вечный-обычный» чеховский вечер. Выступала перед соотечественниками с романсами Чайковского севастопольская оперная певица Л. И. Завадовская [97]. Русская труппа в Дубровнике в течение двух зимних сезонов (1922, 1923) поставила более 75 пьес. Среди них «Вишневый сад» Чехова, «Мысль» и «Екатерину Измайлову» Л. Андреева, «Цепи» А. Сумбатова-Южина, «Осенние скрипки» И. Д. Сургучева, «Мечту любви» А. Косоротова, «В старые годы» Шпажинского, «Ревность» Арцыбашева и др.[98]. В начале 1920-х гг. в Сараеве также был организован русский драматический кружок «Общество русских любите-

[93] Там же. 01.1930. № 11. С. 3.
[94] Там же. 10.X.1926. № 1635. С. 3.
[95] Там же. 23.X. 1926. № 1646. С. 3.
[96] Там же. 23.X.1921. № 201. С. 4.
[97] Там же. 21.VIII. 1921. № 98. С. 4.
[98] Там же. 9.XII.1924. № 1086. С. 3.

лей искусства» для устройства русских спектаклей и концертов во главе с полковником-галлиполийцем А. К. Туполевым. К 1924 г. поставили уже «Медведя» Чехова и «Графиню Эльвиру» Мировича[99]. «В Загребе, — вспоминает М. Чаплинская, — русские эмигранты основали любительский театр. Основателем был Николай Федоров. В театре ставились не только классические русские пьесы, но и советские — чеховский "Вишневый сад", "Дядя Ваня", катаевская "Квадратура круга" и др. ...Евгения (Женя) Минакова была очень интересная молодая женщина и дивно играла. Были там Вера Верес и Мольнер, Догестанский Борис, его сестра Тамара и их мама, братья Грудзинские, Щербакова и ее дочь Шурочка, старший Сергеев, художник Сергеев, красивая молодая женщина и ее муж (забыла, как их зовут) и т. д. Среди них была самой молодой. Играли в основном на Иеронимском зале на Зриньевце. У нас был свой гример из Хорватского народного театра. Шурочка и Тамара Догестанская были суфлерши. Они меняли друг друга. В Загребе в то время было много эмигрантов. Театр всегда был полон»[100]. Этот театр появился летом 1931 г. не только из артистов, но и из «зрителей», «чтобы с помощью живого слова сплотить эмиграцию, напомнить блестящие страницы прошлого и, хоть немного, познакомить с текущей культурной жизнью России, поскольку она существует»[101]. Через пять лет в прессе писали, что театр «является серьезным национально-культурным фактором в загребской общественной жизни. Ею интересуются и с ней считаются не только русские общественные круги, но и местное сербско-хорватское общество. Театральные постановки студии рассматриваются как известного рода событие и отмечаются с большой теплотой местной печатью. Кроме театральных постановок студия периодически устраивает публичные литературные собрания, посвященные различным художественно-национальным событиям»[102]. Русский театральный сезон 1935/1936 г. открывался в Загребе «Дядей Ваней», потом планировались «Власть тьмы», «Бесприданница», «Дети Ванюшина»[103].

Театр «спасал» и от привычного пьянства. На станции Смедерево при государственной мастерской ее управителем Новаковичем

---

[99] Там же. 26.VIII.1924. № 998. С. 3.

[100] *Čaplinski M.* Moj život // Knjževna smotra. Zagreb, 2001. № 119. С. 93

[101] *Д.С.Г.* Русская драматическая студия в Загребе // Обозрение. 20.IX.1935. № 16. С. 5.

[102] Там же.

[103] Там же.

было найдено помещение для сцены, на которой стали ставить пьесы члены созданного русско-украинско-сербского кружка любителей сценического искусства. Сформирован был и струнный оркестр. В «Новом времени» благожелательно писали: «Раньше рабочий шел в кафану, где пропивал полученное в субботу жалованье... Теперь по субботам и воскресеньям рабочий люд за скромную плату идет в театр», где можно было посмотреть украинскую оперетту «Бувальщина», незатейливую комедию «Блудница Митродора»[104]. Конечно, обольщаться не следует о поголовном отрезвлении, но театр, как бы то ни было, «отрывал» народ от «волшебной бутылки», позволявшей забыться.

Русские в своих комедиях всегда умели смеяться над собой. И начало русского театра в Белграде, как в большинстве провинциальных трупп, связано с фарсом, пародией, гротеском, комедией. Организованное осенью 1921 г. в столице Королевства русское литературно-художественное общество свой театральный путь начало с постановки пьесы Н. Я. Агнивцева «Колобок». Напомню, что «Колобок», олицетворявший Россию, «уходит» от бабушки, от дедушки, от Мамая, от Малюты, от Бонапарта, от Вильгельма и в конце концов от Троцкого, у которого «он срывает красный флаг и рвет его на клочки под шумные рукоплескания публики»[105]. «Веселил» зрителей и А. М. Ренников, пьесы которого не оставляли равнодушными зрителей, которым в иронично-гротескной форме показывали их же жизнь в изгнании. Можно здесь назвать его пьесу «Тамо далеко» (из жизни русских беженцев). Она была поставлена русским литературно-художественным обществом в Белграде 2 июля 1922 г. в здании Манежа при участии артистов Балашевой, Бологовской, Перес-Павлович, Ракитиной, Свечинской, Борзова, Бологовского, Миркович, Ракитина, Суходольского. Роль главного героя Петра Ивановича Прыгунцова играл Ю. Л. Ракитин, избравший этот спектакль для своего бенефиса[106].

Весной 1923 г. была с успехом поставлена в Белграде пьеса Ренникова «Индейский бог» о быте русских беженцев[107]. Он снискал известность не только как комедиограф. 6 декабря 1925 г. в национальном театре «Манеж» русское литературно-художественное

[104] Новое время. 16.04.1929. № 2387. С. 3.
[105] Там же. 10.XII.1921. № 190. С. 3.
[106] Там же. 25.VI.1922. № 340. С. 1.
[107] Там же. 27.IV.1923. № 600. С. 3.

общество поставило его пьесу «Дом сумасшедших» — трагический фарс в 3-х действиях. Режиссер Ракитин. Художник Жедринский [108]. Нельзя не упомянуть и автора «смешных до слез» пьес, режиссера, актера В. В. Хомицкого, сценический псевдоним — (Вячеславский). О себе он писал: «Отец — генерал, военный юрист, коренной москвич, мать из орловской помещичьей семьи (Ливенского уезда), где я провел детство. Среднее образование успел окончить еще в России, в Киеве. Бог миловал — до сих пор не воевал, а служил в Добровольческой армии переводчиком в Английской миссии. Потом Лемнос, Константинополь. Основной своей профессией, вопреки всякой очевидности, считаю театр и с 1925-го непрерывно играю на сцене. Ни одна русская театральная организация в Белграде — любительская, полулюбительская и профессиональная — не обходится без моего участия. Сейчас состою актером в Русском драматическом театре в Белграде, играю по преимуществу любовников, но иногда (причем очень их люблю) и характерные роли. Сыграл за все эти годы не менее 100 крупных ролей и, не будь дело в эмиграции, конечно, целиком посвятил бы себя Театру. Также приходится служить [...] Днем, когда бывает время, — пишу пьесы, а по вечерам хожу на репетиции и играю на сцене. С детства писал стихи, а к театру пристрастился с 15-ти. До первой пущенной в свет пьесы написал 5–6 вещей (проба пера), которые уничтожил. Сейчас гуляют по свету 5 моих пьес-комедий (“Эмигрант Бунчук”, “Крылья Федора Ивановича”, “Вилла вдовы Туляковой”, “Витамин”, “Ванька-Встанька”)...»[109].

Успех ему принесла трагикомедия «Эмигрант Бунчук», вошедшая в репертуар русских театров в разных странах. Примерно в 1970-х гг. она была возобновлена в Латинской Америке. Эта пьеса «прочно вошла в историю русского зарубежного театра». «“Эмигрант Бунчук” появился, — писал В. Завалишин, — когда первая волна эмиграции открывала один ресторан за другим. Их открывали князья и графы, генералы и полковники, бывшие денщики и урядники, бывшие купцы и городовые. Одни рестораны лопались, другие процветали». Принимал участие в спектаклях труппы Ю. В. Ракитиной. Сценический псевдоним В. Вячеславский. Играл крупные

[108] Там же. 29.XI.1925. № 1378. С. 3.

[109] «Бегу всегда к стенке, с которой стреляют». Письма Всеволода Хомицкого Николаю Евреинову 1942–1943 / Публ., вступ. статья и примеч. В.В. Иванова // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века. С. 331–332.

роли в пьесах Н. Н. Евреинова «Самое главное» (1932), «Любовь под микроскопом» (1933), играл Глумова (1936). В 1936 г. во время гастролей П. А. Павлова и В. М. Греч играл Карандышева, Барона, Анучкина[110]. Занимался переводами. В частности, был автором перевода пьесы Луи Вернейля «Кузина из Варшавы», поставленной Ракитиной в театральном зале Чешского дома (Гарашанинова, 6; Студеничка, 38) в 1930-х гг.

Его пьеса «Витамин Х» была принята в 1935 г. в репертуар Народного театра в Скопле, где до этого не ставились пьесы о послереволюционной России[111]. В том же году «лучший комедиограф эмиграции» читал свою очередную «штукенцию» «Ванька-Встанька», построенную на житейском анекдоте. В прессе писали: «В отношении литературности “Ванька-Встанька” (метко схваченный делец Столетов) уступает “Крыльям Федора Ивановича”, но в смысле сценическом представляет новый шаг вперед в развитии дарования Хомицкого»[112].

В 1938 г. поставил пьесу В. В. Набокова «Событие» и сыграл роль художника Трощейкина. В письме к Н. Н. Евреинову от 23 декабря 1938 г. писал: «...играю, найдя некоторое утешение в том, что пользуюсь для этой роли многими житейскими чертами Ю. Л. Ракитина (того Ракитина, которого Вы в Париже увидеть не могли). Не далее как вчера я сказал об этом самому Юрию Львовичу, и он чуть не обиделся»[113]. Сыграл ту же роль в 1939 г. в антрепризе известного театрального деятеля, крупного журналиста Е. Жукова. После Второй мировой войны был в американской зоне оккупации. В лагере для перемещенных лиц собрал вокруг себя группу артистов, с которыми выступал с концертами. В 1951 г. прибыл в Нью-Йорк. В 1957 г. организовал Передвижной русский театр, с которым объездил все места русского рассеяния в США. Об успехе этого начинания свидетельствует 18-летний период работы театра. В издательстве его театра выпущены три его книги: «Пятнадцать избранных одноактных пьес» (1964), «Вторая книга пьес» (1973), «Третья книга пьес: “Эмигрант Бунчук” и другие комедии» (1975)[114].

---

[110] Там же. С. 332.

[111] Х.У. // Обозрение. 20.IX.1935. № 16. С. 5.

[112] Там же.

[113] Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 566.

[114] Бегу всегда к стенке... С. 332.

«Всеволод Хомицкий написал множество коротких скетчей с тремя или четырьмя персонажами. Эти скетчи, — подчеркивал в некрологе Вяч. Завалишин, — как правило, смешны, но смешны каким-то болезненным смехом. Бедствующий эмигрант — неудачливый, выбитый из колеи, но сохранивший чувство собственного достоинства и любовь к России — вот герой скетчей Хомицкого. С большими пьесами, написанными после "Эмигранта Бунчука", ему как-то не везло. Пьеса "Разъединение" оказалась неудачной. Многим лучше смешная остросюжетная комедия "Самозваный двойник Хрущева". Хомицкий написал эту комедию в расчете на двух главных исполнителей: на замечательную актрису Марию Астрову, которая стала его доброй феей, и на выдающегося комедийного актера Владимира Апошанского. Но неожиданная смерть Апошанского прервала работу драматурга над пьесой». «Последние годы своей жизни Сева Хомицкий провел в уединении. Сказалось состояние здоровья и творческая апатия человека с душой и талантом, жизнь которого сложилась не так, как ему бы хотелось» [115].

В другой пьесе «Радуга» также был Белград образца 1927 г. Эту пьесу можно охарактеризовать как беженскую хронику с обрисовкой русского быта и настроения [116].

Именно настроения ностальгии были лейтмотивом многих выступлений актеров и актрис. Так, 15 мая 1923 г. в «Манеже» был поставлен «Вечер о России». Первое отделение «России черный год» началось с «Молитвы ребенка», причем последний, как писал развеселившийся рецензент, был весьма основательных размеров. Второй номер был мимеодрама — «Распятая Россия», которую играла женщина с красным шнуром на шее и вокруг талии. Она в своих «попытках» сорвать шнур изображала терзания России. В «Новом времени» иронически замечали, что не было ни России, ни терзаний, ни пластических поз, а была «мимо драмы»[117]. Однако второе и третье отделения, по отзыву той же газеты, удались лучше: были «милые призраки» времен Тургенева, «дни безоблачной лазури» — времени Островского и Чехова[118]. Актрисы: А. С. Бошкович, Т. В. Ветчинина,

[115] *Завалишин Вяч*. Памяти Всеволода Хомицкого // Библиотека-фонд Русское Зарубежье. Научный архив. Альбом «Некрополь» А. Калугина. № 4. С. 27; Новое Русское Слово. 26.XI.1980.

[116] Новое время. 11.XI.1927. № 1960. С. 3.

[117] Там же. 19.V.1923. № 617. С. 3.

[118] Там же. 11.V.1923. № 611. С. 3.

К. И. Исаченко, Е. Д. Полякова, М. С. Прокофьева, И. А. Приселкова, Ю. В. Ракитина, К. А. Сибирякова. Актеры: Е. М. Андрович. В. Д. Бараов, А. М. Бокарев, Н. М. Дианов, А. Л. Суходольский, В. А. Стрешнев, В. И. Щучкин и др. У рояля А. Н. Алексеев. Декораторы В. А. Жедринский, Н. И. Исаева[119].

«Терзания России» совсем по-иному были представлены в шедшей в марте 1928 г. пьесе Е.В. Глуховцовой «Новый рай», поставленной на сцене здания школы, расположенной на ул. Короля Петра. В спектакле из современной советской жизни героиня Анна (А. М. Храповицкая), мстя за своего брата, убивала чекиста-фанатика Вихмана (Н.Д. Попов), сваливая вину на строившего на коммунизме свое личное благополучие мужа-коммуниста (В. Эккерсдорф), якобы убившего из ревности. Режиссер Н. З. Рыбинский. Декорации по эскизам В. П. Загороднюка[120]. Остроту пьесе придавало то обстоятельство, что Глуховцова совсем недавно прибыла в Белград из СССР — этого «нового рая», атмосферу которого постаралась воссоздать. Замечу, что судьба была немилосердна к Елизавете Владимировне, умиравшей, по свидетельству В. А. Маевского, в нищете и холоде в военном Белграде.

Однако основное внимание все же уделялось классике. «Союз сделался тем культурным центром, вокруг которого стали объединяться не только писатели и журналисты, но и профессора, артисты, художники. ...Союз организовал в Белграде две выставки — А. А. Вербицкого и В. Я. Продаевича — копии фресок древних сербских монастырей и А. А. Вербицкого — «Старый и новый Белград», а с 1926 по 1930 гг. были поставлены спектакли: под режиссерством А. Д. Сибирякова: «Гроза» и под режиссерством Ю. Л. Ракитина — «Вера Мирцева», «Осенние скрипки», «Плоды просвещения», «Сестры Кедровы», «Квадратура круга» и «Графиня Юлия». Был организован концерт русской музыки, лит. худ. вечер членов Московского Художественного Театра, спектакли В. Гайдарова и О. Гзовской и спектакль-концерт «Вечера на хуторе близ Диканьки»... Белградское русское художественно-драматическое общество, сформированное к середине 1920-х гг., также ставило в Народном театре в «Манеже» многие спектакли. Так, 2 и 10 октября 1925 г. прошел в постановке А. А. Верещагина спектакль «Царь

[119] Там же. 10.V.1923. № 610. С. 4.
[120] Там же. 18.III.1928. № 2070. С. 3.

Федор Иоаннович». Декорации и костюмы А.А. Вербицкого. «Цены на искусство лицедеев» колебались от 10 до 45 динаров. Ложи шли по 200 динаров (50 динаров — 1 доллар. Обед в ресторане примерно стоил 10 динаров. Средняя заработная плата 700–900 динаров.)

Участвовали Е. Г. Немирова, Е. Г. Романова, В. Д. Чалеева, А. М. Храповицкая, В. Н. Васильев, П. К. Владимиров, Н. П. Виноградов, А. Н. Зозулин, В. К. Киевский, Л. В. Леонский, В. Ф. Лиозин, А. В. Нечаев, Е. М. Пегеляу, А. Д. Попов, П. П. Платонов, К. Я. Пушкарев, М. М. Сергеев, Н. П. Славский, Г. Н. Юрьев, В. К. Яцын, В. И. Щучкин, Е. Л. Энден и др.[121].

1 ноября 1925 г. в Народном театре в «Манеже» прошла пьеса В. А. Трахтенберга «Ведьма». Режиссер Ю. Ракитин. Художник В. Жедринский. Цена билета была поменьше — от 8 до 40 дин. Актрисы: М. Козловская, Е. Немирова, Ю. Ракитина, А. Стефанская, актеры: Е. Андрович, В. Борзов, М. Волков, Е. Евгеньев, М. Манглер[122]. 19 январе 1926 г. была возобновлена постановка Островского «Без вины виноватые», шедшая в прошлом сезоне. В роли Незнамова выступил А. А. Балабан, оперный певец, один из лучших опереточных артистов, а теперь и драматический актер. Роли Отрадиной и Кручининой играла Ю. В. Ракитина, сменив в этой роли Яблокову[123]. В декабре общество поставило старую русскую пьесу Ю. Д. Беляева о крепостных русских актерах — «Псиша». Режиссер А. И. Сибиряков. Художник Вербицкий. Роль Псиши — Лизы Огоньковой — исполняла Мансветова, много раз игравшая эту роль в России. Роль помещика Калугина, самодура и «барина» — Пегелеу. А. Храповицкая играла старую актрису Сорокадумову[124].

В русской эмигрантской прессе, в россыпи ее статей и заметок, посвященных театру, музыке, постановкам, именам исполнителей, режиссеров, драматургов, дирижеров, была, подчеркну, одна характерная черта того времени — связь русского сценического искусства с сербским, тесно связанным с многострадальной историей своего народа, отечественной литературой. Хрестоматийный пример: постановка М. Ристичем 5 февраля 1926 г. русским драматическим кружком в Белграде в театре «Манеж» комедии Б. Нушича «Свет». Участвовали А. Ф. Александрова, Л. Н. Бенуслевич, Е. М. Елина,

---

[121] Там же. 25.IX.1925. № 1322. С. 4.
[122] Там же. 27.X. 1925. № 1349. С. 3.
[123] Там же. 23.I.1926. № 1420. С. 3.
[124] Там же. 5.XII.1925. № 1382. С. 3; 18.XII.1925. № 1393. С. 3.

Б. Н. Конради, Е. В. Узунова, В. Д. Чалеева, А. М. Храповицкая, О. А. Шадурская, Н. Н. Виноградова, В. В. Вячеславский, А. Б. Зозулин, П. Е. Трунов, П. П. Платонов, М. М. Сергеев[125]. Появление этого спектакля было вызвано, как подчеркивалось в «Новом времени», стремлением ознакомить русское общество, «живущее в Югославии и тесно переплетшее жизнь свою с жизнью наших гостеприимных хозяев», с оригинальными литературными произведениями. Это и составляло «почтенную и благодарную задачу» деятелей русской сцены. Сама постановка... встретила у публики прекрасный прием, который вылился в форму «трогательного русско-сербского единения»[126]. С этим спектаклем труппа выступила и 20 февраля на сцене Народного театра в Новом Саде[127].

И еще немного о деятельности общества. 22 апреля 1926 г. оно представило два спектакля. Первый — из жизни Сербии XIV века — «Осень короля» сербского писателя М. Боича в переводе В. Хомицкого, расцветившего текст звучными стихами. Второй — известная «Фортуна» М. Цветаевой. Обе пьесы ставил М. Ристич. Автором музыки для них был В. А. Нелидов[128]. Была и русская классика. В октябре общество ставило «Воеводу» (второе название «Сон на Волге») А. Н. Островского с плясками и пением. Так, хор под управлением Проскурникова исполнял ряд старинных русских песен, композиций Мусоргского и Римского-Корсакова, народных, аранжированных Ф. В. Павловским[129]. Далматов играл роль воеводы, самодура. Удалого молодца «ушкуйника» Романа Дубровина — Юрьев. Щучкин прекрасно сыграл торговца Власа. Романова представила «милый образ русской девушки, у которой терем не убил все чувства». Отмечены были и декорации Жедринского[130]. В ноябре 1926 г. оно поставило пьесу А. Косоротова «Мечта любви», обошедшую в свое время все русские сцены. Т. Яблокова играла героиню Мари Шардон, роль которой в свое время исполняли М. Э. Павлова (урожд. Пистокольрс), Е. А. Полевицкая, Е. М. Грановская. Партнером Яблоковой был Эккерсдорф[131].

[125] Там же. 23.I.1926. № 1420. С. 3.
[126] Там же. 9.II.1926. С. 3.
[127] *Качаки J*. Руске избеглице... С. 370.
[128] Новое время. 20.IV.1926 № 1493. С. 4.
[129] Там же. 16.X. 1926. № 1640. С. 3.
[130] Там же. 22.X. 1926. № 1645. С. 3.
[131] Там же. 25.XI.1926. № 1674. С. 3.

К 1925 г. русское художественно-драматическое общество насчитывало, по утверждению А. Б. Арсеньева, свыше 80 артистов. Как пишет этот известный исследователь русской эмиграции в Югославии, за три года эта труппа представила на сцене свыше двадцати спектаклей, в основном русских авторов. Режиссерами были А. Сибиряков, Л. Мансветова, А. Верещагин, В. Щучкин, Ю. Ракитин, Я. О. Шувалов, А. Баташев, Н. З. Рыбинский, М. Суворин, М. Манглер, В. Яцын, В. Вячеславский (наст. фам. В. Хомицкий). При этом наиболее часто постановщиком являлся Ф. В. Павловский, оперный режиссер сербского Национального театра. По субботам эта «полупрофессиональная труппа» встречалась в подвальном помещении русской столовой М. Сергеева на ул. короля Милутина, где была устроена самодельная сцена[132]. Однако состав не был постоянным. Так, к началу сезона 1925/26 г. из русского художественно-драматического общества вышли Л. В. Мансветова, режиссер Скоплянского театра А. Д. Лескова, Е. В. Локателло, А. И. Сибиряков, М. Ристич[133].

Осенью 1928 г. в русском художественно-драматическом обществе возникла «репертуарная смута». Так, сезон открывали пьесы «Власть тьмы» Л. Н. Толстого и «Шпанские мушки» С. Ф. Сабурова (муж артистки Е. М. Грановской). В специально выпущенной листовке это обстоятельство постановки комедии трактовалось следующим образом: «Данный спектакль ставит своей задачей предоставить непринужденный отдых... и, таким образом, явится тем местом, где можно будет уйти от сложных волнующих нас вопросов...». Автор заметки в «Новом времени» язвительно в ответ замечал: «...Вообще обществу надо серьезно подумать над своим репертуаром, так как при 3–4 спектаклях в сезоне выбор пьес должен быть особенно осмотрительным и экономным. Мы недостаточно богаты возможностями, чтобы болтаться между Толстым и Сабуровым и не знать, чего же нам в сущности хочется: "революции или севрюжины с хреном". Засорить репертуар „Шпанской мушкой" столь же неэкономно, сколь и трудиться полгода над "Властью тьмы" впустую». У Толстого зрительный зал был пуст, а у Сабурова полон. Лучше пустую комедию в приличном исполнении, нежели содержательную драму в плохом. В «Шпанских мушках» играли Манглер, Рыбинский, Па-

[132] *Арсеньев АБ.* Русские театральные труппы...

[133] Новое время. 27.IX.1925. № 1324. С. 3.

нов, Палилов, Дочевский, М. Н. и П. Е. Труновы[134]. В итоге произошел раздел с образованием двух трупп — Театра русской драмы и Русской студии театрального искусства (по данным А. Б. Арсеньева — Русской студии драматического искусства).

7 ноября 1928 г. состоялось общее собрание членов новой студии, в состав которой вошли Е. Д. Дикая, М. А. Золотарева, А. Я. Королева, Е. Г. Романова, Л. А. Холодович, А. М. Храповицкая, Е. Н. Яснопольская, М. Н. Березов (м.б. Борзов? — *В. К.*), В. В. Вячеславский, В. И. Жедринский, В. П. Загороднюк, В. Ф. Лиозин, Н. Д. Попов, В. И. Пржевальский, А. А. Романов, В. Эккерсдорф. Председатель студии В. П. Загороднюк. Было принято решение о постановке в декабре французской комедии Ж. А. де Гальяви и Р. де Флери (в пер. Ел. Кугель) «Любовь на страже»[135]. Однако Франция не спасла студию, прекратившую вскоре свою сценическую деятельность. Возможно, причиной развала были «вечные интриги», на которых держится театральный мир. Правда, надо не забыть подчеркнуть, что студия выступила инициатором постановки детских спектаклей. Так, в начале марта было объявлено о постановке в «Манеже» пьесы «Маленький лорд Фаунтлерой» по роману Бернета в инсценировке В. Хомицкого и в режиссуре В. Загороднюка. В главных ролях были заявлены Л. Нильская, Е. Романова, Е. Яснопольская, М. Березов, В. Вячеславский, В. Лиозин[136].

Гораздо дольше — до 1936 г. — продержался Театр русской драмы под руководством Ю. В. Ракитиной. Его артисты представили зрителю, пишет А. Арсеньев, свыше 30 пьес русских, зарубежных и советских авторов[137], как, например, М. Булгакова и И. Ильфа и Е. Петрова. Игравшие в труппе «артисты, или полуартисты и полулюбители», по словам ироничного Ракитина, тем не менее добивались успеха в завоевании зрителя. Отлично прошла «Комедия счастья» Евреинова. Ракитин писал ему в декабре 1932 г., что его пьеса прошла в Белграде «при полном зале с успехом, которому может позавидовать не всякий европейский театр в Балканском полуострове»[138]. В театре Ракитиной была поставлена и еще одна комедия Евреинова «Любовь под микроскопом». Муж-режиссер в своем «письме-отчете»

---

[134] Царский вестник. 18.XI.1928. № 14. С. 3.

[135] Там же. 25.XI.1928. № 15. С. 5.

[136] Новое время. 26.II.1930. № 2650. С. 3.

[137] *Арсеньев А. Б.* Русские театральные труппы...

[138] Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 254.

автору «докладывал»: «На скромной сцене со скромными средствами я ставлю экспериментальные спектакли. Так, Ваша пьеса была разыграна нами под огромной трубкой микроскопа, свисающей с потолка и дающей определенный круг света (в микроскоп наверху был помещен прожектор) на действующих лиц. Все было сконцентрировано под микроскопом (в поле его освещения)... Все мои артисты только здесь стали играть, исключение — моя жена и еще, может быть, один или два человека... Роль Ганны играет танцовщица наша из театра Марьяна Петровна Оленина... родная племянница Станиславского... Зала, где мы играем, с отвратительной сценой, целые дни занята лекциями... Спектакль прошел с большим успехом»[139].

Постановкой пьес занималась и драматическая студия при основанном в 1925 г. Союзе русских писателей и журналистов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. 24 января 1926 г. студия ставила «Грозу» при участии Л. В. Мансветовой и Г. М. Юренева. Катерина — Мансветова, Кабаниха — В. Н. Писарева, Варвара — К. А. Сибирякова, Кудряш — Г. М. Юренев, Дикой — В. И. Пржевальский. В спектакле принимали участие и журналист, писатель, автор книг о Распутине и Льве Толстом, организатор газетного дела, председатель Союза русских писателей и журналистов в Белграде А. И. Ксюнин, поэт С. С. Страхов, талантливый журналист, деятель культуры, основатель и директор «Югоконцерта» Е. А. Жуков, писатель-фантаст П. П. Тутковский. Режиссер А. И. Сибиряков. Художник А. А. Вербицкий[140]. Однако нельзя сказать, что ставилась только классика. В ноябре 1929 г. Ю. Ракитин «взорвал», писал А. Б. Арсеньев, Белград премьерой пьесы В. Катаева «Квадратура круга»[141]. Собственно говоря, устройство «взрывов» было свойственно этому замечательному режиссеру, что он доказывал неоднократно во время своей работы. В мае 1930 г. Союз ставил на сцене Русского Офицерского собрания «Графиню Юлию» Стриндберга. Режиссер Ракитин. В заглавной роли Ракитина. Ее партнерами были Л. Н. Нильская и В. В. Вячеславский. Цены шли от 10 динаров[142], т. е. по стоимости ресторанного обеда.

Ставились пьесы и другого порядка. В качестве примера можно назвать сочинение поэта, литературного критика, фельетониста

---

[139] Там же. С. 261.

[140] Новое время. 20.I.1926. № 1417. С. 4.

[141] *Арсеньев А.Б.* Русские театральные труппы...

[142] Новое время. 15.V.1930. № 2715. С. 3.

«нововременца» А. А. Бурнакина «Последний и решительный бой». Об этом произведении писали: «...политсатира на большевиков — по идейному заданию; оперетта-ревю — по форме в стиле “вампуки”, музыкальный фон которой — офокстротированный “Интернационал”, а сюжет — советская улица с характерным персонажем и сценками. Действие развивается кинематографическим темпом и заканчивается немой сценой по Гоголю. Написана в стихах, с пародиями и частушками»[143].

В начале февраля 1930 г. в белградском «Новом времени» промелькнуло известие об открытии 9 февраля в театральном зале Русского Офицерского собрания (Дечанская, 20) русского театра «Комедия», выбравшего первым спектаклем комедию А. Толстого «Касатка». В труппе состояли: Боровиковская, Васильева, Владимирова, Дочевская, Каренина, Мей, Набокова, Романова, Трунова, Викентьев, Виноградов, Вячеславский, Дочевский, Заярный, Ключарев, Королевич, Лиозин, Локтев, Морозов, Сергеев, Спафари, Трунов, Эккерсдорф, Юрьев. Оформители Дочевский и Трунов. Техчасть Мамонтов. В ближайшие планы театра входили постановки таких пьес, как «Темное пятно» Кадебурга, «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина, «Ниобея», «Завоеванное счастье», «На всякого мудреца довольно простоты», «Хорошо сшитый фрак», «Недомерок», «Благодать» и др.[144]. 14 июня 1930 г. театр в ознаменование дня Русской Культуры ставил в Русском Офицерском собрании кочующего по театральным сценам «Дядю Ваню» Чехова в постановке Шувалова[145].

В начале 1930-х гг. театральная молодежь вместе с профессионалами открыла в Русско-Сербском обществе (Дечанская, 18) свой театр миниатюр. Спектакли шли по субботам и воскресеньям. Репертуар — одноактные пьесы, водевили (в основном Аверченко и Иванова), лубки, балетные номера, пение, злободневные рапорты и пр. Цена скромная: 5–10 динаров. В антрактах и после — танцы. Каждый раз была новая программа[146].

Не отставали от взрослых и дети: в 1-й русско-сербской гимназии в начале 1930 г. был поставлен «Ревизор». Слесарша — ученица Сопегина, унтер-офицерша — Жученко, Анна Андреевна — Исаева, Марья

[143] Там же. 5.III.1930. № 2656. С. 3.
[144] Там же. 5.II.1930. № 2635. С. 3.
[145] Там же. 14.VI.1930. № 2739. С. 3.
[146] Царский вестник. 17.VI. 1934. № 401. С. 3.

Антоновна — Долинская, Хлестаков — Асеев, Городничий — Сергеев, Бобчинский — Дедовский, Добчинский — Духовской, Ляпкин-Тяпкин — Королевич, Земляника — Григорович-Барский [147]. Один из них, а именно Михаил Владимирович Духовской (1911/12–?), пробовавший себя в поэзии, член литературного кружка «Новый Арзамас», писавший в русские газеты в Белграде, не оставлял и театр. В 1930-х гг. участвовал в спектаклях труппы Ю. В. Ракитиной. Играл в Театре русской драмы в Риге. С 1940 г. входил в труппу Союза русских артистов при Русском доме. С 1941 г. — в труппу О. Миклашевского. В 1944 г. был арестован, отправлен в Москву и осужден[148]. В апреле 1930 г. в зале «Радничке Коморе» (Трудовой Палаты) (угол ул. Неманьина и Студеничке) гимназисты и гимназистки ставили для «почтеннейшей публики» три «вечных» пьесы — «Медведь», «Юбилей» и «Предложение»[149].

2 февраля 1930 г. в помещении Русского Офицерского собрания пьесой Г. Ибсена «Привидение» открылся Русский общедоступный драматический театр в Белграде, созданный упоминавшимся А. Ф. Череповым при участии учеников его школы[150].

Соруководителем нового театра был И. Е. Дуван-Торцов. В. Шверубович, вспоминая его, писал: «какой-то лысый, толстощекий человек... Это Дуван, наш Исаак Эзрович Дуван-Торцов, бывший актер МХТ, один из основателей Второй студии... Дуван был крупным провинциальным режиссером-антрепренером, одно время даже “держал сезон” в Киеве, но потом передал свои коммерческие дела каким-то компаньонам, а сам переехал в Москву и вступил в труппу МХТ. Играл он очень мало и держал себя чрезвычайно скромно, даже робко... После революции он каким-то образом оказался в Софии, где его пригласили на должность главного режиссера драматической труппы»[151]. Сам он сообщал о себе в белградской газете «Русский голос» за 1931 г. следующее: «Антрепренерскую деятельность начал в Вильно, а затем снял театр Соловцова в Киеве. Тут и протекала главная часть моей работы. Незадолго до войны передал театр Синельникову и поехал “учиться” в Москву, где и был принят в состав Художественного театра. Затем два года был дирек-

[147] Новое время. 15.I.1930. № 2614. С. 2.

[148] Когда весь мир чужбина... С. 575.

[149] Новое время. 1.IV. 1930. № 2679. С. 3.

[150] Царский вестник. 9.II.1930. № 78. С. 6.

[151] *Шверубович В*. О людях, о театре и о себе. М., 1976. С. 294, 295, 299.

тором Московского драматического театра. Два года был главным режиссером Национального театра в Софии, затем Берлин, русские спектакли в "Des Vestens", кино, главное режиссерство в "Синей птице", поездка по Европе и Южной Америке со своим театром миниатюр ("Маски"), Пражская труппа и турне Полевицкой»[152]. Добавлю еще мнение его коллеги Ракитина: «Человек совершенно опустившийся и аморальный»[153].

Безусловно, это мнение пристрастное и может быть объяснено тем, что Дуван-Торцов составил серьезную конкуренцию театру его жены. Но здесь трудно без соответствующей информации копаться в «грязном белье» театрального мира. Можно лишь сказать, что традиция соперничества была жива и артисты, привыкшие играть на сцене, «играли» и в жизни. Ракитин писал Евреинову 17 декабря 1933 г., что артисты труппы, возглавляемой Исааком Эзровичем, «провозгласили» его вместе с актерами и актрисами из труппы жены «большевиками и еврейскими прислужниками»[154]. Вот так, ни больше, ни меньше! А за что — за пьесы советских авторов, за мейерхольдовщину. В сущности, здесь была не политика, которая всегда присутствует в искусстве, разница лишь в дозе, а древняя как мир интрига. 2 мая 1931 г. на сцене «Театр на Врачаре» был поставлен Череповым патриотический спектакль «Минин», в котором главного героя играл сам Александр Филиппович[155]. Хочу заметить, что это был лишь один из спектаклей, имевших такую направленность. Патриотизм, вера в то, что Россия «выгребет», переживет Сталина и иже с ним, была сильна в патриотически настроенной творческой интеллигенции. После открытия в 1933 г. Русского дома имени императора-мученика Николая II с великолепным концертно-театральным залом там стала располагаться основная сцена для театра Черепова и Дуван-Торцова. В новом здании за первый сезон было представлено более 25 пьес (57 спектаклей). Ставилась в основном отечественная классика. 4 ноября 1933 г. в Русском доме прошел «патриотический» спектакль «Василиса Мелентьевна». Черепов — Грозный, Яблокова — Василиса, Каракаш — Андрей,

---

[152] Цит. по: Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 559.

[153] Там же. С. 269.

[154] Там же. С. 261.

[155] Царский вестник. 30.IV.1931. № 147. С. 3; 6.V.1931. № 149. С. 2.

Дуван-Торцов — Малюта Скуратов. Прекрасны, по отзывам прессы, были Немирова, Холодович и Волков[156]. 19 ноября 1933 г. прошла в постановке Дуван-Торцова «Свадьба Кречинского»[157]. 5 мая 1934 г. Русский общедоступный театр давал пьесу А. Аверкиева «Каширская старина». Пьеса позволяла показать красочный русский быт XVII века — старинные русские обряды и обычаи, хороводы, пляски, песни. Заглавные роли отдавались Черепову (Василий) и Холодович (Мария). В остальных ролях — Авчинникова, Арудовская, Волкова, Кузнецова, Алферов, Бахматов, Волков, Гранев, Каракаш, Махров, Никитин и др. Билеты шли от 5 с половиной динаров до 26 динаров[158]. Той же весной 1934 г. театр показал комедию Кадельбурга «Темное пятно». Обязательным для всякого уважающего себя театра был и «Живой труп», поставленный 4 марта 1934 г. Черепов брал себе роль Протасова, оперная примадонна Попова — роль Маши[159]. (Когда в 1936 г. в Народном театре был поставлен Ракитиным «Живой труп» Толстого, эту роль исполняла Янчевецкая[160]. Должно было привлечь зрителей и участие цыганского хора пол управлением Миклашевского[161]. 12 октября 1934 г. театр ставил в память 30-летней годовщины смерти Чехова «Вишневый сад». Роль Раневской поверялась Юровой, Лопахина — Черепову, Шарлотты — Дориан. На остальные роли привлекались актрисы Авчинникова-Красноусова, Пивоварова, Нольде, актеры Орлов, Миклашевский, Плющик-Плющевский, Франк, Трунов и др.[162].

Из бессмертных был и М. Е. Салтыков-Щедрин. В 1935 г. Черепов поставил и сыграл известного Иудушку[163].

К концу 1930-х гг. удалось достичь того, что премьеры в общедоступном театре шли еженедельно, чему содействовал приток новых артистов, а также приглашенных из других театров, в том числе и из других стран русского зарубежья[164].

Назову несколько имен.

---

[156] Там же. 12.XI.1933. № 370. С. 3.
[157] Там же.
[158] Там же. 6.V.1934. № 395. С. 3.
[159] Там же. 4.III.1934. № 386.
[160] *Димитријевић К.* Краљица руске романсе... С. 74.
[161] Царский вестник. 4.111.1934. № 386.
[162] Там же. 7.X.1934. № 417. С. 3.
[163] *Качаки J.* Руске избеглице... С. 372
[164] *Арсеньев А.Б.* Русские театральные труппы...

М. А. Ведринская в начале XX века играла в Василеостровском театре и Новом театре Л. Б. Яворской, в драматическом театре великой В. Ф. Комиссаржевской. С 1906 г. выступала на сцене Александринки. Потом, с сентября 1924 г. по весну 1935 г. был Театр русской драмы в Риге. С мая 1935 г. в столице Королевства Югославии. Играла в антрепризе у Е. А. Жукова, а также у Павлова и Греч. В 1935 г. поставила у Черепова обошедшую до революции все театральные сцены России пьесу А. Батая «Обнаженная». В январе 1937 г. сыграла на сцене Русского дома у Ракитина в «Сестре Беатрисе» Метерлинка. В 1939 г. вернулась в Рижский театр русской драмы [165].

Супружеская чета В. М. Греч и П. А. Павлов. Вера Мильтиадовна начала играть в МХТ с 1916 г. Была в составе «Качаловской труппы». В 1922 г. осталась за границей и вошла в «Пражскую труппу». Вместе с мужем возглавляла несколько трупп. Умерла, как и муж, в Париже в доме для престарелых. Поликарп Арсениевич с 1908 г. в МХТ. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. гастролировал с труппой в Югославии. В 1936 г. вновь приехал с женой в Королевство на гастроли, затянувшиеся на несколько лет, вплоть до 1942 года[166].

Супруги поставили в Белградском народном театре «Трех сестер» (2 ноября 1937 г.), «Вассу Железнову» (22 января 1938 г.), «Свадьбу Кречинского» (12 мая 1938 г.). Директор «Югоконцерта» Е. А. Жуков организовал с их участием в зимне-весенний сезон 1937/38 г. ряд русских спектаклей, во многом повторявший репертуар Русского театра в Париже: М. А. Алданова «Линия Брунгильды» (5 декабря 1937 г.), Н. А. Тэффи «Момент судьбы» (26 декабря 1937 г.), В. В. Шкваркина «Ночной смотр» (конец апреля 1938 г.). Добавлю, Е. А. Жуков (?–1959) во время оккупации был отправлен в Дахау. После освобождения вернулся в Белград и продолжал заниматься организацией концертов[167].

Еще одна чета — Н. О. Массалитинов и Е. Ф. Краснопольская. Муж в 1925 и в 1935 гг. ставил спектакли в Народном театре в Белграде. Жена, актриса МХТ, в эмиграции обосновалась в Софии, в

---

[165] Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 561; *Качаки J*. Руске избеглице... С. 356.

[166] Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 565; Бегу всегда к стенке... С. 591.

[167] Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 566.

1920–1921 гг. в составе «Качаловской труппы» МХТ выступала в Белграде, а в 1924 г. в составе труппы своего мужа. Позже неоднократно была в Королевстве с гастрольными поездками[168].

Сытный, хотя и «реакционный» Белград привлекал многих артистов. Например, в 1930 г. там прошли гастроли знаменитой «Синей птицы» Я. Д. Южного, «души и тела» труппы, хотя «тело» было отмечено рецензентом «Нового времени» как «довольно худосочное». Подчеркнут его блестящий конферанс, позволявший изумительно тонко и в то же время четко обыгрывать сценки из прошлого и настоящего[169]. В 1933 г. в Белграде «прошли гастрольные спектакли Е. А. Полевицкой, приехавшей сюда со старым, испытанным своим репертуаром, создавшим ей еще в России имя крупной артистки: «Последняя жертва», «Роман», «Вера Мирцева», «Идиот», «Дама с камелиями», «Дворянское гнездо», «Заза», «Гроза» и даже «Черная пантера» Винниченко. На всю первую серию объявленных спектаклей билеты были распроданы сразу же по объявлении гастролей. Почти все спектакли проходили в театре Дома русской культуры. Сербская печать также очень тепло отметила гастроли Е. А. Полевицкой»[170].

Конечно, нельзя не вспомнить и гастроли МХТ в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в начале третьего десятилетия двадцатого века. Предоставлю слово В. Шверубовичу, писавшему о посещении в 1921 г. Хорватии и Словении после Белграда, где они за шесть дней дали шесть спектаклей, среди которых были «обязательные» для понимания «загадочной русской души» «Вишневый сад», «Дядя Ваня», «Братья Карамазовы». Кстати, в Белграде им не особенно понравилось, «хотя принимали… очень хорошо, сердечно, приветливо и хлебосольно», вероятно, причина некоего раздражения была в необустроенности местной сцены, «крошечной, никак не оборудованной», и в том, что «декораций не было почти никаких», да и со светом были проблемы[171]. Итак, столица Хорватии «Загреб показался нам Веной, Парижем — одним словом, мировым центром. Это был поразительный город… В нем было два театральных здания, из которых одно первоклассное, пять-шесть вполне отличных гостиниц, музей живописи, прелестный пригородный парк… центральная

[168] *Арсеньев А.* Биографски именик руских емиграната. С. 247–248, 267–268, 278, 288.

[169] Новое время. 29.I.1930. № 2626. С. 3.

[170] Россия и славянство. 1.VII.1933. № 222. С. 4.

[171] *Шверубович В.* О людях, о театре... С. 309–310.

площадь — Елачичев трг — была обстроена прекрасными барочными зданиями. Главная улица — Илица — оживленная, всегда кишащая народом, с элегантными витринами магазинов, среди которых был огромный книжный магазин, где с первого дня нашего приезда были выставлены прекрасные издания Чехова, Достоевского, Горького, Гамсуна на сербском, хорватском, немецком и русском языках и большие портреты Василия Ивановича, Ольги Леонардовны, Станиславского и почему-то Шаляпина.

...На Илице был ресторан "Москва". Держал его Марко Иванович Карапич (правильно Гарапич. — *В. К.*). Это был сын знаменитого Жана — владельца одноименного московского ресторана в Петровском парке. Этот очень известный в старой Москве ресторан имел патент трактира второго разряда, открывался в четыре часа утра (он числился "извозчичьим двором") и закрывался в восемь часов вечера. В него приезжали докучивать после "Яра", "Стрельны", "Мартьяныча" и т. п., чтобы выпить чарку водки под популярную среди московских кутил жареную целиком чайную колбасу и пить чай "парами"... Вот сын этого Жана, работавший под отцовской маркой в Москве до самой революции, принявший русское подданство, после революции эмигрировал и открыл в Загребе эту "Москву" — ресторан, знаменитый русской кухней.

Узнав о приезде группы Художественного театра, в которой он предполагал увидеть своих московских гостей, он встретил нас на вокзале... С первого же дня задняя комната ресторана была закрыта для всех посетителей, кроме членов нашей группы... Это был наш дом, наш клуб, наш очаг...

Но главное, конечно, что сделало нашу жизнь и работу счастливой и радостной — это театр. Все в нем было прекрасно. Изумительная оперно-опереточная группа под руководством крупного дирижера; драматическая (ее возглавляли интересные, высококультурные режиссеры Гавелла и Иво Раич); балет возглавляла наша московская балерина Маргарита Фроман и ее брат. В репертуаре театра была и классическая опера и оперетта. Забыть не могу певицы Строцци в "Чио-Чио-Сан", комика Грундта в "Летучей мыши". Драматическая труппа была еще выше оперной...

Говорили все очень хорошо и охотно по-немецки. Ведь только три года тому назад это была Австро-Венгрия, и немецкая речь была в какой-то степени признаком образованности и культуры... Со дня нашей премьеры, еще до конца ее огромного ее успеха, после перво-

го же занавеса весь театр, все Narodno kazaliste — от Гавеллы и Раича до мальчишки-электрика, от главного интенданта (директора) до истопника — стали нашими верными друзьями и почитателями. Работать стало легче и приятнее. Успех рос от спектакля к спектаклю. Рецензии были восторженные... Загребский корреспондент одной из крупнейших газет Вены написал о наших чеховских спектаклях, что это крупнейшее художественное событие в послевоенной Европе... Играли мы в Загребе с 18 января по 13 марта... с большими и короткими перерывами»[172]. В одном из них была Любляна и очередной провал «Потопа». Причина неудачи была усмотрена в недостатке внешних эффектов, хотя в том же Белграде для усиления мощности шумов, сопровождавших слова о рухнувшей плотине, была вызвана «команда пулеметного взвода с двумя строенными пулеметами, из которых одновременно давалась короткая холостая очередь. Грохот был невыносимый, но на публику он почему-то не производил никакого впечатления»[173]. Зато прошел с успехом премьерный спектакль «На дне», получивший свою порцию аплодисментов и в Загребе, куда вернулась труппа. Затем Осиек, где были сыграны четыре спектакля — «Вишневый сад», злосчастный «Потоп», «Дядя Ваня» и «Осенние скрипки», снискавшие наибольший успех у публики[174]. О приеме «Потопа» автор умолчал. Видимо, и там пьеса не была воспринята зрителями, не «понявшими» мхатовцев. Потом был опять Белград: был успех, «но того контакта с публикой, той атмосферы дружбы со зрительным залом, какая была в Загребе, конечно, не было»[175].

Гастроли МХТ, теперь советского, в котором было столько друзей, не могли не вызвать у Ракитина, страстно любившего Россию небольшевистскую, чувства горечи за своих собратьев по театральному цеху. В своем «Открытом письме», опубликованном в прессе, он писал: «Уйдя от нас на ту сторону, Вы тем самым отнимаете у нас последнюю надежду на торжество правды, о которой Вы говорили нам, когда рассказывали нам о небе в алмазах, о том, что все зло уйдет, что все люди будут прекрасными и музыкальными, что наступит торжество добра и правды и что мы когда-нибудь отдохнем вместе

---

[172] Там же. С. 310–311, 313, 314.
[173] Там же. С. 317.
[174] Там же. С. 320–321.
[175] Там же. С. 322.

с Вами, милыми Соней, дядей Ваней, доктором Астровым и Еленой Андреевной. Эти слова, произносимые Вами по всему беженскому фронту, по которому Вы так триумфально проследовали и который молился за Вас, эти слова, господа, Художественный театр, обязывают. Вы хотите теперь уничтожить все, что сделано, посеяно Вами, хотите первыми сдаться и этим подчеркнуть, что борьба безнадежна и все кончено...»[176].

Но были и другие мхатовцы, которые не захотели творить в Советской России, я говорю об известной «Пражской труппе МХТ», гастролировавшей в Югославии в сезоне 1929/30 г. С ней была связана история о несостоявшемся «исходе» из Праги и «переселении» труппы в Белград. В рижской газете «Сегодня» (9 февраля 1930 г.) белградец Е. Месснер в статье «Помощь Югославии художественникам» писал: «Пражская труппа Московского Художественного Театра совершает сейчас турне по Югославии, турне, которое может быть названо триумфальным шествием русского театра по землям южных славян <...> Репертуар труппы состоит из пьес: “Раскольников” (“Преступление и наказание”, переработано Г. Хмарой), “Мысль” Андреева, “Сверчок на печи”, “Бедность не порок”, “Женитьба”. К осени художественники получат возможность расширить свой репертуар благодаря содействию югославского “Культурного комитета” во главе с профессором и секретарем югославской Академии наук А. И. Беличем. Комитет обеспечивает труппу средствами, чтобы она, по окончании турне, осев на несколько месяцев в гостеприимной Югославии и не выступая на подмостках, всецело занялась постановкой нескольких пьес. К постановке намечены “Федор Иоаннович”, “Отелло” и “Ревизор”. “Культурный Комитет”, оказывая внимание художественникам, выявляет те симпатии всего югославского общества к славной труппе, которые чувствуются в шумных чествованиях труппы, симпатии эти идут еще дальше — в белградской печати высказывались мнения о желательности предоставить труппе возможность обосноваться совсем в Югославии, покончив с гастрольными скитаниями по странам, где не могут понять глубин и высот славянского искусства»[177].

[176] Цит, по: *Вагапова Н*. Юрий Ракитин... С. 266–285.

[177] Цит. по: Туда и обратно. Письма Евгения Студенцова Юрию Ракитину 1929–1930 / Публ., вступ. статья и примеч. В.В. Иванова, А.А. Чепурова // Мнемозина Документы и факты из истории отечественного театра XX века. С. 580.

Действительно, казалось, все так и будет — все были согласны, начиная от соответствующих югославских структур, имевших решающий голос, до русских общественно-культурных институций с правом совещательного голоса. В августе 1930 г. в «Новом времени» появилась заметка о том, что основной состав артистов из «Пражской труппы» МХТ приступил к репетициям, что В. М. Греч и П. А. Павлов были на море и могут без грима играть в «Аиде», что И. Э. Дуван-Торцов не похудел, а Павленков отпустил усы и кажется «еще более громоздким». Там же сообщалось, что труппа состоит из 26 человек, среди которых есть новые имена, например, Б. А. Алекин, артист студии ХТ, прослуживший 6 лет в театре М. Рейнгардта. Не исключался приезд М. Чехова. К Рождеству планировались три постановки — «Ревизор», «Три сестры» и «Бродячая Русь». Первые две отдавались Ракитину на «деформацию», в чем его, случалось, упрекали сербские критики. Третья (измененное название пьесы Волкенштейна «Калики перехожие») должна была идти в постановке П. А. Павлова и А. А. Верещагина[178]. Как писали в «Царском вестнике», в этой пьесе воссоздается картина русского средневековья с междоусобной борьбой, похожей на современность. «Вся трагедия пропитана духом неудовлетворенности русской души и стремления ее к христианской истине, необретаемой в силу трагических обстоятельств»[179].

Намечалось открытие студии для подготовки артистической молодежи. Сезон тем временем намеревались открыть 10 октября постановкой в «Манеже» «Ревизора»[180]. Однако сроки с открытием сезона задерживались, хотя вера в начало работы оставалась. 19 октября 1930 г. группа артистов МХТ отслужила молебен перед открытием сезона[181]. В тот же день он был открыт «Ревизором»[182].

Но в конечном итоге настоящего «переселения» в Белград труппы не состоялось. Возможно, что правы В. В. Иванов и А. А. Чепуров в своих комментариях: «Возвращение в труппу прежних сотрудников могло осложнить (П. А. Павлов был “озабочен приглашением в состав ее всех прежних сотрудников, членов МХТ”), могло значитель-

[178] Новое время. 24.VIII.1930. № 2799.
[179] Царский вестник. 15.II.1931. № 131. С. 7.
[180] Новое время. 24.VIII.1930. № 2799.
[181] Там же. 21.X.1930. С. 3. № 2848.
[182] Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 555.

но потеснить положение нынешнего состава. Так или иначе, но по неизвестным причинам белградский проект не был осуществлен»[183].

Я позволю себе привести еще один сюжет, связанный с «переселением» В. М. Греч и П. А. Павлова в Москву. Представлю вначале слово В. В. Хомицкому, который писал Н. Н. Евреинову 11 ноября 1937 г.: «Павлов и Греч, приехав сюда из Парижа, допустили промах, не учтя местных настроений и не предвидя эффекта. Они дали в местные сербские газеты интервью о том, что в скором времени возвращаются в Москву, в лоно Художественного театра... не знаю, насколько серьезно был поставлен у них вопрос "о возвращенстве", но упоминание об этом... очень и очень не понравилось всевозможным русским организациям в Белграде. Представителем Русского дома (в котором находится театр)... было предложено поместить в газетах опровержение, хотя бы самое краткое и мало к чему обязывающее, но они отказались, сославшись на то, что за опровержение расстреляют их родственников в России (!!). Это через 17 лет после революции и за простое сообщение, что "слухи об их возвращении не соответствуют действительности"! Такой неудачный аргумент убедил всех окончательно в их желании вернуться в Москву». Комментатор этого сюжета В. В. Иванов приводит другое толкование ситуации рижской газетой «Сегодня» (1937. № 283. 15 октября. С. 8). Итак: «Однако совершенно неожиданно некоторыми кругами эмиграции против В. М. Греч и П. А. Павлова поднят был поход. Поводом послужило интервью, данное артистами в сербской печати по прибытии в Белград. В этом интервью В. М. Греч и П. А. Павлов делились своими впечатлениями о гастролях Художественного театра в Париже, на которых присутствовали... и о том, что получили приглашение вернуться в Москву, в Художественный театр. Несмотря на категорическое заявление артистов, что вопрос об их отъезде в СССР остается открытым, так как, кроме полученного приглашения, в этом отношении никаких шагов не предпринималось, — в Белграде досужие беженские политиканы протестуют против выступления "возвращенцев" в Русском доме, носящем имя Николая П.... вся история с "возвращенством" В. М. Греч и П. А. Павлова, как удалось проверить, действительно лишена всякого основания»[184]. «История» получила «счастливый» конец: актеры не вернулись в СССР и про-

[183] Цит по: Туда и обратно... С. 581.

[184] Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными... С. 566–567.

должали выступать на сценах Белграда. Но все перипетии сюжета ясно представляют политическое лицо эмиграции, ее отношение к «большевизанам», даже если у них есть театр.

Однако и этот театр не миновали смуты и скандалы. Как далее пишет Арсеньев, в марте 1936 г. вследствие неурядиц большое количество артистов покинуло театр, в мае бенефисная пьеса И. Д. Сургучева «Торговый дом» пошла не так, как планировалось. В итоге, по инициативе председателя Государственной комиссии по делам русских беженцев А. Белича, директора «Югоконцерта» Е. Жукова и югославско-русского попечительского комитета во главе с Б. Нушичем, было принято решение слить театр Черепова и Дуван-Торцова с театром Ю. В. Ракитиной. Руководителями новой труппы стали В. М. Греч и П. А. Павлов. При постановке пьес отечественных классиков, Островского, Чехова, Горького, все шло благополучно. Скандал разразился в связи с постановкой советской комедии «Даешь невесту» (авторы — И. Ильф, Е. Петров, В. Катаев) в Доме имени царя-мученика Николая II. В театре снова воцарилась атмосфера привычной смуты, не отставала и пресса, поднявшая шум. В такой ситуации старое руководство было смещено. Новым управителем на сезон 1937/38 г. стал приглашенный из Каира бывший жандармский полковник В. А. Стрекаловский. Однако, как заключает А. Б. Арсеньев, возлагавшиеся на него надежды не оправдались[185].

Актерская среда снова начала бурлить, к постановке пьес стали привлекаться другие режиссеры, в том числе старые, как Черепов, Греч и Павлов. Но спектакли шли, и это было главное. Не менее 200 пьес было поставлено на сцене Русского дома[186].

На его сцене в течение четырех лет выступал и основанный 7 сентября 1937 г. Русский драматический театр Союза русских артистов в Белграде во главе с Т. Н. Яблоковой. Кроме Яблоковой пьесы ставили А. Ф. Заярный, В. В. Хомицкий, К. Н. Томин, В. П. Загороднюк, Ю. Н. Офросимов, В. М. Греч с П. А. Павловым. Время от времени соседние по сцене Русского дома труппы объединялись для постановки пьес из русской классики[187].

О том непростом для театра времени О. П. Миклашевский вспоминал; «Нормальная жизнь нашего театра продолжалась до конца

[185] *Арсеньев А.Б.* Русские театральные труппы...; *Арсеньев А.* Биографски именик руских емиграната. С. 309.

[186] *Арсеньев А.Б.* Русские театральные труппы...

[187] Там же.

30-х годов, когда нас постиг первый удар: заболел и уехал из Белграда А. Ф. Черепов. Тяжело переживали члены труппы эту потерю, всячески стараясь сохранить структуру и общее направление театра, которые были столь необходимы при создавшихся условиях. Регулярные спектакли прекратились, некоторые актеры уехали из Белграда... Приблизительно в это же время произошла ликвидация театра Ю. Ракитиной, и актеры этой труппы во главе с... талантливым режиссером, актером и драматургом Всеволодом Хомицким перешли в наш театр, в котором В. Хомицкий поставил ряд удачных спектаклей. Возвратившись в конце лета (вероятно, в 1939 г. — *В. К.*) в Белград, я был вызван в Державную Комиссию. Мне предложили взять на себя художественное и административное руководство театром. Переговоры с несколькими ведущими артистами, которые единогласно потребовали от меня принять это предложение, я согласился. Большая и трудная работа к концу года (вероятно, 1939 г. — *В. К.*) позволила наладить более или менее нормальную деятельность»[188].

На излете 1930-х гг. в Русском доме, судя по изысканиям А. Б. Арсеньева, можно было увидеть спектакли из сокровищницы отечественной драматургии, современные пьесы, в том числе русских парижан — М. А. Алданова (Ландау), «кормилицу» актеров Н. А. Тэффи, С. С. Юшкевича, Н. Н. Берберовой, В. Сирина (В. В. Набокова), белградских аматеров-литераторов, например, С. Топор-Рабчинекой («Гордиев узел»), Н. З. Кадесникова («Талисман», «Серые птицы»), А. Жернаковой-Николаевой («Невольники луны»), В. Орловой-Павлович («Генеральша Матрена»). Незадолго до установления дипломатических отношений между Королевством Югославии и Союзом ССР труппа Яблоковой весной 1940 г. поставила в Русском доме пьесы из столичной жизни белградцев — фантастическую комедию «Первый поезд Белград–Москва», «Внимание, господа, я творю» и др. При этом, как пишет А. Б. Арсеньев, авторы были не указаны[189].

Были и сборные спектакли: В. А. Греч и П. А. Павлов поставили 23 февраля 1941 г. свой «Вишневый сад». Заглавные роли играли: Ракитин (Гаев), Ракитина (Раневская), Павлов (Фирс). Среди исполнителей были А. А. Дориан, А. М. Храповицкая, М. Т. Трунов,

---

[188] *Миклашевский О.* Русский общедоступный театр в Белграде // Новое русское слово. 1982.18.05.

[189] *Арсеньев А. Б.* Русские театральные труппы...

П. Е. Трунов, Е. Ф. Евгеньев, М.В. Духовской, Н. П. Рыбинский, С. А. Семынин, А. А. Орлов [190].

«В апреле 1941 г., — вспоминал О. П. Миклашевский, — разразилась гроза: немецкие части перешли югословенскую границу. Началась война. Вскоре после оккупации Белграда немцами было получено распоряжение немецких властей о прекращении деятельности театра. Однако не было сказано о ликвидации и роспуске труппы, что давало хоть слабую надежду на будущее. Подавленное настроение царило среди актеров... После долгих и трудных переговоров с оккупационным командованием удалось получить разрсшение на постановку спектаклей, но в более ограниченном количестве. Тем не менее театральная машина заработала. Не буду описывать все трудности и перемены, начиная с некоторого изменения названия ("Театр русских сценических деятелей") и переноса начала спектаклей на 4 часа дня (ввиду комендантского часа). Так наша работа продолжалась еще три с половиной года, в течение которых я оставался единственным режиссером. Состав исполнителей был несколько изменен (появились новые молодые таланты), но театр неуклонно соблюдал традиции и принципы, установленные А. Ф. Череповым» [191].

Как отмечает А. Б. Арсеньев, на сцене Русского дома пошли собиравшие полный зал пьесы из классического репертуара Островского, Чехова, Сухово-Кобылина, Гнедича, Мясницкого, Арцыбашева, Шпажинского и пр. Ставились и незатейливые «вещицы»: 24 мая 1942 г. был сыгран водевиль В. Крылова «Общество поощрения скуки», 22 августа — фарс В. Мюлле «Княгиня Капучидзе»192. Сезон 1943/44 г. открылся 5 сентября постановкой «Общества русских сценических деятелей» пьесы И. Н. Потапенко «Чужие». Из исполнителей в прессе отмечали А. А. Дориан в роли Марины Игнатьевны Дыбольцевой, подчеркнули, что Л. А. Холодович смягчила и облагородила тип вдовы Уткиной, а Л. Г. Седова из страдающей Алины Петровны сделала «шипящую, злую женщину». Был отмечен успех С. А. Семынина в роли Дыбольцева и удачный дебют А. Д. Трембовельского. Заслужил похвалу от автора рецензии В. Гордовского и М. В. Духовской[193]. В том же

[190] Там же.
[191] *Миклашевский О.* Русский общедоступный театр...
[192] *Арсеньев А. Б.* Русские театральные труппы....
[193] Русское дело. 12.IX.1943. № 15. С. 4.

сезоне прошли: «Первая муха», «Женитьба», скетч К. Н. Томина и Л. Д. Авчинниковой-Красноусовой «В чужой квартире»[194]. 5 декабря 1943 г. было устроено сборное представление в постановке Миклашевского. Вначале зритель мог увидеть комедию Гнедича «Горящие письма», потом был балет: мазурка, муз. Штрауса; Персидский танец, муз. Акиальбы; Явайский танец, муз. народная; Восточный танец, муз. Верди; Венгерский танец, муз. Брамса; Тирольский танец, муз. Шюца. Завершал представление в военном Белграде скетч знаменитой Тэффи. Оформителем спектакля был С. И. Кучинский. Руководство музыкальной частью было поверено Н. М. Васильеву[195]. Можно вспомнить и 19 декабря 1943 г., когда Миклашевский поставил в пользу Союза русских женщин VII спектакль под удивительным названием — «...?» — веселую комедию с участием Жилиной, Седовой, Строновской, Донского, Миклашевского, Трембовельского. Художник С. И. Кучинский. Помощник режиссера Н. С. Белавина[196].

Последними пьесами, поставленными труппой Миклашевского к тому времени, когда поражение Берлина становилось очевидным, были комедии «Веселый месяц май» Л. Иванова (20 августа 1944 г.) и И. И. Мясницкого «Сыщик», поставленная в пользу Объединения семейств чинов Русского охранного корпуса (3 сентября 1944 г.)[197]. Напомню, что Белград был освобожден 20 октября 1944 г.

В военные годы в стране работал и «Веселый бункер», театр Пропагандного отдела Русского охранного корпуса, солдаты которого воевали с партизанами Тито, охраняли железные дороги, защищали сербов от усташей. 16 октября 1943 г. он первый раз выступил в Русском доме. Посещал с концертами самые заброшенные гарнизоны[198]. На Святки артисты устраивали елки с концертами. В «Веселый бункер» вошла премьерша русской драмы в Белграде Л. Д. Авчинникова-Красноусова, молодая и талантливая балерина школы Е. Д. Поляковой Т. Шамраевская, автор и исполнитель романсов С. Н. Франк, автор, режиссер, артист Г. Н. Томин, актер А. Д. Криницкий, актер Л. В. Хондажевский, гармонист Фесенко, опереточный артист болгарских театров В. О. Жуковский. В репертуаре одноактные оперет-

[194] *Арсеньев А. Б.* Русские театральные труппы...
[195] *Качаки J.* Руске избеглице... С. 361.
[196] Русское дело. 12.XII.1943. № 28. С. 4.
[197] *Арсеньев А. Б.* Русские театральные труппы...
[198] Русское дело. 26.IX.1943. № 17. С. 1.

ты, скетчи, комедии, лубки, балет, сольные номера[199]. Выступали балерина Н. В. Кирсанова, а также Т. Б. Максимова, Н. Тарновский. Актеры смешили зрителей в шинелях лубками и частушками[200]. Для солдат выступали Л. Колесникова, Е. Д. Вальяни, О. Н. Ольдекоп, Т. Б. Максимова, Воробьева, Н. Тарновский, П. Ф. Холодков, Н. М. Васильев[201]. 4 апреля 1943 г. под покровительством начальника управления российской эмиграции в Сербии ген. В.В. Крейтера в Русском доме ставился концерт, в котором участвовали Е. Вальяни, С. Драусаль, П. Холодков — пение; Воробьева, Вертепов, Л. Колесникова, Е. Корбе, Т. Максимова, А. Мирный, Н. Тарновский — балет, народные танцы; Борзов, А. А. Дориан, Вертепов, А. Мирный, Таня и Лиля Колесниковы, Лисенко, Пономаренко и др. — характерное исполнение в народных костюмах[202].

Вот, пожалуй, и все, что я раскопал в старом, но не устаревающем времени о театре, кино, его делателях, все о том мире искусства, где фальшивое выдается за жизнь, а жизнь «пробегает» за полтора-два часа представления. И тем не менее все же театр спасал русского человека хотя бы от приступов жуткой тоски, накатывавшей на него время от времени.

Русский театр учил молодежь любить свою Родину, ее язык, ее историю.

Русский артистический мир прочно вошел и в историю югославского театра, связанного с игрой и талантом русской богемы.

---

[199] Ведомости Русского Охранного Корпуса в Сербии. 1943. № 68. С. 3.

[200] Там же. С.4.

[201] Там же.

[202] Там же.

Ф. Е. Лукьянов

Русская эмиграция в Венгрии. Неизвестное. Будапештский концерт Сергея Рахманинова

Единственный «послеэмиграционный» концерт в Будапеште величайшего русского композитора и пианиста XX века Сергея Рахманинова в самом конце ноября 1928-го практически совпал с триумфальными гастролями в венгерской столице его ближайшего друга Федора Шаляпина. Судя по всему, совпадение было не случайным. К тому времени, начиная с 1925 года, Шаляпин уже трижды с огромным успехом выступил на будапештской сцене. Здесь у него уже появились знакомые и поклонники... Поэтому логично предположить, что будапештский концерт Рахманинова состоялся не без помощи давнего друга Шаляпина.

Моя судьба — судьба изгнанника...

В ноябре 1928-го Сергей Рахманинов приехал в Будапешт всего на один день. Венский экспресс с русским композитором прибыл на будапештский вокзал Нюгати в четыре часа пополудни 29 ноября 1928 года. Позади были выступления в Праге и Вене. Это европейское концертное турне Сергея Васильевича было первым после эмиграции из России в конце 1917-го. Вынужденный трагический разрыв с родиной не прошел даром. Творческий кризис затянулся почти на долгих десять лет. Лишь в 1926 году Рахманинов нашел в себе силы продолжить творческую работу. В тот год были закончены Четвертый концерт для фортепиано с оркестром, начатый еще в 1914-м, и Три русских песни для оркестра и хора. Это все, что было написано с 1917-го. Еще через два года, в 1928-м, пришли силы давать концерты в Европе, куда до этого он приезжал в основном отдыхать или по делам Русской консерватории в Париже, действовавшей с 1924 года...

Не испытывая никаких иллюзий относительно большевистского переворота в октябре 1917-го, как впрочем и в отношении Февральской революции, их катастрофических последствий для национальной России, Рахманинов уехал из охваченной революционным безумием страны одним из первых, еще до начала братоубийственной Гражданской войны. Сначала гастроли в Швеции, затем США, куда он приезжал с гастролями еще в далеком 1909-м. Аме-

рика станет для Рахманинова вторым домом и последним пристанищем. Он умрет в Беверли-хилз в марте 1943-го и будет похоронен под Нью-Йорком. А до этого, после начала Отечественной, станет давать благотворительные концерты, сборы от которых пойдут в пользу Красной армии... Но все это будет намного позже. Со своим лучшим другом Шаляпиным, с которым судьба впервые свела в далеком 1897-м и разлучила в 1917-м, он увидится лишь через шесть лет, только в 1923-м. Уехав из «большевистского рая» в 1922-м, Шаляпин, как только обустроился в Париже, поехал в Америку, к Рахманинову.

По воспоминаниям Елены Константиновны Сомовой, секретаря композитора, их первая встреча на чужбине, на даче Рахманинова в Нью-Джерси, осталась незабываемой. Вот что она пишет.

— Во втором часу ночи гости стали собираться домой. Шаляпин возмущенно остановил нас:

— Куда это вы? Я только что стал расходиться. Подождите, мы с Сережей вам покажем!

Сергей Васильевич сел за рояль, а Федор Иванович стал петь; пел много — пел песни крестьянские, песни мастеровых, цыганские и под конец по просьбе Сергея Васильевича спел «Очи черные». Разошлись мы на рассвете, а утром, когда все гости еще спали, я вышла в сад и увидела гуляющего по саду Сергея Васильевича. Несмотря на бессонную ночь, лицо у него было свежее, совсем молодое.

— Как Федя меня вчера утешил! — сказал он мне. — Мне теперь хватит этого воспоминания по крайней мере на двадцать лет...

В ту первую после эмиграции встречу два друга говорили о многом. Вспоминали последние перед Катастрофой годы, последнее относительно спокойное лето 1916-го, которое вместе проводили в Ессентуках. Старый знакомый Шаляпина музыкальный критик В. Корганов потом вспоминал: «Здесь, в Ессентуках Рахманинов хандрил и только присутствие Шаляпина оживляло его... За столом он не отрывал глаз от певца; он, видимо, испытывал эстетическое наслаждение, лицезрея и слушая знаменитого актера, его интонации, его мимику, он улыбался, хохотал до слез, слушая его шутки и анекдоты»... Тогда же, осенью 1916-го, в Крыму Шаляпин вместе с Горьким работал над своей книгой «Страницы из моей жизни»...

Как давно это было и где теперь они все? Шаляпин в Париже, Горький в Италии, Рахманинов в Америке... В любимой стра-

не хозяйничают большевики: все эти непонятно откуда взявшиеся Троцкие, Сталины, Каменевы, Зиновьевы, Радеки... Отныне встречи Шаляпина и Рахманинова по обе стороны Атлантики станут частыми, насколько позволяли сначала гастроли певца, а потом и концертные турне композитора. Еще раз повторю: уверен, что и выбор Будапешта для первого европейского турне Рахманинова явно случился не без влияния Шаляпина, который к тому времени уже протоптал сюда «тропинку» и встретил здесь незабываемый прием. Ведь не поехал Рахманинов в тот же Берлин, где русская эмиграция была количественно несравнимо большей, а поехал в Будапешт, где через неделю после его концерта должны были пройти очередные гастроли Шаляпина...

С царским паспортом не расставаясь

В тот же день, в половине восьмого вечера 29 ноября 1928-го года, Рахманинов уже давал свой сольный концерт в будапештской Консерватории. В программе Бах, Лист, много Шопена, целый цикл своих произведений. Исполнение собственных вещей произвело на будапештскую публику, среди которой, естественно, было и много русских эмигрантов, особенно сильное впечатление. Как писала на следующий день газета «Мадьяр хирлап», несмотря на довольно сухую манеру исполнения Рахманинова выступление увенчали длительные и громкие овации. «Наш поклон Сергею Рахманинову, — заключала газета, — наш поклон русскому гению»...

А еще через три часа поезд увозил одного из «знаковых» композиторов XX века в Париж, где ему предстояло дать последнее выступление в рамках этого турне перед отъездом на «вторую родину», в Америку. Надо сказать, информация об этом будапештском концерте Рахманинова «всплыла» совершенно неожиданно во время нашей работы в архивах над материалом о венгерских гастролях Шаляпина. Насколько известно, Сергей Васильевич всегда сторонился журналистов, очень редко давал интервью и поэтому довольно пространная беседа с ним, опубликованная на следующий после концерта день в ведущей венгерской газете «Пешти напло», может считаться большой удачей для исследователя. Тем более, если учесть, что широкой публике о пребывании Рахманинова в Венгрии до сих пор практически ничего не было известно. К тому же не забудем, что на этот раз композитор пробыл в Будапеште всего несколько часов. Говорю — на этот раз, ибо, как выяснилось из рассказа

самого Рахманинова, в венгерской столице он до этого уже бывал. В далеком 1910-м. Но это были другие времена.

На этот раз 55-летний композитор показался своему собеседнику из газеты уставшим и надломленным. Вот как он описывает их встречу.

— Рахманинов, несмотря на все свое богатство, приобретенное в Америке, был одет просто, почти бедно. На нем был потертый и поношенный серый костюм. Он напоминал ученого, только что вставшего из-за стола...

Надо заметить, что Рахманинов всегда одевался очень скромно. По этому поводу даже ходили байки. Рассказывают, что когда композитор только приехал в Америку, какой-то журналист-папарацци, как сейчас бы сказали, спросил у него — почему он так скромно одевается? — Какая разница, меня ведь здесь все равно никто не знает,— ответил композитор. Через несколько лет, когда Рахманинов уже стал известен в США, тот же журналист как-то повторил свой вопрос. — Какая разница, меня ведь и так все знают,— парировал Сергей Васильевич.

Что касается надломленности и усталости, то здесь журналист «Пешти напло» верно уловил настроение своего собеседника, да и сам Рахманинов его не скрывал. Эмиграция, ностальгия по родине и недавняя семейная драма — незадолго до гастролей в свадебном путешествии неожиданно умер муж одной из двух дочерей композитора — князь Волконский — оптимизма и веселья не добавляли.

— В Волконском я потерял не только зятя, но и верного и преданного друга,— негромко произнес Рахманинов. — Турне тоже утомляет. Я бы с удовольствием провел несколько дней в Будапеште, но нужно бежать. Это моя судьба, судьба изгнанника своей родины: бродить по миру, бежать и работать...

Как пишет дальше корреспондент венгерской газеты, композитор неохотно говорил о своей эмиграции из России, с неприязнью вспоминал режим большевиков, который теперь зовет обратно в страну, обещая простить все эмигрантские «прегрешения».

— Нет, домой я не поеду. Россия теперь — не мой дом,— побледнев, говорит Рахманинов. — Когда-нибудь я опять буду выступать в Москве, но тогда там уже не будет большевиков...

Что еще отмечает журналист «Пешти напло», так это постоянно повторяемая приверженность композитора к национальной России. Не желая брать иностранное подданство, Рахманинов и спустя

10 лет после эмиграции разъезжал по миру с царским заграничным паспортом, с которым он путешествовал по Европе еще в 1910-м, когда первый раз попал в Будапешт. Паспорт к тому времени основательно пообтрепался, обложка уже отваливалась. Американцы вклеили в него специальный купон и это подтверждало действительность царского паспорта несуществующей царской России.

—Я — русский человек, русский гражданин,— не раз повторяет в ходе беседы Рахманинов, — я и сегодня езжу по миру с русским паспортом...

Царский русский паспорт, с которым композитор долго не расставался в эмиграции, видимо, означал для Рахманинова слишком много и прежде всего неразрывную связь с той Россией, которая к тому времени уже была потерянной для многих миллионов русских.

А есть ли еще в Будапеште цыгане?

Один вопрос Рахманинова, судя по всему, основательно поразил его собеседника из газеты. Есть ли еще в Будапеште цыгане? При чем тут цыгане? Композитор из загадочной России пояснил. В свой прошлый приезд в Будапешт в 1910 году 37-летний Рахманинов, кстати, уже написавший к тому времени свою сюиту Венгерские танцы, как выяснилось, часами просиживал в местных ресторанах, слушая и изучая цыганскую музыку.

— Через некоторое время, — признался Сергей Васильевич, — я уже мог различать — когда цыгане играли настоящие народные мелодии, а когда — лишь подражания. Впрочем, это было нетрудно, ибо у венгерских народных мелодий своя характерная красота. Я бы хотел поближе изучить музыку венгерского народа, но вы видите, времени нет совсем. Как только закончится концерт, я уже мчусь на вокзал и еду дальше. Такая моя жизнь...

Кто знает, задержись тогда Рахманинов в Будапеште на пару-тройку дней, быть может, мировая музыкальная культура со временем обогатилась бы еще одним шедевром по мотивам венгерских мелодий. Увы. Будапештский концерт Рахманинова 29 ноября 1928 года стал вторым и последним свиданием композитора с венгерской столицей. Вскоре пошатнувшееся здоровье композитора и блестящего исполнителя заставит отказаться от тяжелых гастрольных турне. Времени вернуться к венгерской музыке у него, к сожалению, уже не будет.

Шаляпин в Будапеште. По следам одного автографа певца

О пребывании Федора Шаляпина в Будапеште до сих пор было известно крайне мало. Можно сказать, что это была почти неизвестная страница его жизни. Даже в воспоминаниях артиста об этом говорится крайне скупо. Между тем, как выясняется, в 20–30-е годы Шаляпин довольно часто гастролировал в венгерской столице, выступал в здешних театрах. Здесь его восторженно принимали, здесь у него было много поклонников его таланта. Обо всем об этом помог узнать неизвестный автограф певца, случайно купленный в Венгрии на одном из книжных аукционов...

... Карл Варкони. Товарищам музыкантам великолепного оркестра Городского театра с признательностью, Ф. Шаляпин. 1929. Будапешт...

В переводе с французского так приблизительно звучит автограф-посвящение за подписью Шаляпина на старой потрескавшейся и слегка подретушированной фотографии певца в расцвете его земной славы. На вид ему здесь лет 50–55. Так и есть, в 1929-м певцу исполнилось 56. До смерти, в 1938-м, оставалось еще почти 10 долгих лет. Городским театром в Будапеште тогда, в 1929-м, назывался Оперный театр им. Эркеля, ныне филиал Венгерского оперного театра. Кто такой Карл Варкони, еще предстояло выяснить, но сомнений в подлинности автографа Шаляпина уже не оставалось. В 1929-м он, в самом деле, гастролировал в Будапеште, выступал на здешней сцене в опере «Дон Кихот» Масснэ. Все совпадало.

На чужбине

Своеобразная эмиграция Федора Шаляпина началась в 1922-м и последние 16 лет его жизни прошли на чужбине. Уезжая на зарубежные гастроли сначала в Скандинавию, а потом в Америку, он предполагал, что разлука с родиной будет длительной. Однако не допускал и мысли об окончательном разрыве, хотя власть оголтелых большевиков, захвативших контроль над Россией, нравилась ему все меньше и меньше. Только что закончившаяся гражданская война, голод, разруха, усиливающиеся репрессии против инакомыслящих, а часто и просто мыслящих — атмосфера 1922-го. В тот же год, буквально через месяц после отъезда Шаляпина, по прямому

указанию Ленина ведомство «железного Феликса» вышлет из страны лучшие умы нации.

«Философский пароход» увезет в Европу 160 человек, которых в конце XX века отрезвевшая от марксистского угара Россия признает, как цвет своей национальной мысли, науки и литературы. Философы Иван Ильин, Николай Лосский, отец Сергий Булгаков, Николай Бердяев, Семен Франк, Василий Зенковский, Федор Степун, Борис Вышеславский, ректор Петроградского университета профессор Лев Карсавин, член-корр Российской академии наук, историк Александр Кизеветтер, социолог Питирим Сорокин, писатели Иван Шмелев, Михаил Осоргин... Всех не перечислишь. Многие сами уедут чуть позже. «Всех их — вон из России», — писал в секретной записке обезумевший к тому времени вождь, — «не мозг нации, а г...»... Слава Богу, хоть к концу XX века история расставила все по местам — кто есть кто...

А еще через год Горький, живший к тому времени в Германии, напишет в Париж Ходасевичу: «В России Надеждою Крупской ... запрещены для чтения Платон, Кант, Владимир Соловьев, Ницше, Лев Толстой»... Уезжая в 22-м на гастроли за границу, Шаляпин, в принципе, не скрывал, что в первую очередь хотел поправить свое материальное положение. К тому времени у певца уже было две семьи, восемь детей, всех надо было кормить и одевать... О политике он при отъезде не говорил, но можно предположить, что сгущающаяся атмосфера травли интеллигенции в стране только ускорила начало его длительных «гастролей»... Для 49-летнего Шаляпина начиналась другая жизнь. Тяжелейшая жизнь артиста-гастролера с постоянными переездами с места на место: Англия, Швеция, Америка, Австралия, Италия...

Первое свидание с Будапештом

В Венгрию на гастроли Шаляпин впервые попал в октябре 1925-го, спустя три года после отъезда из Петрограда. Позади уже были триумфальные гастроли в Лондоне, Берлине, Париже, Нью-Йорке... Вначале Будапешт встретил русского певца несколько настороженно, если не сказать больше. Все-таки, он приехал из России, да еще из большевистской России. Официальных отношений между Москвой и Будапештом тогда еще не было. Хотя договор об установлении дипотношений между двумя странами и был подписан за год до того — в сентябре 1924-го в Берлине, но стараниями

венгерской крайней оппозиции ратификация документа была сорвана. Это накладывало свой отпечаток на все, что так или иначе было связано с советской Россией...

Нешуточный ажиотаж, однако, сопровождал приезд Шаляпина в Будапешт с самого начала. Вот как описывает происходившее очевидец тех событий журналист Иштван Надь, чьи заметки о первом приезде певца в венгерскую столицу удалось найти в архиве центральной будапештской библиотеки им. Сечени.

— Накануне приезда о нем много говорили. О великом отпрыске мужицком. О Шаляпине. Правильно, не правильно. Не важно. Важно то, что происходило вчера вечером. Во вторник, 13 октября 1925 года. Часов в восемь вечера имело смысл посмотреть на то, что творилось на проспекте Ракоци. Машина на машине. Они не могут пробиться к Городскому театру. На тротуаре толпы пешеходов. В одной машине три дамы. Рядом с шофером — белый стул. Везут в театр в качестве дополнительного сиденья. Вокруг театра толпа. У входа в театр людская стена. Будапешт тронулся. Его сердце забилось... В самом театре зрелище презабавное. На сцене вавилонское столпотворение. В зале, забитом до отказа, смокинги, вечерние платья. Рядом со мной какой-то врангелевский офицер, чуть поодаль высокая дама в белом платье. Русская княгиня. В правом крыле премьер-министр Иштван Бетлен (тот самый, что в конце второй мировой войны попадет в плен Красной Армии и умрет загадочной смертью в тюрьме на Лубянке — прим. автора), министр внутренних дел Раковский, начальник полиции Надошши... Все ждут, что же может «этот Шаляпин»...

Судя по всему, для «разогрева» аудитории, как сейчас бы сказали, устроители концерта перед выступлением самого Шаляпина устроили выступление певицы Альбертины Феррари. Но вот ее номер закончен. Все взоры устремлены к гримерным, где готовится к выходу Шаляпин. Наконец, дверь открывается. Выходит сам Шаляпин. Чуть не задев головой притолоку двери, твердой походкой он направляется к сцене через какой-то проход. Его останавливают, — не туда, сюда, пожалуйста. Он поправляет что-то на своем фраке, поднимает высоко голову...— Ну, ...и в зале уже звучат аплодисменты.

По словам И. Надя, первые номера выступления Шаляпина на сцене Городского театра публика приняла весьма прохладно. — Ради исторической правды, — пишет И. Надь,— надо сказать, что первые два номера — ария Чайковского и баллада Глинки — прош-

ли провально. В зале сидели шотландцы. Я видел их лица. Они кивали друг на друга. Что это? Где великий певец? Офицер-врангелевец: «Я двадцать лет назад слушал его в Петербурге. Боже мой. Какое тогда было впечатление! Конечно,— заключает очевидец,— Шаляпина ждала враждебная атмосфера. Но вот за первыми номерами последовали другие... И что же? Можно было видеть и чувствовать, как с каждым номером этот большой, широкоплечий человек захватывает публику все больше и больше. Как мешок. Двумя руками. Поднимает выше и выше, играет с ней и ... бросает, как мешок (здесь явный намек на то, что когда-то Шаляпин работал грузчиком, разгружая баржи с мешками — прим. автора)...После «Бурлаков» в зале уже все стоят...Публика в смокингах неистово аплодирует. Шаляпин, Шаляпин... С этой минуты в театре был только один человек. Шаляпин. И все остальные две тысячи четыреста человек были его, Шаляпина... Рукоплещет партер, рукоплещет ложа. Премьер Бетлен никак не может остановиться аплодировать...

Что творилось в зале после первого акта, со слов очевидцев можно описывать долго. Толпа ринулась к гримерной просить автографы. Певец, обливаясь потом у зеркала, не успевает надписывать свое имя на программке и просто листках бумаги. Публика врывается в комнату артиста. Шаляпин бросает ручку на стол, взмахивает руками и что-то кричит. Насколько у присутствующих хватает знаний русского, это отборный мат. — Еще один автограф и я больше петь не буду,— ставит ультиматум «мужицкий сын». Появляется полицейский кордон. После концерта публика долго не расходится. Все хотят слушать еще и еще. Цвет Будапешта в экстазе рукоплещет русскому певцу. Такого еще не было. Кто-то спрашивает — почему бы не выступить Шаляпину в будапештской Опере?

Говорят, директору оперного театра Гезе Шебештьену с самого начала предлагали, чтобы русский бас по приезде в венгерскую столицу выступил в опере «Фауст», на что директор взмолился: «Где же я найду ему такую Маргариту, которой бы он остался доволен, как можно удовлетворить такого дьявола? Пускай выступает один и сам за все отвечает». Красноречивое, надо заметить, признание. Показательно и то, что один известный местный певец после шаляпинского триумфа в Городском театре заявил коллегам: «господа, нам пора в извозчики»... В конце выступления, как вспоминает Иштван Надь, к Шаляпину на сцене подошел простой казак из эмигрантов и что-то ему сказал. Было видно, что после этого у обоих

в глазах стояли слезы... Можно предположить, что казак-эмигрант представлял весьма известный казачий хор Сержа Яроффа (Ярова), прописавшийся к тому времени в Будапеште. История получит продолжение. Спустя некоторое время Шаляпин пригласил хор в Лондон на совместные гастроли...

Конечно, это был триумф. Шаляпин покорил Будапешт с первого раза. Местной публике надолго запомнилось не только его первое выступление, но и баснословный по тем временам гонорар в 3500 долларов или 250 миллионов венгерских корон. В переводе на сегодняшние деньги это должно быть где-то тысяч семьдесят долларов... Местные газеты потом несколько дней обсуждали сумму шаляпинского гонорара. Одна из них писала в таком духе: в то время как в стране сотни тысяч безработных, а люди выбрасываются из окон, как листья падают с деревьев, наши любители искусства платят певцу из России сумасшедшие гонорары. Впрочем, признавал автор заметки, шаляпинское искусство стоит этих денег...

После всего этого неудивительно, что следующего свидания с певцом Будапешт ждал недолго. Уже через полтора года, в мае 1927-го, Шаляпин выступит на местной сцене в своей знаменитой и любимой роли Мефистофеля в «Фаусте» Гуно.

Венгерский Мефистофель

Поздним вечером в среду 11 мая 1927 года на будапештском вокзале Нюгати (Западный вокзал) творилось что-то невообразимое. Нечто такое, чему это творение знаменитого француза Эйфеля еще не было свидетелем за всю свою историю. Прибывший из Парижа состав «Восточного экспресса» облепила огромная толпа, в которой выделялось большое количество ... донских казаков. Из-за огромного стечения народа задерживалось отправление скорого поезда в Вену. Встречали Шаляпина. На этот раз певец приехал в Будапешт с женой-блондинкой. На следующий день практически все центральные венгерские газеты выйдут с заголовками: «Шаляпин снова в Будапеште», «Шаляпин приехал с женой»...

Встреча на вокзале вылилась для Шаляпина в братание с соотечественниками — донскими казаками, представителями русской эмиграции, которых судьба еще раньше, чем певца, забросила на чужбину. На вопрос — надолго ли в Будапешт? — ответ: до воскресенья. Дольше нельзя. В Вене готовится постановка «Бориса Годунова» и нужно много репетировать. — Что думает о встре-

че с соотечественниками? — Я очень счастлив их видеть, они для меня — Россия, я рад, что Пешт их полюбил...

Первое будапештское выступление Шаляпина в роли Мефистофеля состоялось в том же Городском театре 14 мая 1927-го. Накануне, 12 мая, там, как всегда, с успехом выступил казачий хор Яроффа. Не сомневаюсь, что маэстро был на их концерте, наверняка, выкроив вечер среди своих репетиций. Всего же Федор Иванович, как сообщили мне в венгерском оперном архиве, четыре раза пел Мефистофеля в Будапеште. Дважды в 27-м (май, ноябрь), один раз в 28-м (декабрь) и последний раз в декабре 1934-го. Однако, его первое выступление в «Фаусте», пожалуй, больше всего запомнилось будапештцам.

Вот как писала критика о первом явлении венгерского Мефистофеля Шаляпина.

— Шаляпин создал такую иллюзию, какую в Будапеште еще никто не видел. Он играл не Мефисто Гете, не философствующего сатану, а скорее романтического черта Гуно, искусителя из ада.... Он всех заворожил своим голосом, очаровал своими жестами, потряс своей мимикой. Одно его появление было незабываемым впечатлением. Он был универсален. Необычайное богатство его образа может оценить только тот, кто его видел... Его потрясающее исполнительское искусство, чудесная палитра голоса завораживает, а актерское искусство затмевает мастерство драматических актеров... Это самое большое, чего может добиться артист... (газета «Пешти напло»).

Атмосфера того вечера в опере напоминала ту, что была в первый приезд артиста в Будапешт в 1925-м. Те же пробки на улицах, переполненный зал Городского театра, море цветов, которые артист с поцелуем разбрасывал зрителям в первые ряды партера. Впечатление, по общему мнению, незабываемое. Весь вечер театр содрогался от аплодисментов.

Вообще, листая газеты тех дней, создается такое впечатление, что май 1927-го стал этаким месячником культуры, как сегодня говорят, национальной России в Венгрии. Концерты русского казачьего хора, триумфальный дебют венгерского Мефистофеля Шаляпина, постановка спектакля «Россия» по пьесе АльфредаНоймана в Венгерском Театре, действие которого происходит во времена Павла I, газеты обсуждают выход книги бывшего депутата Госдумы Василия Шульгина «Дни» о последних днях монархии... Не успел Шаляпин отыграть «Фауста» и уехать в Вену, как Будапешт принимает на са-

мом высоком уровне генерала Петра Врангеля... Друг русского генерала, заместитель председателя венгерского Госсобрания Карой Хусар только что выпустил книгу «Пылающая Россия», а бывший главком Белой армии помогал в ее написании... Тут же газеты сообщают из Москвы о совещании командного состава Красной Армии, на котором с докладом выступил Ворошилов. Война будущего, заявлял в 1927-м советский военачальник, — будет войной машин, а советская армия находится в самой лучшей форме...

Одинокий «Дон-Кихот»

Будапештские гастроли Шаляпина в следующем, 1928-м году совпали с авторским вечером русской знаменитости, который местные поклонники устроили в Городском театре 14 декабря, под самое Рождество. Десятого числа, как всегда — с аншлагом, состоялось очередное представление «Фауста», а через четыре дня там же, в театре, прошел авторский вечер «короля певцов». К тому времени местная пресса иначе его уже и не именовала. На этот раз первый бас планеты покорил даже сердца тех, у кого еще оставалось какое-либо предубеждение в отношении русского певца. Это был настоящий апофеоз его таланта. Вот что писала самая влиятельная в то время венгерская газета «Пешти напло».

— Если Шаляпин поет, то нет ни сцены, ни подиума, ни программы, нет концерта, а есть только сама Жизнь...Он поражает своей естественностью и абсолютным реализмом, которые мы находим у его великого соотечественника Толстого или у русского крестьянства... После его арии Лепорелло вряд ли кто еще так выразит гений Моцарта... Он гениален везде, но конгениален в тех вещах, которые ему родные — откуда сама душа Шаляпина, из жизни русской земли, что лучше всего проявилось в музыке Мусоргского. Здесь Шаляпин на равных с композитором творит шедевры... Кто слышал его «Блоху», тот понимает — о чем идет речь... Как известно, «Блоху» и сам Шаляпин любил больше всего в своем репертуаре, считая ее своим главным шедевром и каждый раз вкладывая в ее исполнение всю свою душу. Но кто мог предположить, что эта самая «блоха» наделает столько шума в далекой Венгрии? Казалось, что свой будапештский успех 1928 года певцу уже трудно будет повторить или превзойти. Но все еще было впереди.

На следующий год он вновь приезжает в Будапешт, но приезжает уже не один, а с целой командой солистов парижской оперы,

которые поставят в Городском театре одну из любимейших опер русского певца — «Дон Кихот»-а Масснэ. В свое время она была написана автором специально для Шаляпина и оттого еще была так ему дорога. Сценарий будапештских гастролей 1929 года практически повторил предыдущий с той лишь разницей, что творческий вечер артиста состоялся раньше премьеры оперы и на этот раз прошел не в театре, а впервые в элитном и помпезном концертном зале «Вигадо» на набережной Дуная. Именно здесь в свое время выступали Брамс, Лист и другие первые величины музыкального мира... Концерт состоялся 25 ноября. В репертуаре, как значится в программке, в основном были арии из русских опер. «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Садко», Чайковский, Рубинштейн... Очевидно, и сам Шаляпин и устроители концерта хотели сделать своеобразный «русский вечер». Риск, конечно, был немалый, ибо будапештская публика к тому времени, мягко скажем, не была избалована произведениями русских композиторов. Тем ценнее тот прием, который получил певец, а с ним и русская музыка в этот раз.

— Публика слушала пение, затаив дыхание, — писали на следующий день газеты. — Что пел Шаляпин? Разве это имеет значение? Все произведения для него то же самое, что почва для растения: оно высасывает питательные вещества и усваивает их на свой манер. Кто думает о почве, глядя на красивое дерево? Он мог бы петь, что угодно... Учиться у Шаляпина — это все равно, что учиться пению у грохочущего дождя, ибо Шаляпин настолько гениален, что напоминает явление природы... Такого уровня искусством могут наслаждаться немногие избранные...

Через четыре дня после концерта в «Вигадо» будапештский зритель, наконец, увидел «гвоздь» сезона 1929 года: 29 ноября в Городском театре состоялась премьера «Дон Кихота» с «королем певцов» в главной роли. На роли Санчо и Дульсинеи Шаляпин пригласил солистов парижской оперы М. Чэндвика и Луизу Дюбуа. Театральный и музыкальный обозреватель «Пешти напло» Аладар Тот, судя по всему, человек тонкого вкуса и широкой культуры, видел все выступления Шаляпина в Будапеште и потому мог сравнивать свои впечатления. На следующий день после премьеры «Дон Кихота» у себя в газете он написал такой отзыв: « Кто не видел вчерашнее выступление Шаляпина, не может представить — какая чудовищная поглощающая сила живет в этом русском чудо-человеке» ... Это означает, что в роли Дон-Кихота Шаляпин все-таки превзо-

шел все свои предыдущие будапештские выступления. Для полноты картины стоит процитировать Тота пошире.

— Ни довольно скучная музыка Масснэ, ни средней руки либретто не помешали Шаляпину достичь поистине сервантовских глубин и над всеми этими безднами парил скорее дух Достоевского, а не Сервантеса. Когда Дон-Кихот Шаляпина попадает в светское окружение Дульсинеи, превращенной либретто в куртизанку, то на ум скорее приходит образ князя Мышкина... А когда он начинает проповедовать разбойникам идеи своей жизни, то за ним мы видим тень Степана Трофимовича... А перед тем, как умереть, не таков ли он, как Алеша Карамазов, когда целует землю? Только человек, любящий жизнь во всей ее полноте, мог показать с такой непревзойденной силой холодное дыхание смерти в последнем акте «Дон-Кихота»... Здесь целый народ, здесь воплощение души русской олицетворяет гений Сервантеса, стоящий над временами и народами... Постановка «Дон-Кихота» в Городском театре, — заключает критик, — выполнила большую культурную миссию, она позволила близко познакомиться, не с Масснэ, боже упаси, а с гением Шаляпина...

Как водится, публика — министры, банкиры, предприниматели и высшая аристократия — и на этот раз «завелась» не сразу, «загоревшись» уже после третьего акта, но зато после этого овации перешли в экстаз. Сам же виновник массового экстаза в антракте сидел в гримерной, что-то напевая и рисуя... По просьбе художника Ене Фейкса, рисовавшего портрет певца, Шаляпин сам взял в руки карандаш и четкими штрихами нарисовал лик Дон-Кихота. По воспоминаниям режиссера спектакля Виктора Долники, «король певцов», которому на следующий день после премьеры предстояла дальняя дорога в Швейцарию, а потом в Испанию, и на репетициях и на самом спектакле был как большой ребенок, одно сердце...

Это было предпоследнее выступление певца в Венгрии. С 1930 года Шаляпин стал выступать в труппе «Русской оперы» и времени на сольные гастроли оставалось все меньше и меньше.

Не все в среде русской эмиграции одобряли эти гастроли. Тот же Иван Ильин, близко знавший и очень любивший первого Народного Артиста, в своей работе « О национальном призвании России» жаловался, что не узнает «былое детище русской художественной культуры и русского утонченного вкуса»... Однако, при всех нюансах, вряд ли можно отрицать тот факт, что своими гастролями по миру в те годы, и в Венгрии в частности, Шаляпин, независимо от

их коммерческой составляющей, а порой и собственных желаний певца, исполнил незаменимую никем миссию посла русской культуры в самое тяжелое для своей страны время. Он до конца остался верен исторической России, так и не приняв иностранного подданства, остался гражданином своей родины, хотя и был лишен советскими властями звания народного артиста.

Последнее выступление в Будапеште посла русской культуры, величайшего певца всех времен и народов, состоялось 14 декабря 34-го все в том же «Фаусте». Больше он в Венгрию не приезжал. Но было еще одно, самое последнее свидание с венгерской публикой и поклонниками. Заочное. По просьбе редакции все той же «Пешти напло» на Рождество 1936-го Шаляпин написал для газеты статью-исповедь «Самое большое счастье жизни». Не уверен, что эта статья когда-либо переводилась на русский язык и была вообще опубликована где-нибудь еще, кроме Венгрии. Вот что он писал: «Какое неописуемое счастье петь... Я забываю прошлое, настоящее и будущее, когда пою, я забываю все, я не вижу перед собой никого, меня ведет лишь желание своим голосом выразить все те чувства, которые невыразимы словом или жестом...Пение для меня — мировоззрение, в зеркале моего искусства я вижу весь мир. Пение больше, чем искусство. Пение — такая власть, которая поднимает человека в небеса...»

Через год с небольшим Шаляпина не стало. Он умер в Париже 12 апреля 1938-го. Ему было всего 65.

P.S. Увы, несмотря на все попытки, нам так и не удалось узнать — кто же такой был Карой Варкони, которому Шаляпин адресовал свой автограф в 1929 году. Скорее всего — это кто-то из музыкантов оркестра Городского театра, исполнявшего музыку «Дон-Кихота». Не будь этого автографа, не исключено, что венгерские страницы жизни русского гения так и оставались бы лишь достоянием пыльных архивов.

Думитру Балан

Проблемы русской эмиграции на страницах румынской русскоязычной печати

В отличие от большинства других восточноевропейских стран в Румынии вопрос о положении русской эмиграции остается до сих пор мало изученным и ждет в дальнейшем более подробных разысканий и анализа. В Чехословакии, бывшей Югославии, Польше, Болгарии вышли в свет монографии, обстоятельные очерки, многочисленные статьи, в которых судьба русских изгнанников была рассмотрена под разными углами зрения; процесс серьезного исследования этой тематики является и сегодня одним из главных компонентов культурных связей между этими странами и Российской Федерацией.

В Румынии в период между двумя мировыми войнами нашли себе приют русские политэмигранты, которые с самого начала объявили себя ярыми противниками новой, советской власти в России. Но в стране обосновались и многие представители творческой интеллигенции, не принимавшие большевизм скорее эстетически. Правда, дальнейший путь отдельных видных эмигрантов сложился по-разному. Скажем, такие писатели, как, например, А. М. Федоров, Д. Кнут, Леонид Добронравов (умер в Париже, и, по его завещанию, тело перевезли и похоронили с большими почестями в Румынии), С. Юшкевич после определенного пребывания в Румынии переехали в другие страны, тогда как известный певец Петр Лещенко в 50-е годы был арестован и скончался в 1954 г. в румынском ГУЛАГе. Кроме того, в 1920–1930-е годы в Румынию часто приезжали и выступали с огромным успехом перед публикой русские эмигранты: поэты, прозаики, драматурги, певцы, актеры, режиссеры, балерины и другие. На литературно-музыкальных вечерах и на концертах в Бухаресте и Кишиневе, да и в других городах, зрители горячо аплодировали таким выдающимся мастерам слова и голоса, как например, И. Северянину, А. Вертинскому, Ф. Шаляпину, Надежде Плевицкой; пьесы М. Арцыбашева и произведения А. Аверченко звучали со сцен румынских театров в исполнении русских драматических коллективов. Кстати, Аркадий Аверченко, которого часто переводили и адаптировали на румынский язык, приезжал в Румынию из Праги (хотя и с определенны-

ми трудностями) и присутствовал на литературных вечерах, где исполнялись его сочинения. Обо всех этих событиях с участием русских эмигрантов широко информировала румынская печать и в первую очередь печать на русском языке. В период между двумя мировыми войнами в Румынии печатались десятки и десятки газет и несколько журналов на русском языке. Они выходили как в Бухаресте, так и в Кишиневе, а также в других городах (Галац, Бельцы, Тигина, Сороки, Аккерман, Измаил и т. д.). Даже румынский герой Первой мировой войны генерал (впоследствии маршал) Авереску выпускал в Кишиневе в 1920 г. свою газету на русском языке «Наше слово» с подзаголовком «Орган Бессарабской народной Лиги и объединенной оппозиции в Бессарабии под председательством генерала Авереску». В дальнейшем привожу названия нескольких изданий на русском языке, в которых освещались жизнь и быт русской эмиграции, причем не только в Румынии, но и в других странах, печатались корреспонденции из этих стран, а также беллетристика видных русских писателей-эмигрантов (Аверченко, Бунин, Бальмонт, Арцыбашев, Тэффи, Набоков, Алданов, Саша Черный, Вас. Немирович-Данченко, Потемкин, Дон-Аминадо, И. Северянин, Г. Иванов, Лоло и др.). Порядок перечисления изданий зависит прежде всего от количества содержавшейся в них информации и от распространенности издания в Румынии; понятно, что предложенная в данном случае иерархия может оказаться в какой-то мере субъективной, тем более, что наша тема мало изучена — во всяком случае подшивки многих русских газет, вышедших в Румынии и хранящихся в библиотеке Румынской Академии, приобрели за долгие десятилетия толстый слой пыли...

В Бухаресте с января 1922 г. выходила ежедневная газета «Бухарестские Новости», которая со следующего года и по 1938 год называлась «Наша Речь»; эта газета вместе с «Неделей нашей речи», издававшейся также в Бухаресте в 1920-е годы с подзаголовком «литературно-художественный юмористический журнал», представили читателям самую богатую (по количеству и разнообразию напечатанных текстов — литературных, публицистических и справочно-информационных) и, пожалуй, довольно объективную картину творческой деятельности русской эмиграции в Европе. Здесь, например, прочтем интервью, данное Ф. Шаляпиным (и статьи о нем), а также сообщения о выступлении «певицы русских песен и цыганских романсов» Лидии Федоровны Шаляпиной.

Про русскую эмиграцию в Берлине, Париже, Италии, Шанхае систематически информировали кишиневская «Молва», еженедельная независимая газета, выходившая в свет с 1935-го по 1938 год, а также другие кишиневские издания, такие как «Бессарабия» с подзаголовком «ежедневная общественно-политическая газета» (1919–1922 гг.); «Бессарабская Жизнь», превратившаяся осенью 1924 г. в «Бессарабскую мысль»; «Бессарабская почта» (1922–1924); «Бессарабское слово» (1924–1938) с подзаголовком «газета общественная, политическая, литературная. И экономическая»; «Утро» (1927–1928) с подзаголовком «орган тружеников печатного дела» и т. д. Да и газеты других городов проявляли постоянную заботу о судьбе русских соотечественников, оказавшихся в изгнании. Так, общественно-политическая и литературная газета «Южная Бессарабия», выходившая в Тигине (ныне Бендеры), дает в своих номерах от 18 и 24 февраля 1923 года подробные сведения для бывших российских граждан об условиях эмиграции в США.

Освещалась жизнь русской общины не только в столице Румынии и в Кишиневе, но и в других городах страны. Вот, например, что пишет собственный корреспондент «Нашей Речи» К. Мирский в своем репортаже-письме «Как живут русские в Галаце», тексте, содержащем такие интригующие подзаголовки отдельных разделов как «Свои люди», «Коллективные русско-румынские фирмы», «Пионеры-старообрядцы», «Одесситы», «Неквалифицированные дельцы», «Старые навыки, пересаженные на новую почву», «Культурные уголки», «Как развлекаются галацкие дамы из русской колонии». Именно из этого последнего раздела дадим фрагмент: «Русская колония, конечно, не новость в Галаце. [...] Но и эта старинная колония составляет сейчас главную достопримечательность Галаца. Большой международный торговый порт привлекал к себе внимание большого количества одесских беженцев. Немало русских беженцев, после долгих скитаний по землям турецким и европейским, нашли себе в Галаце тихую пристань и надежное убежище».

Общее количество плотно осевших в Галаце русских насчитывало 2000 семей. Конечно, подсчет этот не официальный, ведь никакой переписи русского населения в Галаце не производилось, но цифра кажется более или менее правдоподобной. Международный характер галацкого порта и самого города Галац в связи с общностью интересов коренного и волею судеб пришлого населения очень много способствовали тому, что процесс мирного сожитель-

ства русских беженцев с коренным населением в Галаце протекал совершенно безболезненно. Теперь русская колония в Галаце, как отмечалось в репортаже, это «“свои люди”, с которыми считаются и которые имеют свою собственную роль и значение в общей экономике и жизни бойкого и торгового Галаца»[1]. В этом же репортаже особо отмечается «желание и умение работать и неукротимую энергию» русских беженцев, а также тот факт, что «местная еврейская община наполовину состоит из русских евреев»[2].

В румынских городах с русской общиной, как правило, существовали библиотеки с русской книгой; о новых поступлениях на русском языке румынские газеты исправно информировали своих читателей; существовали и книжные магазины, где можно было купить книги русских эмигрантов, а иногда даже и писателей из Советской России, и все на их родном языке (возможность, заметим в скобках, совершенно утраченная в сегодняшней Румынии XXI века).

В большинстве своем библиотеки с русскими книгами принадлежали русской общине и содержались нередко в помещениях, которыми владели видные русские предприниматели, или на частных квартирах.

Выступления русских литераторов, артистов театра, певцов неоднократно и заблаговременно рекламировались на страницах русской печати, комментировались широко в статьях, рецензиях и хрониках.

Среди известных артистов, которые выступали с концертами, числились А. Вертинский, Осип Рунич, Изя Кремер, Вас. Вронский и Надежда Плевицкая. Последняя, как явствует из одного недавнего исследования, была (как и ее муж, Николай Скоблин) нелегалом внешней разведки[3].

Вот типичные предварительные объявления прессы о предстоящих гастролях русских артистов в Бухаресте: «Л. Липовская. К гастролям в Бухарестской Королевской Опере; М. Снежина. Артистка Королевской Оперы в Бухаресте и Лидия Потоцкая»[4]. Приглашения газетами своих читателей к посещению спектаклей часто сопровождались фотографиями артистов.

---

[1] «Наша Речь», VII, № 185 от 9 июля 1929 г. С. 3.

[2] Там же.

[3] См.: *Шварев Николай*. Нелегалы внешней разведки. М., 2008. С. 256–281.

[4] «Неделя нашей речи», № 5 от 11 января 1925 г. С. 14 (рубрика «Театр и Кино»).

Естественно, большими событиями в культурно- художественной жизни Румынии явились гастроли великого русского певца Федора Шаляпина (в 1927, 1930 и 1935 годах).

В интервью, которое корреспондент «Нашей Речи» Д. Ростовский взял у Шаляпина в 1927 году, на вопрос «какое у вас впечатление о Бухаресте», Федор Иванович отвечает: «Я поражен почти американской быстротой, с которой развивается этот город. Я был здесь лет двадцать тому назад, и тогда он на меня не произвел никакого впечатления. Была только одна улица, которая имела вид настоящей улицы и почти в самом центре города было множество деревянных домов в садах, вроде подмосковных дач. Сейчас же Бухарест стал совсем европейским городом, а по движениям на улицах даже превзошел многие столицы». А на следующий вопрос: «А что вы можете сказать о нашей публике?», он ответил сразу, без долгих раздумий: «Я даже не ожидал, что буду так хорошо принят. Мне показалось, что я пою где-то там, дома, не то в Харькове, не то еще где-то... Публика чуткая и внимательная. И знаете, что меня еще прямо умилило. За кулисами рабочие в высоких сапогах и с такими знакомыми, близкими, добрыми лицами, точно дома»[5].

К этому маленькому отрывку большого интервью, напечатанного в газете, стоит добавить высказывания Ф. И. Шаляпина, относящиеся к 1930 году («Румынию я очень люблю, Бухарест живо напоминает мне Харьков или Казань. Здесь также хорошо едят. Живут привольно, не теснятся. Настроение хорошее»[6]) и 1937 году. Как и тогда, в свой приезд 1930 г., говорил Шаляпин в 1937 г., «могу сказать, что Бухарест мне напоминает некоторые старые русские города. Тут хорошо едят, люди любят хорошо пожить и послушать хорошее пение и хорошую музыку»[7].

Насколько нам известно, тексты о Шаляпине, напечатанные в румынских газетах на русском языке (а надо сказать, что помимо «Нашей Речи» и другие издания публиковали интересные материалы о выдающемся певце), не были позже воспроизведены или процитированы в книгах или статьях, посвященных Шаляпину.

Если о писателях русской эмиграции и о таких замечательных представителях русской эстрады как А. Вертинский (не только ар-

[5] «Наша Речь»,VI, № 299 от 4 ноября 1927 г. С. 1

[6] «Наша Речь», VIII, № 223 от 24 января 1930 г. С. 3.

[7] «Наша Речь», XVI, № 15 (5178) от 15 января 1937 г. С. 3.

тист, но и крупный литератор) и П. Лещенко мне доводилось писать или делать доклады на международных съездах и конференциях славистов, то большой популярности Ф. И. Шаляпина не только среди русских, но и среди румын я касаюсь здесь впервые. Объем настоящей статьи не позволяет мне привести здесь подробности одного нашумевшего на всю Румынию скандала, когда вследствие того, что личный импресарио Шаляпина сбежал из Кишинева с собранными деньгами, концерт так и не состоялся. На защиту потерпевшего певца встали тогда известные румынские адвокаты. В конце концов, мошенник был пойман и наказан.

Перед важными праздниками газеты из номера в номер оповещали читателя о специальных музыкальных программах русских ресторанов или тех румынских ресторанов, где выступали русские певицы или певцы.

Вот два примера:

«Самый популярный Русский Ресторан
ЛЕЩЕНКО
str.Atanasie Simu, № 1
Ежедневно грандиозная артистическая программа при участии любимца публики
Петра Лещенко,
Зинаиды Закит, Марии Изар и др.
На праздники усиленная артистическая программа
Сюрпризы
Принимаются заказы на встречу Нового Года
Ввиду ограниченного числа мест просим записываться заблаговременно

А вот другое объявление:

«В субботу 21 декабря открывается
Бар-ресторан
Boite de Paris
Ştirbei Vodă, № 1, colţ Calea Victoriei
После заграничного турне с последними музыкальными новинками Риги, Варшавы, Москвы и Праги
Алла Баянова
и гитара Жоржа Ипсиланти
Русско-французская кухня под наблюдением Николая Баянова
Виски и вина лучших сортов
Ужин с 9ч. вечера Танцы до утра».

Оба объявления-приглашения печатались, например, в течение последних двух недель декабря 1935 г. на страницах «Нашей Речи» и других русских газет (иногда печатались и фото главных певцов).

Были и другие русские рестораны, например «Принчар» или «Урс» в центре Бухареста, где рекламировалась и образцовая русская кухня. Кстати, о бурлящей жизни русской эмиграции в Румынии отзывался и Александр Вертинский в своих воспоминаниях (они частично вошли в его книгу «Дорогой длинною...», опубликованную двумя изданиями в 1990-е годы), а благодарные зрители-соотечественники посвящали ему стихи и хвалебные рецензии, напечатанные в русских газетах.

На страницах русской периодической печати освещались действия политиков разных ориентаций (П. Милюкова, А. Керенского, Л. Троцкого и других) на Западе; особый резонанс в газетах получили убийство в Берлине деятеля кадетской партии В.Д. Набокова (отца писателя Владимира Набокова), осуждение советским судом Б. Савинкова и т д.

Литература русской эмиграции была богато представлена не только в «Нашей Речи», «Неделе Нашей Речи», «Бухарестских новостях», «Бухарестском голосе», «Южной Бессарабии», но и в других периодических изданиях, не имевших широкого распространения: «Наш Сатирикон», «Стрела», «Щелчок», «Жизнь и Сцена», «Курьер АККермана», «Ракета», «Золотой петушок» и другие. Произведения многих писателей русской эмиграции были запрещены после Второй мировой войны вплоть до конца 1980-х годов, а имена их авторов зачастую не вошли даже в указатели имен в библиографические справочники русской литературы, напечатанной в Румынии. К сожалению, отдельные тексты таких писателей, как например, А. И. Куприн, А. Аверченко, А. Амфитеатров, К. Бальмонт, М. Алданов, Л. Добронравов, Вас. И. Немирович-Данченко, Жак Нуар, Георгий Ландау, П. Потемкин, Дон-Аминадо, П. Пильский, М. Первухин, Лоло, И. Северянин, Тэффи, Саша Черный, А. Федоров, Вас. Федоров, С. Юшкевич и другие, не вошли в книги и собрания сочинений, изданные в России, и, естественно, остаются пока незнакомыми широкой русской читательской публике, а часто и специалистам. Речь идет о текстах, отправлявшихся из Западной Европы в редакции газет и журналов, издававшихся в Румынии.

Периодически печатались в Румынии и отдельные тексты советских писателей — эта тема лучше разработана и нашла от-

ражение в библиографиях. Румынские любители русской литературы сегодня с сожалением констатируют, что ныне почти исчезла румынская периодическая печать на русском языке: существуют лишь два издания Общины русских-липован в Румынии, а именно ежемесячная бухарестская газета «Зори» и ежемесячный ясский журнал «Китеж-город» (оба издания выходят с текстами на русском и румынском языках вперемешку). По сравнению с довоенным временем в книжных магазинах нет изданий на русском языке, а из отдельных библиотек — из-за нехватки помещений — были выброшены русские книги, не затребованные читателями в течение какого-то количества лет. Автор этих строк персонально состоял в комиссии, которая вынуждена была изъять за ненадобностью из фондов библиотеки факультета иностранных языков и литератур Бухарестского Университета прекрасные многотомные собрания сочинений на русском языке зарубежных авторов (например, Бальзака), отдельные тома русских писателей, книги по русскому искусству и т. д. Но это так, к слову.

Пора заняться более глубоко творчеством русских писателей на основании русскоязычной печати, издававшейся в Румынии в период между двумя мировыми войнами, тем более что некоторые авторы описывали в отдельных произведениях и румынскую действительность тех лет или мастерски переводили на русский язык М. Эминеску, Дж. Кошбука и других видных представителей румынской культуры. Несомненно, русская эмиграция существенно обогатила литературно-художественную жизнь Румынии, а газеты и журналы, выходившие в Румынии на русском языке, были прочным звеном русско-румынских связей.

Н. Ю. Степанов

Высшее образование российского зарубежья: старое и новое

После окончания гражданской войны в европейской России и в связи с массовой эмиграцией началось формирование русской эмигрантской высшей школы в Европе[1].

Для создания высших учебных заведений в зарубежной России было необходимо, с одной стороны, наличие квалифицированных преподавательских кадров. Они были, поскольку в результате революций 1917 г. и последующей гражданской войны за пределы России выехало, по некоторым подсчетам, более 500 русских ученых и преподавателей, из них 5 академиков и около 140 профессоров российских университетов, институтов и других учебных заведений[2]. Известный историк русской эмиграции П. Е. Ковалевский считал, что российское зарубежье насчитывало около тысячи человек научных и высококвалифицированных преподавательских кадров[3]. Итак, было достаточно специалистов, кто мог бы обучать.

В то же время в российском зарубежье оказалось несколько тысяч молодых людей и девушек, которые хотели обучаться в высшей школе, многие в России начинали обучение в высших учебных заведениях, но вследствие революции, гражданской войны, разрухи и вынужденной эмиграции, не смогли его продолжать. Многие из них, хотя, конечно, далеко не все, были выходцами из дворянских и состоятельных буржуазных семей, а также из интеллигенции; в этой среде высшее образование воспринималось и как дань традиции, и как обязательный этап в становлении личности и начале карьеры. Поступление в высшее учебное заведение позволяло получать стипендию, что нередко было основным источником существования молодых людей в эмиграции, предоставляло место в общежитии, давало другие формы материальной поддержки и некоторые льготы, способствовало психологическому восстановлению после

---

[1] *Курамина Н. В.* Высшая школа в зарубежной России. 1920–1930-е гг.: Монография. М., 2003. С. 8.

[2] *Костиков В. В.* Не будем проклинать изгнанье... (Пути и судьбы русской эмиграции). М., 1990. С. 240.

[3] *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 12.

тяжелых лет войны, часто участия в боях, тягот разлуки с родными и близкими, голода и невзгод.

Все вышесказанное свидетельствовало о том, что за границей необходимо было создавать высшие учебные заведения с широким выбором специальностей, где преподавание велось бы на русском языке, построение учебного процесса имело бы привычную для русских студентов форму, а преподавателями были бы высококвалифицированные кадры старой русской дореволюционной высшей школы; эти обстоятельства в начале 1920-х годов отвечали насущным задачам эмигрантского студенчества.

Финансовое обеспечение эмигрантской российской высшей школы, как необходимая составляющая построения этой структуры, складывалась из различных источников. Это были субсидии иностранных правительств (в таких странах, как Франция, Чехословакия, Югославия, Болгария), средств эмигрантских общественных организаций (Земгора, Союза городов, Союза русских академических организаций, Объединения русских эмигрантских студенческих организаций — ОРЭСО, региональных объединений эмигрантских организаций, профессиональных и творческих союзов, таких, например, как «Объединение русских эмигрантских организаций в Чехословацкой республике», «Российский торгово-промышленный и финансовый союз», «Союз русских эмигрантских организаций в Польше», «Союз русской присяжной адвокатуры в Германии» и др.), различных русских благотворительных организаций, таких, как, к примеру, «Общество вспомоществования учащимся высших учебных заведений», оказывавшего организационную и денежную помощь студентам эмиграции в Харбине в 1920-е годы, иностранных благотворительных организаций, например, широко известная американская организация «Союз христианской молодежи» — УМСА. Взималась также плата за обучение, которая в некоторых случаях (например, в Русском народном университете в Париже), покрывала до 75% стоимости обучения.

Как уже говорилось, правительства таких государств, как Чехословакия, Франция, Югославия, в 1920-е – начале 1930-х годов в значительной степени финансировали высшее образование российской эмиграции, но эта поддержка была адресована, главным образом, российским студентам иностранных вузов и некоторых русских эмигрантских учебных структур, которые готовили специалистов по нужным для страны пребывания и дефицитным специальностям.

В основном, материальное обеспечение учебной деятельности российских эмигрантских вузов зависело от самих эмигрантских организаций, которые ведали сбором и распределением денежных средств, которые поступали в том числе от иностранных правительств и частных благотворителей.

Крупнейшими центрами российского высшего образования за границей были в Европе в 1920–1930-е годы Париж и Прага, а для дальневосточной части русской эмиграции Харбин. Так в Париже в 1920-е –1930-е, а отдельные вузы и несколько дольше, действовало 9 высших учебных заведений. В 1921 г. при Парижском университете Сорбонна были создано четыре «русских отделения» (или факультета) юридическое, историческое, филологическое и физико-математическое. В 1920 г. при поддержке французского и югославского правительств был открыт Политехнический институт с тремя отделениями – русским, польским и югославским. С 1921 г. начали действовать Высшие педагогические курсы, Русский Народный университет и Русская консерватория. В 1925–1926 гг. были созданы Коммерческий институт (просуществовал до 1935 г.), Франко-Русский институт (до осени 1937 г.), Православный Свято-Сергиевский богословский институт (действует и поныне). Действовавшая с 1921 г. Русская политехническая школа УМСА была в 1931 г. преобразована в Русский высший технический институт и просуществовала до начала 1962 г. С 1927 по 1939 г. функционировали Высшие Военно-научные курсы генерала Н. Н. Головина. В 1920-е годы встречаются отрывочные сведения об Электротехническом институте и Русском радиотехническом институте, но это были, вероятно, какие-то кратковременные курсы лишь с более привлекательным названием.

В Праге, как ее называли «русском Оксфорде», в указанное время действовало шесть российских эмигрантских вузов, а именно: Русский юридический факультет (1922–1939 гг.), Русский педагогический институт им. Я. А. Коменского (1923–1927), Русский институт сельскохозяйственной кооперации (1923–1927), Русский Народный (позднее, в 1934 г., был переименован в Свободный) университет (1923–1949), Русское высшее училище техников путей сообщения (1924–1933), институт коммерческих знаний (1924–1925). Помимо названных вузов в Чехословакии действовал ряд русских эмигрантских курсов, а также созданные при Учебной коллегии «Русские Высшие дополнительные курсы» для эмигрантского

студенчества, обучавшегося в Карловом университете, различных вузах и техникумах этой страны. Помимо русских высших эмигрантских учебных заведений, в Чехословакии были организованы украинские – помещавшийся в Карловом университете Украинский Свободный университет (с филиалом в Подебрадах) и Украинский Высокий Педагогический институт, а также Украинская хозяйственная академия и Украинский Социальный институт.

В Германии основная масса русских студентов обучалась в местных университетах. Все-таки и здесь также было создано несколько центров высшего российского образования для эмигрантов. В 1923 г. в Берлине был открыт Русский научный институт (РНИ), в составе первоначально четырех отделений: духовной культуры, правового, экономического и сельскохозяйственного, позднее (в 1925 г.) добавилось историко-филологическое отделение (или факультет). Деятельность РНИ с организационной стороны обеспечивалась «Немецким обществом по изучению Восточной Европы», а финансирование исходило от МИД Германии и российских благотворителей в Германии. В связи с приходом к власти в Германии национал-социалистов деятельность РНИ была фактически свернута, хотя отдельные лекции продолжались вплоть до лета 1934 г. С 1922 по 1924 годы в Германии, а затем несколько лет во Франции работала Русская Религиозно-философская академия, созданная несколькими русскими и немецкими философами по инициативе Н. А. Бердяева. Она продолжала традиции Санкт-Петербургского религиозно-философского общества и Вольной академии духовной культуры в Москве, основанной в1918 г. и действовавшей до 1922 г. Потребности в высшем образовании большой российской эмигрантской диаспоры в Германии в 1920-е – начале 1930-х годов обслуживали также Украинский и Еврейский научные институты и Высшая школа еврейских знаний. Кроме указанных высших учебных заведений российской эмиграции в Европе можно назвать Белградский филиал Высших Военно-научных курсов (ВВНК), работавших с 1931 по 1944 годы, некое подобие аспирантуры для российских военных-выпускников ВВНК — «Военно-научный институт» во главе с руководителем курсов генералом Н. Н. Головиным. В 1920–1930-х годах встречается упоминание «Высших научных курсов современной полицейской техники», действовавших в 1920–1930-е годы в Югославии.

В Ревеле, в Эстонии, при Русской Академической группе одно время (с 1922 г.) существовали Политехнические курсы с двумя от-

делениями — механическим и инженерно-строительным, и при Христианском Союзе Молодых Людей (ХСМЛ) работала Высшая школа, а также Высшее отделение ревельского колледжа, с философским и юридическим отделениями социально-гуманитарного колледжа.

Что касается российского высшего образования на Дальнем Востоке, то его становление началось несколько раньше, чем в Европе. Специфика этого региона российского зарубежья состояла в том, что и до революции здесь существовала многочисленная российская колония с развитой структурой, сложившимися социальными и юридическими отношениями, прочными экономическими и культурными связями с населением Китая и Маньчжурии. Большую роль во всей деятельности русских учебных заведений в этом регионе играла КВЖД, особый статус ее полосы отчуждения и экономические и финансовые возможности этой магистрали. Основная масса российских высших учебных заведений здесь была сосредоточена в Харбине. Этими вузами были Юридический факультет (1920–1937), Харбинский политехнический институт (1920–1935, возобновлен в 1945–1949), выросший из Русско-Китайского техникума (1920-1922), Институт ориентальных и коммерческих наук (1925–1935), Педагогический институт (1925–1936), Институт Св. Владимира (1934–1942), Северо-Маньчжурский университет (1938–1945), Высшая музыкальная школа (с 1924 г.), Институт ХСМЛ.

Черты, условно говоря, старого, во всей системе высших учебных заведений российского зарубежья можно усматривать в следовании тенденции к восстановлению важнейших институтов дореволюционной государственности и общественной жизни: «правительств», «посольств», «армии», политических партий, общественных организаций, клубов, театра, кино и т. п. в странах пребывания. Действовали старые дореволюционные образовательные программы, учебные планы, вначале пользовались старыми учебниками, учебными пособиями и материалами. Потом постепенно в учебные планы и программы вносились новые элементы в соответствии с потребностями текущего момента и спецификой каждой страны, где создавались российские эмигрантские вузы. Некоторые учебные центры возникли благодаря личной инициативе российских деятелей науки и культуры (например, Религиозно-философская академия Н. А. Бердяева). В специфических условиях эмиграции структура организации, техническое обеспечение, учебно-методическая и материальная база не могли быть перенесены в изгнание или быть

восстановлены в соответствии с дореволюционным уровнем. Новыми чертами можно назвать то, что существовала диспропорция в численности преподавателей различных специальностей (больше всего было юристов). Это зачастую затрудняло открытие необходимых для полного образовательного цикла кафедр, часто вело к преобладанию малоперспективных направлений в образовании. Очень много времени, сил и средств у создателей эмигрантских российских вузов уходило на поиск и оборудование учебных помещений, подготовку и размножение лекционных курсов, учебных пособий и методических материалов. Те эмигрантские высшие учебные заведения, которым была предоставлена возможность пользоваться аудиториями и библиотеками иностранных университетов (например, в Праге и Париже), оказывались в наилучшем положении. На Дальнем Востоке вопросы материально-технического и информационного обеспечения учебного процесса в российских вузах решались при финансовой поддержке КВЖД. В каждом регионе профессорско-преподавательские коллективы российских эмигрантских вузов смогли добиться своевременного издания учебной литературы, научной периодики, публикации различных сборников научных трудов и материалов и других форм публикации результатов научной и научно-методической работы. Пожалуй, шире чем в старой России использовались принципы развития навыков самообразования и формирования самостоятельного научного мышления студентов, шире и интенсивней шло усвоение ими практических навыков по специальности, широко использовалась вечерняя и заочная формы обучения. Однако лишь небольшая часть российских эмигрантских вузов имела полный образовательный цикл, обеспечивала профессиональную квалификацию выпускников в соответствии с заявленными специальностями на уровне российских дореволюционных и международных стандартов высшей школы того времени. Это Франко-Русский институт в Париже, Русское высшее училище техников путей сообщения и Русский юридический факультет в Праге, Харбинский Политехнический институт. Они имели учебные планы, отвечавшие требованиям министерства просвещения и соответствующих отраслевых ведомств стран пребывания, их дипломы признавались рядом иностранных правительств (а некоторыми не признавались). Другие вузы этой категории готовили специалистов только для нужд российской эмигрантской диаспоры или для будущей постбольшевистской России (как, например, Русский педагоги-

ческий институт им. Я. А. Коменского). Некоторые из них, несмотря на весьма высокий уровень преподавания, не имели официального статуса учебного заведения (например, Высшие Военно-научные курсы генерала Н. Н. Головина, которые официально считались клубом). Свидетельства об их окончании имели какие-то регалии (академические знаки), но не имели юридической силы в странах русской эмиграции; работодатели могли их признавать, а могли и не учитывать. Остальные из многочисленных высших учебных заведений русского зарубежья представляли структуры дополнительного высшего образования, повышения квалификации и являлись «русскими» факультетами иностранных университетов.

Приложение
Новые документы.

О перипетиях беженца из Румынии Гаспара Папазиана (1949–1952 гг.)

Публикуемый документ будет интересен читателю как свидетельство репрессивной сущности коммунистического режима в Румынии, который был установлен в конце 40-х годов XX в. после прихода к власти Румынской коммунистической партии: массовых арестов, методов работы румынских органов безопасности, ужасающей картины содержания политических заключенных в тюрьмах и на принудительных работах по строительству канала Дунай–Черное море и т. д. Документ дает представление о социальном, политическом и профессиональном составе заключенных. Это и военные, представители высшего генеральского и офицерского корпуса, и политические деятели, а также интеллигенция, священники, деятели культуры, инженеры и простые люди, прежде всего крестьяне, беженцы, задержанные при переходе границы или арестованные по доносу.

Подобного рода свидетельства очевидцев совместно с другими источниками позволяют, на наш взгляд, создать документальную основу для характеристики коммунистического режима в Румынии, в целом, и расширить возможности для изучения беженского движения и процессов вынужденной нелегальной эмиграции в одной из стран восточноевропейского региона.

Краткое содержание заявлений, сделанных эмигрантом армянином Гаспаром Папазианом, прибывшим в Стамбул 17.VI.1952 г. «Он рожден в Стамбуле, возраст 37 лет и имеет иранский паспорт. Он прожил долгие годы в Румынии, где находились его мать и сестра, последняя — невеста одного румынского адвоката; в 1949 г. он, якобы, получил румынское подданство». В ноте уточняется, что другой армянский гражданин, некий А. Гарабециан, покинувший РНР в 1951 г., рассказал также о случае с Г. Папазианом.

«26.VI.1952 г.: будучи румынским гражданином, я в начале 1949 г. испросил паспорт и визу на выезд из Румынии, чтобы поехать в Италию к моей невесте. В этом мне было отказано, и тогда

я решил покинуть РНР тайным образом через Югославию вместе с двумя моими приятелями, мужем и женой.

В начале января 1949 г. я поехал в Тимишоару, где связался с лицом, которое должно было помочь нам перейти границу и которому мы заплатили по 120.000 лей каждый.

8 января 1949 г. мы отправились в автомобиле, который должен был довести нас до села Камлосул Маре вблизи границы, откуда один крестьянин должен был помочь нам ночью перейти границу. Но, не доезжая несколько километров до села Комлосул Маре, наш путь был прегражден автомобилем Госбезопасности и, после того как у нас потребовали предъявить удостоверение личности, мы были арестованы. То лицо из Тимишоары оказывается был агентом Госбезопасности и позже мне рассказывали, что в районах Арада и Орадии было много подобно моему случаев.

Я пробыл в подвале здания Госбезопасности в Тимишоаре с 8 до12 января. Предварительно я был подвергнут обыску и у меня отобрали золотые часы, 2 бриллианта и несколько тысяч итальянских лир, но мне удалось спасти 200 долларов, которые я запрятал в подкладке моих ботинок. Жену моего приятеля освободили на основании наших заявлений, по которым мы будто бы заставили ее бежать из страны.

Меня жестоко избивали, заставляя дать подобности относительно того, как был организован наш побег, а также и относительно лиц, желающих, якобы, бежать из РНР. Большинство служащих Госбезопасности, были сербы из румынского Баната, которых использовали в особенности против сербов, желающих бежать из РНР, или против тех, которые имели связь с югославами, проживающими по ту сторону границы.

12 января 1949 г. меня перевели в Бухарестскую военную тюрьму, где я пробыл до августа 1949 г., когда меня судили. В тюрьме режим был относительно хорошим. Была возможность писать нашим семьям, получать пакеты, и разрешали нас посещать. Нас было 30–40 человек в довольно маленькой камере с деревянными нарами, без матрацев, без покрывал. В Тимишоарской Военной тюрьме находились лишь политические заключенные, возможно, 1000 человек. Генерал Паул Теодореску, которого я позже увидел в 1950–1951 гг. среди политических заключенных на канале Дунай–Черное море, пробыл несколько дней в Тимишоарской военной тюрьме, также как и полковник Доматняну, один из парти-

занских главарей, который был арестован вместе с другими своими друзьями и подвергнут пыткам в отделе Госбезопасности. Его судил Военный Трибунал, он был приговорен к смертной казни и приговор был приведен в исполнение. Был также и Ману, который, якобы, занимался шпионажем в пользу американцев.

Время от времени приводили крестьяне из Баната за то, что они общались с партизанами и давали им кушать. Других приводили за то, что они давали деньги для оказания помощи семьям арестованных легионеров. Были отданы под суд и по другим причинам и приговорены к наказаниям от 2 до 20 лет. Находилась также группа в составе 20 румынских офицеров из города Арада, которых обвиняли в заговоре против государства. Они были осуждены на 25 лет тюремного заключения.

27.VIII.1952 г.: в августе 1949 г. меня судил Тимишоарский Военный Трибунал под председательством подполковника Джеорджеску, человека очень сурового, который строго проводил линию партии. В начале был другой председатель, полковник Жиану.

Меня обвинили «в попытке тайного перехода границы». Мне была дана возможность иметь адвоката — штатского — г-жу Елену Трандафир, которая добросовестно обеспечила мою, а также и моего коллеги защиту, аргументируя, что мы подготовили наш побег, но в последнюю минуту отказались от этой мысли, и что мы поехали в автомобиле лишь на прогулку. Она упомянула и о том, что я должен был уехать в Италию к моей невесте, но трибунал не принял во внимание это смягчающее вину обстоятельство. Меня приговорили к 2 годам исправительного тюремного заключения и к конфискации имущества. Также приговорили еще и моего приятеля. Меня приговорили к штрафу в 40.000 лей. Судебные исполнители явились к моей матери, проживающей в Бухаресте, по улице Плантелор 56, чтобы конфисковать мое имущество, но моя мать сказали им, что я перед отъездом продал все, что я имел, и что она не знает, где я. Она дала милицейским взятку в 9000 лей, и они остались этим довольны. У меня имеется многоэтажный дом в Бухаресте, но он зарегистрирован на имя другого лица, и я не сделал о нем заявление. Я уплатил первую часть штрафа — 20000 лей, а с остальным не знаю, что случилось. Когда в мае 1952 г. я получал свой иранский паспорт и визу на выезд из РНР, были испрошены в Бухарестском Трибунале данные относительно моих налогов, но данные относительно моего финансового положения не были запрошены.

16 августа 1949 г., после нового личного досмотра, во время которого у меня забрали все, что я имел — карандаши, бумагу, тарелки, ложку, веревку и т. д., меня повели на станцию вместе с группой 100 заключенных под надзором солдат, вооруженных автоматами. Нам не было разрешено говорить с кем-нибудь. Мы сели все 100 человек, среди которых было 5–6 женщин, в специальный закрытый вагон, с одной дверью, которую охранял солдат с пулеметом. Вагон имел только два маленьких отверстия за решеткой. Было так тесно, что никто не мог лечь на пол, мы простояли на ногах в течение 2 ночей и одного дня, и это посреди августа, в ужасную жару, без питья и еды.

Заключенные и осужденные в Тимишоаре были распределены следующим образом: политические осужденные — крестьяне были отправлены в тюрьму в Герла; политические осужденные — интеллигенты — в Аюд. Я пробыл в Аюде от 18 августа 1949 г. до 20 февраля 1950 г. Аюдская тюрьма — это одна из самых больших и самых ужасных тюрем РНР. Там было 3100 заключенных, среди которых 2900 политических, все только мужчины. Директором тюрьмы был Фаркаш, ярый коммунист, который всегда находил повод к грубому обращению с нами.

В Аюде нас от станции до тюрьмы повели милицейские, тюрьму охраняют только милицейские, так как это гражданская тюрьма, милицейские не имеют при себе оружия из боязни быть разоруженными заключенными. На наружных стенах находятся башни, в которых стоят солдаты, из-за возможного нападения извне.

Во втором отделении тюрьмы, где я просидел, находились те, которых поймали в момент, когда они пытались перейти границу, или те, которые лишь думали уехать, но были выданы арестованными. Всех этих считали «политическими» заключенными.

<u>26.VI.1952</u>: Во втором отделении в камерах было два ряда двухэтажных нар, нары были железные с поношенной рогожей и небольшими покрывалами. Подъем был в 5 час. 30 мин. Заключенные выходил во двор на 15 минут, за это время люди должны были помыться у одного крана и удовлетворить свои потребности. Пропитанием служило: утром ложка жидкой мамалыги (а позже лишь ложка теплой воды, именованная «чаем»), в обед немного вареного картофеля или фасоли без жиров и 200 гр. хлеба или мамалыги, раз в неделю 50 гр. мяса. Вечером только картофель или фасоль. В 18 час. камеры закрывались на ключ до следующего дня и даже в

случае болезни не открывались; в один вечер один из заключенных умер и оставался до утра среди 30–40 заключенных. Камеры были хорошо отоплены.

Будучи в Аюде, мы не могли ни получать, ни отправлять писем. Пакеты, получаемые на наше имя, не передавались нам. Посещения разрешались только заключенным уголовного права, которые вообще пользовались намного лучшим режимом.

Обыденным наказанием являлось заключение на один или два дня в дровяной ящик («резерв») размером 1 м х 1 м. с железной дверцей, в которой воздух входил через щели досок. Втискивали тебя туда и приходилось стоять на корточках за самую малую вину. Донос поощрялся и вознаграждался различными выгодами. Сидел и я в «резерве» вследствие доноса одного заключенного, некоего Акодренчио. Позже надзиратель сказал мне, чтобы мы остерегались Акодренчио, потому что он является тем, кто доносит на нас.

В тюрьме было несколько мастерских и заключенные имели возможность работать в них. Тогда их перемещали на первый этаж из «камерной», и они получали больше продовольствия. Я работал некоторое время в игрушечной мастерской, но был переведен оттуда под предлогом, что не гожусь для мастерских.

В «камерной» режим был еще более суровым. Спали на полу, на рогожах. Заключенных выводили во двор только раз в три дня, во время прогулки они должны были держать руки за спиной и смотреть только вперед. Здание имеет 5 этажей и во внутренних дворах установлены решетки для того, чтобы предотвратить случаи самоубийства.

Мы страдали от голода. Это было темой наших разговоров. Все заключенные были истощены из-за недостатка пищи и воздуха. После нескольких месяцев заключения в Аюдской тюрьме я был настолько истощен, что почти не мог держаться на ногах. Я должен был держаться за стены для того, чтобы не упасть. В таком же состоянии находились сотни заключенных.

Аюдская тюрьма означала уничтожение путем голода. Те, которые осуждены на 10 и более лет, старики, равно как и молодые, умрут через 2–3 года от голода, отсутствия воздуха и отсутствия витаминов. Я видел там во дворе сотни гробов, но не знал, что находится в них. Только раз мне показали гроб генерала Алдя[1]. Он про-

[1] А. Алдя — генерал из окружения румынского короля Михая, участвовал в заговоре и свержении румынского диктатора И. Антонеску, министр внутренних дел в правительстве К. Санатеску (23 августа – 4 ноября 1944 г.).

стоял в углу несколько часов и затем был унесен. Думаю, что он был передан семье. Между прочим, тех, кто умирал в тюрьме, хоронили на кладбище, неподалеку от тюрьмы.

В Аюде я находился в одной камере с майором авиации Кошкашу, бывшим торговым директором в ЛАРЕСе (румынская воздушная линия)[2], позже, после 1944 г., заместителем директора ТАРСа[3]. Он подготовил свой побег из РНР на самолете, вместе с проф. Зэрнеску, Добреску, Чекропиде. Но их выдал летчик, с которым они вошли в соглашение. Они были арестованы дома в 1949 году.

Добреску — бывший министр Народного Хозяйства кабинета Тэтэреску до войны.

Чекропиде — бывший директор Совромтранспорта.

Зэрнеску — университетский профессор.

Василе Стойка, бывший генеральный секретарь Министерства Иностранных Дел в 1945–1946 гг. и посланник в Анкаре и Софии. Он пытался бежать с семьей. Был послан на канал и приведен в Аюд очень истощенным.

Генерал Сарачин из Арада.

Майор Стоенеску, сын генерала Стоенеску, он пытался перейти границу.

Капитан Паис, который служил в королевской гвардии. Он вместе с 10 офицерами пытался бежать Черным морем в Турцию на мотороной лодке. Его дядя, адмирал Паис, — также в Аюде.

Командор Апостолеску был арестован одновременно с Паисом.

Акодренчио, о котором я уже говорил, а также и другой офицер, имя которого я забыл.

Кроме этих я слыхал еще следующие имена: Истрате Мическу, бывший профессор и министр Юстиции, который умер позже в тюрьме, генерал Пантази[4] и генерал Мачич[5].

20 февраля 1950 г. я был переведен на стройку канала Дунай–Черное море.

... VI.1952: На канале я пробыл до 3 февраля 1951 г. Я был послан туда на основании постановления МВД, но другие заключен-

---

[2] Совместное советско-румынское общество по гражданской авиации.

[3] Совромтранспорт — совместное советско-румынское общество по транспорту.

[4] Генерал К. Пантази — военный министр в правительстве И. Антонеску.

[5] Генерал Н. Мачич — один из руководителей массовых расстрелов мирного населения в г. Одессе в октябре 1941 г.

ные сами просили, чтобы их послали на канал, думая, что там они будут получать более сытную пищу и будут находиться на свежем воздухе.

Когда мы были в Аюде, нас известили — об этом было опубликовано и в газете — что наказание для заключенных, которые будут работать на канале, будет уменьшено на одну треть, например, приговор к 3 годам — к 2 годам. Но это являлось коммунистической пропагандой, и я не знаю ни одного случая, когда была бы применена эта мера. Я лично был там 2 месяца, больше чем следовало, вместо того, чтобы быть меньше.

Нас отправили на канал в «закрытом» вагоне. Мы ехали 24 часа, довольно сносно, потому что это было зимой. Мы прибыли в Поарта Алба, местность на трассе между Констанцей и Килией.

Там было 4 категории заключенных:

беглецы, которые были арестованы на границе или на которых донесли, что будто они имели намерение бежать;

лагерные заключенные, которые были изъяты из дому, не зная причины. Они были там заключены без суда, не зная, сколько времени они там пробудут;

политические заключенные: бывшие министры, промышленники, офицеры, члены Н.Ц.П. (национал-царанистской партии. — *авт.*), домашние хозяйки, профессора, кулаки и т. д., которые были заключены на долгий срок;

административные осужденные, которым назначен срок, который не соблюдается.

Режим заключенных на канале очень тяжелый, такой, какого никогда не существовало в Румынии до прихода коммунистов.

Нашим начальником был полковник Госбезопасности Албон, генеральный директор трудовых лагерей. Албон — очень злой. Все надзиратели и члены Госбезопасности боялись его.

В Поарта Алба было 2000 заключенных в 1950 г. Теперь их более 6000. Женщин нет в Поарта Алба, они в Чернаводе. Их число было в 1950 г. на канале 600; теперь их 3000–4000. Режим для женщин тот же, как и для мужчин.

Заключенные организованы в рабочие бригады, каждая бригада состоит из 50–70 человек с одним начальником-бригадиром, выбираемым из среды арестованных, который отвечает за ход работ. Вообще, они — помощники инженеров, архитекторов, механиков и мало что понимают в работе на стройке.

Те, которые работали на расстоянии до 2–3 км, ходили пешком, но те, которые работали на расстоянии 10 км, были транспортированы грузовиками или поездом после того, как была построена железная дорога между Поарта Алба и Наводарь.

1.VII.1952 г. Политическим заключенным платила Генеральная Дирекция канала. Мне никогда не говорили, какова зарплата. Никто не получал более 1000 лей в месяц (до денежной реформы). Из этого некоторым удерживали за питание, за одежду; остальная сумма сдавалась в Сберегательную кассу (ЧЕК). Когда я уезжал, я имел 3000 лей на моей сберегательной книжке.

В мае 1950 г. меня перевели в местность, названную «Полуостров» на озере Тасэул вблизи Черного моря, на севере от Констанцы. Там я пробыл 2 месяца в тех же условиях. В «Полуострове» находится теперь приблизительно 4000 политических заключенных.

В начале режим был более легким, мы могли разговаривать и ходить из одного барака в другой. Потом это было запрещено. Лагерь окружен колючей проволокой; в 1951 г. было 100 бараков. В каждом бараке помещалось 70 человек. Бараки были хорошо отоплены, и только на воздухе мы страдали от холода. Каждый заключенный имел свою кровать, одно покрывало и один деревянный ящик с замком. Те, которые имели простыни, имели право их употреблять. Мы вставали в пять часов утра. Каждый день нам давали черный кофе с хлебом, а иногда и повидло. В начале нам давали ежедневно 750 гр. хлеба, а потом только 500 гр., так как урожай был плохой. На обед нам давали суп, кушанье из картофеля или фасоли, капусты, ячменной крупы, мясо в начале 2 и даже 3 раза в неделю (позже, когда уродилось мало сена и было зарезано большое количество скота, только один раз в неделю); ужин состоял из одного блюда.

Ложились спать в 9 часов. В течение ночи свет горел все время.

По воскресеньям в принципе мы не работали. Но случалась так называемая «добровольная работа», которая все-таки кончалась в 12 часов.

В каждом бараке была библиотека с идеологической литературой, коммунистическими книгами, произведениями Сталина на румынском, венгерском, немецком языках. Те, которые не брали книг, были на плохом счету, но по вечерам мы не были особенно расположены к чтению, в особенности литературы, прославлявшей коммунизм, который привел нас к этой нищете.

Хотя на канале посещения разрешались, постоянно случалось, что их запрещали. В начале 1950 г. каждый заключенный мог ежемесячно получать один пакет с пищевыми продуктами, но позже запретили и это, потому что были найдены записки, спрятанные в продуктах. Нам не разрешали получать деньги или посылать и получать письма.

Приемный день был вообще по воскресеньям; приемы проходили или на открытом воздухе, или в одном из бараков, но посетители стояли на расстоянии 3 м под надзором и не могли приблизиться к заключенным. Мы ничего не могли получать от посетителей, даже папиросы.

Когда бригада, в которую я был зачислен, должна была выйти на добровольную работу, тогда, когда к нам должны были приходить посетители, нас оставляли на поле.

В нашем бараке заключенный Чоба из Турну-Северина несколько раз пытался осведомлять о нас надзирателей, и мы остерегались его, а сам он не пользовался благосклонностью за это.

В общем между заключенными существовала тесная солидарность и каждый сообщал остальным то, что он узнавал у посетителей. Хотя у нас не было ни газет, ни радио, ни писем, мы все же были в курсе всего, что происходило на воле. Это было в начале, позже стало все труднее, и думаю, что сейчас еще труднее. Но в большинстве случаев эти сведения были преувеличенными, и мы в лагере надеялись — как по всей РНР — что война вспыхнет между американцами и русскими и все эти лагеря будут уничтожены.

Однажды в 1950 г. трем заключенным, направлявшимся на изолированную работу, удалось разоружить солдата, который следил за ними, и убежать. Они были арестованы и казнены.

Те, у которых была своя одежда, могли ее носить, но остальные получали полосатую форму каторжников. Носить берет каторжника было обязательно для всех.

Заключенные устраивали театральные спектакли, пьесы бывали написаны ими же.

3.7.1952 г. Будучи в Поарта Албэ, я часто жалел об Аюде. Там самое плохое — был голод. На канале, хотя пища была более сытная, но чтобы иметь достаточно сил для работы, все-таки она была неудовлетворительная. Работа — крайне тяжелая, норма — чрезмерная и нужно было работать независимо от того, какая была погода: летом при тропической жаре, зимой под дождем, снегом или ужасным ветром.

По плану канал должен был быть закончен в 5 лет; но с существующим ритмом работы он не будет закончен в этот срок даже со всеми 60.000 заключенными, которые там работают. Я говорил с друзьями, приехавшими с канала весной 1952 г., все говорят, что и половина канала не закончена.

Ширина канала у Поарта Албэ и Тасэул 50/60 м. и вырыт он на 10 м. глубины. По-существу, ширина только 30/35 м. у Тасэул, в начале 1951 г. трасса была закончена на протяжении до 1 км от Черного моря, но фланги не были закреплены бетоном или камнями.

В лагерях в Поарта Албэ и Тасэуле были интеллигенты, артисты, политические деятели, офицеры, матросы, рабочие, священники и т. п. В 1950 г. в Поарта Албэ было 100 венгров, а также 100 немцев из РНР, которые пытались бежать из РНР. Были и «пистоляры», которые были захвачены с оружием, их считают членами партизанских организаций.

Я вспоминаю об:

Артисте Мирче Шептиличе, певце Жан Ионеску, инженере агрономе из Тимишоары Вэкару, «пограничном беглеце» лейтенанте Думитру Лавиде, «пограничном беглеце» лейтенанте Молдовяну, человеке крайне храбром, который выступал против режима и тюремной администрации. По этой причине он не был освобожден, когда истек срок его наказания.

«Пограничном беглеце» лейтенанте Кэрэушу, который был освобожден в 1950 г., генерале Пауле Теодореску и полномочном посланнике Василе Стойка, которые пробыли только 3–4 недели; так как они не могли работать, их послали обратно в Аюд.

В Тасэуле (на Полуострове) были те, которых осудили более, чем на 5 лет. Я слышал, что были адмирал Паис и адвокат Личея из Турну-Северина. Он бежал в Югославию, но Тито выдал его румынской полиции, и он был осужден на 10 лет тюремного заключения.

3 февраля 1951 г. я окончательно покинул Канал, срок наказания, на который я был осужден, уже давно истек.

Я отправился в Бухарест в закрытом вагоне вместе с 100 лицами, из которых 80 больных отправлялись в госпиталь. Я оставался 10 дней в Вэкэрештской тюрьме. Там находилось большое число (80–100) македоно-румынских крестьян из южной части Добруджи, уступленной в 1940 г. Болгарии. Они переехали тогда на румынскую часть, но не хотели подчиниться коммунистической коллективизации. Я вспоминаю о Гедакостеа, Пеле, Чибуклиу.

Из Вэкерешть я был отправлен вместе с другими в Тимишоару, но на этот раз в Гражданский трибунал. Меня должны были судить за то, что, когда я был арестован, у меня нашли золотые часы, два бриллианта, а также несколько тысяч итальянских лир.

Я предстал перед трибуналом в печальном состоянии: крайне худой, в одежде превращенной в лохмотья или плохо залатанной. Мой адвокат плакал, моя мать рыдала. Председатель трибунала смотрел на меня с жалостью. Меня оправдали.

Золотые часы, бриллианты и валюта были конфискованы для народа и отправлены в Госбанк. Ничего не остается в Госбезопасности.

В Госбезопасности мне оформили документы на освобождение, и на следующий день, 25 февраля 1952 г., меня, наконец, освободили. Я вернулся в Бухарест, но все время боялся, чтобы меня снова не отправили в Госбезопасность. Я боялся каждого шороха листьев. И еще теперь я не вполне избавился от боязни».

Орфография и пунктуация по подлиннику.
АВПР РФ. Ф. 0125. Оп. 40. Д. 11. П. 202. Л. 125–138.

Публикацию подготовила
Т. А. Покивайлова

СОДЕРЖАНИЕ

inslav

Миграция и эмиграция в странах
Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.

Сохранение национальной идентичности
и историко-культурного наследия

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *XXXX*
Корректор *И. Е. Иванцова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Подписано в печать 18.01.2011. Формат 60x88 1/16.
Усл. печ. л. 30.5. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №